

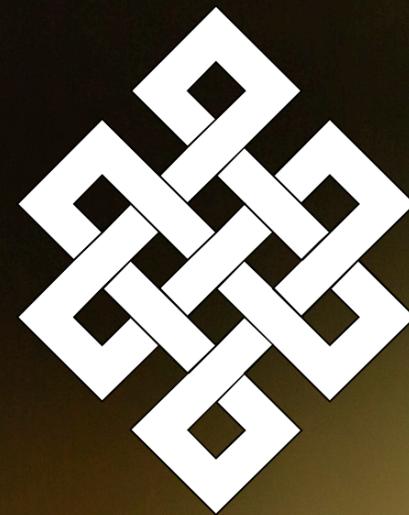
ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2021

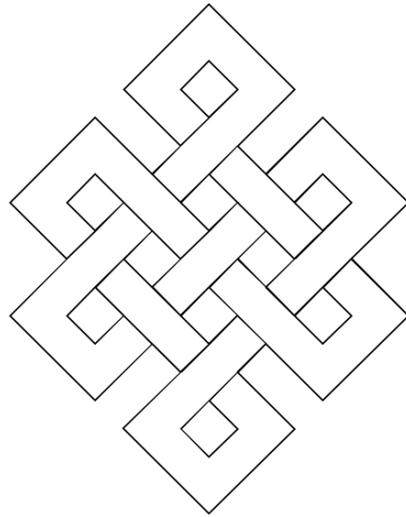
№ 1

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

№1
2021

nit.tuva.asia

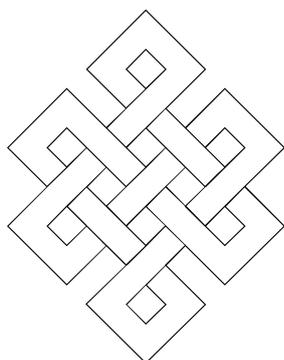

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

9 772079 848005

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2021

№ 1

nit.tuva.asia

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонов В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова
 МОН РК, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив
 Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отрощенко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского
 Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампильдондов, Институт истории и археологии Академии наук
 Монголии
Харунова М. М.-Б., Тувинский институт комплексного освоения
 природных ресурсов Сибирского отделения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., Москва, Россия
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных
 ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук
Кара-оол Ш. В., Правительство Республики Тыва, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных
 социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр
 Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор, Россия,
Макаров В. С., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
 университет, Россия

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.
 Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка,
 PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus,
 ESCI Web of Science Core Collection.
 Включен в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

Издатели:

Ламажаа Ч. К.
 117437, Россия, Москва, а/я 30,
 Федеральное государственное автономное образовательное
 учреждение высшего образования
 «Российский университет дружбы народов» (РУДН)
 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology,
 Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Institute of Oriental Studies (Almaty), Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National
 Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology,
 Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, Tuviniian Institute for Exploration of Natural
 Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy
 of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Moscow, Russian Federation
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian
 Academy of Sciences, Russian Federation
Galina F. Balakina, Tuviniian Institute for Exploration of Natural Resour-
 ces, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Sholban V. Kara-ool, The Government of the Republic of Tuva, Russia
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social
 and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva,
 Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch,
 Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager, Russian Federation
Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
 Russian Federation

The New Research of Tuva welcomes contributions
 in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in
 ERIH PLUS, RINTs, CiberLeninka, PKP Index,
 Google Scholar, DOAJ, Scopus,
 ESCI Web of Science Core Collection.

Publishers:

Lamazhaa Ch. K.
 Postal box 30, 117437, Moscow, Russian Federation,
 Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
 6 Miklukho-Maklaya str.,
 117198 Moscow, Russian Federation.

СОДЕРЖАНИЕ

АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ

<i>Ерекешева Л. Г. (Казахстан)</i> Религия и искусство репрезентации: символизм зооморфного стиля в Центральной Азии	6
<i>Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., Семенов А. В., Бусова В. С. (Россия)</i> Поясные наборы в культуре кочевников Тувы	30
<i>Монгуш Ш. Х., Монгуш М. А. (Россия)</i> «Золотой зал» Национального музея Тувы как культурное явление	51
<i>Айжы Ж. Э., Нан-Хоо Я. А. (Россия)</i> Скифские сюжеты и мотивы в традиционном и современном ювелирном искусстве Тувы	73
<i>Leung K. Z. (USA)</i> The Scythian Stag in Contemporary Arts and Craft: Tuva and Abroad	91
<i>Ондар Ч. Г., Бырыннай С. Л., Тюлюш А. Ч. (Россия)</i> Тамгопользование в культуре тувинцев: древность, традиционность и современность	107
<i>Бубенок О. Б. (Украина)</i> Реликты традиций скифского времени в погребальных обрядах тувинцев	131

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

<i>Натсак О. Д. (Россия)</i> Правовой статус тувинских женщин сквозь призму законов Тувинской Народной Республики	148
<i>Бичеев Б. А. (Россия), Алтан-Очир (КНР)</i> Культ Белого старца (монгольские тексты из Тувы).....	174

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

<i>Пушкарева Н. Л. (Россия), Жидченко А. В. (США)</i> Женские имена в названиях улиц тувинских городов как проблема сохранения социальной памяти этноса	188
<i>Львова С. Д. (Россия)</i> Сравнения в якутском и тувинском эпосах: общее и специфичное	202
<i>Попков Ю. В. (Россия)</i> Идентичность, социокультурный потенциал, ценностные ориентации и оценка перспектив цивилизационного будущего у тувинских и русских студентов Сибири	217
<i>Аминева В. Р., Мижит Л. С. (Россия)</i> Субъектно-образные структуры в татарской и тувинской поэзии 1970–1990-х гг.	228
<i>Арефьев А. Л., Бахтикиреева У. М., Синячкин В. П. (Россия)</i> Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва	255

C O N T E N T S

ASPECTS OF CULTURE

Yerekesheva L. G. (Kazakhstan) Religion and the Art of Representation: Symbolism of Zoomorphic Style in Central Asia6

Kilunovskaya M. E., Semenov Vl. A., Semenov A. V., Busova V. S. (Russia) Decorated belts in the culture of the nomads of Tuva30

Mongush Sh. Kh., Mongush M. A. (Russia) The «Golden Hall» of the National Museum of the Republic of Tuva as a cultural phenomenon51

Ayzhy Zh. E., Nan-Khoo Ya. N. (Russia) Scythian motifs and imagery in traditional and contemporary jewelry art in Tuva73

Leung K. Z. (USA) The Scythian Stag in Contemporary Arts and Craft: Tuva and Abroad91

Ondar Ch. G., Byrynnai S. L., Tyulyush A. Ch. (Russia) The uses of tamga in Tuvan culture: Antiquity, traditionalism and modernity107

Bubenok O. B. (Ukraine) Relics of the Traditions of the Scythian Time in Burial Rites of the Tuvans131

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Natsak O. D. (Russia) The legal status of Tuvan women through the prism of the Laws of the Tuvan People's Republic148

Bicheev B. A. (Russia), Alateng Aoqier (China) The cult of the White Old Man: Mongolian texts from Tuva174

DIALOGUE OF CULTURES

Pushkareva N. L. (Russia), Zhidchenko A. V. (USA) Streets named after females in Tuva as a case of preserving the social memory of an ethnicity188

Lvova S. D. (Russia) Comparisons in the Yakut and Tuvan epics: general and specific202

Popkov Yu. V. (Russia) Identity, socio-cultural potential, value orientations and assessment of the prospects of the civilizational future among Tuvan and Russian students in Siberia217

Amineva V. R., Mizhit L. S. (Russia) Subject-figurative structures in Tatar and Tuvan poetry of the 1970s – 1990s228

Arefiev A. L., Bakhtikireeva U. M., Sinyachkin V. P. (Russia) Bilingualism in language education in secondary schools of the Republic of Tuva255

Тема выпуска
«Скифское наследие в
современной тувинской культуре»

Ответственные редакторы:
Бичелдей Каадыр-оол Алексеевич,
доктор филологических наук,
Национальный музей имени Алдан-Маадыр
Республики Тыва, Российская Федерация,
Килуновская Марина Евгеньевна,
кандидат исторических наук,
Институт истории материальной
культуры РАН, Российская Федерация

Special Issue:
“Scythian heritage in
contemporary Tuvan culture”

Guest-edited by
Kaadyr-ool Alekseyevich Bicheldey
Doctor of Philology, Aldan Maadyr National Museum
of the Republic of Tuva, Russian Federation
and **Marina Evgenyevna Kilunovskaya**
Candidate of History,
Institute of the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Религия и искусство репрезентации: символизм зооморфного стиля в Центральной Азии

Лаура Г. Ерекешева

Казахский Национальный университет им. аль-Фараби,
Республика Казахстан

Зооморфные изображения, найденные на значительном пространстве евразийского континента от Восточной Азии, Южной Сибири, Монголии, Тувы, Алтая, Казахстана до Поволжья, Приуралья, Кавказа, Причерноморья и относящиеся к сакской/скифской культуре, обладают как общими типологическими закономерностями, так и собственной спецификой. Как известно, сакский/скифский зооморфный стиль оказал исключительное влияние на культуру народов Центральной Азии, отголоски которого, словно эхо веков, можно проследить в материальной культуре и в настоящее время.

В статье рассматриваются вопросы символической репрезентации религиозных представлений и верований на примере зооморфного стиля в искусстве Центральной Азии второй половины — середины I тысячелетия до н. э. В географическом и хронологическом плане анализу подвергаются артефакты и находки, относящиеся к так называемому сакскому периоду (оленные камни и херексуры, элементы конской упряжи, воинского снаряжения, ювелирные украшения и искусство в зооморфном стиле), найденные в Туве, на Алтае, в Семирежье.

В методологическом плане данная репрезентация изучается на основе кросс-дисциплинарного подхода, с использованием элементов теории структурного функционализма в теоретической социологии религии (Т. Парсонс), семиотического подхода в культуре (Ю. Лотман) в их соотношении с уровнями развития и религиозными верованиями. Показывается, что в зооморфном стиле могут отражаться (в разной степени) элементы, относящиеся к различным религиозным верованиям, спектр которых широк — солярные культы, культы Неба, культ предков, зооморфные культы, магия, тотемизм, шаманизм.

Делается вывод, что зооморфный стиль в искусстве и материальной культуре является синергетической репрезентацией древнейших и базовых религиозных представлений в целом; результатом своеобразной трансформации знака, через информацию и смысл, в символ.

Ключевые слова: символическая репрезентация; религиозные представления; сакская культура; скифская культура; солярный культ; культ предков; тотемизм; шаманизм; зооморфный стиль; Центральная Азия; Тува; Аржан; Алтай; Пазырыкский курган; Семирежье

Для цитирования:

Ерекешева Л. Г. Религия и искусство репрезентации: символизм зооморфного стиля в Центральной Азии // Новые исследования Тувы. 2021, № 1. С. 6-29. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.1>

Ерекешева Лаура Гибратовна — доктор исторических наук, ассоциированный профессор факультета востоковедения Казахского Национального университета им. аль-Фараби (КазНУ им. аль-Фараби). Адрес: г. Алматы, ул. Карасай-батыра, 95/53, каб. 511. Тел.: +7 701 629 3007. Эл. адрес: laura.erekesheva@kaznu.kz, laurayerek@gmail.com

YEREKESHEVA, Laura Gibratovna, Doctor of History, Associated Professor, Faculty of Oriental Studies, al-Farabi Kazakh National University. Postal address: Almaty, 95/53 Karassay-Batyr Street, office 511. Tel.: +7 701 629 3007. Email: laura.erekesheva@kaznu.kz; laurayerek@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-2610-0187

ASPECTS OF CULTURE

Article

Religion and the Art of Representation: Symbolism of Zoomorphic Style in Central Asia

Laura G. Yerekesheva

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

Zoomorphic images found in the large area of the Eurasian continent stretching from East Asia, South Siberia, Mongolia, Tuva, Altai and, Kazakhstan to the Volga region, the Urals, the Caucasus, the Black Sea region and associated with the Saka / Scythian cultures have both common typological patterns and their own specificity. It is well known that the Saka / Scythian zoomorphic style had an exceptionally strong impact on the cultures of the peoples of Central Asia, the echoes of which, through centuries, can be traced in the material culture of today.

The article examines the issues of symbolic representation of religious ideas and beliefs in zoomorphic style of Central Asian art from the middle to second half – of the 1st millennium BCE. Geographically and chronologically, the article focuses on artifacts and finds related to the so-called Saka period, such as reindeer stones and khereksurs, elements of horse harness, military equipment, jewelry and art in a zoomorphic style found in Tuva, Altai, and Semirechye.

Methodologically, this representation is studied on the basis of a cross-disciplinary approach, using elements of the theory of structural functionalism in the theoretical sociology of religion (T. Parsons), and of a semiotic approach in culture (Yu. Lotman), both taken in their relation to levels of development and religious beliefs. It is shown that the zoomorphic style can reflect (to varying degrees) elements related to a most diverse multitude of belief systems, such as solar cults, Heaven cults, ancestor cults, zoomorphic cults, magic, totemism, and shamanism. It is concluded that the zoomorphic style in art and material culture is a synergistic representation of the most ancient and basic religious concepts in general; the result of a transformation of a sign, through information and meaning, into a symbol.

Keywords: sign; symbolic representation; religious beliefs; Saka culture; Scythian culture; solar cults; ancestor cult; totemism; shamanism; zoomorphic style; Central Asia; Tuva; Arzhan burial mounds; Altai; Pazyryk burial mound; Semirechye

For citation:

Yerekesheva L. G. Religion and the Art of Representation: Symbolism of Zoomorphic Style in Central Asia. *New Research of Tuva*, 2021, no. 1, pp. 6-29. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.1>

Введение

Сакский/скифский стиль, концептуально определяемый в контексте единства своеобразной «триады» — воинского снаряжения, конской упряжи и «зооморфного» искусства, был исключительно ярко представлен у народов, проживавших на обширном поясе Евразии в первом тысячелетии до нашей эры. Также определяемый как скифо-сибирский, «звериный» или зооморфный «большой стиль»¹, он получил широкое распространение на значительном пространстве евразийского континента от Восточной Азии, Тувы, Южной Сибири, Монголии, Алтая, Казахстана до Поволжья, Приуралья, Кавказа, Причерноморья, Приднепровья. Достигнув своего пика в середине I тыс. до н. э. в так называемый скифский/сакский период (VII–III вв. до н. э.)², данный стиль оказал исключительное влияние на культуру народов Центральной Азии, отголоски которого, словно эхо веков, можно обнаружить в материальной культуре и искусстве и в настоящее время.

Если обратиться только к так называемому «восточному» ареалу распространения зооморфного стиля, точнее, к его «сердцевине» и истокам, то можно отметить исключительно широкое разнообразие

¹ По мнению В. А. Коренько, искусство скифо-сибирского звериного стиля можно отнести к т. н. «большим стилям», поскольку «территория его распространения выходит далеко за пределы не только любого конкретного этноса, но и этнокультурной общности, более того — за пределы ареала одной языковой семьи» (Коренько, 2002: 149).

² В данной работе используются в целом устоявшиеся хронологические рамки скифского/сакского периода, при этом не детализируются так называемый раннескифский и собственно скифский периоды. Подробнее об этом см.: Шульга, 2013.

различных материальных культур, в большей или меньшей степени связанных друг с другом: в Туве (в Уюкской котловине, Аржан-1-2, алды-бельская, уюкско-саглынская), Южной Сибири (тагарская культура, VII–III вв. до н. э.), на Алтае (пазырыкская, большереченская), в Казахстане — центральном (Тасмола), восточном (Чиликты), юго-восточном (Бесшатыр) и южном (сакские культуры Семиречья, курганы Иссыкские, Молалы, Шубарат, нижнего течения Сырдарьи), в Кыргызстане (западный Тянь-Шань, долина рек Чу и Талас, озеро Иссык-Куль (Барсакаун) (Kilunovskaya, Semyonov, 2019: 44; Ховалыг и др., 2019; Кисель, 2019; Руденко, 1953; Акишев, 1978: 6; Frumkin, 1964: 18; Нурмуханбетов, Тулегенов, Иванов, 2019).

Примечательно, что те или иные культуры, как например, уюкская в Туве распространялась также и на Западную Монголию (так называемая чандманьская культура) (Коренько, 2002: 10), граница Тувы и Монголии вообще представляла собой «контактную историко-культурную зону» в виде мон-гун-тайгинской культуры (Килуновская, 2018: 35), а пазырыкская культура оказала влияние на Мон-гольский Алтай (Turbat, Batsukh, 2015: 33). Проявления звериного стиля обнаруживают себя и в Восточном Туркестане (современный Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) Китайской Народной Республики), северном Китае, в частности, во Внутренней Монголии, а также на территории современного северного Афганистана (Коренько, 2002; Shao, 2000; Cambon, Jarrige, 2006; Сарияниди, 1983).

Безусловно, столь обширное распространение зооморфного стиля, выдержанного в едином концептуальном ключе, ставит вопросы о типологических закономерностях, с одной стороны, а также о высокой роли экономического и культурного взаимодействия и, соответственно, взаимовлияния культур — с другой. В последнем случае необходимо отметить также и такие неизбежные процессы как унификация, а также культурная адаптация и специфика, поскольку в условиях широкого географического распространения всегда происходят процессы локализации того или иного культурного феномена.

Основные характеристики скифо-сибирского зооморфного стиля, известные науке начиная с так называемой Сибирской коллекции Петра I (Руденко, 1962), исследователи сводят к следующим характеристикам: «анимализм, относительно небольшой размер (за исключением петроглифов и оленных камней), особый художественный стиль (декоративность, условность, схематизм, выражающийся в особом изображении тела, поз животных, особых поворотах головы, сценах «терзания» одних животных другими, т. д.)» (Коренько, 2002: 6–7); «разнообразие приёмов в изображении животных в зависимости от формы того предмета, в которое должно быть вложено изображение животного, замечательное искусство композиции» (Руденко, 1962: 29–30).

Единый концептуальный взгляд, характерный для скифо-сибирского стиля, мог определяться различными факторами, среди которых экономические изменения, происходившие в период массового освоения пространства Евразии различными племенными союзами на протяжении первого тысячелетия до нашей эры, играли важную роль. Кочевой образ жизни в качестве важной социально-экономической парадигмы, а также его взаимодействие с оседлым миром, безусловно, оказывал влияние на основные контуры данного стиля — всадническую культуру, окружающее природное пространство, в частности, животный мир, мобильность и экспрессию. Поэтому неудивительными предстают находки, выполненные в едином стиле, но географически «разбросанные» в различных культурно-исторических ареалах. Очень ярко это можно увидеть на примере артефактов, найденных в 1978–1979 гг. на севере Афганистана (Тилля-Тепе) советско-афганской археологической экспедицией под руководством В. И. Сарияниди, которые показали, что традиции кушан «берут начало в скифо-алтайском мире», при этом «казалось бы, расстояния, разделяющие Афганистан и Сибирь, исключают возможность сходства, однако весь комплекс находок этой могилы с несомненностью свидетельствует об обратном. ... Многие изделия Сибирской коллекции находят близкие соответствия, если не копии, среди погребальных украшений могил Тилля-Тепе» (Сарияниди, 1983: 78, 39–40).

Зооморфный стиль, или «искусство экспрессивных деформаций» (Коренько, 2002: 150–151), как и любой другой стиль в целом, неразрывно был связан с существовавшим образом жизни, то есть культурой племен, среди которых он получил распространение. Если исходить из широкого понимания культуры как образа жизни, связанного с различными измерениями жизни человека и социальных групп, а не только с каким-либо одним, то становится необходимым обращение к так называемому холистическому подходу. При данном подходе любые аспекты культуры как, например,

экономический тип хозяйствования племен, неразрывно переплетен со всеми иными, в частности, с господствовавшими религиозными представлениями и идеологией того периода.

Поэтому закономерно встает вопрос о том, что единый в концептуальном плане стиль мог определяться, помимо экономического, также и комплексом иных факторов, в первую очередь, религиозным.

Каким образом религиозные представления были связаны с зооморфным стилем и почему они оказались устойчивыми как в хронологическом, так и географическом плане? Данные вопросы являются важными для понимания специфики религиозных воззрений людей древности, а также эволюции религиозных представлений в целом. Зооморфное искусство представляет замечательную возможность изучить данные процессы на примере артефактов, относящихся к различным культурно-историческим ареалам скифо-сибирского стиля. В частности, интерес представляют артефакты, найденные относительно недавно, в конце XX — начале XXI века в Туве (курганы Аржан-1, Аржан-2), которые корректируют наше представление о хронологических рамках зооморфного стиля, расширяя его до IX в. до н. э., одновременно фиксируя его географический центр и, соответственно, границы его влияния. Как отмечают исследователи, «наиболее вероятная дата его (кургана Аржан-1. — Л. Е.) сооружения определена 788 г. до н. э., а при 95%-ом доверительном интервале — от 807 до 772 г. до н. э. ... “Царский”| курган этой культуры Аржан-2, датированный второй половиной VII в. до н. э., безусловно, относится к завершающей фазе горизонта» (Чугунов, 2020: 229–230).

Поэтому закономерным предстает положение о том, что север Центральной Азии — Тува, Горный Алтай и Западная Монголия являются прародиной скифов (Семенов, 2011).

Исходя из вышеизложенного, основными задачами настоящей статьи являются следующие: 1) в методологическом плане рассмотреть зооморфный стиль в искусстве как своеобразный элемент эволюции религиозных представлений на базовом органическом уровне, обозначающем переход от знака к символу; 2) проанализировать символическую репрезентацию в зооморфном стиле в контексте преемственности и дальнейшего развития религиозных представлений, отражения принципа сакральности. Иными словами, представляется важным определить — каким образом в искусстве, относящемся к зооморфному стилю, были представлены элементы и символика религиозных представлений более ранних периодов развития, начиная с древних — солярных — символов.

Данное изучение будет проводиться на примере артефактов, относящихся к различным культурно-историческим ареалам Центральной Азии, на основе сопоставления с материалами уюкской культуры (курганы Аржан в Республике Тыва, Российская Федерация). Подобного рода постановка вопроса неизбежно связана с использованием кросс-дисциплинарного подхода, на стыке теоретической социологии религии, истории искусства, культурологии с использованием достижений и открытий, сделанных в археологии, особенно в последние десятилетия.

Методология

В методологическом плане изучение религиозных верований через символическую репрезентацию представляется плодотворным проводить с учетом наработок, проведенных в теоретической социологии религии, в частности, теории структурного функционализма (Т. Парсонс), а также семиотического подхода в культуре (Ю. Лотман). Возникающая синергия отдельных элементов, разработанных в каждой из данных теорий, творчески переработанная и адаптированная к теме исследования, может пролить свет на понимание зооморфного стиля как своеобразной квинтэссенции символа, смысла, знака, с одной стороны, а также формы и функции — с другой.

Исходное положение Т. Парсонса о четырех системах (биологической, индивидуальной, социальной, культурной) и выполняемых ими функциях (Parsons, 1985) отчетливо коррелируется с основными уровнями развития любых систем, а именно — органическим, когнитивным, реляционным, институциональным. Не вдаваясь в рамках настоящей статьи подробно в детали сугубо теоретического анализа, отметим лишь следующее. Каждая система по мере своего развития и усложнения закономерно будет включать в себя все данные уровни, начиная с органического (или базового) и заканчивая институциональным (или высшим, всеобъемлющим). Иными словами, соотношение между системой и уровнем будет носить как горизонтальное, так и вертикальное (глубинное) измерения (таблица 1).

Таблица 1. Соотношение «Система/Уровень — Уровень» на примере биологической системы.

Table 1. The System/Level – Level correlation in a biological system.

Система/Уровень	Уровень
(4) Культурная система	(4) Институциональный
(3) Социальная система	(3) Реляционный
(2) Индивидуальная система	(2) Когнитивный
(1) Биологическая система	(1) Органический
<i>1.4 Институциональный уровень</i>	
<i>1.3 Реляционный</i>	
<i>1.2 Когнитивный</i>	
<i>1.1 Органический</i>	

Прим.: Выделенные курсивом пункты 1.1–1.4 показывают так называемое «глубинное» измерение, или уровни, каждой системы, в данном случае биологической системы.

Данная корреляция находит свои параллели и в другой значимой теории — семиотическом подходе применительно к культуре, концепте семиосфере, плодотворно разрабатывавшемся Ю. Лотманом (Лотман, 1999). Выделение данным исследователем знака, смысла и символа в качестве определяющих для понимания концепта семиосферы в целом, предоставляет возможность в контексте данной темы задаться вопросом о том, каким образом знаки, значения, смыслы и символы могут соотноситься с системами, оказывающими влияние на людей и социальные группы, а также с уровнями, определяющими их развитие и усложнение.

Данный вопрос имеет самое непосредственное отношение к настоящей теме, поскольку помогает понять значение и смысл передаваемых репрезентаций, «закодированных» сообщений и посланий, выраженных в искусстве на определенном этапе развития человечества. Особенно большое значение это может иметь при анализе религиозных значений и смыслов давно прошедшего времени, оставившего нам в наследство как правило отрывочные, но исключительно убедительные и словно «живые» образцы творческого духа и систему взглядов и верований людей прошлого.

Поэтому неудивительно, что система (религиозных) взглядов, имеющих определенное значение и смысл, и выраженных через определенные символы (в том числе и особенно в искусстве), должна рассматриваться комплексно в связи с отмеченными выше уровнями — органическим, когнитивным, реляционным, институциональным, ведь в своем развитии от более низкого к более высокому уровню система репрезентации также должна пройти аналогичный путь.

Данное соотношение/корреляция между отмеченными выше системами и уровнями, с одной стороны, и элементами семиотического понимания мира, с другой, можно представить в следующем виде (таблица 2).

Таблица 2. Семиотическое измерение «Система/Уровень — Семиосфера» на примере биологической системы.

Table 2. Semiotic structure of 'System/Level — Semiosphere' in a biological system.

Система/Уровень	Уровень/Семиосфера
(4) Культурная система	(4) Институциональный
(3) Социальная система	(3) Реляционный
(2) Индивидуальная система	(2) Когнитивный
(1) Биологическая система	(1) Органический
1.4 Институциональный уровень	1.4 Символ
1.3 Реляционный	1.3 Смысл
1.2 Когнитивный	1.2 Информация
1.1 Органический	1.1 Знак

Как видно из таблицы 2, каждому уровню биологической системы соответствует определенный «семиотический» элемент: органическому уровню — знак, когнитивному — информация, реляционному — смысл, и институциональному — символ. Это может означать, что развитие системы, в данном случае, биологической, должно претерпевать определенное усложнение в сторону трансформации некоего определенного знака в символ. Иными словами, простое представление оп-

ределенного образа в качества знака проходит путь к своей институционализации, когда какой-либо образ перестает быть просто знаком, но, через повторение информации на когнитивном уровне и закрепление определенного смысла/значения на реляционном, превращается в некий символ на институциональном уровне, причем, символ разделяемый, то есть одинаково значимый для всех членов тех или иных социальных групп.

В случае с религией, определенный разделяемый символ может охватывать значительные пространства. При этом сам символ неизбежно должен включать в себя все «предшествующие» элементы — знак, информацию, смысл, т. е. быть их своеобразной квинтэссенцией, в сжатом и переработанном виде представляющем их. В этом смысле знак, информация, смысл и символ будут также являться частью того или иного уровня (например, органического, в случае с биологической системой).

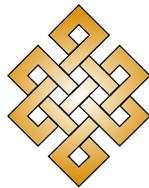
Данный тезис хорошо иллюстрируется на примере зооморфного стиля и религиозных представлений, связанных с ним (таблица 3).

Таблица 3. Соотношение «Система/Уровень — Уровень/Семиосфера — Репрезентация — Религиозные представления» на примере биологической системы.

Table 3. The correlation of 'System/Level — Level/Semiosphere — Representation — Religious ideas' in a biological system.

Система/Уровень	Уровень/Семиосфера	Репрезентация	Религиозные представления
(4) Культурная система	(4) Институциональный		
(3) Социальная система	(3) Реляционный		
(2) Индивидуальная система	(2) Когнитивный		
(1) Биологическая система	(1) Органический		
1.4 Институциональный уровень	1.4 Символ	1.4. Символическое изображение животных, птиц, зооморфный стиль в искусстве	1.4 – 1.1 Шаманизм, магия, анимизм, тотемизм, фетишизм, зооморфные культы; культ предков, солярные, лунарные, астральные культы, культы Неба, Земли, Воды
1.3 Реляционный	1.3 Смысл	1.3. Изображения животных, птиц с определенным смыслом (солярные знаки, солярные «лодки» и др.)	
1.2 Когнитивный	1.2 Информация	1.2. Изображения животного, птичьего, растительного мира	
1.1 Органический	1.1 Знак	1.1 Петроглифы, изображения солнца, луны, звезд, неба, земли	

Как видно из таблицы 3, определенному семиотическому элементу соответствует тот или иной вид репрезентации. Например, к знаку можно отнести петроглифы, графическое начертание определенных объектов окружавшего человека мира; к информации — в целом изображения конкретных животных/птиц; к смыслу — включение определенных элементов при изображении животных и придание им

некоего закодированного смысла/значения. Наконец, к символу можно отнести трансформацию реалистичного изображения животных в сферу сугубо символическую, когда символы полностью доминируют и при этом заключают в себе знаки, несут определенную информацию, имеют некий смысл.

К символической репрезентации можно отнести зооморфный стиль в целом, который являет собой своеобразную квинтэссенцию заложенных в нем знаков, информации, смыслов и символов. И если в данном отношении зооморфный стиль можно уподобить своеобразной летописи, вместившей в себя хроники прошлого и отдающей им дань, то закономерно возникает вопрос о выявлении данных хроник, элементов прошлого. Рассмотрим этот вопрос далее на примере артефактов, относящихся к зооморфному стилю.

В завершение данного краткого методологического обзора хотелось бы также отметить, что любые символические репрезентации неизбежно будут коррелироваться с религиозными представлениями и верованиями как их своеобразное выражение. В случае с репрезентацией в биологической системе, отражающей развитие человечества в далеком прошлом, религиозные представления на органическом уровне предстают в совокупном виде самых различных взаимосвязанных верований — шаманизма, магии, анимизма, тотемизма, фетишизма, зооморфных, солярных, лунарных, астральных культов, культов предков, Неба, Земли, Воды. Религиозное содержание символических репрезентаций помогает лучше понять их специфику, устойчивость, распространение, охват, что, в случае с зооморфным стилем может пролить свет на его широкое распространение в Евразии и относительную устойчивость в хронологическом плане.

Зооморфный стиль: символическая репрезентация и преемственность сакральности

Как было отмечено выше, зооморфный стиль можно считать символической репрезентацией, включающей в себя знак, информацию, смысл/значение и символ. Поэтому символическое изображение животных и птиц в зооморфном стиле может вмещать в себя также определенные смысловые символы предшествующих периодов.

В данном инклюзивном формате смысловые интерпретации напрямую связаны с религиозными представлениями, которые, если исходить из корреляции, отмеченной в таблице 3, должны включать в себя различные элементы. Можно предположить поэтому, что в зооморфном стиле могут отражаться (в разной степени) элементы, относящиеся к различным религиозным верованиям, спектр которых широк — солярные, лунарные, астральные культы, культы Неба, Земли, Воды, культ предков, зооморфные культы, магия, анимизм, тотемизм, фетишизм, шаманизм.

К важным элементам относятся знаки, имеющие определенное значение и смысл — обращение к божественным силам окружавшего мира, благопожелательные, защищающие, охраняющие. К наиболее ранним и ярко выраженным можно отнести «обращение» человека к солярным, астральным светилам (божествам), к животным, значимым для жизни человека, и их включение в свою картину мироздания, замечательно выраженную через искусство рисования на «каменных писаницах» или каменных книгах, по выражению академика А. П. Окладникова (Окладников, 1989).

Например, в петроглифах, найденных в Сибири, в частности, в долинах рек Олекмы и Амура, А. П. Окладников выделял особую традицию со своей специфической семантикой, сюжетами, хронологией — изображения лосей, антропоморфных фигур с личинами, масками, космическими солярными, астральными знаками, солярными лодками с животными и сидящими фигурами (Окладников, Мазин, 1976: 8). При этом в наскальных рисунках наряду с собственно изображениями солнца, луны, звезд, изображались определенные животные, как правило, лоси и олени, которые являлись объектом поклонения и со временем стали символизировать солнце в целом. Например, в IV–III тыс. до н. э. солнце изображалось уже не только в сугубо геометрическом виде (окружность как знак), но и в виде наиболее значимых для человека животных — лосей или оленей, плывущих на лодке/ладье по небу и исчезающих в воде под землей, подобно тому как солнце за день проходит путь по небосводу с востока на запад (там же).

Изображения так называемых солярных «лодок» являются важным маркером изменений, происходивших в религиозных представлениях людей древности, в ходе которых вместо изображений божественных сил (светил, в частности, солнца), через информацию об окружающем человека мире произошла трансформация знака и надделение его определенным смыслом и значением. В данном

случае изображение животного стало иметь уже иной смысл — не только как конкретное животное (лось или олень), но также и как солнечное божество, представленное в виде того или иного животного. Поэтому можно отметить расширение смыслового ряда, когда к имеющемуся изначальному смыслу определенного животного (животное-тотем) добавлялся новый — животное-солнце. В случае с наскальными рисунками из Сибири, такими важными «системообразующими» для обществ животными были лоси (будучи самыми большими и сильными, они имели исключительное значение для выживания социальных групп в древности) и олени. Впоследствии, в других географических ареалах данная сакральность переносилась и на других животных, например, лошадь, быка, барана, верблюда.

Основываясь на вышеотмеченной методологии, уместно предположить, что сакральность того или иного животного со временем не только не исчезла, но даже усилилась, при этом трансформируясь в дальнейшем и закрепляясь в виде определенного символа. Рассмотрим это далее на примере сакральности солярных и других религиозных представлений, и их отражение в символике зооморфного стиля.

Курганы-херексуры и оленные камни. Зооморфный стиль получил распространение в декоративно-прикладном искусстве, связанном с воинским снаряжением, конской упряжью, а также в ювелирном искусстве, в искусстве монументальных памятников — курганов-херексуров и оленных камней.

Из перечисленных видов искусства последний — *херексуры*¹ — являются менее изученными. В композиционном плане они состояли, как правило, из наземного кургана в центре, окруженного внешними кольцами/оградами, с отходящими от центра радиальными лучами, включавшими также оленные камни. Данная композиция херексуров, широко распространенных в Монголии, Забайкалье, Алтае и Туве, позволила Ю. С. Худякову определить их как «культуру херексуров и оленных камней» (цит. по: *Чугунов, 2002: 142*). В рамках настоящей темы интерес представляет их соотношение с солярным культом — культом Солнца, принимая во внимание круговые формы и радиальные линии. Как отмечают исследователи, херексуры Тувы являются символами Солнца, отражающими его основную сущность — движение (*Килуновская, Семенов, 2019: 34*).

Считается, что оленные камни, найденные в Туве, Забайкалье, Монголии (VII–III вв. до н. э.), являлись посмертными памятниками «в честь наиболее знатных лиц, племенных вождей и выдающихся военных предводителей» (*Маннай-оол, 1970: 26*). На них, как правило, были изображены животные (олени, маралы, лоси, кабаны, лошади и др.), «предметы вооружения и знаки (кинжалы, чеканы, луки), круглые диски, перекрещенные четырехугольники, пятиугольники неправильной формы, круги с точкой посередине, три линии, опоясывающие верхнюю часть стел подобно ожерелью из бус или гривне, а также пояса, высеченные на уровне поясницы» (там же: 24).

В контексте исследуемой темы оленные камни чрезвычайно информативны и представляют большой интерес для анализа трансформации религиозных представлений, отраженных в символах зооморфного стиля.

В частности, круги на вершине оленного камня (иногда интерпретируемые как глаз рыбы или зеркало) могли символизировать солнце и отражать существовавший солярный культ, в то время как изображения животных — отсылать к зооморфным культам и тотемистическим представлениям. К таковым можно отнести, например, выбитые на камне изображения оленей (единично стоящих, как на оленных камнях, найденных в Туве, или же несущихся галопом оленей с тяжелыми ветвистыми рогами, как в Монголии), лошадей, баранов (*фото 1–2*).

Можно также отметить у племен, соорудивших оленные камни, и культ предков, поскольку сами памятники, по сути, символизировали «умерших уюкских героев» (там же: 97). Весьма показательна в этом плане и сама форма оленных камней, на которых, как правило, выбивался «высеченный пояс, к которому привешены различные предметы вооружения (кинжалы, боевые топоры, чеканы, луки в налучьях) и целый ряд других вещей, присущих человеку, хотя никаких других черт человеческих фигур на них нет» (там же: 26).

Наличие линий-радиантов, исходящих от кургана в центре, а также особенности расположения оленных камней около херексуров позволяют предположить сосуществование и определенную синергию религиозных верований — культов Солнца, предков, определенных животных-тотемов —

¹ *Кэрэксуры, херексуры* (от монг. *хиргис-хур* — кыргызская могила) — древние каменные сооружения на Алтае, территории Тувы и Монголии, в Забайкалье. См.: Николаев Н. Н. Керексуры [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/archeology/text/2061323> (дата обращения: 10.01.2021).

Фото 1. Олений камень, Архангайский аймак, Монголия. Фото Н. Базылхана, 2018 г. Из личного архива Напиль Базылхана.
 Photo 1. A deerstone from Arkhangai aimag, Mongolia. Photo by N. Bazylkhan, 2018, from Napil Bazylkhan's personal collection.

Фото 2. Олений камень, Булганский аймак, Монголия. Фото Н. Базылхана, 2007 г.
 Из личного архива Напиль Базылхана.
 Photo 2. A deerstone from Bulgan aimag, Mongolia. Photo by N. Bazylkhan, 2007,
 from Napil Bazylkhan's personal collection.

в их органической взаимосвязи. Иными словами, культ предков естественным образом вписывался в религиозные представления, связанные с поклонением солнцу, что и получало отражение в общем композиционном устройстве данных сакральных сооружений. Что касается тотемических представлений, то они выражались в изображениях на оленных камнях определенных животных-тотемов, призванных как бы ограждать усопших и в потустороннем мире.

Таким образом, если исходить из того, что оленные камни устанавливались как дань тому или иному усопшему знатному человеку в рамках некоего единого в композиционном плане комплекса,

то в данном качестве они могут считаться символическим проявлением сложившихся синкретических религиозных представлений, аккумулируя в себе, как минимум, солярные, тотемические верования, культ предков.

Вместе с тем оленные камни можно рассматривать также и как важный этап в дальнейшем развитии религиозных представлений и их последующей детализации в сторону будущего антропоморфного изображения и постепенного включения человека (хотя бы и в абстрактном виде) в систему религиозной символики.

В этом смысле очень интересна уникальная пара оленных камней, найденных в Баян-Улгийском аймаке Монголии (фото 3), один из которых выполнен в «классическом» стиле, без антропоморфных черт, с большим солярным кругом на вершине, выбитыми изображениями животных.

Другой же оленный камень, помимо того, что он сделан из камня совершенно иного — песочного — цвета, более узкой ширины, выделяется включением антропоморфной детализации лица

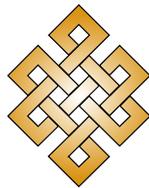
Фото 3. Пара оленных камней, Баян Улгийский аймак, Монголия. Фото Н. Базылхана, 2013 г. Из личного архива Напиль Базылхана.
Photo 3. A couple of deerstones from Bayan-Ölgii aimag, Mongolia.
Photo by N. Bazylkhan, 2013,
from Napil Bazylkhan's personal collection.

Фото 4. Изображение древнетюркского воина «Кижы Кожээ». VIII–X вв. Камень. Фото Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.
Photo 4. Turkic warrior Kizhi Kozhee, 8-10th century CE.
Photo from the collection of the Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva.

на вершине камня. Можно предположить, что, возможно, он был сделан и приставлен позже, в период, когда постепенно стала отходить в прошлое каноническая общность и целостность, а своеобразный холизм стал уступать место более выраженной детализации изображений. Возможно, данный вид оленных камней мог являться своеобразным переходным этапом на пути к каменным антропоморфным изваяниям последующих периодов.

Поэтому можно предположить, что в последующие периоды дальнейшим шагом в сторону включения человека в религиозную символику стало аналогичное в смысловом плане изображение умерших знатных воинов или поверженных врагов в виде каменных изваяний, по-тувински — кижы кожээ, или «каменный человек» (Грач, 1955: 422) с уже выписанными и стилистически структурированными элементами тела, головы и лица (фото 4).

При этом аналогичное оленным камням изображение воинского вооружения на условном поясе — это, как правило, выбитые на камне единичные кинжалы, ножи. Солярные знаки и изображения животных на каменных изваяниях уже исчезают, зато появляются чаши, кубки, которые держат в руках изображенные умершие, что передает сакральный смысл данного сюжета, связанный со священным напитком, поднесенным божествам, духам. В Центральной Азии данным священным напитком издревле являлся *кумыс*, который приносился в своеобразную жертву. Интересно отметить, что, например, среди якутов и в современное время отмечались обряды жертвоприношения, связанные с кумысом. По мнению исследователей, «все жертвоприношения божествам *айыы* бескровные — во время праздника жертвуют бело-молочным кумысным напитком. Поднимают вверх ритуальный большой сосуд *чороон* — *айах*, наполненный молочным напитком кумыс, для угощения *Айыы Танара*, и всех его эманаций — небесных духов-божеств *айыы*...» (Толстякова, 2019: 264). В случае с индоиранской традицией данную функцию выполнял аналогичный сакральный напиток бессмертия — известный на санскрите как сома и как хаома у древних иранцев.

Каменные изваяния можно считать дальнейшим развитием оленных камней, с уже выраженной антропоморфностью скульптур, привнесением новых элементов (чаши с сакральным напитком), отражавших почитание верховного божества Тенгри / Танэри / Танара. Отсутствие изображения солярных знаков и тотемных животных могло свидетельствовать о снижении значения данных верований. Вместе с тем продолжали оставаться значимыми культ предков, тенгрианско-шаманские представления. Показателен сам факт исключительно широкого распространения данных каменных изваяний в степной зоне Евразии, в частности, на территории современного Казахстана, Украины, известных под названиями *балбал*, «каменных баб», в первом тысячелетии нашей эры, как и ранее зооморфного стиля в предыдущем тысячелетии, который также охватывал собой значительный пояс Евразии от востока до Причерноморья. Все это может свидетельствовать о преемственности традиций и своеобразной эволюции оленных камней и зооморфного стиля в новые формы, сложившиеся в Евразии.

Таким образом, соединение смыслов, относящихся к древнейшим культам — солярному, тотемистическому, предков — на оленных камнях, которые, в свою очередь, также являлись частью более общей сакральной композиции курганов-херексуров солярного типа — все это позволяет говорить о преемственности религиозных воззрений и их синкретизме, или своеобразной инклюзии в рамках своеобразной религиозной семиосферы. Более ранние религиозные верования, такие как солярный культ, все еще продолжали включаться в общую систему религиозных представлений и получали свою символическую репрезентацию на данных сакральных памятниках. Показательно, что столь насыщенное в смысловом плане синкретическое содержание имело свое яркое выражение и в декоративно-прикладном и ювелирном искусстве, выполненном в зооморфном стиле.

Декоративно-прикладное, ювелирное искусство. Как известно, наиболее распространенными чертами, составляющими общие стилистические особенности зооморфного стиля, являются изображения животных и птиц (как реальных, так и фантастических), как правило, представленных парами, симметрично друг другу в зеркальном отражении, или же, наоборот, запечатленных в сценах терзания и борьбы, или же изображенных стоящими/сидящими/бегущими отдельно, попарно, в группах или «торжественно» следующими друг за другом, или же свернутыми по кругу так, что морда и хвост зверя соединены вместе, образуя своеобразное кольцо. В литературе, посвященной описанию особенностей данного стиля в найденных артефактах, отмечаются различные изображаемые животные, как правило, лошади, бараны, олени, волки, львы, тигры, лоси, быки, фантастические драконы, грифоны, изображения полулюдей-полуптиц с большими клювами и когтями, и др. (Руденко, 1953, 1962).

Данное стилистическое решение, ставшее своеобразной «визитной карточкой» зооморфного искусства, свидетельствует, в первую очередь, об исключительной роли культа животных как тотемов, защитников и охранителей родов. Ключевые животные-тотемы переданы древними мастерами разнообразно — как одиночные животные, как группа животных, идущих поодиночке, как парные изображения и как животные в схватке. Думается, что данная разная репрезентация не случайна, а напрямую связана также с различной ролью, которую играли в различных ситуациях одни и те же животные в жизни людей.

Концептуально можно выделить следующие основные виды изображений животных, выполненных: 1) в экспрессивном стиле; 2) с сакральной символикой.

1) Изображения животных в экспрессивном стиле

К первому виду можно отнести изображения животных на определенных предметах (как правило, это нашивки, поясные пластины, бляшки на одежде человека, воина, элементы конской сбруи, седел, вооружения), которые представлены в сценах «терзания», борьбы, то есть в экспрессивном стиле. В данном случае в функциональном плане предметы с изображениями «борющихся» животных могли иметь оберегающий и охранительный смысл, защищающий человека, всадника и его лошадь. Определенное животное-тотем представляло в виде оберега целого рода, а «атакующий» сюжет изображенного животного в схватке с другим мог нести также и более широкий посыл — доминирование одного рода (племени, союза племен) над другим (другими).

В подобном ключе можно рассматривать многие находки, в том числе ярко представленные в Сибирской коллекции¹, где в сценах борющихся животных представлены волки, тигры, пантеры, быки, некоторые из которых

Фото 6. Поясная бляшка (схватка тигра с фантастическим волком). VI в. до н. э. Золото. Си.1727-1-11.

Фото А. М. Кокшарова, В. С. Теребенина, Л. Г. Хейфеца; Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.

Photo 6. A belt plate (the fight between a tiger and a snake). 6th century BCE. Gold. Si.1727-1-11. Photo by A. M. Koksharov,

V. S. Terebenin, L. G. Kheifets, State Hermitage Museum, St. Petersburg.

Фото 5. Поясная бляшка (схватка волка со змеей). IV–III вв. до н. э. Золото. Си.1727-1/150.

Фото А. М. Кокшарова, В. С. Теребенина, Л. Г. Хейфеца;

Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.

Photo 5. A belt plate (the fight between a wolf and a snake).

4th-3rd century BCE. Gold. Si.1727-1/150. Photo by A. M. Koksharov, V. S. Terebenin, L. G. Kheifets; State Hermitage Museum, St. Petersburg.

изображены в фантастическом, мифическом, синкретическом виде. К таковым можно отнести, в частности, изображения сцен схватки волка со змеей (фото 5) или тигра с фантастическим волком (фото 6) на поясных пластинах из Сибирской коллекции, хранящейся в Государственном Эрмитаже (Россия).

Данные изображения «в схватке» отражают животных, функционально выполнявших функцию тотемного животного — защитника рода, что в религиозном плане свидетельствует о распространении тотемизма и тотемных представлений. Думается, что подобная практическая, прикладная направленность данного вида изображений может свидетельствовать об определенных процессах, происходивших в древних обществах середины первого тысячелетия до нашей эры.

Это процессы взаимодействия/противостояния племен, их миграции (что неуди-

вительно, принимая во внимание широкое распространение звериного стиля на евразийском континенте), в ходе которых во взаимодействие вступали самые разные группы и союзы племен, тотемными покровителями которых являлись разные звери. Поэтому вполне логично допустить, что сцены «терзания» — это не просто тотемный знак, но также и символ доминирования одной социальной группы над другой. Одновременно, сцены животных «в схватке» могли иметь и более заземленный смысл удачной охоты, когда ловля зверя практически голыми руками, или облавная

¹ Наиболее изученная Сибирская коллекция Петра I была найдена еще в начале XVIII века, но детально каталогизирована и описана лишь в середине XX столетия С. Е. Руденко (Руденко, 1962).

охота (Кореньяко, 2002: 152–158) также вынуждали охотника представлять себя в виде того или иного тотемного животного, побеждающего противостоящего ему зверя, который предстал уже в виде жертвы. В качестве своеобразного оберега и защиты использование таких пластин нашивок на одежде и поясе человека, воина показывает также и использование элементов магии и магических верований. Все это получало отражение в символической репрезентации.

Фото 7. Покрытие на седло с аппликацией. Рубеж IV–III вв. до н. э. Шерсть, войлок, кожа, конский волос. Длина 53 см; ширина 48 см. 1295–248.

Фото А. М. Кокшарова, В. С. Теребенина, Л. Г. Хейфеца;
Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.

Photo 7. An applique saddle cover. Turn of the 3rd century BCE.

Wool, felted cloth, leather, horse hair. 53 x 48 centimeters. 1295–248.

Photo by A. M. Koksharov, V. S. Terebenin, L. G. Kheifets;
State Hermitage Museum, St. Petersburg.

Исключительно показательным примером в данном контексте является чехол седла, сделанный из войлока, кожи, меха и конского волоса, который был найден в Первом Пазырыкском кургане (фото 7).

На хорошо сохранившемся седельном чехле центральным элементом композиции на правой стороне седла является аппликация из кожи, изображающая нападающего на оленя тигра и терзающего его. Интересным в этом артефакте является декорация данного седла свисающими изображениями 12 рыб, сделанных из кожи с приклеенными конскими волосами и покрытых голубой краской, местами сохранившейся. Такой же голубой краской был покрыт и сам чехол.

Представленный артефакт символически насыщен и репрезентативен. Символическое значение сцены «терзания», как было отмечено выше, может состоять в доминировании одного тотемного животного, а вместе с ним, и определенной социальной группы (племени) над другим; или же в благожелательном символе удачной битвы с врагом или охоты на животных. Что касается изображения рыб, то они отсылают нас к древним представлениям, связанным с почитанием рыб в качестве тотемов, что хорошо представлено в том числе на «рыбообразных» оленных камнях, найденных в Туве, Монголии и Забайкалье (Маннай-оол, 1970: 28).

Классик тувиноведения М. Маннай-оол очень хорошо показал данную связь, отметив следующее:

«По данным этнографии, образ рыбы занимает важное место в культуре и мифологии народов Южной и Восточной Сибири. По сказаниям бурят, тотемными предками эхиритов-булагатов считались темно-серый бык — буха-нойон и рыба налим, обитавшая в оз. Байкал... Известно, что среди тувинцев имела родовая группа (сеок) под названием “балыкчы”, т. е. рыбак. Г. Н. Потанин, посетивший Туву в 80-х годах XIX в. писал, что тувинцы “над костью балыкчы смеются, что она происходит от рыбы”... Б. К. Шишкин, побывавший в Туве в начале XX в., сообщает, что тувинцы “охотно едят всякую рыбу за исключением налима, о котором существует предание, что это утонувшая женщина” Деревянные резные скульптурные изображения рыб служили деталями шаманских идолов у тувинцев... Образ рыбы наряду с оленями, горными козлами... и другими животными фигурировал в изобразительном искусстве и в атрибутах верований племен евразийских степей в 1 тысячелетии до н. э. Вероятно, рыбообразность некоторых оленных камней связана с культово-магическими представлениями древних людей» (там же: 29).

Тотемические представления людей, оставивших после себя замечательные памятники и предметы искусства, относимые исследователями к зооморфному стилю, исключительно ярко и выразительно показывают данные тотемы через их символическую репрезентацию. При этом обнаруживается наличие не одного, а сразу нескольких тотемов. Как видно на примере чехольного седла, наряду с «атакующими» животными, одновременно ими являются также и рыбы.

Кроме того, можно отметить и наличие религиозных представлений, обычно ассоциируемых с шаманизмом и проведением ритуалов, связанных с камланием шаманов, очищением, защитой пространства, в которых используется конский волос в качестве важного атрибута. Например, в якутской традиции это белый сакральный, чистый конский волос, который применяется для проведения обряда *алгыс* (благословение) и *арчы* (очищение), и как образ сакрального пути, а также моста, связующего разные миры (Толстякова, 2019: 263, 265).

Вставки-аппликации из рыжего конского волоса на изображениях подвесок в виде рыб на седельном чехле из Первого Пазырыкского кургана могут свидетельствовать поэтому и о сакральном отношении как к лошади в целом, так и к лошадям определенной масти, в частности. Например, наряду с белой, лошадь рыжей масти также была сакральной. Как считалось, такая лошадь являлась олицетворением солнца, что показывают находки захоронений лошади рыжей масти с маской и рогами из Берельского кургана в Восточном Казахстане. Поэтому в качестве мощного оберега могло считаться использование конских волос именно сакральной лошади, то есть рыжей масти.

Число подвесок в виде рыб с аппликациями из конского волоса рыжего цвета — двенадцать, что не случайно, а могло быть связано с представлениями о циклическом, повторяющемся времени как круговороте природы. Наконец, символика раскраски рыб, как и всего седла — синего или голубого цвета — также показывает значение культа Неба и верховного божества, позднее известного в древнетюркской мифологии как Тенгри / Танэри / Танара.

Фото 8. Курильница, Тянь-Шань. V–III вв. до н. э. Бронза 24,8x24x28 см. СА-3187.

Фото А. М. Кокшарова, В. С. Теребенина, Л. Г. Хейфеца; Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.

Photo 8. An incense burner, 5th–3th c. BCE. Bronze, 24.8x24x28 cm. SA-3187.

Photo by A. M. Koksharov, V. S. Terebenin, L. G. Kheifets; State Hermitage Museum, St. Petersburg.

Фото 9. Курильница (деталь), Тянь-Шань. V–III вв. до н. э. Бронза. 24,8x24x28 см. СА-3187. Фото А. М. Кокшарова, В. С. Теребенина, Л. Г. Хейфеца; Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.

Photo 9. An incense burner (a fragment), 5th–3th c. BCE. Bronze, 24.8x24x28 cm. SA-3187.

Photo by A. M. Koksharov, V. S. Terebenin, L. G. Kheifets, State Hermitage Museum, St. Petersburg.

Исходя из изложенного выше, можно отметить, что сакральность пространства и времени была связана с почитанием тотемных животных и рыб, с сакрализацией лошади белой и рыжей мастей как олицетворением солнца, с шаманскими и тенгрианскими представлениями.

Изображения сцен схваток и терзания с их оберегающими функциями хорошо представлены на бронзовых курильницах из Семиречья, хранящихся в коллекции Государственного Эрмитажа.

На бронзовой курильнице прямоугольной формы в центре расположены две вертикальные подставки для благовоний, вдоль периметра курильницы изображены пары животных в схватке (буйвол и пантера), изначально количество которых составляло 12 пар, из которых уцелело только 2 пары (фото 8–9).

Фото 10-11. Курильница (10) и ее деталь (11), Тянь-Шань. V–III вв. до н. э. Бронза. Высота: 16; D-21 см. СА-3186.
 Фото А. М. Кокшарова, В. С. Теребенина, Л. Г. Хейфеца; Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.
 Photo 10-11. An incense burner (10) and fragment (11), 5th-3th c. BCE. Bronze, 16 cm high and 11 in diameter. СА-3186.
 Photo by A. M. Koksharov, V. S. Terebenin, L. G. Kheifets; State Hermitage Museum, St. Petersburg.

Ритуальный характер данного предмета, усиленный подставками для благовоний, подчеркивает большую роль, которую играли для древних людей акты очищения пространства. Относительно небольшой размер данной, а также другой (фото 10–11) курильницы позволяет предположить, что они устанавливались в помещениях, возможно, в сакральных местах для проведения религиозных актов, отражавших просьбы об умилоствлении или принятии благодарности.

Характерно композиционное построение курильниц, прямоугольная или круглая формы которых покоятся на своеобразных четвероножниках, соединенных в основании кругом. Визуально данная композиция напоминает древо — *arbor mundi* — или мировое дерево, традиционный символ связи трех миров воедино. Собственно подставки курильниц образуют крону, верхнюю часть дерева, или так называемый верхний сакральный мир. При этом животные, обрамляющие периметр, изображенные «в схватке» или торжественно шествующие друг за другом, словно обходя и защищая сделанные

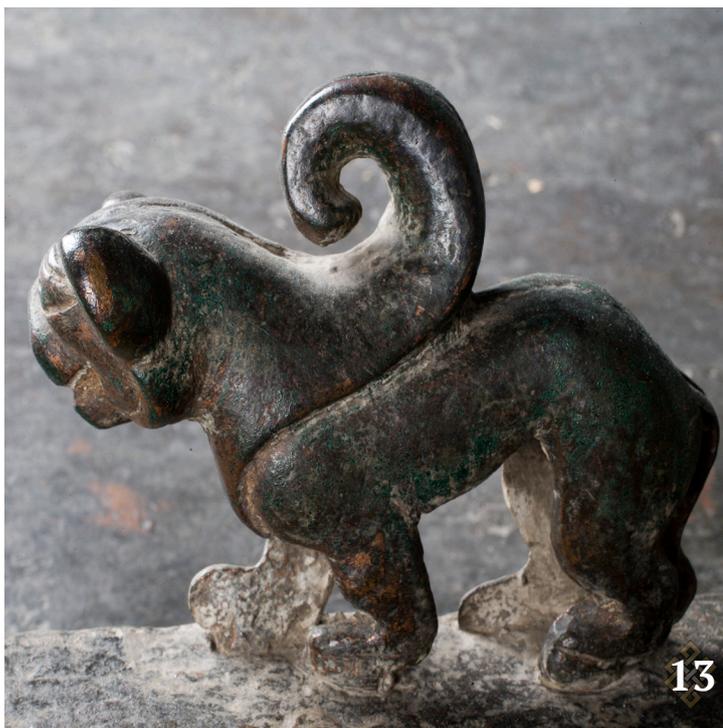

Фото 12-13. Жертвенник на четырех ножках (12) и его деталь (13). Семиречье, Казахстан. V–III вв. до н. э. Бронза. Высота: 34 см; 1,25x1,22 см; длина: 10 см (ручки); длина: 13 см (зверя). СА-13760. Фото А. М. Кокшарова, В. С. Теребенина, Л. Г. Хейфеца; Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.
 Photo 12-13. A sacrificial altar on four stands (12) and fragment (13), Semirechye, Kazakhstan, 5th-3th c. BCE. Bronze. 34 cm high, 1.25x1.22 cm, handles 10 cm long, animal length 13 cm. СА-13760.

Photo by A. M. Koksharov, V. S. Terebenin, L. G. Kheifets, State Hermitage Museum, St. Petersburg.

приношения божествам, духам, играют важную оберегающую и защищающую функцию в ходе исполнения ритуальных актов очищения определенного сакрального пространства.

Другой важный артефакт — большой ритуальный жертвенник, также найденный в Семиречье, являет собой пример того, что в качестве жертвоприношений могли использоваться не только символические подношения в виде даров природы, но также и возможные жертвоприношения животных (фото 12-13).

Об этом могут свидетельствовать размеры жертвенника — он достаточно большой, чтобы вместить в себя животное (возможно, домашнее), и имеет небольшую высоту. Его четыре ножки невысоки, «приземисты», выполнены в виде лап животных (льва?), что еще раз показывает важность иконографии животных и элементов их тел в исполнении разных предметов. Большой жертвенник имеет характерные ручки-захваты в виде полуколец с каждой стороны, что свидетельствует о том, что его могли переносить с собой.

Зооморфные сюжеты составляют центральную часть композиции и на военном снаряжении — кинжале из железа, покрытого золотом, найденном в кургане Аржан в Туве (фото 14).

Характерное парное симметричное расположение тигров на верхней и нижней частях рукоятки кинжала функционально отделяют ее от лезвия. В символическом плане устрашающие позы тигров с открытыми пальцами и в полукольце призваны защитить его владельца (правителя) и одновременно устрашить врага. Тотемные и магические представления здесь, как и на других предметах, не вызывают сомнений. Данный и подобный ему кинжалы из собрания Национального музея Республики Тыва, найденные в кургане Аржан-2 возле скелета «царицы», представляет большой интерес, поскольку на клинке кинжала также четко представлены изображения соляных символов в виде сферических кругов, полукругов, завитков (фото 15).

В целом наличие соляных символов в изображениях, выполненных в зооморфном стиле, можно обнаружить на многих артефактах, материалах захоронений первого тысячелетия до нашей эры. Об этом будет изложено ниже.

(2) Сакральная символика в изображениях животных

Наряду с изображениями сцен схваток и «терзания», можно отметить и второй тип изображений животных, выполненных в зооморфном стиле. Он связан с единичными или парными животными — лежащими, стоящими, идущими или галопирующими, иногда как бы парящими в полете. Животные, как правило изображены в своих естественных позах, в состоянии покоя, гармонии, или же, в необычной круговой манере, при которой морда и хвост зверя соединены между собой, а сами они как бы «вписаны» в круг. Как правило, такие изображения присутствовали на одежде, элементах конского снаряжения, особенно на конской сбруе, упряжи, а также на жертвенниках (см. выше).

Фото 14. Кинжал, курган Аржан-2, Тыва. VII вв. до н. э. Железо, золото. Фото Тревоора Уоллеса; Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

Photo 14. A dagger, kurgan Arzhan II, Tuva. 7th c. BCE. Iron and gold. Photo by Trevor Wallace, Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva.

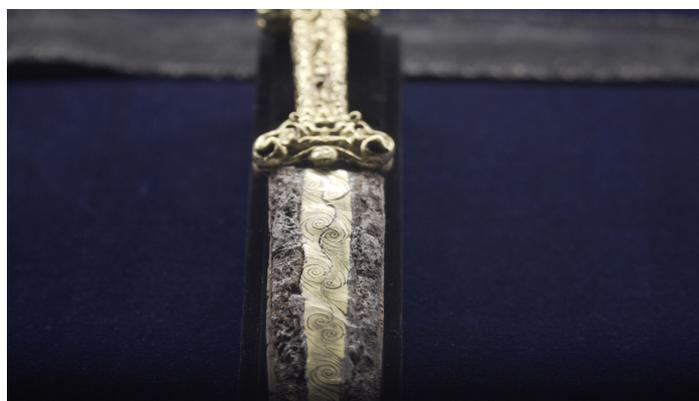

Фото 15. Кинжал, курган Аржан-2, Тыва. VII вв. до н. э. Железо, золото. Фото Тревоора Уоллеса;

Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Photo 15. A dagger, kurgan Arzhan II, Tuva. 7th c. BCE. Iron and gold. Photo by Trevor Wallace; Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva.

Фото 16. Зооморфная пектораль. VII–VI до н. э.
Золото. Си. 1727-1/88.

Фото А. М. Кокишарова, В. С. Теребенина, Л. Г. Хейфеца;
Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.

Photo 16. A zoomorphic pectoral. 7th-6th c. BCE.
Gold. Si. 1727-1/88 Photo by A. M. Koksharov, V. S. Terebenin,
L. G. Kheifets,
State Hermitage Museum, St. Petersburg.

Фото 17. Конская нагрудная бляха в виде свернувшейся пантеры,
курган Аржан-1, Тыва. IX–VII вв. до н. э. Бронза.

Фото Тревоора Уоллеса; Национального музея
им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

Photo 17. A horse chestplate shaped as a coiled panther,
kurgan Arzhan I, Tuva. 9th-7th c. BCE. Bronze.
Photo by Trevor Wallace, Aldan Maadyr National Museum
of the Republic of Tuva.

Данный тип изображений животных носит ярко выраженную сакральную, оберегающую и защитную символику, являясь, по сути, оберегами и защитными талисманами, напрямую или косвенно отсылающую к солярным культам. О большой роли солярного культа для людей древности свидетельствуют разнообразные знаковые, смысловые и символические репрезентации — как непосредственно самого солнца в виде солярных кругов, круглых, полукруглых изгибающихся линий, так и круглых форм, в которые «вписывались» изображения животных.

К подобного рода изображениям можно отнести зооморфные бляшки, конские нагрудные украшения, сделанные в виде круга, в который исключительно изысканно и гармонично вписаны фигуры свернувшегося в клубок зверя — пантеры (фото 16–17).

По аналогии с зародышем морда зверя соприкасается с собственным хвостом, а согнутые лапы и хвост соединены между собой перемычками, что придает целостность, наполненность и гармонию композиции, а также создает впечатление сдерживаемой экспрессии, готовой развернуться и вылиться в вонне, как только наступит для этого подходящий момент. Бляшка в зооморфном стиле, найденная в кургане Аржан и представленная в Национальном музее Республики Тыва, в концептуальном плане аналогична золотой бляшке из Сибирской коллекции, находящейся в собрании Государственного Эрмитажа. Обе они бесспорно репрезентируют солнце в его изначальной форме круга. Необходимо отметить, что изделия сакского/скифского стиля, особенно ранних периодов символично подчеркивают поклонение данному светилу. Как правило, некоторые из них, в частности, относящиеся к майэ-мирской культуре, выполнены из золота — драгоценного металла, символизирующего солнце по аналогии с цветом, с использованием круглых, полукруглых форм.

Множественные закругленные линии-полукольца, полукруги исключительно щедро представлены в артефактах зооморфного стиля. Изображения животных, даже если они не вписаны в круг, а изображены в натуральном виде, все равно не свободны от данного проявления солярного культа. Показательны в этом плане изображения животных на большом бронзовом жертвеннике (фото 12), исполненные в торжественно величавом виде. Мифические крылатые хищники, напоминающие львов, неспешно торжественно обходят по кругу, словно показывая величие происходящего акта жертвоприношения и защищая его от воздействий извне. При этом сами животные изображены древними мастерами с большими закругленными вверх полукольцами-завитками (фото 13), что, безусловно, отражает репрезентацию солнца. Использование данных деталей как своеобразных рудиментов прошлого, для

отражения характера незримого присутствия Солнца и для поклонения этому небесному светилу, здесь представлено в органическом виде, соединяясь с изображением животных, которые могут олицетворяться с данным светилом.

*Фото 18. Фигурка быка-яка, Семиречье, Туркестан. V–III вв до н. э. Бронза. 4x2,8x5 см СА-3185
 Фото А. М. Кокшарова, В. С. Теребенина, Л. Г. Хейфеца; Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.
 Photo 18. A yak figurine, Semirechye, Turkestan, 5th–3rd c. BCE. Bronze. 4.2x8x5 cm.
 СА-3185. Photo by A. M. Koksharov, V. S. Terebenin, L. G. Kheifets, State Hermitage Museum, St. Petersburg.*

Показательным примером отображения сакральности некоторых животных, так называемых «животных–солнце», можно считать изображение лежащего бронзового быка, найденного в Семиречье (V–III вв. до н. э.), на левом боку которого четко обозначены солярные знаки — сферические круговые окружности, а также полузавитые линии, напоминающие букву S в горизонтальном положении. Данные знаки, словно тавро, отсылают нас к древним солярным культам, поклонение которым в рассматриваемый период, видимо, все еще продолжало оставаться актуальным, что и было зафиксировано древними мастерами (фото 18).

В контексте отображения данного символа в искусстве можно отметить, что в течение всего сакского/скифского периода, а также впоследствии и в первом тысячелетии нашей эры, данные символы, как правило, практически всегда в том или ином виде были представлены в изделиях, относящихся к зооморфному стилю.

Особо следует отметить в этом плане археологические находки 1971–1974 годов, а затем 1998–2004 гг., проведенные в Туве, в результате которых были найдены захоронения царей и знати в «Долине царей», курганах Аржан-1 и Аржан-2, что предоставило исследователям исключительно богатый и разнообразный материал. Были найдены хорошо сохранившиеся захоронения правителя с большим количеством золотых предметов и украшений — почти 2,5 тысяч¹. Обнаруженные древние курганы, относящиеся к IX–VIII (Аржан-1) и VII (Аржан-2) вв. до н. э.², позволили сделать Туву, центр Азии, родиной скифов и удревнить их историю в целом. В контексте изучаемой темы найденные ювелирные украшения и военное снаряжение имеют большое значение для понимания характера религиозных верований.

Исключительно яркими и одновременно утонченно изысканными и эстетическими являются ювелирные украшения из кургана Аржан-2. Выполненные настолько искусно, с проработкой мельчайших микро-деталей, данные изделия, словно невесомые свидетели прошлого, показывают нам удивительный талант мастеров прошлого, которое не может не вызывать восхищения.

¹ Сокровища Долины царей. Постоянная выставка [Электронный ресурс] // Национальный музей Республики Тыва им. «Алдан-Маадыр». 2017, 2 июня. URL: <http://museum.tuva.ru/?p=451> (дата обращения: 02.10.2020).

² Как отмечают исследователи, между курганами существует хронологический интервал, когда «Аржан-1 открывает «царский» могильник, а Аржан-2 закрывает его» (Чугунов, 2009: 185).

Фото 19. Навершие головного убора в виде фигурки оленя, курган Аржан-2, Тыва. VII в. до н. э. Золото. Фото Тренора Уоллеса; Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

Photo 19. The top of a headpiece shaped as a deer figurine from kurgan Arzhan II, Tuva. 7th c. BCE. Gold. Photo by Trevor Wallace, Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva.

Фото 20. Навершие головного убора в виде плоской фигурки оленя, курган Аржан-2, Тыва. VII в. до н. э. Золото. Фото Тренора Уоллеса; Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

Photo 20. The top of a headpiece shaped as a flat deer figurine from kurgan Arzhan II, Tuva. 7th c. BCE. Gold. Photo by Trevor Wallace, Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva.

В данных изделиях очень хорошо представлены символические репрезентации солнца в виде специфического нанесения солярных знаков, изогнутых линий, кругов, а также изображения сакральных животных, в частности, оленей и лошадей.

К одним из таких ярких образцов можно отнести изображение оленя на золотой шпильке, которая прикреплялась к вершине головного убора предполагаемой «царицы» (фото 19), а также фигуру оленя, являвшуюся навершием головного убора мужчины-вождя (фото 20).

Изящные фигуры оленей с раскидистыми тяжелыми рогами, словно волнами, уходящими назад,

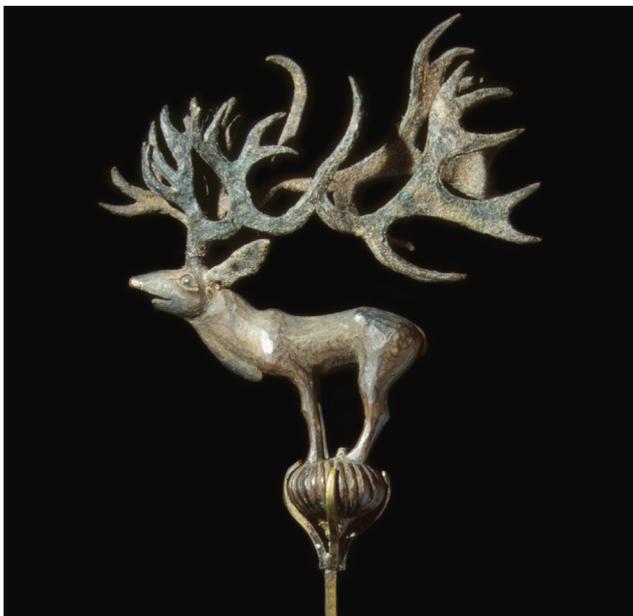

Фото 21. Навершие в виде скульптурной фигурки оленя из Второго Пазырыкского кургана. Рубеж IV–III вв. до н. э. Дерево, кожа. Высота: 12,2 см (наиб.) 1684-153.

Фото А. М. Кокшарова, В. С. Теребенина, Л. Г. Хейфеца. Фото Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.
Photo 21. A finial shaped as a sculpted deer figurine from the Second Pazyryk mound. Turn of the 3rd c. BCE. Wood and leather. 12.2 cm max height 1684-153.

Photo by A. M. Koksharov, V. S. Terebenin, L. G. Kheifets, State Hermitage Museum, St. Petersburg.

выполнены с большим вкусом, исключительно тонко, эстетично и гармонично. Данные изображения — это апофеоз сакральности, отображения Солнца в виде оленя-солнца как сакрального животного, олицетворявшего собой данное светило. Это также символ торжества и величия правителя, поклоняющегося Солнцу, находящегося под защитой этого важного небесного светила и небес в целом, показывающего свою сакральную связь с ним, в том числе и легитимацию своей власти. В качестве навершия головного убора, данное изображение отсылает нас также и к другому подобному изображению оленя с большими рогами, сделанного из дерева и кожи, найденному во Втором Пазырыкском кургане (V–IV вв. до н. э.). Также как и олени из кургана Аржан, изображение оленя из Пазырыкского кургана представляло собой навершие на головном уборе, при этом ноги оленя, сведенные воедино, опирались на сферу, венчавшую шпильку/стержень, входивший в головной убор (фото 21).

Еще одним интересным артефактом, показывающим сакральность животного-солнца, в частности, лошади-солнца, являются парные золотые пластины в виде симметрично сидящих лошадей, которые прикреплялись на переднюю часть головного убора правителя (фото 22).

Фото 22. Пластина в виде лошади на головном уборе, курган Аржан-2, Тыва. VII в. до н. э. Золото. Фото Тревор Уоллеса; Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.
 Photo 22. A horse-shaped headpiece plate, kurgan Arzhan II, Tuva, 7th c. BCE. Gold. Photo by Trevor Wallace, Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva.

Фото 23. Золотая пектораль, курган Аржан-2, Тыва. VII в. до н. э. Золото. Фото Тревор Уоллеса; Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.
 Photo 23. A golden pectoral, kurgan Arzhan II, Tuva, 7th c. BCE. Gold. Photo by Trevor Wallace, Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva.

Данное изображение из кургана Аржан также концептуально выдержано в лаконичном торжественном стиле — оно лишено сцен «терзания» зверей, а предназначено для подчеркивания сакральной роли животного как символической репрезентации солнца, под покровительством которого находился данный правитель.

Об этом же свидетельствуют также форма и детализация золотой пекторали, нагрудного украшения (фото 23).

Многочисленные волнообразные линии-завитки, полукруги и окружности, словно барашки волн, бороздящие водную гладь, с добавлением в пространство между ними небольших фигур животных, также являют собой торжество сакральности солнца. Через насыщенные смыслом солярные символы, данное нагрудное украшение, выполненное на высочайшем техническом уровне, являет собой подлинный шедевр древнесакского искусства, изготовленный неизвестным нам мастером, а в более общем плане — и всего зооморфного стиля, а также символической репрезентации религиозных представлений.

Заключение

Многочисленные артефакты и находки (бронзовые жертвенники, золотые украшения, нашивки на одежду, элементы конской упряжи, снаряжения), найденные в различных курганах и могильниках, в частности, курганах Аржан-1 и 2, самых древних скифских курганах Евразии (Семенов, 2011), датируемых концом IX — началом VIII в. до н. э. и VII в. до н.э. соответственно, находящихся в Тыве, а также находки из захоронений на Алтае (Пазырыкские курганы), в Семиречье (на территории современного южного Казахстана и Кыргызстана) показывают имевшееся религиозное разнообразие и взаимодействие, а также несомненные параллели.

Отстоящие друг от друга географически, тем не менее, данные культурно-исторические ареалы выработали схожие образцы религиозной репрезентации, что позволяет поставить вопрос не только о несомненной близости и взаимодействии племен, проживавших на обширных пространствах Евразии, но также и о типологических закономерностях репрезентации религиозных представлений в древности в целом. Зооморфный стиль в искусстве Центральной Азии является прекрасной возможностью исследовать особенности религиозных представлений людей в древности.

Рассмотренные выше артефакты, относящиеся к сакскому периоду, а в художественном плане — к зооморфному стилю искусства, показывают многообразие и переплетение различных религиозных представлений людей, живших во второй половине — середине первого тысячелетия до нашей эры.

Данные представления, проявляемые в их тотальности и взаимосвязанности, очень хорошо показывают направления религиозных верований, которые не только не исключали друг друга, а, наоборот, сосуществовали и соединялись между собой в различных пропорциях, образуя своеобразную религиозную семиосферу. Искусство зооморфного стиля отразило данный религиозный синкретизм

исключительно ярко, универсально и одновременно самобытно, тонко и эстетично, широко и жизненно утверждающе.

Изученные артефакты хорошо показывают отражение в искусстве таких религиозных верований, как культ Солнца, Неба, предков, тотемизм, магия, шаманизм. Одним из устойчивых и повторяющихся элементов символической репрезентации религиозных верований можно считать (помимо собственно изображений животных, давших название данному стилю) солярный и тотемический символизм, отразившие большую роль, которую играло солнце и окружавший человека животный мир.

Заслуживает внимания трансформация изображения солнца, изначально представлявшегося в виде знака (круга), в символ, насыщенный смыслом и информацией. Солнце как светило предстает в форме символических кругов, к нему отсылает также материал, используемый мастерами — золото. О нем же свидетельствуют и изображения определенных сакральных животных, или животных-солнце, наподобие оленя-солнце, лося-солнца у древних жителей Сибири (Окладников, Мазин, 1976) или лошади-солнце в степной части Евразии. И, наконец, солярные символы присутствуют на оленных камнях, а также отражают поклонение этому светилу в концептуальной круговой-радиальной структуре курганов-херексуров.

Зооморфные изображения, найденные и относящиеся к сакской/скифской культурам, в методологическом плане можно рассматривать также в качестве определенной стадии/этапа в эволюции религиозных верований, которые отразили эволюцию от знака к символу. В ходе данной эволюции происходила трансформация от конкретного и реалистичного изображения животных к более абстрактному, вплоть до мифического и фантазмагорического, насыщенному разнообразной символикой. При этом в зооморфном стиле, также как и в символе, который включает в себя знак, информацию, смысл, аналогичным образом были соединены религиозные представления, характерные для предыдущих этапов развития социальных групп. В частности, более древние представления, отсылающие к солярным, небесным культам, изначально представляли в виде реалистичного изображения солнца, луны, небосвода (на наскальных рисунках). Впоследствии они стали репрезентироваться символически, например, в виде символов солнца, выражаемых через форму (круги, спирали, S знаки, волнистые линии), композицию (херексуры), цвет (желтый, рыжий), животное (олень-, лошадь-, бык-солнце), металл (золото). Данная символика, сохраняясь и передаваясь далее через материальную культуру, могла снижать свое присутствие и значение, но не исключаться вовсе.

В религиозном плане данные репрезентации можно соотнести с наиболее древними религиозными верованиями, связанными с основополагающими представлениями человека о природе — солярными, лунными, астральными, зооморфными культами, культом предков, магией, анимизмом, фетишизмом, шаманизмом. Поэтому зооморфный стиль в искусстве и материальной культуре можно считать одним из древнейших и всеобъемлющих элементов религиозных представлений в целом.

Таким образом, зооморфные изображения, изначально предстающие в более широком плане как репрезентация и знак, одновременно могут являться также смыслом и символом. Иными словами, они не только могут означать и показывать то или иное животное посредством знака, но и являть его в качестве смысловой интерпретации конкретных явлений на социальном уровне, а также наделять его символикой как отражением определенных представлений на уровне культурной системы. Поэтому зооморфные изображения подобны мощному символическому ряду, несущему исключительно важную нагрузку в системе религиозных представлений, магических ритуалов, защитных и благожелательных символов.

Поскольку зооморфный стиль одновременно включает в себя и знак, и символ, соответственно, зооморфный стиль в искусстве краток, лаконичен и одновременно объемный, выразителен, вмещает в себя множественную символику, обладает смыслом, значением, несет информацию и определенное знание.

Благодарности

Автор статьи искренне благодарит коллектив Национального музея Республики Тыва (г. Кызыл) и лично заместителя директора Национального музея Республики Тыва Х. К. Кадыг-оола за предоставленные фотоматериалы из коллекций музея, в частности, относящихся к курганам Аржан-1-2.

Большую благодарность автор выражает руководству и сотрудникам Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург) и лично заместителю генерального директора Государственного Эрмитажа, глав-

ному хранителю С. Б. Адаксиной, О. Ю. Лаптевой, а также специалистам Отдела Востока и Отдела археологии за любезно предоставленные фотографии артефактов, сделанные фотографами — А. М. Кокшаровым, В. С. Теребениным, Л. Г. Хейфецем.

Автор приносит большую благодарность главному научному сотруднику Тюркской академии (г. Нур-Султан), д-ру Н. Базылхану за предоставленные фотографии оленных камней из Монголии, сделанные им в ходе проведенных полевых исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев, К. А. (1978) Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М. : Искусство. 132 с.
- Грач, А. Д. (1955) Каменные изваяния западной Тувы (к вопросу о погребальном ритуале тугю) // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XVI. М. ; Л. : Издательство АН СССР. С. 401–431.
- Килуновская, М. Е. (2018) Археологические памятники на границе Тувы и Монголии (проблемы культурной принадлежности и хронологии) // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (21). С. 35–54.
- Килуновская, М. Е., Семенов, Вл. А. (2019) Искусство древней Тувы (III–I тысячелетия до н. э.) // Искусство Евразии. № 3 (14). С. 20–49. DOI: <https://www.doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.002>
- Кисель, В. А. (2019) Погребальное убранство из кургана Аржан-2: декор, технологии, авторство // Camera Praehistorica. № 2 (3). С. 93–122. DOI: <https://www.doi.org/10.31250/2658-3828-2019-2-93-122>
- Кореняко, В. А. (2002) Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 327 с.
- Лотман, Ю. М. (1999) Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М. : Языки русской культуры. 464 с.
- Маннай-оол, М. Х. (1970) Тува в скифское время (Уюкская культура). М. : ГРВЛ. 122 с.
- Нурмуханбетов, Б. Н., Тулегенов, Т. Ж., Иванов, С. С. (2019) Коллекция предметов вооружения сакского времени из могильников Модалы и Шубарат // Теория и практика археологических исследований. № 1 (25). С. 99–108. DOI: [https://www.doi.org/10.14258/tpai\(2019\)1\(25\).-09](https://www.doi.org/10.14258/tpai(2019)1(25).-09)
- Окладников, А. П. (1989) [1964] Олень Золотые Рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Открытие Сибири. Главы из книги. Хабаровск : Книжное издательство. 208 с.
- Окладников, А. П., Мазин, А. И. (1976) Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 189 с.
- Руденко, С. И. (1953) Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 402 с. + 120 табл.
- Руденко, С. И. (1962) Сибирская коллекция Петра I / Свод археологических источников, САИ ДЗ-9. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 52 с. + 27 табл.
- Сарианиди, В. А. (1983) Афганистан: сокровища безымянных царей. М. : Главная редакция восточной литературы. 159 с.
- Семенов, В. А. (2011) Искусство скифов на севере Центральной Азии // Научные труды. № 17. С. 3–20.
- Толстякова, С. П. (2019) Ритуальная атрибутика в эпическом сюжете Олонхо // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность»: сборник статей VII Международной научно-практической конференции (21–22 июня 2019 г., Бишкек, Кыргызстан). Бишкек : Алтын тамга. 360 с. с. 263–266.
- Ховалыг, Р. Б., Хорлуштай, Ш. Р., Дамба, А. В., Ооржак, В. Д. (2019) Реконструкция образов «царя» и «царицы» из кургана Аржан-2: особенности, проблемы, пути их решения // Oriental Studies. № 5 (45). С. 799–811. DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-45-5-799-811>
- Чугунов, К. В. (2002) Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура : сборник научных работ / под ред. Ю. Ф. Киришина, А. А. Тишкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 230 с. С. 142–149.
- Чугунов, К. В. (2009) Аржан-1 и Аржан-2: сравнительный анализ [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. С. 176–186. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/637> (дата обращения: 13.11.2020).
- Чугунов, К. В. (2020) Маркеры культурно-хронологических горизонтов раннескифского времени в азиатской зоне степей Евразии — опыт выделения // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения

д. и. н. И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. В. П. Никоноров, Л. Б. Кирчо, Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2020. 308 с., ил. С. 229–231. DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-229-231

Шульга, П. И. (2013) Особенности угасания и трансформации раннескифских культур в VI в. до н.э. на востоке Евразии (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. История. № 3 (23). С. 319–323.

Cambon, P., Jarrige, J.-F. (Eds) (2006) Afghanistan. Les tresors retrouves. Collections du musee national de Kaboul. Paris : Musee national des arts asiatiques-Guimet. 299 p.

Frumkin, G. (1964) Archaeology in Soviet Central Asia. III Kirgiziya and the Fergana Valley // Central Asian Review. Vol. XII, № 1. P. 16–29.

Kilunovskaya, M., Semyonov, V. (2019) Ancient Cultures of Tuva and Its Environment in 4th–1st Millennia BC // Восточный курьер. № 1–2. С. 30–61. DOI: <https://www.doi.org/10.18254/S268684310007885-6-1>

Parsons, T. (1985) On Institutions and Social Evolution. Selected Writings. Ed. and Introduction by Leon H. Mayhew / The Heritage of Sociology Series. Chicago ; London : The University of Chicago Press. 356 p.

Shao, C. (2000) L'ancienne civilization nomade des steppes du nord de la Chine // L'Asie des steppes d'Alexandre le Grand a Gengis Khan / Jean-Paul Desroches. Paris ; Barcelone : la Reunion des musees nationaux/Musee national des Arts asiatiques-Guimet, la Fundacio «la Caixa». 202 p. P. 17–29.

Turbat, Ts., Batsukh, D. (2015) L'art dans la culture de Pazyryk et ses manifestations dans l'Altai Mongol // France-Mongolie: Decouvertes archeologiques. Vingt ans de partenariat. Sous la direction de P.-H. Giscard, T. Turbat. Catalogue de l'exposition. Ulaanbaatar : Institut d'Histoire et d'Archeologie. 176 p. P. 33–39.

Дата поступления: 17.12.2020 г.

REFERENCES

Akischev, K. A. (1978) *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana [Kurgan Issyk. Art of the Saks of Kazakhstan]*. Moscow, Iskusstvo. 132 p. (In Russ.).

Grach, A. D. (1955) Kamennye izvaianiia zapadnoi Tuvy (K voprosu o pogrebal'nom rituale tugi) [Stone statues of the West Tuva: on the Tugu burial ritual]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]*. Vol. XVI. 461 p. Pp. 401–431. (In Russ.)

Kilunovskaya, M. E. (2018) Arkheologicheskie pamiatniki na granitse Tuvy i Mongolii (problemy kul'turnoi pri-nadlezhnosti i khronologii) [Archaeological sites on the border of Tuva and Mongolia (problems of cultural affiliation and chronology)]. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai*, no. 1 (21), pp. 35–54. (In Russ.).

Kilunovskaya, M. E. and Semenov, V. A. (2019) Iskusstvo drevnei Tuvy (III–I tysiacheletii do n. e.) [Art of ancient Tuva (3rd – 1st millennium BC)]. *Iskusstvo Evrazii*, no. 3 (14), pp. 20–49. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.002>

Kisel, V. A. (2019) Pogrebal'noe ubranstvo iz kurgana Arzhan-2: dekor, tekhnologii, avtorstvo [Funeral paraphernalia from kurgan Arzhan-2: decor, technologies, authorship]. *Camera Praehistorica*, no. 2 (3), pp. 93–122. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.31250/2658-3828-2019-2-93-122>

Koreniako, V. A. (2002) *Iskusstvo narodov Tsentral'noi Azii i zverinyi stil' [The art of the peoples of Central Asia and the Animal style]*. Moscow, Vostochnaia literatura RAN Publ. 327 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1999) Vnutri mysliashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriia [Inside the Thinking Worlds. Man — text — semiosphere-history]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 464 p. (In Russ.).

Mannaj-ool, M. H. (1970) *Tuva v skifskoe vremia (Uyuskaia kul'tura) [Tuva in Scythian time: the Uruk culture]*. Moscow, Nauka. 117 p. (In Russ.)

Nurmukhanbetov, B. N., Tulegenov, T. Zh. and Ivanov, S. S. (2019) Kolleksiia predmetov vooruzheniia saksogo vremeni iz mogil'nikov Molaly i Shubarat [The collection of weapon of the Saka period from the Shubarat and Molaly burial mounds]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovani*, no. 1 (25), pp. 99–108. (In Russ.). DOI: [https://www.doi.org/10.14258/tpai\(2019\)1\(25\)-09](https://www.doi.org/10.14258/tpai(2019)1(25)-09)

Okladnikov, A. P. (1989) [1964] *Olen' Zolotyie Roga. Rasskazy ob okhote za naskal'nymi risunkami. Otkrytie Sibiri. Glavy iz knigi [The Deer with Golden Antlers: Stories about hunting for rock paintings. The discovery of Siberia. Chapters from the book]*. Khabarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 208 p. (In Russ.).

Okladnikov, A. P. and Mazin, A. I. (1976) *Pisanitsy reki Olekmy i Verkhnego Priamur'ia [The writings of the Olekma River and the Upper Amur region]*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 189 p. (In Russ.).

Rudenko, S. I. (1953) *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia [Culture of the population of the Mountain Altai in the Scythian times]*. Moscow, Leninrgad, Izd-vo AN SSSR. 402 p. + 120 tabl. (In Russ.).

Rudenko, S. I. (1962) *Sibirskaiia kolleksiia Petra I / Svod arkheologicheskikh istochnikov, SAI D3-9 [The Siberian collection of Peter the Great / A compilation of archaeological sources, SAI D3-9]*. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR. 52 p. + 27 tabl. (In Russ.).

Sarianidi, V. A. (1983) *Afganistan: sokrovishcha bezyimiannykh tsarei [Afghanistan: treasures of the nameless kings]*. Moscow, Glavnaia redaksiia vostochnoi literatury. 159 p. (In Russ.).

Semenov, V. A. (2011) *Iskusstvo skifov na severe Tsentral'noi Azii [Scythian art in the North of Central Asia]*. *Nauchnye Trudy*, no. 17, pp. 3–20. (In Russ.).

Tolstiaikova, S. P. (2019) *Ritual'naia atributika v epicheskom siuzhete Olonkho [Ritual accessories in the epic plot of Olonkho]*. In: *Tengrianstvo i epicheskoe nasledie narodov Evrazii: istoki i sovremennost' [Tengrianism and the epic heritage of the peoples of Eurasia: origins and modernity]*: collection of articles of the 7th international research conference (June 21–22, 2019, Bishkek, Kyrgyzstan). Bishkek, Altyn tamga. 360 p. Pp. 263–266. (In Russ.).

Khovalyng, R. B., Khorlushtai, Sh. R., Damba, A. V. and Oorzhak, V. D. (2019) *Rekonstruktsiia obrazov «tsaria» i «tsaritsy» iz kurgana Arzhan-2: osobennosti, problemy, puti ikh resheniia [Reconstructing Images of 'King' and 'Queen' from Arzhan-2 Mound: Features, Problems, Solutions]*. *Oriental Studies*, no. 5 (45), pp. 799–811. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-45-5-799-811>

Chugunov, K. V. (2002) *Kherekhsury Tsentral'noi Azii (k voprosu ob istokakh traditsii) [The Kherekhsurs of Central Asia: the origins of tradition]*. In: *Severnaia Evraziia v epokhu bronzy: prostranstvo, vremia, kul'tura [Northern Eurasia in the Bronze Age]: space, time, culture : a collection of articles / ed. by Yu. F. Kiriushin and A. A. Tishkin*. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta. 230 p. Pp. 142–149. (In Russ.).

Chugunov, K. V. (2009) *Arzhan-1 i Arzhan-2: sravnitel'nyi analiz [Arzhan-1 and Arzhan-2: a comparative analysis]*. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 176–186 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/637> (access date: 13.11.2020). (In Russ.).

Chugunov, K. V. (2020) *Markery kul'turno-khronologicheskikh gorizontov ranneskifskogo vremeni v aziatskoi zone stepei Evrazii — opyt vydeleniia [Markers of cultural and chronological horizons of the Early Scythian time in the Asian zone of the Eurasian steppes: the experience of selection]*. In: *Drevnie i srednevekovye kul'tury Tsentral'noi Azii (stanovlenie, razvitiie i vzaimodeistvie urbanizirovannykh i skotovodcheskikh obshchestv) [Ancient and medieval cultures of Central Asia: formation, development and interaction of urbanized and pastoral societies]*: Proceedings of the International Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Doctor of Historical Sciences A. M. Mandelstam and the 90th anniversary of the birth of Doctor of Historical Sciences I. N. Khlopin (November 10–12, 2020, St. Petersburg) / ed. by V. P. Nikonorov, L. B. Kircho and E. O. Stoianov. St. Petersburg, IIMK RAN. 308 p., il. Pp. 229–231. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.31600/978-5-907298-09-5-229-231>

Shul'ga, P. I. (2013) *Osobennosti ugasanii i transformatsii ranneskifskikh kul'tur v VI v. do n.e. na vostoke Evrazii (k postanovke problemy) [Special features of decline and transformation of the early Scythian cultures in the sixth century b.c. in the East of Eurasia (defining the problem)]*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, no. 3 (23), pp. 319–323. (In Russ.).

Cambon, P. and Jarrige, J.-F. (Eds) (2006) *Afghanistan. Les tresors retrouves. Collections du musee national de Kaboul*. Paris, Musee national des arts asiatiques-Guimet. 299 p.

Frumkin, G. (1964) *Archaeology in Soviet Central Asia. III Kirgiziya and the Fergana Valley*. *Central Asian Review*, vol. XII, no. 1, pp. 16–29.

Kilunovskaya, M. and Semyonov, V. (2019) *Ancient Cultures of Tuva and Its Environment in 4th–1st Millennia BC*. *Vostochnyi kur'er*, no. 1–2, pp. 30–61. DOI: <https://www.doi.org/10.18254/S268684310007885-6-1>

Parsons, T. (1985) *On Institutions and Social Evolution. Selected Writings*. Ed. and Introduction by Leon H. Mayhew / The Heritage of Sociology Series. Chicago; London, The University of Chicago Press. 356 p.

Shao, C. (2000) *L'ancienne civilization nomade des steppes du nord de la Chine*. In: *L'Asie des steppes d'Alexandre le Grand a Gengis Khan / Jean-Paul Desroches*. Paris; Barcelone, la Reunion des musees nationaux/Musee national des Arts asiatiques-Guimet, la Fundacio «la Caixa». 202 p. Pp. 17–29.

Turbat, Ts. and Batsukh, D. (2015) *L'art dans la culture de Pazyryk et ses manifestations dans l'Altai Mongol*. In: *France-Mongolie: Decouvertes archeologiques. Vingt ans de partenariat*. Sous la direction de P.-H. Giscard, T. Turbat. Catalogue de l'exposition. Ulaanbaatar, Institut d'Histoire et d'Archeologie. 176 p. Pp. 33–39.

Submission date: 17.12.2020.

Поясные наборы в культуре кочевников Тувы

Марина Е. Килуновская, Владимир А. Семенов, Анатолий В. Семенов, Варвара С. Бусова
Институт истории материальной культуры РАН, Российская Федерация

Одним из важнейших компонентов культуры номадов Центральной Азии является пояс, который обладает важной прагматической функцией, но также имеет символическое значение. Благодаря этим свойствам в поясной фурнитуре и конструкции пояса четко отражаются те культурно-исторические процессы, которые происходят в обществе кочевников, он является своего рода очень ярким хронологическим индикатором.

Начиная со раннескифского времени (с VIII до н. э.) и вплоть до позднего средневековья широкое распространение получили т. н. наборные пояса, в которых на кожаную основу надевались различные металлические и костяные украшения и к ней подвешивались необходимые предметы и оружие. В тувинской культуре кожаные ремни в основном используются как охотничьи – портупейные, для ношения оружия. Кроме того, с этого же времени используются тканые пояса, которыми и по сей день тувинцы подпоясывают халаты. В оформлении этого важного атрибута можно проследить некоторую культурную преемственность между кочевниками скифской эпохи и «этнографическими», обусловленную, среди прочего, единством хозяйственно-культурного типа.

Ключевые слова: кочевники; скифское время; Тува; тувинцы; традиционная одежда; пояс; поясная фурнитура

Финансирование

Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: «Динамика взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тысячелетие до н. э. — I тысячелетие до н. э.)».

Для цитирования:

Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., Семенов А. В., Бусова В. С. Поясные наборы в культуре кочевников Тувы // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 30-50. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.2>

Килуновская Марина Евгеньевна — кандидат исторических наук., старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН. Адрес: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Тел.: +7 (911) 191-52-06. Эл. адрес: kilunmar@mail.ru

Семенов Владимир Анатольевич — кандидат исторических наук., старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН. Адрес: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Тел.: +7 (911) 266-04-53. Эл. адрес: ranbov@yandex.ru

Семенов Анатолий Владимирович — младший научный сотрудник Лаборатории камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций Института истории материальной культуры РАН. Адрес: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Тел.: +7 (911) 139-31-34. Эл. адрес: blaze85@inbox.ru

Бусова Варвара Сергеевна — младший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН. Адрес: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Тел.: +7 (921) 300-92-98. Эл. адрес: kulturrijkarman@gmail.com

Decorated belts in the culture of the nomads of Tuva

Marina E. Kilunovskaya, Vladimir A. Semenov, Anatoly V. Semenov, Varvara S. Busova

Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

One of the most important components of the nomadic cultures of Central Asia is the belt, which is both of huge pragmatic importance and endowed with a symbolic meaning. This makes it possible to match the structural features of the belt and its accessories and the cultural and historical developments in a nomadic society, with the former being excellent indicators of the latter.

From the early Scythian times (8th century BC and later) and up to the late Middle Ages, the so-called 'decorated belts' reached the peak of their popularity. The leather belt of this type was covered with metallic or bone decorations which were used for attaching the staple items and weapons. In Tuvan culture, leather belt is mainly worn as a shoulder rig to carry weapon. At the same time, textile belts were also used (and have survived up to now) as a robe girdle. The use of this important accessory reveals a certain cultural continuity between Scythian-time nomads and the 'ethnographic' nomadism, due to, among other things, the similarity between their economies and cultures.

Keywords: nomads; Scythian period; Tuva; Tuvans; traditional costume; belt; belt fittings

Financing

The article was written as part of the study in accordance with the program of fundamental studies for state academies of sciences, "The dynamics of interaction between ancient cultures of Northern Eurasia and civilizations of the East in the paleometallic age (4th – 1st millennium BC)".

For citation:

Kilunovskaya M. E., Semenov V. A. Semenov A. V. and Busova V. S. Decorated belts in the culture of the nomads of Tuva. *New Research of Tuva*, 2021, no. 1, pp. 30-50. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.2>

KILUNOVSKAYA, Marina Evgenievna, Candidate of History, Senior Researcher, Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus, Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Postal address: 18 Dvortsovaya nab., 191186 Saint-Petersburg, Russia. Tel.: +7 (911) 191-52-06. E-mail: kilunmar@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6458-9166

SEMENOV, Vladimir Anatolievich, Candidate of History, Senior Researcher, Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus, Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Postal address: 18 Dvortsovaya nab., Saint-Petersburg 191186, Russia. Tel.: +7 (911) 266-04-53. E-mail: ranbov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-1487-9277

SEMENOV, Anatoly Vladimirovich, Junior Researcher, Laboratory of treatment and digital processing of archaeological collections, Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Postal address: 18 Dvortsovaya nab., Saint-Petersburg 191186, Russia. Tel.: +7 (911) 139-31-34. E-mail: blaze85@inbox.ru

ORCID ID: 0000-0002-6655-1783

BUSOVA, Varvara Sergeevna, Junior Researcher, Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus, Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Postal address: 18 Dvortsovaya nab., Saint-Petersburg 191186, Russia. Tel.: +7 (921) 300-92-98. E-mail: kulturnijkarman@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-8964-3480

Введение

С начала I тыс. до н. э. до XX в. мы можем документально проследить развитие традиционного пояса, который является неотъемлемой частью одежды у кочевых народов. Происходят изменения как в технологии изготовления его основы — кожаной или текстильной, так и в системах крепления — пряжках, украшения — бляхах, обоймах, подвесках. В поясной фурнитуре и конструкции пояса весьма наглядно отражаются те культурно-исторические процессы, которые происходят в обществе кочевников: он является ярким социальным показателем и хронологическим индикатором, сохраняя определённые символические свойства.

Проблемам, связанным с поясами кочевников степного пояса Азии и прилегающих к нему природных зон, посвящена обширная литература, в которой рассматриваются как технологические аспекты, продиктованные технологией изготовления, реконструкцией крепления, развитием различных элементов, а также с символическим значением (Добжанский, 1990; Черемисин, 2008; Шульга, 2008; Кубарев, Шульга, 2007; Чугунов, 2016 и др.). Особенно нужно отметить фундаментальный труд С. А. Яценко, в котором дана характеристика поясной одежде и поясу в рамках реконструкции облика основных элементов костюма каждого этноса в ахменидо-скифское время (Яценко, 2006).

Целью данной работы является разноплановое изучение такого важнейшего костюмного аксессуара, как пояс, применительно к кочевникам Тувы скифской эпохи и «этнографического» времени, выявление возможной преемственности между поясами этих далеких друг от друга эпох. Научная новизна работы в том, что она является первым достаточно полным комплексным исследованием поясов разных культур Тувы скифского времени на более широком территориальном и хронологическом фоне. Эта тема в последнее время привлекает внимание многих ведущих исследователей, мнение которых мы постарались учесть в нашей работе, но полученные новые данные помогают нам по-новому взглянуть на некоторые аспекты, связанные с культурно-хронологической интерпретацией данного аспекта материальной культуры номадов Центральной Азии и сопредельных территорий. Источниковая база включает, прежде всего, практически всю совокупность поясов «скифских» культур региона, включая новые находки, полученные в ходе исследований Тувинской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Российской академии наук.

Пояс как важнейшая часть одежды в традиционной культуре тувинцев

Пояс являлся неотъемлемой частью традиционной одежды тувинцев. Это вполне объяснимо, так как у верхней одежды (халатов, шуб, кафтанов, штанов, юбок, рубах) со скифского времени отсутствовали карманы, и различные необходимые вещи подвешивались к поясу. Самым распространённым в тувинской культуре являлся пояс, сделанный из материи — кур (фото 1). Его образовывало полотнище шириной до 50 см и длиной от 3 до 6 м, которое наматывалось в несколько раз вокруг талии (Вайнштейн, 1991: 178; Тува в беге ..., 2014: 40–41). Богатые пояса делались из шелка. Женские и мужские пояса (как и многих других народов мира) отличались по цвету: первые были яркими красными, оранжевыми, голубыми, а вторые коричневыми или синими (Потапов, 1969: 215).

Фото 1. Тувинец в национальном костюме.

Фото А. И. Евсеева, 2015 г.

Photo 1. A Tuvan wearing ethnic clothes.

Photo by A. I. Evseev, 2015.

Рис 1. Фрагмент ближневосточной ткани из Пятого Пазырыкского кургана (Горный Алтай): 1 — чепрак; 2 — изображение женских фигур с кусты; 3, 4 — сцены с изображением женщин и богини (по: Семенов, 2019).
 Fig. 1. A fragment of Middle Eastern cloth from Pazyryk V kurgan (Gorny Altai): 1 — cheprak, 2 — female figure wearing a kusti, 3 and 4 — scenes with women and the goddess (from Semenov, 2019).

Традиция таких поясов достаточно древняя, как указывал С. И. Вайнштейн, существовавшая по крайней мере с XIII в. (Вайнштейн, 1991: 178). Однако ее истоки можно проследить и раньше. Так на фрагментах ткани ближневосточного происхождения из Пятого Пазырыкского кургана на соседнем с Тувой Алтае, покрывавших войлочный чепрак под седло лошади, представлена сцена с двумя парами женщин в молитвенных позах, поклоняющихся божеству¹. В руках у них находятся полосы ткани с кистями на концах, которые аналогичны священному поясу зороастрийцев («кусты» / «кустич» на пехлеви) (рис. 1). Этот пояс плели из 72 (по количеству глав Ясны) шерстяных нитей. Носят кусты все зороастрийские мужчины и женщины, трижды обернув им поясницу и завязав узлом спереди и сзади. В пятнадцатилетнем возрасте в зороастризме совершается обряд посвящения, после чего верующий обязан сам развязывать и вновь завязывать этот пояс каждый день всю последующую жизнь во время молитвы. Ему посвящены некоторые разделы Авесты, и он является показателем ритуальной чистоты (Семенов, 2019: 3–13). Пояса из тканей разных цветов и ширины зафиксированы у ираноязычных народов с ахеменидско-скифского времени (Яценко, 2006: 28–110).

То, что пояс в тувинской культуре служил не только прагматическим целям, но и выполнял функции оберега и имел апотропеические (защитные) свойства, говорит и то, что к нему подвешивались разные амулеты, а у детей медные бубенчики (Потапов, 1969: 216). Но пояс у детей появлялся не сразу, по некоторым данным — только по достижении 6 лет. В. П. Дьяконова столкнулась в своей полевой работе

¹ Фрагменты ближневосточных тканей сегодня датируются V–IV вв. до н. э., а сами погребальные комплексы — IV–III вв. до н. э.

с утверждением нарынских тувинцев¹, что человек, простой ли он житель или лама, имеет три души: 1) муу-сунус — плохая душа, 2) дунд-сунус — средняя душа и 3) сайн-сунус — хорошая душа. Сайн-сунус предохраняет человека от всяких бед и охраняет его. Как только у ребёнка появляется пояс, сайн-сунус «поселяется» в нем и неотлучно обитает в нем до смерти человека. Поэтому пояс нельзя никому ни дарить, ни продавать (Дьяконова, 1975: 88).

Как указывает В. К. Даржа, широкий тканый пояс удобен для езды на коне (он держит осанку), а также одевался во время праздничных мероприятий. Но во время ходьбы, промысла или хозяйственных работ он неудобен, поэтому талия опоясывалась ремнями или верёвками (Даржа, 2009: 161–162). В материале нетканых поясов также наблюдается чёткое отличие мужского/женского — мужские делались из волоса, а женские из козьей шерсти (Потапов, 1969: 215). Они могли завязываться или же застёгиваться на медную или железную пряжку. Интересно, что на позднем этапе уюско-саглынской культуры² (IV–II вв. до н. э.) в женских погребениях зафиксирован особый вид поясов — на тонких ремнях или веревочках нанизаны небольшие цилиндрические аргилитовые пронизки и раковины каури, спереди они завязывались на бронзовую пятикольчатую пряжку и ворворку; по бокам от пояса также на тонких ремешках крепились различные амулеты из клыков животных, вырезанные из кости в виде костыльков, колоколовидных и антропоморфных подвесок, миниатюрные бронзовые модели котелков и др. (рис. 2). По-видимому, мы имеем здесь дело с сохранением некоторых традиций, связанных в первую очередь с апотропеическими функциями поясов. Все эти предметы могут рассматриваться как обереги. Такие пояса, представляющие собой низку амулетов, которым придавалась охранная сила, широко распространены как в Европейской Скифии и на Кав-

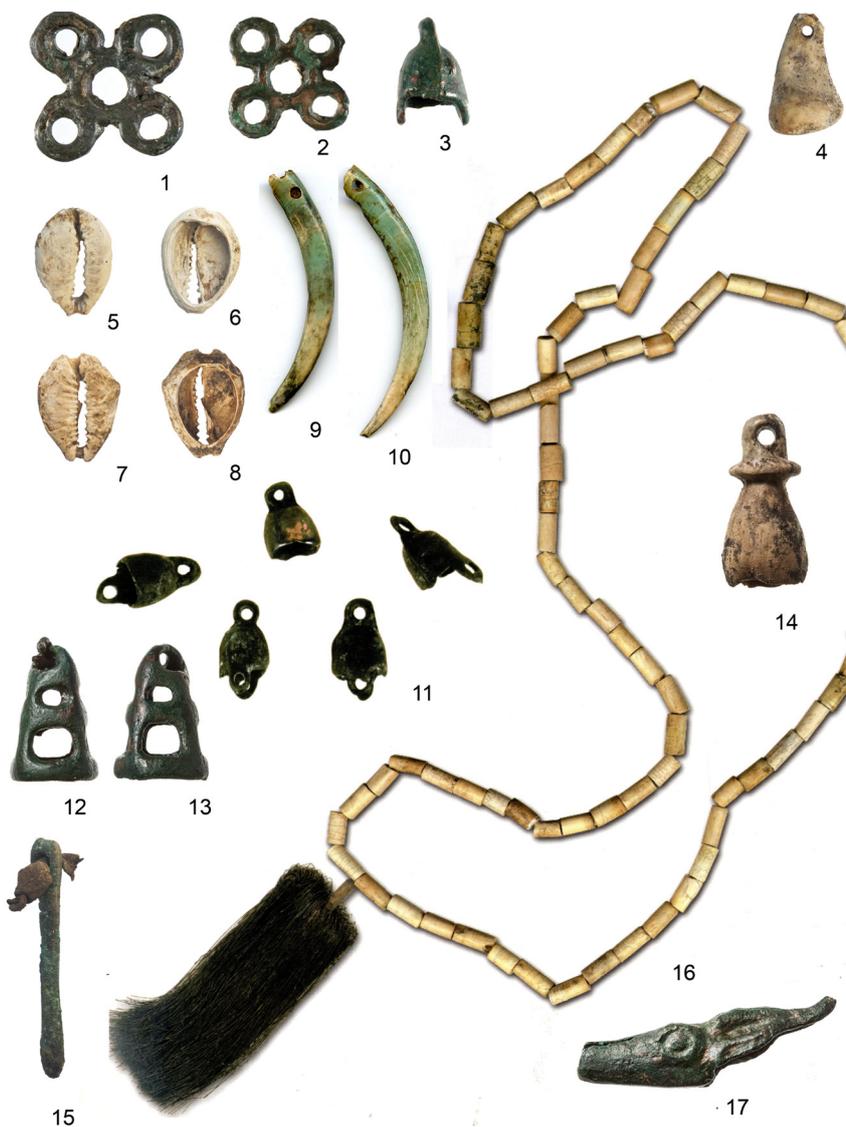

Рис. 2. Женский пояс и поясные украшения из курганов озен-ала-белигского этапа уюско-саглынской культуры: 1–3, 11–15, 17 — бронза, 4 — клык марала, 5–8 — раковины каури, 9, 10 — клыки кабарги; 14 — костяная подвеска; 16 — аргилитовые пронизки, нанизанные на кожаный ремешок. Фото Вл. А. Семенова и М. Е. Килуновской, 2016 г.

Fig. 2. Female belt and belt accessories from the kurgans of Ozen-Ala-Belig stage of Oyuk-Saglyyn culture: 1–3, 11–15, 17 — bronze, 4 — Siberian stag tooth, 5–8 — cowrie shells, 9–10 — Siberian musk deer teeth, 14 — a bone pendant; 16 — argillite pieces on a leather strap. Photos by Vl. A. Semenov and M. E. Kilunovskaya, 2016.

¹ Нарынские тувинцы — жители с. Нарын Эрзинского района, приграничного с Монголией, и родным для них является монгольский язык. Поэтому В. П. Дьяконова приводит термины монгольского языка, правда без этого уточнения.

² Уюско-саглынская культура — культура скифского круга, распространенная в Туве в VI–II вв. до н. э. Для нее характерны коллективные захоронения в глубоких ямах в срубках.

Рис. 3. Женский плетённый пояс из кургана 1 могильника Ак-Алаха 3 (по: Полосьмак, Баркова, 2005: 68, рис. 2, элемент 40).
Fig. 3. A plaited female belt from kurgan 1 of the Ak Alakha 3 burial ground (from Polos'mak, Barkova, 2005: 68, Fig. 2, element 40).

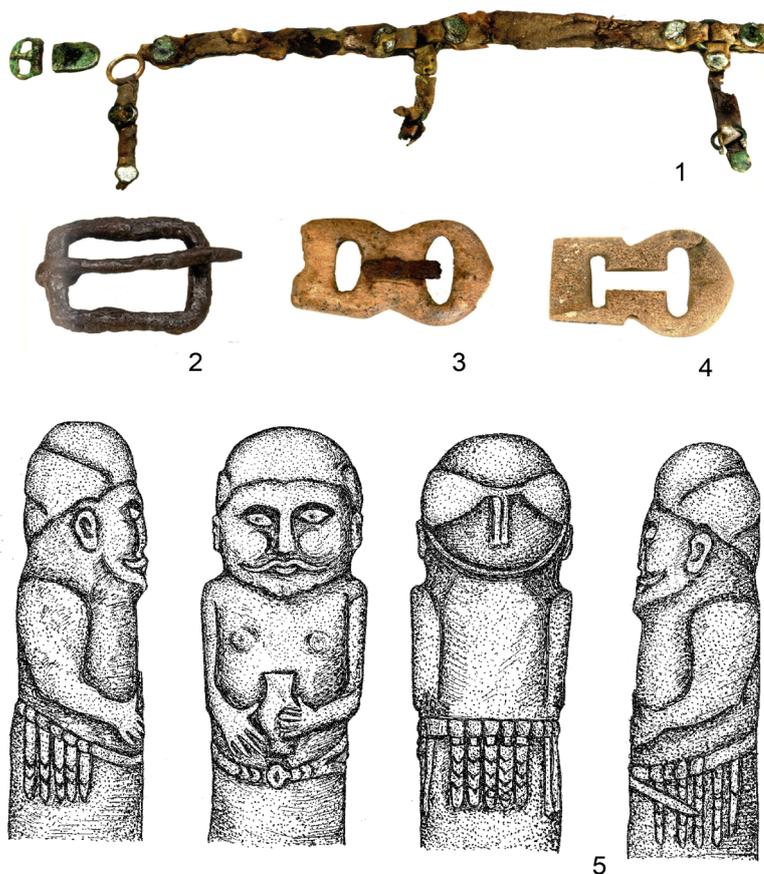

Рис 4. 1–4 — пояс и пряжки древнетюркского времени из раскопок А. Д. Грача 1957–1958 гг. в Монгун-Тайге и Саглы (*Кочевники Евразии...*, 2012: 190–191); 5 — каменное изваяние из ур. Эльте-Кежиг (рисунок М. Е. Килуновской, 1989 г.)
Fig. 4. 1–4 — Old Turkic belt and buckles, excavated by A. D. Grach in 1957–1958 in Mongun-Taiga and Sagly (*Kochevniki Evrazii...* 2012: 190–191); 5 — a stone effigy from Elte-Kezhig (a drawing by M. E. Kilunovskaya, 1989).

казе, так и на Алтае и Туве (Яценко, 2006: 348). Особое значение придавалось раковинам каури, которые в большом количестве встречаются в курганах скифского и постскифского времени, в том числе — на поясах мужчин (Сулуг-Хем) (Escitas. Tesoros ... , 2008: 97). Кроме того, что они являлись ценным обменным эталоном (своего рода были монетами), они были символом достатка, женской фертильности (как зримый символ женской vulva), деторождения. Они сохранились на поясах шаманов Саяно-Алтая (Прокофьева, 1971: 90).

На сегодня реконструированы женские верёвочные пояса скифского времени, опираясь на находки из курганов с вечной мерзлотой на Алтае, так толстые плетеные шнуры с множеством завязок найдены в курганах Ак-Алаха и в Третьем Пазырыкском кургане (Полосьмак, Баркова, 2005: 68) (рис. 3). Остатки таких шнурков происходят из могильников Саускен и Аймырлыг в Туве. Можно утверждать, что женская юбка подпоясывалась с помощью текстильного пояса, выполненного из шерсти в технике дерганья.

Все исследователи указывают на то, что до начала XX века тувинцы, а особенно богатые сойоты, вместо кушака подпоясывались ремнём, украшенным серебряными и медными бляхами (Потапов, 1969: 215; Вайнштейн, 1991: 178). Безусловно, истоки этого находятся в древнетюркской культуре, где подобные пояса с прикреплёнными к ним с помощью заклёпок бляхами и пряжками, украшенными великолепным растительным орнаментом, находятся в погребениях (яркий образец такого пояса VIII–IX вв. представлен, например, в кургане 24 у с. Успенское, см.: Мир кочевников, 2013: 100, № 325) и изображены на каменных изваяниях — көжээ (рис. 4).

Но не только парадные, но и простые кожаные ремни имели широкое распространение с начала скифской эпохи (а может быть и ранее) ввиду своей прочности и возможности подвешивания к ним довольно тяжёлых предметов (колчана с луком, кинжалов, оселков и т. д.). Это боевые или охотничьи

пояса, которые играли роль портупей. Как известно, наиболее комфортный вес, который можно распределить на поясе для взрослого мужчины — это 5–6 кг. Но и эти 5–6 кг надо рационально распределить. Более того, для устойчивого положения в седле центр тяжести должен приходиться на низ живота, и всего 1,5–2 кг имеет смысл крепить к ногам. Все предметы вроде ворворок, застёжек и обойм крепятся на пояс на кожаных шнурках, которые либо держатся за счёт продевания ремня в ремень, либо — завязывания простым узлом, основным гарантом крепости которых является постоянное нахождение под весом или нагрузкой.

Таким образом в тувинской культуре можно проследить сохранение особенного отношения к поясу, которое фиксируется в скифское время и у тюрков. Оно отразилось в первую очередь в цветовой символике и способе ношения традиционного пояса *кур*, в тонких женских поясах, которые плелись из шерсти, использовании боевого кожаного пояса у мужчин, к которому подвешивались различные предметы.

Развитие наборных поясов и поясной фурнитуры в скифское время

Начиная с раннескифского времени (с VIII до н. э.) вплоть до позднего средневековья широкое распространение получили *наборные пояса*, в которых на кожаную основу надевались различные

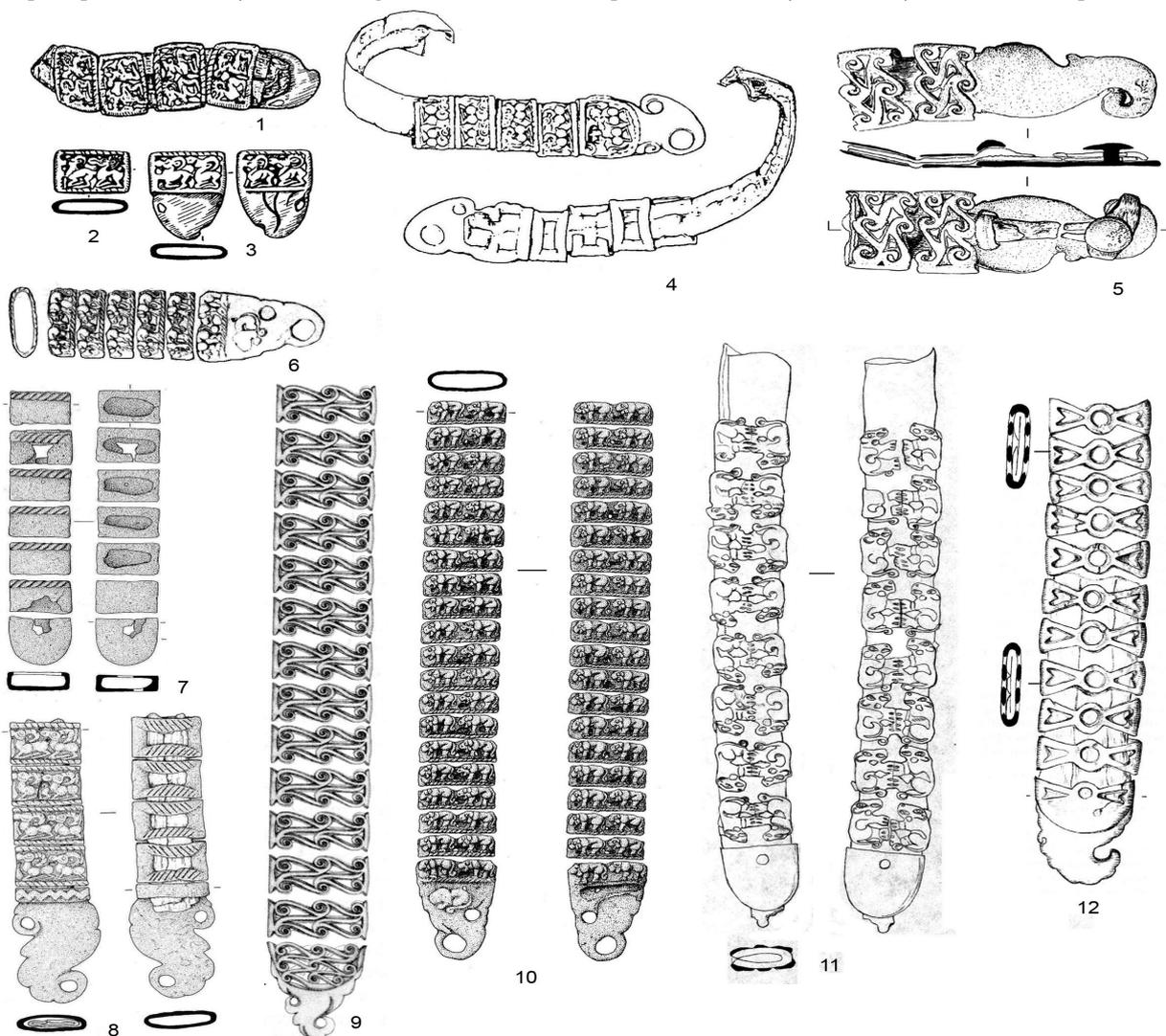

Рис. 5. Пояса из алды-бельских комплексов: 1–3 — Сыпучий Яр; 4 — Усть-Хадынныг I; 5 — Демир-Суг II (по: Монгуш К., Монгуш М., 2019: 20, рис. 2, 2); 6–9 — Аржан-2 и 10–12 — Чинге-Теї I (по: Чугунов, 2016: 337, 343, 345, 348, рис. 165, 168, 169, 174).
Fig. 5. Belts from Aldy-Bel finds: 1–3 — from Syputy Yar, 4 — from Ust'-Khadynnyg I; 5 — Demir Sug II (from Mongush K. and Mongush M., 2019: 20, Fig. 2, 2); 6–9 — Arzhan II; 10–12 — Chinge Tei I (from: Chugunov, 2016: 337, 343, 345, 348, Fig. 165, 168, 169, 174).

металлические и костяные украшения и к ней подвешивались необходимые предметы и оружие (Добжанский, 1990). Наиболее роскошный их ранний образец с обильным золотым декором видим у мужчины из основной могилы в кургане Аржан 2 (Чугунов, 2016: 337, рис. 165). Однако конструкция пояса, способ его застегивания, одевания периодически видоизменялся. Возможно, это было связано с изменением одежды, со своеобразной «модой», распространявшейся в ходе интенсивных контактов, характерных для кочевого мира. Н. Л. Членова считала наборные пояса одним из объединяющих компонентов скифского мира (Членова, 1993: 8).

В. Д. Кубарев и П. И. Шульга на основе материалов из пазырыкских курганов с берегов рек Чуи и Урсула делят кожаные наборные пояса на повседневные ремешковые (которые, скорее всего, носились под шубой и придерживали штаны) и боевые (которые отличались по технологическому исполнению), но в целом эта вариативность, выявляемая на основе разных креплений пряжек, блях, подвесок и оружия, не выпадает из рамок традиции; при этом она может быть специфичной для разных провинций одной скифо-сибирской общности (Кубарев, Шульга, 2007: 100–111). П. И. Шульга на материалах исследованных им комплексов в предгорьях Алтая реконструировал ремешковый тип пояса, распространённый у кочевников раннескифского времени Саяно-Алтая (Шульга, 2008: 104–118). Он состоял из 3–5 параллельных ремешков, скреплённых бронзовыми обоймами. Также в это время были и ремни из цельной кожаной полосы, вокруг которой одевались обоймы. Длина их достигала более полутора метров при ширине около 3 см. В основном подобные пояса относят к разряду парадных. Несколько экземпляров было найдены в Туве, и они детально проанализированы К. В. Чугуновым (Чугунов, 2016).

Рис. 6. Поясной набор из могильника Сыпучий Яр, бронза.

Фото Вл. А. Семенова и М. Е. Килуновской, 2015 г.

Fig. 6. Belt decoration set from the Sypuchy Yar burial ground. Bronze.

Photo by Vl. A. Semenov and M. E. Kilunovskaya, 2015.

Всего для раннескифского времени — алды-бельской культуры¹, несмотря на разрушение и ограбление могил, уже известно 10 более-менее целых наборных поясов с обоймами: 4 — в кургане Аржаан 2, 3 — в кургане Чинге-Тей 1, и по одному в могильниках Демир-Суг II, Сыпучий Яр и Усть-Хадынныг 1 (там же: 336), а также есть довольно много случаев нахождения отдельных обойм в разграбленных могилах (рис. 5). Во всех случаях сохраняется один конец ремня, на который вплотную надеты несколько бронзовых обойм и наконечник. Обоймы украшены с обеих сторон фигурами животных, а наконечник — фигурой в виде клюва хищной птицы.

Очень интересные поясные наборы обнаружены в могильнике Сыпучий Яр на правом берегу Енисея около пос. Баян-Кол (Семенов, 2001: 167–172). В кургане 4, который по погребальному обряду и инвентарю относится к поздней алды-бельской культуре, в могиле 1 был фрагмент пояса с четырьмя обоймами, украшенными изображениями горных козлов и фигурным наконечником (рис. 6), очень

¹ Алды-бельская культуры была выделена А. Д. Грачом и датируется VIII–VI вв. до н. э. (Грач, 1980). Для нее характерны курганы-кладбища, когда под одной насыпью, окруженной кольцом-крепидой, находятся несколько могил. Погребения совершаются в ямах с деревянными рамами или невысокими срубам, в каменных ящиках и деревянных колодах. Зачастую курганы примыкают вплотную друг к другу, образуя целые комплексы, вытянутые в широтном направлении. К алды-бельской культуре относится и царский курган Аржан-2.

близкими по декору, обнаруженным в Усть-Хадынныге. В этой же могиле были две S-видных бляхи с головами грифонов на концах и двумя грибовидными заклепками на обратной стороне. Кроме того, в могиле 2 было захоронение подростка, за спиной которого лежали остатки портупей, а именно — семь S-видных блях, которые крепились с помощью двух кнопок-шпеньков, на трех из них на лицевой

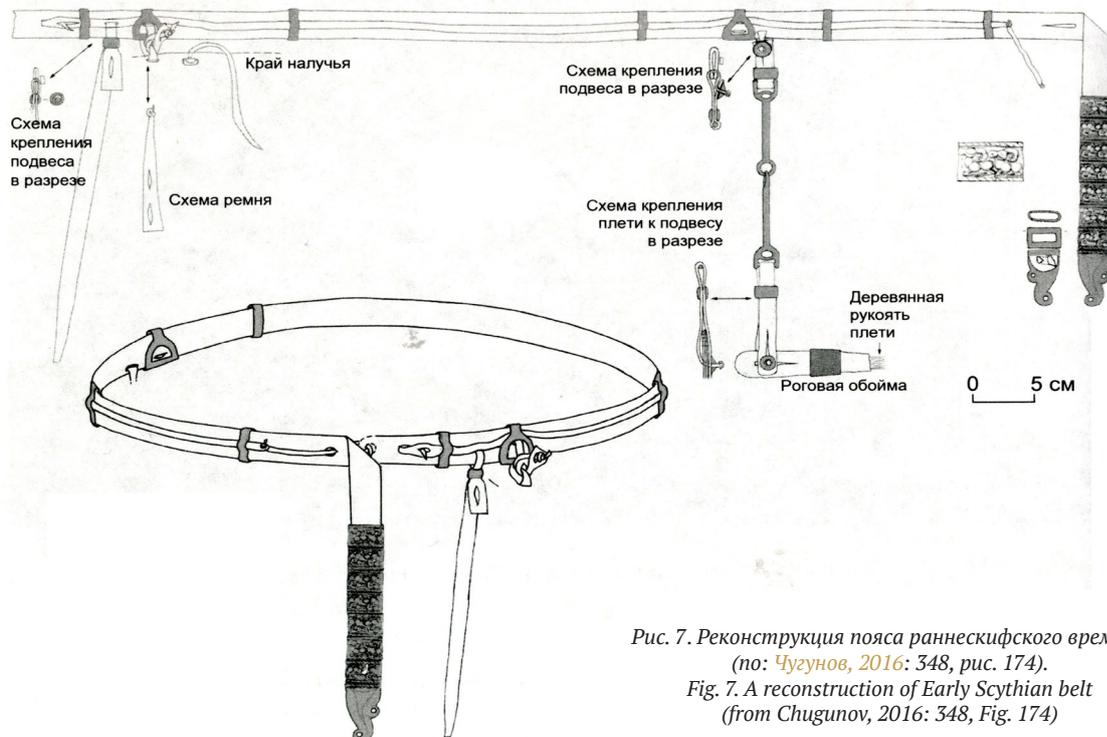

Рис. 7. Реконструкция пояса раннескифского времени
(по: Чугунов, 2016: 348, рис. 174).
Fig. 7. A reconstruction of Early Scythian belt
(from Chugunov, 2016: 348, Fig. 174)

стороне были вертикальные петли для подвешивания; две подковообразные пряжки с протомами из голов верблюдов и шпеньками для крепления. Одна бляха в виде кабана имела горизонтальную петлю на обороте и, вероятно, к ней прикреплялся вертикальный ремень, который, в свою очередь, заканчивался стержневидной застежкой-костыльком. Все вещи сделаны очень качественно, с большим мастерством. Подобные поясные комплексы известны не только в Туве, но и на Алтае и Южном Урале (могильник Кичигино 1, см.: Таиров, 2015).

В 2012 г. могиле 5 Чинге-Тея 1 был найден прекрасно сохранившийся кожаный пояс с различными предметами фурнитуры, который позволил достоверно реконструировать устройство и способ ношения этих (видимо — парадных) костюмных аксессуаров, украшенных обоймами (Чугунов, 2016: 344–350) (рис. 7). Ремень был изготовлен из полосы кожи, сложенной вдвое, при этом он не был прошит и фиксировался только обоймами, часть которых имела петли на лицевой стороне, через которые был продет дополнительный узкий ремешок. Один из концов пояса был украшен обоймами с парными изображениями баранов и фигурным наконечником с двумя отверстиями, который не служил для застегивания ремня. Именно этот отрезок пояса с наконечником свисал вниз, а для завязывания использовался дополнительный узкий ремешок, который продевался через отдельное отверстие в широком ремне (там же: 174).

При такой реконструкции стало понятно, почему парадные пояса имели столь большую длину. У них также по бокам были подвешенные артефакты на тонких ремешках. Так, на чингетейском поясе висели стремечковидные удила, которые служили для подвешивания плети (которая хорошо сохранилась и в могиле, находившейся рядом). Эту реконструкцию стало возможным распространить и на парадные пояса из Аржана 2, где в основном погребении у мужчины было два пояса. Один — парадный со свисающим концом, второй — очень длинный (190 см) (он либо обматывался вокруг тела несколько раз, либо носился через плечо). Это стрелковый пояс для ношения горита (рис. 8). Интересно, что под верхней одеждой были остатки третьего простого, повседневного пояса, скорее всего — веревочного, к которому крепился нож. Наборные пояса со свисающим концом, украшенные обоймами, были распространены до середины VI в. до н. э., то есть они исчезли одновременно с алдыбельской культурой.

Рис. 8. Реконструкция костюма из кургана Аржан 2 (по: Чугунов, 2016: 346, рис. 171).
Fig. 8. A reconstruction of apparel from Arzhan II kurgan (from Chugunov, 2016: 346, Fig. 171)

В тувинской культуре также известны стрелковые пояса, представляющие собой ремни, которые одевались поверх матерчатых (см. у тувинцев Монголии: *Amgalan*, 2008: 104). *Саадак* (чехол для лука) размещался слева, колчан со стрелами — справа, на отдельных ремнях. *Саадак* и колчан имели походный и боевой способы подвеса, менявшиеся с помощью металлических крючков и петель. В «походном» положении лук и стрелы размещались вертикально, в «боевом» положении колчан был наклонён вперёд. Ремень портупей лучника был снабжён пряжкой, ускорявшей подготовку всадника к бою. Короткий рекурсивный сложный лук являлся отличительной чертой воинов-кочевников на протяжении всего железного века. Это оружие при неоспоримой эффективности, однако, очень требовательно как к умениям владельца, так и к условиям окружающей среды, а также весьма сложно в изготовлении. При этом относительно небольшие размеры такого лука позволяют разместить его на поясе воина. Эти факторы привели к появлению такого изделия, как специальный чехол для переноски лука (*саадак*), возникший как развитие известного в археологии скифов *горита* (футляра для хранения лука и стрел вместе). Горит носился на поясе, будучи подвешен на специальном крюке, именуемом в археологии колчаным. Изображения на оленных камнях, которые отражают реалии скифского снаряжения, демонстрируют нам один пояс, на котором часто изображён и горит. При этом в погребениях скифского времени встречаются также небольшие колчаны, которые носились явно отдельно от лука. В гунно-сарматское время происходит эволюционный скачок лучного снаряжения, при сходных размерах, короткий, теперь уже сложносоставной, сигмавидный лук всадника становится массивнее. Размеры наконечников стрел кратно возрастают в тюркский, кыргызский и монгольский периоды, когда стрелковое вооружение конных лучников достигает апогея своего развития.

Во второй половине VI в. до н. э. в Саяно-Алтайском регионе формируются новые культурные традиции. Место археологических культур раннескифского времени занимают культуры скифо-сакского облика: в Горном Алтае формируется раннепазырыкская культура, сменившая бийкенскую (*Тишкин*, 2011: 271–290); в лесостепном Алтае в Барнаульском Приобье на смену большеереченской приходит староалейская, а затем каменная (*Фролов*, 2008: 167–174, 181–182); в Туве алды-бельская культура сменяется уюкско-саглынской и т. д. Смена не была такой четкой и резкой; так, например, в ранних уюкско-саглыньских памятниках прослеживаются алды-бельские традиции и, наоборот — в поздних алды-бельских захоронениях мы наблюдаем влияние пришельцев. Эталонным памятником раннего этапа уюкско-саглыньской культуры является могильник Догээ-Баары 2,

исследованный и опубликованный К. В. Чугуновым (*Чугунов*, 2007: 123–144).

В процессе наших раскопок по трассе проектируемой железной дороги Кызыл-Курагино в 2012–2016 гг. было исследовано более сотни погребальных памятников скифского времени («Дорога длиной ...», 2015: 123–190). Особенно интересны памятники в долине р. Эрбек в Центральной Туве (*Килуновская*, 2015: 42–46). С Догээ-Баары здесь соотносятся могильник Саускен 7 и некоторые курганы на могильнике Саускен 3 (*Семенов, Килуновская*, 2014: 393–422). Это захоронения в 3-х-5-ти венцовых срубках, поставленных в глубокие ямы и перекрытых бревнами. Но под каменной насыпью есть еще сопроводительные детские погребения в ямах и колодах, а в могилах нет керамики. К позднему этапу алды-бельской культуры можно отнести погребальные комплексы могильников Эки-Оттутг 1 и 2,

которые представляют удлиненные каменные наброски, перекрывающие примыкающие друг к другу в широтном направлении отдельные коллективные захоронения (от двух до шести человек) в глубоких могильных ямах и сопровождающие их погребения (в основном детские) в небольших ямах, каменных ящиках и колодах. На дне глубоких ям прослеживаются деревянные рамы из уложенных по периметру в один-два бревен, дно выложено тонкими досками. В нескольких случаях прослежено перекрытие из тонких бревен или досок, положенных параллельно полу. В этих курганах Эки-Оттуга представлены и другие компоненты, которые можно считать пережитками алды-бельской культуры — «клады» конского снаряжения, «оленные камни», пекторали, серьги с конической подвеской и др.

В «переходных» памятниках с середины VI в. до н. э. появляется новый тип поясов, который отличается конструкцией и фурнитурой (он существует и в IV в. до н. э.). На смену цельным или раздвоенным поясам раннескифского времени (иногда они состоят из 3–5 параллельных ремешков), на которые надевались бронзовые обоймы, приходит пояс с использованием срединных ремешков, на который крепились украшения (Шульга, 2007: 27–40). Интересно, что в памятниках раннего этапа уюкско-саглынской культуры, как и в алды-бельской, мы не находим *поясных пряжек* (есть только подпружные).

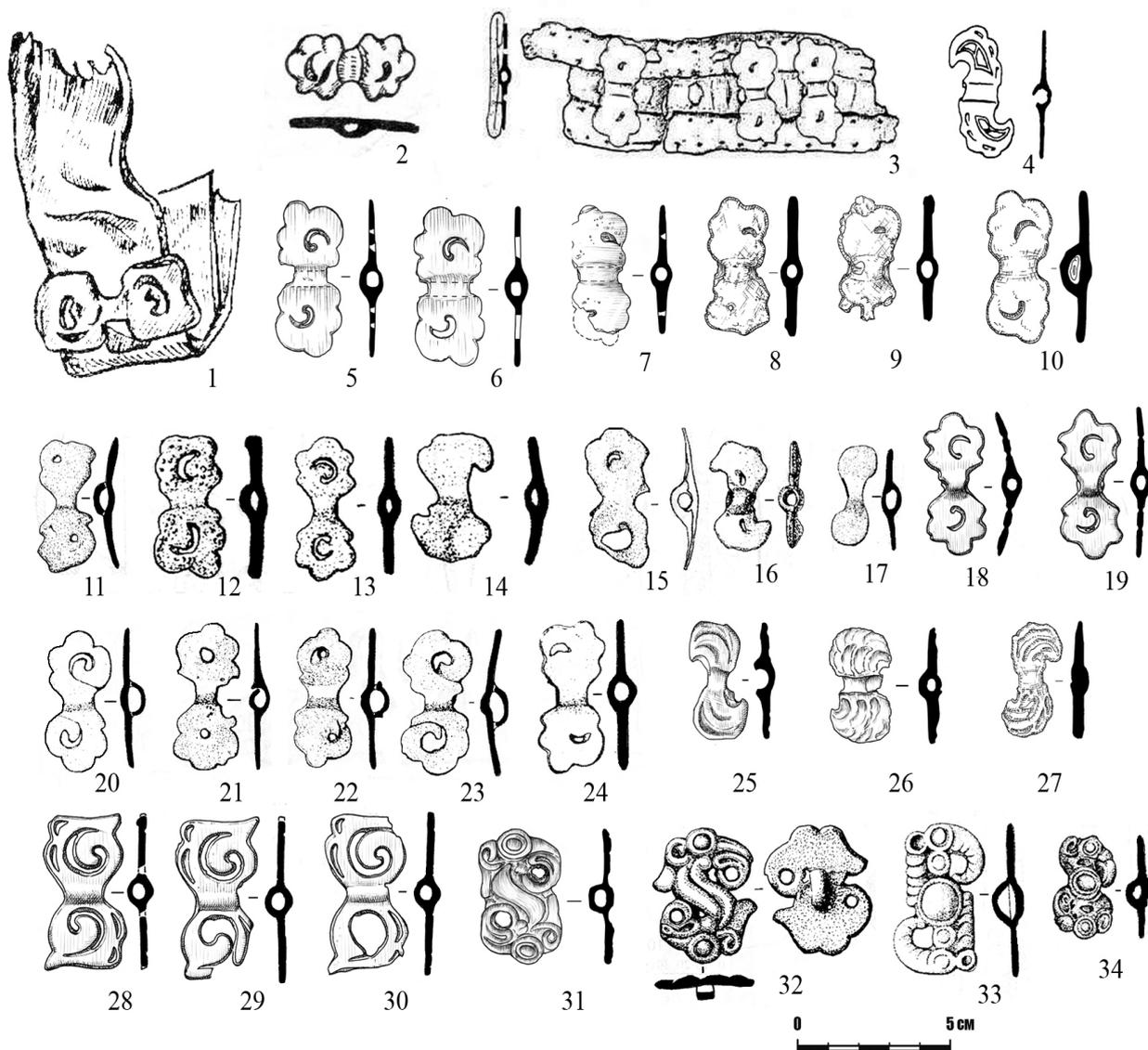

Рис. 9. Бабочковидные бляшки из курганов уюкско-саглынской культуры (бронза) и остатки поясов (1 — могильник Холаш, 3 — могильник Догэ-Баары). Рисунки М. Е. Килуновской, 2017 г.

Fig. 9. Butterfly-shaped plates from the kurgans of Oyuk-Saglyin culture (bronze) and remains of belts (1 — Kholash burial ground, 3 — Doge-Baary burial ground). Drawings by M. E. Kilunovskaya, 2017.

К сожалению, мы не располагаем ни одной более-менее целой находкой пояса: практически 90% всех погребений этого времени несут следы ограблений. Можно предположить, что в это время закрепления пояса осуществлялось с помощью завязывания срединного ремешка. Среди находок из могильников в долине р. Эрбек встречаются бронзовые фигурные накладки с полусферами и обоймы с фрагментами тонких кожаных ремешков до 2 см в диаметре, которые скорее всего относились к украшениям ремешкового пояса, который мог идти под шубой и удерживать штаны. Пятикольчатые пряжки с фрагментами кожаных ремешков из могильника Саускен 3 могли выступать в роли распределителей. Фигурная обойма, достигающая в ширину до 5 см из кургана 1, могильника Эки-Оттут 1 крепилась на основу кожаного пояса. Основной особенностью кожаных поясов в VI–III вв. до н. э. здесь являются полосы кожи, сложенные в два слоя прошитые сухожильными нитями либо широкие полосы толстой однослойной кожи. Процедура «простёгивания» изделий придаёт им эластичность и в целом укрепляет всю конструкцию. В ряде случаев сырьё для создания пояса поддаётся микроскопическому исследованию. Преобладают кожи крупного рогатого скота и лошадей.

Самыми распространенными из украшений таких поясов были «бабочковидные» бляшки-обоймы, различающиеся в незначительных деталях и по втулкам для продевания ремешков (последние свидетельствуют, что они отливались в разных формах) (рис. 9). Ареал их распространения широк: от Верхнего Приобья до Ордоса (Семенов, 1997: 19–20, рис. 23–26). При раскопках могильника Холаш в Монгун-Тайге такая бляшка была найдена in-situ притороченной к кожаному поясу. Керамические сосуды саглинской культуры, поставленные в погребение в каменном ящике, позволяют датировать его

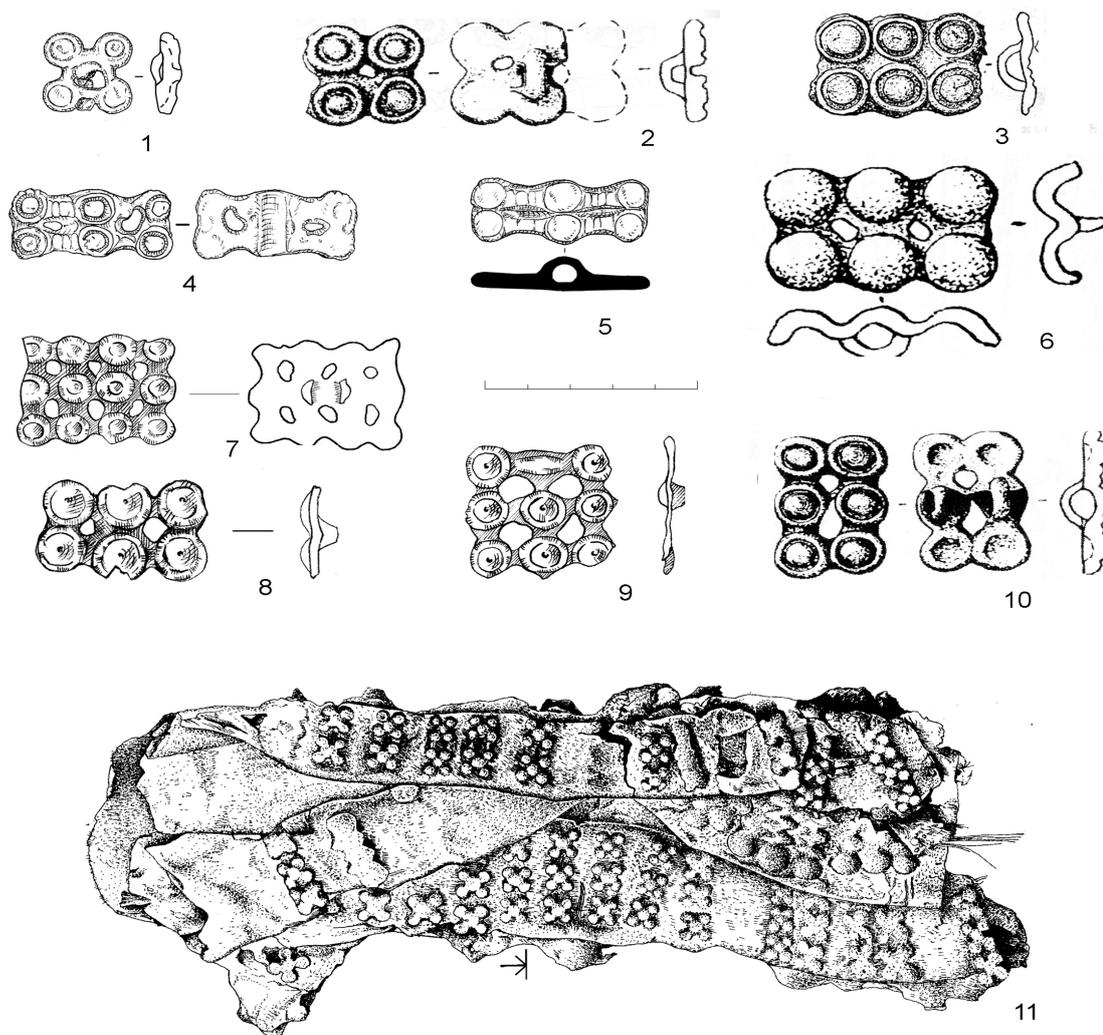

Рис. 10. 1–10 — поясные бляшки с полусферами (бронза) из Тувы и пояс из Забайкалья (11 — по: Харинский, 2004: 149, рис. 6, элемент 19).
 Fig. 10. 1–10 — belt plates with hemispheres (bronze) from Tuva and a belt from Trans-Baikalia (11 — from Kharinsky, 2004: 149, Fig. 6, element 19).

не ранее IV в. до н. э. Подобные бляшки-обоймы были обнаружены и на кожаном поясе, прикрепленными при помощи дополнительного ремешка, из кургана 17 могильника Догээ-Баары 2 (V–IV вв. до н. э.) (Чугунов, 2007: 131, ил. 13, элемент 1). В Ордосе этот тип поясных украшений появляется в период «Весен и Осеней» (771–476 гг. до н. э.) и существует в период «Сражающихся царств» (476–221 гг. до н. э.). В могильниках Маоцингоу и Таохунгбал в Ордосе бабочковидные бляшки встречаются *in situ* на поясах, где их количество достигает нескольких десятков.

Бляхи отличаются по декору. Можно их разделить на три основные группы: в виде стилизованных головок грифона, клюв которых выделен каплевидной прорезью, в виде стилизованных головок грифона с реберчатым орнаментом по поверхности; в виде стилизованных головок грифона с хо-холком. Они были, по-видимому, престижными вещами (или апотропеями). Большое число бабочковидных блях (в том числе плакированных золотом) обнаружено в курганах уюкской культуры 1 и 2 на могильнике Кош-Пей I, датируемых рубежом VI и V вв. до н. э. (Семенов, 2010а). В этом случае можно сделать предположение, что Кош-пейские курганы в Уюкской котловине оставлены племенной знатью одновременной культуры, тогда как в долине реки Ээрбек по другую сторону Уюкского хребта обитали рядовые члены социума, сохранявшего во многом традиции своих предшественников / предков, носителей алды-бельской культуры.

На могильнике Эки-Оттуг 1 была обнаружена целая серия бронзовых поясных блях со щитком прямоугольной формы из совмещённых попарно или по три дисковидных выпуклостей — от четырёх до шести, которые до этого были неизвестны в Туве¹, но широко распространены в Барнаульском Приобье и Забайкалье, где они встречаются с бабочковидными украшениями (рис. 10). Нами была прослежена очень близкая связь между этими регионами в VI–V вв. до н. э. в погребальном инвентаре, а именно поясной фурнитуры и других предметов; при этом наблюдаются существенные различия в погребальном обряде. Иными словами, контакты между Тувой и степным Алтаем в I тысячелетии до н. э. осуществлялись на уровне обмена или диффузии престижных вещей, источником которых являлся, видимо, Китай (Ки-луновская, Фролов, 2020: 126–138).

На ремешок пояса надевались также бляхи с изображением животных, которые усиливали апотропеическую функцию пред-

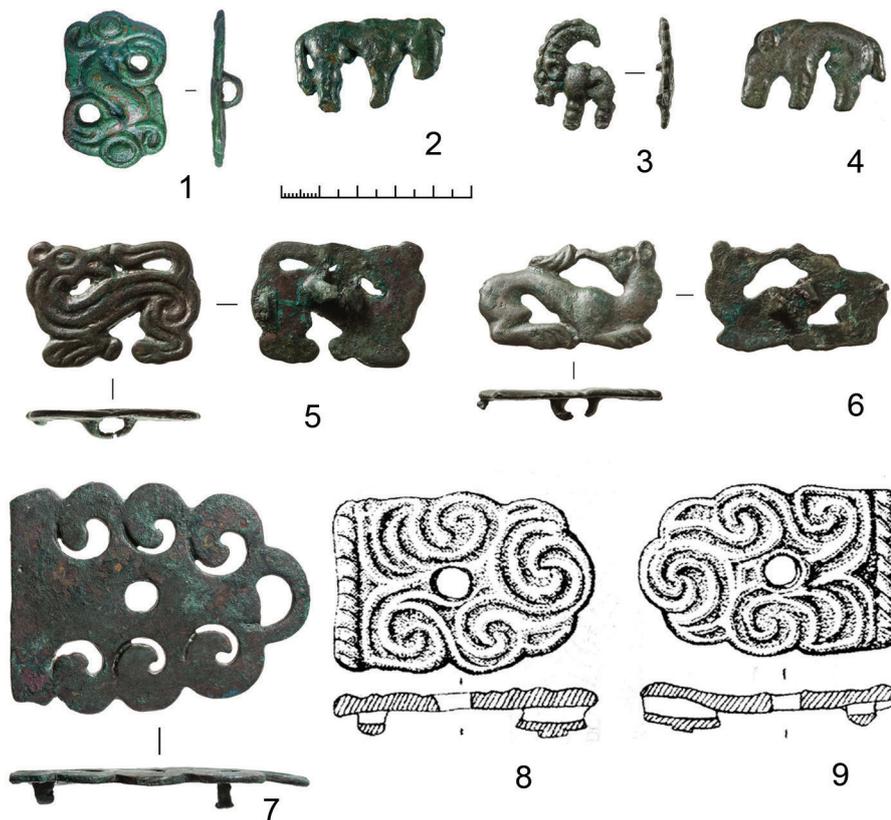

Рис. 11. Украшения пояса уюкско-саглынской культуры. Бронза. 1–7 — Тува; 8, 9 — Барнаульское Приобье (по: Фролов, 2008: 364, рис. 133, элементы 1, 2).

Fig. 11. Belt decorations of the Oyuk-Saglyn culture. Bronze, 1–7 — Tuva, 8–9 — Barnaul Ob' basin (from: Frolov, 2008: 364, Fig. 133, elements 1 and 2).

¹ В могильнике Аймырлыг (Д-7, гр. X, объект 23) сохранились фрагменты плетёных текстильных поясов с перекинутыми через них кожаными ремешками (на которых могли подвесить ножны с ножом, сумочку с гребешком и зеркало). В одном случае сохранился фрагмент такого композитного пояса с кожаным ремешком и бронзовой бляшкой с шестью полусферами (Д-7). Материалы этого комплекса не опубликованы.

мета. На могильнике Саускен 3 вместе с частью кожаного ремешка, на который были нанизаны шесть овальных обойм, являясь деталями колчанной портупеи (4 бронзовые и 3 железные) была обнаружена фигурка кабана (рис. 11, элемент 4). Эта фигурка находит близкие аналогии в материалах могильника Обские плёсы (Троицкая, Бородавский, 1994: 89, рис. 19, 5). Это пряжка в виде профильного изображения кабана с низко опущенной головой, так что «пяточок» на рыльце и копыта расположены в одну линию. Для этой фигуры характерно отсутствие излишней детализации. Она отличается особой лаконичностью. С обратной стороны пряжки припаяна вертикальная петля для крепления её к ремню. Она аналогична бляшке из алды-бельского комплекса Сыпучий Яр. В подобном стиле сделаны бляшки в виде фигурок коня из сруба 4 на могильнике Саускен 3 и козла из кургана 6 на могильнике Эки-Оттуг 2 (рис. 11, элементы 2, 3).

С Барнаульским Приобьем Туву объединяют поясные бляшки с изображением кошачьего хищника с головой, развёрнутой на спину (рис. 11, элементы 5, 6). В кургане 3 на Эки-Оттуге 2, который датируется второй половиной VI в. до н. э., были найдены два таких предмета. У них показаны лапы с когтями и задранный на спину хвост. У одного морда в виде клюва хищной птицы, у второго раскрытая пасть и на теле S-овидный завиток. Манера передачи второго зверя аналогична экземпляру из Фирсово, а также бляхам из Ордоса. Животные представлены припавшими на передние лапы. Бляхи с кошачьими хищниками с повернутыми на спину головами есть в материалах Дырестуйского могильника эпохи хунну, но там они переданы идущими (Давыдова, Миняев, 1988: 231, рис. 2, элементы 5, 6).

Еще одна деталь пояса находит соответствия в обоих сравниваемых нами регионах — это наконечник ремня в виде стилизованных головок грифонов или даже их клювов. В Туве он обнаружен в кургане 2 на могильнике Саускен 7 (рис. 11, элемент 7), а в Приобье — в могиле 184 на могильнике Фирсово XIV (рис. 11, элементы 8, 9). На оборотной стороне они имеют петлю для крепления к ремешку и шпенек для застегивания пояса.

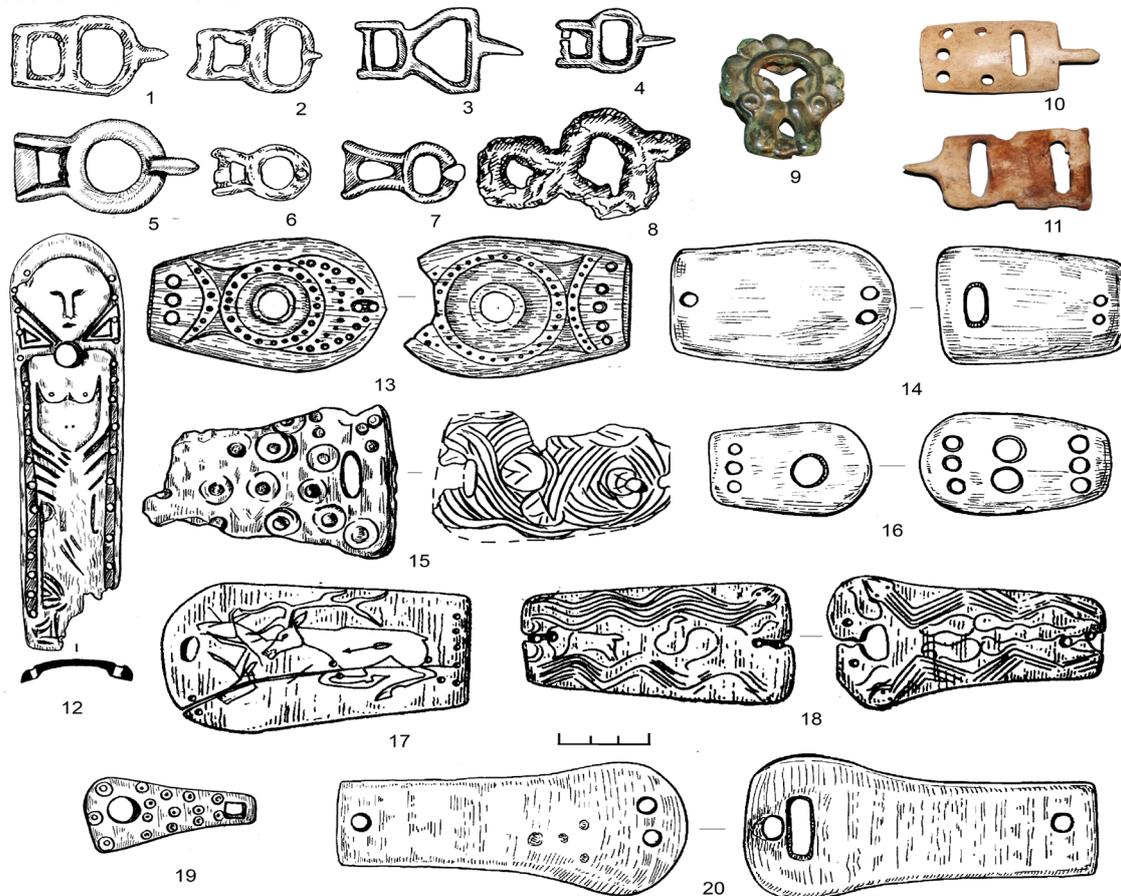

Рис. 12. Пряжки из комплексов озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры:

1–7 — бронза; 8 — железо; остальное — кость. Рисунки и фото М. Е. Килуновской, 2003 и 2014 г.

Fig. 12. Buckles from the of Ozen-Ala-Belig stage of Oyuksaglynskaya culture: 1–7 — bronze, 8 — iron, other decorations made of bone.

Drawings and photo by M. E. Kilunovskaya, 2003 and 2014.

Поясные пряжки появляются в скифских курганах Тувы на позднем этапе — озен-алабелигском (конец IV–II вв. до н. э.). Ключевым памятником являются могильники Суглуг-Хем и Хайыракан (Семенов, 2003), а также курганы на могильном поле Аймырлыг, Саускен 1, 2, 3, Красная Горка 2 и др. Для этого этапа характерно помещение в погребальные камеры-срубы богато декорированных керамических сосудов. В могилах находится большое количество костей животных. Предметы вооружения (кинжалы, чеканы, ножи) в основном сделаны из железа. Столь значительные перемены, произошедшие под влиянием культур Алтая, нашли своё отражение и в поясной фурнитуре, и в конструкции пояса. Как раз в это время появляются пряжки, сделанные из железа, бронзы и кости (рис. 12). Металлические пряжки и отчасти костяные — с неподвижным язычком, имеют прямоугольную петлю для крепления на них кожного ремня шириной 2–3 см. Широкое распространение получают большие костяные пряжки-пластины прямоугольной и трапециевидной формы со скругленным широким концом. Они имеют с одной стороны несколько отверстий для крепления к ремню, а с другой — одно или два отверстия для завязывания. Они зачастую богато декорировались циркульным и геометрическим орнаментом, резными изображениями животных и т. д. Свое развитие такие пряжки-пластины получают в эпоху хунну (II–I вв. до н. э.), когда появляются бронзовые ажурные пряжки-пластины (Килуновская, Леус, 2020: 97–126).

Рис. 13. Украшения пояса озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры: 1–3, 7, 9, 10, 12, 13, 18, 20 — бронза; остальное — кость.
Рисунки и фото М. Е. Килуновской, 2003, 2014–2016 гг.
Fig. 13. Belt decorations from the of Ozen-Ala-Belig stage of Oyuk-Saglyn culture: 1–3, 7, 9, 10, 12, 13, 18, 20 — bronze, other decorations made of bone.
Drawings and photo by M. E. Kilunovskaya, 2003, 2014 and 2016.

Чрезвычайно интересна поясная гарнитура позднескифского времени, включающая, кроме пряжек, различного рода бронзовые, золотые и костяные бляшки, пятиколычатые бляшки для продергивания тонких кожаных ремешков, железные пряжки-обоймы, колокольчики, костылевидные и ложечковидные подвески из бронзы и кости (рис. 13), многие из которых находят аналогии как в культуре сянну, так и в погребальных комплексах усуней Семиречья (Семенов, 2010b).

Нам удалось воссоздать одежду воина позднескифского времени благодаря находке неграбленного погребения на могильнике Суглуг-Хем. Умерший был одет в короткую куртку, украшенную по бортам вырезанными из золотого листа скребущими пантерами. Швы на куртке и штанах были закрыты золотыми полосками. Голову опоясывала матерчатая диадема, украшенная золотыми фи-

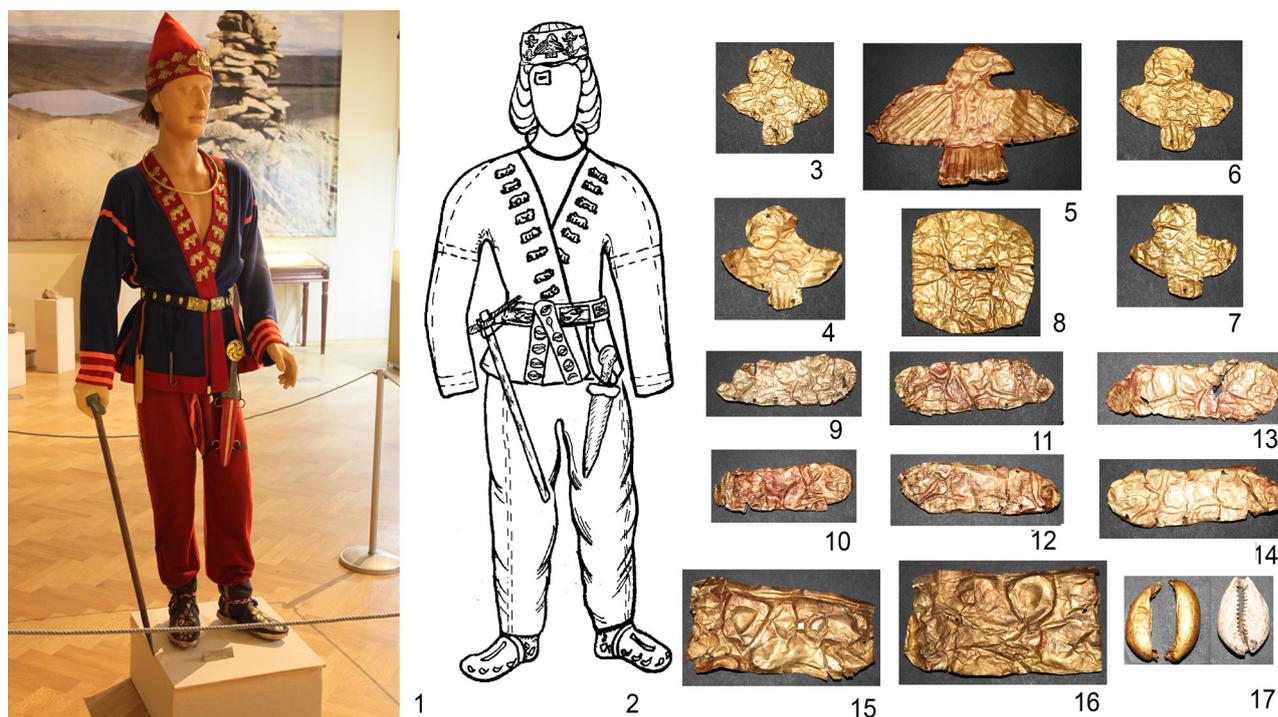

Рис. 14. Реконструкция костюма воина позднескифского времени: 3–16 — украшения одежды и пояса из могильника Суглуг-Хем 1 объект 26, золото. Рисунки и фото Вл. А. Семенова и М. Е. Килуновской 2003, 2005, 2016 гг.

Fig. 14. A reconstruction of an apparel of a Late Scythian warrior: 3–16 — clothes and belt decorations, from Object 26 on the Suglug Khem I burial ground. Gold. Drawings and photos by Vl. A. Semenov and M. E. Kilunovskaya, 2003, 2005 and 2016.

гурками орлов: 22 из них были нашиты в два ряда, а в центре располагалась «кокарда» размером 90×50 мм. На шее была железная гривна, плакированная золотой фольгой. Обувь также была обшита геометрическими фигурами из золота и золотыми лентами. Куртка была подпоясана кожаным поясом, на котором не было пряжки, он просто завязывался. По периметру пояса и на свисающих концах нашиты раковины каури, обёрнутые золотой фольгой, по центру друг напротив друга нашиты две золотые пластины с изображением голов льва. На поясе на тонких ремешках висели чекан и акинак из железа (рис. 14).

Конструкция пояса у хунну, по-видимому, такая же, как у озен-ала-белигцев. Но нужно отметить, что пряжки-пластины в это время находятся только в женских погребениях, в то время как мужской пояс крепился только с помощью железных, бронзовых и костяных рамчатых (круглых или прямоугольных) пряжек, часть которых имела неподвижный язычок. В этих погребениях уже изредка появляются пряжки с подвижным язычком. Такие мужские пряжки существуют и у тюрков, а затем у всех народов Саяно-Алтая. Материалы могильника Ала-Тей 1 в Центральной Туве дают нам представление о том, каков был состав поясного набора, но были ли это исключительно кожаные пояса или наоборот, в основе преобладал текстиль, пока сложно сказать. Женские пояса преимущественно создавали из бронзовых изделий. Медные сплавы благоприятно влияют на сохранность органических материалов, поэтому в процессе раскопок были зафиксированы следы основы. Скорее всего, в составной модели женского пояса перемычками между элементами (рамчатые бляшки, кольца и т. д.) выступали кожаные тонкие ремешки «протянутые» по широкой основе. Но возможно, есть варианты, где пояс имеет плотную широкую текстильную основу, а на него нашиваются с помощью тоненьких кожаных шнурков бронзовые имитации раковин каури.

Различие в оформлении поясных пряжек для мужчин и женщин наблюдается и в тувинской культуре. Как мы уже указывали, к поясу крепились различные предметы с помощью различных ремешков из кожи и ткани. Они пропускались через специальные пряжки *дерги* (правильнее — бляшки-обоймы), которые закреплялись на основном поясе. Такая же конструкция была и в скифское время, а наибольшее развитие получила у тюрков. *Дерги* делались из бронзы и серебра, причем у мужчин они обязательно гладкие, без орнамента, а женские, наоборот, обязательно орнаментировались, причем иногда весьма тщательно и сложно (особенно это относится к пряжкам, украшающим свадебный костюм) (Потапов,

1969: 217). С. И. Вайнштейн приводит одну интересную серебряную пряжку-терги с изображением козерога из Национального музея Республики Тыва, которая по стилю изображения аналогична поясной бляхе, от которой идет вниз ремешок для подвешивания, из второго Пазырыкского кургана (Вайнштейн, 1974: 100; рис. 65, элементы 1, 6) (рис. 15). Это ещё раз подтверждает определенную преемственность, которая существуют между скифской и тувинской культурами.

В поясной фурнитуре в первом тысячелетии до н. э. можно проследить устойчивые тенденции к изменению, связанные с появлением новых аксессуаров в costume, предметами, которые носились на поясе, модой, и возможно статусом, который приобретал этот компонент одежды в ту или иную эпоху. Здесь мы имеем в виду то, что в скифское время большое внимание уделялось боевым поясам (по большей частью мужским), а на позднем этапе скифской культур и особенно у хунну они особенно тщательно украшались для женского костюма и приобрели скорее декоративное значение, как символ богатой женщины¹.

Заключение

Пояс, как и любая вещь, использовался в контексте культуры не только в утилитарных целях. Обычная одежда кочевника была лишена карманов, и все необходимое носилось на поясе. Помимо практического, важным назначением пояса = перепоясывания/опоясывания были апотропеические свойства и функция защиты, оберега, сохранения; он также всегда служил показателем общественного ранга. Для этого использовали различные украшения в виде бляшек, пряжек, подвесок и т. д., которые в скифо-сибирском мире украшались изображениями животных или их репрезентативных частей — клювов или головок орлов или грифонов, головок оленей и верблюдов, копыт и т. д. В кочевых сообществах скифского времени портупейный пояс, безусловно, был воинским атрибутом. Ярким воплощением важного символического значения пояса является его изображения на оленьих камнях — монументах предскифского и раннескифского времени, распространенных по всей степной полосе Евразии. В основе оленьего камня, возможно, лежит идея божественного «Первопредка» — героизированного воина, носителя «непреодолимой славы». Трехчленное деление оленьего камня отражает представление о космосе: верхний мир маркируется тремя косыми линиями и кругами-серьгами и отделяется от среднего «ожерельем» или гривной/пекторалью; в среднем мире обитают копытные — олены, козлы, архары, а также хищники, стилизованные изображения которых представлены в средней зоне камня; она подчеркивается линией-поясом, к которому пририсовывается оружие, уводящее нас в нижний мир.

Все эти представления возникли к началу 1 тысячелетия до н. э., когда охотники-скотоводы перешли к кочевому хозяйствованию, и существуют до сих пор в традиционной тувинской культуре. Такие элементы, как шерстяные и веровочные пояса, стрелковые или портупейные ремни с некоторым количеством подвесных ремешков, на которых подвешивается все самое необходимое — все это имеет свои корни в культуре «скифских» племен, формирование которой происходило на Саяно-Алтае. Нужно отметить также и присущую для кочевников разницу в мужском и женском — это цвета текстильного пояса (тувинский кур), материал — плетеная веревка из тонких полос кожи или конопли или же пояс

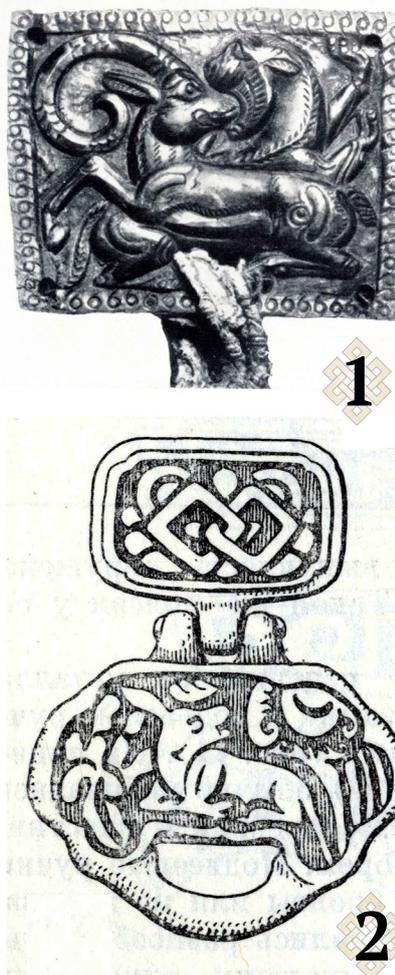

Рис. 15. Серебряные подвесные украшения пояса: 1 — Второй Пазырыкский курган (по: Артамонов, 1973: 57, рис. 71); 2 — Национальный музей Республики Тыва (по: Вайнштейн, 1974: 100; рис. 65, элемент 6).
Fig. 15. Silver pendant belt decorations: 1 — from Pazyryk II kurgan (From: Artamonov, 1973: 57, Fig. 71); 2 — preserved at the National Museum of the Republic of Tuva (from Vainshtein, 1974: 100, Fig. 65, element 6).

¹ По мнению С. С. Миняева (1948–2020), которое высказывал неоднократно в своих докладах на конференциях последних лет, но не успел опубликовать, речь идет о наложнице.

из козьей шерсти, оформление пряжек и ременных украшений, состав располагаемого на поясе инвентаря (ножи и точильный камень, колчан со стрелами, а иногда и горит с луком у мужчин; ножичек, сумочка с игольником, шилом и зеркалом у женщин). Естественно, все это менялось с развитием и сменой археологических культур, но культурная преемственность в горных районах — относительных природных изолятах — всегда присутствует, что связано и с сохранением определенного хозяйственно-культурного типа и природных условий.

Благодарности

Авторы статьи выражают признательность за разрешение воспользоваться материалами А. И. Евсееву, Н. В. Полосьмак, К. В. Чугунову, Я. В. Фролову и А. В. Харинскому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонов, М. И. (1973) Сокровища саков. М. : Искусство. 280 с.
- Вайнштейн, С. И. (1974) История народного искусства Тувы. М. : Наука. 224 с.
- Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников центра Азии. М. : Наука. 296 с.
- Грач, А. Д. (1980) Древние кочевники в центре Азии. М. : ГРВЛ. 256 с.
- Давыдова, А. В., Миняев, С. С. (1988) Пояс с бронзовыми бляшками из Дырестуйского могильника // Советская археология. № 4. С. 230–233.
- Даржа, В. К. (2009) Традиционные мужские занятия тувинцев. Т. 1. Хозяйство. Охота. Рыбалка. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 592 с.
- Дьяконова, В. П. (1975) Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л. : Наука. 164 с.
- Добжанский, В. Н. (1990) Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : НГУ. 164 с.
- «Дорога длиной в тысячелетия...» (2015) / отв. ред Н. Ф. Соловьева. СПб. : Любавич, 196 с.
- Килуновская, М. Е. (2015) Памятники декоративно-прикладного искусства из могильников скифского времени в долине р. Эрбек (Тыва) // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центр, периферия и модели культурных взаимодействий / отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб. : Скифия-принт. 138 с. С. 42–46.
- Килуновская, М. Е., Леус, П. М. (2020) Ажурны бронзовые пряжки эпохи хунну в Тыве // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (25). С. 97–125.
- Килуновская, М. Е., Фролов, Я. В. (2020) Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы // Вещь в контексте погребального обряда / отв. ред. С. А. Яценко. М. : РГГУ. 270 с. С. 126–138.
- Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки (2012) / науч. ред. М. Б. Пиотровский. СПб. : Гос. Эрмитаж ; АО «Славия». 271 с.
- Кубарев, В. Д., Шульга, П. И. (2007) Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алтайского гос. университет. 282 с.
- Мир кочевников из археологических коллекций Государственного Эрмитажа. Каталог выставки (2013) / науч. ред. М. Б. Пиотровский. СПб. : Гос. Эрмитаж ; АО «Славия». 132 с.
- Монгуш, К. М., Монгуш, М. А. (2019) Погребения раннескифского времени с предметами парадной поясной фурнитуры могильника Демир-Суг II в Тыве // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 9. Кемерово: КРИПКиПРО. 128 с. С. 17–29.
- Полосьмак, Н. В., Баркова, Л. Л. (2005) Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск : ИНФОЛИО. 232 с.
- Потапов, А. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.
- Прокофьева, Е. Д. (1971) Шаманские костюмы народов Сибири // Сборник МАЭ. Т. XXVII. С. 23–67.
- Семенов, Вл. А. (1997) Монгун-Тайга (археологические исследования в Тыве в 1994–1995 гг.). СПб. : ИИМК РАН. 48 с., 52 рис.
- Семенов, Вл. А. (2001) Сыпучий Яр — могильник алды-бельской культуры в Тыве // Евразия сквозь века / отв. ред. И. Я. Фроянов, С. Н. Астахов. СПб. : Фил. фак. СПбГУ. 250 с. С. 167–172.
- Семенов, Вл. А. (2003) Суглуг-Хем и Хайыракан. Могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб. : Петербургское востоковедение. 240 с.
- Семенов, Вл. А. (2010а) Кош-Пейские курганы в тувинской долине царей (VI–V вв. до н. э.) // Древние культуры Евразии. Материалы конференции посвященной 100-летию А. Н. Бернштама / ред. В. А. Алёшкин. СПб. : Инфо-ол. 326 с. С. 241–246.

Семенов, Вл. А. (2010b) Усуни на севере Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (43). С. 101–112.

Семенов, Вл. А. (2019) Фрагменты ближневосточного гобелена из Пятого Пазырыкского кургана // Научные труды. Выпуск 49. С. 3–13.

Семенов, Вл. А., Килуновская, М. Е. (2014) Могильник скифского времени Саускен 3 в долине реки Ээрбек (Республика Тыва) // Археология древних обществ Евразии / отв. ред. В. А. Алёшкин. СПб. : Арт-Экспресс. 464 с. С. 393–422.

Таиров, А. Д. (2015) Комплекс раннесакского времени кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии / отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы : НИЦИА «Бегазы-Тасмола». 218 с. С. 300–319.

Тишкин, А. А. (2011) Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica». Материалы международного симпозиума (17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай) / отв. ред. В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН. 408 с. С. 273–290.

Троицкая, Т. Н., Бородовский, А. П. (1994) Большеереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : Наука. 184 с.

Тува в беге времени. Каталог выставки (2014) / рук. И. Б. Шалугина. М. : Музей декоративно-прикладного искусства. 96 с.

Фролов, Я. В. (2008) Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. — II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука. 480 с.

Харинский, А. В. (2004) Погребальный ритуал населения Северного Прибайкалья в середине I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. (по материалам могильника Байкальское XXXI // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 2. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета. 207 с. С. 134–150.

Черемисин, Д. В. (2008) Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СОРАН. 136 с.

Членова, Н. Л. (1993) О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургский археологический вестник. № 7. С. 49–77.

Чугунов, К. В. (2007) Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // А. В. Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова / науч. ред. С. В. Хаврин. СПб. : Культ-Информ-Пресс. 190 с. С. 123–144.

Чугунов, К. В. (2016) Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу Евразийских древностей / отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СОРАН. 624 с. С. 336–356.

Шульга, П. И. (2007) О конструкции раннескифских поясов с Алтая и прилегающих территорий // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СОРАН. 288 с. С. 27–40.

Шульга, П. И. (2008) Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае : в 2 ч. Барнаул : Азбука. Ч. I. Раннескифское время. 276 с.

Яценко, С. А. (2006) Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М. : Восточная литература. 664 с.

Amgalan, M. (2008) The cultural monuments of Western Mongolia. Ulanbaatar : Monsudar. 212 p.

Escitas. Tesoros de Tuv6. Cat6logo (2008) / Dir. Gen. J. A. Cort6s Garrido. Valencia: Fundaci6n MARQ. 171 p.

Im zeichen des goldenen Greifen. Konigsgraber der Scythien (2007) / Dir. W. Menghin. Munich : Prestel. 339 S.

Дата поступления: 12.12.2020 г.

REFERENCES

- Artamonov, M. I. (1973) *Sokrovishcha sakov [The Treasures of the Saks]*. Moscow, Iskusstvo. 280 p. (In Russ.).
- Vainshtein, S. I. (1974) *Istoriia narodnogo iskusstva Tuvy [A history of folk art in Tuva]*. Moscow, Nauka. 223 p. (In Russ.).
- Vainshtein, S. I. (1991) *Mir kochevnikov tsentra Azii [The world of nomads of the center of Asia]*. Moscow, Nauka. 296 p. (In Russ.).
- Grach, A. D. (1980) *Drevnie kochevniki v tsentre Azii [Ancient nomads in Central Asia]*. Moscow, Nauka. 256 p. (In Russ.).
- Davydova, A. V. and Miniaev, S. S. (1988) Poias s bronzovymi bliashkami iz Dyrestuiskogo mogil'nika [A belt with bronze plates from the Dyrestuy burial ground]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 4, pp. 230–233. (In Russ.).
- Darzhba, V. K. (2009) *Traditsionnye muzhskie zaniatiia tuvintsev [Traditional Tuvan male pursuits]*. Kyzyl, Tuvan publishing house. 592 p. (In Russ.).
- D'iakonova, V. P. (1975) *Pogrebal'nyi obriad tuvintsev kak istoriko-etnograficheskiy istochnik [The funeral rite of the Tuvans as a historical and ethnographic source]*. Leningrad, Nauka. 164 p. (In Russ.).

Dobzhanskii, V. N. (1990) *Nabornye poiasa kochevnikov Azii [Decorated belts of nomads of Asia]*. Novosibirsk, NGU. 164 p. (In Russ.).

«Doroga dlinoi v tysiacheletii...» [“The millennia-long road...”] (2015) / ed. by N. F. Solovyev. St. Petersburg, Liubavich, 196 p. (In Russ.).

Kilunovskaya, M. E. (2015) Pamiatniki dekorativno-prikladnogo iskusstva iz mogil'nikov skifskogo vremeni v doline r. Eerbek (Tyva) [Monuments of decorative and applied art from the burial grounds of the Scythian time in the valley of the Eerbek River (Tuva)]. In: *Rannii zheleznyi vek Evrazii ot arkhaiiki do rubezha er. Tsentri, periferiia i modeli kul'turnykh vzaimodeistvii [Early Iron Age of Eurasia from the Archaic to the turn of the Era. Center, periphery and model of cultural interactions]* / ed. by D. G. Savinov. St. Petersburg, Skifia-print. 138 p. Pp. 42–46. (In Russ.).

Kilunovskaya, M. E. and Leus, P. M. (2020) Azhurny bronzovye priazhki epokhi khunnu v Tuve [Bronze openwork buckles of the Xiongnu period in Tuva]. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai*, no. 1 (25), pp. 97–125. (In Russ.).

Kilunovskaya, M. E. and Frolov, Ya. V. (2020) Sravnitel'nyi analiz poiasnykh ukrashenii skifskogo vremeni Barnaul'skogo Priob'ia i Tuvy [Comparative analysis of Scythian belt jewelry of the Barnaul Ob region and Tuva]. In: *Veshch' v kontekste pogrebal'nogo obriada [A thing in the context of a funeral rite]* / ed. by S. A. Yatsenko. Moscow, RGGU. 270 p. Pp. 126–138. (In Russ.).

Kochevniki Evrazii na puti k imperii. Iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki [The nomads of Eurasia on their way to the Empire from the collection of the State Hermitage Museum: An exhibition catalogue] (2012) / ed. by M. B. Piotrovskii. St. Petersburg, Gos.Ermitazh; AO «Slaviia». 271 p. (In Russ.).

Kubarev, V. D. and Shul'ga, P. I. (2007) *Pazyrykskaia kul'tura (kurgany Chui i Ursula) [Pazyryk culture (Chui and Ursula mounds)]*. Barnaul, Izd-vo Altaiskogo gos.universitet. 282 p. (In Russ.).

Mir kochevnikov iz arheologicheskikh kolleksii Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki [The world of nomads from the archaeological collections of the State Hermitage Museum: An exhibition catalogue] (2013) / ed. by M. B. Piotrovskii. St. Petersburg, Gos.Ermitazh; AO «Slaviia». 132 p. (In Russ.).

Mongush, K. M. and Mongush, M. A. (2019) Pogrebeniia ranneskifskogo vremeni s predmetami paradnoi poiasnoi furnitury mogil'nika Demir-Sug II v Tuve [Burials of the Early Scythian time with items of ceremonial belt fittings of the Demir-Sug II burial ground in Tuva]. In: *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomskaia Pisanitsa»*. Vol. 9. Kemerovo, KRIPKiPRO. 128 p. Pp. 17–29. (In Russ.).

Polos'mak, N. V. and Barkova, L. L. (2005) *Kostium i tekstil' pazyryktsev Altaia (IV–III vv. do n. e.) [Costume and textiles of the Pazyryk people of Altai (IV–III centuries BC)]*. Novosibirsk, INFOLIO. 232 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka, GRVL. 402 p. (In Russ.).

Prokof'eva, E. D. (1971) Shamanskii kostiumy narodov Sibiri [Shaman costumes of the peoples of Siberia]. *Sbornik MAE*. Vol. XXVII. Pp. 23–67. (In Russ.).

Semenov, Vl. A. (1997) *Mongun-Taiga (arheologicheskie issledovaniia v Tuve v 1994–1995 gg.) [Mongun-Taiga: archaeological research in Tuva in 1994–1995]*. St. Petersburg, IIMK RAN. 48 p., 52 ill. (In Russ.).

Semenov, Vl. A. (2001) Sypuchii Iar — mogil'nik aldy-bel'skoi kul'tury v Tuve [Sypuchy Yar, the burial ground of the Aldy-Belsky culture in Tuva]. In: *Evraziia skvoz' veka [Eurasia through the ages]* / ed. by I. Ya. Froianov and S. N. Astakhov. St. Petersburg, Fil. fak. SPbGU. 250 p. Pp. 167–172. (In Russ.).

Semenov, Vl. A. (2003) *Suglug-Khem i Khayrakan. Mogil'niki skifskogo vremeni v Tsentral'no-tuvinskoii kotlovine [Suglug-Khem and Khayrakan. Burial grounds of the Scythian period in the Central Tuva basin]*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. 240 p. (In Russ.).

Semenov, Vl. A. (2010a) Kosh-Peiskie kurgany v tuvinskoii doline tsarei (VI–V vv. do n. e.) [Kosh-Pei mounds in the Tuva valley of the Kings (VI–V centuries BC)]. In: *Drevnie kul'tury Evrazii [Ancient Cultures of Eurasia]*. Proceedings of the conference dedicated to the 100th anniversary of A. N. Bernshtam / ed. by V. A. Alekshin. St. Petersburg, Info-ol. 326 p. Pp. 241–246. (In Russ.).

Semenov, Vl. A. (2010b) Usuni na severe Tsentral'noi Azii [The wusun in northeastern central Asia]. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, no. 3 (43), pp. 101–112. (In Russ.).

Semenov, Vl. A. (2019) Fragmenty blizhnovostochnogo gobelena iz Piatogo Pazyrykskogo kurgana [Fragments of an Middle Eastern tapestry from kurgan Pazyryk V]. *Nauchnye Trudy*, vol. 49, pp. 3–13. (In Russ.).

Semenov, Vl. A. and Kilunovskaya, M. E. (2014) Mogil'nik skifskogo vremeni Sausken 3 v doline reki Eerbek (Respublika Tyva) [The Sausken III Scythian burial ground in the valley of the Eerbek River, Republic of Tuva]. In: *Arheologiia drevnikh obshchestv Evrazii [Archeology of ancient societies of Eurasia]* / ed. by V. A. Alekshin. St. Petersburg, Art-Ekspres. 464 p. Pp. 393–422. (In Russ.).

Tairov, A. D. (2015) Kompleks rannesakskogo vremeni kurgana 5 mogil'nika Kichigino I v Iuzhnom Zaural'e [The complex of the Early Saka time of kurgan 5 of the Kichigino I burial ground in the Southern Trans-Urals]. In: *Sakskaiia kul'tura Saryarki v kontekste izucheniiia etnosotsiokul'turnykh protsessov Stepnoi Evrazii [Saka culture of Saryarka in the context*

of the study of ethno-socio-cultural processes of Steppe Eurasia] / ed. by A. Z. Beisenov. Almaty, NITsIA «Begazy-Tasmola». 218 p. Pp. 300–319. (In Russ.).

Tishkin, A. A. (2011) Biikenskaia kul'tura Altaia arzhano-maiemirskogo vremeni: sodержanie i opyt periodizatsii [Biyken culture of the Arzhano-Mayemir in Altai: content and experience of periodization]. In: «Terra Scythica». Proceedings of the International Symposium (August 17–23, 2011, Denisova Cave, Gorny Altai) / ed. by V. I. Molodin and S. Khansen. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN. 408 p. Pp. 273–290. (In Russ.).

Troitskaia, T. N. and Borodovskii, A. P. (1994) *Bol'sherechenskaia kul'tura lesostepnogo Priob'ia* [Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob' region]. Novosibirsk, Nauka. 184 p. (In Russ.).

Tuva v bege vremeni. Katalog vystavki [Tuva through time: an exhibition catalogue] (2014) / hand. I. B. Shalugina. Moscow, Muzei dekorativno-prikladnogo iskusstva. 96 p. (In Russ.).

Frolov, Ya. V. (2008) *Pogrebal'nyi obriad naseleniia Barnaul'skogo Priob'ia v VI v. do n.e. — II v. n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov)* [The funeral rite of the population of the Barnaul Ob' region from 6th century BC to 2nd century AD, from burial grounds data]. Barnaul, Azbuka. 480 p. (In Russ.).

Kharinskii, A. V. (2004) *Pogrebal'nyi ritual naseleniia Severnogo Pribaikal'ia v seredine I tys. do n. e. — nachale I tys. n. e. (po materialam mogil'nika Baikalskoe XXXI)* [The funeral ritual of the population of the Northern Baikal region in the middle between 1st millennium BC and 1st millennium AD: from the data of the Baikal burial ground XXXI]. In: *Tsentr'al'naiia Aziia i Pribaikal'e v drevnosti* [Central Asia and the Baikal Region in antiquity]. Issue 2. Ulan-Ude, Izd-vo Buriatskogo gosuniversiteta. 207 p. Pp. 134–150. (In Russ.).

Cheremisin, D. V. (2008) *Iskusstvo zverinogo stilia v pogrebal'nykh kompleksakh riadovogo naseleniia pazyrykskoi kul'tury: semantika zverinykh obrazov v kontekste pogrebal'nogo obriada* [The Art of the Animal Style in the burial complexes of the ordinary population of the Pazyryk culture: semantics of animal images in the context of the funeral rite]. Novosibirsk, Izd-vo IAET SORAN. 136 p. (In Russ.).

Chlenova, N. L. (1993) O stepeni skhodstva komponentov material'noi kul'tury v predelakh «Skifskogo mira» [On the degree of similarity of the components of material culture within the “Scythian World”]. *Peterburgskii arkhologicheskii vestnik*, no. 7, pp. 49–77. (In Russ.).

Chugunov, K. V. (2007) *Mogil'nik Dogee-Baary 2 kak pamiatnik nachala uiuksko-saglynskoi kul'tury Tuvy (po materialam raskopok 1990–1998 gg.)* [Mogil'nik Dogee-Baary 2 as a monument of the beginning of the Uyk-Saglynsk culture of Tuva: from the excavations in 1990–1998]. In: A. V. Collection of research papers in honor of the 60th anniversary of A.V. Vinogradov / ed. by S. V. Khavrin. St. Petersburg, Kul't-Inform-Press. 190 p. Pp. 123–144. (In Russ.).

Chugunov, K.V. (2016) *Paradnye poiasa kochevnikov Azii v ranneskifskoe vremia* [Ceremonial belts of nomads of Asia in the Early Scythian time]. In: *Altai v krugu Evraziiskikh drevnostei* [Altai in the circle of Eurasian Antiquities] / ed. by A. P. Derevianko and V. I. Molodin. Novosibirsk, Izd-vo IAET SORAN. 624 p. Pp. 336–356. (In Russ.).

Shul'ga, P. I. (2007) O konstruktsii ranneskifskikh poiasov s Altaia i prilegaiushchikh territorii [On the construction of Early Scythian belts from the Altai and adjacent territories]. In: *Altae-Saianskaia gornaia strana i sosednie territorii v drevnosti* [Altai-Sayan mountain country and neighboring territories in ancient times]. Novosibirsk, Izd-vo IAET SORAN. 288 p. Pp. 27–40. (In Russ.).

Shul'ga, P. I. (2008) *Snariazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poiasa na Altae* [Equipment of a riding horse and military belts in the Altai] : in 2 parts. Barnaul, Azbuka. Part I. Ranneskifskoe vremia [Early Scythian time]. 276 p. (In Russ.).

Yatsenko, S. A. (2006) *Kostium drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody)* [Costume in ancient Eurasia: Iranian-speaking peoples]. Moscow, Vostochnaia literatura. 664 p. (In Russ.).

Amgalan, M. (2008) *The cultural monuments of Western Mongolia*. Ulanbaatar, Monsudar. 212 p.

Escitas. Tesoros de Tuvb. Catálogo (2008) / Dir. Gen. J. A. Cortis Garrido. Valencia, Fundaciun MARQ. 171 p.

Im zeichen des goldenen Greifen. Königsgraber der Scythien (2007) / Dir. W. Menghin. Munich, Prestel. 339 p.

Submission date: 12.12.2020.

DOI: 10.25178/nit.2021.1.3

Статья

«Золотой зал» Национального музея Тувы как культурное явление

Шолбана Х. Монгуш, Мерген А. Монгуш

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация

Коллекция археологических находок из царского кургана Аржан-2 (Тува, Россия) появилась в экспозиции Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва в 2008 г. и сразу образовала центральную выставку музея с названием «Сокровища Долины царей. Царский курган Аржан-2». Она вызвала интерес к скифскому наследию у многочисленных посетителей, что отразилось в культурной жизни республики, а также стала определять и внешние культурные связи Тувы.

В статье показана предыстория создания экспозиции, процесс реэкспозиции выставки. В том числе описаны новые экспонаты 2020 г.: подлинный антропологический материал из статусного погребения погребально-поминального комплекса Аржан-2 (2 половины VII в. до н. э.). Экспозиция пополнена дополнительными деталями парадного костюма. Создана модель могилы №5 кургана Аржан-2 в виде полного комплекта погребально-поминального комплекса. Дана статистика посещаемости музея, начиная с 2008 г., и выставки с сокровищами Долины царей.

Для анализа влияния экспозиции на культурную жизнь Тувы рассмотрены ряд новых изданий, видов продукции, туристических и образовательных проектов, театральных и других культурных событий, которые были созданы с включением скифских мотивов, образов.

Ключевые слова: Тува; Национальный музей Республики Тыва; тувинский музей; долина царей Тувы; скифы; Аржан-2; экспозиционно-выставочная деятельность; реэкспозиция; музейная коллекция; скифское золото; золотой зал; тувинцы; тувинская культура; туризм Тувы

Для цитирования:

Монгуш Ш. Х., Монгуш М. А. «Золотой зал» Национального музея Тувы как культурное явление // Новые исследования Тувы. 2021, № 1. С. 51-72. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.3>

Монгуш Шолбана Хонук-ооловна — старший научный сотрудник отдела археологии Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394) 223-06-56. Эл. адрес: sholbana19662017@mail.ru

Монгуш Мерген Александрович — старший научный сотрудник филиала «Алдын дошка» Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7(394) 223-06-56. Эл. адрес: monmen1989@mail.ru

MONGUSH, Sholbana Khonuk-oolovna, Senior Research Fellow, Department of Archaeology, Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titova St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394) 223-06-56. Email: sholbana19662017@mail.ru **ORCID ID: 0000-0001-5545-1122**

MONGUSH, Mergen Aleksandrovich, Senior Research Fellow, Altyn Doshka branch Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titova St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394) 223-06-56. Email: monmen1989@mail.ru **ORCID ID: 0000-0003-3667-6910**

The «Golden Hall» of the National Museum of the Republic of Tuva as a cultural phenomenon

Sholbana Kh. Mongush, Mergen A. Mongush

Aldan Maadyr National Museum, Republic of Tuva, Russian Federation

The collection of archaeological finds from Arzhan II royal mound (Tuva, Russia) joined the exposition of the Aldan Maadyr National Museum in 2008 and soon became the centerpiece of the museum, permanently exhibited under the title “The treasures of the valley of kings. Royal mound Arzhan II”. The exhibition generated a lot of interest in the Scythian heritage among its numerous visitors, which in turn had a profound impact of the cultural life of the region and even on Tuva’s cultural relations.

The article examines the background of the exhibition and its subsequent re-displaying and expansion, including the new 2020 exhibits, such as the genuine anthropological material from a high-profile burial on the grounds of Arzhan II complex (latter half of 7th c. BC). The exposition now includes additional accessories of a full dress. A model of Grave, Arzhan II complex, has been created as a full reconstruction of a funeral rite. The article also provides the statistics of museum visits since 2008, and a separate statistics of the Valley of kings exhibition.

The analysis of the impact the exhibition had on Tuva’s cultural life covers a number of new books, other produce, touristic and educational events, theatrical and cultural events, all of which make use of Scythian motifs and imagery.

Keywords: Tuva; National Museum of the Republic of Tuva; Tuvan museum; valley of Kings in Tuva; Scythians; Arzhan II; exposition work; re-display; museum collection; Scythian gold; Golden Hall; Tuvans; Tuvan culture; tourism in Tuva

For citation:

Mongush Sh. Kh. and Mongush M. A. The «Golden Hall» of the National Museum of the Republic of Tuva as a cultural phenomenon. *New Research of Tuva*, 2021, no. 1, pp. 51-72. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.3>

Введение

Республика Тыва имеет уникальное и богатое археологическое наследие. Археологи считают, что здесь «во всех районах можно встретить стоянки древнего человека, поселения эпохи бронзы, средневековые крепости, могильники различных исторических эпох, памятники монументального искусства — оленные камни, тюркские изваяния и рунические стелы, местонахождения наскальных рисунков» (Килуновская, 2012: 102). При этом, по мнению К. В. Чугунова, «подавляющее большинство археологических памятников Тувы составляют древние захоронения — курганы» (Аржан. Источник..., 2004: 10). В «Долине царей» среди сотен курганов в 1970–1974 гг. исследован раннескифский курган Аржан-1 из-за интенсивного разрушения от внешних факторов. Спустя 30 лет ученые из России и Германии исследовали курган Аржан-2¹, он «осыпал археологов подарками и задал великое множество вопросов. Их будет обсуждать не одно поколение исследователей» (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017: 3).

Коллекция кургана Аржан-2 впоследствии экспонировалась: в 2004 г. в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург, Россия) под названием «Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве»; в 2007 г. в Музее древней истории (Берлин, Германия), а затем в том же году в гг. Мюнхене и Гамбурге в составе Международной выставки «Под знаком золотого грифона. Царские могилы скифов» (Дыртык-оол, 2009).

¹Varoli J. Scythian Gold From Siberia Said to Predate the Greeks [Электронный ресурс] // The New York Times. 2002, January 9. URL: <https://www.nytimes.com/2002/01/09/arts/scythian-gold-from-siberia-said-to-precede-the-greeks.html> (дата обращения: 10.12.2020).

2 ноября 2008 г. выставка «Сокровища Долины царей. Царский курган Аржан-2» открылась в Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (далее — НМ РТ) и с тех пор стала центральной и самой притягательной экспозицией музея. Ее открытие широко освещалось местными, российскими и зарубежными средствами массовой информации (Кудажы, Опей-оол, 2009: 67). Выставку посещают все высокопоставленные гости республики. Более того, выставка вызывает постоянный интерес и творческой интеллигенции республики, которая стала черпать в образах прошлого новые источники для создания своих творений. Тем самым археологические находки древности, экспонируемые в музее, оказывают влияние на современную культурную жизнь Тувы.

И данная статья посвящена анализу этого влияния, что до сих пор не становилось предметом научных исследований.

Следует отметить, что о самом «Золотом зале», как нередко называют эту выставку, написано немало научных работ, которые также стали одним из важных видов источников при подготовке данной статьи: О. О. Монгуш (Монгуш, 2006), Р. Б. Ховалыг (Ховалыг, 2009); А. О. Дыртык-оол (Дыртык-оол, 2009, 2013); К. В. Чугунов, Г. Парцингер, А. Наглер (Чугунов, 2004, 2008ab, 2010; Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017); У. Б. Нурзат (Нурзат, 2013); В. А. Семенов, М. Е. Килуновская, О. О. Монгуш (Семенов, Килуновская, Монгуш, 2014). Другими видами источников для анализа стали: публикации в СМИ (2008–2014 гг.)¹; архивные материалы и документация в фондах НМ РТ; отзывы посетителей НМ РТ; материалы авторских опросов посетителей выставки (2019–2020 гг.).

История создания выставки в тувинском музее

Данная выставка была создана по решению научно-методического совета музея в 2008 г. Членами творческой рабочей группы были заведующая отделом истории Ш. М. Ондар, главный художник В. Н. Елизаров, художник-оформитель Х. О. Ооржак, художник-оформитель, проходивший государственную практику, А. Т. Ооржак, старший научный сотрудник отдела истории Л. М. Салчак, заведующая образовательно-культурным отделом О. О. Монгуш, старший научный сотрудник отдела истории Ч. А.-С. Монгуш, старший научный сотрудник отдела истории А. В. Ховалыг, ответственный хранитель фонда «Драгметаллы» С. Л. Бырыннай, заведующая отдел природы Л. К. Монгуш, старший научный сотрудник К.-К. Ш. Монгуш, младший научный сотрудник В. Ч. Донгак, художник-оформитель К. А. Донгак, студенты художественного отделения колледжа искусств, электрик музея М. Ш. Яндараа и др. Их всех можно считать авторами экспозиции так, как каждый из них внёс свою определённую лепту в общее дело. Отметим, также вклад студентов Кызылского колледжа искусств им. А. Б. Чыргал-оола, которые помогали от начала до завершения работ. В экспозиции выставлены более четырёх тысяч экспонатов из курганов Аржан-1 и Аржан-2.

Оформление выставки заняло около полтора месяца. Руководство музея проделало большую работу. Были заказаны и установлено оборудование (бронированные витрины), установлены световой и температурно-влажностные режимы, а также охранный сигнализация.

¹ Монгуш К. Төөгүлүг зал [Нац. музейде “Аржаан-2” базырындан тывылган эт-херекселдерни делгеп салыр чаазалдың дугайында] // Шын. 2008, № 127 (17615). С. 2; Кара-оол, Ш. Чуртунче эглип келиринин узун оруу [Скиф уезиниң эртинелери — төрөөн тывазында] // Шын. 2008, Тускай үндүрүлгө С. 1; Хюор-оол Л. Бөмбүрзекте төлептиг черни ээлээн. Сайыт-биле интервью. [Скиф уезиниң эртинелери — төрөөн тывазында] // Шын. 2008, Тускай үндүрүлгө С. 2; Монгуш К. Төөгүлүг, үнелиг зал [Скиф уезиниң эртинелери — төрөөн тывазында] // Шын. 2008, Тускай үндүрүлгө С. 3; Аркчаа К. Д. (Даржан А. очулдурган) Тываның скифтериниң дугайында [Скиф уезиниң эртинелери — төрөөн тывазында] // Шын. 2008, Тускай үндүрүлгө С. 4–5; Аракчаа К. Д. О скифах Тувы: [к открытию экспозиции Аржаан-2 в Нац. музее им. Алдан-Маадыр] // Тувинская правда. 2008, № 135 (16643). С. 4; Шагжина Н. Особые условия для царских предметов: [Золото скифов: долгий путь домой] // Тувинская правда. 2008, № 135 (16643). С. 3. Аракчаа К. О скифах Тувы: [Золото скифов: долгий путь домой] // Тувинская правда. 2008, № 135 (16643). С. 4–6; Кенин-Лопсан М. Секретная операция [Золото скифов: долгий путь домой] // Тувинская правда. 2008, № 135 (16643). С. 8; Кривдик В. В Долине царей [Золото скифов: долгий путь домой] // Тувинская правда. 2008, № 135 (16643). С. 7; Шангина Н. Стерегищие золото грифы... Открытие их тайны — сенсация и судьбы: [о выставке «Сокровища Долины царей Тувы». Царский курган «Аржаан-2»] // Тувинская правда. 2009, № 90 (16769). С. 12; Шангина Н. Три фотосессии с золотых скифов // Тувинская правда. 2009, № 90 (16769). С. 12; Дыртык-оол А. О. Сокровища Долины царей Тувы. Царский курган Аржаан-2 // Культура. Искусство Тувы. 2011, Апр. 33. С. 38–41; Качан И. Скифы и чинovníки: кто кого? // Плюс Информ. 2014, № 04 (627). С. 8; Чадамба Е. Кто решит судьбу останков скифских владетелей: [о круглом столе, посвящ. судьбе останков царской четы из кургана Аржаан-2 в Нац. музее РТ] // Тувинская правда. 2014, № 5 (17464). С. 3.

Фото 1. Экспозиционный зал № 4 (Золотой зал) Национального музея Республики Тыва.
 Фото А. Э. Мижит, 2020 г.
 Photo 1. Exhibition Room 4 (The Golden Hall), National Museum of the Republic of Tuva.
 Photo by A. E. Mizhit, 2020.

Сама выставка состоит из двух экспозиционных залов (№ 3 и № 4, фото 1), где в первом рассказывается история исследования курганов Аржан-1 и Аржан-2, в том числе представляются страницы истории археологических исследований Тувы от древнекаменного века до позднего средневековья. Посетителей встречает на метровом подиуме копия макета кургана Аржан-1, выполненная художниками В. Н. Елизаровым и П. С. Изендеевым в 1997 г. для выставки в старом здании музея. На настенных планшетах дана информация о месторасположении Тувы в

Евразийском материке. Из публикаций учёных-археологов М. П. Грязнова и М. Х. Маннай-оола (Грязнов, Маннай-оол, 1975) показаны разрез, схематический план и основные находки. В стеклянной витрине находится гроб-колода, вырезанная из лиственницы, где по бокам на невысоких подиумах расположены бревна с «проушинами» для перетаскивания.

В остальных витринах и в центральной шестигранной витрине представлены разновременные предметы вооружения воинов, украшения одежды и бытовой посуды. Акцент сделан на деятельности археолога Вл. А. Семенова — руководителя Тувинской археологической экспедиции (с 1984 по настоящее время). Учёный исследует памятники древности на территории Тувы более сорока лет, обогащая фонды археологии НМ РТ.

На южной стороне зала располагается рисунок на настенном макете, художника НМ РТ А. Т. Ооржака — панорама Турано-Уюкской котловины с удивительно красивым ландшафтом. Рядом с копией рядового кургана представлены оригинальные оленные камни и скальные плиты с петроглифами.

Основным экспонатом, передающим информацию об обряде трупоположения, является уменьшенная копия погребальной камеры царя и царицы, по которому можно узнать ещё и приблизительное расположение вещей (фото 2). Наряду с погребением вождей важны и сопутствующие захоронения в кургане. В отдельной витрине показаны предметы, сопутствующие воину. Шейное украшение в форме полумесяца из олова, наконечники из кости и бронзы, а также так называемый скифский набор, состоящий из ножа с ажурной рукоятью, оселка — точильного камня и зеркала. Наконеч, для наиболее эффективного раскрытия раздела об исследовании Аржан-2 использованы фотопланшеты, где имеются кадры процесса раскопок, схематического плана объектов, «аржанской» цепи курганов и участников от рядовых копателей, корреспондентов СМИ, специалистов разных отраслей до учёных-археологов — К. В. Чугунова, Г. Парцингера и А. Наглера.

В коридорной части выставки на стенах до входа в бронированный зал золота представлена научная реконструкция одежды царя и царицы, а также основных презентабельных предметов парадного одеяния и вооружения (фото 3).

Фото 2. Репродукция могилы 5 кургана Аржан-2 в экспозиции № 3 Национального музея Республики Тыва. Фото М. А. Монгуш, 2020 г.
 Photo 2. A reproduction of grave 5 in Arzhan II mound, exposition No. 3, National Museum of the Republic of Tuva. Photo by M. A. Mongush, 2020.

Фото 3. Коридорная часть выставки в Национальном музее Республики Тыва.

Фото А. Э. Мижит, 2020 г.

Photo 3. Corridor at the exhibition, National Museum of the Republic of Tuva.

Photo by A. E. Mizhit, 2020.

К основной экспозиции «Золотого зала» в 2016 г. прибавилось оформление ещё одной куб-витрины с научной реконструкцией внешнего облика «царских» особ из кургана Аржан-2 по методу М. М. Герасимова. Это реконструкция внешнего облика царя, царицы и одной из приближенных женщин царя, а также палеонтологический материал из кургана Аржан-2 — череп молодой женщины.

В 2019 г. к разделам экспозиции зала украшения одежды царя и царицы в витринах, дополнительно к нашитым на стенд золотым бляшкам, которые украшали поверхность парадной одежды царя и царицы, были добавлены по 42 золотых бляшек к каждой вертикальной витрине в свободно разложенном виде, также золотые бляшки кошачьих хищников¹.

Экспозиция дополнена предметами конской упряжи. Это золотые пластины из фольги для украшения гривы и хвоста коня, бронзовые псалии², бляшки и ворворки³ для уздечки и повода коня. Здесь авторы экспозиции наглядно показали расположение предметов конской упряжи на макете головы, гривны и хвоста коня для того, чтобы познакомить посетителей с конской упряжью. Эта детализация привела к еще большему интересу и к более точному представлению упряжи и украшений коня (фото 4).

Небольшое помещение перед входом в зал золота (предзал) тоже имеет соответствующее оформление (фото 5): на стенах развешены планшеты с фотографиями находок из курганов Аржан-1 и Аржан-2 известного фотографа Андрея Бронникова, которые используются для передвижных выставок (в районы республики и соседние регионы). На этих фотографиях посетители могут увидеть золотые предметы в увеличенном виде. В витрине представлены золотые находки из «рядовых» погребений

Фото 4. Экспозиционный зал № 4 «Украшения парадного снаряжения коня»

Национального музея Республики Тыва. Фото А. Э. Мижит, 2020 г.

Photo 4. Exhibition Room 4 "Decoration of the ceremonial horse harness",

National Museum of the Republic of Tuva. Photo by A. E. Mizhit, 2020.

¹Поскольку от посетителей часто поступали вопросы по поводу подлинности золотой коллекции, то все бляшки имеют номерки по книге поступления музея.

²Псалии — это конструктивные части узды в виде приспособлений разной конфигурации, представляющие единый механизм с удилами.

³Предмет конского снаряжения.

Фото 5. Предзал экспозиционного зала № 4 Национального музея Республики Тыва. Фото А. Э. Мижит, 2020 г.
Photo 5. The ante-room of Exhibition Room 4, National Museum of the Republic of Tuva. Photo by A. E. Mizhit, 2020.

в Кызылском, Пий-Хемском, Барун-Хемчикском и др. районах, чтобы экскурсоводы могли провести параллели в сравнительном анализе со статусными погребениями.

В южной стороне предзала установлены манекены скифского царя и царицы в парадном одеянии. Автор костюмов — В. О. Донгак, Заслуженный деятель искусств Республики Тыва. После закупки костюмов, смоделированных В. О. Донгаком, были заказаны копии золотых украшений (бляшки в виде кошачьих хищников) из кургана Аржан-2. Их изготовил известный в Туве мастер С. Х. Кочаа, а пришиты к верхней одежде царя и царицы они были мастером Р. А. Донгаком. Эпикировка манекенов состоит из нескольких элементов: головные уборы, норковые накидки (короткий плащ), штаны (у царя), платье (у царицы), сапоги.

Приведем два примера описания (из научного паспорта музейного экспоната) фондовых материалов.

Одеяние царя. Из описания, составленного старшим научным сотрудником отдела археологии НМ РТ Ш. Х. Монгуш, следует: «Головной убор царя из кожзаменителя коричневого цвета. По всему краю обшит мехом норки коричневого цвета (шириной 3 см), также полоской из золотистой и зелёной ткани. Украшен с задней стороны металлическими круглыми колокольчиками (7 ед.), сверху с двух сторон вышиты олени из жёлтой парчи»¹;

Одеяние царицы. Из описания: «Головной убор царицы с париком из нескольких косичек чёрного цвета. Украшена золотыми украшениями в виде зажимов на косичках, на макушке головы в виде бус и горного барана, а на верхушке по краям вставки из синего бархата пришиты птички золотистого цвета и олень»².

¹ Составитель паспорта предмета — старший научный сотрудник отдела археологии Ш. Х. Монгуш. Карточка научного описания головного убора царя (научно-вспомогательный фонд-2021/1) (Документация фонда этнографии «Ткань, кожа» НМ РТ).

² Составитель паспорта предмета — старший научный сотрудник отдела археологии Ш. Х. Монгуш. Карточка научного описания головного убора царицы (научно-вспомогательный фонд-2021/2) (Документация фонда этнографии «Ткань, кожа» НМ РТ).

Таким образом, к основной экспозиции золотого зала 2008 г. делались дополнения, производились следующие этапы оформления. Решались задачи достижения полной и детальной презентации статурного погребения кургана Аржан-2. Авторы экспозиции стремились показать подлинные золотые предметы, оформить грамотно этикетаж, установить соответствующее освещение и военизированную охрану по всем требованиям инструкции по учёту и хранению музейных ценностей. Все это было выполнено.

Усыпальница скифского царя и царицы

Реэкспозиция — это обновление содержания части или всей существующей экспозиции, которое регулярно должно производиться в музейной работе.

В январе 2020 г. по инициативе директора НМ РТ К. А. Бичелдея была сформирована рабочая группа музея по созданию первой в истории музея экспозиции усыпальницы царя и царицы в «Золотом зале». Главным для рабочей группы был творческий подход к реэкспозиции. Также было решено, что без антропологического материала выставка не может быть полной.

Возглавил рабочую группу главный хранитель музея Р. Б. Ховалыг. В состав группы вошли: специалисты отдела археологии Ч. А.-С. Монгуш, заведующая отделом археологии, М. А. Монгуш, заведующий филиалом историко-культурного музея-заповедника «Долина царей», Ш. Х. Монгуш, старший научный сотрудник отдела археологии, Ч. М. Топча, младший научный сотрудник отдела археологии, К. М. Монгуш, старший научный сотрудник отдела археологии; а также ответственные хранители отдела фондов: С. Л. Бырыннай, хранитель первой категории фонда драгметалла, С. В. Сат, хранитель первой категории фонда археологии. Группу дополнили специалисты оформительского отдела и рабочие музея: А. Т. Ооржак, художник-оформитель, Э. Б. Ойдуп, специалист оформительского отдела, А. В. Монгуш, столяр, А. А. Дувендей, электрик С. Хертек и др. сотрудники музея.

Для экспонирования ценных предметов необходима специальная витрина. Поэтому в октябре 2019 г. был составлен договор о доставке и установке бронированной витрины размером 300×300 см с фирмой ООО «Флеш М» г. Красноярск, для экспозиции антропологического материала скифского царя и царицы в «Зале золота». Рабочая группа впервые установила вентиляционную систему поддержки оптимальной температуры внутри витрины. По углам витрины квадратной формы снизу на «полик¹» в заранее подготовленные разъёмы установлены четыре алюминиевых радиатора с вентилятором. Внутри витрины установлены надёжные светодиодные ленты. Пол витрины обтянут бархатной тканью синего цвета. Проведена адаптация выставочного зала для маломобильных групп населения и инвалидов — создан деревянный пандус для заезда колясок. Для устойчивости конструкция обита мягким напольным покрытием — ковровином.

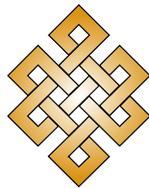
Место для витрины усыпальницы в зале выбрано на самом почётном месте (*дорунде*²). По обычаю тувинцев такое находится на противоположной от двери часть юрты, а в данном случае — на центральной противоположной от двери части выставочного зала. Кроме того, в знак почитания останкам великих предков, витрину возвысили — она помещена на подиум, чуть выше других вертикальных витрин в зале³. Установлен соответствующий световой и вентиляционный режимы для поддержки оптимальной температуры в витрине.

Для экспозиции усыпальницы было важно создать модель могилы № 5 кургана Аржан-2 с точным расположением археологических и антропологических материалов. Из фондов археологии НМ РТ получены 2 (мужской и женский скелеты) палеонтологического материала, 3 единиц каменных курильниц из фонда археологии, 452 единиц предметов из фонда драгметаллы. Это 450 единиц золотых бляшек в виде кошачьих хищников для верхней одежды погребённых, бронзовое зеркало с 15-ю золотыми обоями и 1 единица — 40,2 гр. золотого бисера от штанов царя. Для оформления усыпальницы взяты некоторые предметы из уже оформленных витрин общей экспозиции «Золотого зала»: украшения головного убора, одежда и оружие. Всего их набралось 1113 единиц, это: бирюзовые бусы, накладки для обуви, золотой миниатюрный модель котла, бронзовые зеркала

¹ Место расположения экспонатов в витрине.

² Почётное место в юрте напротив входа (*Толковый словарь ...*, 2003: 497).

³ В создании экспозиции принимали участие представители фирмы ООО «Флеш М» (г. Красноярск). Хотим также отметить трудоёмкую техническую часть работы экспозиции, которую выполнили специалисты оформительского отдела и рабочие музея.

мужской и женской скелетов, горит¹, пламевидное украшения горита из золотой фольги, портупейный пояс горита, наконечники стрел, бляшки разного размера виде кабанчиков и т. д.

Специалисты отдела археологии (М. А. Монгуш, К. М. Монгуш) выполнили точную раскладку палеонтологических материалов по схеме плана могилы № 5 кургана Аржан-2, ориентируясь на исследование К. В. Чугунова, Г. Парцингера и А. Наглера (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017: 32, 34), в котором говорится, что:

«В середине камеры лежали скелеты двух погребённых головами на северо-запад. Вполне вероятно, что первоначально головы лежали на подушках из органического материала, после разложения которого черепа откатились в сторону. Погребённые лежали на левом боку в слегка скорченном состоянии, ноги были согнуты»; «Скелет 1, лежащий к северо-востоку от середины сруба, принадлежал мужчине 40–45 (50) лет»; «За ним, к юго-западу, лежал скелет 2, принадлежавшей женщине 30–35 лет» (там же).

По расположению костных останков учтены рекомендации Ю. О. Капинус, научного сотрудника Волго-Уральского центра палеоантропологических исследований Самарского государственного социально-педагогического университета г. Самары.

Учитывая предположение исследователей, при раскладке палеонтологических материалов, черепа положили на войлочные подушки, с вышитыми изображениями петроглифов. Также около них с правой стороны разложены бронзовые зеркала с золотыми обоями на кожаном ремешке. Основные украшения верхней одежды мужского скелета — 250 единиц золотых бляшек в виде кошачьих хищников. С правой стороны разложены 100 единиц и с левой 150 единиц, повернутых вправо. Также разложены бляшки от верхней одежды женского скелета, всего 200 единиц, повернутых влево. Разложенные бляшки, в общем, по нижней части составляют своеобразный узор в виде «пламевидного орнамента» (там же: 61).

С правой стороны мужского скелета положили одно из основных оружий воина — горит с золотой обкладкой (длина 70 см, ширина 5,6 см) и золотой придонной частью предмета каплевидной формы (17,5×10 см), пряжку в виде головы птиц (3,8×4,5 см), портупейные обоямы (3,3×1,3 см) и бляшками в виде фигуры кабанов (1,2×2,1 см; 1,6×2,4 см; всего 163 единиц). А также в той же части располагаются украшения лука из золотой фольги (10×3 см), полоски — окантовки из проволоки (2–7 см), железные наконечники стрел (от 1 до 10 см; всего 10 единиц) и золотые бисеринки, которые были ранее нашиты на штанах царя (диаметром по 0,1 мм). На уровне ног мужского скелета разложены золотые накладки обуви (13×8 см). Между двумя скелетами положена золотая миниатюрная модель котла с цепочкой² (диаметр — 3,9 см; длина цепочки — 2 см).

С левой стороны в области шеи второго скелета разложены украшения царицы: бирюзовые бусы (диаметром 0,3–0,5 мм), на стопах многочисленные золотые бусы, которыми была расшита обувь и которые украшали ее золотые пластины (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017: 65) (27×1,1 см). Также к экспозиции усыпальницы добавили каменные курильницы, наполненные можжевельником. Большая каменная курильница с ручкой (23,5×15,5×10,7 см) размещена в левом переднем углу витрины, две маленькие — в правом заднем углу.

Таким образом, витрина усыпальницы оформлена с помощью подлинных костных останков скифского царя и царицы из кургана Аржан-2, датируемых 2-й половиной 7 в. до н. э., и содержит 1113 единиц экспонатов из экспозиции зала золота и 457 единиц дополнительных музейных предметов из фонда драгметаллы и археология. Всего перед посетителями в зале 1570 единиц (фото 6).

На западной стороне витрины усыпальницы, на подиуме высотой 1 метр, выставлены 2 бронзовых котла из могилы № 5 Аржан-2. Большой котёл (диаметр устья — 32,8 см, поддона — 13,4 см, высота — 45,6 см) имеет округлое вытянутое тулово с овальным устьем и утолщённым венчиком. Второй, меньший по размеру котёл (диаметр устья — 22,7 см, диаметр полого поддона — 13,2 см, высота — 29,7 см) имеет округлое и слегка сужающееся кверху тулово, овальное устье и утолщённый венчик (там же: 70).

Экспозиция усыпальницы получилась необычной и интересной. Соответственно, выставка выполнена и представлена перед посетителями музея как полный комплект погребально-поминального комплекса Аржан-2. При этом важным моментом экспозиции было подчеркивание отношения к

¹ Футляр для лука и стрел.

² Barbara Armbruster (2009) Gold technology of the ancient Scythians – gold from the kurgan Arzhan 2, Tuva p. 187-193 [Электронный ресурс] // Archeosciences. URL: <https://doi.org/10.4000/archeosciences.2193> (дата обращения: 21.01.2020).

Фото 6. Костные останки скифского царя и царицы в витрине вместе с украшениями и дополнительными предметами.

Фото А. Э. Мижит, 2020 г.

Photo 6. Bone remains of a Scythian king and queen in a showcase, with ornaments and additional accessories.

Photo by A. E. Mizhit, 2020.

предкам. Все выстроено таким образом, чтобы посетители видели и понимали все, как знаки почтения и уважения. Тем самым музей демонстрирует этическое отношение к сакральным предметам (Пименова, 2019). Более того, перед открытием усыпальницы в стенах музея был проведен особый обряд камлания верховным шаманом Республики Тыва Кара-оолом Тюлюшовичем Допчун-оолом.

Посещаемость музея и выставки

Экскурсия традиционно является одной из основных форм культурно-образовательной деятельности музея и статистика этого вида деятельности может показывать востребованность экспозиций, интерес посетителей.

Поэтому представим статистику посещения населением и гостями Республики Тыва музея и выставки «Сокровища Долины царей. Царский курган Аржан-2», учет которой ведется в музее¹:

- в 2008 г. проведено 1231 экскурсий, посещаемость 337 300 человек;
- в 2009 г. проведено 1 768 экскурсий, посещаемость 247 000 человек;
- в 2010 г. проведено 1 925 экскурсий, посещаемость 36 643 человек;
- в 2011 г. проведено 1 971 экскурсий, из них Аржан-2 — 1 335 экскурсий, посещаемость 44 477 человек;
- в 2012 г. проведено 1 904 экскурсий, из них по Аржан-2 — 1 356 экскурсий, посещаемость 47 503 человек;
- в 2013 г. проведено 1 870 экскурсий, из них по Аржан-2 — 1 341 экскурсий, посещаемость 43368 человек;
- в 2014 г. проведено 2 397 экскурсий, из них по Аржан-2 — 1 374 экскурсий, посещаемость 48 379 человек;
- в 2015 г. проведено 2 209 экскурсий, из них по Аржану-2 — 1 185 экскурсий, посещаемость 43 361 человек;

¹ В 2008–2010, 2016, 2017 гг. подсчёта посетителей выставки Аржан-2 не проводилось.

- в 2016 г. проведено 2 356 экскурсий, посещаемость 40 366 человек;
- в 2017 г. проведено 2 757 экскурсий, посещаемость 54 138 человек;
- в 2018 г. проведено 2 175 экскурсий, из них по Аржану-2 — 1 490 экскурсий, посещаемость 43 964 человек;
- в 2019 г. проведено 2 676 экскурсий, из них по Аржану-2 — 1 525 экскурсий, посещаемость 44 736 человек;
- за 9 месяцев 2020 г. проведено 741 экскурсий, из них по Аржану-2 — 505 экскурсий, посещаемость 15 128 человек.

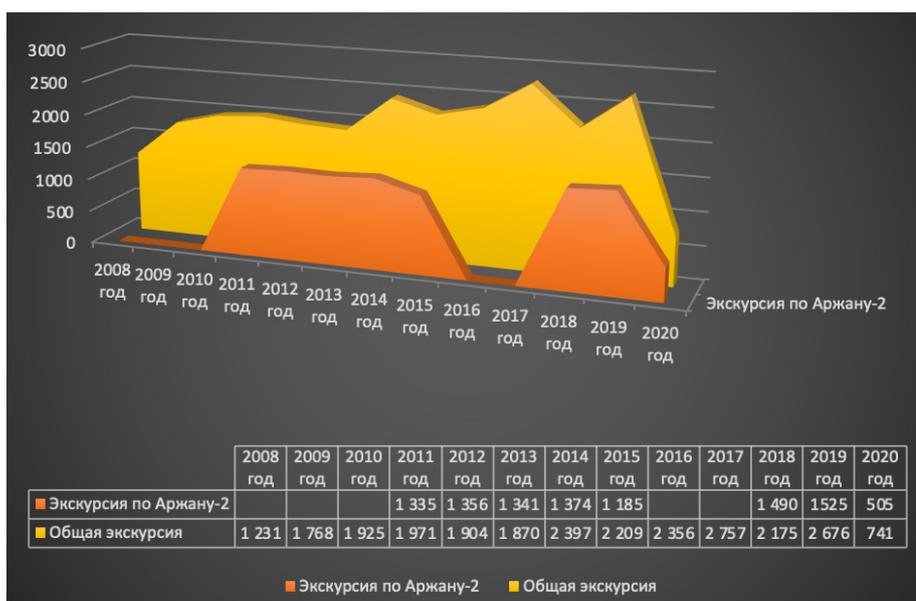

Диаграмма № 1. Экскурсионная деятельность Национального музея Республики Тыва с 2008 по 2020 гг.
 Diagram 1. Tours given at the National Museum of the Republic of Tuva, 2008-2020.

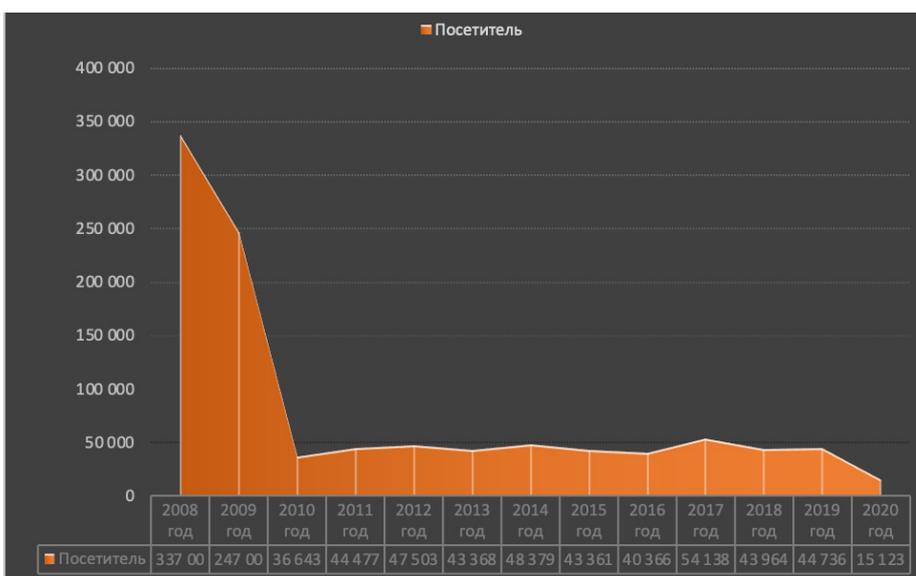

Диаграмма № 2. Посещаемость Национального музея Республики Тыва с 2008 по 2020 гг.
 Diagram 2. The number of visitors at the, National Museum of the Republic of Tuva, 2008-2020.

Данные за 2008 и 2009 гг. показывают нам всплеск увеличения количества посетителей, что было напрямую связано с открытием нового здания музея, с обновлёнными экспозициями о Тыве (диаграмма № 2). Также музей вводил снижение на 50% стоимости билета на выставку «Сокровища Долины царей. Царский курган Аржан-2».

Из статистики экскурсий в Национальном музее РТ видно, что значительное количество посещений приходится именно на «Золотой зал». При этом каждый год прослеживается увеличение посещаемости как музея в целом, так и отдельно «Золотого зала» НМ РТ. Снижение количества посетителей в 2020 г. было обусловлено сложной эпидемиологической обстановкой в Туве и во всем мире — пандемией COVID-19.

Поскольку выставка «Золотого зала» пользуется особым интересом, то она имеет отдельную книгу отзывов и предложений. Первая запись в ней датируется 2020 г. Она содержит огромное число записей посетителей, мнения которых отражают положительные впечатления.

Приведём три отзыва последних месяцев 2020 года¹:

- «Большое спасибо за ваш великий труд! За прекрасную экспозицию [о золоте скифов]! Ворсина И., Алексеев П., Моисеев А. (Красноярск)». 26 августа 2020 г.;
- «Мы очарованы музеем и комнатой “золото скифов”. Группа из Абакана», 20 сентября 2020 г.»;
- «Сокровища Долины царей» в Национальном музее Республика Тыва — место, которое обязательно нужно посетить, приезжая в Туву. Ведь эта экспозиция — одна из самых ярких достопримечательностей Кызыла, а может быть и всей Республики Тыва. В общем выставку “Сокровища Долины царей” обязательна к посещению. Где ещё можно вживую увидеть золото скифов, в таком идеальном состоянии? Наверное нигде. Спасибо Национальному музею Республики Тыва за возможность прикоснуться к истории», Дмитрий Вальцев, волонтер РГО и участник Азиатской номадической экспедиции ИИМК РАН по исследованию кургана Туннуг в Пий-Хемском кожууне Республики Тыва, Санкт-Петербург, 07 декабря 2020.

Глава Республики Тыва Ш. В. Кара-оол также дал высокую оценку новому преобразованному «Золотому залу», поблагодарив коллектив НМ РТ.

Помимо этого приведём комментарии читателей интернет-издания *The Siberian Times*, в котором в 2016 г. вышла статья о скифском золоте Тувы². Автор рассказывает о сокровищах Долины царей Тувы и сопровождает текст серией фотографий с выставки «Золотого зала» НМ РТ, под которым читатели оставили более двадцати комментариев:

- «У меня нет слов». Лоуренс Солкоски, Нью-Вестминстер, Британская Колумбия, Канада 28.09.2016;
- «Спасибо, что поделились этим фантастическим произведением истории и изысканными произведениями искусства в ювелирных украшениях». Тина К., США 16.02.2016;
- «Эти сокровища просто потрясающие. Спасибо, что показали нам их фотографии». Роб, Стивенидж, Великобритания 02.12.2016;
- «Фигуры очень красивые. Я бы хотел увидеть их сам. Я также согласен с тем, что изделия должны были создаваться мастерами». Питер Джон, США 14.02.2016.

Статистические данные и впечатления посетителей, а также тех, кто смог ознакомиться золотом скифом только на фотографиях, показывают нам высокую востребованность подобной выставки. И это не удивительно, поскольку речь идёт о богатой коллекции изделий из золота, способной привлекать внимание широкой общественности, понятной для людей практически любой культуры, вызывающей сильные человеческие эмоции.

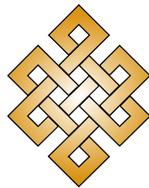
Влияние выставки на культурную жизнь

Выставка золотой коллекции Аржан-2 в НМ РТ уже давно вышла за пределы экспозиционной жизни. Следы ее влияния на культурную жизнь республики и за пределы ее можно увидеть во многих сферах. Это: научные проекты; издательские проекты; выставочные проекты; медиапроекты; туристические проекты; сувенирная продукция; дизайнерские проекты; образовательные проекты; архитектурные проекты; театральные проекты.

Научные проекты. Практически каждый год в самой Туве, в российских научных центрах и за рубежом проводятся конференции, семинары, круглые столы, на которых обсуждаются проблемы сохранения культурного наследия, а в последнее десятилетие и вопросы использования и популяризации скифского наследия, найденного в Туве.

¹ Записи даются с небольшой редакторской правкой.

² Gertyuk O. Focus on Tuva: Stunning treasures — and macabre slaughter — in Siberia's Valley of the Kings [Электронный ресурс] // *The Siberian Times*. 2016. 11 February. URL: https://siberiantimes.com/science/casestudy/features/f0212-focus-on-tuva-stunning-treasures-and-macabre-slaughter-in-siberias-prehistoric-valley-of-the-kings/?comm_order=&c_page=1#comments (дата обращения: 11.09.2020).

В 2012 г., например, в г. Кызыле прошла Международная научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие народов Центральной Азии: перспективы развития и проблемы сохранения», посвященная 20-летию создания государственного органа по охране памятников истории и культуры в Республике Тыва и Году Российской истории¹. Во время конференции были подведены предварительные итоги археологического полевого сезона 2012 г. Научный сотрудник Института археологии РАН И. В. Рукавишника сообщила тогда о проведении впервые на территории Тувы фотосъемок с использованием аэростата. Съемки производились на археологических памятниках «Долины царей».

Одной из острых проблем остаётся нелегальная торговля древними артефактами, которая наносит колоссальный ущерб археологическому наследию. Пути решения подобных проблем, например, обсуждались на международной конференции «Археологи против “черных копателей”» в г. Берлине в 2014 г.² Так, на этом совещании Г. Парцингер рассказал о своём личном опыте общения с нелегальными «конкурентами» в Пакистане, где на него и его коллег однажды даже направлялись автоматы. Поэтому и в 2001 г. после нахождения непо потревоженной могилы в кургане Аржан-2 в Туве Парцингеру пришлось лично нанимать охрану, опасаясь грабителей.

В 2015 г. в Москве проходила международная научная конференция, посвящённая изучению Древней Скифии, собравшая специалистов в области скифологии (Медведев, 2016). Они обсуждали образ и историко-культурное наследие скифов. В 2017 г. в Туве проходила II Международная научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие народов Центральной Азии: перспективы развития и проблемы сохранения», приуроченная 25-летию создания государственного органа в сфере объектов культурного наследия Республики Тыва³. В НМ РТ ежегодно проводится круглый стол по итогам очередного археологического сезона в Туве⁴.

Таким образом, в научных мероприятиях (международные конференции, съезды учёных, круглые столы и др.), тема скифского наследия, затрагивается в контексте общей археологической науки, наряду с древнекаменным периодом, античностью, средневековьем и др. периодами. Объясняется это, если в Туве, распространённостью памятников скифской культуры. Авторами отмечается, что весомый вклад в исследование скифской культуры в стране, целенаправленно занимаются ведущие научные учреждения, как Институт Археологии РАН г. Москва, Институт истории и материальной культуры РАН г. Санкт-Петербург, МГУ Исторический факультет, Государственный Эрмитаж и др.

Издательские проекты. В 2010 г. Национальный музей РТ выпустил набор открыток «Аржан-2» (фото 7).

В 2015 г. переиздан буклет «Аржан-2» на русском и английском языках. Текст составила О. О. Монгуш, заведующая отделом археологии НМ РТ, перевод с русского на английский язык осуществил А. Седен-Хуурак. Фото и дизайн М. Ч. Чооду, верстка Б. Чооду (фото 8).

Филиалы НМ РТ также выпускают издания: буклеты, путеводители и др. Планируется расширять деятельность по научным изданиям (книгам, сборникам, каталогам, методическим пособиям и др.).

Научно-издательским проектом также выступил сборник материалов III научно-практической конференции с международным участием, которая проходила с 23 по 25 мая 2019 г. «Ермолаевские чтения». В рамках направлений работы конференции рассматривались проблемы сохранения культурного наследия народов Тувы и Сибири, образовательные и воспитательные функции музеев,

¹ Международная научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие народов Центральной Азии: перспективы развития и проблемы сохранения» [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2012, № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/297> (дата обращения: 22.09.2020).

² Археологи против «черных копателей» [Электронный ресурс] // DW. 2014, 15 декабря URL: https://www.dw.com/ru/археологи-против-черных-копателей/a-18129142?maca=rus-rss_rus_yandex_new_comments_2-4163-xml (дата обращения: 22.09.2020).

³ II Научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие народов Центральной Азии: перспективы развития и проблемы сохранения», приуроченная 25-летию создания государственного органа в сфере объектов культурного наследия Республики Тыва. (2017) [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. 2017, 24 октября. URL: <https://tigpi.ru/214123/> (дата обращения: 22.09.2020).

⁴ Круглый стол об итогах археологического сезона 2020 г. [Электронный ресурс] // Страница Национального музея РТ ВКонтакте. 2020, 4 сентября. URL: https://vk.com/museumtuva?w=wall-30861506_5349 (дата обращения: 22.09.2020).

Фото 7. Набор открыток «Аржан-2».
 Фото А. Э. Мижит, 2021 г.
 Photo 7. "Arzhan II", a set of postcards.
 Photo by A. E. Mizhit, 2021.

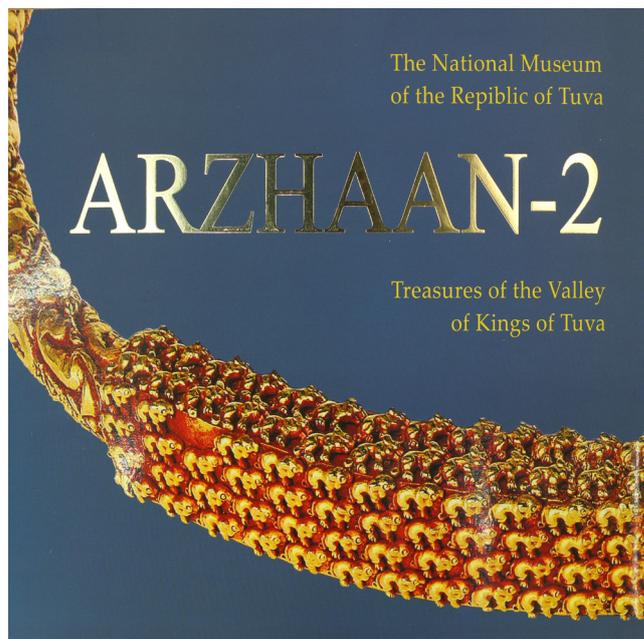

Фото 8. Обложка буклета «Аржан-2».
 Фото А. Э. Мижит, 2021 г.
 Photo 8. Cover of "Arzhan II" booklet.
 Photo by A. E. Mizhit, 2021.

вопросы комплектования и экспонирования, а также перспективы развития музейного дела и т. д. (Ермолаевские чтения ..., 2019).

Выставочные проекты. На протяжении всей истории музея обычной практикой является постоянное проведение выставок — стационарных, передвижных; тематических и пр.

Так, например, фотовыставка «Курган Аржан-2» проводилась в рамках работы международной конференции по проблемам сохранения культурного наследия под г. Саяногорском (2011). Также отметим проходившую 23–24 сентября 2016 г. в г. Улан-Удэ, столице Бурятии выставку «Мир скифо-сибирского звериного стиля: диалог культур» в Национальном музее Республики Бурятия. Основными экспонатами были гальванокопии золотых предметов из скифских курганов и предметы из *чонар-даш*¹.

С 4 по 15 марта 2016 г. в конференц-зале НМ РТ действовала выставка «Сокровища Долины царей Тувы» (фотографии А. Бронникова из Культурного фонд им. Кужугета Шойгу) и гальванокопии золотых предметов из кургана Аржан-2.

С 12 июля 2018 г. по настоящее время в НМ РТ работает фотовыставка немецкого фотографа Буркхарда Томанна «Двух миров одно мгновение» («Zwei Welten, Ein Augenblick»). Это история в фотографиях, в которой сравниваются артефакты, найденные в 5000 километрах друг от друга — в Долине царей Тувы и в мире кельтов в Глауберге. Фотографии в соответствующих композициях показывают параллели между тувинской и немецкой землями.

Тувинский фоторепортаж был сделан Б. Томанном во время его работы в составе международной экспедиции, занимавшейся археологическими раскопками вдоль маршрута проекта «Кызыл — Курагино» в 2012 г. Позже Буркхарда заинтересовало наглядное соответствие многих черт в природе и др. явлений, возникших в результате разных исторических, географических, социальных, религиозных и политических условий. Благодаря выразительности кадра удалось показать схожие черты, практически зеркальное отражение двух народов и культур². Так родилась идея выставки³.

¹ Приглашаем гостей и жителей Бурятии на выставку «Мир скифо-сибирского звериного стиля: диалог культур» [Электронный ресурс] // Национальный музей Республики Бурятия. URL: <http://2020.muzeymb.ru/2016/09/21/priglashaem-gostey-i-zhiteley-buryatii-n/> (дата обращения: 22.09.2020).

² Буркхард Томанн: «Я — ловец уходящих мгновений»... [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2018, 15 июля. URL: <https://www.tuva.asia/news/society/9253-burkhard-tomann-ya-lovec-uhodyaschih-mgnoveniy.html> (дата обращения: 22.09.2020)

³ Фотовыставка немецкого фотографа Буркхарда Томанна «Два мира, одно мгновение» [Электронный ресурс] // Страница Национального музея РТ ВКонтакте. URL: https://vk.com/museumtuva?w=wall-30861506_2136 (дата обращения: 22.09.2020).

Так, одним из эпизодов выставки стали фото коньков двух крыш с декоративными элементами (фото 9): конек слева украшает крышу здания Центра развития тувинской культуры и ремесел в Туве; конек справа находится в Германия. Автор показывает очевидное сходство между ними.

Фото 9. Две фотографии — один из элементов выставки «Два мира, одно мгновение».
 Фото Т. Буркхарда: слева — 2012 г., справа — 2016 г.
 Photo 9. Two photographs as an element of the “Two worlds, one instant” exhibition.
 Photos by T. Burckhard, on the left — 2012, on the right — 2016.

Сотрудники НМ РТ подготовили в первом квартале 2019 г. выездную выставку «Золото скифов Долины царей» для городов Сибири. Первым городом, где была представлена выставка, стал г. Курагино Красноярского края. Здесь 27 сентября 2019 г. проходило юбилейное мероприятие к 55-летию Курагинского краеведческого музея. На выставке на витринах были представлены копии золотых изделий Аржан-2¹.

В 2019 г. приказом министра культуры Республики Тыва А. К. Тамдына создан филиал НМ РТ историко-культурный музей-заповедника «Долина царей». Первый этап с согласованием и упорядочиванием документов завершён. На втором этапе в четвёртом квартале 2020 г. разработан проект музеефикации «Царский курган Аржан-2».

В перспективе музей предусматривает дальнейшее расширение культурных связей через обменные выставочные проекты на межрегиональном и международном уровнях.

Медиапроекты (СМИ, телепрограммы, фильмы). В 2017 г. в Туву была приглашена команда кулинарной ТВ-программы «Поедем, поедим» федерального канала «НТВ» (ведущий Дж. Уоррен). Они побывали и на республиканских праздниках, в также снимали зал «Сокровища Долины царей Тувы. Аржан-2». Дж. Уоррен, представляя выставку в музее Тувы, сказал: «Оказывается, именно здесь (в Туве. — авт.) найдена самая большая в мире коллекция золота скифов»². Как нам сообщила зрительница У. Ы. Ондар, сопровождавшая гостя, ведущий был впечатлён уникальной коллекцией.

В 2019 г. японская вещательная корпорация *NHK* сняла документальный фильм о золотой коллекции Аржан-2 в НМ РТ специально для Олимпиады в Токио 2020 г.³ (режиссёр Кэндзи Морита). Было смонтировано два научно-популярных фильма (краткая и более полная версия): научно-популярный фильм «Iron Road: Путь неизвестной древней цивилизации» (демонстрировался в эфире в рубрике *NHK Special* 13 января 2020 г.) и научно-популярный фильм «Iron Road: Путь неизвестной древней цивилизации» в двух частях (демонстрировался 7 и 14 февраля 2020 г.). Создатели фильма приравнивали значимость коллекции в тувинском музее к семи чудесам мира.

Туристические проекты. В 2017 г. НМ РТ разработал туристско-познавательный маршрут «Долина царей Тувы» с установкой 9 информационных модулей/стендов и 1 рекламным щитом. Автор проекта О. О. Монгуш, старший научный сотрудник отдела археологии НМ РТ. Научными консультантами на

¹ О передвижной выставке в Курагинском районном краеведческом музее [Электронный ресурс] // Сайт Национального музея РТ ВКонтакте. URL: https://vk.com/museumtuva?w=wall-30861506_4461 (дата обращения: 22.09.2020).

² Поедем, поедим! Тува [Электронный ресурс] // НТВ. 2018, 18 августа. URL: <https://www.ntv.ru/video/1627984> (дата обращения: 22.09.2020).

³ Перенесена из-за пандемии на 2021 год. — ред.

стадии подготовки проекта выступили И. Руковишникова (Институт археологии РАН) и К. Чугунов (Государственный Эрмитаж). Проект также оценили и поддержали сотрудники Департамента по образованию мэрии г. Кызыла и Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов (ТИКОПР СО РАН).

На прочных устойчивых конструкциях, встроенных в каменные сооружения, располагаются тексты на трёх языках (русском, тувинском, английском), фотографии и схемы расположения захоронений эпохи скифов.

По словам автора О. О. Монгуш, которые она высказала на презентации проекта

23 сентября 2017 г.: «Многие места на территории Тувы имеют сакральное значение. Наша задача — сохранить эти места ещё на тысячу лет и научно популяризировать их таким образом, чтобы увести людей от потребительского отношения к познавательному и созидательному»¹.

После мероприятия, которое прошло в НМ РТ, участники презентации выехали в Долину царей Тувы по созданному маршруту. Первыми туристами стали преподаватели истории и обществознания городского методического объединения г. Кызыла, преподаватели Тувинского государственного университета, студенты-историки, школьники, учёные-геологи, представители Центра тувинской традиционной культуры и ремёсел, СМИ и сотрудники НМ РТ (фото 10).

Тем самым музей создает не только экспозиции в своем здании, но и разрабатывает проекты создания музея под открытым небом.

Дизайнерские проекты. Музей не ведет статистики, но, по нашему мнению, происходит увеличение числа заявок от мастеров и дизайнеров по изучению музейных коллекций. Их работы пополняют и коллекции самого музея. Это коллекция национальной стилизованной одежды «Золото в чёрном» (фото 11) известного в Туве и за ее пределами дизайнера Ю. Хирбээ, руководителя модельного агентства «Урянхай»; шейное женское украшение гривна «Скифский олень» из черного и золотого японского бисера тохо — работа мастера декоративно-прикладного творчества, педагога дополнительного образования Е. В. Седип (2010 г.); скифская пантера, вышитая на подушках с национальным орнаментом мастером Э. А. Ооржак (фото 12).

Образовательные проекты. Основной контингент посетителей составляют школьники, студенты и туристы. Для школьников проводятся акции — ежемесячное бесплатное посещение каждую последнюю среду месяца. Помимо этого, музей вместе с образовательными и культурными учреждениями Республики Тыва проводит регулярно конкурсы стихов, легенд, рисунков и других творческих работ среди детей и взрослых.

Приведем в качестве примера вдохновенное стихотворение «В Долине царей»² Самыя Ай-Хаана, ученика 11 класса Кызылского президентского кадетского училища³ — участника конкурса «Мифы

Фото 10. Преподаватели Тувинского госуниверситета, музейные работники, местные СМИ и др. на фоне вывески «Долина царей Тувы» на открытии нового туристско-познавательного маршрута «Долина царей Тувы» в Пий-Хеме РТ.

Фото Н. Дорошева, 2017 г.

Photo 10. Professors of Tuvan State University, museum researchers, journalists and others in front of the “Valley of the kings in Tuva” sign at the opening of the new tourist route “Valley of the kings in Tuva”, Pii-Khem, Republic of Tuva.

Photo by N. Doroshev, 2017.

¹ Долина царей Тувы приняла первых туристов [Электронный ресурс] // Сайт Благотворительного фонда Владимира Потанина. URL: <https://www.fondpotanin.ru/press/news/dolina-tsarey-tuvy-prinyala-pervykh-turistov/> (дата обращения: 22.09.2020).

² Монгуш М. А. В Долине царей [Электронный ресурс] // Страница Национального музея РТ ВКонтакте. URL: https://vk.com/museumtuva?w=wall-30861506_4645 (дата обращения: 10.12.2020).

³ Заведующий музеем Кызылского президентского кадетского училища МО РФ — Заслуженный работник культуры РТ, ветеран НМ РТ О. О. Монгуш.

Фото 11. Ю. Р. Хирбээ с моделями Урянхай, коллекция национальной одежды «Золото в чёрном». Фото Ч. В. Ооржак, 2018 г.
Photo 11. Yu. R. Khirbee with Uryankhai agency models displaying the "Gold on black" collection of national wear. Photo by Ch. V. Oorzhak, 2018.

Фото 12. Тувинская подушка с вышитой пантерой. Фото Э. А. Ооржак, 2020 г.
Photo 12. A Tuvan pillow with a panther embroidery. Photo by E. A. Oorzhak, 2020.

и легенды Пий-Хема» 2019 г. Он был организован отделом по делам молодежи, культуры и спорта администрации Пий-Хемского кожууна и Центральной библиотечной системы 29 ноября:

В Долине царей

В долине Уюка, у подножия Саян
Курганы скифские загадки хранят
Любовь обрели здесь, затем покой,
В вечность шагнули царица с царем

С чужих земель привезена
«Царевна» — дочь соседнего вождя
В знак мира, дружбы подарена.
Владыки скифов она теперь жена.
Владыка тот захватчик, победитель
Племён сильнейший предводитель.
Царица краше всех, царю - отрада.
Прекрасная душой, любимая народом.

И правили годами, день ото дня
Даря заботу, радость лишь друг другу
Но тот час пришёл — не стало царя,
Остался народ как будто без отца.

Владычица скифов сочла же за честь
Пойти за любимым, ведь смерть - не конец.
Окутаны золотом, мехами, серебром,
Уснули сном вечным царица с царём.

В долине Уюка, у подножия Саян
Курганы скифские загадки хранят
Любовь обрели здесь, затем покой,
В вечность шагнули царица с царём.

Театральные проекты. 22 марта 2017 г. в Национальном театре Тувы состоялась премьера музыкального спектакля «Чадаган»¹. В основе его сюжета лежит легенда о девушке, насильно выданной замуж и отказавшейся кормить грудью ребёнка от нелюбимого мужа (фото 13).

Постановка является совместным проектом Национального театра и Национального оркестра РТ. Автор — Александр Даржай, Народный писатель РТ. Режиссёр-постановщик — Сайдаш Монгуш,

¹ Музыкальная легенда «Чадаган» [Электронный ресурс] // Сайт Национального музыкально-драматического театра РТ им. Виктора Кок-оола. URL: <http://theatre-tuva.ru/o-teatre/repertuar/chadagan.html> (дата обращения: 22.09.2020).

Заслуженный артист РТ. В ходе подготовки спектакля он неоднократно посещал исследованную территорию кургана Аржан-2 и «Золотой зал» НМ РТ.

На премьере присутствовало много представителей тувинской интеллигенции. Одна из зрителей — театральная критик А. К. Кужугет отметила обращение к скифскому прошлому, которое, по ее мнению, «добавило особую колоритность повествованию»¹.

Музыкальная легенда пользуется популярностью среди населения. Спектакль идёт на тувинском языке с синхронным переводом на русский язык.

Сувенирные проекты. Большим спросом среди гостей и жителей Республики Тыва пользуется сувенирная продукция, представляющая золотые находки скифского времени. Ее производством и продажей занимаются: Национальный музей РТ, Центр развития тувинской традиционной культуры и ремёсел, ряд предпринимателей и предприятий (например, ООО «Шевер» и др.). Спросом пользуются изображения, копии золотых предметов, оформленные в багетные рамки, а также продукция предпринимателя В. Балчий-оола (фото 14) и др.

Подобные картины, предметы украшают как помещения представителей официальной власти (правительства, парламента, министерств, органов самоуправления и т. д.), так и дома частных лиц. Также готовятся под заказы календари, буклеты, брелоки, магнитики, значки и прочая продукция на тему скифского золота.

В 2019 г. руководитель дизайн-студии «Субедей» (г. Кызыл) С. Н. Самдан по заказу Министерства экономики РТ разработал сувенирный набор «Скифские снежинки» в виде прозрачных снежинок, где посередине располагаются золотые животные из курганов Аржан-1 и Аржан-2 (фото 15). С. Н. Самдан также выступает автором календарей и другой продукции.

Предприниматели Тувы с большой охотой используют образы скифских артефактов, поскольку сувенирная продукция с ними пользуется спросом. Ее заказывают и сам музей, и органы государственной власти; с удовольствием приобретают как гости столицы, так и жители самой республики.

Однако, вопрос соблюдения авторских прав относительно образов скифских изделий, хранящихся в главном музее Тувы, пока практически не решается.

Архитектурные, скульптурные проекты. Одним из красивых и важных достопримечательностей г. Кызыла сегодня считается обелиск «Центр Азии» (фото 16), который обозначает географический центр азиатского материка и находится у слияния рек Каа-Хема и Бий-Хема, образующего реку Енисей. Новый обелиск построен в 2014 г. к 100-летию единения Тувы и России по проекту бурятского художника Даши Намдакова. Рядом с обелиском установлена скульптурная композиция «Царская охота» (фото 17), и ресторан тувинской кухни с одноименным названием.

За основу и стилистическое оформление обелиска были взяты сюжет и образы золотых находок из Аржан-2. Вдохновение мастер получил именно из этой темы. Вот как он рассказывает о своей творческой находке:

Фото 13. Афиша спектакля «Чадаган».

Художник Н. Шалык, 2017 г.

Photo 13. The poster for the performance of "Chadagan",
by N. Shalyk, 2017.

¹ Монгуш Виктория (2017) Спектакль о скифском царе поставили в Туве // [Электронный ресурс] // Сайт Движение. Новые скифы. URL: <http://newskif.su/2017/4605/> (дата обращения: 10.12.2020)

Фото 14. Изображения золотых изделий в рамке, автор В. Балчий-оол.
 Фото А. Э. Мижит, 2021 г.
 Photo 14. Images of gold jewellery in a frame, by V. Balchiy-ool.
 Photo by A. E. Mizhit, 2021.

Фото 15. Снежинки Скифское золото Тувы.
 Пантера. Автор дизайна и фото С. Н. Самдан,
 2019 г.
 Photo 15. Snowflakes with images of the Scythian gold
 of Tuva: a panther. Design and photo by S. N. Samdan,
 2019.

— После звонка Сергея Кужугетовича я приехал, познакомился с Главой республики. С группой людей неравнодушных к республике, к городу мы провели мозговой штурм. Затем я сходил в Национальный музей, посмотрел артефакты. Хотя я уже их знал, часть видел в Эрмитаже.

Но то, что я увидел здесь, пики и так далее, у меня сразу в голове выскочило “Вот! И не надо ничего искать. Все лежит на поверхности просто надо собрать эти пазлы”, — довольно лаконично дополнил Намдаков¹.

В Кызыле теперь нередко встречаются стилистически оформленные внутренние стены и потолки зданий с элементами скифской культуры. К примеру, это мы можем увидеть в здании Центра развития тувинской традиционной культуры и ремёсел (ул. Ленина, д. 7), во внутреннем оформлении здания самого Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва (ул. Титова, д. 30) (фото 18).

Дизайн-студия «Субудей» выполнила для музея также стилизованную трибуну в 2018 г. для конференц-зала (фото 19).

Также интересны работы художников-скульпторов — участников республиканского конкурса «Уран-Балды», проходившего в сентябре 2020 г. Он был посвящён к 75-летию Победы в Великой Отечественной войны и 100-летию Тувинской Народной Республики. Три работы конкурсантов, где за основу творения были взяты археологические предметы из раскопок скифских погребений, стали украшением выставочных залов музея, в том числе и зала золота. Это скульптуры: «Мөңгө шак» (фото 20), автор Х. О. Ооржак; «Скифский трон» (фото 21), автор Ч. В. Соян и «Скифская пантера» (фото 22), автор Б. В. Ооржак.

Таким образом, влияние скифских находок на современную культурную жизнь Тувы очень значимо и его можно обнаружить практически во всех сферах. Более того, оно перешагивает за пределы самой республики. Интерес к скифскому золоту, великолепию древних находок во взаимосвязи с названием

¹ Скульптор Даши Намдаков: Произведение «Центр Азии» — это роман [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2016, 21 июля. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/8734-namdakov.html> (дата обращения: 25.11.2020).

Фото 16 и 17. Обелиск «Центр Азии»
и скульптурная композиция Д. Намдакова «Царская охота»
возле обелиска «Центр Азии».

Фото М. А. Монгуш, 2021 г.

Photo 20. D. Namdakov's the "Center of Asia" obelisk and "The royal hunt",
a sculptural group. Photo by M. A. Mongush, 2021.

Фото 18. Несущие колонны и потолок НМ РТ.

Фото А. Э. Мижит, 2020 г.

Photo 22. The supporting column and the ceiling of the NM RT.

Photo by A. E. Mizhit, 2020.

Фото 19. Трибуна с эмблемой НМ РТ.

Автор дизайна С. Н. Самдан.

Фото М. А. Монгуш 2020 г.

Photo 19. A stand with the logo of NM RT,
designed by S. N. Samdan. Photo by M. A. Mongush, 2020.

Фото 20-22. Скульптуры из дерева: 20 — «Монге шак», автор Х. О. Ооржак; 21 — «Скифский трон», автор Ч. В. Соян; 22 — «Скифская пантера», автор Б. В. Ооржак. Фото А. Э. Мижит, 2020 г.
 Photo 20-22. Wooden sculptures: 20 — “Monge Shak” by Kh. O. Oorzhak; 21 — “The Scythian throne” by Ch. V. Soyank; 22 — “The Scythian panther” by B. V. Oorzhak. Photo by A. E. Mizhit, 2020.

республики «Тува», «Tuva», позволяет рассматривать эту коллекцию как культурный бренд территории, распространяющийся по всему миру.

Заключение

Мы показали в статье историю становления и особенности содержания центральной экспозиции Национального музея Республики Тыва — золотой коллекции Аржан-2, которая имеет значительное влияние на культурную жизнь Тувы, а также на внешние культурные связи республики.

В перспективе работы музея по брендированию коллекции будут происходить интенсивнее и включают в себя организацию обменных выставок, создание дополнительных гальванокопий золотых предметов, создание манекенов и реконструкции одежды вельмож по версии тувинских мастеров, музеефикацию кургана Аржан-2, составление каталога кургана Аржан-1 и мн. др.

Очевидно, что коллекция может определять развитие в регионе и археологического туризма, поскольку вызывает и новые ожидания от изучения территории.

В целом, сама по себе данная выставка уже стала значительным явлением, может называться культурным брендом, «визитной карточкой» Тувы. Поэтому ее изучение важно для исследований культурологии, антропологии, социологии и даже политологии Тувы.

Благодарности

Авторы благодарят директора Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, доктора филологических наук Каадыр-оола Алексеевича Бичелдея за организационную поддержку. Также авторы выражают благодарность коллегам — сотрудникам музея, которые участвовали в реэкспозиции «Золотого зала» НМ РТ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве (2004) / под общ. науч. ред. М. Б. Пिटровского. СПб. : Славия. 64 с.

Дыртык-оол, А. О. (2009) Музейное строительство Тувы в составе Российской Федерации. Кызыл : КЦО Аныяк. 113 с.

Дыртык-оол, А. О. (2013) История создания археологической экспозиции в Национальном музее Республики Тыва // Вестник Тувинский государственный университет. Социальные и гуманитарные науки. № 1 (16). С. 11–18.

Грязнов, М. П., Маннай-оол, М. Х. (1975) Курган Аржан по раскопкам 1973–1974 гг. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 17 / отв. ред. Н. А. Аранчын. Кызыл : Тув. книж. изд-во. 208 с. С. 185–198.

Ермолаевские чтения: материалы III научно-практической конференции с международным участием (23–25 мая 2019 г.), посвященной 90-летию со дня основания Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (2019) / сост. О. Ю. Иргит. Кызыл : Типография МБОУ КЦО «Аныяк». 256 с.

Кудажы, Л. М., Опей-оол, У. П. (2009) Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Красноярск : Поликом. 96 с.

Килуновская, М. Е. (2012) Мониторинг археологических памятников Республики Тыва // Археологические памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010). СПб. : Инфо Ол. 176 с. С. 102–175.

Медведев, А. П. (2016) Научная конференция «Скифия: образ и историко-культурное наследие» // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. № 3. С. 124–125.

Монгуш, О. О. (2006) Скифо-сибирский звериный стиль в коллекциях Тувинского музея (на примере кургана Аржан-1) // Культура Тувы: прошлое и настоящее: сб. материалов науч.-практ. конф. (г. Кызыл, 3 марта, 31 марта 2004 г.) / ред. сост. И. В. Подик. Кемерово : КемГУКИ. 223 с. С. 42–45.

Нурзат, У. Б. (2013) «Золотой» зал Национального музея Республики Тыва: [к 5-летию открытия постоянной выст. «Сокровища Долины царей Тувы. Царский курган Аржаан-2»] // Люди и события Тувы: календарь-хронограф / сост. Л. М. Чадамба, Е. М. Ак-Кыс. Кызыл : ГБУ «НБ им. А. С. Пушкина РТ». 115 с. С. 51–53.

Пименова, К. В. (2019) Сакральные предметы и трансформации музейной этики: истоки, проблемы, решения // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–127. DOI: 10.25178/nit.2019.2.10

Толковый словарь тувинского языка (2003) / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука. Т. I: А-Й. 597 с.

Семенов, В. А., Килуновская, М. Е., Монгуш, О. О. (2014) Музей и вопросы сохранения, изучения и использования культурного наследия // Материалы научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 85-летию основания Национального музея Республики Тыва, 105-летию со дня рождения советского специалиста Николая Михайловича Богатырева и 100-летию единения России и Тувы / сост. А. О. Дыртык-оол, М. М. Мандан-Хорлуу. Новосибирск : ИД «Сибирские огни». 312 с. С. 67–71.

Чугунов, К. В. (2004) Звериный стиль кургана Аржан-2: к постановке проблемы // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции / отв. ред. Д. Г. Савинов СПб. : Исторический факультет СПбГУ. 346 с. С. 273–276.

Чугунов, К. В. (2008a) Некоторые особенности искусства кургана Аржан 2 // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М. : ИА РАН. 472 с. С. 98–101.

Чугунов, К. В. (2008b) Искусство звериного стиля из кургана Аржан-2 // Урянхай. Тыва Дептер: антология в 7 т. / под ред. С. К. Шойгу. М. : Слово. Т. 7. Древности Тувы. Археологические памятники (бронзовый век — конец XIX века). 904 с. С. 842–861.

Чугунов, К. В. (2010) Янтарь среди золота кочевнических владык. Царский курган раннескифского времени Аржан-2 в Туве // Янтарь в древних культурах. Художественные произведения из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки / общ. науч. ред. М. Б. Пиотровского. СПб. : Славия. 144 с. С. 47–53.

Чугунов, К. В., Парцингер, Г., Наглер, А. (2017) Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН. 500 с.

Ховалыг, Р. Б. (2009) К истории возвращения археологической коллекции «Аржаан-2» в фонды Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Кызыл, 9–10 сент. 2009 г.: в 2-х ч. / отв. ред. В. С. Чигжит; сост.: У. Б. Нурзат; науч. ред.: У. П. Опей-оол. Кызыл : типография КЦО «Аныяк». Ч. 2. 199 с. С. 149–152.

Дата поступления: 15.12.2020 г.

REFERENCES

Arzhan. Istochnik v Doline tsarei. Arkheologicheskie otkrytiia v Tuve [Arzhan. A spring in the Valley of Kings. Archaeological discoveries in Tuva] (2004) / ed. by M. B. Piotrovskogo. St. Petersburg, Slavia. 64 p. (In Russ.).

Dyrtyk-ool, A. O. (2009) Muzeinoe stroitel' stvo Tuvy v sostave Rossiiskoi Federatsii [Museum-building in Tuva as part of the Russian Federation]. Kyzyl, KTso Anyiak. 113 p. (In Russ.).

Dyrtyk-ool, A. O. (2013) Istoriia sozdaniia arkheologicheskoi ekspozitsii v Natsional'nom muzee Respubliki Tyva [The history of the creation of the archaeological exhibits of the National Museum of the Republic of Tuva]. Vestnik Tuvinskii gosudarstvennyi universitet. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki, no. 1 (16), pp. 11–18. (In Russ.).

Griaznov, M. P. and Mannai-ool M. Kh. (1975) Kurgan Arzhan po raskopkam 1973–1974 gg. [The Arzhan mound in the 1973–1974 excavations]. In: Uchenye zapiski TNIIaLI. Vol. 17 / ed. by N. A. Aranchyn. Kyzyl, Tuvan book publisher. 208 p. Pp. 185–198. (In Russ.).

Ermolaevskie chteniia [The Ermolaev readings] (2019): Proceedings of the 3rd research conference with international participation (May 23–25, 2019), dedicated to the 90th anniversary of the founding of the Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva / comp. by O.Yu. Irgit. Kyzyl, Tipografiia MBOU KTso «Anyiak». 256 p. (In Russ.).

Kudazhy, L. M. and Opei-ool, U. P. (2009) *Natsional'nyi muzei im. Aldan-Maadyr Respubliki Tyva [Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tyva]*. Krasnoyarsk, Polikom. 96 p. (In Russ.).

Kilunovskaya, M. E. (2012) Monitoring arkheologicheskikh pamiatnikov Respubliki Tyva [Monitoring archaeological monuments of the Republic of Tyva]. In: *Arkheologicheskie pamiatniki Rossii: okhrana i monitoring. Gruppy arkheologicheskogo monitoringa IIMK RAN (2001–2010) [Archaeological sites in Russia: security and monitoring. Archaeological monitoring group at the Institute for the History of Material Culture, RAS (2001–2010)]*. St. Petersburg, Info Ol. 176 p. Pp. 102–175. (In Russ.).

Medvedev, A. P. (2016) Nauchnaia konferentsiia «Skifiia: obraz i istoriko-kul'turnoe nasledie» [Research conference “Scythia: Image and historical and cultural heritage”]. *Vestnik VGU. Serii: istoriia. Politologiya. Sotsiologiya*, no. 3, pp. 124–125. (In Russ.).

Mongush, O. O. (2006) Skifo-sibirskii zverinyi stil' v kollekttsiiakh Tuvinskogo muzeia (na primere kurgana Arzhan-1) [Scythian-Siberian animal style in the collections of the Tuva Museum: the case of Arzhan I mound]. In: *Kul'tura Tuvy: proshloe i nastoiashchee [Culture of Tuva: past and present]: Proceedings of a research conference (Kyzyl, March 3, March 31, 2004) / red. sost.: I. V. Podik. Kemerovo, KemGUKI. 223 p. Pp. 42–45. (In Russ.).*

Nurzat, U. B. (2013) «Zolotoi» zal Natsional'nogo muzeia Respubliki Tyva: k 5-letiiu otkrytiia postoiannoi vyst. «Sokrovishcha Doliny tsarei Tuvy. Tsarskii kurgan Arzhaan-2» [The “Golden Hall” of the National Museum of the Republic of Tyva: the 5th anniversary of the opening of the permanent exhibition “Treasures of the Valley of the Kings of Tuva. Royal mound Arzhaan II”]. In: *Liudi i sobytiia Tuvy: kalendar'-khronograf [People and events of Tuva: a calendar and chronograph] / comp. by L. M. Chadamba and E. M. Ak-Kys. Kyzyl, GBU «NB im. A. S. Pushkina RT». 115 p. Pp. 51–53. (In Russ.).*

Pimenova, K. V. (2019) Sakral'nye predmety i transformatsii muzeinoi etiki: istoki, problemy, resheniia [Sacred objects and transformations of museum ethics: origins, problems, solutions]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–127. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.10>

Tolkovyi slovar' tuvinskogo yazyka [An explanatory dictionary of the Tuvan language] (2003) / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 597 p. (In Russ. and Tuv.).

Semenov, V. A., Kilunovskaya, M. E. and Mongush, O. O. (2014) Muzei i voprosy sokhraneniia, izucheniia i ispol'zovaniia kul'turnogo naslediiia [Museum and issues of preservation, study and use of cultural heritage]. In: *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), posviashchennoi 85-letiiu osnovaniia Natsional'nogo muzeia Respubliki Tyva, 105-letiiu so dnia rozhdeniia sovet'skogo spetsialista Nikolaia Mikhailovicha Bogatyreva i 100-letiiu edineniia Rossii i Tuvy [Proceedings of the research conference (with international participation) dedicated to the 85th anniversary of the founding of the National Museum of the Republic of Tuva, and the 105th anniversary of the Nikolai Mikhailovich Bogatyrev and the 100th anniversary of the union of Russia and Tuva] / comp. by A. O. Dyrtyk-ool and M. M. Mandan-Khorluu. Novosibirsk, ID «Sibirskie ognii». 312 p. Pp. 67–71. (In Russ.).*

Chugunov, K. V. (2004) Zverinyi stil' kurgana Arzhan-2: k postanovke problemy [Animal style of kurgan Arzhan II: stating the problem]. In: *Izobrazitel'nye pamiatniki: stil', epokha, kompozitsii [Pictorial monuments: style, epoch, compositions]*. Proceedings of a research conference / ed. by D. G. Savinov. St. Petersburg, Istoricheskii fakul'tet SPbGU. 346 p. Pp. 273–276. (In Russ.).

Chugunov, K. V. (2008a) Nekotorye osobennosti iskusstva kurgana Arzhan 2 [Some features of the art of mound Arzhan II kurgan]. In: *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale [Works of the 2nd (18th) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]*. Vol. II / ed. by A. P. Derevianko and N. A. Makarov. Moscow, IA RAN. 472 p. Pp. 98–101. (In Russ.).

Chugunov, K. V. (2008b) Iskusstvo zverinogo stilia iz kurgana Arzhan-2 [The art of animal style from mound Arzhan II]. In: *Uriankhai. Tyva Depter: antologiya [Uriankhai. Tuvan notebook] : in 7 vols. / comp. by S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 7. Drevnosti Tuvy. Arkheologicheskie pamiatniki (bronzovyi vek — konets XIX veka) [Antiquities of Tuva. Archaeological sites (Bronze age — the end of the 19th century)]*. 904 p. Pp. 842–861. (In Russ.).

Chugunov, K. V. (2010) Iantar' sredi zolota kochevnicheskikh vlyadyk. Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve [Amber among the gold of nomadic lords. Early Scythian royal mound Arzhan II in Tuva]. In: *Iantar' v drevnikh kul'turakh. Khudozhestvennye proizvedeniia iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki [Amber in ancient cultures. Works of art from the collection of the State Hermitage Museum. An exhibition catalog] / ed. by M. B. Piotrovskii. St. Petersburg, Slaviia. 144 p. Pp. 47–53. (In Russ.).*

Chugunov, K. V., Partsinger, G. and Nagler, A. (2017) *Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve [Arzhan II, the royal mound of the Scythian time in Tuva]*. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN. 500 p. (In Russ.).

Khovalyg, R. B. (2009) K istorii vozvrashcheniia arkheologicheskoi kollekttsii «Arzhaan-2» v fondy Natsional'nogo muzeia im. Aldan-Maadyr Respubliki Tyva [On the history of the return of the archaeological collection “Arzhaan-2” to the funds of the Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tyva]. In: *Nasledie narodov Tsentral'noi Azii i sopredel'nykh territorii: izuchenie, sokhranenie i ispol'zovanie [Heritage of the peoples of Central Asia and adjacent territories: study, preservation and use]*: Proceedings of an International Conference, Kyzyl, 9–10 Sep. 2009: in 2 parts / ed. by V. S. Chigzhit; comp. by U. B. Nurzat; ed. by U. P. Opei-ool. Kyzyl, Tipografiia KTso «Anyiak». Part 2. 199 p. Pp. 149–152. (In Russ.).

Submission date: 15.12.2020.

DOI: 10.25178/nit.2021.1.4

Статья

Скифские сюжеты и мотивы в традиционном и современном ювелирном искусстве Тувы

Жанна Э. Айжы, Яна А. Нан-Хоо

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация

В статье рассмотрены некоторые особенности традиционного ювелирного искусства Тувы и проанализированы работы современных представителей отрасли, следующих стилистике и иконографии скифо-сибирского звериного стиля.

Рассмотрены наиболее распространенные ювелирные изделия тувинцев — мастеров рубежа XIX–XX вв. (серьги, перстни, фигурные поясные бляхи, наконечники украшений), которые хранятся и экспонируются в Национальном музее Республики Тыва (1131 единиц украшений). Сделан вывод, что преемственность с искусством эпохи ранних кочевников прослеживается мало: сохранились трансформированный под растительный узор зооморфный орнамент (кошкар мыйызы) и растительный мотив (чечектеп) в виде многолепестковой цветочной розетки, берущие свои истоки в искусстве древних скифов.

Скифо-сибирский стиль стал специально возрождаться в современном ювелирном искусстве Тувы с 2000-х гг. и это было связано с открытием в Национальном музее Тувы постоянной экспозиции, что позволило ювелирам, также как и другим посетителям, ознакомиться с украшениями царской четы и знати из курганов Аржан и Аржан-2. Из современных тувинских ювелирных работ были изучены произведения мастеров Веныры Никулиной, Айбеса Олчей и Елены Седип. В их работах (из серебра, золота, бисера и пр.) органично переплелись национальные тувинские традиции по художественной обработке металла и по-новому осмысленные скифские сюжеты и мотивы. С одной стороны, в ювелирных изделиях прослеживается использование стилистических элементов скифского стиля, с другой стороны — звериные скифские образы смело накладываются на современные тренды в ювелирном искусстве (например, в работах мастера по бисеру Елены Седип). Анализ их ювелирных украшений позволяет говорить о формировании нового направления в современном ювелирном искусстве Тувы, в котором по-новому осмысливаются древние образы и мотивы.

Ключевые слова: скифо-сибирский звериный стиль; ювелирное дело; тувинское искусство; Тува; тувинцы; скифский образ; звериный стиль; традиционное искусство; не-традиционализм

Для цитирования:

Айжы Ж. Э., Нан-Хоо Я. А. Скифские сюжеты и мотивы в традиционном и современном ювелирном искусстве Тувы // Новые исследования Тувы. 2021, № 1. С. 73-90. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.4>

Айжы Жанна Эдуардовна — старший научный сотрудник отдела культуры, искусства и религии Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394) 223-43-28. Эл. адрес: ayzhy94@mail.ru

Нан-Хоо Яна Александровна — научный сотрудник отдела культуры, искусства и религии Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394) 223-43-28. Эл. адрес: yana.nankhoo.1993@mail.ru

AYZHY, Zhanna Eduardovna, Senior Research Fellow, Department of Culture, Art and Religion, Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titova St., 667000 Kyzyl, Russia. Tel.: +7 (394) 223-43-28. Email: ayzhy94@mail.ru **ORCID ID:** 0000-0002-6217-2866

NAN-KHOO, Yana Aleksandrovna, Research Fellow, Department of Culture, Art and Religion, Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titova St., 667000 Kyzyl, Russia. Tel.: +7 (394) 223-43-28. Email: yana.nankhoo.1993@mail.ru **ORCID ID:** 0000-0002-3998-7522

Scythian motifs and imagery in traditional and contemporary jewelry art in Tuva

Zhanna E. Ayzhy, Yana N. Nan-Khoo

Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article examines a number of features of traditional art of jewelry art of Tuva. Also analyzed are the works of contemporary jewelry artists who explore the iconography and follow the style of the Scythian-Siberian animal style.

The article looks at the most widespread types of Tuvan jewelry of the turn of the 20th century — earrings, signet rings, ornamental best plates and braid decorations, which are preserved and exhibited at the National Museum of the Republic of Tuva (1131 items all in all). The authors conclude that little continuity can be traced between early nomadic art and that of late 19th and early 20th century. Among the surviving traditions are the *koshkar myizy* zoomorphic ornament (transformed to feature a floral ornament) and the *chechektep* plant motif as a multifoil rosette, both stemming back to the art of ancient Scythians.

Since the 2000s, the Scythian-Siberian style has seen a conscious revival, largely due to the opening of a permanent exposition at the National Museum which familiarized jewellers, as well as other visitors, with the treasures of the royal couple and the aristocracy from Arzhan and Arzhan II mounds. Of contemporary Tuvan artists, a special focus is made on Venera Nikulina, Aibes Olchei, and Yelena Sedip. Their works of silver, gold, beads and other materials organically combine ethnic Tuvan stylistic traditions and daring attempts of applying the Scythian animal style to the contemporary trends in jewelry art (as they, e.g., appear in the bead art of Yelena Sedip). Their jewelry is found to be part of a new trend in the art of contemporary Tuva, the trend which provides a new interpretation of the ancient imagery and motifs.

Keywords: Scythian-Siberian animal style; jewelry art; Tuvan art; Tuva; Tuvans; Scythian imagery; animal style; traditional art; neotraditionalism

For citation:

Ayzhy Zh. E. and Nan-Khoo Ya. N. Scythian motifs and imagery in traditional and contemporary jewelry art in Tuva. *New Research of Tuva*, 2021, no. 1, pp. 73-90. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.4>

Введение

Художественная обработка металла и ювелирное дело занимают особое место в декоративно-прикладном искусстве тувинцев. Традиции и знания кузнечного мастерства передавались строго от отца к сыну или от дяди к племяннику, даже существовало разделение на «черных кузнецов» (*кара дарган*), занимающихся в основном изготовлением орудий труда из железа, чугуна и сплавов, и «сложных кузнецов» (*нарын дарган*), в ведение которых входила работа с драгоценными металлами и полудрагоценными камнями. Именно *нарын дарган* занимался ювелирным делом, изготавливая различные мужские и женские украшения, детали конского снаряжения из серебра с использованием полудрагоценных камней (Вайнштейн, 1974: 81). В XIX — начале XX в. многие путешественники, побывавшие в Туве, отмечали высокую художественную ценность произведений тувинских дарганов. В частности, Ф. Я. Кон в своих очерках дает следующую оценку работе кузнецов «... По Хемчику кузнечные изделия поражают своей красотой... Литейное искусство сохранилось тоже почти исключительно по Хемчику. Медные и бронзовые шахматы, отлитые на Хемчике, могут конкурировать с изделиями европейских мастеров» (Кон, 1936: 71).

Исходя из упоминаний разных путешественников и исследователей (Ф. Я. Кон, Г. Е. Грумм-Гржимайло) и многочисленных экспонатов Национального музея Республики Тыва, датируемых XIX–XXI вв., можно сделать вывод о том, что уже к концу XIX в. в Туве, а именно в западной части региона, развивались школы художественной обработки металла, в которых мастера-ювелиры знали и применяли различные техники.

В настоящее время в ювелирном искусстве Тувы прослеживаются три направления: 1) изготовление ювелирных изделий по традиционным образцам XIX–XX вв.; 2) авторские стилизованные украшения,

выполненные по современным технологиям; 3) ювелирные работы, вдохновленные музейными экспонатами. В частности, в данной статье рассматриваются украшения, копирующие или по-новому осмысливающие предметы из скифских курганов Аржан, Аржан-2 с их последующей адаптацией к сегодняшним актуальным трендам. В тувиноведении активно исследуется декоративно-прикладное искусство тувинцев, в раздел которого входит также ювелирное дело. Однако многие авторы в целом изучают проблематику традиционной преемственности ювелирного искусства. В частности, о стилистике традиционных съемных украшений тувинских женщин пишет А. Б. Ондар (Ондар, 2017: 41-47). Также ювелирный промысел тувинцев исследуется в контексте истории и развития художественной обработки металла тюркско-монгольских народов Сибири (Москвина, Павлова, 2015).

Исследований скифо-сибирского звериного стиля в современном ювелирном искусстве тувинцев еще не производились, в том числе с учетом соотношения старых традиций и новаций. Это обусловило новизну нашей работы.

Цель статьи — рассмотреть некоторые особенности традиционного ювелирного искусства Тувы и проанализировать работы современных представителей отрасли, следующие стилистике и иконографии скифо-сибирского звериного стиля.

Актуальность работы также связана с многочисленными на данный момент исследованиями археологов, искусствоведов и историков скифо-сибирского звериного стиля в контексте общих проблем древнего искусства и идеологии, культурно-исторической области, ее генезиса, функционирования и исчезновения, ее взаимосвязей с античной и восточными цивилизациями. Все исследования, касающиеся данной тематики, можно условно разделить на две группы. Первая — это труды, посвященные искусствоведческому анализу звериного стиля (Круглова, 2020; Переводчикова, 1994; Sher, 1988). Вторая — это труды, раскрывающие региональную специфику звериного стиля в Крыму, на Кавказе, в Саяно-Алтайском регионе (Калинин, 2015; Килуновская, 1994, 2015; Канторович, 2014; Канторович, Яблонский, 2009; Hancar, 1952). Отдельно стоит выделить исследования, посвященные культуре тувинцев, позволяющие раскрыть своеобразие традиционного народного искусства (Иргит, 2017; Будегечиева, 1995; Вайнштейн, 1974; Дьяконова, 1960; Киселев, 1951; Кон, 1936).

В работе применяются исторический, иконографический¹ и сопоставительный методы. Авторами проведен подробный анализ ювелирных изделий тувинских кузнецов XIX–XX вв. и современных ювелиров (время создания, материал и техника, форма, орнаментальная композиция). Анализ дополнен теоретической базой, основывающейся на фундаментальные исследования, что позволяет ответить на вопрос о преемственности между скифским звериным стилем и тувинским ювелирным искусством.

В качестве основной источниковой базы исследования в статье авторами выбраны наиболее распространенные ювелирные изделия тувинцев: серьги, перстни, фигурные поясные бляхи, наконечники украшений. Рассматриваются произведения мастеров рубежа XIX–XX вв., которые хранятся и экспонируются в Национальном музее Республики Тыва²; а также изделия мастеров, которые работают в Туве в настоящее время и с работами которых авторы статьи смогли ознакомиться в г. Кызыле. В частности, работы Айбес Олча представлены в экспозиции «Декоративно-прикладное искусство Тувы. Серебро» в Национальном музее Республики Тыва. Также в музее была открыта временная выставка произведений автора вместе с якутским ювелиром Александром Манжурьевым «Урянхай Уус. Связь времен и народов» в июне 2016 г. С ювелирными изделиями Венеры Никулиной авторы статьи ознакомились в личном архиве мастера. Произведения Елены Седип также были представлены на временной выставке «Искусство красоты» в Национальном музее Республики Тыва в марте 2020 г.

¹ Метод иконографии в искусствоведении используется для анализа любого художественного произведения через интерпретацию сюжета посредством смыслового содержания символики, аллегорий, образов. Художественное произведение в данном методе понимается как знак, символ определенного исторического периода или эпохи. Для подобного знака характерно не только его зрительное восприятие реципиентом, но прежде всего восприятие через культурные коды эпохи, философию, личность автора (Пановский, 2009: 34).

² Ювелирные изделия, изготовленные в середине XX в. на высоком художественном уровне, в музее почти не представлены, так как в советское время, в частности, после 1950-х гг. ремесла, связанные с изготовлением одежды, и вместе с ними и ювелирный промысел, утратил актуальность и пришел в упадок (Красавина, Балган, 2019: 695). Только с 1980-х гг. известные тувинские профессиональные художники и камнерезы С. Х. Кочаа и В. Ш. Салчак развернули широкую деятельность по восстановлению утраченных технологий в ювелирном искусстве и начали изготавливать традиционные ювелирные украшения.

Скифо-сибирский звериный стиль и традиционное ювелирное искусство тувинцев рубежа XIX–XX вв.

Многие авторы (С. И. Вайнштейн, С. В. Киселев, Т. Б. Будегечиева и др.) в своих исследованиях указывают на роль и значение искусства древних скифов на формирование тувинской художественной культуры. Именно искусство скифов во многом предопределила устойчивые эстетические и изобразительные ориентиры тувинской культуры. Например, С. И. Вайнштейн выявил, что в камнерезном искусстве тувинцев приемы изображения животных восходят к скифо-сибирскому звериному стилю (Вайнштейн, 1974: 216). Так, в мелкой пластике звериный стиль основательно закрепился, не претерпев при этом каких-либо масштабных изменений. Т. Б. Будегечиева отметила, что в целом анималистическое направление в тувинской художественной культуре связано со скифским временем (Будегечиева, 1995: 46).

А что можно сказать о скифо-сибирском зверином стиле в традиционном ювелирном искусстве тувинцев? Для исследования данного вопроса мы обратились к предметам ювелирного искусства тувинцев, представленным в экспозиции Национального музея Республики Тыва. Музей обладает наиболее репрезентативными экспонатами, собранными сотрудниками во время экспедиций или переданными частными лицами, школами и др. С середины 1950-х гг. сотрудниками музея была начата работа по целенаправленному и комплексному коллекционированию ювелирных изделий. Например, многие предметы вошли в музейную коллекцию благодаря этнографическим экспедициям, проводимых С. И. Вайнштейном с 1952 г. Большая часть ювелирного собрания вошла в музейный фонд в период 1969–1980-х гг. (Айжы, Бурбужеп, 2019: 194). В двух витринах-шкафах зала «Декоративно-прикладное искусство Тувы. Серебро» представлено свыше 170 экспонатов, среди которых украшения, входящие в комплекс тувинского национального костюма: подвесные фигурные пряжки, огнива, ножи в ножнах. Еще представлено свыше 98 женских украшений: серьги, кольца, перстни, браслеты, гребни и два вида наконечных украшений (*чавага* и *боошкун*). В основном все украшения датируются рубежом XIX–XX вв.

Тувинцы независимо от пола пользовались разнообразными ювелирными изделиями, которые наделялись не только функцией украшать человека, подчеркивать его социальный статус, достаток, но и считались оберегами, защищающими от болезни и жизненных неурядиц (Вайнштейн, 1974: 94). В основном зажиточные предпочитали заказывать украшения из серебра, а люди среднего достатка довольствовались предметами из различных металлов или сплавов. Самыми распространенными мужскими украшениями являлись поясные фигурные пряжки (*дергилер*), огниво-кошельки (*оттуктар*), перстни (*чүстүктөр*). Женские украшения отличались большим разнообразием по оформлению, технике исполнения и орнаментальной составляющей. В частности, тувинские женщины носили ювелирные изделия, которые разделялись по типам на следующие виды: украшения для прически, для ушей, рук и пальцев и для пояса. Украшения для прически — это наконечные украшения *чавага* и *боошкун*; для рук и пальцев — браслеты, кольца и перстни; для пояса — поясные пряжки, огнива (Ондрар, 2017: 46).

Рассмотрим украшения для прически — *боошкун* и *чавага*. По традиции *боошкун* считается девичьим украшением. Он особо не декорировался, так как считалось, что незамужней девушке полагалась скромность в поступках и одежде. Выйдя замуж, женщина украшала свою косу *чавага*, которая представляет собой пластину прямоугольной формы с заостренным или полукруглым верхом. К пластине прикрепляются более пяти нитей с бусами и шелковыми кистями черного цвета. Размер и форма данного украшения могут быть разными, однако в основном они стандартизированы. Серебряная пластинка декорируется различными орнаментами и инкрустируется полудрагоценными камнями (коралл, бирюза).

В тувинском музее представлены 4 прекрасно сохранившиеся наконечные украшения *чавага* и 15 фрагментов пластин к ней. Все предметы сделаны из серебра, датируются, в основном, рубежом XIX–XX вв. Техника изготовления — чеканка, гравировка, инкрустация, литье. В целом работа тувинского ювелира заключалась в украшении художественной резьбой серебряной пластины.

В данном ювелирном украшении *чавага* (фото 1) стоит обратить внимание на орнаментальную композицию. На пластине представлен незамысловатый на первый взгляд растительный орнамент. Но если внимательно присмотреться, то мы увидим, что так называемая «цветковая» или многолепестковая розетка превращается в орнаментальный мотив «бараний рог» (*кошкар мыйызы*). Исследователи

отмечают особую популярность данного орнамента в тувинской художественной обработке металла, резьбе и росписи дерева, вышивке, аппликации войлочных изделий и тиснении кожи. Так, на многих пластинах накосных украшений данный мотив «переплетается» или «прячется» за растительным узором, образуя сложную декоративную композицию. Появление данного роговидного орнамента, которого тувинцы по-другому называли *кошкарлап*, по мнению С. И. Вайнштейна, связано с эпохой ранних кочевников, а именно с южносибирскими племенами скифского времени (Вайнштейн, 1974: 27). Ведь во многих изделиях скифского времени изображаются головы баранов или козлов с большими рогами.

Фото 1-3: 1 — фрагмент накосного украшения, конец XIX в. Автор неизвестен.

Хранится в Национальном музее Республики Тыва (инвентарный номер КП 5385); 2 — фрагмент накосного украшения, начало XX в. Автор неизвестен. Хранится в НМ РТ (КП 7176); 3 — перстень овальной формы, конец XIX — начало XX в. Автор неизвестен. Хранится в НМ РТ (КП 9394).

Фото С. М. Еловикова, 2014 г.

Photo 1-3: 1 — fragment of a braid decoration, late 19th century, Anon. Preserved at the National Museum of the Republic of Tuva (Reg. No. КП 5385); 2 — fragment of a braid decoration, early 20th century, Anon. Preserved at the NM RT (Reg. No. КП 7176); 2 — an oval signet ring, late 19th — early 20th c., Anon. Preserved at the NM RT (Reg. No. КП 9394).
Photo by S. M. Elovikov, 2014.

На другой пластине *чавага* с коралловыми вставками роговидный мотив трансформировался полностью в растительные завитки (фото 2).

Роговидный орнамент также без труда узнается в женском перстне овальной формы с инкрустированным малахитом (фото 3).

Интересно, когда случилось превращение чисто зооморфного мотива в растительный? Крупный исследователь истории народов Южной Сибири С. В. Киселев, говоря об орнаментальном искусстве тюрков данного региона, отметил, что элементы орнамента скифо-сибирского стиля со временем утратили первоначальный сюжетный смысл, видоизменившись в растительные завитки (Киселев, 1951: 524). Так, наиболее вероятно, это случилось в тюркское время, и было связано с утратой предметного смысла. Об этом подробно рассуждает Т. Б. Будегечиева. Она пишет, что утрата предметного смысла предполагает трансформацию элементов анимализма в орнаментальное искусство, когда звериный мотив утрачивает первоначальный смысл и не прямо указывает на сам предмет, а стилизуется, превратившись в эстетическую категорию (Будегечиева, 1995: 46–47).

В традиционном ювелирном искусстве тувинцев в орнаментальном соотношении преобладают растительные мотивы. В частности, в женских ювелирных украшениях часто встречается один и тот же орнамент — «цветковая» или многолепестковая розетка. Например, в экспозиции представлены женские серьги с коралловыми бусами и подвеской в виде колокольчика (фото 4).

Фото 4. Серьги с подвесками в виде колокольчиков, начало XX в. Автор неизвестен. Хранится в Национальном музее Республики Тыва (КП 3404/1-2). Фото С. М. Еловикова, 2014 г.
 Photo 4. Earrings with bellflower-shaped pendants, early 20th century, Anon. Preserved at the National Museum of the Republic of Tuva (Reg. No. КП 3404/1-2). Photo by S. M. Elovikov, 2014.

Фото 5. Женская поясная пряжка. Автор и время изготовления неизвестны. Хранится в Национальном музее Республики Тыва (КП 9274/2).
 Фото А.-Д. Э. Мижита, 2021 г.
 Photo 5. Female belt buckle, date unknown, Anon. Preserved at the National Museum of the Republic of Tuva (Reg. No. КП 9274/2). Photo by A.-D. E. Mizhit, 2021.

Бусы и колокольчики сережек держатся на основании в виде пятилепесткового цветка. Такой цветок можно увидеть не только в сережках, перстнях, но и в поясных пряжках. Поясные пряжки (*дергилер*) — один из основных элементов верхней одежды тувинцев, которые всегда были парными и имели четкое разделение на мужские и женские (Дьяконова, 1960: 155). В частности, рассмотрим женскую поясную пряжку, переданную в музейную коллекцию в 1995 г. Э. Ч. Юшаа (фото 5).

Предмет состоит из трех блях: верхней и нижней, соединенных между собой шарниром и имеющих круглую форму, средней — эллипсовидной. Поясная пряжка отличается единым художественным стилем, где основой является целостное композиционное изображение цветка и цветочных побегов.

Есть ли параллели в орнаментах племен Саяно-Алтая эпохи ранних кочевников? Интересные образцы орнаментики скифов были обнаружены недалеко от г. Ак-Довурака и с. Аксы-Барлык Барун-Хемчикского района, датированные, согласно книге поступлений НМ РТ, IX–VIII вв. до н. э. В частности, среди предметов были найдены бляхи из тонких золотых пластин в виде четырехлепестковых и пятилепестковых розеток округлой формы (фото 6–7).

Можно уловить сходство между скифской цветочной розеткой и тувинским национальным многолепестковым узором *чечектеп*, соответственно говорить о культурной связи.

Совершенно по-другому стоит вопрос о зооморфных мотивах и сюжетах в традиционном ювелирном искусстве тувинцев. Ведь во многих украшениях можно встретить изображения различных животных. Н. Ф. Катанов отметил в начале XX века следующее: «Огниво и ножи сойотского изделия в серебряной оправе были высечены изображения 12 животных, составляющий двенадцатилетний цикл счисления у монголов, маньжуров и сойотов...» (Катанов, 2011: 80). Помимо животных двенадцатилетнего цикла достаточно распространены образы мифических животных, а именно арзылана (полульва и полусобаки), демонических существ из буддийского пантеона. Например, на мужской поясной пряжке, датирова-

Фото 6. Нашивная бляшка в виде пятилепестковой розетки, IX–VIII вв. до н. э. Хранится в Национальном музее Республики Тыва (КП 4074). Фото А.-Д. Э. Мижита, 2021 г.
Photo 6. Sewn-on plate shaped as a five-petal rosette, 9th–8th c. BCE. Preserved at the National Museum of the Republic of Tuva (Reg. No. КП 4074). Photo by A.-D. E. Mizhit, 2021.

Фото 7. Нашивная бляшка в виде четырехлепесткового цветка, IX–VIII вв. до н. э. Хранится в Национальном музее Республики Тыва (КП 4074). Фото А.-Д. Э. Мижита, 2021 г.
Photo 7. Sewn-on plate as shaped as a four-petal flower, 9th–8th c. BCE. Preserved at the National Museum of the Republic of Tuva (Reg. No. КП 4074). Photo by A.-D. E. Mizhit, 2021.

мой началом XX в., представлен традиционный для тибетской мифологии демонический дух *лха-дра* (фото 8). Изображение его головы дублируется в центральной части верхней бляхи прямоугольной формы и в нижней овальной подвеске. Животное выглядит устрашающим с раздвинутой пастью с острыми зубами, округлыми выпуклыми глазами и широким носом. Изображение *лха-дры* повторяется в пряжке в боковых частях нижней подвески, где он представлен в профиле. А так зооморфный образ здесь органично переплетается с растительными завитками и побегами, образуя сложную декоративную композицию. Указанный выше зооморфный образ демонического существа, как и образ арзылана являются результатом обогащения национальной тувинской культуры китайско-маньчжурско-монгольской традицией, не имеющей прямого отношения к скифо-сибирскому звериному стилю.

Краткий обзор наиболее репрезентативных украшений тувинских ювелиров XIX–XX вв. из экспозиции «Декоративно-прикладное искусство Тувы. Серебро» позволяет заключить, что в представленных ювелирных изделиях сохранились элементы скифо-сибирского звериного стиля, а именно: зооморфный орнамент *кошкар мыйызы*, восходящий к эпохе ранних кочевников, и растительный орнамент в виде многолепестковой цветочной розетки. Эти два мотива оказались настолько устойчивыми, что, пережив тысячелетия, они поныне бытуют в тувинском национальном искусстве, трансформировавшись и получив новое осмысление.

Фото 8. Мужская поясная пряжка, начало XX в. Автор неизвестен. Хранится в Национальном музее Республики Тыва (КП 10296/2). Фото А.-Д. Э. Мижита, 2021 г.
Photo 8. Male belt buckle, early 20th c., Anon. Preserved at the National Museum of the Republic of Tuva (Reg. No. КП 10296/2). Photo by A.-D. E. Mizhit, 2021.

Скифское искусство и неотрадиционализм

Скифские сюжеты и мотивы в художественной культуре Тувы стали появляться с начала 2000-х гг. в качестве одного из проявлений неотрадиционализма. Это было связано в первую очередь с открытием и функционированием экспозиции «Золото скифов: Долина царей» в Национальном музее Республики Тыва.

Если само скифское золото, составившее данную экспозицию, было найдено в 2001–2002 гг. археологами российско-германской археологической экспедиции (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017), то само экспонирование в Туве состоялось намного позже. Основными проблемами были: отсутствие должного здания и хранилища таких ценностей, специального оборудования и охраны. Поэтому, правительство Тувы закончило строительство головного здания музея, который до этого строился 17 лет. 7 февраля 2008 г. здание в г. Кызыле по ул. Титова, д. 30 было открыто, а 2 ноября 2008 г. жители и гости республики впервые увидели воочию шедевры скифского искусства.

Тувинские деятели искусства, ознакомившись воочию с произведениями скифских мастеров и ювелиров, стали активно использовать сюжеты, мотивы, образы древности. Знаковые предметы, обнаруженные в курганах Аржан и Аржан-2, стали использоваться для создания логотипов государственных научно-исследовательских и образовательно-просветительских учреждений. Так, символом Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва стала бронзовая бляха в виде свернувшейся пантеры, которая считается одним из самых ранних образцов скифского звериного стиля (фото 9). Навершие шпильки в виде фигурки оленя царицы из кургана Аржан-2 вошло в логотип Национального музея Республики Тыва (фото 10).

Фото 9. Бронзовая бляха в виде свернувшейся пантеры из кургана Аржан, IX–VIII в. до н. э. Хранится в Национальном музее Республики Тыва (КП 5479/41).

Фото А. Д. Куулар, 2020 г.

Photo 9. Bronze plate shaped as a coiled pattern from Arzhan mound, 9th-8th c. BC. Preserved at the National Museum of the Republic of Tuva (Reg. No. КП 5479/41).

Photo by A. D. Kuular, 2020.

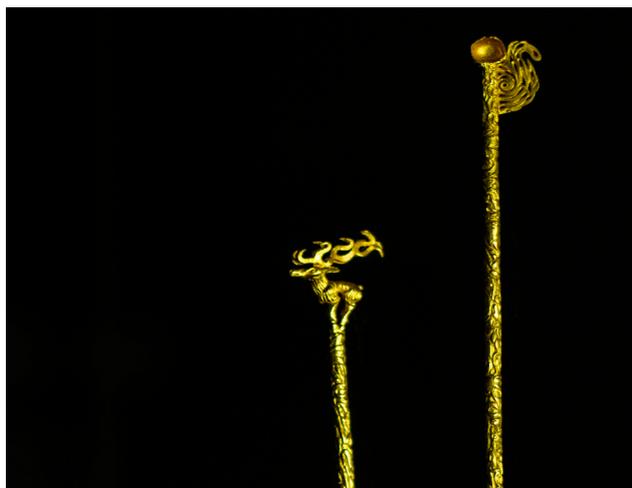

Фото 10. Шпилька в виде фигурки оленя из кургана Аржан-2, вторая половина VII в. до н. э. Хранится в Национальном музее Республики Тыва (КП 11195/513).

Фото А.-Д. Э. Мижита, 2021 г.

Photo 10. A deer-shaped hairpin from Arzhan II mound, latter half of 7th c. BC. Preserved at the National Museum of the Republic of Tuva (Reg. No. КП 11195/513).

Photo by A.-D. E. Mizhit, 2021.

К искусству древних скифов обратились также тувинские ювелиры, увидевшие в скифо-сибирском зверином стиле новые возможности для развития и обогащения своего художественного языка. Ювелирное искусство Тувы, в отличие от камнерезного искусства, развивавшегося планомерно по всем направлениям и жанрам, где всегда было место экспериментам, поиску новых форм и художественного языка, развивалось в русле традиционных форм. И в этом оно также отличалось от ситуации в Якутии и Бурятии, где ювелирное искусство заняло одно из главенствующих позиций в декоративно-прикладном искусстве и с развитием традиций, и с ориентацией на современные тренды и направления (Петрова, Соловьева, 2017: 29). В частности, в Якутии уже работает целая плеяда дизайнеров-ювелиров по созданию оригинальных украшений, представляющих неповторимый стиль этномодерна (Бравина, Иванова-Унарова, 2020: 61). При этом в Якутии ювелирное дело ориентировано на изготовление

серебряных украшений. Развитие данного направления строится на деятельности крупных частных фирм «Уран Саха», «Киэргэ», «Симэх», «Саха дизайн» и др. (Москвина, Павлова, 2015: 288).

Что касается ювелирного дела в Туве, то здесь сегодня работают мастера в рамках «традиционной» ювелирной школы, которые черпают идеи в национальных орнаментах и богатой символике буддизма. К этим мастерам-ювелирам можно отнести Кенина Сата (г. Кызыл), Владимира Салчака (с. Кызыл-Даг), Байбека Борбака (г. Шагонар), Николая Самдана (г. Кызыл), Юрия Тойбухаа (г. Кызыл). И появились ювелиры — Венера Никулина (г. Кызыл), Айбес Олчей (г. Кызыл), Елена Седип (г. Кызыл), — выбравшие свои подходы к представлению «скифо-сибирского звериного стиля» в своих произведениях. Надо сказать, что Венера Никулина и Айбес Олчей также достаточно плодотворно работают в традиционной технике, изготавливая национальные тувинские украшения. Их обращение к скифским сюжетам и мотивам характеризуется стремлением не только выйти за рамки традиций, заложенных национальной культурой, но и желанием авторской импровизации. В уникальной технике работает мастер Елена Седип, которая в Туве развивает редкое направление бисероплетения с использованием драгоценных и полудрагоценных камней.

Венера Никулина: функциональный скифо-сибирский звериный стиль

В Кызылском колледже искусств им. А. Б. Чыргал-оола художественную обработку металла преподает ювелир Венера Копеековна Никулина, занимающаяся данным искусством на протяжении двенадцати лет.

Путь в ювелирное дело В. К. Никулиной был тернистым. Родилась 20 февраля 1974 г. в с. Аксы-Барлык Барун-Хемчикского района Тувинской АССР. Как и все молодые люди перепробовала себя во многих сферах, прежде чем найти себя в ювелирной стезе. После окончания средней образовательной школы поступила в сельскохозяйственный институт Тувинского государственного университета. Проучившись там два года, решила полностью сменить сферу деятельности. Поступила в Торжокское золотошвейное училище в Тверской области, где издавна существовала сильная школа по художественной вышивке в России. Успешно закончив данное учебное заведение, вернулась обратно в Туву, в родное село Аксы-Барлык, где стала учителем труда в местной школе. Чувствуя необходимость в дальнейшем обучении, поступила в Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова на специальность «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы». Именно здесь она освоила основы художественной обработки металла. Проучившись в Абакане, Венера Никулина решила более серьезно освоить ювелирное дело. Так, она поступила в Красносельское училище художественной обработки металлов, где уже на протяжении ста лет готовят специалистов по ювелирному делу для крупных ювелирных заводов и частных компаний. После окончания училища для закрепления теоретических и практических навыков, осталась работать в мастерской данного учебного заведения, где на протяжении года оттачивала свое мастерство в ювелирном деле. Так, молодой ювелир обратно вернулась на родину и сразу занялась преподавательской деятельностью в Детской школе искусств г. Ак-Довурака, где вела кружок по художественной вышивке.

С 2014 г. В. К. Никулина преподает в Кызылском колледже искусств, в котором открылась ювелирная мастерская и где она занялась обучением будущих ювелиров. В 2019 г. выпустила первый набор (6 учащихся) по направлению «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы (по виду): Художественный металл». Это стало важным событием для современной художественной культуры Тувы, поскольку республика впервые получила ювелиров, получивших профильное образование, и которые, возможно, будут развивать тувинское ювелирное искусство.

Что касается индивидуального творчества, то В. К. Никулина начала изготавливать авторские ювелирные изделия с 2008 г. Сначала она работала в рамках традиционного тувинского ювелирного искусства, скрупулезно изучив семантику всего разнообразия тувинской орнаментики. Как и мастера прошлого, она создает серебряные украшения с инкрустацией кораллами, нефритом, бирюзой. При этом ювелир активно внедряет другие камни, добавляя жемчуг, фианит, яшму и др. Она прекрасно владеет гравировкой, штамповкой, насечкой, филигранью.

Совершенно новой линией в ее творческой деятельности стал скифо-сибирский звериный стиль. Впервые она увидела лучшие образцы ювелирного искусства скифов в Национальном музее Республики Тыва в 2008 г. и с тех пор неоднократно посещала «Золотой зал», как нередко называют экспозицию скифского золота. Так, она загорелась желанием создать ювелирные украшения с использованием основных скифских образов.

Фото 11. Фибула «Скифский олень» Венеры Никулиной. Фото из архива В. К. Никулиной, 2010 г.

Photo 11. The 'Scythian deer' fibula, by Venera Nikulina. Courtesy of V. K. Nikulina's personal photo archive, 2010.

Ключевой идеей в ювелирной концепции мастера является тезис «чистоты» звериного стиля. Прекрасно владея тонкостями и техниками не только тувинской художественной обработки металла, но и традициями тверской ювелирной школы, Венера Никулина могла бы сочетать совершенно две разные направления в своем творчестве, комбинируя их еще со звериным стилем. Однако ювелир четко придерживается минималистического взгляда на древнее искусство кочевников. В своем интервью одному из соавторов данной статьи в октябре 2020 г. она подчеркивала цельность и емкость скифо-сибирского звериного стиля, не требующего добавления никаких других орнаментальных мотивов и вставок драгоценных или полудрагоценных камней¹. Поэтому работы мастера отличаются простотой композиционного построения, строгостью форм.

Например, изготовленная по заказу частному лицу фибула² «Скифский олень», вдохновленная навершием шпильки царицы (фото 11).

На первый взгляд, украшение повторяет работу древнего ювелира, воссоздавшего образ благородного оленя. Однако в художественном построении образа животного можно отметить две отличающиеся детали. Во-первых, современный ювелир, в отличие от скифского мастера, не зависит от канонов данного стиля. Как пишут многие исследователи, в парадигме кочевников евразийских степей Вселенная строго разделялась по вертикали на три мира: верхний (небесный), средний (принадлежащий людям) и нижний (подземный)

(напр.: Переводчикова, 1994: 13). Скифский ювелир в оформлении различных предметов вкладывал представления о картине мира, поскольку и вещь, и изображение на ней были связаны с общей идеей о строении мироздания. Поэтому олень для скифов был небесным животным, и он мог быть украшением предметов, находящихся на уровне головы (Грязнов, 1978: 232). Так, данная шпилька украшала высокую

Фото 12. Зажим в виде фигурок кабанов Венеры Никулиной. Фото из архива В. К. Никулиной, 2010 г.

Photo 12. A clamp shaped as boar figurines, by Venera Nikulina. Courtesy of V. K. Nikulina's personal photo archive, 2010.

Фото 13. Запонки в виде фигурок кабанов Венеры Никулиной. Фото из архива В. К. Никулиной, 2010 г.

Photo 13. Cuff-links shaped as boar figurines, by Venera Nikulina. Courtesy of V.K. Nikulina's personal photo archive.

прическу и головной убор скифской царицы (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2004: 12). Для В. К. Никулиной, как и для современного заказчика, соблюдение основных канонических постулатов звериного стиля не важно. Фигурку благородного оленя с ветвистыми рогами ювелир представила как фибулу —

¹ Интервью с Венерой Никулиной (на тув. языке) Ж. Э. Айжы. Записано в г. Кызыл 30.10.2020 г.

² Фибула — металлическая застежка для одежды, служащая также украшением.

брошь или зажим для одежды, т. е. как предмет с определенной функциональностью. То же самое видно по зажиму для галстука и запонкам в виде фигурки кабана (*фото 12–13*).

В качестве образца ювелир использует бляшки в виде фигур кабанов, украшавших горит или налучье с колчаном царя из кургана Аржан-2. Как отмечает А. Ю. Алексеев, изображение кабана на предметах вооружения не случайно, так как в бестиарии звериного стиля он был символом мужской храбрости и доблести (Алексеев, 2012: 56). Е. В. Переводчикова дополняет мысль об амбивалентности образа вепря: «Поскольку его природа виделась двойственной: с одной стороны, это копытное животное, с другой же — плотоядный зверь, в этом смысле родственник хищникам» (Переводчикова, 1994: 46). Современный ювелир также соотносит образа кабана с мужским началом, создавая строгие в своем минимализме украшения из серебра. Тем не менее, ее украшения актуальны под любой стиль независимо от возраста, пола и индивидуальных особенностей. Если ювелирные украшения из курганов Аржан и Аржан-2, возможно, были специально изготовлены для погребальной церемонии для элиты скифского общества, то изделия Венеры Никулиной прекрасно сочетаются с повседневной одеждой благодаря лаконизму и строгости линий.

Таким образом, скифо-сибирские образы в ювелирных украшениях тувинского педагога и ювелира Венеры Никулиной представлены в виде основных животных-символов — оленя и кабана — и выражены в минималистическом стиле с функциональным акцентом.

Айбес Олчей: созвучие национальных ювелирных традиций Тувы и Якутии в скифо-сибирском зверином стиле

Совершенно в другом направлении работает молодой ювелир Айбес Сергеевич Олчей, известный в Туве и за ее пределами не только как ювелир, камнерез, но и мастер по изготовлению конского снаряжения. В 2017 г. в рамках празднования национального праздника Наадым в межрегиональном конкурсе «Наследие предков» он стал победителем — мастером, изготовившим лучшее конское убранство¹.

А. С. Олчей родился 14 июня 1979 г. в селе Барлык Барун-Хемчикского района в семье художника. Его творческое становление началось, как у многих тувинских мастеров, с камнерезного искусства. В Кызыл-Мажалыкской детской школе искусств под руководством опытного камнереза, художника Майны Биче-оола он начал делать поделки из агальматолита. После окончания школы выбрал профессию столяра-резчика в Профессиональном училище № 4 г. Кызыла, где он освоил резьбу по дереву. При этом не забросил камнерезное искусство, постоянно оттачивая свою технику. Высшее образование получил в Тувинском государственном университете на инженерно-техническом факультете. Поворотным пунктом в карьере мастера стала стажировка в г. Якутске, где он решил освоить ювелирное дело. В 2008 г. он поступил подмастерьем в известную частную ювелирную фирму «Киэргэ», где занимался частными заказами. За два года он освоил основные современные техники по художественной обработке металла и познакомился с традиционным и современным ювелирным искусством якутов.

В 2010 г. А. С. Олчей вернулся в Туву, где в Кызыле он открыл свою мастерскую и приступил к изготовлению авторских ювелирных изделий, которые стали востребованы. Работы ювелира, по нашему мнению, узнаваемы благодаря трем ключевым аспектам. Во-первых, филигранностью художественной техники — все изделия отличаются утонченной ажурностью и тщательной проработкой деталей. Во-вторых, сочетанием различных материалов: кости, металла, полудрагоценных камней. В-третьих, смелым совмещением различных ювелирных традиций и стилей, что является самой главной отличительной чертой художественного языка ювелира. Все три аспекта можно увидеть не только в ювелирных изделиях мастера, но и в его камнерезных работах.

В Национальном музее Тувы в экспозиции «Декоративно-прикладное искусство. Серебро» представлена шпилька с навершием в виде фигурки оленя, вдохновленная аналогичным золотым украшением скифской царицы из кургана Аржан-2 (*фото 14*). Ювелир в качестве основных материалов использует серебро, кость и полудрагоценный камень гранат. Стержень изделия выполнена из гладкой

¹ Первое место в конкурсе на лучшее конское снаряжение — у Айбеса Олчая (Тува) [Электронный ресурс] // ИА Туваонлайн. 2017, 18 августа. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2017/08/18/pervoe-mesto-v-konkurse-na-luchshee-konkskoe-snaryazhenie-u-aybesa-olcheya-tuva.html> (дата обращения: 06.11.2020).

Фото 14. Шпилька с навершием в виде оленя. Автор Айбес Олчей, 2016 г. Хранится в Национальном музее Республики Тыва.

Фото С. Л. Бырыннай, 2020 г.

Photo 14. A hairpin with its top shaped as a deer, by Aibes Olchei, 2016. Preserved at the National Museum of the Republic of Tuva. Photo by S. L. Byrinnai, 2020.

отшлифованной кости, навершие с фигуркой оленя и подвеска — из серебра. Автором ювелирное украшение продумано не как копия скифской шпильки, а, скорее, как отсылка к ней, так как есть отличительные моменты.

Анализ стоит начать с образа оленя, где сразу видно, что олень выполнен не по скифскому канону. М. П. Грязнов выделил для саяно-алтайского оленя характерную стоящую позу, как бы «на цыпочках» с прямыми ногами (Грязнов, 1978: 226). К. В. Чугунов применительно к образу оленя из кургана Аржан-2 упоминает об «аржано-майэмирском стиле», где типичны изображения оленей с прямыми ногами (Chugunov, 2017: 74). У А. Олчей олень тоже изображен стоящим с прямыми ногами, но с подогнутой передней конечностью. Возможно, данный образ, скорее всего, относится к иконографии камнерезного искусства Тувы, закрепленной многолетней традицией. Именно в анималистическом жанре скульптуры малых форм можно увидеть такую характерную позу диких животных в работах Монгуша Черзи и Хертека Тойбухаа, родоначальников камнерезного искусства Тувы. Принадлежность данного оленя к тувинской камнерезной пластике доказывается еще сочетанием реалистической трактовки и декоративной стилизации, своеобразной характеристикой тувинской пластики малых форм (Иргит, 2017: 43). Ведь ювелир стилизовал шерсть оленя вертикальной прорезкой, что часто

Фото 15. Серьги с тремя цепочными подвескам и фигуркой оленя. Автор А. С. Олчей, 2019 г. Фото А. С. Хертека.

Photo 15. Earrings with three chain pendants and a deer figurine, by A. S. Olchei, 2019. Photo by A. S. Khertek.

Фото 16. Серьги с тремя цепочными подвесками и фигуркой свернувшейся пантеры. Автор А. С. Олчей, 2019 г.

Фото А. С. Хертека.

Photo 16. Earrings with three chain pendants and a coiled-up panther figurine, by A.S. Olchei, 2019. Photo by A. S. Khertek.

встречается в камнерезных работах, при этом, не забыв ветвистые рога животного представить в традициях скифского искусства.

Такое смелое сочетание традиций камнерезного искусства и приемов скифо-сибирского звериного стиля — не последнее в авторской задумке. Далее комбинирование металла и кости отсылает к традициям якутского народного искусства, где существует сильная косторезная школа. В Туве резьба по кости в целом представлена тоже в скульптуре малых форм, где мастера делали небольшие фигурки людей и животных, а в традиционном ювелирном искусстве тувинцев кость не является распространенным материалом.

Помимо влияния якутского ювелирного искусства в творчестве А. Олча хорошо прослеживаются традиции тувинского ювелирного дела, которые прекрасно отражены в двух комплектах сережек работы мастера (фото 15-16). Украшения по своей форме напоминают традиционные женские сережки с цепочками с колокольчиками на концах.

Такого вида серьги, датированные началом XX в., широко представлены в экспозиции тувинского музея (фото 17).

В отличие от традиционных тувинских сережек, украшенных буддийскими символами или зооморфными, растительными орнаментами, в данных изделиях (фото 15 и 16) ключевое место занимают основные образы скифо-сибирского звериного стиля — олень и свернувшаяся в круг пантера. Оформленные в круглом диске и обрамленные меандрическим орнаментом скифские животные как бы «заключены» в пространство этого диска, ограничены в свободе. При этом олень, изображенный в «летучем галопе» в одной паре серег (фото 15) пытается освободиться из пространства диска — его копыто «выходит» за рамки диска. Три цепочки с колокольчиками и двумя подвесками скрепляются в серьгах с диском с помощью ажурной пряжки. И две подвески с пряжкой типичны по орнаментальной композиции с якутскими ювелирными традициями, где в серьгах часто встречаются мотивы в виде тоненьких веточек и вьющихся стеблей (Хабарова, 1981: 26). Также способ декорирования украшений преимущественно гравировкой и ажурной резьбой тоже восходит к якутской традиции.

Таким образом, в творчестве мастера Айбеса Олча скифские сюжеты и мотивы представлены в связи с тувинскими и якутскими ювелирными традициями.

Елена Седип: скифские сюжеты и мотивы в бисероплетении

Совершенно в другом направлении работает тувинский мастер Елена Владимировна Седип, занимающаяся на протяжении двадцати пяти лет изготовлением ювелирных украшений и аксессуаров из бисера.

Е. В. Седип родилась в 1968 г. в городе Киселевске Кемеровской области. В 1972 г. вместе с семьей переехала в город Кызыл. После окончания средней школы № 11 поступила в автодорожный техникум.

Впервые плетением бисером занялась в 1989 г. Это было связано с возрождением данного вида декоративно-прикладного искусства в России, когда повсеместно возникли мастерские, объединения, кружки, школы бисероплетения (Замера, 2015: 196). Интерес к бисеру привел Е. В. Седип к преподавательской деятельности — с 1995 г. она начала обучать школьников плетению по бисеру в Центре дополнительного образования в Кызыле. В последнее время преподает плетение по бисеру в средней школе № 7¹.

Фото 17. Серьги с 9-цепочными подвесками.

Автор неизвестен, начало XX в. Хранится в Национальном музее РТ (КП 3403/1-2). Фото С. М. Еловикова, 2014 г.

Photo 17. Earrings with nine chain pendants Anon, early 20th c. Preserved at the National Museum of the Republic of Tuva (Reg. No 3403/1-2). Photo by S. M. Elovikov, 2014.

¹ Информация об авторе [Электронный ресурс] // Сайт Елены Седип. URL: <http://elena.sedip.ru/index.php/page/150> (дата обращения: 11.10.2020)

С начала 2000-х гг. Е. В. Седип стала активно участвовать в республиканских, межрегиональных, всероссийских и международных выставках. Участие в выставках всероссийского и регионального уровней в рамках конкурсов «100 лучших товаров России», «Лучший товар Тувы», «Регионы России» позволили автору продемонстрировать свое творчество в ракурсе современного развития тувинского декоративно-прикладного искусства.

Интерес к бисероплетению, как особенному направлению в ювелирном искусстве Тувы, Е. Седип представила на персональной выставке «Искусство красоты», прошедшей в Национальном музее РТ 4–8 марта 2020 г¹. Авторы статьи занимались организацией данной выставки и непосредственно знакомились с приемами и оригинальными техниками плетения бисера. На выставке были представлены гайтаны², кольца, броши, браслеты, подвески и др. Посетители выставки больше всего заметили традиционное русское нашейное украшение гайтан, украшенный тувинским национальным орнаментом «узлом счастья» (*олчей удазыны*). Каждый человек, посетивший выставку, отметил не только своеобразие каждого украшения, но и как совершенно по-новому смотрятся национальные тувинские орнаменты и узоры на таком материале как бисер.

Среди украшений автора особо стоит выделить кольцо, в которых из многочисленных бисеринок проявляются образы животных из скифского bestiaria. Колье представляют собой круглые обручи шириной 4 см, от центральной части которых опускаются многочисленные нити с бисеринками, где на контрасте черных, служащих фоном, и золотистых бисеринок, отражаются скифские животные. Мастером выбраны бисеринки качественного чешского производства, которые отличаются легкостью, изяществом и блеском. В первом ювелирном изделии представлен олень из навершия шпильки царицы, а во втором — свернувшаяся пантера из кургана Аржан (*фото 18 и 19*).

Фото 18 и 19. Колье из бисера «Скифский олень» и «Скифская пантера». Автор Елена Седип, 2020 г. Фото Ж. Э. Айжы, 2020 г.
Photo 18-19. "Scythian deer" and "Scythian panther" bead necklace, by Yelena Sedip, 2019. Photo by Zh. E. Ayzhy, 2020.

¹ Открытие персональной выставки мастера декоративно-прикладного творчества — Елены Седип [Электронный ресурс] // Национальный музей Республики Тыва. URL: <http://museum.tuva.ru/?p=8676> (дата обращения: 11.10.2020).

² Нагрудное украшение в виде кольца из тканой или ажурной ленты из бисера разной ширины и длины с концами, соединенными в медальон. Такое украшение надевалось на шею и спускалось по груди иногда до талии. Женщины в праздничный день надевали, как правило, несколько таких украшений (Неслуховская, 2016: 67).

Олень, как мы уже упоминали, является одним из основных образов в скифо-сибирском зверином стиле. В ювелирном украшении Елены Седип олень представлен в каноническом образе — стоящим на цыпочках, в профиль и с ветвистыми изогнутыми рогами. При этом стоит подчеркнуть следующую особенность, связанную с ногами оленя. В данном изделии они выполнены не канонически — они соединены воедино, при этом бисер как бы «растворяет» их, что символично, и перекликается с небесным происхождением скифского оленя.

Изображение свернувшегося в кольцо хищника является одним из главных сюжетных линий в зверином искусстве. Во втором колье ювелир представила образ свернувшейся в кольцо пантеры из бронзовой бляхи, обнаруженной в камере № 2, примыкающей к центральной царской камере, кургана Аржан. Данный предмет является одним из знаковых археологических находок в истории Тувы. Исследователь археологического комплекса Аржан М. П. Грязнов предполагает, что возможно данная бляха является нагрудным украшением царского коня, сакральные смыслы которого связаны с конской упряжью (Грязнов, 1980: 50). Согласно иконографической основе, образ зверя отличается компактностью, композиционной замкнутостью и принципом «ухо, глаз, ноздря на одной линии» (Канторович, 2014: 71). Современный ювелир также постаралась через контраст черного бисера, служащего фоном, и золотых бисер, изображающих пантеру, создать гармоничную в своей статичности композицию. Конечно, в бисере сложно представить полностью анатомические детали изображенного хищника. Однако ювелир, вдохновившись бляхой, представила свой вариант образа пантеры, при этом сохранив композиционное построение оригинального артефакта.

Таким образом, на примере двух нагрудных украшений из бисера Елена Седип представила свою интерпретацию образов звериного стиля.

Заключение

Как показало наше исследование, в традиционном ювелирном искусстве Тувы конца XIX — начала XX в., преемственность с искусством эпохи ранних кочевников прослеживается мало. Сохранились трансформированный под растительный узор зооморфный орнамент *кошкак мыйызы* и растительный мотив *чечектеп* в виде многолепестковой цветочной розетки, берущие свои истоки в искусстве древних скифов.

Скифо-сибирский стиль стал специально возрождаться в современном ювелирном искусстве Тувы с 2000-х гг. и это было связано с открытием в Национальном музее Тувы постоянной экспозиции, что позволило ювелирам, также как и другим посетителям, ознакомиться с украшениями царской четы и знати из курганов Аржан и Аржан-2. Мы показали разные подходы и интерпретации скифских сюжетов и мотивов в ювелирном творчестве на примере работ трех современных мастеров Тувы — Венеры Никулиной, Айбеса Олчя и Елены Седип. Анализ их ювелирных украшений позволяет говорить о формировании нового направления в современном ювелирном искусстве Тувы, в котором по-новому осмысливаются древние образы и мотивы. И в данном направлении основные персонажи скифского бестиария — олень, пантера, кабан — могут быть гармонично трансформированы не только под современные трендовые ювелирные украшения и аксессуары, но и интерпретированы, исходя из эстетических канонов ювелирного искусства тувинцев, а также опираясь на опыт других региональных школ и направлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айжы, Ж. Э., Бурбужеп, Д. Д. (2019) К вопросу представления ювелирного искусства в Национальном музее Республики Тыва // Ермолаевские чтения: материалы III научно-практической конференции с международным участием (23–25 мая 2019 г.), посвященной 90-летию со дня основания Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва / отв. ред. А. К. Тамдын. Кызыл : Типография МБОУ КЦО «Аныяк». 256 с. С. 193–197.

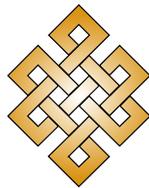
Алексеев, А. Ю. (2012) Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. 272 с.

Бралина, Р. И., Иванова-Унарова, З. И. (2020) Сияние серебра: традиционные украшения якутов. От истоков к современности // Традиционная культура. № 2. С. 51–62. DOI: <https://www.doi.org/10.26158/TK.2020.21.2.005>

Будегечиева, Т. Б. (1995) Художественное наследие тувинцев: Судьбы искусств. Жизнь традиции. Диалог культур. От традиционного к современному. М. : Внешторгиздат. 152 с.

Вайнштейн, С. И. (1974) История народного искусства Тувы. М. : Наука. 224 с.

Грязнов, М. П. (1978) Саяно-алтайский олень: (этюды на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии. Вып. II : сб. статей в память профессора М. И. Артамонова. Л. : ЛГУ. 244 с. С. 222–232.

- Грязнов, М. П. (1980) Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л. : Наука: Ленингр. отд.-ие. 62 с.
- Дьяконова, В. П. (1960) Поздние археологические памятники Тувы // Труды ТКАЭЭ. Т. II. С. 348–362.
- Замега, Э. (2015) Эпоха бисероплетения // Культурология. № 4 (75). С. 193–196.
- Иргит, А. К. (2017) История развития и современное состояние каменной пластики Тувы : дисс. ... кандидата искусствоведения. Барнаул. 216 с.
- Калинин, С. С. (2015) «Звериный стиль» пазырыкской скифо-сибирской культуры как культурный код: семиотический анализ // Алтайский текст в русской культуре : сб. науч. ст. / под ред. М. П. Гребневой. Барнаул : Изд-во АлтГУ. 444 с. С. 201–210.
- Канторович, А. Р. (2014) Эволюция и хронология сюжета свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. С. 66–99.
- Канторович, А. Р., Яблонский, Л. Т. (2009) О северопричерноморских и северокавказских параллелях изображениям в скифо-сибирском зверином стиле на предметах из филипповских курганов // Нижневолжский археологический Вестник. № 10. С. 73–99.
- Катанов, Н. Ф. (2011) Очерки Урянхайской земли: дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению императорской академии наук и императорского русского географического общества / под ред. К. А. Бичелдея. Абакан : Журналист. 384 с.
- Килуновская, М. Е. (1994) Искусство скифского времени Тувы : типология, периодизация и семантика: дисс... канд. исторических наук. СПб. 283 с.
- Килуновская, М. Е. (2015) Памятники декоративно-прикладного искусства из могильников скифского времени в долине р. Эрбек (Тыва) // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферии и модели культурных взаимодействий. Материалы тематической научной конференции [СПб, 23–27 ноября 2015 г.] / отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб. : Скифия-принт. 138 с. С. 42–46.
- Киселев, С. В. (1951) Древняя история Южной Сибири / сост. С. Попова. М.: Изд-во Академии наук СССР. 636 с.
- Кон, Ф. Я. (1936) За пятьдесят лет / сост. М. Чечановский. М.: Изд-во Советский писатель. Т. 3–4. 332 с.
- Красавина, М. В., Балган, А. А. (2019) Тувинское народное прикладное искусство: тенденции развития и современное состояние // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXV. С. 693–699. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.693-699
- Круглова, А. В. (2020) Художественные языки и коды скифского звериного стиля: ювелирное и декоративно-прикладное искусство // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. № 2–1. С. 333–343.
- Москвина, М. В., Павлова, Е. Ю. (2015) История и основные тенденции художественной обработки металла у тюркско-монгольских народов Сибири // Материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию Центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета / отв. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул : Алтайская государственная педагогическая академия. 388 с. С. 289–292.
- Неслуховская, А. В. (2016) Традиционные русские женские шейные украшения Верхнеокского региона XIX–XX веков // Ученые записки Орловского государственного университета. № 3 (72). С. 63–68.
- Ондар, А. Б. (2017) Традиционные съемные украшения тувинцев // Успехи современной науки. № 3. С. 41–47.
- Панофский, Э. (2009) Этюды по иконологии. Гуманистические темы в искусстве Возрождения / пер. с англ. Н. Г. Лебедевой, Н. А. Осминской. СПб. : Азбука-классика. 418 с.
- Переводчикова, Е. В. (1994) Язык звериных образов: очерки искусства Евразийских степей скифской эпохи. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 205 с.
- Петрова, А. Г., Соловьева, В. В. (2017) Сравнительный анализ художественного металла тюркских народов Южной Сибири, Средней Азии и якутов // Вестник Арктического государственного института искусств и культуры. № 1 (8). С. 29–34.
- Хабарова, М. В. (1981) Народное искусство Якутии. Л. : Изд-во «Художник РСФСР». 142 с.
- Чугунов, К. В., Парцингер, Г., Наглер, А. (2004) Золотые звери из долины царей // Открытия российско-германской археологической экспедиции в Туве / отв. ред. Г. В. Вилинбахов. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. 16 с. С. 3–5.
- Чугунов, К. В., Парцингер, Ш., Наглер, А. (2017) Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. 500 с.

Chugunov, K. V. (2017) Early nomads of Central Asia and southern Siberia // The BP exhibition the British Museum, 14.09.2017–14.01.2018. Scythians: warriors of ancient Siberia. Ed. by St John Simpson and Dr Svetlana Pankova. London : Thames & Hudson Ltd. 368 p. P. 70–86.

Hancar, F. (1952) The Eurasian Animal Style and the Altai Complex // *Artibus Asiae Publishers*. Vol. 15, No. ½. P. 171–194.

Sher, Y. A. (1988) On the Sources of the Scythic Animal Style // *Arctic Anthropology*. Vol. 25, No. 2. P. 47–60.

Дата поступления: 12.12.2020 г.

REFERENCES

Ayzhy, Zh. E. and Burbuzhep, D. D. (2019) K voprosu predstavleniia iuvelirnogo iskusstva v Natsional'nom muzee Respubliki Tyva [On the issue of the presentation of jewelry art at the National Museum of the Republic of Tyva]. In: *Ermolaevskie chteniia [Ermolaevsky readings]: Proceedings of the 3rd research conference with international participation (May 23–25, 2019), dedicated to the 90th anniversary of the founding of the Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva] / ed. by A. K. Tamdyn. Kyzyl, Tipografiia MBOU KTso «Anyiak». 256 p. Pp. 193–197. (In Russ.).*

Alekseev, A. Yu. (2012) *Zoloto skifskikh tsarei v sobranii Ermitazha [The gold of the Scythian Kings in the Hermitage collection]*. St. Petersburg, Izd-vo Gos. Ermitazha. 272 p. (In Russ.).

Bravina, R. I. and Ivanova-Unarova, Z. I. (2020) Siianie srebra: traditsionnye ukrasheniia iakutov. Ot istokov k so-vremennosti [The glow of silver: Traditional ornaments of the Yakuts from the origins to the present]. *Traditsionnaia kul'tura*, no. 2, pp. 51–62. (In Russ.). DOI: 10.26158/TK.2020.21.2.005

Budegechi, T. B. (1995) *Khudozhestvennoe nasledie tuvintsev [The artistic heritage of Tuvans]*. Moscow, Vneshtorgizdat. 151 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1974) *Istoriia narodnogo iskusstva Tuvy [A history of folk art in Tuva]*. Moscow, Nauka. 223 p. (In Russ.).

Griaznov, M. P. (1978) Saiano-altaiskii olen': (etiud na temu skifo-sibirskogo zverinogo stilia) [The Sayan-Altai deer: a sketch of the Scythian-Siberian animal style]. In: *Problemy arkheologii [Problems of Archeology]*. Vol. II : a collection of articles in memory of Professor M. I. Artamonov. Leningrad, LGU. 244 p. Pp. 222–232. (In Russ.).

Griaznov, M. P. (1980) *Arzhan. Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni [Arzhan. The royal kurgan of the Early Scythian time]*. Leningrad, Nauka: Leningr. otd-ie. 62 p. (In Russ.).

D'iakonova, V. P. (1960) Pozdnie arkheologicheskie pamiatniki Tuvy [Late archaeological monuments of Tuva]. *Trudy TKAEE*, vol. II, pp. 348–362. (In Russ.).

Zamega, E. (2015) Epokha biseropteniia [The epoch of beading]. *Kul'turologiia*, no. 4 (75), pp. 193–196. (In Russ.).

Irgit, A. K. (2017) *Istoriia razvitiia i sovremennoe sostoianie kamennoi plastiki Tuvy [The history of development and the current state of stone statuary in Tuva]*: Diss. ... Candidate of Arts. Barnaul. 216 p. (In Russ.).

Kalinin, S. S. (2015) «Zverinyi stil'» pazyrykskoi skifo-sibirskoi kul'tury kak kul'turnyi kod: semioticheskii analiz [The “Animal style” of the Pazyryk Scythian-Siberian culture as a cultural code: a semiotic analysis]. In: *Altaiskii tekst v russkoi kul'ture [Altay text in Russian culture]: a collection of scientific articles / ed. by M. P. Grebneva. Barnaul, Izd-vo AltGU. 444 p. Pp. 201–210. (In Russ.).*

Kantorovich, A. R. (2014) Evoliutsiia i khronologiia siuzheta svernuvshegosia v kol'tso khishchnika v vostochnoevropeiskom skifskom zverinom stile [The evolution and chronology of the motif of coiled-up beast in the Eastern European Scythian animal style]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 4, pp. 66–99. (In Russ.).

Kantorovich, A. R. and Yablonskii L. T. (2009) O severoprichernomorskikh i severokavkazskikh paralleliakh izobrazheniiam v skifo-sibirskom zverinom stile na predmetakh iz filippovskikh kurganov [On the Northern Black Sea and North Caucasian parallels to images in the Scythian-Siberian animal style as seen on objects from the Filippovsky mounds]. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, no. 10, pp. 73–99. (In Russ.).

Katanov, N. F. (2011) *Ocherki uriankhaiskoi zemli. Dnevnik puteshestviia, ispolnennogo v 1889 godu [Essays on the Urian-khai territory. The diary of a journey made in 1889]*. Prep., introduction and comm. by A. K. Kuzhuget. Kyzyl : TIGPI pri Pravitel'stve RT. 383 p. (In Russ.).

Kilunovskaya, M. E. (1994) *Iskusstvo skifskogo vremeni Tuvy : tipologiia, periodizatsiia i semantika [The Art of the Scythian time of Tuva: typology, periodization and semantics]*: Diss... Candidate of History. St. Petersburg. 283 p. (In Russ.).

Kilunovskaya, M. E. (2015) Pamiatniki dekorativno-prikladnogo iskusstva iz mogil'nikov skifskogo vremeni v doline r. Eerbeke (Tyva) [Objects of decorative and applied art from the Scythian-time burial grounds in the valley of the Eerbeke River (Tuva)]. In: *Rannii zheleznyi vek Evrazii ot arkhaiskoi do rubezha er. Tsenry, periferii i modeli kul'turnykh vzaimodeistvii [Early Iron Age of Eurasia from the Archaic to the turn of the new era: Centers, peripheries, and models of cultural interactions]*. Proceedings of a conference [St. Petersburg, November 23–27, 2015 / ed. by D. G. Savinov. St. Petersburg, Skifiia-print. 138 p. Pp. 42–46. (In Russ.).

Kiselev, S. V. (1951) *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri [The ancient history of southern Siberia]* / comp. by S. Popov. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR. 636 p. (In Russ.).

Kon, F. Ya. (1936) *Za piat' desiat let [In fifty years]*. 2nd ed. Vol. 3–4. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ. 344 p. (In Russ.).

Krasavina, M. V. and Balgan, A. A. (2019) Tuvinskoe narodnoe prikladnoe iskusstvo: tendentsii razvitiia i sovremennoe sostoianie [Tuvan folk arts and crafts: trends of development and current state]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, vol. XXV, pp. 693–699. (In Russ.). DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.693-699

Kruglova, A. V. (2020) Khudozhestvennye iazyki i kody skifskogo zverinogo stilia: iuvelirnoe i dekorativno-prikladnoe iskusstvo [Artistic languages and codes of the Scythian animal style: Jewelry art and craft]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaia sreda. Vestnik MGKhPA*, no. 2–1, pp. 333–343. (In Russ.).

Moskvina, M. V. and Pavlova, E. Yu. (2015) Istoriia i osnovnye tendentsii khudozhestvennoi obrabotki metalla u tiurksko-mongol'skikh narodov Sibiri [History and trends in artistic metalwork of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia]. In: *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 25-letiiu Tsentra ustnoi istorii i etnografii laboratorii istoricheskogo kraevedeniia Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Proceedings of the international research conference dedicated to the 25th anniversary of the Centre for oral history and Ethnography at the Laboratory of Local history, Altai State Pedagogical University]* / ed. by T. K. Shcheglova. Barnaul, Altaiskaia gosudarstvennaia pedagogicheskaia akademiia. 388 p. Pp. 289–292. (In Russ.).

Neslukhovskaia, A. V. (2016) Traditsionnye russkie zhenskie sheinye ukrasheniia Verkhneokskogo regiona XIX–XX vekov [Traditional Russian necklaces of the 19th – 20th centuries from the upper Oka region]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (72), pp. 63–68. (In Russ.).

Ondar, A. B. (2017) Traditsionnye s'emnye ukrasheniia tuvintsev [Traditional removable decorations of Tuvan people]. *Uspekhi sovremennoi nauki*, no. 3, pp. 41–47. (In Russ.).

Panofskii, E. (2009) *Etiudy po ikonologii. Gumanisticheskie temy v iskusstve Vozrozhdeniia [Etudes on iconology. Humanistic themes in the art of the Renaissance]* / transl. from Engl. by N. G. Lebedeva and N. A. Osminskaya. St. Petersburg, Azbukaklassika. 418 p. (In Russ.).

Perevodchikova, E. V. (1994) *Iazyk zverinykh obrazov: ocherki iskusstva Evraziiskikh stepei skifskoi epokhi [The language of animal images: Essays on art of the Eurasian steppes of the Scythian era]*. Moscow, Vostochnaia literature Publ. 205 p. (In Russ.).

Petrova, A. G. and Solov'eva, V. V. (2017) Sravnitel'nyi analiz khudozhestvennogo metalla tiurkskikh narodov Yuzhnoi Sibiri, Srednei Azii i iakutov [A comparative analysis of the metalworks of the Turkic peoples of South Siberia, Central Asia and the Yakuts]. *Vestnik Arkticheskogo gosudarstvennogo instituta iskusstv i kul'tury*, no. 1 (8), pp. 29–34. (In Russ.).

Khavarova, M. V. (1981) *Narodnoe iskusstvo Iakutii [Folk art of Yakutia]*. Leninrgad, Khudozhnik RSFSR Publ. 142 p. (In Russ.).

Chugunov, K. V., Partsinger, G., Nagler, A. (2004) Zoloty zveri iz doliny tsarei [Golden beasts from the valley of kings]. In: *Otkrytiia rossiisko-germanskoj arkheologicheskoi ekspeditsii v Tuve [Discoveries of the Russian-German archaeological expedition in Tuva]* / ed. by G. V. Vilinbakhov. St. Petersburg, Izd-vo Gos. Ermitazha. 16 p. Pp. 3–5. (In Russ.).

Chugunov, K. V., Partsinger, Sh. and Nagler, A. (2017) *Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve [Arzhan II, the royal mound of the Scythian time in Tuva]*. Novosibirsk, IAET SO RAN. 500 p. (In Russ.).

Chugunov, K. V. (2017) Early nomads of Central Asia and southern Siberia. In: *The BP exhibition the British Museum, 14.09.2017–14.01.2018. Scythians: warriors of ancient Siberia*. Ed. by St John Simpson and Dr Svetlana Pankova. London, Thames & Hudson Ltd. 368 p. Pp. 70–86.

Hancar, F. (1952) The Eurasian Animal Style and the Altai Complex. *Artibus Asiae Publishers*, vol. 15, no. ½, pp. 171–194.

Sher, Y. A. (1988) On the Sources of the Scythic Animal Style. *Arctic Anthropology*, vol. 25, no. 2, pp. 47–60.

Submission date: 12.12.2020.

The Scythian Stag in Contemporary Arts and Craft: Tuva and Abroad

Katherine Zeahan Leung

Independent scholar, USA

The article examines the interest in Scythian imagery and motifs in contemporary arts and crafts, both in Tuva and outside Russia, on a surge after the excavation of Arzhan II burial site. As proved by numerous references, the most popular of the Arzhan II finds was the stylized image of the Scythian stag on a golden hair pin. It has since appeared on the photo taken by Russian photographer Andrei Bronnikov, whose main subject is jewelry. Tattoo artists in English-speaking regions have seen an uptick in customers requesting Scythian stag tattoo designs, due in large part to the discovery of the popularly dubbed “Ukok Princess” and increase in interest in prehistoric fantasy media. Russian-speaking fashion designers redefine textile and ornament in the twenty-first century, influenced by the golden accents of the looped stag in their work, at times inventing an embellished narrative of the past. Folk crafters have created costume and jewelry designs for a different world they wish to inhabit, even creating alter-egos and stories that accompany Scythian-inspired pieces. Finally, within Tuva, wood carving continues thanks to trailblazers that promote folk handicrafts through education and archival work.

Artists around the world are fascinated by this unique relic of the past and employ the symbol in romantic imaginings of their past and present.

Keywords: Scythian gold; Scythian stag; Scythian imagery; Tuva; Tuvan culture; contemporary art; photography; tattoo; folk art; fashion; national costume; textile; wool felt; lapidary; wood carving

For citation:

Leung K. Z. The Scythian Stag in Contemporary Arts and Craft: Tuva and Abroad. *New Research of Tuva*, 2021, no. 1, pp. 91-106. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.5>

LEUNG, Katherine Zeahan, Independent scholar, USA. Postal address: 368 Nature Drive Apt B San Jose, CA 95123. Tel.: +1 (512) 423-7269. E-mail: leungk@utexas.edu

Лунг Кэтрин Зеан — независимый исследователь, США. Адрес: 368 Nature Drive Apt B San Jose, CA 95123. Тел.: +1 (512) 423-7269. Эл. адрес: leungk@utexas.edu

Скифский олень в современном искусстве и ремесле: Тува и зарубежье

Кэтрин З. Лунг

Независимый исследователь, США

В статье рассматривается интерес к скифским образам и сюжетам в современном искусстве и ремеслах Тувы и зарубежья, который возник после археологического открытия захоронений в Аржан II в Туве. При этом самым востребованным образом оказалось стилизованное изображение скифского оленя. Это показывается на примерах из разных видов искусства и ремесел. Например, известно изображение оленя на золотой заколке для волос, которое было сделано российским фотографом, специалистом по ювелирной фотографии Андреем Бронниковым. Тату-художники в англоязычных странах наблюдают всплеск запросов клиентов, которые хотят сделать себе татуировки скифского оленя. Русскоязычные модельеры переосмысливают текстиль и орнамент в XXI веке под влиянием золотых акцентов закольцованного оленя в своих работах, порой избрета приукрашенное повествование о прошлом. Народные ремесленники создают украшения, вдохновленные скифскими образами. Наконец, в самой Туве продолжает развиваться резьба по дереву и по камню, в которых мастера отдают дань уважения предкам, сплетая скифские символы с ремесленными традициями.

Художники всего мира очарованы этой уникальной реликвией прошлого и используют этот символ в романтических фантазиях о своем прошлом и настоящем.

Ключевые слова: скифское золото; скифский олень; скифский образ; Тува; тувинская культура; современное искусство; фотография; татуировка; высокая мода; национальный костюм; резьба по дереву

Для цитирования:

Leung K. Z. The Scythian Stag in Contemporary Arts and Craft: Tuva and Abroad // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 91-106. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.5>

Introduction

Over 3000 pieces of gold are currently housed in the Tuvan National Museum, offering a wealth of insight into the rituals and culture of ancient Scythia (Armbruster, 2009). Excavations prior to the discovery at the Arzhan II kurgan share similar depictions of the same animals (Farkas, 1977: 126). Notable items from the Tuvan excavation are stylized animal reliefs and lost-wax casts on jewelry and other decorative objects, depicting local animals such as panthers, frogs, ibex, bears, and stags. The finding with the largest popular culture following is a golden stag, at the end of a 35-centimeter-long hairpin. “The significance of the deer to the Scythians might have been that of a tribal symbol. According to some Soviet scholars, the name Saka, the Iranian word for Scythian, can be interpreted as stag or antler”, perhaps the animal was an icon or spiritual symbol (Ibid.: 127).

The stag depicted in this specific pose is found on belt buckles, adorning funerary carts, breastplates, and on numerous other art objects, archived in the Tuvan National Museum. The stag is similar to many found in other burial sites, predominantly featuring a head that “rests on the coupe of its disproportionately short body. Only two feet are given, neatly juxtaposed in strict side-view, while the antlers, resembling tentacles, form a fantastic symmetrical pattern” (Loehr, 1955: 66). The stag looks to be in motion, muscles tight, giving the impression of speed. The antlers are looped, and this most distinctive feature of all is not found on Chinese images of deer. “The stag’s post, in which the legs overlap, is a characteristic leg position for representing ungulates that had enveloped throughout the Eurasian steppes by the early first millennium BC. Such a pose can be seen on many deerstones found throughout southern Siberia and Mongolia” (Bunker, 2002: 17), which is the most notable characteristic of the Tuvan excavation, worthy of recreating over and over again in contemporary reimaginings. Archivists and excavators has done much of the legwork in collecting, cataloging, and describing these symbols. Archivists have put together much about Scythian

metalwork and burial practices. Folklorists have described the historical cultural consequences of these symbols. Photographers have captured the likeness, so that artists have ready access to it.

Indeed there is wealth of existing scholarship about workmanship and imagery, but my research pertains to this symbol in contemporary art, both in Tuva and outside of the republic. Some symbols hold a heavier weight, culturally and artistically. The Scythian stag is one such symbol. It is time-period specific and evokes a certain idea, more than horses, yurts, or Buddhist symbols and their capabilities. I am interested in how this symbol, coming from a prehistoric burial mound in modern Tuva, can permeate cultural and linguistic barriers. Outside of Central Asia, not much about steppe or nomad life is known. Even less is known about Scythian life outside of academic circles. Because of this, my research pertains manifestations of the stag symbol in contemporary and fine arts. I am interested in how regular people react to and use this symbol. I use online resources to explore photography, tattoo art, folk costumes, and folk arts have used this symbol. I explore Instagram sites, Etsy shops, and V Kontakte pages of artists and designers worldwide, noticing how they utilize the symbol for self-expression, romantic reimagining of the past, and at times, profit.

The scientific relevance across cultures is important because academic discourse has long excluded the work of outside interpretation. It has also excluded contemporary folk crafts, as they are seen too commercial and transcend cultural purity. I gathered evidence for this article through interviews. I spoke with Tuvan tattoo artist Alexander Mongush and New Zealander tattoo artist Danny Riday to find out more about Scythian imagery in tattoo art inside and outside Tuva. I found these tattoo artists through their social media pages and conducted the interviews through direct messaging on their respective platforms. This is also how I located the work of Christine Wild and Foodieknitter's personal tattoo.

I also interviewed Hungarian-Australian folk artist Boroka Égerházi-Kis on August 23rd, 2020 through social media to find out her inspiration and motivation behind creating a Scythian stag mask, which she proudly entered into an international wearable art competition. While I did not conduct an interview with Vycheslav Dongak, Elena Godis, and Aliza Souleyeva-Alexander, all three are Russian-speaking artists that use the stag in their work. I located all these folk artists through searches using hashtags such as #ScythianStag #Scythianculture and variations of these words during the month of August 2020.

As an American, it was within my realm to search and communicate through social media. What was more difficult was locating sources within Tuva that use this symbol. I was able to find the furniture-building contest, explored in the last part of this article, and other Tuvan artisans that are considered precursors in modern Tuvan folk art. Within Tuva, there is a strong tradition of folk art and carving. The carving contest, held through a local university, is merely a modern-day practice that follows the precedent set by artists like Hertek Kashtayovich Toubuhaa, Cherzi Mongush, Dongak Okaanchik and contemporary collector Maxim Ochur-Badievich Lopsan, all of whom draw from local flora and fauna, and use local wood and stone as art making materials in an established tradition.

Within Tuva, the symbol of the Scythian stag is revered in modern times. The National Museum of Tuva currently displays a graphic recreation of the stag in its logo and on all official merchandise and messaging. The stag was used in an international forum "Intellectual Gold of Eurasia" for entrepreneurship, tourism, national and global security, and green energy, held in Kyzyl in 2015¹. The stag is surely a memorable symbol, rooted in both fantasy and native fauna of the region, and is implemented in many official ways.

The reason that this stag continues to fascinate outside of Tuva is because it is highly replicable. It is not an invented symbol, it has prehistoric roots, which is why artists continue to draw from it. This article explores multiple examples of how the stag is used. Merely observing a trend is the initial step. In my research, I break down reasons why people are drawn to it and replicate it. I explain how they have used it and show images of their work. I speak to artists that talk about the personal relevance in their own ancestral imagining. I also speak to artists who have seemingly no connection, but in modernity, find ties to it because of recent trends in pop culture.

The Scythian stag is used by artists and meant to be shared publicly. Every photo in this article is located from social media pages, cross-fertilizing self-expression and self-promotion needs in a twenty-first century working artist. Social media plays a role in the self-identity process. Artists find themselves in the Scythian stag and are excited to educate. This article explores exactly how the Scythian stag is manifested. It is a dialogue between artists as much as it is a fantastic exhibition of talent.

¹ Хомушку В. Участники I Международного форума «Интеллектуальное золото Евразии» будут искать в Туве скифского Золотого Оленя [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2015, 5 сентября. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/8206-zoloto-evrazii.html> (accessed 22.08.2020).

The Scythian Stag in Photographic Depictions

Since speculation about the stag is restricted to archaeology and despite the breadth of large-scale finds like the one in Tuva, meaning is found in romantic reimagination of the past and the people that came before. Artists in many spheres including tattoo, fashion, folk art, and carving are influenced by the looped stag of the Arzhan II excavation use the image to retell stories about themselves and others. In this article I highlight the creations of artists around the world that have found affinity to the Scythian stag through contemporary, modern, and folk art. Exploring what cultural products come out of the looped stag motif is important in understanding the narrative capabilities of this simple symbol. Artists participate in cultural reimagining all the time, especially of cultures that are mythological in nature.

Perhaps the most famous portrayal of the gold pieces themselves in the digital age is in the artwork of photographer Andrei Bronnikov. His work memorializes much of the artifacts from Arzhan II, making it accessible for outsiders without direct access to the archived gold pieces (*photo 1*). Study of contemporary craft in Western countries is not possible without the photos of Bronnikov. Known mostly as a commercial photographer, Bronnikov has shot for L'Officiel, Vogue, GQ, Harper's Bazaar, AD, Robb Report, Glamour, Elle and dozens of other publications. Most recognize Bronnikov by his work and not by name, on Channel One and in numerous international advertising campaigns. Bronnikov is Russia's top specialist in product and jewelry photography. Originally from Krasnoyarsk, a graduate of Moscow State University Geological Faculty, and with already decades of geological research experience, Bronnikov turned to commercial and art photography in 1995, though his background in geology gives him the distinct insight for capturing accuracy for archival purposes.

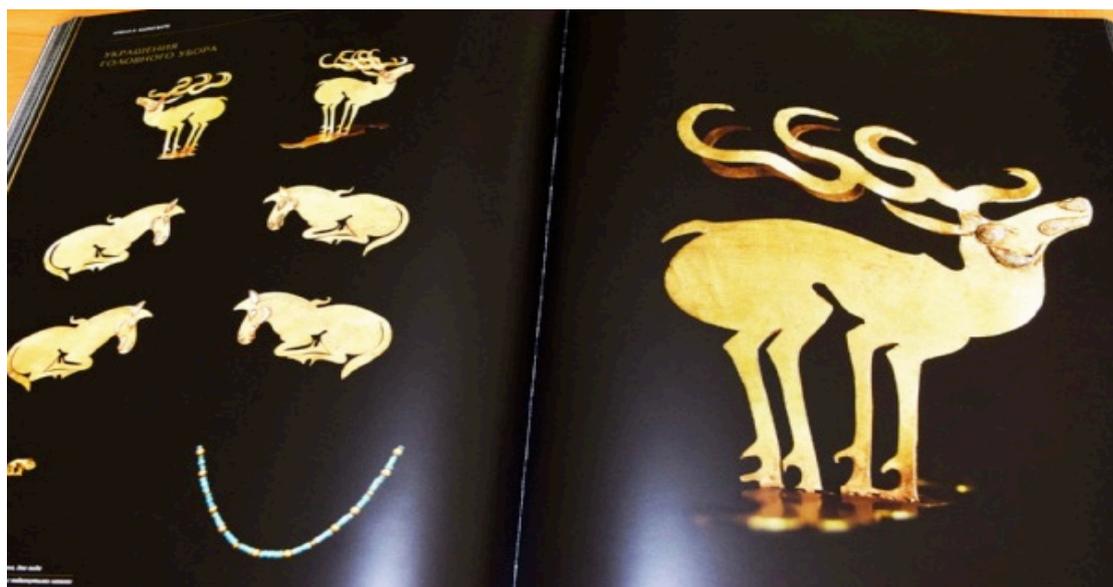

Photo 1. Image of Andrei Bronnikov's photo album for "Valley of the Kings of Tuva" exhibition, Kuzhuget Shoigu Cultural Foundation of Tuva.

Фото 1. Фотоальбом выставки Андрея Бронникова «Сокровища долины царей Тувы», Культурный фонд имени Кужугета Шойгу.

In 2014, Bronnikov was commissioned by the Kuzhuget Shoigu Cultural Foundation to depict gold jewelry uncovered from Arzhan II. Bronnikov's photos are collected in an international traveling exhibit called "Treasures of the Valley of the Tuvan Kings". Impressive large format photos that magnify every detail starkly sit against black velvet, digitally sharpened and exposure enhanced to depict every intricate detail of individual gold pieces. As that of a photographer, Bronnikov's work gives back more to the archeology and archival community than any other living artist. His Tuvan Kings photo collection is critically acclaimed in every city the exhibition took place, especially in Kyzyl. His photographs make archeological discovery possible for the everyday person, away from the burial sites, even more equitable with social media.

The Scythian stag in tattooing

Other than photography, the stag is represented in many other art forms. While the popularity may be attributed to a variety of reasons, it may be due to the rise of ancient mythological TV shows like *Game of Thrones* in English speaking countries. One possible parallel is seen in the work of American tattoo artist, Christi Wild of Connecticut-based Silence is Golden Gallery in 2020. She created a Scythian stag tattoo for a client (*photo 2*). Inspired by the traditional golden design, her tattoo is comprised of thick, clean linework, bold like a block print. On Instagram, she writes “A modern take on the ancient. This is one of the designs found on the Ukok Princess aka the Siberian ice maiden, scroll for photos of the 2,500-year-old mummy and her preserved tattoos!”¹ Her second slide is a meme and photograph of the remains dubbed the “Ukok Princess” in pop culture and to archaeologists. It is a specimen of a 5th century woman, around twenty-five years of age, immaculately preserved by permafrost, and discovered in 1993 by Novosibirsk scientist Natalia Polosmak during an archeological expedition. Interestingly, the specimen’s tattoos are still evident, clearly visible, and have been digitally recreated by Elena Shumakova of the Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Science. Wild simply recreated this drawing, to the same arm and placement as the Ukok Princess, who is still kept in a glass sarcophagus as the Republican National Museum in the regional capital, Gorno-Altai². Unlike the stag found in Arzhan II, the hind legs are splayed in the air, though the decorative horns are still present.

As Wild’s biography states, Christi is a self-taught artist born and raised in the Los Angeles San Fernando Valley. Her interests refer to oddities of nature, magic symbols, death and the macabre reflect on her art. She has been deeply influenced Latin and European folklore, and a background in anthropology only strengthens these ties. Now residing in Connecticut, she is one of the few practicing vegan tattooers and prides herself in providing a completely vegan procedure and aftercare for your comfort³. Although she partakes in a millennia-old tradition of tattooing, her methods are completely original, updated to support a modern clientele.

In other English-speaking countries, people look to tattoo artists for Scythian stag designs. At Skinks Tattoo in New Zealand, one of the eight-artist team members is Danny Riday, an “intentional historical-tattoo artist” who specializes in “symbolically-significant, imaginative-imagery” through hand-poke, hand-tap, and relief tattooing methods⁴. He has created a variety of Scythian designs depicting animals. Scythian tattoo designs are rising in popularity as more people become interested in Scythian history, storytelling, and anthology.

In an interview with Danny Riday that I conducted on August 23rd, 2020, Riday says that clients that come into his tattoo shop desire Scythian tattoos for a variety of reasons. Scythian designs, like those that come from other ancient cultures such as Maori, Celtic, or Polynesian “have great appeal to Westerners who —

Photo 2. Scythian stag tattoo from Christi Wild’s social media page Instagram.

Фото 2. Татуировка в виде скифского оленя, фото со страницы Кристи Уайлд в Инстаграме.

¹ Wild, Ch. Silence is Golden Gallery // Instagram, 26 July 2020 [online] Available at: <https://www.instagram.com/p/CDHC-IHjnPj/> (accessed 22.08.2020).

² Siberian Princess reveals her 2,500 year old tattoos // The Siberian Times. 14 August 2012 [online] Available at: <https://siberiantimes.com/culture/others/features/siberian-princess-reveals-her-2500-year-old-tattoos/> (accessed 22.08.2020).

³ Artist | Christi Wild // Silence is Golden Gallery [online] Available at: <https://www.silenceisgoldengallery.com/christi> (accessed 22.08.2020).

⁴ Riday, D. Hamilton, New Zealand // Instagram, 3 August 2020. URL: <https://www.instagram.com/p/CDdPwVvFSnX/> (accessed 22.08.2020).

Photo 3. Danny Riday's Scythian flash tattoo designs while serving as an artist in residence at Calypso Tattoo in Wellington, New Zealand. Фото 3. Шаблоны татуировок Дэнни Ридея, которые он создал, работая приглашенным художником в салоне Calypso Tattoo, г. Уиллингтон, Новая Зеландия

in the name of progress — destroyed that piece of their own history and culture and now have a deep craving for something powerful, grounded and ancient.” While Riday does not have any Turkic ancestors and is not aware of any direct link to the Scythian bloodline, “the art style, its history, mystery, mythological melting pot of creatures, form, flow, simplicity, complexity and stand-alone unique look are the things which drew [Riday] in. The ancient Scythians were a fascinating people. Entirely different from their neighbors, and yet, we know so little about them, and a great deal of what we do know was recorded by their enemies”¹. Danny Riday can be reached for booking at his Instagram handle Totemic_Tattoo at his home studio, Skinks Tattoo Studio in Hamilton, New Zealand. Riday is a guest tattoo artist in residence all over New Zealand and frequently creates flash designs inspired by Scythian designs, popular amongst his many happy clients, and patrons who do not have a specific design in mind prior to booking an appointment (photo 3). Riday refines his craft by learning from other artists such as Sergei Rakov, a social media-famous tattoo artist based in Yaroslavl who has done much in popularizing Scythian stag tattoo designs in the community and around the world. Rakov’s designs are an update to traditional Russian prison-style tattoos, Orthodox ikons, Old Church Slavonic inscriptions, as well drawing inspiration from Pazyryk nomadic tattoo traditions.

On social media platform Instagram, a satisfied American

client shows off her new tattoo of the looped stag. Her tattoo features the stylized stag, with swirl embellishments at the limbs, neck, and horns (photo 4).

Accompanying the post,

«I got a new tattoo today. New to me, but it’s an ancient design. This deer tattoo was found on a Scythian woman warrior that was frozen in the ice for 2,500 years... she is called the ice princess which resonates hard with a girl from the north country... This particular deer tattoo was found on numerous warriors, and always on their left shoulder. And now it’s on my left shoulder too. I love that thought, of a connection between women from different worlds and times... connected only by a fierce desire to find their own limits. This will be a constant reminder to me to be deliberate and patient and afraid of nothing» (Laura @foodieknitter, 2020)².

This personal reflection is just one instance of how getting a Scythian tattoo can help people imagine themselves in a still widely unknown culture, drawing parallels to their own lives. This kind of romantic imagining is not new and with the 2000 unearthing in Tuva, have only reached the periphery of the

Photo 4. A Scythian stag tattoo from Sacred Tattoo Studio in Marquette, Michigan, United States. Фото 4. Татуировка со скифским оленем (Sacred Tattoo Studio, г. Маркетт, штат Мичиган, США)

¹ Riday, Danny. Interview. Conducted by Katherine Leung, 23 August, 2020.

² Fooditknitter. “Sacred Tattoo Studio.” // Instagram, 26 July 2020 [online] Available at: <https://www.instagram.com/p/CCyzzYnBKUV/> (accessed 22 August 2020).

Photo 5. A tattoo on a client at Tuvtattoo.
 Фото 5. Татуировка на клиенте
 ТувТату.

artists it will impact. The ideals perceived in Scythian culture encourage bravery and patience. It will continue to inspire many more. Recipients of tattoos often imbue a variety of meanings from such historic tattoo designs — even the process itself is cathartic.

In the center of Asia, adorning oneself with a Scythian tattoo is becoming a trend as well. Alexander Mongush of Tuvtattoo, Kyzyl’s most well-known tattoo shop, has posted Scythian designs on both Vkontakte and Instagram (photo 5). Tuvtattoo is one of three tattoo parlors in Kyzyl. Tuvtattoo is one-part tattoo parlor, one-part barber shop and self-taught designer Mongush does it all. He even dabbles with music and video producing, which he promotes his tattoo artistry through catchy videos directed at young people on his Youtube channel. His videos are fun, his crew don street wear, blast underground chill-hop DJ mixes typically heard at any poolside party in Los Angeles or New York City, and exude a laid-back vibe that typically accompanies any other “hype” artist in both Europe and Asia. Mongush is part of the new up-and-coming crop of new artists in Tuva, exactly the kind of talent that brings Tuvan culture and art to the mainstream, even if it is not entirely “Tuvan” in the traditional sense. Mongush uses social media to stay connected with his clients, from posting progress photos, holding

contests, and innovative campaigns, from student discounts to generous free ink sessions for young people who bring groups of their friends into the shop.

From a quick look at his Instagram and Vkontakte accounts, the majority of his designs are contemporary tattoos that are not particularly Russian or Tuvan in nature. Some of his designs are inspired by neotraditional styles featuring snakes, roses, and birds. Many have English words. Lions, Japanese kanji and Chinese characters, lotus flowers, mandalas, and minimalist tattoos are present in his ever-changing portfolio, proof that Tuvan taste is not unlike the rest of the world. Mongush shares that the most popular design in his shop is a Tibetan mantra. Men typically request samurai and dragon imagery. Women request flowers, such as peonies. Mongush’s clientele ranges from as young as eighteen to as old as sixty years of age.

A piece that pays respects to Scythian culture Mongush tattooed in 2016 is a small minimalist stag (photo 6). While it is not entirely identical to the symbol that adorns the Tuvan National Museum, the update to this classic reference is noted. The tattoo is perhaps a reminder to the recipient of the grandeur and legacy that came before, or even an appreciation for Central Asian fauna, a reindeer herding tradition in the region that is centuries old. Mongush has shared that he has drawn sketches and have received requests from potential clients wanting Scythian designs, but have yet to book a session with him. He is still in talks with many perspective clients. By reworking the traditional stag into a block design that is contemporary, he reinvents tradition so that it is relevant for young people. Showing the stag in a new light is one way to make sure the traditions of the culture before does not perish.

When interviewed, Mongush said “in our republic, tattoo culture is still developing. People’s attitudes are not like those in other [larger] cities. However, many young people have already taken interest”¹. So much work is being done on behalf of artists and liberal-minded young people who want to destigmatize tattoos and tattooing. Artists like Mongush help many see that tattooing is an artistic discipline worth respecting. It is a centuries-old art form that truly comes from the people, for the people, with expert precision unique talent, and dedication to make a career possible.

Photo 6. A tattoo on a client at Tuvtattoo,
 shared by Alexander Mongush, @tuvtattoo_zg on Instagram.
 Фото 6. Фото татуировки на клиенте ТувТату,
 размещенное Александром Монгушем в Инстаграме
 @tuvtattoo_zg.

¹ Mongush, A. Interview. Conducted by Katherine Leung, 3 October, 2020.

For tattoo artists in the West like Danny Riday and Christi Wild, Scythian designs like the stag offer a window into the past, through reimagining. People recognize that there is cultural knowledge from that time that they would like to reclaim. Tattoo artists act as mediums for people to reconnect with that narrative. For tattoo artists in Tuva, like Alexander Mongush, tattoos are a means for Tuvan people to adopt liberal ideals. From building his own business, to including young people in his craft, it is a new means for community building through arts. It is interesting this juxtaposition with Scythian designs and tattooing exists inside and outside of Central Asia.

The Scythian stag in high fashion

The Scythian stag is represented in high fashion, on runways across Europe and Asia.

Elen Godis is a Ukrainian fashion designer based in Odessa. She is the director of Studio Elen Godis and her work has been featured in Ukrainian, Odessa, Bucharest, Lviv, and Rome Fashion Week; in addition to Dnepr Fashion Weekend, Fashionable East Białystok, Red Carpet Düsseldorf (Germany), and Mercedes-Benz Fashion Days Kiev. Her works are published in British Vogue and her “Scythian Gold” collection was a mainstay the Odessa Fashion Week 2018. Godis attended Odessa Polytechnic Institute, boosting her past technical education as “the perfect knowledge of geometry and practice, practice and again practice — these help to produce new creative forms and use the latest technologies,” at times even “when one material is replaced by another, us[ing] leather instead of metal”¹.

One such necklace in her Scythian Gold collection contains a leather strap and suede metallic medallions, embroidered with the pattern of an animal on each medallion. At the center of each of the eight laser cut circles is a metal pin. She juxtaposes textures again in a statement necklace, and acrylic accented leather trapezoidal bib featuring the embossed image of the icon stag, looped horns and angled legs, as if in motion. Godis’s Scythian Gold collection includes bangles, chokers, and various gold colored statement pieces, all sewn onto leather. Each bauble is lightweight and original leatherwork, blurring the lines between contemporary fashion and prehistoric burial jewelry— not unlike the pieces found in Arzhaan II. In an interview with Odessa Fashion, Godis shares that she uses actual images of Scythian gold accessories, to “create true copies of the elements of these products... assembl[ing] the elements at my discretion”². While not claiming to be of Scythian lineage, she acknowledges that the imagery impacts contemporary life in a tangible way, and honors that in her designs. Her designs are critically acclaimed and sold in boutiques across Ukraine, as well as in her own show room. Instead of romanticizing a past, the wearability of her pieces represents an attitude of strength, grace, and beauty as aspects of modern life, something that anyone can relate to.

Godis is not the only one to realize the stag in couture. Vyacheslav Dongak is a Tuvan fashion designer who has used Scythian imagery in his designs. Nowhere near the end of his career, sexagenarian Dongak has served as the Minister of Culture and Tourism of the Republic of Tuva for over ten years. Appointed by Sholban Karaool in a plea to reform culture, as “the face of our republic,” he is still an active design powerhouse in Tuva³. In addition to fashion design and public service, Dongak has an extensive background in performance art.

Throughout his career as a choreographer, Dongak has served as the artistic director of the Inner Mongolia National Art Theater, arts teacher at Republican Legal Lyceum, and more. He was awarded as an Honored Worker of Culture in 1997 and appointed a State Prize Laureate in 2004. At age nine, Dongak began studying dance at the Buryat School of Choreography, later perfecting his craft at the Russian Institute of Theatre Arts in Moscow.

Since 1974, he was a part of the Sanyani Dance troupe until he used his mastery and expertise to chart his own path — creating his own choreography company, Edegey. Edegey dancers and choreography have become household names for what many Tuvans consider traditional dance art. Dongak is known for his intricately complex set and costume design, a celebration of traditional concepts with one-of-a-kind textiles, which visually compliments each performance. His designs bring inspiration to other Asian and Turkic republics

¹ About the Brand. *Elen Godis* [online] Available at: <https://elengodis.com/about-the-brand/> (accessed 22.08.2020); Elen Godis. Scythian Gold. *Youtube*, 27 November 2018 [online] Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=KFKC2euYZUM> (accessed 22.08.2020).

² Elen Godis. Scythian Gold. *Youtube*, 27 November 2018 [online] Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=KFKC2euYZUM> (accessed 22.08.2020).

³ Донгак О. Донгак Вячеслав: Не выживать, а достойно жить [Электронный ресурс] // ИА Туваонлайн, 2007, 9 июня. URL: https://www.tuvaonline.ru/2007/06/09/0057_dongak-int.html (accessed 22.08.2020).

in reimagining what it means to bring traditional dance and costume to the twenty-first century. Edegey is entirely self-funded and privately-run, with dancers as young as five participating in the rigorous year-round show troupe, performing worldwide. The success of Tuvan art has been partly attributed to Dongak, whose international events such as Edegey's 2009 performance in Paris area requirement in promoting Tuvan cultural diplomacy¹. For a republic so small in a country still largely unknown to outsiders, the Edegey dance troupe plays a crucial role in international soft power hegemony.

With his dance performances, Dongak partakes in inventing a tradition, romanticizing a past similar to tattoo artists. Although a common belief is that dance was not a part of Tuvan-folk life, Dongak has said in an interview,

«I strongly disagree with the myth that Tuvans did not have dance in our traditional culture. Each nation has its own special rhythm, movement, and they are the basis on which any production is built. In Tuva, I am inspired by everything: even the movements of an eagle are the embodiment of courage and the joy of victory. I constantly try to reflect the beautiful nature of Tuva, both in the versatility and understated quality of the Tuvan people»².

He recognizes the role of his choreography and dancers in paving a new way for how Tuvan culture is perceived by outsiders. He fantastically constructs a narrative, with great acknowledgement to Tuvan traditions. The debate whether this practice of inventing tradition is disrespectful or not goes on in private spheres between purists across Tuva, though it has allowed foreigners to interact with Tuvan culture for the first time — through Dongak's blissfully imaginative, stylistically dazzling, ornately constructed choreographed performances.

Dongak is a multidisciplinary artist like no other, with a prolific resume. Other than dance, he and his family manage a successful fashion design company. By 2012, they oversaw more than fifteen collections. His wife, Kima Dongak, is the director of their fashion line, Ovaadai, and one of his daughters, Ayana Saaya, is the art director. They employ in-house seamstresses and market their designs out of their own atelier, where the entire design-to-runway process is streamlined. Their very first collection was "Asian Motives" in 1999, immediately recognized in a High Fashion Folk Costume contest in Moscow. Since then, they have had a months-long waitlist of eager fashion enthusiasts who desire their own Ovaadai pieces. Their design studio takes no private commissions as they pride in the originality of their work. However, they do rent out outfits by the day, at 3500 rubles, that include a tailored suit, hat, belt, and boots (*photo 7*). Dongak sources materials from all over Europe and Asia, and never rely on middlemen for fabrics or artistry. A seamstress at Ovaadai sews up to sixteen stage costumes for the Edegey dance troupe every month. From Dongak's original sketch to the sewing process, all the way down to the rehearsal and performance, the entire process is precise and overseen by the Dongak family (Tyukhteneva, 2018).

In 2020, Dongak outfitted Russian singer Ruslan Ivakin, also known as Gurude, for a concert. Ivakin is also a state-recognized arts laureate, like Dongak. Gurude's music is a fusion of folk, throat-singing, and electronic, citing the organic link. He has performed all over the world, embodying a sort of neo-pan-nomadic identity, idealizing what is modern steppe culture. In the costume Dongak designed for Ivakin, traditional animal pelt is used (*photo 8*). He used his iconic embossed, double border to draw the silhouette in Ivakin's costume, typical of Tuvan national dress. Dongak choose brown silk as a canvas and placed gold-stitched looped stag on the sleeves. The effect is romantically visceral — Ivakin's arm looks as if deer are in constant motion moving

Photo 7. One of the outfits for rent advertised on the @brand_dongak Instagram page.
 Фото 7. Реклама одного из костюмов для сдачи напрокат (с Инстаграм-страницы @brand_dongak)

¹ Ibid.

² Мукатова К. Вячеслав Донгак: «Я категорически не согласен с версией, что у тувинцев не было танцев» [Электронный ресурс] // ARD, 2015, 24 августа. URL: <http://asiarussia.ru/persons/8791/> (accessed 22.08.2020).

Photo 8. Singer Gurude wearing Dongak's design

Фото 8. Певец Gurude в сценическом костюме, созданном по дизайну Донгака.

through his body, blurring the perception of spirit in Ivakin's voice, movement, and performance. Dongak also chooses to include a hood and veil in the costume. This design is a conglomeration of many nomadic cultures and textile traditions, infused through romantic imagining.

National dress has always been a source of controversy among Tuvans. People have long criticized Dongak for distorting the national costume in his designs. The Tuvan national cap is commonly argued to be different from the Mongolian and Manchu style in specific ways, as well as the intricacies of the cloth belt that ties the robe together.

Dongak tells his critics,

[My designs are] our traditional national costume. The national costume has not gone anywhere. This is history. Everything does not resist change for centuries. The national costume should be adapted. This is what we are doing today. We transform and develop the national outfit. If you are a type of Tuvan that wants to only wear what our ancestors wore a hundred years ago, then why then do you live in a comfortable apartment and drive a car? Then live in a yurt and ride a horse. As our consciousness develops, so should our costumes¹.

At Ovaadai, it is not merely about adhering to tradition, it is about creating both an experience for the wearer and viewer. He applies this same principle in the symbols found on his designs. While the discovery at Arzhan-II was not documented until the twenty-first century, he places "new" symbols on Ovaadai textiles that are meant to reproduce eighteenth and nineteenth century stylized Tuvan national costume.

It wouldn't be Tuvan without a little superstition. Dongak cites that all his designs bring good luck. Only a few models demonstrate "strength and character" suitable for each costume so there are numerous fittings before the costume even comes to life. His models are meticulously selected to his standards, a standard so high that Dongak has created his own modeling agency². In February 2020, Dongak started an initiative to find Tuvan ethnic models to place in the Asia Model Festival in Seoul, South Korea. While COVID-19 cut the contest short, Dongak has not stopped searching for models in the republic, many from his own dance troupe Edegey. This Tuva-based modeling agency is the first of its kind and continues to promote fresh Asian faces on social media, teach makeup workshops, provide training, mentorship, and more.

¹ Кондрашова В. В закулисы у тувинского кутюрье [Электронный ресурс] // Tuva.Asia, 2012, 18 февраля. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/4457-kutyure.html> (accessed 22.08.2020).

² Ibid.

One of his models, Ayan Kuular is a talent that Dongak has discovered and heavily promotes through social media. Kuular also takes part of the Edegey dance team, representing Dongak's choreography and costumes all around the world. After a competition in Osh, Kyrgyzstan, Kuular shares this photo on Instagram (*photo 9*). Pictured, Kuular is wearing a masculine-type armor; metal plates line his wrists and belt; and broad shoulder pads embossed with intricate metalwork and studs, with modern buckles keeping the shoulder pads in place with the breastplate. His sleeves are a deep red, stylistically loose, puffy and lined with various silk ribbon. His belt contains large silver buckles, depicting men on horseback. This is a fashion statement and certainly not an item someone would wear to battle, but reveals the genius of the dual worlds Dongak's designs navigate. Kuular models this costume with pride, next to the Tuvan national flag.

Photo 9. Edegey dancer Ayan Kuular in Osh, Kyrgyzstan, 2020.

Фото 9. Танцор труппы «Эдегей» Айан Куулар.

Кыргызстан, г. Ош, 2020

Dongak's fashion designs diverge from tradition in a few ways. For example, in one of the menswear national dresses he has created, he uses light blue and yellow. These are relatively new colors and part of Tuvan national statehood to the Soviet Union and Russia. The idea of yellow and blue going together is considered contemporary and not often found in a traditional dress. In Dongak's Instagram post as recent as January 2020, he features the Scythian jaguar in the repetitive silk design. This artifact was not found until the early 2000's from an excavation, so it is also not "traditional" in the sense that it is not a recurring motif used on national dress. The point in the national cap is made with a string and intricate knot, again, a newfound aesthetic that is unique to Dongak's creations. Historically, there was distinct "battle" and "celebration" wear — and as seen in Kuular's social media post, Dongak has blurred the lines, inventing tradition, once again. Regardless, Dongak is an artist that has brought Tuvan culture to many countries through his numerous projects. His update to the tradition is reflective of the dynamic Tuvan population. Including Scythian symbols in his designs is an artist's appreciation and acknowledgement of Scythian roots and the iconic stag that emerged

from the excavation, but also a statement that modern Tuvan identity is a conglomeration of geography and romantic imagining of legends and folktales. This is not unlike the reimagination Alexander Mongush does as a Tuvan tattoo artist.

The Scythian stag in Western folk crafting

The next examples illustrate how the Scythian stag has been reevoked in folk art.

Australia-based Hungarian artist Boroka Égerházi-Kis is the owner of the Felt Nomad shop and created a life size felt stag mask in 2018. The mask is made entirely of wool-felt and leather, "expressed in the most ancient textiles"¹, with sturdy looped horns in a blend of off-white and brown. The looped horns are almost an exact replica of the intricate design of the original gold design. Her design is completed in felt applique, which Égerházi-Kis cited as a Scythian technique.

"The loop horns are actually eagles, the stag itself is the symbol of the tree of life, the magical deer, and among the branches of that tree or its antler eagles are nesting, who are going to take the souls of the people back to the earth when they are ready to reborn in a new body," Égerházi-Kis shared in an interview².

¹ Égerházi Kis, Boróka. felt_nomad. *Instagram*, 20 April 2020 [online] Available at: <https://www.instagram.com/p/BhyY1cBH3fo/> (accessed 22.08.2020).

² Égerházi-Kis, Boroka. Interview. Conducted by Katherine Leung, 23 August, 2020.

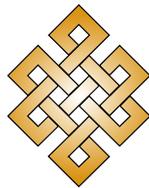

Photo 10. The Sorceress by Boroka Égerházi-Kis of Felt Nomad, at Wearable Art Mandurah 2018.
 Фото 10. «Колдунья», автор Борока Эгерхази-Киш, магазин Felt Nomad, на выставке Wearable Art Mandurah 2018.

This costume was originally created for the Mandurah Wearable Arts Awards and available for commission in the Felt Nomad shop in Australia (photo 10). While Égerházi-Kis is originally from Hungary, she has been living in Perth, Australia for over a decade and currently working on her third master's degree. She is fascinated with Scythian cultures and sees ancient Scythians as "ancestors of the Hungarian, Hun, Avar, Sarmata cultures, all that lived in those steppes... and in the territory of Hungary" for thousands of years¹.

Égerházi-Kis shared herself adorning the mask on social media, accompanied with a short fantastical vignette: "from the Cave of Trois Frères to the Scythian tattoos and golds here the Magyar Sorceress starts to wander, the Tree of Life is its antler where eagles are nesting to bring the reborn souls back to Earth"². Akin to cosplay, which is typically done with fictional pop-culture characters, Égerházi-Kis creates a story and depiction that is personal as much as it is imaginative.

In April of 2018, the artist wrote,

«Just realized, that although Scythians lived throughout a giant part of the world, they never conquered anyone. They became friends with neighbors, and shared knowledge. That's how it should be. Wonder where are they now, because they've been attacked by many, mostly were standing strong»³.

In other posts shortly before the creation of the felt stag mask on Égerházi-Kis's social media, the artist posts photographs of Scythian artifacts with identification hashtags, such as #shamanstick and #cheftainstick. Such ideals are influenced by modern Tuvan practices of shamanism but also by an idea that is present in many nomadic, pagan cultures around the world, evidently a practice Égerházi-Kis pays homage to her in

her site and artist persona name (photo 11).

Aliza Souleyeva-Alexander is a Canadian silversmith and lapidarist, sold at SoulEyeJewelry, an Etsy e-commerce handmade shop based in Victoria, Canada. She creates original metal works that contain the iconic stag (photo 12). Originally from Almaty, Kazakhstan, Aliza received her Master's in art and textiles from Zhurgenov Kazakh State Art Academy. As of 2020, her online boutique has not been open for more than three years but has received over 120 sales, in addition to countless commissioned purchase orders. The price of her hand lapidated pieces begin at \$20 and go up to \$280, no doubt selling for more when customers request custom pieces. Souleyeva-Alexander writes that her soldered amulets and customized jewelry pieces are examples of "self-expression influenced by personal values, emotions, and the surrounding environment"⁴. Souleyeva-Alexander also shares with her twenty thousand followers source photographs of the golden Scythian stag, educating them on her intentions and their aesthetic meaning to herself. "It symbolizes the source of light and life as well as a noble soul"⁵, she writes in an Instagram Story titled Inspiration. In both her Etsy and LinkedIn profile, she shares about being a mother of two. Perhaps her identity as an artist is intertwined with the stories and idealized culture she wants to pass down to future generations.

¹ Égerházi-Kis, Boroka. Interview. Conducted by Katherine Leung, 23 August, 2020.

² Égerházi Kis, Boróka. "felt_nomad. Instagram, 7 April 2018 [online] Available at: <https://www.instagram.com/p/BhQtuVonS6y/> (accessed 22.08.2020).

³ Égerházi Kis, Boróka. "felt_nomad. Instagram, 17 March 2018 [online] Available at: <https://www.instagram.com/p/BgcwddUHDFz/> (accessed 22.08.2020).

⁴ Souleyeva-Alexander, Aliza. LinkedIn [online] Available at: https://ca.linkedin.com/public-profile/in/aliza-souleyeva-alexander-994a8b14?challengeId=AQGJCaQ-nrLOowAAAXQZkJP16bkuPmz-LjfishcdOOYEdpm3GijQbnCw_nR11kDxNRJoenugOh6-dCTq6x4IE_i4YfXrl6IJetw&submissionId=1a38534b-16cb-2d16-49f4-cbdb346b4448 (accessed 22.08.2020).

⁵ Ibid.

Photo 11. *The Sorceress* by Boroka Égerházi-Kis of Felt Nomad, photographed by Stephen Heath
 Фото 11. «Колдунья», автор Борока Эгерхази-Кис, магазин Felt Nomad, фото Стивена Хита

The Scythian Stag in Tuvan Folk Crafting

Folk crafting at the end of the nineteenth century in Tuva typically took the form of carved wood. Larch was one of the more popular types of wood Tuvan craftsmen made decorations, eating utensils, instruments, and furniture of. Although many types of wooden applied arts emerged from the Russian speaking world at this time, Tuvan craft is a genre in its own right thanks to the contributions of well-decorated pioneering stoncutters from the Tuvan ASSR.

One of the most well-known artists that put Tuvan stone cutting in the Russian decorative arts canon is Hertek Kashtayovich Toybuhaa. Toybuhaa, born in 1917 in the Barun-Khemchik region, created a poplar wooden race horse at the age of eight and worked as a veterinarian for thirty years. This multidisciplinary artist's most famous work is "Maraluka with a Calf" (1963), a concrete monument still found on the Kyzyl-Abakan highway and has become a symbol synonymous with the region. Toybuhaa's legacy can be seen at one of the most well-known arts school in the republic, the Bai-Taginsky Children's Art School, now named after him (Dorzhu, 2012).

Carving Serpentinite was also a popular folk craft in Tuva, where this hardy mineral is locally mined. One renowned artist known for his creations with Serpentinite is Cherzi Mongush. Born in 1899 to a family of laborers in Ak-Turug, and raised by his grandfather who specialized in Tuvan aptara chests. By age eight, he was able to independently carve wooden horses, sheep, and other animals. His work in the 1950s was exhibited at numerous venues in Kyzyl. Throughout his career, he created over 1,000 sculptural works of wood and stone, many which are archived in museums in Moscow and St. Petersburg. In 1962 he foun-

Both Souleyeva-Alexander and Égerházi-Kis are more adjacent to Scythian culture than the tattoo artists in New Zealand and America, also finding significance in Scythian designs in Tuva and the history of nomadism. They also partake in practices that are ancient, felt crafting and lapidary, which may be the reason folk stories surrounding ancient Scythia make more sense in the context of their art-making.

What is interesting about both Souleyeva-Alexander and Égerházi-Kis are that they are both from cultures that are historically nomads, and as modern people they evoke those ideas in their art and personas. Both have renamed themselves. Both use centuries' old practices to inform their new ways of making art in contemporary times. By evoking this old symbol, they educate customers. They make folkloric education possible, without the presence of elders and oral tradition. They do it through Instagram stories and wearable products. This is similar to how Vyacheslav Dongak and Alexander Mongush reinvent Tuvan traditions to match their modern clientele. Stag symbolism is a new means of nomadic storytelling in a tech age.

Photo 12. An image of silver set Charoite pendants with Scythian stag, hand knotted faceted sea sediment Jasper and diamond cut agate on double hemp cord, 18 inch in length with two lobster clasps to clip on and off the pendant.

Фото 12. Набор подвесок из чароита со скифским оленем, морской осадочной яшмой и резным агатом на двойном пеньковом жгуте длиной 45.75 см. Подвеска застегивается двумя защелками из панциря лобстера.

ded an organization of applied arts, where he taught young stone cutters from all of Tuva until his death in 1969, at the age of 70¹.

The most prolific folk carver was Dongak Okaanchik. Born 1896, Okaanchik started out imitating the works of his father and brothers, who were also stone cutters, in wood and metal. Most of Okaanchik's works were created from cedar and pine, and he made Tuvan yurt accessories, but most notably, Tuvan national instruments such as the igil, a bowed two-string instrument of pine or larch; chadagan, a plucked zither with sixteen strings; and dopshuluur, plucked instrument with two strings. Often decorated with flowers and butterflies, relief images are carved onto the side. Although sent to the Siberian GULAG camps for a period of time, Okaanchik's work and legacy is still memorialized in Tuva as being an artist of the people. Okaanchik's grandchildren are all respected members of Russian society, some even teachers. Many of his descendants came together in 2018 to arrange an exhibition at the Tuvan National Museum for the 120th anniversary of Okaanchik's life and the Interregional Sculpture and Wood Carving Symposium: Wood Carving and the Creations of the Central Asian Masters². The exhibit honored Okaanchik's brothers, also artists, with a display of their wooden dishes, beds, carts, sleighs, buffets, and aptara chests. In 2017, the first annual state-run carving competition was put on in Okaanchik's name.

Tobuhaa, Mongush, and Okaanchik were all Honored Artists of the USSR, inducted into the USSR Union of Artists, and Tuvan People's Artists, among other awards³. Interestingly, in the official biographies of all three artists, mention of their talent being discovered early in life is significant, perhaps a trait in Tuvan story-telling. Their work all consisted of animal imagery, both domesticated and wild. Depictions of animals are not a phenomenon seen only in Tuvan applied arts, but have come to characterize folk art from this Siberian region. Lastly, regard for their sculpting is passed down through education. Applied arts, while quickly becoming labeled as an antiquated practice, anachronistic to "village life," is carefully preserved and routinely celebrated in Tuva. Tuvan school children are taught the works and techniques of the masters, and that preserving such traditions ensure the relevance of tradition will persist. Contests and exhibitions keep the interest alive⁴. While not professional educators, all three masters certainly had apprentices, as well as students, who teach their life and works, and perpetuate interest in their arts with arts foundations and traveling exhibitions.

One such educator is Maxim Ochur-Badievich Lopsan, a collector and teacher of folk carvings who has donated many of his priceless works to the Tuvan National Museum — most notably the ten units of carvings made from tree burls. Burls are abnormalities in the wood grain that result in a rounded outgrowth, commonly found on tree trunks. They are said to be resistant to splitting and strong as stone; and typically found on oak, birch, poplar, maple, apple and aspen⁵. Lopsan is active in the decorative arts community, and served as both a teacher and director of the award-winning Children's Art School in Mezhege Village⁶. He has played a major role in keeping the tradition of wood carving alive, in post-Soviet Tuva, through his leadership in many arts initiatives, such as contests, at the school level.

The efforts of artists and art patrons do not go unnoticed. Tuvan school and university students continue the tradition of carving. In the fall of 2020, at the height of the COVID-19 crisis, Tuvan State University hosted Family Architectural Hackathon, an outdoor art exhibit and opening reception of over seven new benches installed in the Youth Park (Molodezhnyi park). The benches were created by a group of students in the Na-

¹ К 120-летию легендарного тувинского мастера-камнереза Черзи Монгуша [Электронный ресурс] // ИА Тува-онлайн, 2018, 20 сентября. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2018/09/20/k-120-letiyu-legendarnogo-tuvinskogo-mastera-kamnereza-cherzi-mongusha.html> (accessed 22.08.2020).

² Ibid.

³ Назым Доржу. В Туве отметили 95-летие выдающегося камнереза — Хертека Тойбухаа [Электронный ресурс] // ИА Туваонлайн, 2012, 2 февраля. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2012/02/02/v-tuve-otmetili-95-letie-vydayuschegosya-kamnereza-herteka-toybuhaa.html#sel=11:1,11:19> (accessed 22.08.2020).

⁴ Результаты I республиканского конкурса по деревянной резьбе им. Донгак Окаанчык [Электронный ресурс] // Тува24, 2017, 24 июля. URL: <http://tuva24.ru/news.php?id=24647> (accessed 22.08.2020).

⁵ Природа и человек творят чудеса (о коллекции сувениров из капа в фондах Национального музея Республики Тыва) [Электронный ресурс] // www.facebook.com/tuvamuseum, September 30, 2020. <https://www.facebook.com/tuvamuseum/posts/2790027461275585> (accessed 22.11.2020).

⁶ Подведены итоги III Республиканского профессионального очного конкурса среди преподавателей художественных дисциплин детских художественных школ и школ искусств Республики Тыва «Сарыг-Хаянын салгыны» [Электронный ресурс] // <https://vk.com/public186374738>, 23 November 2019. URL: https://vk.com/wall-186374738_246 (accessed 22.08.2020).

tural Science Faculty led by a staff mentor. Students designed, created, and installed benches to represent the many common Tuvan surnames such as Ondar, Oorzhak, Kuzhuget, Khomushku, Mongush, Dongak, Kuular, and Soyan. Partly folk revival activity, partly a new take on art exhibitions in the COVID-19 reality, and partly a tradition rooted in both Tuvan and Russian crafting, this bench exhibition is another example of how wood handicrafts stay relevant in the twenty-first century. Outdoor benches are needed more than ever. Beautifying parks is still a practice local government continually address. Forgotten parks get a new life in COVID-19 and revive what it means to be Tuvan in public works.

One such bench pictured features a Scythian stag, in the same style as the logo of the National Museum (*photo 13*). In exploring lineage, students created benches and added symbols that spoke to their ancestry. While the surname “Kuular” cannot be traced back specifically to any Scythian archive or record, these symbols are blurred for modern day Tuvans as they all contribute in the Tuvan origin story. Wood carving fit in the broader context of both official and private efforts to support folk crafting in Tuva, and provided opportunities for cross-fertilization when it comes to identity and story-telling.

Photo 13. One of the benches created by the Natural Science Faculty at the Tuvan State University.

Фото 13. Одна из скамеек, созданных студентами естественно-географического факультета Тувинского государственного университета.

While the surname “Kuular” cannot be traced back specifically to any Scythian archive or record, these symbols are blurred for modern day Tuvans as they all contribute in the Tuvan origin story. Wood carving fit in the broader context of both official and private efforts to support folk crafting in Tuva, and provided opportunities for cross-fertilization when it comes to identity and story-telling.

Conclusion

Artists across traditions and cultures are drawn to the looped stag, an iconic image from the Arzhaan II archeological discovery. This article highlighted the work of Russian photographer Andrei Bronnikov in documenting, preserving, and sharing the gold findings from Arzhaan II. Because of his work, other artists can come to an understanding of the looped stag through observing these gold pieces, even outside of Tuva. To reduce interpretation to university scholarship is to limit the cultural impact on identity and art. Exploring what cultural products come out of this motif is important to understand the artistic breadth of this simple symbol. Artists participate in cultural reimagining all the time, even of cultures that have taken on mostly mythological meanings.

This article discussed how American tattoo artist Christi Wild created a Scythian stag tattoo almost identical to that of the cult-famed Siberian ice maiden and depicted a happy customer who imagines herself as being shielded, empowered, and somehow connected to a mythical Scythian lineage. Both tattoo artists Danny Riday in New Zealand and Alexander Mongush of Tuva both have created Scythian inspired tattoos for clients, for varying reasons. As a Tuvan, Mongush is a type of prolific artist that draws from contemporary trends to create cherished art works in his republic. Mongush also offers contemporary people a way to reexamine their past, through Scythian symbolism.

Artists are drawn to the history, but they also at times, reinvent a historical narrative that fits their own lifestyle. For Tuvan culture to sustain, it is crucial that translatable, transportable, and transferrable artifacts, such as the looped Scythian deer, get meaningfully interpreted in the imagination of artists everywhere. If the original purpose is unknown, then at least examining the impact speaks to the potency of narrative capabilities. Ukrainian fashion designer Elen Godis and Tuvan choreographer, modeling agent, and fashion designer Vyacheslav Dongak use the Scythian stag similarly, to imagine what the past would be like, by creating textile pieces meant to be worn by many. Both draw from Scythian ideals to dress modern people, rendering the looped stag a memorable motif that inspires wearers, cross-culturally, like an ancestral longing. The fact

remains that very little is known about Scythian traditions, so when modern Tuvan artists uphold a certain narrative, it is quickly accepted as fact by outsiders.

Folk artists from other nomadic cultures evoke the Scythian stag in retelling their family and identity stories with others. Boroka Égerházi-Kis and Aliza Souleyeva-Alexander draw on this in their arts. It is interesting a retelling of a folk narrative requires a folk technique — that is lapidary and felt crafting. Folk crafting exists in the territory of both “old” and “new” practices and evoking both let the artist adopt whichever narratives fits best for their newly reinvented personas.

Wood applied folk arts continue to fascinate Tuvans, thanks to the pioneering work of artists and art patrons. The work of Hertek Kashtayovich Toybuhaa, Cherzi Mongush, and Dongak Okanchiik is passed down through educational arts initiatives, republic-wide. The open-air wooden bench exhibit in the Fall of 2020 at the Tuvan State University is proof that traditions can be reworked, and at times, made even more relevant in the twenty first century. Art leaders such as Maxim Ochur-Badievich Lopsan, collect, teach, curate, and preserve this tradition by empowering the next generation to pursue the arts. In preserving what Scythian culture can mean to youth, education plays a key role. Education, community building, organizing, and arts organizations all work together to pass existing practices onto the next generation, but can also remind them of what genius the previous generation possesses.

Cultural ambassadors such as Vyacheslav Dongak only have so much jurisdiction. It's these simple and easily reproducible symbols that are capable of spreading Tuvan culture. They have already captured the romantic imaginations of artists around the world. Tuva's claim to the Scythian looped stag is honored, if not validated, when modern Tuvan artists reclaim it.

REFERENCES

Armbruster, B. (2009) Gold technology of the ancient Scythians — gold from the kurgan Arzhan 2, Tuva. *ArcheoSciences*, vol. 33 <http://journals.openedition.org/archeosciences/2193/> (accessed 22.08.2020).

Bunker, E. C. (2002) *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes: The Eugene V. Thaw and Other New York Collections*. Yale University Press. 233 p.

Farkas, A. (1977) Interpreting Scythian Art: East vs. West. *Artibus Asiae*, vol. 39, no. 2, pp. 124–138. DOI: <https://doi.org/10.2307/3250196>

Loehr, M. (1955) The Stag Image in the Scythia and the Far East. *Archives of the Chiense Art Society of America*, vol. 9, pp. 63–67. URL: www.jstor.org/stable/20066973 (accessed 22.08.2020).

Tyukhteneva, S. P. (2018) Etnicheskoe predprinimatel'stvo bez migratsii (na primerakh iz Tuvy i Kalmykii) [Ethnic entrepreneurship without migration: the cases of Tuva and Kalmykia]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 149–167. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.8> (In Russ.)

Submission date: 24.10.2020.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Armbruster, B. (2009) Gold technology of the ancient Scythians — gold from the kurgan Arzhan 2, Tuva [Электронный ресурс] // *ArcheoSciences*. Vol. 33. URL: <http://journals.openedition.org/archeosciences/2193/> (accessed 22.08.2020).

Bunker, E. C. (2002) *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes: The Eugene V. Thaw and Other New York Collections*. Yale University Press. 233 p.

Farkas, A. (1977) Interpreting Scythian Art: East vs. West // *Artibus Asiae*. Vol. 39. № 2. P. 124–138. DOI: <https://doi.org/10.2307/3250196>

Loehr, M. (1955) The Stag Image in the Scythia and the Far East // *Archives of the Chiense Art Society of America*. Vol. 9. P. 63–67. URL: www.jstor.org/stable/20066973 (accessed 22.08.2020).

Тюхтенева, С. П. (2018) Этническое предпринимательство без миграции (на примерах из Тувы и Калмыкии) // *Новые исследования Тувы*. № 2. С. 149–167. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.8>

Дата поступления: 24.10.2020 г.

Тамгопользование в культуре тувинцев: древность, традиционность и современность

Чойган Г. Ондар, Саида Л. Бырыннай,

Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва,
Российская Федерация

Аржаана Ч. Тюлюш,

Муниципальная общеобразовательная школа № 1 г. Шагонара, Российская Федерация

Тамги как ранние памятники историко-культурного наследия имеют огромное историографическое значение, ввиду того, что они были широко распространены и бытовали длительное время на территории степной полосы Евразии. В свете относительно новых находок тамг скифского времени в кургане Аржан-2, на стелах и среди петроглифов Тувы интересно сравнительное изучение древних, традиционных и современных тамг. В данной статье проведён сравнительно-сопоставительный анализ тамговых знаков, которыми пользовались ранние кочевники Тувы, с традиционными и современными тамгами тувинцев. Для этого привлечены археологический и этнографический материалы. Основными источниками по традиционным и современным тамгам стали материалы полевых экспедиций в тувинские скотоводческие хозяйства в 2014 и 2020 гг.

Тамги скифского периода в Туве обычно обнаруживаются на стелах, скалах, личных предметах, конском снаряжении. Самая ранняя находка тамги скифского периода на территории Тувы была обнаружена в ходе раскопок кургана Аржан-2 (VII в. до н. э.) в «царской» могиле на золотой гривне и на фрагменте рогового псаля. Вероятно, в это время уже имелись устойчивые обширные традиции тамгопользования.

В традиционной и современной культуре тувинцев тамгопользование тесно связано с таверением скота. В условиях традиционной родоплеменной организации кочевой жизни тувинцев тамги служили маркерами права собственности на скот. И несмотря на отсутствие в современных реалиях острой практической необходимости в тамгах, тувинцы сохраняют тамгопользование как культурный элемент, хотя и в гораздо меньшем масштабе, чем раньше, в начале XX в.

Можно отметить некоторую устойчивость форм тамговых знаков, почти все базовые традиционные тувинские тамги имеют аналогии со скифскими. Помимо основной формы, также устойчиво сохраняются некоторые дополнительные тамгообразующие элементы. Несмотря на это, семантика некоторых тамг, вероятно, меняется. Значительное влияние на традиционное тамгопользование и тамгообразование оказали появление письменности и советская политика. Таким образом, традиция тамгопользования народов, населявших территорию современной Тувы, уходит корнями в глубокую древность, по крайней мере, вплоть до эпохи ранних кочевников.

Ключевые слова: тамга; тамгопользование; тамгообразующий элемент; петроглиф; таверо; скифская культура; тувинская культура; Тува; тувинцы

Для цитирования:

Ондар Ч. Г., Бырыннай С. Л., Тюлюш А. Ч. Тамгопользование в культуре тувинцев: древность, традиционность и современность // Новые исследования Тувы. 2021, № 1. С. 107-130. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.6>

Ондар Чойган Геннадиевич — учёный секретарь Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394-22) 2-28-04. Эл. адрес: choygandi@mail.ru

Бырыннай Саида Лопсановна — хранитель 1 категории отдела учета и хранения фондов Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394-22) 2-28-04. Эл. адрес: saidabyrynnaj-68@mail.ru

Тюлюш Аржаана Чамбаловна — учитель истории и обществознания МБОУ СОШ №1 г. Шагонар Улуг-Хемского района Республики Тыва. Адрес: 668210, Россия, г. Шагонар, ул. Октябрьская, д. 32. Тел.: +7 (394) 362-18-50. Эл. адрес: tyulyush.arzhaana@mail.ru

The uses of tamga in Tuvan culture: Antiquity, traditionalism and modernity

Choigan G. Ondar, Saida L. Byrynnai

Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation,

Arzhaana Ch. Tyulyush

Comprehensive school No.1, Shagonar, Russian Federation

Tamgas as early items of historical and cultural heritage are of huge importance for historiographers, since they were widespread for a long period of time throughout the Eurasian steppes. In the light of relatively recent discoveries of tamgas of the Scythian times in Arzhan II kurgans, stelae and on Tuvan petroglyphs, old, traditional and contemporary tamga signs are becoming an attractive object for a comparative study. In this article, we aim to study the tamgas in use among early Tuvan nomads in comparison with traditional and contemporary signs in use among Tuvans. Also relying on archaeological and ethnographic materials, we have taken data from field expeditions to Tuvan cattle farms in 2014 and 2020 as our main source.

Scythian period tamgas in Tuva are most frequently found on stelae, rocks, personal objects and horse harness. The earliest find of such type was the one made in the 7th century BC Arzhan II kurgan. In the “royal” grave, tamgas were discovered on a gold torque and on a fragment of a horn shank. A widely established tradition of tamga use must have been in place by then.

In both traditional and contemporary Tuvan culture the use of the tamga has always been inseparable from branding cattle. Under traditional family organization of Tuvan nomadic life, tamgas were used as prove of ownership rights. And even though there is no acute practical need to keep using them now, Tuvans have preserved tamgas as an element of culture, used as they are less frequently than in early 20th century.

The forms of the tamga signs have been found to be quite stable, with almost all base tamga shapes having a close Scythian counterpart. Besides base shapes, some add-on elements have also been preserved – but the semantics of some tamgas must have significantly changed. Traditional tamga use and tamga-making rules have felt a strong impact of the arrival of writing and the policies of the Soviet Union. Thus tamga use among the peoples of contemporary Tuva is rooted in deep antiquity, going back at least to the early nomadic age.

Keywords: tamga; use of tamga; tamga’s formative element; petroglyph; brand iron; Scythian culture; Tuvan culture; Tuva; Tuvans

For citation:

Ondar Ch. G., Byrynnai S. L. and Tyulyush A. Ch. The uses of tamga in Tuvan culture: Antiquity, traditionalism and modernity. *New Research of Tuva*, 2021, no. 1, pp. 107-130. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.6>

ONDAR, Choigan Gennadievich, Academic Secretary, Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-28-04. Email: choygandi@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5779-4217

BYRYNNAI, Saida Lopsanovna, Custodian, Department of Registering and Storing of the Collections, Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-28-04. Email: saidabyrynnaj-68@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9858-7222

TYULYUSH, Arzhaana Chambalovna, teacher of History and Society Studies, Comprehensive school No.1, Shagonar, Ulug-Khem rayon, Republic of Tuva. Postal address: Oktyabrskaya St., 668210 Shagonar, Russian Federation. Tel.: +7 (394) 362-18-50. Email: tyulyush.arzhaana@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-2739-4356

Введение

В последние годы исследователи все больше внимания уделяют изучению явления тамгопользования. Сам феномен тамгопользования определяется «как социально-политическое и экономическое явление, в рамках которого для различения своих и чужих, для маркировки значимой коллективной и личной собственности, партий товаров и подарков, для демонстрации социального статуса и личных заслуг, для наглядного подтверждения участия человека или группы людей в неких общественно значимых акциях использовались особые визуальные метки / знаки / эмблемы» (Тамги доисламской..., 2019: 21). Тем самым подчеркивается, что подобная маркировка имеет не только бытовое значение, но и широкое культурное.

По вопросу раннего бытования и функционального назначения тамг в Туве есть работы, посвященные интерпретации древнетюркского тамгового материала (Кызласов, 1960; Кляшторный, 1980; Кормушин, 1997; Щербак, 2001; Васильев, 2015; Тишин, 2018). Отдельные тамги из скопления петроглифов Тувы М. А. Дэвлет отнесла к эпохе ранних кочевников (Дэвлет, 1976: 38–40; 1980: 239; 1998: 190, рис. 16; 2009: 203). Тема тамгопользования в традиционной культуре тувинцев XIX — начала XX в. фрагментарно рассматривается в работах, посвященных истории и этнографии тувинцев: Н. Ф. Катанова, В. В. Радлова, В. И. Дулова, С. И. Вайнштейна (Радлов, 1905; Дулов, 1956; Вайнштейн, 1972; Катанов, 2011). Работы тувинских исследователей В. К. Даржа, С. Ч. Донгак, Б. Б. Монгуш (Даржа, 2003; Донгак, 2010; Монгуш, 2015ab), в том числе и одного из соавторов этой статьи, А. Ч. Тюлюш, также содержат материал, охватывающий XIX — середину XX в. (Тюлюш, 2014, 2015, 2016). Современное состояние тамгопользования тувинцев-скотоводов до сих пор объектом научных исследований не становилось, в том числе с исследованием определенных традиций. Так, в свете относительно новых находок тамг скифского времени в кургане Аржан-2, на стелах и среди петроглифов Тувы интересно сравнительно-сопоставительное изучение древних, традиционных и современных тамг. Вопрос влияния изобразительного искусства ранних кочевников на традиционные тамги и орнаментальное искусство тувинцев рассматривал С. И. Вайнштейн (Вайнштейн, 1974: 155–157, рис. 98, 101, 102). Он же высказал мнение о первичности орнаментов по отношению к тамгам (там же: 145). Общий сравнительно-сопоставительный анализ традиционных тамг со знаками на петроглифах, оленных камнях, курганных плитах Алтая и Хакасии проводили Е. Е. Ямаева (Ямаева, 2004), Л. Р. Кызласов, Н. В. Леонтьев (Кызласов, Леонтьев, 1980: 21–31).

Цель данной статьи — предложить сравнительно-сопоставительный анализ тамговых знаков, которыми пользовались ранние кочевники Тувы, с традиционными и современными тамгами тувинцев, в том числе анализ скифских сюжетов в тамгопользовании тувинцев.

Предлагается краткий обзор тамгообразных знаков ранних кочевников Тувы, представление традиционных и современных тамг тувинцев, а также сравнительно-сопоставительный анализ. Работа основана на применении исторического, сравнительного, социологического и статистического методов.

Для данной работы привлечены археологический и этнографический материалы Тувы. Источниками по традиционным и древним тамгам, которые позволили провести сравнительный анализ, стали работы Н. Ф. Катанова, С. Ч. Донгак, Б. Б. Монгуш, А. Ч. Тюлюш (Катанов, 2011; Донгак, 2010; Монгуш, 2015ab; Тюлюш, 2015), фондовые материалы Национального музея Республики Тыва: коллекция тавр, когээржиков, личная записная книжка В. П. Ермолаева, предметы с тамгообразными знаками из кургана Аржан-2, проанализированные археологами (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017), материалы по петроглифам и изображениям на стелах Тувы с тамгообразными знаками (Батманов, Арагачи, Бабушкин, 1962; Васильев, 1983; Грач, 1968; Дэвлет, 1976, 1980, 1998, 2004, 2009). Основными источниками по традиционным и современным тамгам стали полевые этнографические материалы авторов, собранные во время экспедиций в тувинские скотоводческие хозяйства в 2014 г. (Улуг-Хемский, Овюрский, Эрзинский, Чаа-Хольский, Сут-Хольский кожууны) и 2020 г. (Дзун-Хемчикский, Кызылский, Тандинский, Пий-Хемский, Улуг-Хемский, Чаа-Хольский кожууны) (далее — ПМА, 2014 и ПМА, 2020).

Находки тамгообразных знаков эпохи ранних кочевников

Находки тамг скифского периода (IX–III вв. до н. э.) имеют особое значение ввиду чрезвычайной редкости. В Южной Сибири весьма богаты образцами тамгообразных знаков плиты оградок курганов тагарской культуры (VIII–I вв. до н. э.), распространенной в Республике Хакасия, Красноярском

крае, Кемеровской области (Appelgren-Kivalo, 1931; Рыгдалон, 1959; Савинов, 1976, 1994; Николаева, 1983; Семенов и др., 2003). На Горном Алтае были найдены знаки-тамги на различных материалах, относимых к пазырыкской культуре (VI–III вв. до н. э.): знаки на деревянных деталях узды из разных курганов (Полторацкая, 1962); тамги, нанесенные на каменные стелы и балбалы (Кубарев, 1979: 145; 1987: 11–12, рис. 3, табл. LXVII); тамги на костяных стрелах (Кочеев, 1994: 58). Сводная таблица и первичная интерпретация алтайских тамг пазырыкской культуры приведены у С. А. Яценко (Яценко, 2001: 105–106, рис. 35-а).

Что касается тамгообразных знаков Тувы, датируемых временем ранних кочевников, здесь можно упомянуть знаки, названные в литературе «добуквенными знаками», на двух стелах в оградках курганов из урочища Хачы-Хову (рис. 1, элементы 16–20) и среди петроглифов у с. Хандагайты Овюрского кожууна (рис. 1, элементы 14–15) (Батманов, Арагачи, Бабушкин, 1962: 25–27; Грач, 1968: 209; Кызласов, 1977: 44–46; Васильев, 1983: 40, 74, 117), а также тамгообразный знак на золотой гривне (см. рис. 1, элемент 21, фото 1) и на фрагменте рогового псаля, обнаруженные в ходе раскопок кургана Аржан-2

Фото 1. Тамгообразный знак на гривне скифского царя из могилы 5 кургана Аржан-2. Пий-Хемский район, Республика Тыва. Хранится в Национальном музее Республики Тыва, основной фонд, книга поступления №11195/575, дата поступления 16 марта 2007 г. Фото Ч. Г. Ондар, 2020 г.

Photo 1. A tamga-like sign on the torque of a Scythian king from burial 5 in Arzhan II kurgan, Piy-Khem rayon, Republic of Tuva. Preserved at the National Museum of the Republic of Tuva, Main collections, Incoming registry No. 11195/575, acquired March 16, 2007. Photo by Ch. G. Ondar, 2020.

Рис. 1. Скифские тамги Тувы.

1–2 – Мозага-Комужап (1 – Дэвлет, 2009: 64, табл. 12, камень 34; 2 – там же: 77, табл. 25, камень 62), 3 – Алды-Мозага (Дэвлет, 1998: 99, табл. 17, камень 40), 4–6 – Куйлуг-Хем (Дэвлет, 1976: 115, табл. 72), 7–13 – Малый Баян-Кол (Чадамба, 2009: 205, табл. 1, табл. 2), 14–15 – Хандагайты (Батманов, Арагачи, Бабушкин, 1962: 25–27); 16–20 – Хачы-Хову (Грач, 1968: 209); 21 – Аржан-2 (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017: 374, табл. 36–1). Прорисовка Ч. Г. Ондар.

Fig. 1. Scythian tamgas of Tuva.

1–2 – Mozaga-Komuzhan (1 – Devlet, 2009: 64, Table 12, stone 34); 2 – Ibid.: 77, Table 25, Stone 62), 3 – Aldy-Mozaga (Devlet, 1998: 99, Table 17, Stone 40), 4–6 – Kuilug-Khem (Devlet, 1976: 115, Table 72), 7–13 – Maly Bayan-Kol (Chadamba, 2009: 205, Tables 1 & 2), 14–15 – Khandagaity (Batmanov, Aragachi, Babushkin, 1962: 25–27); 16–20 – Khachy-Khovu (Grach, 1968: 209); 21 – Arzhan II (Chugunov, Partsinger, Nagler, 2017: 374, Table 36–1). Sketched by Ch. G. Ondar.

(вторая половина VII в. до н.э.) (Čugunov, Parzinger, Nagler, 2006: 115–117, Taf. 9–13; Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010: Taf. 3, Taf. 36: 1, Taf. 152), скопление тамгообразных знаков, которые встречаются среди петроглифов верховья Енисея, выполненные почти исключительно в «точечной технике», основную массу которых М. А. Дэвлет относит к скифскому времени (Дэвлет, 1976: 31, 32; 1998: 185): Куйлуг-Хем (рис. 1, элементы 4–6) (Дэвлет, 1976: табл. 72), Алды-Мозага (Дэвлет, 1998: 45–46, табл. 17, камень 40), Мугур-Саргол (рис. 1, элементы 4–6) (Дэвлет, 1980: 31, табл. 23; там же: 32, табл. 24), Мозага-Комужап (рис. 1, элементы 1–2) (Дэвлет, 2009: 77, табл. 25, камень 62; там же: 64, табл. 12, камень 34), Малый Баян-Кол (рис. 1, элементы 7–13) (Адрианов, 1886: 404–405; Богатырев, 1942; Дэвлет, 1996; Чадамба, 2009).

Среди петроглифов Тувы есть и другие знаки, датировка которых не установлена. Интерпретация этих материалов должна составить предмет специального исследования. Появление тамг у ранних кочевников можно отнести, по крайней мере, ко второй половине VII в. до н. э., пока не будут найдены более ранние. Тамги скифского периода в Туве обычно обнаруживаются на стелах, скалах, личных предметах, конском снаряжении. Вероятно, в это время уже имелись устойчивые обширные традиции тамгопользования.

Тамгопользование в традиционной культуре тувинцев

В традиционной культуре тувинцев в условиях родоплеменной организации кочевой жизни тамги играли значительную роль в хозяйстве и в быту, являясь отличительными, опознавательными знаками. Известно, что у каждого рода была своя определенная тамга (Катанов, 2011: 111; Даржа, 2003: 64). Ко времени первых этнографических исследований в Туве традиционные тамги сохранились в основном как тавро (тув. *демдек*, *таңма*) для клеймения скота. Ими отмечали не только лошадей, но и волов, «употребляемых для верховой езды» (Катанов, 2011: 126). Интересно, что самые ранние тамги в Туве, изображенные на крупе лошади и оленей, найдены среди петроглифов Малого Баян-Кола, датируемых позднескифским и гунно-сарматским временами. По стилистическим характеристикам изображения на памятнике ближе к минусинским (Чадамба, 2009: 206–207). Действительно, тамги на крупе лошадей довольно часто встречаются в памятниках таштыкской культуры (см.: Панкова, 2008: 107–108, рис. 1, 2). Тамги на крупе лошадей также известны по наскальным изображениям древнетюркского времени на территории Алтая (Черемисин, 2002: 14, рис. 5; Черемисин, 2004: 44, рис. 7; Кубарев, 2007: 284, рис. 1, элемент 5). Намного более поздние изображения лошадей с тамгами на скалах Мугур-Саргола в Туве М. А. Дэвлет относит к этнографической современности (Дэвлет, 1980: 26, табл. 16). Вероятно, появление традиции таврения лошадей можно отнести к позднескифскому времени.

В конце XIX — начале XX в. тамги указывали на принадлежность определенным сумонам (Дулов, 1956: 154; Вайнштейн, 1972: 78). Бытование сумонных тамг наряду с родовыми, вероятно, связано с действием в Туве маньчжурской административной системы (Донгак, 2010: 152). В то же время наряду с родовыми и сумонными бытовали личные (семейные) тамги богатых хозяев, которые создавались на основе существующих с добавлением отличительных элементов (Дулов, 1956: 155; Катанов, 2011: 111). Отличия в незначительных деталях по мнению С. И. Вайнштейна могут также подтверждать этногенетические связи отдельных родов (Вайнштейн, 1972: 79). Еще одной особенностью тувинского традиционного тамгопользования (до периода Тувинской Народной Республики) является строгий контроль со стороны властей, «никто не имел права присвоить себе тамгу без разрешения» (Дулов, 1956: 154).

По начертанию элементов традиционные тамги тувинцев могут быть разделены на геометрический, растительный, зооморфный типы и знаки, изображающие предметы быта.

Самой распространенной тамгой досоветской Тувы был *кас* (гусь) (рис. 2, элемент 1) (Дулов, 1956: 155), применяемый во многих сумонах: Ховалыг, Донгак, Маады, Чооду (там же: 155), Оюн, Сат (Донгак, 2010: 153), Монгуш (Катанов, 2011: 111), Иргит и Соян (Тюлюш, 2015: 203).

Тамга *алага*, *маска* (молот) (рис. 2, элемент 2) была распространена в Центральной и Южной Туве в сумонах: Ондар, Тюлюш (Донгак, 2010: 153), Кыргыз, Тумат (Катанов, 2011: 111), Сат (ПМА, 2020¹), Донгак (ПМА, 2020²).

¹ Информанты: Сат Семен Сергеевич, 1985 г. р., м. Божуур-Даг, с. Хайыракан, Дзун-Хемчикский кожуун; Монгуш Роман Михайлович, 1970 г. р., г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун.

² Информант: Донгак Александр Байыскланович, 1956 г. р., м. Тос-Булак Усту, Кызылский кожуун.

Тамга *кошкар* (баран) (рис. 2, элемент 3) встречалась в сумонах: Иргит, Саая, Кыргыз (Донгак, 2010: 153), Ондар (Тюлюш, 2015: 204), Монгуш (ПМА, 2020¹).

Тамга *сараакай* (рис. 2, элемент 4) в различных вариантах была распространена в родах *донгак*, *кыргыз* (Монгуш, 2015а: 14–15).

Тамгу *серээ* (трезубец) (рис. 2, элемент 5) в основном использовали род *ондар* (Монгуш, 2015b: 106), также она распространена в Овюрском кожууне среди родов *кыргыз*, *донгак*, *маады*, *тюлюш* (Тюлюш, 2015: 204).

Тамга *напчы* (лист) (см. рис. 2, элемент 6) широко распространена среди родов *оюн* и *соян* (Донгак, 2010: 153) и практически отсутствует в западных кожуунах.

Тамга *коргулчун* (свинец), или *арбак* (горсть) (рис. 2, элемент 7) бытовала в сумонах Оюн (Катанов, 2011: 111), Долаан, Чыргакы-Куулар (Монгуш, 2015а: 14, 15), Биче-Ховалыг (Монгуш, 2015b: 106), в роду *кыргыз* (Монгуш, 2015а: 15).

Самыми распространенными тамгами, которые считаются появившимися в связи с буддийским влиянием, были *шындамал* (санскр. *чинтамани*²) (рис. 2, элемент 9), используемый в роду *хомушку* (Донгак, 2010: 153), сумоне Ак-Монгуш (ПМА, 2020³) и Адай Даа кожууна (Катанов, 2011: 281); *дорума*⁴ (рис. 2, элемент 10) (там же: 292, рис. 1).

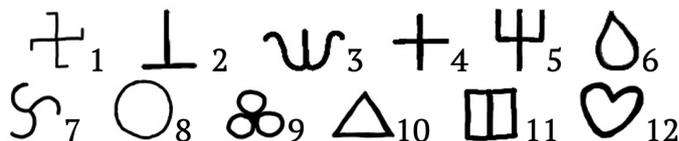

Рис. 2. Основные формы традиционных тамг тувинцев:

1 – кас (гусь), 2 – алага (молот), 3 – кошкар (баран), 4 – сараакай (крест), 5 – серээ (трезубец), 6 – напчы, или бүрү (лист), 7 – кургулчун, или арбак (свинец), 8 – төгерик (круг), 9 – шындамал (чинтамани), 10 – дорума (торма), 11 – эжик, или хаалга (дверь, ворота), 12 – чүрек (сердце).

Прорисовка Ч. Г. Ондар.

Fig. 2. The most popular shapes of traditional Tuvan tamgas:

1 – kas (goose), 2 – alaga (hammer), 3 – koshkar (ram), 4 – saraakai (cross), 5 – seree (trident), 6 – napchy / byry (leaf), 7 – kurgulchun / arbak (lead), 8 – төгерик (circle), 9 – shyndamal (chintamani), 10 – doruma (torma), 11 – ezhik / khaalga (door or gate), 12 – chyrek (heart).

Sketched by Ch. G. Ondar.

Данные других исследователей и наши полевые исследования показали, что самыми многовариантными и распространенными являются тамги *кас*, *алага*, *напчы*, *төгерик*, *эжик* (*хаалга*), *сараакай*.

Тамга *алага*, например, имеет в Туве более 20 вариантов (см.: Тюлюш, 2015: 204). В наших полевых материалах интересны варианты: *кошкарлыг алага* (букв. ‘молот с бараном’) (ПМА, 2014⁵), *инек алагазы* (букв. ‘молот коровы’), *дөрт ышкаш алага* (букв. ‘молот в виде цифры 4’) (ПМА, 2014⁶), *доңгактар алагазы* (ПМА, 2020⁷). К вариантам тамги *кас*, представленных у С. Ч. Донгак (Донгак, 2010: 153) можно добавить разновидность *муңгаш кас* (см. фото 3) (букв. ‘закрытый гусь’), зафиксированный в 1915 г. В. П. Ермолаевым⁸. Остальные группы тамг имели значительно меньше подвидов. По нашему мнению, самые распространенные и многовариантные тамги могут быть самыми древними и базовыми.

В фондах Национального музея Республики Тыва хранятся несколько образцов традиционных тавр. Первые образцы (9 единиц) в фонды музея поступили в 1974 г.: *шындамал*, *дорума*, *бүрү* (*напчы*),

¹ Информант: Монгуш Роман Михайлович, 1970 г. р., г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун.

² В индийско-буддийской мифологии магический камень, исполняющий желания.

³ Информант: Монгуш Роман Михайлович, 1970 г. р., г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун.

⁴ Название конусовидного ритуального подношения в буддизме (прим. Ч. Г. Ондар).

⁵ Информант: Тумат Оюн-оол Осур-оолович, 1945 г. р. с. Ак-Чыраа, Овюрский кожуун.

⁶ Информант: Ооржак Эрес-оол Шақтаржапович, 1944 г. р., с. Алдан-Маадыр, Сут-Хольский кожуун.

⁷ Информант: Донгак Александр Байыскланович, 1956 г. р., м. Тос-Булак Усту, Кызылский кожуун.

⁸ НМ РТ: ОФ, фонд В. П. Ермолаева, без номера. Топография: фонд «Документально-письменные источники», стеллаж 3, полка 6, папка 1.

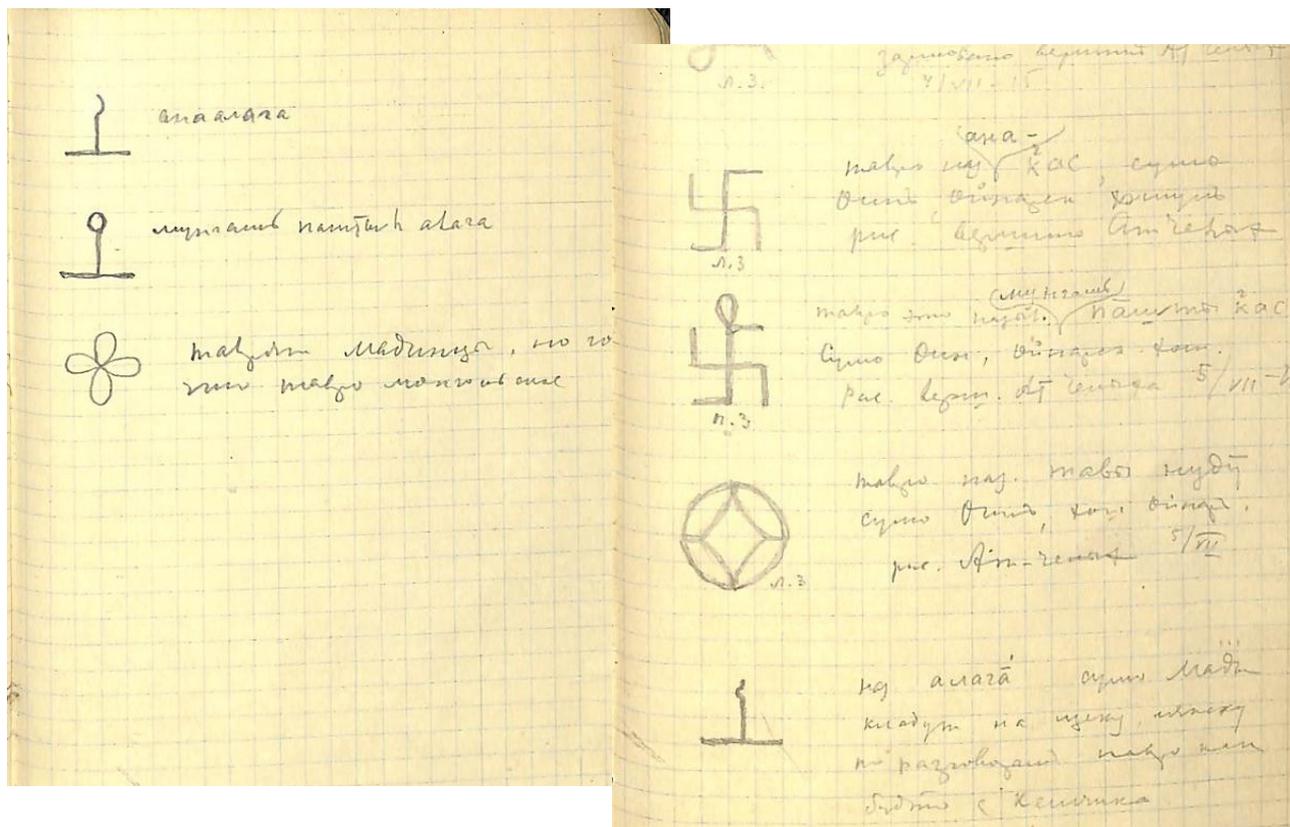

Фото 2 и 3. Страницы из записной книжки В. П. Ермолаева. 1915 г. НМ РТ, ОФ.
Топография: фонд «Документально-письменные источники», стеллаж 3, полка 6, папка 1.
Фото Ч. Г. Ондар, 2020 г.

Photos 2 and 3. Pages from V. P. Ermolaev's notebook, 1915. NM RT, Main Coll.
Topography, "Documentary Written Sources" Fund. Bookcase 3, Shelf 6, File 1. Photo by Ch. G. Ondar, 2020.

шай, догуланчын демдектер, узун байлын, адыр баштыг алага, дегээ¹. Они были переданы кузнецом Сумбаа из сумона Эрбек. Во время экспедиции в Улуг-Хемский район сотрудники ТНИИЯЛИ 1983–1984 гг. собрали и в 1986 г. сдали в фонды музея 63 предмета, относящихся к этнографии тувинцев, среди которых имеется одна тамга в виде буквы «Д» (фото 4). В 2019 г. заведующая музеем-филиалом с. Кунгуртуг Тере-Хольского кожууна С. Ш. Хомушку сдала еще 2 тамги (НМ РТ: ОФ, КП №№ 12318/53,54, дата поступления 22 июля 2019 г.).

Дополнительные элементы, видоизменяющие тамги. Прямая черта может добавляться практически в любую тамгу в любом количестве. Например, см. разновидности тамги *шындамал* (рис. 3, элементы 1 и 2) — тамги рода *монгуш* (Монгуш, 2015b: 105, 106).

Закрывающий круг (муңгаш баштыг) является одним из самых используемых дополнительных знаков. Например, *муңгаш баштыг алага* (рис. 3, элемент 3) — тамга сумона Тумат (Монгуш, 2015а: 15), *муңгаш баштыг сараакай* (рис. 3, элемент 4) — тамга рода *донгак* (там же: 14).

Фото 4. Тавро «Д» в коллекции Национального музея Республики Тыва. НМ РТ, ОФ, КП №№ 9255/44, дата поступления 3 июля 1974 г. Фото С. Л. Бырыннай, 2020 г.
Photo 4. The 'D' brand iron in the collections of the National Museum. NM RT, Main Coll., Incoming registry No. 9255/44, Acquisition date July 3, 1974. Photo by S. L. Byrynnai, 2020.

¹ НМ РТ: ОФ, КП №№ 5967/1-9, дата поступления 03 июля 1974 г.

Часто используется дополнительный элемент — *огонь* (*от*), который обычно добавляется в верхней части тамги. К примеру, *оттуг шындамал* (рис. 3, элемент 5) — тамга сумона Хомушку Хемчикского кожууна (Монгуш, 2015b: 106) или тамга *оттуг кас* (рис. 3, элемент 6) сумона Сат Бээзи кожууна (Монгуш, 2015a: 15).

Еще одним продуктивным дополнительным элементом является *ответвление* (*адыр*). К тамгам с ответвлением, например, относится тамга *адыр баштыг алага* (рис. 3, элемент 7) рода *кара-ондар* (Монгуш, 2015b: 106).

Следующий дополнительный элемент — роговидное ответвление (*мыйыстыг*). Примером тамги с роговидным ответвлением можно назвать тамгу сумона Тумат Бээзи кожууна — *ийи буттуг ширээлиг адыр алага* (рис. 3, элемент 8) (Монгуш, 2015a: 15).

Такой же, как роговидный, но направленный вниз дополнительный элемент называется — усобразное (*салдыг*) ответвление. Тамга с усобразным ответвлением — *салдыг сараакай* (рис. 3, элемент 9) сумона Кыргыз (там же: 15).

Также нередко встречается луноподобное (*айлыг*) ответвление. Тамга с луноподобным ответвлением — *айлыг алага* (рис. 3, элемент 10) сумона Кыргыз Бээзи кожууна (там же: 15).

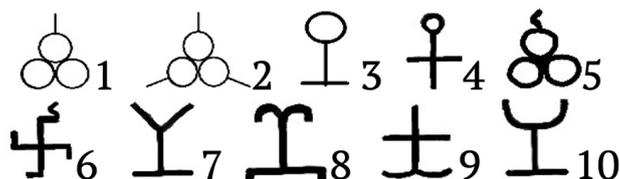

Рис. 3. Тамги с дополнительными элементами:

1 и 2 — *шындамал* (*чинтамани*), 3 — *муңгаш баштыг алага* (*закрытый молот*), 4 — *муңгаш баштыг сараакай* (*закрытый крест*), 5 — *оттуг шындамал* (*чинтамани с огнем*), 6 — *оттуг кас* (*гусь с огнем*), 7 — *адыр баштыг алага* (*молот с ответвлением*), 8 — *салдыг сараакай* (*крест с усам*), 9 — *ийи буттуг ширээлиг адыр алага* (*молот с ногами и роговидным ответвлением*), 10 — *ай баштыг алага* (*молот с луной*). Прорисовка 1–3 — А. Ч. Тюлюш, 4–10 — Ч. Г. Ондар.

Fig. 3. Tamgas with add-on elements:

1–2 *shyndamal* (*chintamani*), 3 — *muᅅgash bashtyg alaga* (*closed hammer*), 4 — *muᅅgash bashtyg saraakai* (*closed cross*), 5 — *ottug shyndamal* (*chintamai with fire*), 6 — *ottug kas* (*goose with fire*), 7 — *adyr bashtyg alaga* (*hammer with an offshoot*), 8 — *saldyg saraakai* (*moustached cross*), 9 — *iyi buttug shireelig adyr alaga* (*hammer with legs and a horn-like offshoot*), 10 — *ai bashtyg alaga* (*hammer and moon*). Sketched by A.Ch. Tyulyush (1–3) and Ch. G. Ondar (4–10).

Традиция добавления дополнительных элементов к основному образу знака, вероятно, существует со скифских времен (рис. 1, элементы 13, 17 и 18), и, возможно, связана с уточнением владельца, будь то целое племя в составе этнокультурной общности или отдельная семья, или даже личность. Что касается традиционного тамгопользования тувинцев, то здесь такая традиция сохранилась (выше мы выделили несколько основных видов дополнительных элементов).

Итак, мы можем сказать, что к концу XIX в. в Туве использовались родовые, сумонные и личные (семейные) тамги, хотя восстановить полностью эту традицию сейчас представляется проблематичным в связи с нехваткой источников, их неполнотой. Сведения, полученные от современных информантов, содержат лишь отдельные упоминания о том, что было раньше в той или иной местности, которые могут содержать неточности.

Изменения тамгопользования в XX в.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в Туве развернулись кардинальные социально-экономические перемены, в том числе началась борьба с пережитками прошлого, частью которых были родовые тамги (Дулов, 1956: 154). Ликвидировались зажиточные хозяйства, создавались госпредприятия, которые финансировались из бюджета (История Тувы, 2007: 230). Процессы кооперирования крестьянских и аратских хозяйств изменили принадлежность скота. К 1958 г., когда коллективизация сельского хозяйства области завершилась, удельный вес поголовья скота, находящегося в личной собственности, снизился до 10,8% (История Тувы, 2016: 57, 58).

Госхозы, колхозы, совхозы создали собственные метки-тамги, которые наносились рядом с тамгами прежних владельцев, например, у лошадей. Наш информант Р. М. Монгуш рассказал, что с образованием колхоза имени В. И. Ленина в с. Ийме, появилась тамга «ЛК» (Ленин колхоз), которой были отмечены все так называемые «раскулаченные» лошади, владельцы которых были «раскулачены», а имущество изъято. В то время¹ практически каждая лошадь колхоза имела по две тамги: старую и метку ЛК (ПМА, 2020²). Так появились первые тамги в виде букв кириллицы.

Систематизация процесса таврения скота произошла, видимо, с развитием и укреплением крупных хозяйств — колхозов и совхозов в 1970–1980-е гг. в Тувинской АССР на фоне «интенсификации, специализации и концентрации производства, широкого внедрения хозрасчета и других методов ведения производства» (там же: 262). Каждый район, а внутри района каждый колхоз и совхоз — имели свои номера, появились двузначные и трехзначные номера метки-тамги (ПМА, 2020³). Так, «76» — значит, седьмой кожуун (Улуг-Хемский) и шестой совхоз (Арыскан) (ПМА, 2020⁴). Процессы объединения и отделения совхозов приводили к изменениям меток-тамг. Например, от большого совхоза «Саянский» в Пий-Хемском районе, где лошадей отмечали цифрой «53», 1980-е гг. открепилось сесерлигское отделение. Отделившийся совхоз в с. Сесерлиг получил новые цифровую и буквенную метки-тамги «57» и «ССС» (т. е. Сесерлигский сельский совет). Позже при переименовании села в Германовка, меткой-тамгой стала уже «Г57» (ПМА, 2020⁵).

С конца 1980-х — начала 1990-х гг. и по настоящее время идет обратный процесс, о чем пишет этнограф С. Ч. Донгак: «возрождаются традиции кочевого скотоводства, главным образом частная собственность на скот, и родовые тамги вновь стали востребованными» (Донгак, 2010: 156).

Отмеченные вехи изменения бытования традиции показывают, что история тамгопользования в целом, а в особенности история трансформации этой традиции в Туве в XX в., требует отдельного специального изучения, как в связи с общими социально-экономическими преобразованиями в республике, так и со сложной историей традиционного хозяйствования.

Современные тамги тувинцев-скотоводов

В 2020 г. мы побывали в 18 скотоводческих хозяйствах (аал) Дзун-Хемчикского, Чаа-Хольского, Улуг-Хемского, Пий-Хемского, Кызылского, Тандинского кожуунов, а также получили сведения от респондента из Тере-Хольского кожууна. Обобщение данных показало, что большинство владельцев скота тамгами не пользуется. Из 19 хозяйств, в которых мы провели опрос, только 8 — используют тамги. Из 11 аалов без тамг 6 только планируют создать и пользоваться. Остальные не изъявили желания использовать тамги и не чувствуют необходимости в них. Возможными причинами такой непопулярности тамг опрошенные называют: во-первых, снижение скотокрадства в республике за последние годы, а также тот факт, что украденный скот практически невозможно найти (воры его сразу забивают и разделывают); во-вторых, сложность выбора или создания тамги; в-третьих, сложность самого процесса таврения (ПМА, 2020⁶).

Однако из данных хозяйств, в которых тамги используются, мы смогли составить некоторую обобщающую картину, в том числе типологизировать тамги. Их можно условно разделить на четыре типа:

- I. традиционные тамги;
- II. буквенные или числовые знаки, присвоенные колхозам и совхозам в советское время;
- III. новые тамги;
- IV. комбинированные тамги.

¹ Учредительный хурал местных жителей о создании колхоза имени В. И. Ленина в с. Ийме состоялся 21 декабря 1950 г. См.: Монгуш, Д. Өгбелерниң тура-соруу [Сила духа предков] // Даа кожууннуң 240 чыл ою [240 лет Даа кожууну] / ред. А. С. Дембирель. Кызыл : б. и., 2005. 76 с. С. 24–27.

² Информант: Монгуш Роман Михайлович, 1970 г. р., г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун.

³ Информант: Хунай-оол Алим Олегович, 1985 г. р., м. Чыраа-Бажы, с. Ак-Турут, Чаа-Хольский кожуун.

⁴ Информант: Норбу Михаил Ховалыгович, 1960 г. р., м. Коктуг-Алаак, с. Арыскан, Улуг-Хемский кожуун.

⁵ Информант: Тондуп Андрей Опей-оолович, 1969 г. р., с. Сесерлиг, Пий-Хемский кожуун.

⁶ Информанты: Хунай-оол Алим Олегович, 1985 г. р., м. Чыраа-Бажы, с. Ак-Турут, Чаа-Хольский кожуун; Тондуп Андрей Опей-оолович, 1969 г. р., с. Сесерлиг, Пий-Хемский кожуун.

Традиционные родовые тамги. К традиционным тамгам мы относим все тамги, бытовавшие в тувинских хозяйствах до кардинальных перемен в 30-е гг. XX в., в том числе придуманные, заимствованные и видоизмененные. Здесь можно выделить два основных подтипа: унаследованная тамга и «присвоенная» тамга.

Унаследованная тамга может быть без изменений или с изменениями. По сведениям наших информантов, до сих пор без изменений используются, например, тамги:

- *Чанагааш-Аксының ондарларының алагазы* Ондара Чечек-оола, табунщика из с. Ийме Дзун-Хемчикского кожууна (рис. 4, элемент 1) (ПМА, 2020¹),
- *саттар биле түлүштер алагазы* Сата Сергея Сугеевича, табунщика из с. Хайыракан Дзун-Хемчикского кожууна (рис. 4, элемент 2) (ПМА, 2020²),
- *донгактар алагазы* Донгака Александра Байысклановича, проживающего в Кызылском кожууне в м. Тос-Булак Усту (рис. 4, элемент 3) (ПМА, 2020³).

К традиционным тамгам с изменениями мы относим тавра, действительно когда-то принадлежавшие роду, но используемые сейчас с определенными изменениями. Например, тамга *бижимел бичии А иштинде кас* (знак *кас*, вписанный в рукописную строчную букву «А») М. Х. Норбу, проживающего в м. Коктуг-Алаак Улуг-Хемского кожууна. Здесь «А» обозначает его второе имя «Адыг-оол» и то, откуда он родом — из с. Арыскан (см. рис. 4, элемент 4) (ПМА, 2020⁴).

К «присвоенным» мы относим тамги, не являющиеся унаследованными, а вновь созданные по образцу традиционных тамг или с заимствованием знаков у других. Соответственно здесь можно выделить два подтипа: вновь созданная и заимствованная. К вновь созданной можно отнести тамгу *кошкар* (рис. 4, элемент 5) в некоторых хозяйствах с. Хайыракан Дзун-Хемчикского кожууна. По словам Р. М. Монгуша, эта тамга не является для них родовой, а придумана по образу и подобию традиционной тамги *кошкар*, и отличается большим размером и небольшим отростком под центральной вертикальной линией прототипной тамги (ПМА, 2020⁵). В действительности, такую тамгу раньше называли *кулактыг серээ* (см.: Монгуш, 2015а: 14).

В качестве примера заимствованной тамги здесь можно привести тамгу *дужамык*⁶ (рис. 4, элемент 6), имеющейся в хозяйстве Монгуша Хулер-оола Байыр-ооловича. Он проживает в м. Шом-Шум Дзун-Хемчикского кожууна на левом берегу р. Хемчик. Животновод рассказал нашему информанту Р. М. Монгушу историю о том, что много лет назад в их аал однажды прибежали две молодые кобылы в поисках жеребца. На них имелась данная тамга. Хозяйева так и не были найдены, несмотря на расспросы практически всех ближайших аалов. Так, кобылы остались в хозяйстве и со временем их потомство образовало целый табун. Тамга не просто осталась, ее стали наносить на других лошадей, ей даже придумали название (ПМА, 2020⁷). Аналогии этой тамге мы не нашли в тувинском этнографическом материале. Подобные тамги, например, были у многих алтайских сеоков и называется сулук (удила) (Ямаева, 2004). Возможно, эти кобылы были из соседнего региона.

Буквенные или числовые знаки, присвоенные колхозам и совхозам в советское время. Они сейчас сохранились как тавра, указывающие на то, что владелец скота проживает или проживал в определенном населенном пункте, где раньше действовал колхоз или совхоз. По тому, как они сейчас используются, их можно условно разделить на три подтипа: номерная, буквенная и полная форма, т. е. включающая и цифры, и буквы.

Сохранили номерное тавро без использования буквенных обозначений, например, жители с. Ийме Дзун-Хемчикского кожууна. Скотоводческие хозяйства села активно используют цифровое тавро «31», а тавро «КМ» (по названию совхоза имени «Карла Маркса») вышло из употребления (ПМА, 2020⁸). Интересно, что в Дзун-Хемчикском кожууне некоторые табунщики специально ставят на свои машины государственные регистрационные знаки, дублирующие номерное тавро села: табунщик из с. Ийме —

¹ Информант: Монгуш Роман Михайлович, 1970 г. р., г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун.

² Информант: Сат Семен Сергеевич, 1985 г. р., м. Божуур-Даг, с. Хайыракан, Дзун-Хемчикский кожуун.

³ Информант: Донгак Александр Байыскланович, 1956 г. р., м. Тос-Булак Усту, Кызылский кожуун.

⁴ Информант: Норбу Михаил Ховалыгович, 1960 г. р., м. Коктуг-Алаак, с. Арыскан, Улуг-Хемский кожуун.

⁵ Информант: Монгуш Роман Михайлович, 1970 г. р., г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун.

⁶ Один из видов пута для фиксации передних ног лошади при выпасе (Даржа, 2003: 91).

⁷ Информант: Монгуш Роман Михайлович, 1970 г. р., г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун.

⁸ Информант: Монгуш Роман Михайлович, 1970 г. р., г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун.

«031», из с. Баян-Тала — «030», из с. Бажын-Алаак — «032» (ПМА, 2020¹). Такая традиция распространена также в Кызылском кожууне, в с. Усть-Элегест (ПМА, 2020²). Однако это свойственно не всем кожуунам, информант из с. Ак-Туруг Чаа-Хольского кожууна уверил нас в том, что у них в селе такого явления нет (ПМА, 2020³). Более того, один из авторов этой статьи (Ч. Г. Ондар) заметил, что у некоторых жителей с. Ийме номера мобильных телефонов заканчиваются на «0031», что также, скорее всего, не случайно. Как видно, номерное тавро приобрело более широкое назначение, оно стало знаком групповой принадлежности, связанной с желанием наглядно показать принадлежность к «своим» и отличие от «других». И группу здесь образуют не все жители определенного сумона, а лишь та часть, интересы которой тесно связано с коневодством, представители которой и могут «читать» такие маркеры идентичности⁴.

Ярким примером использования только буквенного тавра является жители с. Хайыракан. Сохранилась тамга «Х-Н», а «34» уже никто не использует (ПМА, 2020⁵).

Использование и цифр, и букв очень распространено. Например, жители с. Ак-Туруг Чаа-Хольского кожууна активно пользуются и цифрой «151», и буквами «АТ» (Ак-Туруг) (ПМА, 2020⁶). Интересно, что при переезде в другой кожуун, некоторые сохраняют тамги своего села. Так, в Тандинском кожууне есть большой табун с тамгой-меткой «УК 25», принадлежащий семье, переехавшей туда из с. Арыг-Узуу Улуг-Хемского кожууна (ПМА, 2020⁷).

Новые виды тавр. Отсутствие какой-либо систематизации, унификации и регистрации в тамгопользовании позволяет владельцам скота придумать любой знак в качестве личного тавра. Мы выявили три вида новых тамг: тамгоподобные знаки-тавро, буквенные знаки-тавро и художественный образ.

Тамгоподобные знаки-тавро можно разделить на два подтипа: собственно тамгоподобные знаки-тавро и буквенные тамгоподобные знаки-тавро. В качестве примера первого можно привести тамгу — *чүректиг удазын* (букв. 'узел с сердцем') (рис. 4, элемент 14) информанта Ч. Х. Монгуша (ПМА, 2020⁸). Тамга напоминает простую форму орнаментального узора *өлчей удазыны* ('узел счастья') (Вайнштейн, 1974: 150, табл. № 64) с композиционным развитием в виде изменения боковых округлых элементов узора в сердцевидные.

Буквы в тамгоподобных тавро обычно являются начальными буквами имени или даже имени и фамилии владельца. Они могут быть двух типов: буквы, заключенные в геометрическую фигуру (обычно окружность); буквы, выстроенные как тамга. Примером тавра, оформленного заключением буквы в окружность, может быть тавро Найдана Ном-оола из Тере-Хольского кожууна: две буквы «Н» в окружности (рис. 4, элемент 17) (ПМА, 2020⁹). Буквы могут быть выстроенными, как тамга. Пример: тавро Тулуша Борбак-оола из Дзун-Хемчикского кожууна, *ТБ* (см. фото 5, рис. 4, элемент 20) (ПМА, 2020¹⁰). Последний способ образования тамги характерен также для хакасов (Кызласов, Леонтьев, 1980: 27, рис. 15–35, 37–39, 56).

Буквенные знаки-тавро. Как показывают наши наблюдения, более всего распространено образование тавр из букв. Буквы тибетского алфавита в качестве тамг среди тувинцев появились еще до начала XX в., например, род *маады* в качестве тамги использовал тибетскую букву *МА* — (см. фото 3; Донгак, 2010: 155). Позднее буквенные тавра имели колхозы и совхозы. Примерно по такой же модели сейчас образуются тавра из букв кириллицы. Здесь можно выделить два подтипа: именные тавра и тавра, указывающие на определенное место.

В качестве тавр, обозначающей имя владельца, может быть: инициалы владельца, начальная буква имени владельца, начальная буква фамилии, начальные буквы имени и фамилии или даже фамилия

¹ Информанты: Монгуш Чук Хураган-оолович, 1971 г. р., м. Чангыс-Чодар, г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун; Монгуш Агыжык Андреевич, 1998 г. р., м. Чодар, с. Бажын-Алаак, Дзун-Хемчикский кожуун.

² Информант: Тондуп Андрей Опей-оолович, 1969 г. р., с. Сесерлиг, Пий-Хемский кожуун.

³ Информант: Хунай-оол Алим Олегович, 1985 г. р., м. Чыраа-Бажы, с. Ак-Туруг, Чаа-Хольский кожуун.

⁴ В тувинском языке даже появился термин *аът баитыг киж* (букв. 'человек с лошадиной головой'), т. е. человек фанатично увлекающийся вопросами коневодства, конных скачек и т. п.

⁵ Информант: Сат Семен Сергеевич, 1985 г. р., м. Божуур-Даг, с. Хайыракан, Дзун-Хемчикский кожуун.

⁶ Информант: Хунай-оол Алим Олегович, 1985 г. р., м. Чыраа-Бажы, с. Ак-Туруг, Чаа-Хольский кожуун.

⁷ Информант: Ооржак Николай Романович, 1990 г. р., с. Бай-Хаак, Тандинский кожуун.

⁸ Информант: Монгуш Чук Хураган-оолович, 1971 г. р., м. Чангыс-Чодар, г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун.

⁹ Информант: Чигжит Хулер-оол Геннадиевич, 1990 г. р., с. Кунгуртуг, Тере-Хольский кожуун.

¹⁰ Информант: Монгуш Чук Хураган-оолович, 1971 г. р., м. Чангыс-Чодар, г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун.

*Фото 5. Личное тавро Б. Тулуш на лошади. 2020 г. Фото Ч. Г. Ондар.
Photo 5. B. Tulush's personal brand iron mark on horseskin, 2020.
Photo by Ch. G. Ondar.*

полностью. Инициалы владельца — самый распространенный вид тавра. Как пример: тавро «ОКСК», принадлежавшую Ооржаку Ким-оолу Селбик-Караевичу, табунщику из г. Чадан, уже третье поколение его семьи использует в качестве семейной тамги (ПМА, 2020¹). В с. Сесерлиг есть тавро «Б», обозначающее начальную букву фамилии Бадарчы (ПМА, 2020²); в с. Кунгуртутг Тере-Хольского кожууна есть тавро «Д», обозначающее имя владельца — Дангыр-оол (ПМА, 2020³); у братьев из Тандинского кожууна Ай-Хаана и Аяна Кыргыса — тавро «АК» по начальным буквам имени и фамилии обоих братьев, имеющих общее хозяйство (ПМА, 2020⁴); тавро «САТ» есть, например, у Кара-Сала Василия, проживающего в с. Хайыракан Дзун-Хемчикского кожууна, а «Сат» — это фамилия отца (ПМА, 2020⁵).

В современной Туве появились тавра, созданные по образцу тавр колхозов и совхозов, обозначающие названия местностей. Буквенные знаки могут обозначать целый кожуун: например, «ТХК» — Тере-Хольский кожуун (ПМА, 2020⁶); местность, название горы: «Б-Д» обозначает гору Баян-Дугай недалеко от с. Бажын-Алаак Дзун-Хемчикского кожууна (ПМА, 2020⁷); вплоть до домашнего адреса: «Л91», что значит «ул. Лесная, д. 9, кв. 1» (ПМА, 2020⁸).

Художественные образы. Единственный пример такого тавра мы встретили в Тере-Хольском кожууне в хозяйстве отца нашего информанта Х. Г. Чигжита. Там мы обнаружили тамгу в виде изображения головы лошади (рис. 4, элемент 29) (ПМА, 2020⁹).

Комбинированные тамги. Очень часто в качестве тамги используется не одна тамга, а комбинация из нескольких разных типов тамг. И это сейчас больше правило, чем исключение. Причин появления комбинированных тамг может быть несколько. Во-первых, владелец может отметить лошадей несколькими тамгами с желанием показать не только на собственность, но и на принадлежность

¹ Информант: Монгуш Чук Хураган-оолович, 1971 г. р., м. Чангыс-Чодар, г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун.

² Информант: Тондуп Андрей Опей-оолович, 1969 г. р., с. Сесерлиг, Пий-Хемский кожуун.

³ Информант: Чигжит Хулер-оол Геннадиевич, 1990 г. р., с. Кунгуртутг, Тере-Хольский кожуун.

⁴ Информант: Ооржак Николай Романович, 1990 г. р., с. Бай-Хаак, Тандинский кожуун.

⁵ Информант: Монгуш Роман Михайлович, 1970 г. р., г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун.

⁶ Информант: Чигжит Хулер-оол Геннадиевич, 1990 г. р., с. Кунгуртутг, Тере-Хольский кожуун.

⁷ Информант: Монгуш Агыжык Андреевич, 1998 г. р., м. Чодар, с. Бажын-Алаак, Дзун-Хемчикский кожуун.

⁸ Информант: Монгуш Чук Хураган-оолович, 1971 г. р., м. Чангыс-Чодар, г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун.

⁹ Информант: Чигжит Хулер-оол Геннадиевич, 1990 г. р., с. Кунгуртутг, Тере-Хольский кожуун.

к определенной местности или населенному пункту. Во-вторых, комбинированные тамги могут возникнуть при переходе лошади от одного владельца к другому. Комбинации могут быть разными.

Родовая тамга + тамга совхоза (села). Лошади табуна Монгуша Дайзы Байбековича из Дзун-Хемчикского кожууна отмечается тамгой «Бора-Хөл монгуштарының кошкары» (букв. 'баран рода монгуш из Бора-Холя') и совхозной меткой-тавро «31» (ПМА, 2020¹). Здесь традиционная тамга «кошкар» указывает на родовую принадлежность, а цифра «31» говорит о том, что владелец родом из с. Ийме. А их комбинация уже является личной узнаваемой тамгой — маркером собственности.

Родовая + личная тамга. Наш информант А. А. Монгуш рассказал, что у лошади его отца по кличке Калчан-Шилги, двукратного победителя Наадыма (1994, 1997 гг.), было две тамги — «шындамал» (чинтамани) и «МШБ» (инициалы брата хозяина лошади: Монгуш Шойдак Биченекевич).

Тамга совхоза (села) + личная тамга. В с. Сесерлиг Пий-Хемского кожууна есть лошади с тамгами «ССС» и «М», где «М» — начальная буква имени владельца, а «ССС» значит «Сесерлигский сельский совет» (ПМА, 2020²).

Так, несмотря на долгую борьбу с «пережитками» феодального строя традиция таврения (в основном лошадей) среди скотоводов Тувы сохранилась, хотя и не во всех хозяйствах. Традиционными тамгами в качестве тавро пользуются в основном потомственные скотоводы-кочевники, линия передачи семейного ремесла которых не прерывалась. К сожалению, многие уже не знают, какая родовая тамга была в семье до периода кардинальных перемен в XX в., поэтому, начиная с 1990-х годов и до сих пор идет процесс создания новых личных форм тавро. Тавра, принадлежащие в свое время колхозам и совхозам, сохраняются среди скотоводов Тувы больше, как идентификаторы сумонной принадлежности.

Рис. 4. Разновидности современных тамг тувинцев:

I. Традиционные: 1–7; II. Буквенные или числовые знаки, присвоенные колхозам и совхозам в советское время: 8–13; III. Новые: 14–29; IV. Комбинированные: 30–32. Прорисовка Ч. Г. Ондар.

Fig. 4. Variation of contemporary Tuvan tamgas:

I. Traditional: 1–7; II. Letter or numeric signs assigned to kolkhozes and sovkhoses (collective farms) in the Soviet period: 8–13. III. Recently accepted: 14–29; IV. Combined: 30–32. Sketched by Ch. G. Ondar.

Следы скифского влияния в тамгопользовании тувинцев

Как мы уже упоминали, скифские тамги встречаются на различных предметах, начиная от бытовых предметов до скальных поверхностей. Тувинские традиционные тамги часто встречаются среди орнаментов предметов быта: сундуков, кожаных сосудов, тебеньков и т. д. Вероятно, тамги помимо орнаментальной функции, иногда выполняли также роль маркеров принадлежности предмета быта определенному человеку или семье. В фондах Национального музея Республики Тыва есть традиционные фляжки из кожи («көгээржик, хойлаарак»), некоторые из которых помимо орнаментальных тамг

¹ Информанты: Монгуш Роман Михайлович, 1970 г. р., г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун; Монгуш Чук Хураган-оолович, 1971 г. р., м. Чангыс-Чодар, г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун.

² Информант: Тондуп Андрей Опей-оолович, 1969 г. р., с. Сесерлиг, Пий-Хемский кожуун.

имеют также отдельные тамги, нанесенные на основание горлышка (фото 6).

В пользу того, что они действительно являются маркерами собственности, указывает, например, дополнительная черта тамги *кас*.

Мы зафиксировали интересный случай использования метки в домашней утвари. Мама нашего информанта Ч. Х. Монгуша, Александра Бюрбюевна, в 1990-е — начале 2000-х гг. наносила краской метку «М» на алюминиевые бидоны, бочки, тазы, чтобы было легче находить свою посуду. Дело в том, что по соседству жили близкие родственники, и они друг у друга часто брали посуду, а посуда была одинаковой, заводского производства. При этом, по ее словам, «М» не значит ни «монгуш», ни даже буква. Это просто знак (ПМА, 2020¹). Такую традицию (помеченные краской ведра, тазы, бидоны) помнит у чабанов родственников в Тес-Хемском кожууне и Ч. К. Ламажаа². Видимо, мечение предметов быта тесно связано с необходимостью разделения личной (семейной) собственности в условиях тесного общения нескольких семей. Сейчас, по всей видимости, такая необходимость в мечении предметов постепенно отпадает.

Еще одним явлением традиционной кочевой культуры Тувы, связанным с мечением скота, существующим, по крайней мере, со времен скифской эпохи (Руденко, 1952: 89), является *им* — выполнение надрезов на ушах лошадей (Вайнштейн, 1972: 80). Наиболее полный обзор тувинских меток *им* представлен в работе В. К. Даржа (Даржа, 2003: 63, рис. 16). Здесь мы лишь упомянем о современном состоянии применения меток *им* на лошадях. Явление, как оказалось, сейчас достаточно редкое. Активно используют такой способ мечения лошадей, по словам нашего информанта Х.-Б. С. Бархоо, жители Эрзинского кожууна (ПМА, 2020³). Информанту А. О. Тондупу известно, что в с. Сесерлиг Пий-Хемского кожууна только в одном хозяйстве есть надрезы на ушах исключительно у кобыл (при этом отсутствует тавро). Верховым лошадям хозяева уши не надрезают по эстетическим соображениям (ПМА, 2020⁴). В Дзун-Хемчикском кожууне такая традиция существовала до недавнего времени в тех хозяйствах, где не было личного тавра (ПМА, 2020⁵). Как мы видим, эта традиция в современных реалиях постепенно утрачивается. И это касается только лошадей, а надрезы на ушах крупного и мелкого рогатого скота все еще является распространенным явлением.

Сравнительный анализ скифских тамг с тувинскими традиционными и современными тамгами

В таб. 1 представлен сравнительный анализ скифских тамг с тувинскими традиционными и современными тамгами: сюда же включены тамги, только внешне сходные, а также сходные по начертанию отдельных элементов.

Тамга *төгерик* (круг) (см. рис. 2, элемент 8) имеет самые древние корни (первая строка таблицы 1). Знаки, основным элементом которых является круг, имеют очень широкие территориальные и хронологические рамки. Появление таких тамгообразных знаков, вероятно, можно отнести к бронзовой эпохе, так как знаки-круги в большом количестве встречаются среди петроглифов Тувы, да-

Фото 6. Көгээржик (кожаная фляжка) в коллекции Национального музея Республики Тыва. ОФ, КП № 11527/3, дата поступления, 21 июня 2011 г. Фото Э. Б. Нурзат, 2020 г.

Photo 6. A kögeerzhik (leather bottle) in the collections of the National Museum. NMRT, Main Coll, I ncoming register No. 11527/3, acquisition date June 21, 2011. Photo by E.B. Nurzat, 2020.

¹ Информант: Монгуш Чук Хураган-оолович, 1971 г. р., м. Чангыс-Чодар, г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун.

² Из устного сообщения Ч. К. Ламажаа авторам статьи, декабрь 2020 г.

³ Информант: Бархоо Хат-Батор Сергеевич, 1983 г. р., м. Тос-Булак Усту, Кызылский кожуун.

⁴ Информант: Тондуп Андрей Опей-оолович, 1969 г. р., с. Сесерлиг, Пий-Хемский кожуун.

⁵ Информанты: Монгуш Роман Михайлович, 1970 г. р., г. Чадан, Дзун-Хемчикский кожуун; Монгуш Агыжык Андреевич, 1998 г. р., м. Чодар, с. Бажын-Алаак, Дзун-Хемчикский кожуун.

тируемых бронзовой эпохой. Они также встречаются и среди скифских тамг (Семенов и др, 2003: 68, рис. 74). Кроме основной формы, среди тувинских традиционных тамг также встречаются и различные фигуры, вписанные в круг, которые могут быть признаны вариантами основной тамги *төгерик*. В круг также может быть вписана отдельная тамга, например, тамги *кас* (Донгак, 2010: 153) или *сараакай* (НМ РТ, КП 5967/3, дата поступления 03 июня 1974 г.). Наши наблюдения показывают, что круговая рамка является одной из самых популярных форм образования новых тамговых знаков в современной Туве (рис. 4, элементы 15–19). Причем такие тамги существуют в отдаленных друг от друга кожуунах республики, что говорит о независимости и отсутствии заимствований. Вероятно, этот древний способ образования новых форм тамг сохранился до наших дней.

Тамга *сараакай* (крест) (вторая строка таблицы 1) также имеет древние аналогии на всей территории Евразии. А. Е. Рогожинский относит знак-крест к андроновской группе (XVII–IX вв. до н. э.), северовосточная граница распространения которой доходит до Южной Сибири (Рогожинский, 2016: 56). На стеле из ур. Хачы-Хову Овюрского кожууна, датируемой скифским временем, есть знак, похожий на крест. В традиционном тамгопользовании тамга *сараакай* имела широкое распространение в Туве и являлась одной из базовых традиционных тувинских тамг с различными вариантами (см.: Монгуш, 2015а: 14–15). Она также была широко распространена на Алтае и в Хакасии (Ямаева, 2004: 9; Кызласов, Леонтьев, 1980: 27, рис. 15 элемент 1).

Также здесь нужно упомянуть тамгу *кас* (третья строка таблицы 1). В Туве бытует мнение, что этот знак в тувинской культуре указывает на буддийское влияние. Например, обладатель такой тамги, наш информант М. Х. Норбу, говорил о буддийском происхождении своей тамги (ПМА, 2020¹). Однако в пользу более древнего бытования этого знака на территории Саяно-Алтайского региона и Монголии говорит большое количество изображений этого знака на скалах и плитах оградок курганов, а также распространенность такой тамги у соседних народов — алтайцев (Ямаева, 2004: 10), хакасов (Кызласов, Леонтьев, 1980: 24), которые не были широко подвержены влиянию буддизма. Вероятно, этот знак появился на территории Саяно-Алтая в более раннее время. Более того название «гусь», сохранившееся во всех трех языках, указывает на орнитоморфную природу знака. Прототипами формы знака могут быть признаны, например, орнитоморфные знаки на плитах оградок тагарских курганов (Семенов и др., 2003: 63, рис. 68). Таким образом, возможно, тамга *кас* является одним из самых древних тамг, сохранившихся по сей день. Сохранение скифского знака — свастики среди тувинских тамг и орнаментальных мотивов отмечала также М. А. Дэвлет (Дэвлет, 1976: 39). Конечно, очевиден древний общий корень этих двух знаков. Видимо, знак *кас* существовал в Туве до принятия буддизма, а с утверждением буддизма она получила еще более широкое распространение среди местного населения. К сожалению, из-за схожести с фашисткой свастикой и ошибочным признанием ее буддийского происхождения, в XX в. она потеряла былую популярность. Даже сейчас сохраняется негативное отношение к этому знаку: он сразу ассоциируется со знаком фашисткой символики.

На скалах среди петроглифов Тувы чаще всего встречаются различные варианты скифского тамгообразного знака — *триквестр* (там же: 39) (рис. 1, элементы 3–7). Среди тувинских традиционных тамг на этот знак похожа тамга *коргулчун*, или *арбак* (четвертая строка таблицы 1). Она была широко распространена на всей территории Тувы и имела у большинства основных тувинских родов западных кожуунов (Монгуш, 2015а: 14–15; 2015б: 106). Также определенную древнюю генетическую связь знак триквестр, возможно, имеет с тамгой *шындамал* (чинтамани), которая, как и в случае с тамгой *кас*, существовала в Туве до принятия буддизма, а с утверждением буддизма получила более широкое распространение. Интересно отметить наличие похожей тамги среди хакасов (Кызласов, Леонтьев, 1980: 27, рис. 15 элемент 51).

Аналогии тамге *алага* (пятая строка таблицы 1) имеются среди недатированных петроглифов Тувы (Дэвлет, 1980: 205, табл. 61, камень 283; 1998: 118, табл. 32, камень 87). Тем не менее, сложно сказать, имеются ли тут какие-то генетические связи между знаками. Аналогичная тамга есть у хакасов (Кызласов, Леонтьев, 1980: 27, рис. 15 элементы 2 и 3).

Аналогия распространенной тамги *серээ* (рис. 2, элемент 5) есть среди петроглифов Малого Баян-Кола (рис. 1, элементы 11 и 12), часть которых датируется позднескифским временем. Причем один из знаков визуально очень похож на современную тамгу (рис. 4, элемент 5). Таким образом, тамгу *серээ* тоже можно считать одной из древних (шестая строка таблицы 1).

¹ Информант: Норбу Михаил Ховальгович, 1960 г. р., м. Коктуг-Алаак, с. Арыскан, Улуг-Хемский кожуун.

Знак, похожий на треугольник (седьмая строка *таблицы 1*), встречается среди тамгообразных знаков на плитах тагарских курганов (Семенов и др., 2003: 11, рис. 5), среди традиционных алтайских тамг (Ямаева, 2004: 4), а также как составной элемент скифской тамги *два треугольника, соединенные вершинами* (рис. 1, элементы 13, 17 и 18). Такая тамга у тувинцев называется *дорума*. Но это не значит, что такая тамга появилась после принятия буддизма. Возможно, она в то время получила новое название в связи со схожестью с элементом буддийского ритуала.

Интересной представляется также история тувинской тамги *чүрек* (рис. 2, элемент 12) (Тюлюш, 2015: 205, рис. 2–IX). Среди петроглифов Тувы есть копытообразный знак, напоминающий для современного человека «сердце» (Дэвлет, 2004: рис. 29–1–3; 2009: 77, табл. 25, камень 62). Такие же копытообразные знаки известны на территории Монголии, Казахстана, Саяно-Алтайского региона и др. (Членова, 2000; Китова, 2007) и практически везде они датируются скифским временем (восьмая строка *таблицы 1*). Вероятно, тувинская традиционная тамга *чүрек* бытовала с древнейших времен и сменила название сравнительно недавно под влиянием уже русской культуры. Этот скифский знак сохранился в тувинской традиционной и современной культуре как орнамент и тамга и как дополнительный элемент тамги (рис. 4, элемент 14). Форма знака устойчиво сохранилась, но семантика изменилась.

Самая древняя достоверно датированная находка тамгообразного знака на гривне царя, напоминающий букву «М» (ширина знака — 20 мм, высота — 13 мм) (рис. 1, элемент 21; девятая строка *таблицы 1*), обнаружена в Туве в ходе раскопок кургана Аржан-2 (вторая половина VII в. до н. э.). Судя по расположению фигурок на переднем бруске, гривна носилась в одном положении, и поэтому, вероятно, знак «читался» только как «М». Он напоминает два горба верблюда-бактриана. Очевидно, что знак не являлся орнаментом, не предназначался для украшения гривны, так как нанесен на тыльной стороне и достаточно неаккуратно на фоне высокохудожественного рельефного декора самой гривны. На скалах среди петроглифов Тувы аналогичные знаки также встречаются (Дэвлет, 1976: 52, табл. 9, камень 198; 1980: 127, табл. 24, камень 134). Интересно, что в тувинском этнографическом материале есть орнамент (табл. 1, элемент 52), называемый *теве мөгени* (горб верблюда), или *тевениң ийи мөгени* (два горба верблюда) (Адыг-Тюлюш, 2017: 75, 93).

Судя по находкам из кургана Аржан-2, двугорбый верблюд хорошо знаком и значим для погребенных. 16 верблюдов изображены в первом ряду рельефного декора самой гривны (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017: 39, табл. 4–1). По одному верблуду есть в рельефных изображениях животных на стержнях золотых шпилек, найденных у головы царицы (там же: 58, табл. 55; 59, табл. 56). В кургане найдены также три литые бронзовые кольцевидные пронизи в виде головы верблюда (там же: 115, табл. 142–1, 142–2, 142–3). Изображения верблюдов есть среди петроглифов на облицовочных плитах, найденных в кургане (там же: 135, рис. 112–3; 138, рис. 116–2; 139, рис. 118–4). Результаты анализа волокон текстильных находок кургана показали, что одним из распространенных материалов для изготовления одежды элитных слоев общества и ковров скифского времени была шерсть двугорбого верблюда (там же: 213, табл. XI).

Как видно, в кургане найдено много предметов, так или иначе, связанных с верблюдом и демонстрирующих значение этого животного для представителей царского клана или племени в целом. Вообще, образ верблюда занимает достойное место в искусстве скифо-сибирского звериного стиля, что очень подробно рассматривается в исследовании Е. Ф. Корольковой (Королькова, 2006: 84–104, табл. 50–57). По тому, какое значение ему придавали древние кочевники Евразии, верблюд вполне мог быть тотемным животным (Ямаева, 2004: 19–20) элитного скифского клана, представители которых погребены в кургане. Парциальные изображения, отражающие магический принцип «часть вместо целого», т. е. часть заменяет целое, хорошо представлены в искусстве ираноязычных народов в I тыс. до н. э., когда животное изображалось не целиком, а только отдельная его часть — голова или копыто коня, клюв или глаз орла и т. д. (Кузьмина, 1979: 43).

Кроме отдельных тамг, в традиционном и современном тамгопользовании сохранились также некоторые скифские тамгообразующие и видоизменяющие элементы. Об общем для скифского и тувинского тамгопользования способе образования тамг путем вписывания знаков в круг мы уже упомянули. Отдельными элементами, сохранившимися по сей день продуктивно в тамгообразовании, являются *роговидное ответвление* (десятая строка *таблицы 1*) и *прямая черта* (ср. табл. 1, элемент 43 и 7).

Таблица 1. Сравнительная таблица скифских, тувинских традиционных и современных тамг.

Прорисовка Ч. Г. Ондар

Table 1. A comparative view of Scythian and Tuvan traditional and contemporary tamgas. Sketched by Ch. G. Ondar.

№	Скифская тамга (IX–III вв. до н. э.)	Традиционная тамга тувинцев	Современная тамга тувинцев
1	1 2	3 4 5 6	7 8 9 10 11
2	12 13	14 15 16 17	
3	18 ¹	19 20	21
4	22 23 24 25 26	27 28 29	30
5	31	32 33 34	35 36 37
6	38 39	40	41
7	42 43 44 ²	45	
8	46	47 48	49
9	50 51	52	
10	53 ³	54 55 56	57
11	58	59 60	61

¹ См.: Семенов и др., 2003: 63, рис. 68.

² См.: там же: 63, рис. 68.

³ См.: там же: 67, рис. 73, элемент 8.

Влияние скифо-сибирского звериного стиля можно считать в целом важным аспектом тувинского тамгообразования (одиннадцатая строка таблицы 1). На это, в частности, указывает наличие определенного количества традиционных зооморфных тамг (рис. 2, элементы 1, 3 и 12), а также современной тамги в виде головы лошади (табл. 1, элемент 61).

Заклучение

Таким образом, традиция тамгопользования народов, населявших территорию современной Тувы, восходит к эпохе ранних кочевников. Большое количество разновременных археологических памятников с тамгами и распространенность тамг в современной Туве свидетельствуют об устойчивой социально-экономической, и прежде всего культурной значимости явления тамгопользования для кочевых народов. Несмотря на отсутствие в современных реалиях острой практической необходимости в тамгах, тувинцы сохраняют тамгопользование как культурный элемент, хотя и в гораздо меньшем масштабе, чем раньше, в начале XX в. В современной Туве тамгопользование связано в основном с таврением лошадей.

Можно отметить некоторую устойчивость форм тамговых знаков, почти все базовые традиционные тувинские тамги имеют аналогии со скифскими. Помимо основной формы, также устойчиво сохраняются некоторые дополнительные тамгообразующие элементы. Несмотря на это, семантика некоторых тамг, вероятно, меняется. Значительное влияние на традиционное тамгопользование и тамгообразование оказали появление письменности и советская политика.

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность уважаемым животноводам Монгушу Роману Михайловичу, Монгушу Чуку Хураган-ооловичу, Чигжиту Хулера-оолу Геннадиевичу, Норбу Михаилу Ховалыговичу, Донгаку Александру Байысклановичу, Тондупу Андрею Опей-ооловичу, Монгушу Агъжыку Андреевичу, Хунай-оолу Алим Олеговичу, Сату Семену Сергеевичу, Бархоо Хат-Батору Сергеевичу, Тумату Оюн-оолу Осур-ооловичу, Ооржаку Эрес-оолу Шактаржаповичу за консультации по традиционному и современному тамгопользованию тувинцев, а также Монгуш Александре Бюрбюевне за предоставленные материалы, Монгушу Яну Айсеновичу за помощь в прорисовке тамг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адрианов, А. В. (1886) Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником А. В. Адриановым. СПб. 423 с.
- Адыг-Тюлюш, Л. С. (2017) Тыва чоннуң угулзалары, хээлери [Орнаменты тувинского народа]. Новосибирск : б. и. 180 с.
- Батманов, И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. (1962) Современная и древняя енисеика. Фрунзе : Издательство Академии наук Киргизской ССР. 249 с.
- Богатырев, Н. Г. (1942) О тувинских памятниках древности // Под знаменем Ленина — Сталина. № 2. С. 97–104.
- Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинцев / отв. ред. С. Г. Кляшторный. М. : Наука. 314 с.
- Вайнштейн, С. И. (1974) История народного искусства Тувы / отв. ред. С. В. Иванов. М. : Наука. 224 с.
- Васильев, Д. Д. (1983) Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея / отв. ред. С. Г. Кляшторный. Л. : Наука. 128 с.
- Васильев Д. Д. (2015) Древнетюркские надписи и петроглифы Южной Сибири как источник по истории периферии Тюркского каганата // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Мат-лы международной научной конференции. Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г. / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск : Изд-во «Оттиск». 504 с. С. 361–366.
- Грач, А. Д. (1968) Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии / ред. коллегия: А. В. Виноградов и др. М. : Наука. 368 с. С. 207–213.
- Даржа, В. Ч. (2003) Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников / отв. ред. Г. Н. Курбатский. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 184 с.
- Донгак, С. Ч. (2010) Некоторые аспекты изучения тувинских тамг // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов : сборник научных трудов / отв. ред. Э. П. Бакаева. Элиста : КИГИ РАН. Вып. II. 207 с. С. 151–157.

- Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы в конце XIX — начале XX вв. М. : АН СССР. 608 с.
- Дэвлет, М. А. (1976) Петроглифы Улуг-Хема / отв. ред. В. В. Волков. М. : Наука. 120 с.
- Дэвлет, М. А. (1980) Петроглифы Мугур-Саргола / отв. ред. В. В. Волков. М. : Наука. 271 с.
- Дэвлет, М. А. (1996) Петроглифы Енисея. История изучения (XVIII — начало XX вв.) М. : ИА РАН. 249 с.
- Дэвлет, М. А. (1998) Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага) / отв. ред. В. В. Волков. М. : Памятники исторической мысли. 287 с.
- Дэвлет, М. А. (2004) Каменный «компас» в Саянском каньоне Енисея. М. : Научный мир. 88 с.
- Дэвлет, М. А. (2009) Мозага-Комужап — памятник наскального искусства в зоне затопления Саянской ГЭС / отв. ред. М. Ф. Косарев. М. : Институт археологии РАН. 216 с.
- История Тувы (2007) : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. 2. 427 с.
- История Тувы (2016) : в 3 т. / под общ. ред. Н. М. Моллерова. Новосибирск : Наука. Т. 3. 451 с.
- Катанов, Н. Ф. (2011) Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году. / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл : Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого ; Тув. ин-т гуманитарных исследований. 384 с.
- Китова, Л. Ю. (2007) Семантика знака копыта на тагарской бронзе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии : сборник научных трудов / отв. ред. А. А. Тишкин. Вып. 3. Барнаул : Азбука. 156 с. С. 28–30.
- Кляшторный, С. Г. (1980) Руническая надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока / отв. ред. В. А. Ромодин. М. : Наука. Т. XXII. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. 278 с. С. 90–102.
- Кормушин, И. В. (1997) Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М. : Наука. 303 с.
- Королькова, Е. Ф. (2006) Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). СПб. : Петербургское Востоковедение. 272 с.
- Кочеев, В. А. (1994) Знаки на стрелах (К вопросу о назначении тамгообразных знаков на костяных наконечниках стрел из курганов Горного Алтая скифского времени) // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая / отв. ред. В. Н. Елин. Горно-Алтайск : Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай. 117 с. С. 57–59.
- Кубарев, В. Д. (2007) Калбак-таш II: памятник наскального искусства Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2007 г. / отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. Т. XIII. 524 с. С. 282–287.
- Кубарев, В. Д. (1979) Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. А. П. Погожева. Новосибирск : Наука. 237 с. С. 135–160.
- Кубарев, В. Д. (1987) Курганы Уландрыка / отв. ред. В. Е. Медведев. Новосибирск : Институт истории, филологии и философии СО РАН. 300 с.
- Кузьмина, Е. Е. (1979) Древнеиранские и переднеазиатские элементы в искусстве ираноязычных народов первой половины I тыс. до н. э. // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции «Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен / отв. ред. Р. М. Поликарпова. М. : Советский художник. 96 с. С. 42–45.
- Кызласов, Л. Р. (1960) Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. № 3. С. 93–120.
- Кызласов, Л. Р. (1977) «Древнетюркские» неурядицы // Советская тюркология. № 5. С. 44–46.
- Кызласов, Л. Р., Леонтьев, Н. В. (1980) Народные рисунки хакасов / ред. Л. С. Ефимова. М. : Наука. 176 с.
- Монгуш, Б. Б. (2015a) Бээзи кожууннунуң 17 сумуларының таңмалары [Тамги 17 сумонов Бейсэ хошуна] // Төөгүге даянмышаан — келир үеже (Бээзи кожууннунуң 260 болгаш Хемчик кожууннунуң 250 чыл оюнга тураскааткан эртем-практиктиг конференцияларның материалдары. 2014 чылдың октябрь 24, 2015 чылдың апрель 29) [Опираясь на исторические знания — в будущее: Мат-лы научно-практических конференций, посвященных 260-летию Бэйсе хошуна и 250-летию Хемчикского хошуна. 24 октября 2014 г., 29 апреля 2015 г.] / отв. ред. С. М. Орус-оол. Кызыл : ОАО «Тываполиграф». 188 с. С. 13–16.
- Монгуш, Б. Б. (2015b) Хемчик кожууннунуң 10 сумуларының таңмалары [Тамги 10 сумонов Хемчикского хошуна] // Төөгүге даянмышаан — келир үеже (Бээзи кожууннунуң 260 болгаш Хемчик кожууннунуң 250 чыл оюнга ту-

раскааткан эртем-практиктиг конференцияларның материалдары. 2014 чылдың октябрь 24, 2015 чылдың апрель 29) [Опираясь на исторические знания — в будущее: Мат-лы научно-практических конференций, посвященных 260-летию Бэйсе хошуна и 250-летию Хемчикского хошуна. 24 октября 2014 г., 29 апреля 2015 г.] / отв. ред. отв. ред. С. М. Орус-оол. Кызыл : ОАО «Тываполиграф». 188 с. С. 105–107.

Николаева, Т. В. (1983) Изображения на плитах оград тагарской культуры (методика и хронология) : дисс. ... к. и. н. Кемерово. 241 с.

Панкова, С. В. (2008) «Фигуры-лопасти» на таштыкских изображениях лошадей // Тропой тысячелетий [Сборник к юбилею М.А. Дэвлет] / под. ред. Д. Г. Савинова, О. С. Советова. Кемерово : Кузбассвузиздат. Вып. IV. 188 с. С. 106–114.

Полторацкая, В. Н. (1962) Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // Археологический сборник / под. ред. М. И. Артамонова. Л. : б. и. Вып. 5. 124 с. С. 76–90.

Радлов, В. В. (1905) Опыт словаря тюркских наречий / СПб. : ИАН. Т. 3. 1204 с.

Рогожинский, А. Е. (2016) Знаки собственности и власти древних и средневековых обитателей Казахской степи // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции / под ред. В. В. Боброва. Кемерово : Кузбассвузиздат. 360 с. С. 53–63.

Руденко, С. И. (1952) Горноалтайские находки и скифы. М. – Л. : Изд-во АН СССР. 268 с.

Рыгдалон, Э. Р. (1959) Писаницы близ оз. Шира // Советская археология. М. : АН СССР. № XXIX-XXX. 407 с. С. 186-202.

Савинов, Д. Г. (1976) К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху / отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово : б. и. 118 с. С. 57–72.

Савинов, Д. Г. (1994) Развитие стиля изображений на плитах курганов тагарской культуры // Проблемы археологии / отв. ред. В. М. Массон. СПб. : СПбГУ. Вып. 3. 184 с. С. 123–136.

Семенов, Вл. А., Килуновская, М. Е., Красниенко, С. В., Субботин, А. В. (2003) Изображения на плитах тагарских курганов / отв. ред. В. М. Массон. СПб. : ИИМК РАН. 122 с.

Тамги доисламской Центральной Азии (2019) / рук. проекта Д. А. Воякин. Самарканд : МИЦАИ. 452 с.

Тишин, В. В. (2018) Некоторые вопросы изучения тамг кочевников Центральной Азии древнетюркского времени // Труды Института востоковедения РАН / отв. ред. Д. Д. Васильев. М. : Институт востоковедения РАН. № 7. 268 с. С. 101–113.

Тюлюш, А. Ч. (2014) Традиция тамгапользования у тюркских народов (тувинцев) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 8–1. С. 78–80.

Тюлюш, А. Ч. (2015) Типология родовых тамг у тувинцев // Известия Алтайского государственного университета. Алтайский государственный университет. (Барнаул): Вып. Исторические науки и Археология. № 4–2 (88). С. 202–206.

Тюлюш, А. Ч. (2016) История бытования тамговых знаков у тюрков Саяно-Алтая // Вестник Томского государственного университета. № 411. С. 158–164. DOI: www.doi.org/10.17223/15617793/411/21

Чадамба, Л. Д. (2009) Современное состояние памятника наскального искусства Малый Баян-Кол (Республика Тува) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. С. 197–209. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/639> (дата обращения: 12.09.2020)

Черемисин, Д. В. (2002) Исследование наскальных изображений долины реки Чаганка (Алтай) в 2001 г. // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. 4. С. 12–16.

Черемисин, Д. В. (2004) Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. № 1 (17). С. 40–51.

Членова, Н. Л. (2000) Олени, кони и копыта (О связях Монголии, Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху) // Российская археология. № 1. С. 90–106.

Чугунов, К. В., Парцингер, Г., Наглер, А. (2017) Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. 500 с.

Щербак, А. М. (2001) Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. СПб. : Наука. 147 с.

Ямаева, Е. Я. (2004) Родовые тамги алтайских тюрков XIX–XX вв. Горно-Алтайск : б. и. 56 с.

Яценко, С. А. (2001) Знаки-тамги ираноязычных народов древности и средневековья / ред. изд. В. В. Волгина. М. : Восточная литература. 189 с.

Appelgren-Kivalo, H. (1931) *Alt-altaische Kunstdenkmäler*. Helsingfors. 120 p.

Čugunov, K. V., Parzinger, H., Nagler, A. (2006) *Der Goldschatz von Aržan. Ein Fürstengrab der Skythenzeit in der südsibirischen Steppe*. München. 144 s.

Čugunov, K., Parzinger, H., Nagler, A. (2010) *Der skythenzeitliche Fürstengrab Aržan 2 in Tuva*. Mainz : Philipp von Zabern. 330 s.

Дата поступления: 15.12.2020 г.

REFERENCES

Adrianov, A. V. (1886) *Puteshestvie na Altai i za Saiany, sovershennoe v 1881 g. po porucheniiu Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [A Journey to the Altai and beyond the Sayans, made in 1881 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society]* / Zapiski IRGO po obshchei geografii. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk, T. XI. 444 p. (In Russ.).

Adyg-Tiuliush, L. S. (2017) *Tuva chonnung ugulzalary, kheeleri [Ornaments of Tuvan people]*. Novosibirsk, s. n. 180 p. (In Tuv.).

Batmanov, I. A., Aragachi Z. B. and Babushkin G. F. (1962) *Sovremennaiia i drevniaia eniseika [Modern and ancient Yeniseika]*. Frunze, Izdatel'stvo Akademii nauk Kirgizskoi SSR. 249 p. (In Russ.).

Bogatyrev, N. G. (1942) *O tuvinskikh pamiatnikakh drevnosti [On Tuvan monuments of antiquity]*. *Pod znamenem Lenina — Stalina*, no. 2, pp. 97–104. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1972) *Istoricheskaia etnografiia tuvintsev. Problemy kochevogo khoziaistva [Historical ethnography of Tuvans. Problems of nomadic economy]*. Moscow, Nauka. 314 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1974) *Istoriia narodnogo iskusstva Tuvy [A history of folk art in Tuva]*. Moscow, Nauka. 223 p. (In Russ.).

Vasil'ev, D. D. (1983) *Korpus tiurkskikh runicheskikh pamiatnikov basseina Eniseia [The corpus of the Turkic Runic monuments of the Yenisei basin]* / ed. by S. G. Kliashtornyi. Leningrad, Nauka. 128 p. (In Russ.).

Vasil'ev, D. D. (2015) *Drevnetiurkskie nadpisi i petroglify Iuzhnoi Sibiri kak istochnik po istorii periferii Tiurkskogo kaganata [Ancient Turkic inscriptions and petroglyphs of Southern Siberia as a source on the history of the periphery of the Turkic Khaganate]*. In: *Aktual'nye voprosy arkhologii i etnologii Tsentral'noi Azii [Topical issues of Archaeology and Ethnology of Central Asia]*: Proceedings of the International Scientific Conference / ed. by Bazarov B. V. Irkutsk, Ottisk Publ. 504 p. Pp. 361–366. (In Russ.).

Grach, A. D. (1968) *Drevneishie tiurkskie pogrebeniia s sozhzheniem v Tsentral'noi Azii [The oldest Turkic fire burials in Central Asia]*. In: *Istoriia, arkhologiya i etnografiia Srednei Azii [History, archaeology and ethnography of Central Asia]* / editorial board: A. V. Vinogradov et al. Moscow, Nauka. 368 p. Pp. 207–213. (In Russ.).

Darzha, V. Ch. (2003) *Loshad' v traditsionnoi praktike tuvintsev-kochevnikov [The horse in the traditional practice of the Tuvan nomads]* / ed. by G. N. Kurbatskii. Kyzyl, TUVIKOPR SO RAN. 184 p. (In Russ.).

Dongak, S. Ch. (2010) *Nekotorye aspekty izucheniia tuvinskikh tamg [Some aspects of the study of Tuvan Tamgs]*. In: *Problemy etnicheskoi istorii i kul'tury tiurko-mongol'skikh narodov [Problems of ethnic history and culture of the Turkic-Mongolian peoples]: a collection of articles* / ed. by E. P. Bakaeva. Elista, KIGI RAN. Vol. II. 207 p. Pp. 151–157. (In Russ.).

Dulov, V. I. (1956) *Sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia Tuvy. XIX — nachalo XX v. [The socio-economic history of Tuva: 19th — early 20th centuries]*. Moscow, Akademia nauk SSSR Publ. 608 p. (In Russ.).

Devlet, M. A. (1976) *Petroglify Ulug-Khema [Petroglyphs of Ulug-Khem]* / ed. by V. V. Volkov. Moscow, Nauka. 120 p. (In Russ.).

Devlet, M. A. (1980) *Petroglify Mugur-Sargola [Petroglyphs of Mugur-Sargol]* / ed. by V. V. Volkov. Moscow, Nauka. 271 p. (In Russ.).

Devlet, M. A. (1996) *Petroglify Eniseia. Istoriia izucheniia (XVIII — nachalo XX vv.) [Petroglyphs of the Yenisei: History of studying, 18th to early 20th centuries]*. Moscow, IA RAN. 249 p. (In Russ.).

Devlet, M. A. (1998) *Petroglify na dne Saianskogo moria (gora Aldy-Mozaga) [Petroglyphs at the bottom of the Sayan Sea (Mount Aldy-Mozaga)]* / ed. by V. V. Volkov. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli. 287 p. (In Russ.).

Devlet, M. A. (2004) *Kamennyi «kompas» v Saianskom kan'one Eniseia [A stone “compass” in the Sayan canyon of the Yenisei]*. Moscow, Nauchnyi mir. 88 p. (In Russ.).

Devlet, M. A. (2009) *Mozaga-Komuzhap — pamiatnik naskal'nogo iskusstva v zone zatopleniia Saianskoi GES [Mozaga-Komuzhap, a monument of rock art in the floodzone the Sayan hydro power plant]* / ed. by M. F. Kosarev. Moscow, Institut arkhologii RAN. 216 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2016): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 455 p. (In Russ.).

Katanov, N. F. (2011) *Ocherki uriankhaiskoi zemli. Dnevnik puteshestviia, ispolnennogo v 1889 godu* [Essays on the Uriankhai territory. Diary of a journey made in 1889]. Preparation of the manuscript for printing, introduction and commentary by A. K. Kuzhuget. Kyzyl : TIGPI pri Pravitel'stve RT. 383 p. (In Russ.).

Kitova, L. Yu. (2007) Semantika znaka kopyta na tagarskoi bronze [Semantics of the hoof sign on Tagar bronze]. In: *Kamennaia skul'ptura i melkaia plastika drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii* [Stone sculpture and small statuary among ancient and medieval peoples of Eurasia] : a collection of articles / ed. by A. A. Tishkin. Vol. 3. Barnaul, Azbuka. 156 p. Pp. 28–30. (In Russ.).

Kliashornyi, S. G. (1980) Runicheskaia nadpis' na kamennom izvaianii iz Choirena [A runic inscription on a stone statue from Choiren]. In: *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East] / ed. by V. A. Romodin. Moscow, Nauka. Vol. XXII. *Sredniia i Tsentral'naia Aziia. Geografiia, etnografiia, istoriia* [Central Asia. Geography, ethnography, history]. 278 p. Pp. 90–102. (In Russ.).

Kormushin, I. V. (1997) *Tiurkskie eniseiskie epitafii. Teksty i issledovaniia* [Turkic epitaphs of the Yenisei area. Texts and studies], ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 303 p. (In Russ.).

Korol'kova, E. F. (2006) *Zverinyi stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuiu epokhu (VII–IV vv. do n. e.)* [The Animal style in Eurasia. Art of the tribes of the Lower Volga Region and the Southern Urals in the Scythian era, 7th to 4th c. BC]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 272 p. (In Russ.).

Kocheev, V. A. (1994) Znaki na strelakh (K voprosu o naznachenii tamgoobraznykh znakov na kostianykh nakonechnikakh strel iz kurganov Gornogo Altaia skifskogo vremeni) [Signs on arrows: The purpose of tamga-like signs on bone arrowheads from the mounds of the Gorny Altai of the Scythian time]. In: *Problemy izucheniia kul'turno-istoricheskogo naslediiia Altaia* [Problems of studying the cultural and historical heritage of the Altai] / ed. by V. N. Elin. Gorno-Altai, Agentstvo po kul'turno-istoricheskomu naslediiu Respubliki Altai. 117 p. Pp. 57–59. (In Russ.).

Kubarev, V. D. (2007) Kalbak-tash II: pamiatnik naskal'nogo iskusstva Altaia [Kalbak-Tash II: a monument of rock art of the Altai]. In: *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Proceedings of the Annual Session of the IAET SB RAS 2007 / ed. by A. P. Derevianko and V. I. Molodin. Novosibirsk, Izd-vo Instituta arkhologii i etnografii SO RAN. Vol. XIII. 524 p. Pp. 282–287. (In Russ.).

Kubarev, V. D. (1979) Novye svedeniia o drevnetiurkskikh ogradkakh Vostochnogo Altaia [New information about the ancient Turkic fencelets in the Eastern Altai]. In: *Novoe v arkhologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [New discoveries in the Archeology of Siberia and the Far East] / ed. by A. P. Pogozhev. Novosibirsk, Nauka. 237 p. Pp. 135–160. (In Russ.).

Kuz'mina, E. E. (1979) Drevneiranskie i peredneaziatskie elementy v iskusstve iranoiazychnykh narodov pervoi poloviny I tys. do n. e. [Ancient Iranian and Near-Asian elements in the art of the Iranian-speaking peoples of the first half of the 1st millennium BC]. In: *Tezisy dokladov III Vsesoiuznoi konferentsii «Iskusstvo i arkhologiya Irana i ego sviaz' s iskusstvom narodov SSSR s drevneishikh vremen»* [Paper abstracts of the 3rd All-Union Conference “Art and Archeology of Iran in its connection with the art of the peoples of the USSR since ancient times”] / ed. by R. M. Polikarpov. Moscow, Sovetskii khudozhnik. 96 p. Pp. 42–45. (In Russ.).

Kubarev, V. D. (1987) *Kurgany Ulandryka* [The Kurgans of Ulandryk] / ed. by V. E. Medvedev. Novosibirsk, Institut istorii, filologii i filosofii SO RAN. 300 ps. (In Russ.).

Kyzlasov, L. R. (1977) «Drevnetiurkskie» neuriaditsy [“Ancient Turkic” turmoil]. *Sovetskaia tiurkologiya*, no. 5, pp. 44–46. (In Russ.).

Kyzlasov, L. R. (1960) Novaia datirovka pamiatnikov eniseiskoi pis'mennosti [A new dating of texts in the Yenisei script]. *Sovetskaia arkhologiya*, no. 3, pp. 93–120. (In Russ.).

Kyzlasov, L. R. and Leont'ev, N. V. (1980) *Narodnye risunki khakasov* [Folk drawings of the Khakass] / ed. by L. S. Efimova. Moscow, Nauka. 176 p. (In Russ.).

Mongush, B. B. (2015a) Beezi kozhuunnung 17 sumularynyng tangmalary [Tamgas of 17 sumans of Beise Khozhun]. In: *Töögüge daiannyshaan — kelir üezhe* [With the aid on historical knowledge, into the future]: Proceedings of research conferences dedicated to the 260th anniversary of Beise Khozhun and the 250th anniversary of Khemchik khoshun. October 24, 2014, April 29, 2015 / ed. by S. M. Orus-ool. Kyzyl, OAO «Tyvapoligraf». 188 p. Pp. 13–16. (In Tuv.).

Mongush, B. B. (2015b) Khemchik kozhuunnung 10 sumularynyng tangmalary [Tamgas of 10 sumans of Basee Khoshun]. In: *Töögüge daiannyshaan — kelir üezhe* [Relying on historical knowledge-into the future]: Proceedings of research conferences dedicated to the 260th anniversary of Beise Khozhun and the 250th anniversary of Khemchik khoshun. October 24, 2014, April 29, 2015 / ed. by S. M. Orus-ool. Kyzyl, OAO «Tyvapoligraf». 188 p. Pp. 105–107. (In Tuv.).

Nikolaeva, T. V. (1983) *Izobrazheniia na plitakh ograd tagarskoi kul'tury (metodika i khronologiya)* [Image on the plates of the fences of the Tagar culture: methodology and chronology]: Diss. ... Candidate of History. Kemerovo. 241 p. (In Russ.).

Pankova, S. V. (2008) «Figury-lopasti» na tashtytskikh izobrazheniiakh loshadei [“Bladed figures on Tashtyk horse imagery]. In: *Tropoiu tysiacheletii [A millennia-old trail]: A collection for the anniversary of M. A. Devlet* / ed. by D. G. Savinova and O. S. Sovetova. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat. Vol. IV. 188 p. Pp. 106–114. (In Russ.).

Poltoratskaia, V. N. (1962) Znaki na predmetakh iz kurganov epokhi rannikh kochevnikov v Gornom Altae [Signs on objects from the mounds of the early Nomad era in the Altai Mountains]. In: *Arkheologicheskii sbornik [Archaeological collection]* / ed. by M. I. Artamonova. Leningrad, s. n. Vol. 5. 124 p. Pp. 76–90. (In Russ.).

Radlov, V. V. (1905) *Opyt slovarya tyurkskikh narechii [An attempt at a dictionary of Turkic dialects]*. In 4 vols. St. Petersburg, Imperial Acad. of Sc. Vol. III. 2203 columns. (In Turkic).

Rogozhinskii, A. E. (2016) Znaki sobstvennosti i vlasti drevnikh i srednevekovykh obitatelei Kazakhskoi stepi [Signs of ownership and power among ancient and medieval inhabitants of the Kazakh steppe]. In: *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentral'noi Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniia) [Archaeological heritage of Siberia and Central Asia: problems of interpretation and preservation]*: Proceedings of an international conference / ed. by V. V. Bobrov. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat. 360 p. Pp. 53–63. (In Russ.).

Rudenko, S. I. (1952) *Gornoaltaiskie nakhodki i skify [The Gorny Altai finds and the Scythians]*. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR. 268 p. (In Russ.).

Rygdalon, E. R. (1959) Pisanitsy bliz oz. Shira [Petroglyphs near Lake Shira]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. XXIX–XXX, pp. 186–202. (In Russ.).

Savinov, D. G. (1976) K voprosu o khronologii i semantike izobrazhenii na plitakh ograd tagarskikh kurganov (po materialam mogil'nikov u gory Turan) [On chronology and semantics of imagery on the plates of the fences of Tagar mounds: the case of burial grounds near Mount Turan]. In: *Iuzhnaia Sibir' v skifo-sarmatskuiu epokhu [Southern Siberia in the Scythian-Sarmatian era]* / ed. by A. I. Martynov. Kemerovo, s. n. 118 p. Pp. 57–72. (In Russ.).

Savinov, D. G. (1994) Razvitie stilia izobrazhenii na plitakh kurganov tagarskoi kul'tury [The development of the style of imagery on the plates of the Tagar culture mounds]. In: *Problemy arkheologii [Problems of Archeology]* / ed. by V. M. Masson. St. Petersburg, SPbGU. Vol. 3. 184 p. Pp. 123–136. (In Russ.).

Semenov, V. A., Kilunovskaia, M. E., Krasnienko, S. V. and Subbotin, A. V. (2003) *Izobrazheniia na plitakh tagarskikh kurganov [Imagery on the plates of Tagarsky mounds]* / ed. by V. M. Masson. St. Petersburg, IIMK RAN. 122 p. (In Russ.).

Tamgi doislamskoi Tsentral'noi Azii [Tamgas of pre-Islamic Central Asia] (2019) / head D. A. Voiakin. Samarkand, MITSAI. 452 p. (In Russ.).

Tishin, V. V. (2018) Nekotorye voprosy izucheniia tamg kochevnikov Tsentral'noi Azii drevnetiurkskogo vremeni [Some problems in the study of tamgas of the Old Turkic Central Asia]. In: *Trudy Instituta vostokovedeniia RAN [Proceedings of the Institute of Oriental studies, RAS]* / ed. by D. D. Vasil'ev. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN. № 7. 268 p. Pp. 101–113. (In Russ.).

Tyulyush, A. Ch. (2014) Traditsiia tamgapol'zovaniia u tiurkskikh narodov (tuvintsev) [The tradition of tamga use among Turkic peoples: the case of Tuvans]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 8–1, pp. 78–80. (In Russ.).

Tyulyush, A. Ch. (2015) Tipologiya rodovykh tamg u tuvintsev [Typology of Tuvan family tamgas]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Altaiskii gosudarstvennyi universitet. Vol. Istoricheskie nauki i Arkheologiya*, no. 4–2 (88), pp. 202–206. (In Russ.).

Tyulyush A. Ch. (2016) Istoriiia bytovaniia tamgovykh znakov u tiurkov Saiano-Altai [The history of tamga signs among the Turkic peoples of the Sayan-Altai]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 411, pp. 158–164. (In Russ.). DOI: [www.doi.org/10.17223/15617793/411/21](https://doi.org/10.17223/15617793/411/21)

Chadamba, L. D. (2009) Sovremennoe sostoianie pamiatnika naskal'nogo iskusstva Malyi Baian-Kol (Respublika Tuva) [The current state of petrographic relics in Maly Baian-Kol, Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 197–209 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/639> (access date: 12.09.2020) (In Russ.).

Cheremisin, D. V. (2002) Issledovanie naskal'nykh izobrazhenii doliny reki Chaganka (Altai) v 2001 g. [The study of rock paintings of the Chaganka River valley (Altai) in 2001]. *Vestnik Sibirskoi assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva*, vol. 4, pp. 12–16. (In Russ.).

Cheremisin, D. V. (2004) Rezul'taty noveishikh issledovaniy petroglifov drevnetiurkskoi epokhi na iugo-vostoke Rossiiskogo Altaia [The outcomes of the latest research on petroglyphs of the Ancient Turkic era in the south-east of the Russian Altai]. *Arkheologiya, etnografiia, antropologiya Evrazii*, no. 1 (17), pp. 40–51. (In Russ.).

Chlenova, N. L. (2000) Oleni, koni i kopyta (O svyaziakh Mongolii, Kazakhstana i Srednei Azii v skifskuiu epokhu) [Deer, horses and hooves: on the links between Mongolia, Kazakhstan and Central Asia in the Scythian era]. *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 1, pp. 90–106. (In Russ.).

Chugunov, K. V., Partsinger G. and Nagler A. (2017) *Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve [Arzhan II, the princely mound of the Scythian time in Tuva]*. Novosibirsk, IAET SO RAN. 500 p. (In Russ.).

Shcherbak, A. M. (2001) *Tiurkskaia runika. Proiskhozhdenie drevneishei pis'mennosti tiurok, granitsy ee rasprostraneniia i osobennosti ispol'zovaniia [The Turkic runic: The origin of the oldest writing system of the Turks, the boundaries of its distribution and features of use]*. St. Petersburg, Nauka. 147 p. (In Russ.).

Iamaeva, E. Ya. (2004) *Rodovye tamgi altaiskikh tiurok XIX–XX vv. [Family tengeric tamgas of the 19th-20th century Turkic peoples of the Altai]*. Gorno-Altaiisk, s. n. 56 p. (In Russ.).

Yatsenko, S. A. (2001) *Znaki-tamgi iranioazychnykh narodov drevnosti i srednevekov'ia [The tamgas of the Iranian-speaking peoples in the antiquity and the Middle ages]* / ed. by V. V. Volgin. Moscow, Vostochnaia literatura. 189 p. (In Russ.).

Appelgren-Kivalo, H. (1931) *Alt-altaische Kunstdenkmäler*. Helsingfors. 120 p.

Čugunov, K.V., Parzinger, H. and Nagler, A. (2006) *Der Goldschatz von Aržan. Ein Fürstengrab der Skythenzeit in der südsibirischen Steppe*. München. 144 s.

Čugunov, K., Parzinger, H. and Nagler, A. (2010) *Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva*. Mainz, Philipp von Zabern. 330 s.

Submission date: 15.12.2020.

Реликты традиций скифского времени в погребальных обрядах тувинцев

Олег Б. Бубенок

*Институт востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины,
Украина*

Целью статьи является определение генезиса тех погребальных обрядов тувинцев, которые совпадают с описанием аналогичных традиций у древних скифов. Для сравнительного анализа впервые привлечены этнографические и археологические материалы с территорий не только близлежащих, но и значительно удаленных от Тувы.

Удалось установить, что погребальный обряд курганов скифского времени в Туве (Аржан-1 и Аржан-2) и на Алтае во многом похож на описанные Геродотом похороны у скифов, но не идентичен им. В средние века у тюркоязычных кочевников Центральной Азии, включая земли Тувы, продолжали бытовать «скифские» похоронные обряды. Даже в погребальных ритуалах тувинцев XVII–XX вв., хорошо изученных этнографами, продолжали сохраняться реликты древних традиций.

Древними элементами в традиционной похоронной церемонии тувинцев, уходящими своими корнями в доскифскую и скифскую эпохи, можно назвать: ритуальное оплакивание умершего; доставка покойного на деревянных санях или верхом на лошади; захоронение умершего в скорченном положении на боку; под голову покойнику клали подушку; обсыпание умершего зернами проса; деревянные конструкции внутри могилы; захоронение коня; сооружение кургана из камней; изготовление манекена или каменной стелы для изображения погребённого; после похорон поминальная трапеза и ритуальное очищение, и т. п. Вполне возможно, что к тувинцам эти традиции могли попасть от скифов через посредство древних хуннских и тюркских племен.

Делается вывод, что с древнейших времен территория Тувы входила в ареал формирования общей идеологии кочевников Евразии, связанной с погребальным культом. Именно консервативность кочевого образа жизни способствовала тому, что многие древние погребальные традиции смогли сохраниться у тувинцев вплоть до конца XX в.

Ключевые слова: тувинцы; Тува; погребальный обряд; похоронная церемония; погребальный культ; скифская эпоха; Аржан-1; Аржан-2; шаманист

Для цитирования:

Бубенок О. Б. Реликты традиций скифского времени в погребальных обрядах тувинцев // Новые исследования Тувы. 2021, № 1. С. 131-147. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.7>

Бубенок Олег Борисович — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Евразийской степи Института востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины. Адрес: 01001 Украина, г. Киев, ул. Грушевского, д. 4. Тел.: +380674238299. E-mail: helgebub@gmail.com

BUBENOK, Oleg Borisovich, Doctor of History, Professor, Head of the Eurasian Steppe Department, A. Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine. Postal address: 4, Grushevsky Street, 01001 Kiev, Ukraine. Tel.: +380674238299. E-mail: helgebub@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-0104-6081

Relics of the Traditions of the Scythian Time in Burial Rites of the Tuvans

Oleg B. Bubenok

*A. Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine,
Ukraine*

This article aims to determine the origin of those of the Tuvan burial rites which are similar to ancient Scythian traditions. For a comparative analysis, the author of this article used the ethnographic and archaeological materials from territories both adjacent to and distant from Tuva.

The author identified that the funeral rite of the Scythian barrows in Tuva (Arzhan I and Arzhan II), and also of those in the Altai, is similar (but not identical) in many details to the funeral ceremony of the Scythians as described by Herodotus. In the Middle Ages, the Turkic nomads of Central Asia, including the lands of Tuva, continued to have "Scythian" funeral rites. Vestiges of ancient traditions survived even in the burial rituals of shamanist Tuvans in the 17th – 20th centuries.

These ancient elements included the following: ritual mourning for the dead; delivery of the corpse on a wooden sleigh or on horseback to the burial place; burial of the deceased in a crouched position lying on their side; a pillow placed underneath the head; sprinkling the corpse with millet grains; wooden structures inside the grave; burial of a horse; in the recent past – erecting a mound of stones; making a mannequin or a stone stele in the image of the deceased; a memorial feast and ritual cleansing after the funeral ceremony, etc. These traditions could have made their way to the Tuvans from the Scythians through the ancient Hunnic and Turkic tribes.

Thus, we can see that since ancient times, the territory of Tuva was part of the area where Eurasian nomads developed their belief system, including the funeral cult. The conservatism of the nomadic way of life could help preserve many ancient burial traditions among the Tuvans until the end of the 20th century.

Keywords: Tuvans, Tuva; funeral rite; funeral ceremony; funeral cult; Scythian era; Arzhan I; Arzhan II; shamanist

For citation:

Bubenok O. B. Relics of the Traditions of the Scythian Time in Burial Rites of the Tuvans. *New Research of Tuva*, 2021, no. 1, pp. 131–147. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.7>

Введение

Погребальный обряд тувинцев представляет несомненный интерес для исследователей, ибо в похоронных традициях этого народа наблюдается не только влияние буддизма, но и языческих верований, которые отличаются особым консерватизмом. Не случайно традиционная культура тувинцев стала объектом исследований этнографов, археологов и фольклористов (Катанов, 1894: 128–130; Яковлев, 1900; Кон, 1936; Маннай-оол, 2004, 2010; Дьяконова, 1966: 56–80; 1975; Кенин-Лопсан, 1987: 77–88; Кисель, 2009а: 140–147; 2009б, 2010; Айыжы, 2017 и др.). Они неоднократно обращали внимание на то, что эти традиции уходят корнями в далёкое прошлое.

Так, В. П. Дьяконова одной из первых отметила, что подкурганые и впускные погребения тувинцев XVII–XIX вв. довольно часто содержали сопроводительные захоронения лошадей. В. П. Дьяконова видела в этом прямое заимствование от древних тюрков-тугю. Однако исследователь отметила отличия тувинского варианта: преимущественно впускной характер захоронений, отсутствие четко выраженных могильных ям, разнообразие в ориентировке погребенных, отказ от использования колод и гробов, размещение конского снаряжения отдельно от трупа лошади (Дьяконова, 1975: 151–156). Впоследствии археологические исследования в Туве, связанные с раскопками богатых погребальных курганных комплексов Аржан-1 и Аржан-2, позволили выявить истоки некоторых погребальных традиций тувинцев уже в скифской эпохе. На это одним из первых обратили внимание С. И. Вайнштейн и М. Б. Кенин-Лопсан. Так, М. Б. Кенин-Лопсан в своей монографии «Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX — начало XX в.» особо выделил следующие элементы обряда захоронения тувинского шамана: под голову клали вместо подушки камень; самого умершего укладывали на правый бок головой на Запад (Кенин-Лопсан, 1987: 88). Исследователь

поддержал мнение С. И. Вайнштейна, изложенное им в рукописи докторской диссертации еще в 1969 г. (Вайнштейн, 1969), что такие черты обряда могут восходить к традициям скифской эпохи (Кенин-Лопсан, 1987: 88).

М. Х. Маннай-оол предпринял попытку сравнительного анализа материальной культуры тувинцев и племен скифского времени. В результате он пришел к выводу, что «в наиболее консервативной области тувинской культуры — прикладном искусстве (резьба по камню и дереву, художественное литье), в некоторых мотивах и деталях орнаментики, традиционного костюма прослеживаются весьма древние истоки, восходящие к культуре местных племен скифского времени» (Маннай-оол, 2004: 35). Это позволило исследователю сделать вывод, что кроме тюркоязычных племен в этногенезе тувинцев принимали участие и другие этноязычные элементы. К ним он отнес племена скифского времени (там же: 142). Один из разделов его монографии так и называется: «Племена Тувы в скифское время (VIII–III вв. до н. э.) и образование этнического ядра тувинского народа» (там же: 21–35).

Что же касается проблемы скифского наследия в погребальных обрядах тувинцев, то следует особо выделить публикации В. А. Киселя. Так, одна из его статей даже называлась «Нетюркские элементы погребального обряда тувинцев» (Кисель, 2009а). В ней исследователь предложил считать наследием скифской эпохи традицию укладывать голову умершего на «подушку» (там же: 144). Данные вопросы были также подняты в монографии В. А. Киселя «Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII — начало XXI в.» (Кисель, 2009б). В ней, кроме уже отмеченной, исследователь выделил и другие традиции, по его мнению, уходящие корнями в далёкое прошлое: сопроводительные захоронения лошадей, установление надмогильных стел, обсыпание захоронения просом и т. п. (там же: 35, 36, 38, 47–48).

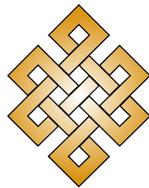
Картина была бы неполной без упоминания обобщающих работ других исследователей, посвященных древнему наследию в погребальных традициях народов Центральной Азии. Так, особо следует выделить статью А. В. Стручковой «Скифо-хуннские компоненты в ритуальных конструкциях и предметах бытового назначения из дерева у тюркоязычных народов Сибири» (Стручкова, 2016). Автор считает пережитком традиций скифского времени использование деревянных конструкций при погребении умершего, что до недавнего времени имело место у многих народов Сибири и Центральной Азии, включая тувинцев. Кроме того, исследователь выделила у тувинцев и их соседей пережитки «скифского звериного стиля», что проявилось, по ее мнению, в стилизации деревянных предметов в виде частей тела лошади (там же: 139–140, 142). Что касается последнего утверждения, то В. А. Кореняко в своей монографии, специально посвященной этой проблеме, опроверг его (Кореняко, 2002: 132–133). В заключительной части работы он отметил: «Сопоставление полнофигурных анималистических изображений двух эпох позволило установить, что между образцами скифо-сибирского звериного стиля и “этнографического” искусства гораздо больше различий, чем черт сходства» (там же: 146). В этом он видит проявление конвергенции, а не преемственности.

Как видим, сравнительный анализ похоронных обрядов тувинцев с данными о погребальных традициях других народов Евразийской степи скифского времени может являться довольно перспективным и заслуживает отдельного исследования.

Поэтому целью статьи является определение генезиса тех погребальных обрядов тувинцев, которые совпадают с описанием аналогичных традиций у древних скифов и других народов зоны Евразийской степи. Это предполагает решение следующих задач: выявление тех погребальных обрядов тувинцев и их соседей, которые действительно находят аналогии у скифов; объяснение символического смысла этих ритуальных действий; определение путей проникновения этих обрядов в среду тувинцев и их соседей во временном и пространственном контексте и т. п.

В соответствии с перечнем поставленных задач основным является метод этнографических параллелей. Методологической основой работы стали концепции представителей диффузионистского направления в культурной антропологии (Frobenius, 1909; Graebner, 1905), а также идеи историков-евразийцев (Вернадский, 1934; Гумилев 1989). В основу исследования также положена собственная концепция автора статьи о возникновении комплекса погребальных обрядов в древнее время в одном месте и дальнейшем распространении их на просторах Евразии в результате передвижений кочевников (Bubenok, 2002, 2012). Поэтому для проверки правильности этой концепции особое значение имеет привлечение тувинского материала.

Особое внимание автор исследования сосредоточил на таком феномене как «погребальные традиции». Обычно под погребальными традициями подразумевают систему норм и правил поведения

при захоронении умершего, которые имеют связь с представлениями о загробной жизни и передаются из поколения в поколение. Однако опыт показывает, что довольно часто религия, как идеологическая надстройка, меняется, а похоронные обряды продолжают сохраняться. При этом в новых условиях им придается новое содержание, весьма отличное от первоначального.

Поэтому автор статьи вполне согласен с выводом А. В. Вертиенко: «Запрограммированное традицией воспроизведение обрядов в неизменном виде базируется на вариативности, что обеспечивает возможность приспособлять тот или иной обряд к конкретным обстоятельствам его проведения или связано с характером (фактором) смерти погребенных... Подобные варианты ни в коем случае не свидетельствуют о результате разрушения традиций, или их забывания, а, наоборот, варьирование является необходимым условием существования обрядовой традиции» (Вертиенко, 2007: 4).

Автор статьи впервые привлек для сравнительного анализа этнографические и археологические материалы, собранные в XX — начале XXI в. на территориях не только близлежащих, но и значительно удаленных от Тувы (Восточная Европа, Северный Кавказ, Средняя Азия), а также данные письменных источников. Это и составляет научную новизну исследования. Новизной и нестандартностью отличается и сама постановка вопроса — скифское наследие в погребально-поминальных традициях тувинцев.

Похоронные обряды кочевников Тувы и Алтая в скифскую эпоху и средневековье

Проблема скифского наследия в погребальной обрядности очень актуальна для Тувы. В связи с этим следует акцентировать внимание на том, что в Туве М. П. Грязновым был исследован курган Аржан-1, который был частично ограблен. Аржан-1 представлял собой погребальный комплекс, совершенный под каменной кладкой кургана. Это была гробница «царя» с элементами погребального обряда, который был похож на скифский, описанный Геродотом: захоронение «царя» и «царицы» были расположены в центре; вокруг них обнаружены погребения семи старцев и одного юноши с шестью конями; в отдалении от центральной могилы были захоронены еще всадники с лошадьми; общее количество сопровождающих умершего «царя» и его «жену» достигает 15 человек. Рядом с центральной могилкой «царя» были захоронены почти 160 коней; в шести срубах с южной и восточной стороны были погребены отдельно по 30 и 15 верховых коней в каждом и три коня отдельно между срубами. М. П. Грязнов датировал курган Аржан VIII–VII вв. до н. э. (Грязнов, 1980: 45–59). Однако Л. Р. Кызласов датировал курган Аржан VII–VI вв. до н. э. (Кызласов, 1979: 35–41). По мнению авторов коллективной монографии «Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология», курган Аржан корректней датировать «приблизительно 800 г. до н. э.» (Евразия в скифскую..., 2005: 215).

Спустя некоторое время был исследован погребальный обряд находящегося недалеко кургана Аржан-2, раскопки которого проводились в 1998–2003 гг. Как оказалось, курган не был ограблен. Под каменной насыпью были обнаружены 10 основных захоронений и несколько впускных могил. Центральным оказалось неограбленное погребение № 5 или могила «царя» и женщины в погребальной камере с двойными стенами из бревен. Головы погребенных, по мнению исследователей памятника, первоначально находились на подушках из органического материала. Погребенные лежали на левом боку в слегка скорченном положении головами на северо-запад. Около юго-восточной стенки камеры находилось захоронение маленького ребенка в колоде. Кроме того, были обнаружены сопутствующие захоронения мужчин и женщин в каменных ящиках в скорченном положении на левом боку головой на северо-запад (погр. №№ 7, 12, 22, 24, 25, 26, 14, 22, 11). Открыты 16 конских захоронений в ямах, перекрытых плитами или бревнами. Под плитами каменного вала кургана были найдены 4 клада с предметами конского снаряжения. Кроме того, в каменной кладке кургана находились 26 впускные захоронения людей (могилы №№ 1–6, 15–19, 21, 23, 27–29) (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017: 27–126). Исследователи этого памятника отнесли сооружение царской могилы кургана Аржан-2 ко второй половине VII в. до н. э. (там же: 179). К. В. Чугунов выделил общие черты в погребальном обряде комплексов Аржан-1 и Аржан-2, что позволило ему сделать вывод об их генетической связи (Чугунов, 2009: 179–185). Однако захоронения царей скифского времени в Туве не единственные в Центральной Азии.

Именно благодаря вечной мерзлоте сохранились захоронения кочевников скифского времени на Алтае, что помогло в деталях реконструировать погребальную церемонию в Пазырыкских курганах. Так, удалось установить, что погребальные традиции на Пазырыкских и причерноморских скифских курганах, а также в Туве, имели много общего. Исследователь памятника С. И. Руденко продатировал Пазырыкские курганы Алтая V–IV вв. до н. э. (Руденко, 1953: 62–69, 326–361). Однако авторы кол-

лективной монографии «Евразия в скифскую эпоху...» датируют «курганы 1 и 2 могильника Пазырык — 325–272 гг. до н. э.», а «курган 5 могильника Пазырык — приблизительно 250 г. до н. э.» (Евразия в скифскую..., 2005: 215).

Погребальный обряд курганов скифского времени в Туве и на Алтае во многом похож на описанные Геродотом похороны у скифов, но не идентичен им. Геродот оставил нам довольно детальные сведения о погребальной церемонии как скифских царей, так и других скифов в «Истории греко-персидских войн» (Иванчик, 2010: 144; Геродот, 1972: 205).

Несмотря на значительный промежуток времени, у ранних тюркоязычных кочевников «скифские» погребальные обряды продолжали бытовать длительное время. Так, уже давно среди исследователей латиноязычного сочинения Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (Getica) вызывает большой интерес описание похорон гуннского вождя Атиллы (Иордан, 1960: 117–118). При анализе обряда погребения Атиллы Л. А. Гиндин и Ф. В. Шелов-Коведяев отметили, что погребальные традиции гуннов очень напоминают похоронные обычаи скифов (Гиндин, Шелов-Коведяев, 1994: 168). Не меньший интерес может представлять аналогичная погребальная церемония дагестанских гуннов в VII в., описанная Мовсэсом Каланкатуаци в «Истории Албании» (Мовсэс, 1984: 124).

Следует акцентировать внимание на том, что гунны в первые века нашей эры двинулись в Европу из Центральной Азии. В то же время в степях Центральной Азии в раннее средневековье в погребальной церемонии местных кочевых племен продолжали сохраняться традиции скифского времени, но тогда же здесь появились новации. Так, аналогичная погребальная обрядность была зафиксирована у древних тюрок. Китайская хроника «Тань-шу» в погребальной церемонии тюрок-тугю в начале VII в. н. э. отмечает немало общего с обычаями скифов, но при этом восточные тюрки вместо захоронения по обряду ингумации стали практиковать кремацию (Бичурин, 1950: 230).

Для сравнительного анализа следует отметить, что уже давно в этнографической литературе было акцентировано внимание на том, что значительное количество элементов погребального обряда древних кочевников Евразии сохранилось в похоронных традициях осетин. Этнографы выделили черты в их похоронной церемонии, которые очень напоминают скифские. Это исследователи объясняют генетическими связями этого народа с племенами скифо-сармато-аланского круга, которые периодически мигрировали через степи Северного Кавказа, где и задерживались (Калоев, 1984: 72–105; Дюмезиль, 1990: 188–198; Бесолова, 2007).

В данном случае ничто не мешает предполагать, что аналогичные погребальные традиции у кочевников Центральной Азии также могут восходить к скифскому времени. В эпоху средневековья на территории Тувы происходили довольно частые изменения в составе населения, что было связано с политическими событиями. Менялся и погребальный обряд населения Тувы. Однако следует отметить одну особенность: со времен Первого Тюркского каната и до Монгольской империи на территории Тувы проживало население, которое продолжало хоронить умерших по обряду ингумации в сопровождении коня под каменными курганными насыпями (Кызласов, 1969: 18–44, 65–80, 97–114). Как видим, на территории Тувы с древних времен и до конца средневековья продолжала сохраняться преемственность в погребальных традициях.

Пережитки древних традиций в погребальных обрядах тувинцев в XVII–XIX вв.

Казалось бы, вряд ли могла сохраниться прямая преемственность между погребальными обрядами кочевников Центральной Азии скифского времени и похоронными традициями современного народа — тувинцев. Однако уже предварительный анализ показывает, что некоторые черты погребальной церемонии тувинцев-шаманистов находят определённое сходство с погребально-поминальными обрядами скифов, описанными Геродотом, и родственных им осетин, а также с погребальной церемонией, зафиксированной на курганах скифского времени Аржан-1 и Аржан-2.

Исследователи уже давно акцентировали внимание на том, что у тувинцев существовали две погребальные традиции, связанные с бытованием религий — шаманистской и буддистской. Приверженцы первой традиции сохранили немало от давних времен (Дьяконова, 1975: 5). В тувинском фольклоре зафиксированы четыре варианта похорон: ингумация, кремация, надземные («воздушные») погребения, оставление трупа на поверхности земли (Дьяконова, 1974: 262–263; Курбатский, 2001: 149). Это подтвердили и исследования этнографов. Согласно предложенной В. А. Киселем типологии, до начала XX в. тувинские погребения делились на подземные, наземные и надземные типы (Кисель, 2009b: 22–24).

Следует отметить, что В. П. Дьяконова начала изучение эволюции погребального обряда тувинцев с памятников материальной культуры, датируемых XVII–XIX вв. Эти поздние археологические объекты дали информацию, которая уже не доступна этнографии. Первое, что бросается в глаза, это наличие у тувинцев каменных курганов (Дьяконова, 1975: 17). Как будет далее отмечено, в XX в. тувинцы уже не сооружали курганную насыпь над могилой. Но каменные насыпи имели курганы Аржан-1 и Аржан-2 (Грязнов, 1980: 45–59; Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017: 302–303). Кроме того, Пазырыкские курганы скифского времени на Алтае также имели каменные насыпи (Руденко, 1953: 25, 39). Каменные курганы на территории Тувы имели сложную конструкцию. Кроме того, в Туве в скифское время наряду с каменными курганами сооружались каменно-земляные и земляные (Грач, 1980: 69–70). Как уже отмечалось, со времен Первого Тюркского каганата и до Монгольской империи на территории Тувы проживало население, которое продолжало хоронить умерших по обряду ингумации с конем под каменными курганными насыпями (Кызласов, 1969: 18–44, 65–80, 97–114). В Туве в XVII–XIX вв. подкурганные погребения были как основные, так и впускные в каменную насыпь древних курганов.

В контексте идей преемственности традиций необходимо остановиться на функциональном назначении как каменных, так и земляных курганных насыпей. Иногда для объяснения понятия *курган* приводят тюркский термин *Qurğon* — «сооружение, крепость». Но курганы появились в степях Евразии задолго до расселения тюркских племен. Поэтому возможна и другая семантика слова. Так, еще в середине XX в. известный украинский востоковед А. П. Ковалевский высказал предположение, что слово *курган* имеет древнеиранское (скифское) происхождение. По его мнению, в этом слове следует видеть составной термин «могила-дом» (ср. перс. *гур-хане*) (Ковалівський, 1995–1996: 148). Таким образом, земляное или каменное сооружение, по замыслу древних кочевников, должно было символизировать посмертное жилище умершего. Однако возникает вопрос: почему тувинцы не сооружали земляных насыпей? Ведь так было проще. Это можно объяснить лишь тем, что сооружению именно из камня придавались особые функции в контексте представлений о загробной жизни. Очевидно, не случайно совершались впускные захоронения в каменные насыпи древних и средневековых курганов. Поэтому вполне возможно сохранение у тувинцев представлений, уходящих своими корнями в скифскую эпоху.

Под всеми погребенными в курганах XVII–XIX вв. были обнаружены покрытия из дерева, бересты и т. п., а также сопровождающий инвентарь и остатки в ряде случаев баранов и лошадей. Особенно показателен в этом отношении курган Кок Ховаг I. Здесь были два погребения — мужчины и женщины в скорченном положении на боку, а также захоронение коня. Все как в курганах скифской эпохи. Но парное захоронение для Тувы тех времен — уже большая редкость (Дьяконова, 1975: 17).

Особо следует остановиться на обряде захоронения в скорченном положении на боку. Как известно, в скифское время в азиатской части степной Евразии предпочитали укладывать покойного скорченно на боку, а в европейской — в вытянутом положении на спине. «Скорченные» захоронения имеют широкое распространение в Евразии и уходят своими корнями во времена позднего палеолита, т. е. они появились задолго до начала скифской эпохи (Грач, 1980: 70). И в этом нет ничего необычного, ибо эмбриональная поза умершего, по одной из версий, могла символизировать перерождение для начала новой жизни в потустороннем мире.

Кроме Тувы, «скорченные» погребения на боку догуннской эпохи были зафиксированы в Восточной Европе под курганными насыпями в степном Поднепровье (Савовський, 1977: 62, 65), в бассейне Северского Донца (Трефилюв, 1905: 134–135). Они были представлены как мужскими, так и женскими захоронениями. По наблюдениям А. П. Моци, отдельные «скорченные» погребения как мужчин, так и женщин в первой половине I тыс. н. э. были известны среди носителей черняховской культуры, а в раннее средневековье — среди салтовского населения, среди протоболгар и жителей Скандинавии. В более же позднее время они встречались в ряде мест Древней Руси (Моця, 1987: 101–104). Как видим, этот обряд универсален для народов Евразии, но его сохранение в позднее время именно на территории Тувы может быть связано с традициями местного населения скифской эпохи.

Следует обратить особое внимание на традицию погребать умершего с конем. Богатые захоронения с более чем 160 конями были обнаружены в Туве уже в кургане Аржан-1 (Грязнов, 1980: 45–59). В кургане Аржан-2 найдены останки более 16 коней и клады с конским снаряжением (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017: 99–119). Погребения с конем были также представлены на Пазырыкских курганах скифской эпохи на Алтае. Они встречались как в курганах знати, так и в могилах простых кочевников (Руденко, 1953: 23, 40–43, 56–60, 71–72, 332). Следует отметить, что в скифское время коней погребали и в курганах Северного Причерноморья. Особый интерес могут представлять недавние выводы М. Очир-Горяевой относительно причин распространения сопровождающих конских захоронений скифского времени в курганах Северного Причерноморья:

«В погребальных сооружениях скифов конские погребения занимали место дорогого сопровождающего погребального “инвентаря”, соответствующего статусу важных транспортных животных. В отличие от других транспортных животных — волов и верблюдов, которые также использовались в хозяйстве кочевников, — кони были показателем социального престижа. Роскошные уздечные наборы соответствовали высокому статусу, но не самих коней, а погребенного в этом кургане человека — их “хозяина”» (Очир-Горяева, 2017: 107).

Что же касается идеологического контекста, то Е. Е. Кузьмина в свое время охарактеризовала смысл жертвоприношений коня у народов древности следующим образом:

«Роль коня в этих ритуалах состоит в том, что конь выступает, прежде всего, как посредник между миром живых и небесной обителью. ... То же самое имеют и скачки, устраиваемые на поминках. ... Однако, по-видимому, конь в погребальном ритуале играет не только посредническую роль. Значение коня состоит в том, что он является силой, способной обеспечить человеку возрождение к новой бессмертной жизни на том свете» (Кузьмина, 1977: 41).

По наблюдениям исследователя, культ коня возник у племен степей Евразии еще в эпоху энеолита и получил дальнейшее развитие у племен скифской и более поздних эпох. Имел распространение он и среди кочевников тюрко-монгольского мира (там же: 29–30, 42–45).

Однако в Туве в скифское время вместе с умершими, за исключением «царственных» особ, как правило, не хоронили убитых коней. Их заменяла узда (Грач, 1980: 73–74). В то же время на Алтае, как уже отмечалось, кони встречались как в курганах знати, так и в захоронениях простых кочевников (Руденко, 1953: 23, 40–43, 56–60, 71–72, 332). По данным А. Д. Грача, сопроводительные погребения коней были обнаружены на территории Тувы в кургане № 1 могильника Сагла-Бажи II алтайской пазырыкской культуры (Грач, 1980: 74). Поэтому следует признать, что захоронения с конем у различных племен скифской эпохи могли нести в себе как социальную, так и идеологическую нагрузку. В то же время бытование на территории Тувы со скифских времен и до начала XX в. погребений с конем отнюдь не случайно, ибо культ коня у кочевников является непременным атрибутом их традиционной культуры. Поэтому нельзя дать однозначный ответ на вопрос, являлись ли захоронения с конем на территории Тувы прямым наследием скифской эпохи или нет.

Но вернемся к впускным захоронениям XVII–XIX вв. в курганах Урянхайского края. Эти погребения были одиночными, содержали инвентарь и сопровождалась останками коней и баранов. В одном из таких женских захоронений голова женщины покоилась на кожаной подушечке. Весьма характерно, что в более поздних захоронениях тувинцев также довольно часто клали под голову как кожаные, так и каменные подушки (Дьяконова, 1975: 22, 32, 35–36, 68, 76). Исследователи погребального комплекса Аржан-2 считают, что в центральной могиле № 5 у погребенных там мужчины и женщины «первоначально головы лежали на подушках из органического материала» (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017: 32). Археологические раскопки в Туве зафиксировали размещение черепов погребенных на плоском камне или каменной плитке и в других погребальных памятниках скифской эпохи (Грач, 1980: 111–118, 122; Кисель 2009b: 47–48; 2009a: 144). В то же время на Алтае в погребениях скифской эпохи были обнаружены настоящие бытовые вещи — деревянные подголовники с надетыми чехлами из кожи и меха, а также войлочные, кожаные и, возможно, берестяные подушки (Руденко, 1953: 51). На основании этих фактов, В. А. Кисель высказал предположение, что этот «нетипичный тувинский обряд восходил к скифской культуре. Он практиковался в очень ограниченном кругу и имел особое значение» (Кисель, 2009b: 48).

Рядом с одним из впускных захоронений были обнаружены два ручных каменных жернова (Дьяконова, 1975: 26). Эта деталь довольно необычна и требует объяснения. Из современных народов зоны Евразийской степи подобный обычай наблюдается у осетин. У них было принято класть мельничные жернова в могилу последнего мужчины в роду, т. е. это означало, что род прерывался (Калоев, 1984: 86). Однако в данном случае жернова находились рядом с женским захоронением. Следовательно, такое объяснение не подходит.

До конца XIX в. в Туве еще сохранялись захоронения в жилищах. По данным В. П. Дьяконовой, в роли жилищ выступали «небольшой конический шалаш из тонких жердей» и сруб. Этот обряд был зафиксирован исключительно на Юге и Западе Тувы (Дьяконова, 1980: 115). И хотя захоронения в сруб были наземными, не исключено, что их истоки следует искать в подкурганых погребениях скифской эпохи. Следует напомнить, что царские захоронения в курганах Аржан-1 и Аржан-2 были совершены в деревянных срубках, которые должны были символизировать постоянное жилище в потустороннем мире (Грязнов, 1980: 15–21; Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017: 27–29). Почти все

погребения в Пазырыкских курганах также были совершены в деревянных срубках (Руденко, 1953: 26–42). А. В. Стручкова даже считает, что использование дерева при сооружении наземных сооружений для захоронений шаманов у тувинцев, хакасов, якутов и других тюркоязычных народов Сибири является отголоском традиций скифо-хуннских времен (Стручкова, 2016: 140). Однако погребения в срубках в скифскую эпоху совершались под курганными насыпями, а более поздние представляли собой наземные и даже надземные сооружения. Поэтому трудно определить, являлось ли эта особенность продолжением именно скифской погребальной традиции.

Отмеченные здесь традиции представляют большой интерес, ибо насчитывают не одно столетие. Но по понятным причинам они оказались слабо изученными.

Элементы обрядов скифского времени в похоронных обычаях тувинцев XX в.

Наиболее же изученным оказался погребальный обряд тувинцев в XX в. При этом исследователи особое внимание уделяли носителям шаманистских традиций. Ряд обычаев тувинцев выглядит совершенно противоположным относительно других традиций народов Евразийской степи; например, традиция хоронить умершего не в праздничной, а повседневной одежде (Дьяконова, 1975: 50–51). Однако у соседей тувинцев — шорцев перед погребением тело умершего обмывали, переодевали в чистую рубаху и штаны и перекладывали в гроб (Кимеев, 2009: 120). Аналогичным образом поступали и хакасы (Бурнаков, 2009: 129). Хотя не исключено, что это является следствием влияния русских. Из современных народов зоны Евразийской степи подобная традиция хорошо представлена у осетин. Считалось, что так умерший должен предстать в День суда (Калоев, 1984: 77). То, что этот обычай древний, подтверждают богатые находки в курганах скифской эпохи, где умершие были погребены в наилучших своих одеждах. Отсутствие именно этой традиции у тувинцев удивляет и является следствием их недавних идеологических воззрений.

В то же время есть у тувинцев традиции, известные среди других народов Евразии. Так, иногда в начале похорон делали из теста изображение умершего и потом его сжигали. Это этнографы объясняли страхом перед духом умершего, который должен был уйти (Дьяконова, 1975: 50–51). Подобная традиция сохранялась у некоторых тюркоязычных и ираноязычных народов (Каховский, 1965: 190; Дюмезиль, 1990: 189; Калоев, 1984: 94; Рапопорт, 1971: 86–89).

Одним из очень древних обычаев следует считать оплакивание умершего. Однако у тувинцев оплакивание имело специфические черты. Так, умершего в основном оплакивали женщины. Считается, что оплакивание представляет собой одну из предохранительных мер от умершего (Дьяконова, 1975: 53–54). По данным Б. А. Калоева, в Осетии «в древние времена в оплакивании принимали участие все присутствующие. При этом мужчины, входя парами к покойнику, били себя плетями по голове и шее» (Калоев, 2004: 328), а женщины рыдали, рвали на себе волосы и расцарапывали в кровь лицо. В былые времена в каждом селении были профессиональные плакальщицы (там же: 327–328). Уже ближе к нашему времени у осетин оплакивать умершего в основном стали женщины (Калоев, 1984: 74–75). Эти традиции очень напоминают скифские, описанные Геродотом (Иванчик, 2010: 144; Геродот, 1972: 205). Однако у тувинцев оплакивание не сопровождается сценами самоистязания участников похоронной процессии, что мы наблюдаем у кочевников скифской, хуннской и раннетюркской эпох (Иванчик, 2010: 144; Иордан, 1960: 117–118; Бичурин, 1950: 230).

Тувинцы довольно часто везли покойника к месту погребения на лошади. Известно несколько способов такой транспортировки. Так, покойника доставляли на верховой лошади, перекинутым через седло. При этом сзади седла сидел сопровождающий. В районе Монгун-Тайги умершего везли на тасках (специальных жердях для транспортировки груза, которые привязывались к лошади и были похожи на носилки). Иногда умершего даже усаживали на седло верховой лошади и везли в сидячем положении до места погребения. У тувинцев женщину везли верхом к месту погребения лишь в том случае, если у нее была лошадь и седло (Дьяконова, 1975: 54–55).

М. А. Очир-Горяева зафиксировала обычай транспортировки умершего в седле в сидячем положении верхом на лошади не только среди тувинцев, но и других кочевых народов: калмыков, алтайцев и др. Кроме того, исследователь считает, что подобный обычай транспортировки знатных умерших существовал у древних кочевников, свидетельством чего является особая поза погребенных в богатых курганах скифской и сарматской эпох: умершие лежали вытянуто на спине с широко расставленными ногами (Очир-Горяева, 2019).

Кроме того, в Эрзинском районе, у тувинцев еще везли умерших в любое время не только при помощи волокуши из жердей, но и на деревянных санях (*шанак*), которые привязывали длинными веревками к седлу верховой лошади. Один родственник вел эту лошадь, взяв под узды, не садясь в седло (Дьяконова, 1975: 55). Весьма характерно, что такой же обычай сохранялся у осетин. По данным этнографов, в Южной Осетии везли умершего к кладбищу на санях в любое время года (Калоев, 1984: 92). Этот обычай зафиксирован и среди восточных славян. Так, около ста лет назад Д. К. Зеленин об этом сообщал: «В старину покойников даже летом везли па кладбище в санях: по-видимому, для этого избирали именно сани как древнейший вид повозки. В Олонечкой губ. этот обычай существовал еще недавно...» (Зеленин, 1991: 350). В связи с этим, следует отметить, что для народов Евразии данный обычай универсален. В то же время можно полностью согласиться с Д. К. Зелениным, что сани представляют собой «древнейший вид повозки», который предшествовал появлению транспортных средств на колесах. Поэтому вполне возможно, что данный тип транспортировки покойного возник в степях Евразии в доскифское время, продолжал существовать в скифское время и дожил до наших дней в виде реликта у тувинцев и осетин. Очевидно, у тувинцев таким же древним видом транспортировки умершего является перевозка тела на тасках — специальных жердях для транспортировки груза, которые привязывались к лошади (Дьяконова, 1975: 54–55). В связи с этим, можно вспомнить индейцев Северной Америки, которые не знали до прихода европейцев колеса и поэтому использовали волокуши, представлявшие собой также две жерди, которые привязывались различными способами сначала к собакам, а потом к лошадям¹.

Уже в XX в. тувинцы не сооружали над могилой курганов. Они просто выкапывали яму глубиной около 2 м и клали рядом в могиле снятую с умершего одежду. Из древних традиций у тувинцев сохранялся обычай погребения с животными, которых убивали непосредственно перед захоронением. С мужчинами еще продолжали хоронить коней, а с женщинами — овец (там же: 56). Характерно, что в течение XX в. у тувинцев уже перестали погребать умершего с конем. Однако в Сут-Хольском районе сохранялся пережиток этой традиции — иногда при завершении похорон у могилы на некоторое время оставляли лошадь, на которой везли умершего (там же: 57). Кроме того, в Эрзинском районе, после похорон умершего участники похоронной процессии три раза объезжали по ходу солнца на лошадях вокруг могилы. При этом старший родственник еще бросал на это место зерна пшеницы и ячменя (там же: 57). Подобный обычай посвящения коня умершему существовал у осетин. Он был подробно описан Б. А. Калоевым. По его данным, у осетин перед погребением коня наряжали и ставили у изголовья умершего. После произнесения речи в честь посвящения коня умершему старик-посвятитель отрезал у коня кончик уха, часть гривы, разбивал сосуд с напитком о копыто коня и обводил коня трижды вокруг покойника. Уже после этого происходило само погребение (Калоев, 1964: 2–3). Этнографы единодушны во мнении, что подобные обычаи являются замещением жертвоприношения коня из-за чисто экономических соображений, ибо конь представлял большую ценность для родственников умершего. Таким образом, здесь можно говорить о конвергенции обряда у различных народов, а не о заимствовании из общего источника.

В. П. Дьяконова сообщает, что богатому покойнику, как мужчине, так и женщине, недалеко от могилы ставили каменную стелу либо у изголовья, либо у ног покойного. При этом стела стояла среди камней, установленных у могилы по числу детей покойного. Считается, что такая стела изображала умершего (Дьяконова, 1975: 56). Стоит отметить, что такой же обычай существовал у древних тюрков (Бичурин, 1950: 230). Кроме того, в Южной и Юго-Восточной Туве при погребении или поминках из одежды умершего сооружали макет-куклу, который условно изображал сидящего человека (Дьяконова, 1975: 74; 1980: 115; Кисель, 2009b: 17). В связи с этим возникает вопрос не только о генезисе данной традиции, но и первоначальном функциональном её назначении. Данные этнографии и археологии позволяют в определенной мере решить этот вопрос.

Описанный обычай имел широкое распространение у других тюркоязычных народов. Так, у мрасских шорцев шаман закапывал рядом с надмогильным холмом специально вырезанную из кедра куклу — вместилище для души *сюне* (Кимеев, 2009: 121). У чувашей накануне поминок изготавливали из дерева фигуру человека, которая называлась *юпа*. Считалось, что она должна была символизировать умершего и в нее временно должна была вселиться душа покойника. Поэтому эту статую вносили в жилище и одевали на неё вещи покойного. Возле чучела ставили стол с пищей и напитками, часть

¹ Следует отметить, что современные исследователи уже поднимали вопрос о совпадениях в конструкциях волокуш Южной Сибири и Северной Америки в контексте проблемы контактов населения двух материков (Окладникова, 1988: 101–110; Окладников и др., 1979: 103, табл. 62). Однако это тема не является предметом настоящего исследования.

из которых посвящалась умершему. На следующее утро *юпа* вывозили на кладбище и устанавливали у изголовья погребенного (Каховский, 1965: 190).

Характерно, что изготовлением «заместителя умершего» занимались многие народы, в том числе и оседлые. Этой традиции была посвящена специальная статья Б. П. Шишло. По наблюдениям исследователя, в Средней Азии у тюркоязычных народов такой заместитель назывался *тул*. На основе данных о распространении такого явления, как «заместитель умершего» лишь у тюркоязычных народов Евразии и некоторых народов Сибири Б. П. Шишло высказался в пользу того, что данная ритуальная практика была универсальна для всех народов (Шишло, 1975: 248–260).

Однако Б. А. Калоев придерживался другого мнения на этот счет. Он считал, что данный обычай попал к тюркоязычным народам и этносам, проживавшим на границе с Евразийской степью, от предшествовавшего ираноязычного населения Евразии (Калоев, 1984: 94). Доказательство этого он видел в терракотовых статуэтках, найденных на территории древнего Хорезма, которые должны были изображать умершего (Рапопорт, 1971: 86–89). Другим доказательством данной гипотезы стало распространение этой традиции у современных осетин.

У осетин подобная традиция имела место под Новый год и имела название «Ночь мертвых». Осетины считали, что душа умершего в это время вселялась в чучело, которое изображало умершего. Чучело представляло собой крестообразные палки, на которые одевали костюм умершего. Его устанавливали на видном месте, перед богато накрытым столом. Рядом раскладывали любимые вещи покойного. Перед чучелом ставили чашку и бутылку араки, предназначенные для поминаемого. В течение дня происходило оплакивание, а затем угощение (Дюмезиль, 1990: 189; Калоев, 1984: 94). У многих народов зоны Евразийской степи существовал подобный обычай. В результате мы видим данную традицию как у тюркоязычных, так и ираноязычных народов, чье прошлое было связано со Степью.

Получается, что сооружаемые на средневековых курганах антропоморфные стелы (так называемые «каменные бабы»), могли символизировать умершего, душа которого во время поминок должна была вселяться в изображение умершего. Необходимо учитывать, что поминки у кочевников могли совершаться именно в тот период, когда маршруты их передвижений проходили вблизи от курганной могилы. Возникает вопрос: насколько древним является этот обычай? У Геродота нет прямых указаний на этот счет, ибо он не упоминает о сооружении на курганах стел (Иванчик, 2010: 144). Однако в скифское время в VI–III в. до н. э. в северопричерноморских степях на курганах уже устанавливали антропоморфные каменные изваяния (Хазанов, 1975: 88; Молев, Молева 2013: 15–21). Но если углубиться еще дальше, то данную традицию можно обнаружить еще в памятниках эпохи меди-бронзы.

В могиле тувинцы степных и лесостепных районов Тувы, а также Монголии обсыпали покойного и само место погребения зернами проса (*тараа*). По мнению этнографов, это символизировало пожелание «возрождения нового, многочисленного поколения» (Даржа, 2007: 162; Кисель, 2009b: 28; Айыжы, 2017: 78). Как оказывается, эта традиция восходит к древнему времени. Некоторые исследователи считают, что древнетюркским или даже хуннским наследием является ритуал обсыпания захоронения просом. По их мнению, это подтверждается присутствием в древних погребальных памятниках скопленных полуистлевших зерен (Вайнштейн, 1972: 156; Дьяконова, 1975: 132–133; Кисель, 2009b: 38). Был известен подобный обычай и в скифское время на Алтае. В связи с этим С. И. Руденко отметил:

«Основным занятием древних горноалтайцев было скотоводство. Земледелием они не занимались, и в их погребениях в незначительном количестве были найдены только зёрна проса и дикорастущей конопли. Зерна эфирномасличного посевного кориандра, обнаруженные почти во всех курганах, были несомненно привозными с юга» (Руденко, 1968: 18).

В данном случае нельзя игнорировать присутствие зёрен проса и других растений в погребениях алтайцев скифского времени. Не исключено, что данный обряд имел довольно прозаическое назначение: покойному предоставлялось то, что было необходимо ему в загробной жизни — зёрна проса и дикорастущей конопли. Как известно, просо являлось чуть ли ни единственной зерновой культурой, которую выращивали кочевники. Поэтому появление зёрен проса в погребениях кочевников хуннского и древнетюркского времени могло иметь то же назначение. У близких к современности тувинцев сохранилась эта древняя традиция, но, как это часто бывает, древний обычай наполнился новым содержанием. Поэтому пока проблематично говорить о том, что данный обычай мог попасть к тувинцам именно от скифов через посредство древних тюркских племен.

После похорон у тувинцев следовало ритуальное очищение — участники процессии мыли руки и лицо водой, взятой из родника и разбавленной молоком, а также окуривали себя и место поминаль-

ной трапезы можжевелником (Дьяконова, 1975: 59). У тувинцев Монголии этот обряд имел еще более архаические черты. Е. А. Айыжы сообщает: «Вернувшись с похорон, все участники проходят обряд “очищения”, для чего готовят два сана — два плоских камня, поверх которых для очищения кладут зажженный можжевелник, воду, разбавленную молоком и можжевелником, белое полотенце или бумагу для вытирания рук. Каждый должен пройти между двумя камнями с можжевелником, затем два раза моют руки и вытираются белым полотенцем» (Айыжы, 2017: 78). Считается, что такое очищение было необходимо, чтобы умерший не вернулся за теми, кто его хоронил. Хотя могут быть и другие объяснения этого обычая.

Не исключено, что корни данных обычаев могут восходить к скифскому времени. Вспомним скифскую паровую баню, описанную Геродотом. Как известно, древнегреческий историк описал ритуальное очищение после похорон простого скифа в своеобразной паровой бане, которая представляла собой специальный шалаш, изнутри обкуриваемый коноплей, которую бросали на раскаленные камни. В такой бане скифы не только сильно потели, но и приходили в транс (Геродот, 1972: 205). Напомним также, что в Пазырыкских курганах были найдены специальные котлы с камнями и коноплей для ритуального очищения, что совпадает с описанием Геродота скифских обычаев (Руденко, 1953: 62–69, 326–361).

Следует обратить внимания на то, что в обоих случаях представлены различные представители флоры: у тувинцев, как и у большинства тюркских народов, — ветки можжевелника; у скифов — семена конопли. При этом тувинцы совершают обряд на открытом воздухе, а скифы — в своеобразном шалаше. Поэтому может сложиться впечатление, что цели ритуалов тоже не совпадали: задачей тувинцев было пропитаться запахом дыма, чтобы отпугнуть вредоносных духов; у скифов — войти в транс для общения с потусторонними силами.

Однако Геродот весь этот процесс у скифов не называет ритуальным действием, а использует для его обозначения слово «баня» (Геродот, 1972: 205). Эту паровую «баню» Геродот считает изобретением скифов, так как «водой они вовсе не моются» (там же). Он даже сравнивает скифскую «баню» с эллинской. Подобные паровые бани в шалаше или палатке повсеместно были распространены у многих народов, которые вели подвижный кочевой образ жизни. И бросание семян конопли на раскаленные камни из описания Геродота предстает как нечто вторичное, что заставляет считать скифскую паровую баню первичной. Следует отметить, что в религиозной практике многих народов используются после похорон два вида очищающих бань: паровая и водная. Не исключено, что скифы когда-то случайно начали использовать семена конопли в бане, пытаясь соединить два ритуала очищения (дымом и собственным потом) в одном. Что из этого получилось, красочно описал Геродот. Как видим, мало общего в обрядах очищения после похорон у тувинцев и скифов, но есть одна общая цель этих действий — тело должно очиститься после соприкосновения с ритуально нечистым телом умершего.

После похорон у тувинцев непосредственно следовала поминальная трапеза. Этот обряд универсален как для тюркоязычных, так и ираноязычных и других народов (Дьяконова, 1975: 59; Калоев, 1984: 90–91). В послепохоронный период у тувинцев поминальные ритуалы совершались на 7-е и 49-е сутки после смерти. Считалось, что в эти дни родственники общались с душой умершего при посредничестве шамана. Бытовало мнение, что на 49-е сутки умерший отделится от своего «светлого» мира и навсегда переселится в особый мир (Дьяконова, 1975: 59–66). Однако у большинства народов Евразии поминки умершего совершались на 9-й, 40-й дни и через год. Именно через год, по представлениям многих народов, душа умершего в последний раз возвращается в этот мир, чтобы навсегда вернуться в мир потусторонний. Вспомним пышные поминки, совершаемые через год на могиле скифского царя, что нашло описание у Геродота. По данным древнегреческого историка, по истечении года после похорон скифского царя совершалась поминальная тризна, которая сопровождалась жертвоприношениями людей и животных (50 юношей и 50 коней) (Иванчик, 2010: 144).

Таковыми являлись некоторые специфические черты погребальной обрядности тувинцев в XX в. Как видим, они оказались наиболее изученными и поэтому среди них можно выявить некоторые особенности, присущие кочевникам давних скифских времен. Следует отметить, что картина была бы более полной с привлечением данных современных полевых исследований. В данном случае можно говорить о перспективности данного направления исследований в будущем.

Заключение

Несмотря на то, что многое в погребальной обрядности тувинцев осталось достоянием прошлого, можно выделить зафиксированные этнографами некоторые черты похоронных обрядов тувинцев-

шаманистов, которые находят параллели в традициях племён как скифского круга, так и народов, проживавших после скифов в Евразийской степи и на её границах. При этом нельзя отдельно рассматривать каждый погребальный обряд, а необходимо видеть всю похоронную церемонию как комплекс взаимосвязанных ритуальных действий.

Как оказалось, многие погребальные обряды тувинцев уходят корнями еще в доскифскую эпоху, но сама их последовательность совпадает с современными представлениями о похоронной церемонии кочевников скифской эпохи. Из таких совпадений следует выделить следующие элементы: ритуальное оплакивание умершего; доставка покойного на деревянных санях или верхом на лошади; захоронение умершего в скорченном положении на боку; под голову покойнику клали подушку; обсыпание умершего зернами проса; деревянные конструкции внутри могилы; захоронение коня; сооружение в недалеком прошлом кургана из камней; изготовление манекена или каменной стелы для изображения погребённого; после похорон поминальная трапеза и ритуальное очищение, и т. п.

Кроме того, в языческой похоронной церемонии тувинцев проявляются черты, которые находят соответствия в погребальных традициях древних гуннов и тюрков, аналогичных обрядам кочевников скифского времени. Это может означать, что к тувинцам эти традиции могли попасть через посредство древних хуннских и тюркских племен, которые являлись одними из потомков носителей скифской культуры в Центральной Азии.

Таким образом, мы видим, что с древнейших времен территория Тувы входила в ареал формирования общей идеологии кочевников, связанной с погребальным культом. Благодаря подвижности кочевников эти похоронные традиции очень быстро распространились на пространстве степей Евразии. Именно консервативность кочевого образа жизни могла способствовать тому, что многие древние погребальные традиции сохранились у тувинцев и их соседей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айыжы, Е. В. (2017) Погребально-поминальный обряд тувинцев Баян-Ульгийского и Хубсугульского аймаков Монголии // Новые исследования Тувы. № 1. С. 73–81. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2017.1.5>
- Бесолова, Е. (2007) О ритуальном термине *дугъ* в погребальной обрядности осетин // 38. ICANAS 10-15/09/2007 Ankara/Türkiye. Bildiri özetleri kitabı. Abstracts. Ankara. 1280 s. С. 93–94.
- Бичурин, Н. Я. (Иакинф) (1950) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена : в 3 т. М. ; Л. : АН СССР. Т. I. 342 с.
- Бурнаков, В. А. (2009) К вопросу о похоронной обрядности у хакасов // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий: в 2-х кн. / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб. : МАЭ РАН. Кн. 2. 226 с. С. 126–136.
- Вайнштейн, С. И. (1969) Происхождение и историческая этнография тувинского народа : дисс. ... докт. ист. наук. М. 1247 с.
- Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинцев: проблемы кочевого хозяйства. М. : Наука. 312 с.
- Вернадский, Г. (1934) Опыт истории Евразии: С половины VI века до настоящего времени. Берлин : Изд. Евразийцев. 189 с.
- Вертієнко, Г. В. (2007) Принципи та моделі реконструювання поховально-поминальної обрядовості іраномовних народів Євразійського степу [Принципы и модели реконструкции погребально-поминальной обрядности ираноязычных народов Евразийской степи] // Сходознавство [Востоковедение] / гол. ред. Л. В. Матвеева [глав. ред. Л. В. Матвеева]. Київ : Інститут сходознавства НАНУ. № 39–40. 156 с. С. 3–23. (На укр. яз.)
- Геродот (1972) История: в 9 кн. / пер. Г. А. Стратановского. Л. : Наука. 600 с.
- Гиндин, Л. А., Шелов-Коведяев, Ф. В. (1994) Strava // Свод древнейших известий о славянах : в 2-х т. / отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. М. : Изд. фирм. «Восточная литература» РАН. Т. 1. 470 с. С. 161–169.
- Грач, А. Д. (1980) Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука. 257 с.
- Грязнов, М. П. (1980) Аржан: царский курган раннескифского времени. Л. : Наука. 64 с.
- Гумилев, Л. Н. (1989) Древняя Русь и Великая степь. М. : Мысль. 766 с.
- Даржа, В. К. (2007) Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл : Правник. 255 с.
- Дьяконова, В. П. (1966) О погребальном обряде тувинцев // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции / отв. ред. Л. П. Потапов. М. ; Л. : Наука. Т. II. 364 с. С. 56–80.
- Дьяконова, В. П. (1974) Отражение погребального обряда тувинцев в фольклоре // Фольклор и этнография: обряды и обрядовый фольклор / отв. ред. Б. Н. Путилов. Л. : Наука. 276 с. С. 259–265.

- Дьяконова, В. П. (1975) Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л. : Наука. 164 с.
- Дьяконова, В. П. (1980) Тувинцы // Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения / отв. ред. И. С. Гурвич. М. : Наука. 240 с. С. 113–119.
- Дюмезиль, Ж. (1990) Скифы и нарты. М. : Наука. 288 с.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология (2005) / науч. ред. Г. И. Зайцева и Н. А. Боковенко. СПб. : Теза. 290 с.
- Зеленин, Д. К. (1991) Восточнославянская этнография. М. : Наука. 511 с.
- Иванчик, А. И. (2010) Похороны скифских царей: Геродот и археология // Материалы и исследования по археологии России. М. : Таус. Т. 13. Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / отв. ред. М. М. Герасимова, В. Ю. Малашев, М. Г. Мошкова. 496 с. С. 129–150.
- Иордан (1960) О происхождении и деяниях гетов: пер. с лат. Е. Ч. Скржинской. М.: Издательство восточной литературы. 436 с.
- Калоев, Б. А. (1964) Обряд посвящения коня у осетин. Доклад. VII международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). М. : Наука. 8 с.
- Калоев, Б. А. (1984) Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XIX в. // Кавказский этнографический сборник / отв. ред. В. К. Гарданов. М. : Наука. Т. VIII. 280 с. С. 72–105.
- Калоев, Б. А. (2004) Осетины: Историко-этнографическое исследование. М. : Наука. 471 с.
- Катанов, Н. Ф. (1894) О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XII. Вып. 2. С. 109–142.
- Каховский, В. Ф. (1965) Происхождение чувашского народа. Чебоксары : Чувашское книжное издательство. 262 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX — начало XX в. Новосибирск : Наука. 164 с.
- Кимеев, В. М. (2009) Погребальный обряд шорцев // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий: в 2-х кн. / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб. : МАЭ РАН. Кн. 2. 226 с. С. 117–122.
- Кисель, В. А. (2009а) Нетюркские элементы погребального обряда тувинцев // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий: в 2-х кн. / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб. : МАЭ РАН. Кн. 2. 226 с. С. 140–147.
- Кисель, В. А. (2009b) Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII — начало XXI в. СПб. : Наука. 142 с.
- Кисель, В. А. (2010) Современный похоронно-поминальный ритуал тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. С. 255–279. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/483> (дата обращения: 28.04.2020)
- Ковалівський, А. (1995–1996) Зв'язки зі Сходом та сходознавство у Києві й Наддніпрянщині (передмова та публікація Валерія Рибалкіна) [Связи с Востоком и востоковедение в Киеве и Поднепровье (предисловие и публикация Валерия Рыбалкина)] // Східний світ [Восточный мир]. № 2 (1995) — № 1 (1996). С. 146–167. (На укр. яз.).
- Кон, Ф. Я. (1936) За пятьдесят лет. 2-е изд. М. : Советский писатель. 201 с.
- Кореняко, В. А. (2002) Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М. : Восточная литература. 327 с.
- Кузьмина, Е. Е. (1977) Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М. : Наука. 194 с. С. 28–52.
- Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.
- Кызласов, Л. Р. (1969) История Тувы в средние века. М. : МГУ. 214 с.
- Кызласов, Л. Р. (1979) Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : МГУ. 208 с.
- Маннай-оол, М. Х. (2004) Тувинцы: Происхождение и формирование этноса. Новосибирск : Наука. 166 с.
- Маннай-оол, М. Х. (2010) Вклад Ф. Я. Кона в этнографическое изучение Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. С. 135–142. URL: [https:// https://nit.tuva.asia/nit/article/view/534](https://nit.tuva.asia/nit/article/view/534) (дата обращения: 28.04.2020).
- Мовсэс Каланкатуаци (1984) История страны Алуанк : пер. с др. арм. Ш. В. Смбатяна. Ереван : АН Ар. ССР. 258 с.
- Молев, Е. А., Молева, Н. В. (2013) Скифские антропоморфные изваяния Северного Причерноморья: эмблемы власти и войны // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 4 (3). С. 15–21.
- Моця, А. П. (1987) Скорченные захоронения древнерусских некрополей // Древности Среднего Поднепровья / отв. ред. И. И. Артеменко. Киев : Наукова думка. 160 с. С. 101–105.
- Окладников, А. П., Окладникова, Е. А., Запорожская, В. Д., Скорынина, Э. А. (1979) Петроглифы долины реки Елангаш (Юг Горного Алтая). Новосибирск : Наука. 136 с.

Окладникова, Е. А. (1988) Волокуши индейцев равнин в этногенетическом и этноэкологическом аспектах // Экология американских индейцев и эскимосов: проблемы индеанистики / отв. ред. В. А. Тишков. М. : Наука. 338 с. С. 101–110.

Очир-Горяева, М. А. (2017) Сопровождающие погребения коней в скифских курганах Северного Причерноморья // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 31. Вып. 3. С. 100–109. DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2075-7794-2017-31-3-100-109>

Очир-Горяева, М. А. (2019) Поза всадника по археологическим и этнографическим данным // Oriental studies. Вып. 5. С. 812–821. DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-45-5-812-821>

Рапопорт, Ю. А. (1971) Из истории религии древнего Хорезма. М. : Наука. 124 с.

Руденко, С. И. (1953) Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : АН СССР. 404 с.

Руденко, С. И. (1968) Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М. : Искусство. 136 с.

Савовський, І. П. (1977) Нові сарматські поховання на Запоріжжі [Новые сарматские погребения на Запорожье] // Археологія [Археология] / відп. ред. І. І. Артеменко. Київ : Наукова думка. Вип. 23. 100 с. С. 61–70.

Стручкова, А. В. (2016) Скифо-хуннские компоненты в ритуальных конструкциях и предметах бытового назначения из дерева у тюркоязычных народов Сибири // Вестник Томского государственного университета. № 408. С. 138–144. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/15617793/408/21>

Трефилев, Е. П. (1905) Археологические экскурсии в Купянский уезд Харьковской губернии // Труды XII Археологического съезда в Харькове, 1902: в 3-х т. / под ред. гр. Уваровой. М. : Товарищество типографии А. И. Мамотова. Т. I. 427 с. С. 131–140.

Хазанов, А. М. (1975) Золото скифов. М. : Советский художник. 144 с.

Чугунов, К. В. (2009) Аржан-1 и Аржан-2: сравнительный анализ [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. С. 176–186. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/637> (дата обращения: 28.04.2020).

Чугунов, К. В., Парцингер, Г., Наглер, А. (2017) Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : Изд. ИАЭТ СО РАН. 500 с.

Шишло, Б. П. (1975) Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии / отв. ред. Г. П. Снесарев и В. Н. Басилов. М. : Наука. 344 с. С. 248–260.

Яковлев, Е. К. (1900) Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела Музея. Минусинск : Изд. на средства В. А. Данилова. 357 с.

Bubenok, O. (2002) Iranian-Turkic Ethnic and Cultural Symbiosis in the Steppes of Turan after the Hunnic Expansion // Східний світ [Восточный мир]. № 1. P. 86–89.

Bubenok, O. V. (2012) Funeral Ceremony of Ancient Turks as a Reflection of Contacts with Iranophone Nomads in the Sphere of Ideology // 38. ICANAS (International Congress of Asian and North African Studies). 10-15.09.2007. Ankara / Turkiye. Papers. History and History of Civilizations. Ankara : Atatürk Supreme Council for Culture, Language and History. Vol. II. 608 p. P. 745–754.

Frobenius, L. (1909) The Childhood Of Man: A Popular Account Of The Lives, Customs And Thoughts Of The Primitive Races. London: Seeley & Company Limited. 436 p.

Graebner, F. (1905) Kulturkreise und Kulturgeschichten in Ozeanien // Zeitschrift fr Ethnologie. Band 37. Berlin. S. 28-53.

Дата поступления: 28.10.2020 г.

REFERENCES

Aiyzhy, E. V. (2017) Pogrebal'no-pominal'nyi obriad tuvintsev Baian-Ul'giiskogo i Khubsugul'skogo aimakov Mongolii [The funeral and commemoration rite among the Tuvans of Bayan-Ölgii and Khövsgöl aimags, Mongolia]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 73–81. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2017.1.5>

Besolova, E. (2007) O ritual'nom termine 'dugъ' v pogrebal'noi obriadnosti osetin [On the ritual term *Dug* in the burial rituals of the Ossetians]. In: 38. ICANAS 10-15/09/2007, Ankara/Türkiye, *Bildiri özetleri kitabı*, Abstracts. Ankara. 1280 p. Pp. 93–94. (In Russ.).

Bichurin, N. Ya. (Iakinf) (1950) *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [A collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]: in 3 vols. Moscow, Leningrad, AN SSSR. Vol. I. 342 p. (In Russ.).

Burnakov, V. A. (2009) K voprosu o pokhoronnoi obriadnosti u khakasov [On funeral rituals among the Khakass]. In: *Sibirskii sbornik-1: Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Siberian Collection-1: The Funeral Rite of the Peoples of Siberia and Neighboring Territories]: in 2 books / ed. L. P. Pavlinskaya. St. Peterburg, MAE RAN. Book 2. 226 p. Pp. 126–136. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1969) *Proiskhozhdenie i istoricheskaiia etnografiia tuvinskogo naroda [The origin and historical ethnography of the Tuvan people]*: Diss. ... Doctor of Historical Sciences. Moscow. 1247 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1972) *Istoricheskaiia etnografiia tuvintsev. Problemy kochevogo khoziaistva [The historical ethnography of Tuvans. Problems of nomadic economy]*. Moscow, Nauka. 314 p. (In Russ.).

Vernadsky, G. (1934) *Opyt istorii Evrazii: S poloviny VI veka do nastoiashchego vremeni [Essay on the history of Eurasia: From mid-6th century to the present]*. Berlin, Izd. Evraziitsev. 189 p. (In Russ.).

Vertiyenko, H. V. (2007) Pryntsypy ta modeli rekonstroyuvannya pokhova'l'no-pomynal'noyi obryadovosti iranomovnykh narodiv Evraziys'koho stepu [Principles and models of reconstruction of funeral and memorial rites of Iranophone peoples of the Eurasian steppe]. In: *Skhodoznavstvo [Oriental Studies]* / ed. by L. V. Matveeva. Kyiv, Instytut skhodoznavstva NANU. No. 39–40. 156 p. Pp. 3–23. (In Ukrainian).

Herodotus (1972) *Istoriia v devyati knigakh [The history, in nine books]*. Transl. by G. A. Stratanovskiy. Leningrad, Nauka. 600 p. (In Russ.).

Gindin, L. A. and Shelov-Kovediaev, F. V. (1994) Strava. In: *Svod drevneishikh izvestii o slavianakh [The collection of the oldest data about the Slavs]*: in 2 vols. / ed. L. A. Gindin and G. G. Litavrin. Moscow, Vostochnaia literatura Publ. Vol. 1. 470 p. Pp. 161–169. (In Russ.).

Grach, A. D. (1980) *Drevnie kochevniki v tsentre Azii [Ancient nomads in Central Asia]*. Moscow, Nauka. 256 p. (In Russ.).

Griaznov, M. P. (1980) *Arzhan: tsarskii kurgan ranneskijskogo vremeni [Arzhan: A royal mound of the Early Scythian time]*. Leningrad, Nauka. 64 p. (In Russ.).

Gumilev, L. N. (1989) *Drevniaia Rus' i Velikaia step' [Ancient Rus' and the Great Steppe]*. Moscow, Mysl'. 766 p. (In Russ.).

Darzha, V. K. (2007) *Tainy mirovozzreniia tuvintsev-nomadov [Secrets of the Tuvan nomads' worldview]*. Kyzyl, Tuvan publishing house. 255 p. (In Russ.).

D'iakonova, V. P. (1966) O pogrebal'nom obriade tuvintsev [On the burial rite of the Tuvans]. In: *Trudy Tuvinskoii kompleksnoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii [Proceedings of the Tuva Comprehensive Archaeological and Ethnographic Expedition]* / ed. by L. P. Potapov. Moscow, Leningrad, Nauka. Vol. II. 364 p. Pp. 56–80. (In Russ.).

D'iakonova, V. P. (1974) Otrazhenie pogrebal'nogo obriada tuvintsev v fol'klоре [Reflection of the Tuvan burial rite in folklore]. In: *Fol'klор i etnografiia: obriady i obriadovyi fol'klор [Folklore and ethnography: rites and ritual folklore]*. Ed. by B. N. Putilov. Leningrad, Nauka. Pp. 259–265. (In Russ.).

D'iakonova, V. P. (1975) *Pogrebal'nyi obriad tuvintsev kak istoriko-etnograficheskii istochnik [Tuvan burial rite as a source for history and ethnography]*. Leningrad, Nauka. 164 p. (In Russ.).

D'iakonova, V. P. (1980) Tuvintsy [Tuvans]. In: *Semeinaia obriadnost' narodov Sibiri: opyt sravnitel'nogo izucheniia [Family rituals of the peoples of Siberia: a comparative study]* / ed. by I. S. Gurvich. Moscow, Nauka. 240 p. Pp. 113–119. (In Russ.).

Dumézil, G. (1990) *Skify i narty [The Scythians and Narts]*. Moscow, Nauka. 288 p. (In Russ.).

Evraziia v skifskuiu epokhu: radiouglerodnaia i arkhologicheskaiia khronologiia [Eurasia in the Scythian Era: Radiocarbon and Archaeological Chronology] (2005) / ed. G. I. Zaitsev and N. A. Bokovenko. St. Peterburg, Teza. 290 p. (In Russ.).

Zelenin D. K. (1991) *Vostochnoslavianskaia etnografiia [East Slavic Ethnography]*. Moscow, Nauka, 1991. 511 p. (In Russ.).

Ivanchik, A. I. (2010) Pokhorony skifskikh tsarei: Gerodot i arkhologiia [The funeral of the Scythian kings: Herodotus and archeology]. In: *Materialy i issledovaniia po arkhologii Rossii [Materials and studies on archaeology of Russia]*. Moscow, Taus. Vol. 13. *Arkhologiia i paleoantropologiia evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii. [Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Neighboring Territories]* / ed. M. M. Gerasimova. V. Yu. Malashev and M. G. Moshkova. 496 p. Pp. 129–150. (In Russ.).

Jordanes (1960) *O proiskhozhdenii i deianikh getov [The origin and deeds of the Getae]*. Transl. by E. Ch. Skrzhinskaya. Moscow, Publishing House of Oriental literature. 436 p. (In Russ.).

Kaloev, B. A. (1964) *Obriad posviashcheniia konia u osetin. VII mezhdunarodnyi kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk (Moskva, avgust 1964 g.) [The rite of consecration of a horse among the Ossetians [A paper given at] 7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences (Moscow, August 1964)]*. Moscow, Nauka. 8 p. (In Russ.).

Kaloev, B. A. (1984) Pokhoronnye obychai i obriady osetin v XVIII — nachale XIX vv. [Funeral customs and rituals of the Ossetians in the 18th — early 19th centuries]. In: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik [Caucasian Ethnographic Collection]* / ed. by V. K. Gardanov. Moscow, Nauka. Vol. VIII. 280 p. Pp. 72–105. (In Russ.).

Kaloev, B. A. (2004) *Osetiny: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie [The Ossetians: A historical and ethnographic study]*. Moscow, Nauka. 471 p. (In Russ.).

Katanov, N. F. (1894) O pogrebal'nykh obriadakh u tiurkskikh plemen s drevneishikh vremen do nashikh dnei [On burial rites among the Turkic tribes from ancient times to the present]. In: *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete [Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan' University]*. Kazan'. Vol. XII. Issue 2. Pp. 109–142. (In Russ.).

Kakhovskii, V. F. (1965) *Proiskhozhdenie chuvashskogo naroda [The origin of the Chuvash people]*. Cheboksary, Chuvash Book Publishing House. 262 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (1987) *Obriadovaia praktika i fol'klor tuvinskogo shamanstva. Konets XIX — nachalo XX v. [Ritual practice and folklore of Tuvian shamanism: Late XIX — early XX century]*. Novosibirsk, Nauka. 165 p. (In Russ.).

Kimeev, V. M. (2009) Pogrebal'nyi obriad shortsev [Funeral Rite of the Shorts People]. In: *Sibirskii sbornik-1: Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii [Siberian Collection-1: The Funeral Rite of the Peoples of Siberia and Neighboring Territories]: in 2 books / ed. by L. R. Pavlinskaia*. St. Peterburg, MAE RAN. Book 2. 226 p. Pp. 117–122. (In Russ.).

Kisel', V. A. (2009a) Netiurkskie elementy pogrebal'nogo obriada tuvintsev [Non-Turkic elements in Tuvan burial rite]. In: *Sibirskii sbornik-1: Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii: v 2-kh knigakh [Siberian Collection-1: The Funeral Rite of the Peoples of Siberia and Neighboring Territories: in 2 books] / ed. by L. R. Pavlinskaia*. St. Peterburg, MAE RAN. Book 2. 226 p. Pp. 140–147. (In Russ.).

Kisel', V. A. (2009b) *Poezdka za krasnoi sol'iu. Pogrebal'nye obriady Tuvy. XVIII — nachalo XXI v. [A journey for the red salt. Funeral rites of Tuva: XVIII — early XXI century]*. St. Petersburg, Kunstkamera. 142 p. (In Russ.).

Kisel', V. A. (2010) Sovremennii pokhoronno-pominal'nyi ritual tuvintsev [Contemporary funeral and commemoration ceremony of Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 255–279 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/483> (access date: 28.04.2020). (In Russ.).

Kovalivs'kyi, A. (1995–1996) *Zv'yazky zi Skhodom ta skhodoznavstvo u Kyievi y Naddnipyrianshchyni (peredmov ta publikatsiya Valeriya Rybalkina) [Relations with the Orient and Oriental studies in Kyiv and the Dnieper region: preface and publication by Valery Rybalkin]* In: *Skhidnyy svit [The World of the Orient]*, no. 2 (1995) — no. 1 (1996). Pp. 146–167. (In Ukrainian).

Kon, F. Ya. (1936) *Za piat' desiat let [In fifty years]*. 2nd ed. Vol. 3–4. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ. 344 p. (In Russ.).

Koreniako, V. A. (2002) *Iskusstvo narodov Tsentral'noi Azii i zverinyi stil' [Art of the Peoples of Central Asia and the Animal Style]*. Moscow, Vostochnaia literatura. 327 p. (In Russ.).

Kuz'mina, E. E. (1977) Rasprostraneniie konevodstva i kul'ta konia u iranoiazychnykh plemen Srednei Azii i drugikh narodov Starogo Sveta [The rise of horse breeding and the cult of the horse among the Iranophone tribes of Central Asia and other peoples of the Old World]. In: *Srednaia Aziia v drevnosti i srednevekov'e (istoriia i kul'tura) [Central Asia in the Antiquity and the Middle Ages: History and culture] / ed. by B. G. Gafurov and B. A. Litvinskiy*. Moscow, Nauka. 194 p. Pp. 28–52. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvinty v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora) [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]*. Kyzyl, Tuva book publishing house. 464 p. (In Russ.).

Kyzlasov, L. R. (1969) *Istoriia Tuvy v srednie veka [The History of Tuva in the Middle Ages]*. Moscow, MGU Publ. 214 p. (In Russ.).

Kyzlasov, L. R. (1979) *Drevniaia Tuva (ot paleolita do IX v.) [Ancient Tuva, from the Paleolithic to the 9th century]*. Moscow, MGU. 208 p. (In Russ.).

Mannai-ool, M. Kh. (2004) *Tuvinty: proiskhozhdenie i formirovanie tuvinskogo etnosa [Tuvans: the origin and formation of the Tuvan ethnos]*. Novosibirsk, Nauka. 166 p. (In Russ.).

Mannai-ool, M. Kh. (2010) Vklad F. Ya. Kona v etnograficheskoe izuchenie Tuvy [F. Ya. Kon's contribution to the ethnographic study of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 135–142 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/534> (access date: 28.04.2020). (In Russ.).

Movses Kalankatuatsi (1984) *Istoriia strany Aluank [A History of [Caucasian] Albania]*. Transl. by Sh. V. Smbatian. Erevan, AN Ar. SSR. 258 p. (In Russ.).

Molev, E. A. and Moleva, N. V. (2013) Skifskie antropomorfnye izvaianiia Severnogo Prichernomor'ia: emblemy vlasti i voiny [Scythian anthropomorphic sculptures of the Northern Black Sea region: Emblems of power and war]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. (3), pp. 15–21. (In Russ.).

Motsia, A. P. (1987) Skorchenne zakhoroneniia drevnerusskikh nekropolei [Crumpled burials at the necropolises of Old Rus']. In: *Drevnosti Srednego Podneprov'ia [Antiquities of the Middle Dnieper basin] / ed. by I. I. Artemenko*. Kiev, Naukova dumka. 160 p. Pp. 101–105. (In Russ.).

Okladnikov, A. P., Okladnikova, E. A., Zaporozhskaia, V. D. and Skorynina, E. A. (1979) *Petroglify doliny reki Elangash (Iug Gornogo Altaia) [Petroglyphs of the Elangash River valley in the South Altai]*. Novosibirsk, Nauka. 136 p. (In Russ.).

Okladnikova, E. A. (1988) Volokushi indeitsev ravnin v etnogeneticheskom i etnoekologicheskom aspektakh [Sleds in use of indigenous people of the American plains in the ethnogenetic and ethnoecological aspects]. In: *Ekologiia amerikanskikh indeitsev i eskimosov: problemy indeanistiki [Ecology of the indigenous American peoples and the Inuit: issues of indigenous studies] / ed. by V. A. Tishkov*. Moscow, Nauka. 338 p. Pp. 101–110. (In Russ.).

Ochir-Goryaeva, M. A. (2017) Soprovozhdaiushchie pogrebeniia konei v skifskikh kurganakh Severnogo Prichernomor'ia [Accompanying horse burials in Scythian mounds of the Northern Black Sea region]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences]*, vol. 31, issue 3, pp. 100–109. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-31-3-100-109>

Ochir-Goryaeva, M. A. (2019) Poza vsadnika po arkhologicheskim i etnograficheskim dannym [Body postures of buried horsemen: Archaeological and ethnographic evidence]. *Oriental Studies*, issue 12(5), pp. 812–821. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-5-812-821>

Rapoport, Yu. A. (1971) *Iz istorii religii drevnego Khorezma [From the history of religion in ancient Khorezm]*. Moscow, Nauka. 124 p. (In Russ.).

Rudenko, S. I. (1953) *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia [The Culture of the Population of the Gorny Altai in the Scythian Times]*. Moscow, Leningrad, AN SSSR. 404 p. (In Russ.).

Rudenko, S. I. (1968) *Drevneishie v mire khudozhestvennye kovry i tkani iz oledenelykh kurganov Gornogo Altaia [The Oldest Carpets and Textiles from the Frozen Mounds of the Altai]*. Moscow, Iskusstvo. 136 p. (In Russ.).

Savovs'kyi, I. P. (1977) Novi sarmats'ki pokhovannya na Zaporizhzhzi [New Sarmatian Burials in Zaporizhzhhe Region]. In: *Arkheolopya [Archaeology]* / ed. by I. I. Artemenko. Kyiv, Nakova dumka. Issue 23. 100 p. Pp. 61–70. (In Russ.).

Struchkova, A. V. (2016) Skifo-khunnskie komponenty v ritual'nykh konstruktsiakh i predmetakh bytovogo naznacheniia iz dereva u tiurkoiazychnykh narodov Sibiri [Scythian-Hunnic components of ritual structures and domestic items made of wood of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. *Tomsk State University Journal*, no. 408, pp. 138–144. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/15617793/408/21>

Trefil'ev, E. P. (1905) Arkheologicheskie ekskursii v Kupianskii uezd Khar'kovskoi gubernii [Archaeological Excursions to the Kupyansk Uezd of Kharkiv Governorate]. In: *Trudy XII Arkheologicheskogo S'ezda v Khar'kove, 1902 [Proceedings of the 12th Archaeological Congress in Kharkov, 1902]*: in 3 vols. / ed. by Countess Uvarova. Moscow, Tovarishestvo tipografii A. I. Mamontova. Vol. I. 427 p. Pp. 131–140. (In Russ.).

Khazanov, A. M. (1975) *Zoloto skifov [Scythian Gold]*. Moscow, Sovetskii khudozhnik. 144 p. (In Russ.).

Chugunov, K. V. (2009) Arzhan-1 i Arzhan-2: sravnitel'nyi analiz [Arzhan I and Arzhan II: a comparative Analysis]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 176–186 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/637> (access date: 28.04.2020). (In Russ.).

Chugunov, K. V., Partsinger, G. and Nagler, A. (2017) *Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve [Arzhan II, the royal mound of the Scythian times in Tuva.]*. Novosibirsk, Izd. IAET SO RAN. 500 p. (In Russ.).

Shishlo, B. P. (1975) *Sredneaziatskii tul i ego sibirskie paralleli In: Domusul'manske verovaniia i obriady v Srednei Azii [Central Asian Tul and its Siberian Parallels]* / ed. by G. P. Snesarev and V. N. Basilov. Moscow, Nauka. 344 p. Pp. 248–260. (In Russ.).

Yakovlev, E. K. (1900) *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i ob'yasnitel'nyi katalog Etnograficheskogo otdela Muzeia [An ethnographic review of the South Yenisei Valley and the explanatory catalogue of the Museum's Ethnography Research Department]*. Minusinsk, V. I. Kornakov. 357 p. (In Russ.).

Bubenok, O. (2002) Iranian-Turkic Ethnic and Cultural Symbiosis in the Steppes of Turan after the Hunnic Expantion. *Skhidnyy svit [The World of the Orient]*, no. 1, pp. 86–89.

Bubenok, O. B. (2012) Funeral Ceremony of Ancient Turks as a Reflection of Contacts with Iranophone Nomads in the Sphere of Ideology. In: *38. ICANAS (International Congress of Asian and North African Studies). 10-15.09.2007. Ankara / Turkiye. Papers, History and History of Civilizations*. Ankara, Atatürk Supreme Council for Culture, Language and History. Vol. II. 608 p. Pp. 745–754.

Frobenius, L. (1909) *The Childhood Of Man: A Popular Account Of The Lives, Customs And Thoughts Of The Primitive Races*. London, Seeley & Company Limited. 436 p.

Graebner, F. (1905) Kulturkreise und Kulturgeschichten in Ozeanien. *Zeitschrift fr Ethnologie*. Band 37. Berlin. S. 28–53. Submission date: 28.10.2020.

Правовой статус тувинских женщин сквозь призму законов Тувинской Народной Республики

Органа Д. Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье анализируется эволюция конституционного, гражданско-правового положения тувинских женщин сквозь призму законов Тувинской Народной Республики. Предпринята попытка определения генезиса отдельных норм законодательства в отношении женщин, сделан сравнительный анализ с советским законодательством с учетом социальных, культурных и политических факторов в тувинском обществе. Источниковую базу исследования составили конституции, уголовные и гражданские законы ТНР, в которых отражена политико-правовая основа эмансипации тувинских женщин.

Правовым ориентиром для ТНР стал законотворческий опыт СССР, в тувинских законах прослеживается прямая рецепция отдельных норм советских законов. Вместе с тем при разработке законов учитывалась социокультурная, общественно-политическая специфика ТНР.

Конституции ТНР дали женщинам политические права, гражданские свободы, конституционно закрепленное равноправие с мужчинами, доступ к управлению государством, образованию, современному здравоохранению. Однако конституционного признания равноправия с мужчинами было недостаточно. Для реального изменения статусно-ролевой функции женщин, политической социализации и включения женщин в экономику страны, было необходимо принятие ряда норм в уголовных, гражданских законах ТНР. Поэтому отдельному разбору в исследовании подверглись уголовные и гражданские законы.

Уголовные законы ТНР наложили запрет на физическое насилие над женщиной, насильственные браки, раннее замужество, привлечение женщины к занятию проституцией. Были введены новая форма регистрации брака, договорное и судебное регулирование имущественных правоотношений супругов при разводе, имущественных отношений при незарегистрированном сожительстве, практика установления отцовства, обязанности биологического отца ребенка, рожденного вне брака. Законы о труде ТНР ввели дифференцированный подход к труду мужчин и женщин, женский труд получил определенные льготы в связи с выполнением репродуктивных функций женщин. Женский труд был включен в производственные отношения, экономику государства. Возникает новый тип работающей по найму женщины с гарантированной государством оплатой труда и трудовыми правами.

Заключается, что в совокупности и конституции, и уголовные, гражданские законы ТНР явились политико-правовой базой для эмансипации тувинской женщины.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика; Тува; тувинцы; история Тувы; равноправие; правовой статус женщин, эмансипация; права женщин

Для цитирования:

Натсак О. Д. Правовой статус тувинских женщин сквозь призму законов Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. 2021, № 1. С. 148-173. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.8>

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философских наук, ученый секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: nod695596@gmail.com

NATSAK, Organa Dorzhuevna, Candidate of Philosophy, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: nod695596@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1833-4810

The legal status of Tuvan women through the prism of the Laws of the Tuvan People's Republic

Organa D. Natsak

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article analyzes the evolution of the constitutional, civil and legal status of Tuvan women through the prism of the laws of the Tuvan People's Republic (TPR), attempts to determine the genesis of certain norms of women-related legislation through a comparative analysis with Soviet legislation. The article also considers social, cultural, and political factors in the life of the Tuvan society. For its sources, the study relies on the constitutions, criminal and civil laws of the TPR, which formed the political and legal basis for the emancipation of Tuvan women.

The legislative experience of the USSR was the legal guidance for the TPR, and the Tuvan laws directly borrowed certain norms of Soviet laws. At the same time, the socio-cultural and socio-political specifics of the TPR were also taken into account in the course of lawmaking.

The constitutions of the TPR endowed women with political rights, civil liberties, constitutionally guaranteed equality with men, access to government, education, and modern healthcare. However, for the emancipation of women, constitutional recognition of equality with men was not enough. To transform the status and role function of women, to provide political socialization and inclusion of women in the country's economy, it was necessary to add a number of provisions to the criminal and civil laws of the TPR, which thus explains our separate focus on these areas of legislation.

Criminal laws of TPR prohibited physical abuse of women, forced and early marriages, and involvement in prostitution. A new form of marriage registration was implemented, as well as contractual and judicial regulation of property relations between spouses in case of divorce, and property relations in case of unregistered cohabitation. Also introduced were the practice of paternity identification and duties of the biological father to a child born out of wedlock. The labor laws of the TPR introduced a differentiated approach to the labor of men and women. Women's labor received certain benefits due to women's reproductive functions, and made part of industrial relations and the state economy. There finally appears a new type of a working woman, the one enjoying state-guaranteed salary and labor rights.

It is concluded that both the Constitutions and the criminal and civil laws of the TPR were the political and legal basis for the emancipation of the Tuvan woman.

Keywords: Tuvan People's Republic, Tuva; Tuvans; Tuvan history; equal rights; women's legal status; emancipation; women's rights

For citation:

Natsak O. D. The legal status of Tuvan women through the prism of the Laws of the Tuvan People's Republic. *New Research of Tuva*, 2021, no. 1, pp. 148-173. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.8>

Введение

В тувинской историографии неизученными остаются вопросы, связанные с правовым положением женщин в Тувинской Народной Республике (далее — ТНР) (1921–1944), несмотря на достаточное активное исследование женского вопроса в Туве в исторической и этнографической плоскостях.

Из исторических работ советского периода следует отметить исследование Н. А. Сердобова «Коминтерн и революционная Тува» (Сердобов, 1985), в котором он, наряду с другими темами, рассматривает вопросы раскрепощения женщин и их участие в «некапиталистическом развитии» Тувы. О влиянии женщин Русской самоуправляющейся трудовой колонии на развитие делегатских собраний среди тувинок писал Ю. Л. Аранчын (Аранчын, 1977). З. Ю. Доржу изучала социальное положение тувинских женщин и их участие в общественно-политической жизни (Доржу, 1993, 2008, 2011). Положение женщин Тувы в семье и обществе в первой половине XX века стало объектом научного анализа в монографии Г. А. Забелиной (Забелина, 2010). М. В. Монгуш реконструировала и проанализировала образ и статус тувинской женщины в семье и обществе на основе работ русских, зарубежных этнографов и антропологов (Монгуш, 2010). Об особенностях брачно-семейных отношений у тувинцев и их трансформации в советский период писала С. М. Биче-оол (Биче-оол, 2018). Роль женщины-матери в традиционной тувинской семье анализировала З. В. Анайбан (Анайбан, 2016). Исследования указанных авторов внесли значительный вклад в изучение «женского вопроса» в разные периоды истории Тувы. Вместе с тем вопрос изменения конституционного и гражданско-правового положения женщин в ТНР через призму уголовных, гражданских законов не исследовался, и в такой постановке проблемы специальных работ нет.

В Туве до распада Цинской империи применялась система законов, разработанная цинскими властями специально для внешних территорий, к которым относились Монголия и территория Тувы. В 1921 г. новое тувинское государство первым делом утвердило Конституцию, определяющую общественное, государственное устройство, основные права и обязанности граждан. Всего в период ТНР было принято шесть Конституций (в 1921, 1924, 1926, 1930, 1936, 1941 гг.) (Конституции Тувы ..., 1999). Тувинское государство принимало законы, которые регулировали новые социальные нормы и утверждали новые инструменты социального контроля через введение специальных норм и санкций. Эти законы определяли, в том числе, место женщин в социальных отношениях. Изучение этой темы является актуальным исследовательским направлением для понимания истоков современных гендерных диспропорций в тувинском обществе.

Целью настоящей статьи является исследование изменения общественно-политического, правового и социального статуса тувинских женщин, их эмансипации через анализ текстов конституций и законов ТНР. Исходя из цели были поставлены следующие исследовательские задачи: провести анализ законов ТНР с точки зрения регулирования правового положения женщин, объяснить генезис и содержание отдельных норм законов, касающихся правового статуса женщин, с учетом социокультурной, политической ситуации в ТНР на разных этапах ее развития, реконструировать и осмыслить социальные условия, в которых принимались те или иные нормы законов ТНР, провести сравнительный анализ норм тувинских законов, имеющих отношение к женщинам, с нормами советского законодательства.

В качестве источниковой базы использованы опубликованные тексты конституций ТНР на русском и тувинском языках¹, а также уголовные и гражданские законы ТНР на монгольском, тувинском, русском языках. Это: «Закон о привлечении к судебной ответственности» 1923 г., краткий перевод которого (с монгольского на тувинский язык) хранится в Национальном архиве Республики Тыва (далее — НА РТ) (НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 4; на 21 листе об.), «Уголовное Уложение ТНР» (незаверенная копия) 1930 г., переведенное на русский язык, находится также в фондах указанного архива (НА РТ, ф-п 93, оп. 1, д. 13; на 35 л.). В Научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (далее — НА ТИГПИ) хранятся в опубликованном виде следующие законы, использованные при написании статьи: «Уголовный кодекс. Особый раздел», на монгольском языке в 1927 г. (Šigükü čaγačan-u bičig. Tusgai anggi); «Закон о браке, семье, опеке над сиротами, недееспособными (душевнобольными) несовершеннолетними и совершеннолетними лицами» (Aşşak kadaǰ polcur polgaş eq ištinde kizilerniñ tugajǰ, paза øskys polgaş хар setpeen ijik-pe, хар cetken polza-taa soluu aarǰqlǰq kizilerni харagalzap kamgalaar tyrym) на тувинском языке; «Закон о труде ТНР» 1933 г. на русском языке; «Уголовный закон ТНР» (TAR kriminel (eruu) tyrymu) 1934 г. на тувинском языке; «Закон о труде ТНР» (Tьba Arat Respubliktyň kyş-azyl tyrymu) 1938 г. на тувинском языке; «Уголовный кодекс ТНР» (TAR kezemce tyrymu) 1941 г. на тувинском языке².

Кроме указанных источников, в статье использованы документы из Российского государственно-го архива социально-политической истории (далее — РГАСПИ) (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 1, л. 27–28; ф. 495, оп. 153, д. 37, л. 11).

Большую ценность для данной темы представили документы Тувинской Народно-Революционной партии (далее — ТНРП) и женотдела при Центральном Комитете Тувинской Народно-Революционной партии (далее — ЦК ТНРП), опубликованные на монгольском языке: Tiva arad-un qubisγaltu

¹ Конституции Тувы. 1921–1993 гг. Кызыл, 1999; Tьba Arat Respubliktyň Yndezin Xoojluzu (Konstitutuz). Кызыл: Tьba Kuruneniñ nom согаадьр ceri, 1932 (На тув. яз.); Конституция ТНР. Кызыл: Тувинское государственное книжное издательство, 1932; Tьba Arat Respubliktyň Yndezin Xoojluzu (Konstitutuz). Кызыл: TAR Picce Xural Prezidiumu, 1941 (На тув. яз.); Конституция ТНР. Кызыл: Президиум Малого Хурала, 1941.

² Šigükü čaγačan-u bičig. Tusgai anggi [Уголовный кодекс. Особый раздел]. Кызыл, 1927 (На монг. яз.); Aşşak kadaǰ polcur polgaş eq ištinde kizilerniñ tugajǰ, paза øskys polgaş хар setpeen ijik-pe, хар cetken polza-taa soluu aarǰqlǰq kizilerni харagalzap kamgalaar tyrym [Закон о браке, семье, опеке над сиротами, недееспособными (душевнобольными) несовершеннолетними и совершеннолетними лицами]. Кызыл: Oficial согаал, 1932 (На тув. яз.); Закон о труде. Кызыл: Гостипография, 1933; TAR kriminel (eruu) tyrymu [Уголовный закон ТНР]. Кызыл: Ystykyкky şууγyden undyrǰen. Кызыл: Издание Верховного суда ТНР. 1934 (На тув. яз.); Tьba Arat Respubliktyň kyş-azyl tyrymu [Закон о труде ТНР]. Кызыл: TAR Picce Xural Prezidiymunǰ ceri. Кызыл: Президиум Малого Хурала, 1939 (На тув. яз.); TAR kezemce tyrymu [Уголовный кодекс]. Кызыл horaj: Ystykyкky şууγyden undyrǰen, 1942 (На тув. яз.).

nam-un naymaduɣar yeke hural-un tobči toqtaɣal [Постановление VIII съезда ТНРП]; Tiva arad-un qubisɣaltu nam-un mörүн kötүlbүri [Программа ТНРП 1929 г.] 1929 г.; 1930 duɣar on 11 sara-yin 4 – düger edüre ekelen huralduɣsan tiva arad risublig-un burin erkeber doloduɣar yeke hural-un tobči toqtaɣal [Постановление VII Великого Хурала ТНР, 4 ноября 1930 г.]; Bүkü Tiva emegteiyүd-ün jokiyan bayıuluqçı nar ba idebgitei keşegүd-ün angqaduɣar hural-un tobči toqtaɣal [Постановление первого всетувинского организационного собрания женщин и активисток]¹.

Общественно-политический статус тувинских женщин до 1921 года

Оценки положения тувинских женщин до 1921 г. и после провозглашения ТНР, нашедшие отражение в документах и литературе периода ТНР, были выстроены в рамках достаточно односторонней идеологической конструкции, которую использовали в политических целях. Во всех материалах указанного периода — в партийных документах, агитационной литературе, публикациях в партийных журналах — присутствовали оценки, которые можно изложить в нескольких тезисах:

- тувинские женщины до 1921 г. были бесправны во всех отношениях, приравнивались к домашним животным или вещам (имуществу), которые можно продать;
- тувинские женщины жили в темноте и невежестве, их не воспринимали как людей, воспринимали как грязные существа;
- тувинские женщины были бесправны, находились под многократным угнетением и эксплуатацией иностранных империалистов, местных феодалов и лам;
- лишь после 1921 года положение женщин улучшилось и решающую роль в этом сыграло принятие тувинской властью новой политики советского государства.

Но зададимся вопросом о том, так ли бесправны были ли тувинские женщины, как указывалось в работах, к примеру, Г. А. Забелиной (см.: [Забелина, 1977: 92](#))? Начиная с древних времен в кочевых обществах главным в семье был мужчина, но роль женщин в хозяйстве была высокой. В Монгольской империи (XIII–XIV вв.), в состав которого входила и территория Тувы, по наблюдениям Плано Карпини², в хозяйственной деятельности кочевников доля участия женщин значительно превышала вклад мужчин ([Кляшторный, 1985: 164](#)). Известный российский монголист Б. Я. Владимирцов также указывал на то, что женщины в Монголии того времени, играя значительную роль в хозяйстве, участвовали и в общественной жизни ([Владимирцов, 1934: 56](#)).

После распада монгольской империи тувинцы находились в составе государства Алтын-ханов (XVII–XVIII в.). Главную роль в тувинской семье продолжал играть мужчина. Вместе с тем есть свидетельства об участии женщин из знати Алтын-ханов в политических, дипломатических и управленческих вопросах ([Почекаев, 2018: 25](#)). Однако, это касалось только высшей аристократии, и вряд ли относилось к простым женщинам.

В эпоху маньжурской империи Цин в Туве (середина XVIII — начало XX в.) сохраняется моногамная семья с главенствующей ролью мужчины. Как утверждал Ф. Кон, посетивший Туву в 1902–1903 гг., несмотря на свое подчиненное положение, женщина пользовалась авторитетом и принимала участие в решении семейных вопросов. Он указывал на существование патриархальных больших семей, состоящих из представителей трех поколений и ведущих общее хозяйство под руководством старшего мужчины, а в случае смерти — его жены ([Кон, 1934: 251](#)).

В период империи Цин правоотношения в Монголии и Туве регулировало Уложение Китайской Палаты Внешних Сношений, в которых были отражены также нормы семейного права. В уголовной

¹ Tiva arad-un qubisɣaltu nam-un naymaduɣar yeke hural-un tobči toqtaɣal [Постановление VIII съезда ТНРП]. Кызыл, 1929. (На монг. яз.); Tiva arad-un qubisɣaltu nam-un mörүн kötүlbүri [Программа ТНРП 1929 г.]. Кызыл, 1929. (На монг. яз.); 1930 duɣar on 11 sara-yin 4 – düger edüre ekelen huralduɣsan tiva arad risublig-un бүрин erkeber doloduɣar yeke hural-un tobči toqtaɣal [Постановление VII Великого Хурала ТНР, 4 ноября 1930 г.]. Кызыл, 1931. С. 72. (На монг. яз.); Bүkü tiva-yin emegteiyүd-ün jokiyan bayıuluqçı nar ba idebgitei keşegүd-ün angqaduɣar hural-un tobči toqtaɣal [Постановление первого всетувинского организационного собрания женщин и активисток]. Кызыл, 1930 (На монг. яз.); Резолюции X съезда ТНРП. Кызыл, 1937.

² Плано Карпини (Иоанн де Плано Карпини) — итальянец по происхождению, по поручению римского папы Иннокентия IV посетил Монгольскую империю в 1245–1247 гг. с дипломатическими и миссионерскими задачами. По итогам своего путешествия написал книгу «История монголов, именуемых татарами». См.: [Путешествия в восточные ... , 1957: 6–7](#).

части Уложения, например, содержались нормы, согласно которым за умышленное убийство жены вне зависимости, чиновник он или простолюдин, виновник приговаривался к удушению. К этой же мере наказания подвергались те, чье жестокое отношение к женам приведет к их смерти¹. Цинские законы установили правила и нормы поведения между полами. Они показывают, прежде всего, ранговое, сословное, имущественное неравенство через систему дифференцированного наказания за правонарушения в сфере семейно-брачных отношений, нежели неравенство между мужчинами и женщинами. В тексте Уложения нет отсылок к равным правам или равноправию между мужчинами и женщинами, но есть разные меры наказания за одни и те же виды преступлений аристократу или простолюдину.

В бытовой жизни на тувинских женщинах многое держалось. Ярким примером хозяйственной самостоятельности женщин у тувинцев является практика перекочевки, связанная с сезоном охоты у тувинцев-тоджинцев. Муж, уходя на охоту, указывал жене место, куда он явится во время промысла, и на это место она должна была перекочевать с детьми, со всем скарбом. Все заботы по перекочеванию лежали на ней: она выючила лошадей, перегоняла скот (Кон, 1934: 137).

В выживании семьи, рода, народа в кочевом обществе в условиях сурового климата, войн, перекочевок, вызванным типом хозяйствования, основную роль играл труд женщин. Значимая роль женщины в хозяйственных вопросах семьи, возможно, предопределяла достаточно высокий уровень свободы и статуса женщин.

На основе работ русских путешественников, изучавших Туву в конце XIX — начале XX в. и оставивших ценные этнографические наблюдения, составлялась картина свободного, независимого нрава тувинской женщины, ее самодостаточности и искусности в хозяйстве (Монгуш, 2010: 140).

Однако были сферы, закрытые для женщин. Во-первых, женщины не имели доступа к образованию и постижению буддийской философии: монастырское образование было исключительно мужским, женских монастырей не было. В этом проявилась в том числе ограничительная политика Цинских властей. В общих постановлениях Уложения Китайской палаты внешних сношений касательно ламского духовенства был установлен запрет «всем монгольским девицам и женщинам поступать в монахи по собственному произволению. Тех, которые учинят вопреки сему положению, разстригать и обращать в прежнее состояние»². Кроме того, строго запрещалось женскому полу ходить в монастыри, в которых живут ламы.

Женщины в Цинский период не имели доступа к государственным делам и управлению — тувинские чиновники того времени были исключительно мужчинами. Равные права с мужчинами в соответствии с Конституцией и законами тувинские женщины получили только после провозглашения Тувинской Народной Республики.

Представляется, что до 1921 г. бесправие тувинских женщин действительно имело место в таких сферах, как политика, управление, получение образования. Однако, следует помнить о том, что таких возможностей не имело большинство аратов-мужчин — в хозяйственной жизни семьи статус тувинских женщин не был таким приниженым, как описывалось в идеологизированных партийных документах и агитационной литературе ТНР. Как выше указано, в цинский период письменные законы империи, основанные на обычном праве монголов, содержали нормы, предусматривающие виды наказания за причинение физического вреда и убийства жен, за нарушения установленных правил семейно-брачных отношений.

Права женщин в Тувинской Народной Республике

Во втором параграфе первой Конституции Республики Танну-Тува Улус, принятой по итогам Все-тувинского Учредительного Хурала в 1921 г., было провозглашено, что «все граждане Танну-Тува Улус равны перед законом, издаваемым с согласия всего народа» (Конституции Тувы ... , 1999: 25). Поскольку под понятием «все граждане Танну-Тува Улус» подразумевались все жители Тувы, эта норма подчеркивала равенство перед законом мужчин и женщин, а также одинаковую ответственность. Но, несмотря на это, в первые годы ТНР тувинские женщины воспользоваться всеми правами в

¹ Уложение Китайской Палаты Внешних Сношений : пер. с маньчж. С. ЛиповцовЪ. СанктпетербургЪ, 1828. Т. II. Ч. III. С. 77.

² Уложение Китайской Палаты Внешних Сношений : пер. с маньчж. С. ЛиповцовЪ. СанктпетербургЪ, 1828. Т. II. Ч. IV, Глава IX. С. 225.

реальной жизни не могли в силу неграмотности, незнания своих прав. Также в обществе отсутствовала соответствующая политическая культура, были достаточно сильны предрассудки относительно роли и места женщины в обществе.

Политическая социализация тувинских женщин, как и везде, была очень непростым процессом. Не случайно «женский вопрос» становится одним из важнейших тем в политической повестке ТНР.

О равноправии мужчин и женщин более четко было сказано в «Основных законах ведения политической работы народного правительства Тувинской Народной Республики» 1923 г.: «... отныне, несмотря на пол, возраст, все люди равноправны. Право избирать и быть избранным имеют все граждане независимо от пола в возрасте 20 лет и выше» (Конституции Тувы ... , 1999: 30). Это было первое в истории тувинского общества наделение женщин политическими правами, формальное закрепление принципа и нормы, обеспечивающих возможность для участия женщин в общественно-политической жизни, а право быть избранным — в управлении государством.

Данная норма также в последующем воспроизведена в пункте 17 Конституции 1924 г. (там же: 37).

В Конституции ТНР 1926 г. было признано равноправие граждан независимо от их национальности, религии и пола. Избирательными правами в ТНР по Конституции 1926 г. наделялись граждане обоего пола (мужчины и женщины), достигшие ко дню выборов 18-летнего возраста (там же: 45). Данная норма была сохранена в Основном Законе (Конституции) Тувинской Аратской Республики¹ (далее — ТАР), утвержденной в 1930 г.²

Тувинские женщины в 1930 г. получили права на свободное политическое волеизъявление через публичные мероприятия. В первом разделе конституции ТАР 1930 г. были признаны права граждан на свободное проведение собраний, митингов, демонстраций и республика брала на себя обязанности для предоставления под эти цели соответствующих зданий и сооружений³.

В Конституции Тувинской Народной Республики 1941 г. впервые осуществлена детализация прав женщин. В статье 77 было прописано, что:

«женщине в ТНР предоставляются равные с мужчиной права во всех областях государственной, хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни страны. Возможность осуществления этих прав обеспечивается предоставлением женщине равных с мужчиной условий и оплаты труда, отдыха, социального страхования, образования, а также государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпуска с сохранением за работающими по найму содержания. Какое бы то ни было прямое или косвенное нарушение равноправия женщины, воспрепятствование участию их в государственной, хозяйственной, культурной, и общественно-политической жизни, воспрепятствование поступлению женщин в школы, а также насильственная выдача замуж несовершеннолетних и вступление с ними в брак караются законом»⁴.

Безусловно, на конституционный процесс в Туве в целом и на содержание закрепляемых норм влияли, прежде всего, советские конституции. Следует отметить, что в исследовательской литературе была позиция, согласно которой советская модель конституций заимствовалась Тувой через монгольский опыт. На основе сравнительного анализа текстов монгольской и тувинской конституций С. В. Шостакович, к примеру, считал, что многие институты, свойственные советским конституциям, были рецепированы⁵ Танну-Тувою не непосредственно, а через монгольскую Конституцию (Шостакович, 2007: 205). При этом С. В. Шостакович не указывал на то, что Монголия приняла свою первую конституцию в 1924 г. после кончины Богдо-Гегена VIII, в то время как в ТНР первая конституция была принята в 1921 г. Скорее всего, он сравнивал первую монгольскую конституцию 1924 г. с третьей тувинской конституцией 1926 г. Действительно, был такой факт, когда в 1926 г. ЦК ТНРП при участии уполномоченного Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (да-

¹ Следует указать на то, что в названиях и текстах конституций разных лет на русском языке указаны разные названия тувинского государства: в конституции 1921 г. — Республика Танну-Тува Улус; 1924 и 1926 гг. — Тувинская Народная Республика; 1930 г. — Тувинская Аратская Республика; 1936 и 1941 гг. — Тувинская Народная Республика (см.: Конституции Тувы ... , 1999). На тувинском языке, за исключением первой Конституции 1921 г. (Танну-Тува Улус), название одно и то же — «Тыва Арат Республика».

² Тыва Арат Республиктың Үндезин Хоожузу (Konstitutuzu) [Конституция ТНР]. Кызыл, 1932. С. 2. (На тув. яз.).

³ Там же. С. 4.

⁴ Тыва Арат Республиктың Үндезин Хоожузу (Konstitutuzu) [Конституция ТНР]. Кызыл: ТАР Писче Хурал Президиуму. 1941. С. 30. (На тув. яз.).

⁵ Рецепция — принятие, заимствование правовой системы, правовых норм других стран.

лее — ИККИ) С. А. Нацова рассматривал проект Конституции ТНР, подготовленный на основе Конституции Монголии (принятой I Великим Хуралданом Монголии). Конституция Монголии была разработана преимущественно Т. Р. Рыскуловым, уполномоченным ИККИ в этой стране. Указанный проект Конституции ТНР, представленный членами законодательной комиссии Малого Хурала ТНР Нимажапом и Шыырапом в ЦК ТНРП, был забракован и передан на доработку специальной комиссии, в которую вошли Содном (генеральный секретарь ТНРП), Дондук (председатель Совета министров ТНР) и Хемчик-оол (заведующий агитацией и пропагандой ЦК ТНРП)¹. Можно предположить, что это не было случайностью.

Несмотря на декларируемое сотрудничество, близость Монголии и ТНР, Коминтерн все же следил за тем, чтобы не допускать реального сближения двух стран по ряду политических причин. «Монголофилы» — именно так с негативным оттенком называли часть тувинского руководства, которая шаг за шагом была отодвинута от власти и руководства партии. Нимажапа и Шыырапа, представивших монгольскую конституцию, уполномоченный ИККИ С. Нацов в письме Чичерину и Петрову называл «столпами монголофильства». Они были отстранены от дальнейшей работы над конституцией. Тот факт, что в 1925 г., к примеру, под контролем уполномоченного ИККИ в ТНР А. М. Амур-Санана не допустили переизбрания в ЦК ТНРП Шагдыра и Нарымдаха, которые ранее входили в состав высшего руководства партии как «монголофилов» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 3, л. 83), говорит о целенаправленной политике ИККИ против промонгольских настроений среди партийных и государственных деятелей ТНР.

В такой ситуации прямой перенос монгольских законов в ТНР, и наличие идентичных конституций у двух граничащих друг с другом стран с общим историческим прошлым и не до конца разорванными связями между бывшими элитами, как мы полагаем, было политически неприемлемым. По этой причине, по нашему мнению, проект конституции ТНР 1926 г., основанной на монгольской конституции, был переработан.

Закрепление равных прав мужчин и женщин с точки зрения равенства перед законом в конституции ТНР 1921 г., закрепление равных избирательных прав граждан обоего пола в конституции 1923 г., что позволяло женщинам полноценно участвовать в политической жизни — это были решения, которые имели революционное значение для патриархального тувинского общества. Даже в свете современных реалий уже XXI века для некоторых стран вопрос предоставления политических прав женщинам остается актуальным. С учетом того, что в тот период Тува стала независимым государством, это решение ставит ее в ряд с теми немногими государствами, которые к тому времени признали равные политические права мужчин и женщин. Если обратимся к фактам политической истории европейских и азиатских стран, Советская Россия была седьмым государством, которое после Февральской революции 1917 г. признала равные права мужчин и женщин после Новой Зеландии (1893), Австралии (1902), Финляндии (1906) Норвегии (1913), Дании и Исландии (1915), предоставившей женщинам политические права, а именно, избирательные права (Темкина, 2004: 44) Великобритания, например, такие права женщинам предоставила в 1928 г., Франция, Венгрия, Италия, Япония — уже после Второй мировой войны — в 1945 г. (там же: 44), Китай — в 1954 г. (Антонова, 2008: 53). Как мы видим в докладе ООН о политическом участии женщин арабского региона, в таких странах, как Бахрейн (2002), Кувейт (2005), ОАЭ (2006), Саудовская Аравия (2011), с учетом их социокультурных особенностей женщины получили избирательные права только в XXI веке².

Таким образом, на политической карте мира Тувинская Народная Республика была в числе первых государств, признавших равные права женщин и мужчин, и наделивших женщин избирательными правами. Однако, к сожалению, этот факт обходят вниманием исследователи темы политических прав женщин в XX в. (см., напр.: Темкина, 2004: 44; Мурзова, Жилиева, 2018: 89). В научной литературе о политических правах женщин ТНР упоминается лишь как первое государство в мировой истории, которое в результате выборов возглавила женщина — в 1940 г. Хертек Анчимаа-Тока стала председателем Малого Хурала ТНР (там же: 90). Конституционного закрепления общественно-политических прав женщин было недостаточно для внедрения новой модели социальных отношений в Туве.

¹ Письмо С. А. Нацова Чичерину и Петрову от 13.11.1926 (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 5, л. 114).

² Women's Political Representation in the Arab Region. Beirut: United Nations, 2017. P. 9.

Женщины в уголовных законах ТНР

В период ТНР активно разрабатывались уголовные и гражданские законы, в которые не раз вносились изменения под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. При этом надо отметить тот факт, что отдельных законов, регулировавших «женский вопрос», не было. Одним из первых тувинских законов явился «Закон о привлечении к судебной ответственности», состоящий из 83 пунктов, принятый в сентябре 1923 г. Закон разрабатывался специально созданной комиссией. Документ с указанием состава разработчиков, в том числе советников из СССР, хранится в Национальном архиве Республики Тыва (НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 4, л. 9, п. 59).

В послецинский период это был первый собственно тувинский закон, который определил перечень уголовно наказуемых деяний, в том числе в отношении женщин. Закон определил меру уголовной ответственности за насильственные половые действия в отношении несовершеннолетних девушек, предусматривая лишение свободы на 3 года, а также за насилие в отношении совершеннолетних девушек, женщин — лишение свободы на 1 год (НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 4, л. 9, п. 59).

Кроме того, данным законом каралась супружеская неверность: «Если женатый мужчина или замужняя женщина будут вступать в отношения с другой женщиной или другим мужчиной, этого мужчину и женщину каждого по отдельности заключить тюрьму в течение месячного срока» (там же: л. 17, п. 81).

При разводе супругов преимущественно защищались права оставленной стороны: «При разводе, если кто-то из супругов оставляет другого, то он свою часть имущества передает детям или оставленной супруге или супругу, совместно нажитое имущество остается полностью детям и оставленной стороне» (там же: л. 18, п. 82).

Супружеская неверность порицалась еще в средние века. Свидетельством тому служат нормы обычного права кочевников, послужившие основой для средневековых письменных законов Монголии, а также для цинских законов, а именно, для Уложения Китайской Палаты Внешних Сношений. Например, «Их цааз» регулировал случаи прелюбодеяния со стороны замужней женщины, и пункт 107 — при применении сексуального насилия со стороны мужчины. «Если замужняя женщина сойдется с посторонним мужчиной по обоюдному согласию и взаимной любви, то с женщины взять четыре головы скота, а с мужчины — пять»¹. В уголовной части Уложения китайской Палаты Внешних Сношений, например, говорилось: если «простолюдин учинял любодеяние с женщиной равного звания по взаимному согласию, то дать преступнику плетью 100 ударов, продержать прежде 1 месяц в шейной колодке, равному наказанию подвергать и преступницу, только вместо шейной колодки взять откуп»². В случае развода, согласно разделу о браках Уложения, разводящийся мужчина «обязан был возратить женщине все те вещи, которые она принесла с собой в приданое, если только оныя находятся в наличности. Если же часть из оных поступила в употребление, то разведенная не имеет права требовать с него оных»³.

В 1927 г. был принят особый раздел Уголовного закона ТНР⁴. Во-первых, половая неприкосновенность девушек до 15 лет защищается законом. Первый пункт раздела о преступлениях, связанных с развратом и распутством, за связи с девушками младше указанного возраста устанавливал наказание в виде заключения под стражу от 1 месяца до 1 года или штраф от 50 до 600 тугриков⁵.

В последующей редакции, а именно в Уголовном Уложении ТНР 1930 г., этот возраст будет повышен до 18 лет, а наказание ужесточено. Эта регламентация, как мы считаем, могла коснуться добрачных отношений молодежи, в ходе игр *ойтулааш*. С. И. Вайнштейн, например, считал, что *ойтулааш* у тувинцев означал добрачные игры молодежи с традициями половой свободы (Вайнштейн, 1964: 123–124). Есть противоположное мнение С. М. Биче-оол, которая считает, что по отдельным случаям «ухаживаний» и интимных связей нельзя расценивать *ойтулааш* как проявление половой свободы (Биче-оол, 2018: 30). Как бы то ни было, половая неприкосновенность девушек до совершеннолетия стала защищаться законом.

¹ Их Цааз («Великое Уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII : пер. С. Д. Дылыкова. М. : Восточная литература, 1981. С. 23.

² Уложение Китайской Палаты Внешних Сношений : пер. С. Липовцовъ. Санктпетербургъ, 1828. Т. II. Ч. III. С. 112.

³ Уложение Китайской Палаты Внешних Сношений : пер. С. Липовцовъ. Санктпетербургъ, 1828. Т. I. С. 329.

⁴ *Šigükü čaγačan-u bičig*. Tugšai anggi. 1927 [Уголовный кодекс. Особый раздел. 1927]. Кызыл, 1927 г. (На монг. яз.).

⁵ Там же. С. 47.

Во-вторых, было более четко, чем в Законе о привлечении к судебной ответственности 1923 г., прописано уголовное наказание за насильственные половые сношения с девушками. В соответствии со вторым пунктом вышеуказанного раздела о разврате и распутстве данного закона применение сексуального насилия в отношении девушек старше 16 лет влекло за собой наказание от 3 месяцев до 3 лет заключения или штраф от 150 до 1200 тугриков. Если насильственное преступление совершено группой лиц, наказание было более суровым — от 3 лет до 5 лет заключения. В случае насилия в отношении девушек младше 15 лет виновника приговаривали к заключению от 1 года до 5 лет, если в группе в отношении девушек указанного возраста — от 5 лет до 8 лет заключения.

В-третьих, Уголовный закон ТНР 1927 г. был направлен на запрет проституции и вовлечения в эту деятельность тувинских женщин. Так, четвертый пункт вышеуказанного раздела о разврате и распутстве данного закона гласил: «Если кто-то с желанием извлечения выгоды для себя отдаст на пользование женщину или девушку другому человеку, назначалось наказание в виде тюремного заключения от 1 до 3 месяцев, или штраф от 150 тугриков до 600 тугриков»¹. В соответствии со следующим пунктом, «если для извлечения прибыли кто-то будет привлекать женщин и девушек к проституции, поставив отдельную юрту (жилище), виновник должен был отбыть наказание в виде заключения сроком от 6 месяцев до 2 лет»². Частичной и полной конфискации подлежало использовавшееся имущество³.

Рассматривая этот пункт уголовного закона, сложно прямо ответить на вопрос, насколько была проституция как социальное явление распространена в дореволюционной Туве и в первые годы ТНР. Если обратиться к материалам этнографических экспедиций в Туву, у многих, в том числе в отчетах Ф. Кона, Н. Катанова, мы находим оценки степени свободы добрых отношений у тувинцев.

«Одной из характернейших особенностей сойотов было их отношение к женщине. Во многих сойотских поселках, даже у ойнарлов, самых культурных сойотов, мне приходилось видеть юрты, в которых жили взрослые девушки, каждая в отдельной юрте. Это делалось для того, чтобы девушка могла свободно располагать собой и без стеснения принимать своего возлюбленного несмотря на то, что ни девушка, ни парень не собираются скрепить эти связи брачными узлами. Только после того, как невеста переехала из своей юрты в улус жениха, связь с другим считается предосудительной» (Кон, 1934: 128).

Но при этом сам Кон указывает на то, что тувинцы презирали девушек, имевших связь с мужчинами в расчете на материальное вознаграждение, женщин, которые вели разгульный образ жизни. Следует отметить, что с учетом повсеместной бедности простых тувинцев, которые были связаны круговой порукой, в том числе по долгам китайским ростовщическим купцам, тяжелого бремени дани *албату* цинским властям, сложно представить, что семьи могли позволить себе содержать отдельные юрты для дочерей, не вступивших в брачные отношения. Также связи с мужчинами за оплату как род деятельности с учетом общественного порицания вряд ли могли быть распространенными среди тувинских женщин. С этой точки зрения, можно предположить, что описанная практика могла носить спорадический характер. Тем не менее, привлечение женщин к такого рода деятельности уголовным законом ТНР было отнесено противоправному деянию.

Необходимо указать на то, что уголовный закон ТНР практически дословно повторил статьи 170, 171 уголовного кодекса РСФСР 1922 г. о проституции⁴. Поскольку шла рецепция советской системы права, то зачастую нормы переносились автоматически.

В-четвертых, данный закон ТНР включил в разряд уголовных преступлений кровосмесительные половые связи: «Если кто-то вступит в половые отношения с родственниками в рамках четырех поколений (по возрасту и старше, и младше) по отдельности, то будет помещен в тюрьму со сроком от 3 месяцев до 1 года или будет оштрафован от 150 тугриков до 600 тугриков»⁵.

Генезис данной нормы, а также запрета на кровосмесительные браки в «Законе о браке, семье и опеке над сиротами, недееспособными несовершеннолетними и совершеннолетними»⁶, принятого в 1930 г.,

¹ Šigükü čaγačan-u bičig. Tusgai anggi. 1927 [Уголовный кодекс. Особый раздел. 1927]. Кызыл, 1927. С. 47. (На монг. яз.).

² Там же.

³ Там же. С. 48.

⁴ Уголовный кодекс 1922 г. [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ имени А. П. Столыпина. URL: <https://музейреформ.рф/node/13810> (дата обращения: 25.11.2020).

⁵ Šigükü čaγačan-u bičig. Tusgai anggi. 1927 [Уголовный кодекс. Особый раздел. 1927]. Кызыл, 1927. С. 48. (На монг. яз.).

⁶ Aşşak kadaj polcur polgaş oq işinde kizilerniñ tugajy, paza öskys polgaş xar cetpeen ijk-pe, xar cetken polza-taa

по нашему мнению, имеет двоякий характер. С одной стороны, воспроизводство тувинских родов основывалось на древней традиции экзогамных браков, что было прямым императивом в брачных отношениях (см.: *Кон, 1934: 133; Потапов, 1969: 229; Биче-оол, 2018: 27*). Согласно Е. Д. Прокофьевой, у тувинцев по материнской и отцовской линиям четыре поколения женщин составляли группу *элеге*, то есть ту группу, из которой нельзя брать жен. Возможность жениться наступала только с пятого поколения по материнской и отцовской линии — *кая* (*Прокофьева, 1955: 5*). С этой точки зрения запрет и наказание за кровосмесительные половые отношения и браки в тексте закона могли быть сформулированы под влиянием традиционных моральных устоев и исторически сложившихся норм брачного поведения тувинцев. С другой стороны, нельзя отрицать влияния советских законов. В декабре 1917 г. был принят Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния», согласно которому не допускались, например, браки между родственниками по прямой линии (между некоторым лицом и его детьми, внуками по прямой линии), полнородными и неполнородными братьями и сестрами (родственниками по боковой линии)¹.

В-пятых, Уголовный закон ТНР 1927 г. установил защиту добровольности и осознанности выбора женщины как в половых отношениях с мужчинами, так и при заключении брака. Так, например, в случае, «если кто-то воспользовался женщиной, находящейся в бессознательном состоянии из-за опьянения»², ему полагалось наказание в виде заключения от трех месяцев до 1 года или штраф от 150 до 600 тугриков³. Аналогичной мере наказания подлежал и тот, кто «путем обмана, силы, устрашения женился»⁴.

В-шестых, Уголовный закон ТНР 1927 г. был ориентирован также на борьбу с венерическими заболеваниями. Тот, кто, зная, что болен сифилисом и гонореей, вступал в сношения с другими, должен был уплатить штраф от 50 до 600 тугриков⁵. Это была достаточно серьезная социальная проблема. Первая комплексная научная экспедиция АН СССР в Туву, которая занималась сбором рекогносцировочного материала по медико-санитарным проблемам, состоялась в 1926 г. По данным А. П. Преображенского, врача, входившего в состав экспедиции, сифилис был распространен во всех районах республики концентрированными очагами. Данные первой медико-санитарной экспедиции Наркомздрава РСФСР в Туве в 1927–1928 гг. свидетельствовали о том, что вопрос о сифилисе стоял достаточно остро (*Башкуев, 2018b: 53, 57*). Инфекционные болезни, заболевания, передающиеся половым путем, были социальной проблемой в начале XX века не только для тувинцев, но и для других кочевых народов. Это объяснялось особенностями кочевого быта, отсутствием санитарно-гигиенических знаний, больниц, врачей и медицинского обслуживания. По данным Б. Б. Цыретаровой, специальное медицинское обследование бурятского населения в 1923 г. в Бурят-Монгольской АССР показало, что сифилисом было заражено 60,7% населения, гонореей — 90% (*Цыретарова, 2016: 30*). Советская медико-санитарная экспедиция, которая работала в Монголии в 1927 г., также выявила достаточно высокий уровень распространения венерических заболеваний у населения (*Башкуев, 2018a: 19*).

Тувинские законодатели использовали и такой вид регулирования, как штрафы за половые связи неизлеченных венерических больных. В условиях малочисленности тувинцев, а также отсутствия полноценной сети медицинских учреждений и недостатка врачей такая мера была более действенной. Таким образом, включение в Уголовный закон ответственности за распространение социально опасных венерических заболеваний было одним из проявлений государственной политики в вопросах здоровья и сохранения тувинского народа в целом, а для тувинской женщины — фактором оздоровления и повышения фертильности и репродуктивных функций. Контент-анализ многих партийных доку-

soluu aarǵıǵı kizilerni xaragalzap kamgalaar tıgum [Закон о браке, семье, опеке над сиротами, недееспособными (душевнобольными) несовершеннолетними и совершеннолетними лицами]. Къзыл: Oficial cogaal, 1932. (На тув. яз.).

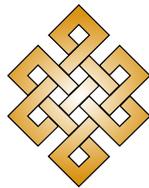
¹ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917 О гражданскомъ браке, о детяхъ и о веденіи книгъ актовъ состоянія [Электронный ресурс] // Викитека. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Декрет_ВЦИК,_СНК_РСФСР_от_18.12.1917_О_гражданскомъ_браке,_о_детяхъ_и_о_веденіи_книгъ_актовъ_состоянія (дата обращения: 25.11.2020).

² *Şigükü çayaçan-u biçig. Tusgai anggi. 1927* [Уголовный кодекс. Особый раздел. 1927]. Кызыл, 1927. С. 49. (На монгольском языке).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 50.

ментов показывает понимание руководителями проблемы и необходимости ее решения. Это звучало на съездах ТНРП. Напр., выступление С. К. Тока по вопросам образования и культуры на VIII съезде ТНРП в 1929 г.¹, об этом говорилось в программе ТНРП 1929 г.², в докладе К. Донгака об организации просвещения на VII Великом Хурале ТНР в 1930 г.³ План работы с женщинами, утвержденный первым организационным всетувинским собранием женщин 1930 г., содержал отдельный пункт по борьбе с распространением венерических заболеваний, включая борьбу против промискуитета (беспорядочной половой жизни) и антисанитарии⁴. В 1936 г. на X съезде ТНРП эти социальные болезни были названы «бичем, тормозящим рост населения»⁵.

Следует добавить, что тувинские законодотворцы воспроизвели статью 150 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., в соответствии с которой «заражение другого лица венерической болезнью лицом, знавшим о наличии у него этой болезни карается лишением свободы со сроком до трех лет»⁶. При этом, как и во многих заимствованиях, меры наказания за одни и те же преступления в тувинском законе были менее строгими, чем в советских уголовных кодексах.

С момента принятия уголовного закона 1927 г. прошло всего три года, как закон в 1930 г. получил новую редакцию⁷. За этот короткий период в ТНР произошли существенные изменения политического контекста: ядром программы политических действий ТНРП становится некапиталистический путь развития, в результате борьбы за власть, идеологию, под влиянием теории классовой борьбы произошли изменения в составе политического истеблишмента страны, прежнее руководство было обвинено в правом уклоне, началась борьба с бывшими феодалами, ламами, конфискация их имущества и лишение избирательных прав⁸. Как указывалось в постановлении VII Великого Хурала ТНР, состоявшегося в ноябре 1930 г., «ранее принятые законы не соответствуют развитию некапиталистического общественного порядка, в этой связи правительство активно работало по обновлению законов: обновлены Конституция, уголовный закон, приняты закон о семье, закон о землепользовании, закон о таможне. Все они направлены на защиту интересов бедных и на ограничение прав противоборствующего класса»⁹.

Новый закон 1930 г. под названием «Уголовное уложение ТНР» в родах и видах наказания включает поражение гражданских прав в виде лишения через суд родительских прав (НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 13, л. 1, п. 12).

На повышение родительской ответственности была направлена норма, согласно которой за оставление родителями малолетних детей без всякой поддержки лишали свободы до 6 месяцев (там же: л. 22, п. 180). В уголовном законе 1927 г. был раздел об ответственности за оставление пожилых людей и детей в опасном положении, который предусматривал штрафы, если кто-либо не сообщал в соответствующие органы об опасном положении, в котором находятся лица из указанной категории. Введение практики лишения родительских прав свидетельствовало о том, что во внутренних, семейных вопросах воспитания детей появился внешний регулятор в лице государства, которое могло женщин-матерей и мужчин-отцов лишить прав на воспитание своих детей. Такая норма была принята в 1927 г., по нашему мнению, под влиянием статей 46, 47 об условиях лишения родительских прав Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г.¹⁰ Ни этнографических, ни исторических данных

¹ Tiva arad-un qubisyalto nam-un naymaduγar yeke hural-un tobči toqtaγal [Постановление VIII съезда ТНРП]. Кызыл, 1929. С. 35–44. (На монг. яз.).

² Tiva arad-un qubisyalto nam-un mörүн kötүlbүri [Программа ТНРП 1929 г.]. Кызыл, 1929. С. 28–29. (На монг. яз.).

³ 1930 duγar on 11 sara-yin 4 – düger edüre ekelen huraldusγan Tiva arad rispublig-un бүрин erkeber dolodusar yeke hural –un tobči toqtaγal [Постановление VII Великого Хурала ТНР, 4 ноября 1930 г.]. Кызыл, 1931. С. 72. (На монг. яз.).

⁴ Bүkü Tiva-yin emegteiyүd-ün jokiyān bayiyuluqči-nar ba idebgitei gešegüd-ün angqaduγar hural un tobči toqtaγal [Постановление первого всетувинского организационного собрания женщин и активисток]. Кызыл, 1930. С. 14. (На монг. яз.).

⁵ Резолюции X съезда ТНРП (1–11 ноября 1936 г.). Кызыл, 1937. С. 12.

⁶ Уголовный кодекс 1922 г. [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ имени А. П. Столыпина. URL: <https://музейреформ.рф/node/13810> (дата обращения: 25.11.2020).

⁷ Уголовное Уложение ТНР (незаверенная копия) 1930 г. (НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 13).

⁸ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 50; ф. 495, оп. 153, д. 61. См. также: *История Тувы, 2007*: 183–184.

⁹ 1930 duγar on 11 sara-yin 4 – düger ... С. 72.

¹⁰ Постановление от 19 ноября 1926 года «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3124.htm (дата обращения 24.11.2020).

о фактах социального сиротства детей в ТНР того времени нет. Это явление возникнет в тувинском обществе гораздо позже, в советский период истории Тувы.

В 1930 г. в ТНР был принят «Закон о браке, семье, опеке над сиротами, недееспособными (душевнобольными) несовершеннолетними и совершеннолетними». Этот закон уже содержал норму, которая гласила: «Если родители не будут выполнять родительские обязанности, или нанесут страдание детям через жестокое обращение, решением суда можно изъять детей и передать в учреждения присмотра, а расходы на содержание детей взыскивать с имущества родителей через суд»¹.

В соответствии с Уголовным уложением ТНР от 1930 г. для женщин было введено отдельное от прочих заключенных содержание, для беременных женщин при исполнении уголовного наказания была предоставлена отсрочка на 2 месяца до родов и на 2 месяца после родов (НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 13, л. 3, п. 16).

В особенную часть уложения в раздел «Убийство» было включено понятие аборта, совершенное при определенных условиях, как уголовное преступление: «Совершенное с согласия матери изгнание плода лицами, не имеющими на это надлежащей медицинской подготовки или хотя бы имеющими таковую, если в виде промысла или без согласия матери или имели последствия — смерть — лишение свободы на срок до 5 лет, в противосанитарной обстановке — лишение свободы или принудительные работы до 1 года или штраф до 5000 рублей» (НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 13, л. 20, п. 164).

По сравнению с уголовным законом ТНР 1927 г. в Уголовном уложении 1930 г. было ужесточено наказание за принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовка женщин для проституции. За эти действия было предусмотрено лишение свободы до 5 лет с конфискацией всего или части имущества (там же: л. 23, п. 189).

Смягчению подверглось содержание нормы, запрещающей вступление в брак или небрачное сожитие лиц, состоящих в родственной связи по восходящей и нисходящей линии. Если в уголовном законе 1927 г. была указана недопустимость связей в рамках четырех поколений, то в уложении 1930 г. — до третьего колена включительно. За нарушение этой нормы, а также за связи полнородных и неполнородных братьев с сестрами и наоборот, нарушители закона лишались свободы до 2 лет, что также больше, чем в законе 1927 г., в котором указан максимальный срок — до 1 года.

Что касается брачного поведения граждан ТНР, Уложение 1930 г. защищало моногамный брак, за двоеженство и многоженство следовало наказание в виде принудительных работ до 1 года или штраф до 1 тысячи рублей.

Была также введена новелла как «принуждение женщины ко вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении которого женщина являлась материально или по службе зависимой» (НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 13, л. 23, п. 192). За данный вид преступления лишали свободы до 5 лет (там же).

Что касается добровольности брачных отношений мужчины и женщины, Уложение указывало на недопущение принуждения женщины или мужчины не только к вступлению в брак, но и принуждения к продлению брачного сожительства (там же: л. 23, п. 193).

За заражение другого лица венерической болезнью лицом, знавшим о наличии у него этой болезни, нарушителей ждала теперь уже не уплата штрафа, а реальное лишение свободы до 3 лет (там же: л. 32, п. 194).

Особое внимание было уделено запрету ранних браков для женской половины. За вступление в брак с лицом, не достигшим брачного возраста, делинквет (виновный) лишался свободы до 2 лет, а за брак с лицом, не достигшим половой зрелости или принуждение к заключению такого брака — до 8 лет (там же: л. 23, п. 189).

Уплата и принятие выкупа невесты были приравнены к преступлению, за которое Уголовное уложение ТНР 1930 г. предусматривало лишение свободы или принудительные работы до 1 года (там же: п. 222). Выкуп был социальной и юридической нормой, столетиями практиковавшейся среди кочевников. Понятие выкупа в семейно-брачных правоотношениях у кочевников имело долгие исторические корни. Генезис материальных условий заключения брака у тувинцев или традиционного

¹ Аҕҕак кадај полсур полгаҕ өґ иҕинде кизилерниј тугајь, паза өскыс полгаҕ хар сетpeen ијік-пе, хар сеткен полза-таа soluу аагьқіьқ кизилерни хагагалзар камгалаар тугум [Закон о браке, семье, опеке над сиротами, недееспособными (душевнобольными) несовершеннолетними и совершеннолетними лицами]. Кызыл, 1932. С. 46. (На тув. яз.).

свадебного обряда тувинцев *сүй-белек тудар, аас-белек тудар (сунар)* подробно исследован С. М. Биче-оол (Биче-оол, 2018: 49). Н. А. Сердобов, например, на основе полученных данных от информаторов в Туве в ходе полевого исследования считал, что в Туве бытовал институт калыма (Сердобов, 1971: 182).

Необходимо отметить, что регулирование размеров выкупа в зависимости от социального статуса брачующихся можно найти в письменных монгольских и цинских законах, основанных во многом на обычном праве кочевых народов. Обращение к сборникам права этих периодов позволяет увидеть особенности семейных и брачных отношений, в которых понятие и размер выкупа имели существенное значение. Они устанавливали размеры выкупа в соответствии с существовавшей в то время социальной иерархией¹.

Достаточно сильной трансформации подвергся Уголовный закон (*TAR kriminel (eruu) tyrumu* — Криминальный (уголовный) закон ТНР) в редакции от 14 октября 1934 г., отменивший Уголовное уложение ТНР от 30 июня 1930 г. В примечании к Уголовному закону 1934 г. указывалось на то, что «расстрел как мера прямого подавления применяется в ТАР в исключительных случаях, в отношении особо опасных правонарушителей»². К расстрелу не могли быть приговорены лица, не достигшие 18 лет, и женщины, находящиеся в состоянии беременности³.

В Уложении 1930 г. любое поражение прав, в том числе и лишение родительских прав, не могло превышать 5 лет. Уголовный закон 1934 г. прописал, что «лишение родительских прав, т. е. права воспитывать детей и распоряжаться их долей имущества и дохода применяется бессрочно в случаях систематического избиения детей, разращения их, преступно небрежного, угрожающего жизни и здоровью детей содержания»⁴. Другими словами, лишение родительских прав как один из видов поражения прав по Уголовному уложению 1930 г. не могло длиться более 5 лет, а в 1934 г. мы видим ужесточение наказания путем введения бессрочного лишения родительских прав при определенных обстоятельствах, которые выше указаны.

Уголовный закон в редакции 1934 г. причислил преступления, связанные с «содержанием притонов разврата, вовлечением женщин в проституцию, а равно принуждением кого-либо к занятию проституцией»⁵, к особо опасным преступлениям против порядка управления. К особо опасным преступлениям против жизни и личного достоинства граждан было отнесено «принуждение женщины к половой связи путем использования ее материальной и служебной зависимости»⁶. Такую же формулировку мы находим в статье 154 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.

Уголовный закон ТНР 1934 г. ужесточает наказание за инбридинг (кровосмесительные браки). Так, вступление в брак или сожитительство лиц, состоящих в родственной связи по восходящей и нисходящей линии до третьего колена, а также полнородных и неполнородных братьев с сестрами (кровосмешение), влекло за собой лишение свободы без строгой изоляции на срок до двух лет⁷. В уголовном кодексе 1941 г. происходит послабление, и этот вид преступления описан как «кровосмешение, т. е. половое сношение мужчины с женщиной, состоящих между собой в тех пределах родства, в которых запрещено вступление в брак», и предусматривало исправительные работы до 1 года⁸.

Фактор «обмана» в склонении женщин к половым отношениям остается, как и в уголовном кодексе 1927 г., преступным, однако причисляется к «менее опасным преступлениям против личного

¹ Их Цааз («Великое Уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. : пер. С. Д. Дылыкова. М.: Восточная литература, 1981. Ст. 50–56; Уложение Китайской Палаты Внѣшнихъ Сношений : перевелъ с маньчжурскаго С. Липовцовъ. Санктпетербургъ: типографія департамента народнаго просвѣщенія, 1828. Т. I. Глава XX. «О браках», отделение второе. С. 327; Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв.: Монгольский текст, транслитерация монгольского текста / отв. ред. Е. И. Кычанов; пер. с монг., комментарии и исслед. А. Д. Насилова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 159 с.: Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002; Рязановский В. А. Монгольское право (преимущественно обычное): ист. очерк. Харбин: Тип. Н. Е. Чернышева. 1931. 306 с.; Халха Джирум : Памятник монгольского феодального права в XVIII в. / сводный текст и пер. Ц. Ж. Жамцарано; подготовка текста к изданию, ред. перевода, введ. и примеч. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, 1965. 340 с.

² *TAR kriminel (eruu) tyrumu* [Уголовный закон ТНР]. Къзыл, 1934. С. 2. (На тув. яз.).

³ Там же. С. 24. (На тув. яз.).

⁴ Там же. С. 28–29.

⁵ Там же. С. 39.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Там же. С. 48.

⁸ *TAR kezemce tyrumu* [Уголовный кодекс ТНР]. Къзыл, 1942. С. 130. (На тув. яз.).

достоинства»¹. В пункте 2 статьи 54 указано, что также преследуется «половое использование женщины путем обещания жениться или иным обманным путем с использованием предрассудков, темноты и невежества потерпевшей»².

В перечислении виктимных условий, то есть условий и обстоятельств, которые способствуют становлению жертвы, как наличие предрассудков, темноты и невежества у женщин, которые преступник может использовать при совершении противоправных действий в отношении них, авторы тувинского закона были оригинальны и передавали социокультурные реалии, в которых находились женщины в молодом государстве. Речь идет о необразованности тувинских женщин в то время. Активная ликвидация безграмотности в целом и среди женщин, в частности, началась только после ввода национальной письменности в 1930 г. В 1931 г., по данным тувинской сельскохозяйственной и демографической переписи, проведенной советскими специалистами, из 82 183 человек населения ТНР грамотными был всего 7931 мужчина, из них тувинцев грамотных — 4240 человек; женщин 3007 человек, из них знающих грамоту тувинок — 836 человек³. Эти данные свидетельствуют о той культурно-образовательной пропасти и неравных стартовых условиях между тувинскими мужчинами и женщинами, которую не удалось заметно сократить за 10 лет существования ТНР. В дореволюционной Туве женщины фактически не имели доступа к обучению грамоте. Причина была не столько в патриархальности взглядов на женщину и в восприятии женщины как неполноценного существа, сколько в отсутствии в Туве светского образования, доступного для женщин. Обучение тувинских женщин грамоте, современным знаниям шло непросто. Поэтому женщин называли все еще темными и невежественными⁴.

То, что составляло традиционные добрачные и брачные ритуалы тувинцев в Уголовном законе ТНР было названо «пережитками родового быта»⁵. Степень тяжести этих преступлений была определена в уголовном кодексе 1934 г. как «менее опасные преступления, составляющие пережитки родового быта» (статья 59)⁶. К ним были отнесены: насильственное похищение женщины или насильственное принуждение женщины к вступлению в брак или к продолжению брачного сожителства, а равно воспрепятствование женщине, достигшей брачного возраста, выйти замуж по желанию, уплата выкупа за невесту или принятие такого выкупа деньгами, скотом или другим имуществом либо личным трудом, двоеженство и многоженство. За эти деяния полагались принудительные работы до одного года⁷.

Изучая возможности и причины группирования указанных действий под названием «пережитков родового быта, нельзя обойти вниманием Уголовный кодекс РСФСР, который впервые вступил в силу в 1922 г. и был отменен в 1926 г. в связи вступлением в силу Уголовного кодекса 1926 г. В уголовном кодексе 1922 г. такие преступления назывались «бытовыми преступлениями», в кодексе 1926 г. — «пережитками родового быта»⁸.

В главе 10 уголовного кодекса РСФСР 1926 г. содержится 11 статей, описывающих преступления, составляющие пережитки родового быта, в том числе и те, которые не были заимствованы в Уголовном законе ТНР 1934 г., возможно, по причине их несвойственности для тувинского общества того времени. Например, преступления, связанные с кровной мстостью, такие, как принятие имущественного вознаграждения, уплачиваемого убийцей, его родителями, родичами или родом родителям, родичам, или роду в качестве выкупа, освобождающего от мести или законного преследования. Действие этой

¹ TAR kezemce tygumu [Уголовный кодекс ТНР]. Кызыл, 1942. С. 130. (На тув. яз.).

² TAR kriminel (eruu) tygumu [Уголовный закон ТНР]. Кызыл, 1934. (На тув. яз.). С. 62.

³ Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года. М.: Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем. 1933. С. 11–18.

⁴ 1930 duvar on 11 sara-yin 4 – düger edüre ekelen huralduvsan Tiva arad risublig-un bürin erkeber doloduyar yeke hural –un tobči toqtaıal [Постановление VII Великого Хурала ТНР, 4 ноября 1930 г.]. Кызыл, 1931. С. 72. (На монг. яз.); Bükü Tiva-yin emegteıyüdü-ün jokıyan bayıyuluqçı-nar ba idebgıteı geşegüd-ün angqaduıar hural-un tobči toqtaıal [Постановление первого организационного собрания активных женщин]. Кызыл, 1930. С. 9. (На монг. яз.); Bıden-u tiva-yin emegteıyüdü-ün urıd edüge- yin baidal [Прошлое и настоящее тувинских женщин] // Hıbisıalçı Arad. Duıaar döbrben [Революционный аппарат]. Кызыл, 1929. № 4. С. 22. (На монг. яз.).

⁵ TAR kriminel (eruu) tygumu [Уголовный закон ТНР]. Кызыл, 1934. (На тув. яз.).

⁶ Там же. С. 66.

⁷ Там же.

⁸ Уголовный кодекс РСФСР в ред. 1926 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. URL: https://bookscafe.net/read/rf_zakony-ugolovnyy_kodeks_rsfsr_v_redakcii_1926_g-180789.html#p1 (дата обращения: 26.11.2020).

главы, согласно п. 205, распространялось на те автономные области и другие местности РСФСР, где общественно-опасные действия, перечисленные в главе, являлись пережитками родового быта среди проживающих на данной территории национальностей¹. К ним относились башкиры, народы Кавказа, калмыки и другие национальности. В тувинском уголовном кодексе практически слово в слово были воспроизведены 3 вида преступлений из кодекса РСФСР (таб. 1).

Таблица 1. Преступления, квалифицированные как пережитки родового быта.

Table 1. Felonies classified as 'tribal holdovers'.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.	Уголовный закон ТНР 1934 г.
Ст. 196. Уплата выкупа за невесту (калыма), произведенная женихом, его родителями, родичами или свойственниками родителям, родичам или свойственникам невесты деньгами, скотом или другим имуществом, либо личным трудом.	Уплата выкупа за невесту (калым) или принятие такого выкупа деньгами, скотом или другим имуществом либо личным трудом.
Ст. 197. Принуждение женщины ко вступлению в брак или к продолжению брачного сожительства, а равно похищение ее для вступления в брак.	Насильственное похищение женщины или насильственное принуждение женщины к вступлению в брак или к продолжению брачного сожительства.
Ст. 199. Двоеженство или многоженство	Двоеженство и многоженство.

Таким образом, в этой части уголовного кодекса ТНР 1934 г. наблюдается выборочное принятие норм советского уголовного законодательства с учетом специфики и реалий в социальных отношениях в тувинском обществе.

Уголовный кодекс 1941 г., сохраняя нормы предыдущих редакций закона, касающиеся защиты прав женщин, внес ряд новелл. Он отменил редакцию закона 1934 г., во многом стал более суровым в силу разных исторических обстоятельств. Это и непростая международная обстановка в мире, японская агрессия в Азии, и начало II мировой войны. Высшая мера наказания — расстрел — сохраняется, исключение также составляют несовершеннолетние и беременные женщины.

Новым в законе явилось включение в число преступлений против государственного управления такого вида действия, как «воспрепятствование женщине в осуществлении ею равных прав, предоставленных Конституцией ТНР в области хозяйственной, государственной, культурной и в общественно-политической жизни»², если это воспрепятствование проявлено не в контрреволюционных целях, влечет за собой исправительные работы на срок до шести месяцев³.

По сравнению с предыдущими редакциями в уголовном кодексе 1941 г. за преступления, связанные с абортами, которые классифицированы как преступления против личности (производство аборта, производство аборт в виде промыслов, содействие аборту, понуждение женщины к аборту, самоаборт), установлено наказание также самой беременной женщине: в первый раз — общественное порицание, при вторичном нарушении — штраф в размере 250 акша⁴. Запрещены были «недозволенные аборты» за исключением случаев, когда была угроза жизни или тяжелые последствия для здоровья матери, угроза тяжелых наследственных болезней. Однако полного запрета аборт, как в СССР, не было. В СССР аборты были запрещены в 1936 г. Постановлением ЦИК СССР (№65) и СНК СССР (№1134) от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах», которое утратило силу только в 1968 г.⁵ Как видно из названия и

¹ Уголовный кодекс РСФСР в ред. 1926 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. URL: https://booksafe.net/read/rf_zakony-ugolovnyy_kodeks_rsfsr_v_redakcii_1926_g-180789.html#p1 (дата обращения: 26.11.2020).

² TAR kezemce tygumu [Уголовный кодекс ТНР]. Кызы, 1942. С. 118. (На тув. яз.).

³ Там же.

⁴ Там же. С. 126–127.

⁵ Постановление ЦИК СССР (№ 65) и СНК СССР (№ 1134) от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#09359441751273434> (дата обращения: 25.11.2020).

содержания советского постановления, оно носило, прежде всего, демографическое значение, то есть включало в себя пакет мер, направленных на поддержку рождаемости в стране и соответствующей социальной инфраструктуры. Следует отметить, что в партийных документах ТНР указанного периода демографическая проблема поднималась только в контексте борьбы с социальными болезнями, а вопросы повышения рождаемости отдельно не поднимались. Полагаем, что ограничение абортос носило превентивный характер, или было перенесено автоматически из советских законов, поскольку абортос не могли быть широко распространены в ТНР из-за недостаточной развернутости сети учреждений, нехватки врачей (например, врачей в Туве в 1931 г. насчитывалось всего 6, в 1944 г. — 15 чел.¹).

Еще одним новшеством стало содержание 175 статьи: к хозяйственным преступлениям был причислен отказ в приеме на работу женщин по мотивам беременности или снижение им заработной платы по тем же мотивам. Такие действия влекли за собой исправительные работы на срок до 6 месяцев или штраф до 200 акша².

К преступлениям против порядка управления было причислено сокрытие обстоятельств, препятствующих вступлению в брак, а равно сообщение заведомо ложных сведений органам, ведущим регистрацию актов гражданского состояния³.

В уголовном кодексе 1941 г. сохраняются преступления, составляющие пережитки родового быта, указанные в уголовном законе 1934 г.: насильственное похищение женщины для вступления с ней в брак против ее воли; принуждение женщины ко вступлению в брак или продолжению брачного сожительства, уплата выкупа (калыма) или принятие такого выкупа деньгами, скотом или другим имуществом, либо личным трудом⁴.

Подытоживая сказанное нужно отметить, что уголовные законы ТНР через запретительные и предупредительные меры устанавливали новый социальный порядок в тувинском обществе. Наряду с другими законами они стали источником новых социальных норм, предъявили гражданам, в том числе тувинским женщинам, новые ценностно-нормативные требования, санкционируя и запрещая определенные типы поведения. Были упорядочены в возрастном измерении добрачные связи, укреплен институт семьи. Вступление в брак с установленного возраста было упрощено за счет запрета традиционных материальных условий заключения брака — таких, как уплата выкупа, обмен подарками, скотом, отработка будущего зятя в хозяйстве родителей невесты.

Уголовное законодательство защищало женщин от разных видов насилия, принуждения, использования их в качестве объекта для получения дохода (через запрет проституции). Отдельные нормы влияли на улучшение здоровья женщин, населения ТНР в целом, и имели демографическое значение для тувинского общества. Например, уголовная ответственность за распространение социальных болезней или запрет инбридинга. Не случайно в этот период мы видим существенный естественный прирост коренного населения ТНР: 1921 г. тувинское население составляло 50,0 тыс. чел., в 1931 г. — 82,2 тыс. чел., в 1945 г. — 85,7 тыс. чел.⁵ Безусловно, такие темпы естественного прироста были обусловлены не только этим фактором, но и целым комплексом других, в том числе: санитарным просвещением, внедрением европейской медицины, разворачиванием сети больниц, работой медицинских юрт-передвижек.

Следует указать на то, что уголовное законодательство ТНР также способствовало эмансипации социализации женщин. Как выше показано, некоторые нормы исключали половую сегрегацию в трудовых отношениях, дискриминацию беременных женщин при приеме на работу, оплате труда, склонение женщин к близости через использование материальной или служебной зависимости женщин. А воспрепятствование культурной, политической, экономической социализации женщин стало караться законом. Эти нормы, как мы полагаем, способствовали установлению фактического равноправия женщин в тувинском обществе.

Поскольку конституции ТНР, как показано выше, задекларировали равноправие полов перед законом, женщины несли такую же ответственность, как и мужчины. В уголовном правосудии ТНР

¹ Тува за 80 лет. Юбилейный статистический сборник. Кызыл: Государственный комитет Республики Тыва по статистике, 2001. С. 12.

² TAR kezemse tугуму [Уголовный кодекс ТНР]. Кызыл, 1942. С. 126–127. (На тув. яз.).

³ Там же.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Тува за 80 лет... С. 28.

единственные послабления для женщин мы видим только в том, что расстрелу не подлежали беременные женщины, при исполнении уголовного наказания беременным женщинам давали отсрочку, а также оговаривалось отдельное содержание женщин при заключении.

Государство в интересах защиты детей получило возможность вмешиваться во внутрисемейные отношения, и подвергать поражению прав в виде лишения родительских прав родителей, в то числе женщин-матерей.

Говоря о влиянии советского права на законодотворчество в ТНР, не нужно забывать о том, что в ТНР был институт советников из СССР и работали представители Коминтерна, которые оказывали воздействие на все стороны жизни тувинского общества. В частности, они принимали участие в разработке проектов тувинских законов. Так, например, в политическом докладе о работе в Туве председатель Полномочной Комиссии ЦИК СССР для Урянхайского края и Чрезвычайный полномочный представитель Я. Х. Давтян, который ездил в ТНР после восстания на Хемчике 1924 г., писал в ЦК РКП, Нарком Иностранных дел, полномочным представителям СССР в Китае и Монголии о том, что «советники и инструктора для Танну-Тувинского правительства и Танну-Тувинской революционной партии должны быть подбираемы тщательно. Вся законодательная работа Танну-Тувинского правительства должна регулироваться через этих лиц, которые подчиняясь неофициально консулу СССР, должны следовать ему неуклонно» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 1, л. 27–28). Непосредственное отношение к процессу разработки законов ТНР имели также представители Коминтерна. В. Богданов, представитель Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) в ТНР в 1930 г. писал в Восточный отдел ИККИ о том, что «все судебное законодательство Тувы в ближайшее время будет переработано в соответствии с принципами советского законодательства» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 37, л. 11).

Защита прав женщин в гражданских законах ТНР

Говоря о становлении правового статуса тувинских женщин в период ТНР, отдельно следует остановиться на законе «О браке, семье, опеке над сиротами, недееспособными несовершеннолетними и совершеннолетними» 1930 г. Закон по содержанию является аналогом современных семейных кодексов, он отразил серьезные трансформации, происходившие не только в общественном, государственном уровнях, но и в личной жизни тувинских женщин, в отношениях с мужским полом, детьми, родственниками. Здесь речь идет не только о правах, но и об обязанностях.

Во-первых, браки между мужчиной и женщиной стали регистрировать государственные органы. То есть законными стали считаться те браки, которые имеют государственную регистрацию. Регистрировали органы местного самоуправления — хошунные, сумонные Советы. До принятия указанного закона был промежуточный период, когда тувинцы уже отказались от цинских законов, а браки заключались в соответствии с народными традициями. Рассматриваемый закон же утвердил условия регистрации брака, а также обстоятельства, при которых регистрация невозможна. Принцип добровольности вступления в брак закреплен здесь отсылкой к уголовному закону: «человека, не желающего вступать в брак, ни родители, ни родственники не могут насильно заставлять вступать в брак. За нарушение будут судить в соответствии с уголовным законом»¹.

В основе условий регистрации лежал принцип добровольности и зрелости по возрасту — оба должны быть согласны на брак и быть совершеннолетними (старше 18 лет). Факторами, препятствующими регистрации брака, закон назвал наличие у одного из брачующихся зарегистрированного или незарегистрированного, но фактического брака, наличие у одной из сторон свидетельства о том, что является душевнобольным или умственно отсталым, а также если брачующиеся являются родственниками в третьем поколении².

Признание гражданского брака, а также незарегистрированного фактического сожительства как брачных отношений и запрет регистрации нового брака при их наличии означало объявление двоеженства, многоженства, которое было вне закона. Следует отметить, что в начале XX в. этнографы находили примеры двоеженства в тувинских семьях, вместе с тем подчеркивая, что такое явление не

¹ Аҕҕак кадај полсур полгаҕ оҕ иҕтинде кизилерниҕ тугајь, рара өскыс полгаҕ хар сетpeen ијик-пе, хар сеткен полза-таа солуу аагыҕыҕ кизилерни харagalzap камgалаар турум [Закон о браке, семье, опеке над сиротами, недееспособными (душевнобольными) несовершеннолетними и совершеннолетними лицами]. Кызыл, 1932. С. 7. (На тув. яз.).

² Там же. С. 6.

было повсеместным. Например, Ф. Кон описывает свое посещение почитаемого шамана Хабакшан-Хама в устье Сыстыг-Хема, который был двоеженцем. Две жены жили в отдельных юртах, старшая из них заведовала скотоводческим хозяйством, младшая — оленеводческим. Этнограф отмечает отсутствие антагонизма и вражды между женами шамана (Кон, 1934: 250). По его сведениям, двоеженство было возможно в двух случаях: бесплодие жены и отсутствие мальчиков среди рожденных первой женой детей (там же: 137).

Во-вторых, закон запретил калым: «воспрещается принимать подарки, скот девушке от жениха, его родителей, родственников. Если нарушат норму и примут подарки (*səj pelek*), будут их судить и наказывать в соответствии с уголовным законом»¹.

В-третьих, даже в условиях заключенного брака супруги, согласно этому закону, могли выбирать место жительства. Традиционно жена в тувинской семье следовала за мужем и проживала в родовых местах мужа. Такие браки назывались патрилокальными. Это было связано с экзогамностью браков тувинцев: невест брали из другого аала, и отдавали девушек в другой аал (Потапов, 1969: 127), а также патриархатными отношениями в тувинском обществе и кочевым образом жизни. У тувинцев, например, был обряд *дүгдээшкин*, при котором невесту готовили к тому, что она уедет из родных кочевий в аал мужа (Биче-оол, 2018: 58–59). Когда наступало время отъезда, из аала мужа приезжал мужчина, который ее увозил (там же: 63). Закон 1932 г. в части прав и обязанностей прямо указывал на то, что «если кто-то из поженившихся захочет ехать в другое место жительства, а другая сторона не хочет, не стоит последнего заставляя»².

В-четвертых, регулирование имущественных прав супругов как в зарегистрированном браке, так и при фактическом, но незарегистрированном браке³, понятие совместно нажитого имущества в виде скота — было включено в содержание закона. Так, скот, составлявший имущество супругов до брака, остается их собственностью, скот, появившийся после брака — их совместным имуществом. При разводе имущество рекомендовалось поделить договоренности между собой. В случае, если стороны не могли договориться, решение принимал суд⁴.

Закон предусматривал возможность заключения «брачного договора» по имущественным вопросам. В тексте закона говорилось о том, что «супруги могут заключать между собой договор, не противоречащий закону, относительно своего имущества, но если при подписании договора будут нарушены права одного из брачующихся, этот человек может уничтожить договор»⁵.

В-пятых, закон в п. 20 дал возможность развода, ввел регистрацию разводов. Супруги могли по договоренности развестись, если кто-то из супругов не хотел дальше жить, принять согласованное решение о том, с кем будут жить дети, кто и в какой степени будет их содержать. В ином случае эти вопросы решал суд⁶.

В-шестых, закон в пп. 29, 30, 32, 33 установил процедуру установления отцовства, если ребенок рожден вне брака⁷. Мать ребенка должна была сообщить в орган регистрации об отце ребенка, предполагаемого отца уведомляли об этом. В течение месяца после получения информации он должен либо подтвердить, либо опровергнуть информацию о том, является ли он отцом родившегося ребенка. Если от предполагаемого отца не поступает никакой информации, его регистрируют как отца. Оспорить регистрацию в качестве отца он мог в течение года через суд. После установления отцовства через суд отец должен был возместить расходы женщины во время беременности, после рождения ребенка на его содержание. В течение 6 месяцев после рождения отца ребенка заставляли оплачивать расходы женщины. В этом разделе тувинского закона о семье, браке и опеке можно увидеть

¹ Аҥҥак кадај полгур полгаҥ өг иҗтинде кизилерниј тугајы, паза өскыс полгаҥ хар четpeen ијик-пе, хар четкен полза-таа солуу ааргылыг кизилерни харagalzap камгалаар тугум [Закон о браке, семье, опеке над сиротами, недееспособными (душевнобольными) несовершеннолетними и совершеннолетними лицами]. Кызыл, 1932. С. 6. (На тув. яз.).

² Там же. С. 7.

³ Для защиты имущественных супругов закон предусматривал возможность легализации незарегистрированных браков через суд. Если в суде мужчина и женщина докажут, что вели совместное хозяйство, поддерживали друг друга, защищали, совместно воспитывали своих детей. Если связь была доказана, в этом случае они приравнивались к супругам.

⁴ Аҥҥак кадај полгур ... С. 8.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же.

зарождение истории алиментских обязательств в тувинском обществе. В традициях тувинцев ранее не было практики взыскания финансовой поддержки со стороны биологических отцов для содержания внебрачных детей. С этой точки зрения введенный законом пункт установил совершенно новую социальную норму поддержки внебрачных детей.

В случаях, когда возникали трудности с установлением отцовства, на суде допрашивали мужчин, кто мог бы быть отцом, о чем было прописано в п. 33 пятой главы указанного закона¹.

Правовая картина будет неполной, если не упомянуть о законах о труде, которые принимались в ТНР в 1929, 1933, 1938, 1942 гг.

В данных законах прослеживается эволюция мер, направленных на облегчение условий труда женщин. К примеру, такой показатель, как частота перерывов для кормящих матерей, увеличивается в более поздней редакции. Если в Законе о труде, принятом в 1933 г., матерям, кормящим грудью, в течение 9 месяцев с момента рождения ребенка перерыв предоставлялся один раз в день продолжительностью полчаса, то в законе 1938 г. перерывы установлены в каждые три часа. В этой же редакции закона появились новые нормы, касающиеся труда женщин: беременных женщин и кормящих матерей не стали допускать к ночной работе и вредному производству². В самих текстах законов о труде мы не находим прямых запретов заниматься теми или иными производствами, распространяющихся на женщин, кроме как недопущения беременных и кормящих женщин к вредным производствам. К Закону о труде 1938 г. приложены списки особо вредных профессий, дающих право на удлиненный трудовой отпуск, на уменьшение рабочего дня, специальное питание. В их число были включены профессии поломоек вредных цехов, уборщиц, работающих при сортировке пушнины и шерсти, телефонисток, поваров, операционных сестер, нянь и др. Полагаем, что важнейшей задачей для тувинского правительства было вовлечение женщин в народное хозяйство, производство, экономику страны, так как они с демографической точки зрения были почти половиной населения Тувы и представляли собой нераскрытый, неиспользуемый в полной мере трудовой потенциал.

Было установлено, что беременность не является причиной для отказа в приеме на работу, а также были четко урегулированы сроки отпуска по беременности³. При беременности и родах женщины, работавшие по найму, пользовались оплачиваемыми отпусками до и после родов⁴. При выполнении одинаковых работ с мужчинами труд женщин должен был оплачиваться не ниже, чем у мужчин⁵.

Законы о труде ТНР свидетельствуют о том, что в первую очередь учитывались репродуктивные функции женщин, особые состояния, связанные с вынашиванием, рождением и кормлением ребенка. Нормы закона, регулирующие порядок оплаты труда, носили антидискриминационный характер в отношении женщин

По этим законам мы видим, что впервые за историю Тувы возникает класс наемных работающих женщин в социальной структуре общества. Первая сельскохозяйственная и демографическая перепись в ТНР была проведена в 1931 г. усилиями большой группы исследователей Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем по просьбе Государственной плановой комиссии ТНР. По данной переписи можно увидеть зарождение социально-профессиональной структуры тувинского общества. Так, в структуре общества мы видим класс рабочих: среди них 1609 мужчин и 1193 женщин, служащих — 957 мужчин и 866 женщин⁶.

Тувинские женщины, обретая политические знания, стали принимать участие в политике, избираться в выборные должности, все более внедряясь в партию, революционный союз молодежи,

¹ Аҕҕак кадај полсур полгаҕа өґ иҕтинде кизилерниј тугајы, паза өскүс полгаҕа хар четpeen ијик-пе, хар четкен полза-таа soluу ааргылыґ кизилерни харagalzap kamgalaар туғуm [Закон о браке, семье, опеке над сиротами, недееспособными (душевнобольными) несовершеннолетними и совершеннолетними лицами]. Кызыл, 1932. С. 10 (На тув. яз.).

² Тьба Арат Республиктың куҕ-азыл туғуму [Закон о труде ТНР]. Кызыл: TAR Picce Xural Prezidiymунуң ceri, 1939. С. 116. (На тув. яз.).

³ Закон о труде. Кызыл: Гостипография, 1933. С. 10; Тьба Арат Республиктың куҕ-азыл туғуму [Закон о труде ТНР]. Кызыл: TAR Picce Xural Prezidiymунуң ceri, 1939. С. 116. (На тув. яз.).

⁴ Закон о труде. Кызыл: Гостипография, 1933. С. 19.

⁵ Тьба Арат Республиктың куҕ-азыл туғуму [Закон о труде ТНР]. Кызыл: TAR Picce Xural Prezidiymунуң ceri, 1939. С. 117. (На тув. яз.).

⁶ Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года. М.: Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем, 1933. С. 5.

кооперацию, профессиональные союзы. В 1932 г. в работе IX съезда ТНРП из 149 делегатов 31 делегат был представлен тувинскими женщинами¹. Из 6053 членов ТНРП в 1941 г. 1572 были женщинами².

Женщины были заняты не только в производстве, но и стали заниматься работой, требующей профессиональной подготовки. Как докладывал С. Тока в 1936 г., тувинские женщины работали учителями, счетоводами, машинистками, продавцами, телефонистками, средними медицинскими работниками³.

Модернизация VS традиционализм

Следует отметить, что, говоря о конституционных правах женщин, об особенностях уголовных, гражданских законов ТНР, мы затрагиваем в большей степени формальную сторону правового положения женщин в ТНР. Гораздо более сложными являются вопросы понимания, восприятия тувинским обществом изменений социальных норм не только в отношении женщин, но и всех сфер жизни в целом. Анализ внутривластной повестки ТНР показывает, что модернизационные процессы (Моллеров, 2010) шли сложно, и «женский вопрос» рассматривался, как правило, на языке критики и самокритики. Эмансипация женщин была одним из главных социальных и политических проектов молодого тувинского государства. Он реализовывался не так гладко и быстро, как хотелось руководству ТНР, и встречал в обществе гласное и негласное противодействие. Женщины не знали в полной мере о своих правах, не знали норм новых законов не только в силу инерции традиционного общества, но и в большей степени по причине массовой неграмотности и необразованности в 1920-е гг. Частота упоминаний «женского вопроса» в материалах съездов и иных документах доказывает, насколько важным было для руководства ТНР не только обучить грамоте, социализировать женщин, но и включить их в политические процессы, в том числе в классовую борьбу, в экономику страны, особенно в военное время, когда от женщин требовались умения и навыки для полной замены мужчин в хозяйстве и экономике, если потребуется.

Спротивление новой политике, в том числе так называемым «левацким перегибам» осуществлялось, в том числе с оружием в руках. За 23 года существования ТНР, по крайней мере, насчитывается три вооруженных восстания: на Хемчике в 1924 г. (Моллеров, 2017: 42), Хемчикское и Подхребтинское восстание 1930 г. (Самдан, 2020), восстание на Тере-Холе 1932 г.⁴ Активность проявляли Подхребтинская, Тесингольская контрреволюционные группы в 1931 г., Качыкская группа в 1932 г.⁵ Перекочевка вглубь территории Монголии жителей приграничных районов ТНР (территорий современных Эрзинского, Тере-Хольского, Овюрского, Монгун-Тайгинского кожуунов) также была следствием неприятия общественно-политических процессов, происходивших в ТНР.

Необходимо указать на то, что распространение слухов было достаточно эффективным вербальным оружием против нового, способным взбудоражить общество и могло приводить к определенным действиям.

По версии О. Менхен-Хелфена, австрийского сиолога, совершившего в 1929 г. поездку в ТНР в сопровождении тувинских студентов КУТВ, обрезание волос у женщин стало одним из поводов для восстания на Хемчике в 1924 г. В «Путешествии в Азиатскую Туву» он писал:

«У восстания на Хемчике 1924 года, в котором приняли участие более 2000 мужчин, было много побудительных причин. Но последней каплей, переполнившей народное терпение, стал слух о том, что правительство по приказу русских собирается заставить женщин носить короткие стрижки. Ни одна из религий не предписывает тувинской женщине носить определенную прическу. И, тем не менее, 2000 мужчин взяли за оружие против вмешательства в древний привычный уклад жизни, против насильственных изменений» (Менхен-Хелфен, 2007: 276).

¹ TARN 9 tugaar ulug xuralъnъ rezolustarъ [Резолюции IX съезда ТНРП]. Къзыл: Тъба кыргыненің ном согаадыр сері, 1932. С. 128. (На тув. яз.).

² TARN-нън XII tugaar eelceg cok ulug xuralъnъга TARN TK-нън otcot iletkeliniң kol-kol san korgyzygleri [Основные количественные показатели к отчетному докладу ЦК ТНРП на XII внеочередном съезде ТНРП]. Къзыл: TARN TK, 1941. С. 3–4. (На тувинском языке).

³ Тока. КОМИТЕРНАНЪНЪ VII Tugaar kongrezi polgaş TARN sorulgalara [Тока. VII Конгресс Коминтерна и задачи ТНРП]. Къзыл: Cogaal Komitedi, 1936. С. 90. (На тув. яз.).

⁴ Докладная записка Управления государственной внутренней политической охраны для представления в ЦК АРП и Правительство от 15 августа 1932 г. (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55. л. 31–32).

⁵ Там же.

Так, одна из первых тувинских женщин, обучавшихся в КУТВ, и сделавших успешную партийную карьеру, Таня Камова (Сат), вспоминала следующий эпизод из своей жизни. В 1923 г. Сат Шогжапай (ее отец) после участия в Великом Хурале вернулся в сумон и начал агитационную работу среди аратов для сбора группы детей, которых нужно было направить на учебу в столицу. Он говорил о революционном подъеме, о большом внимании к вопросам обучения грамоте простых аратов. Однако тут же началась контрпропаганда среди аратов через распространение слухов о том, что девочек 13–15 лет, которые приедут в Хем-Белдири (Кызыл), тотчас отдадут замуж военным. Араты, услышав эти слухи, отказывались отправлять дочерей на учебу, срочно выдавали своих несовершеннолетних дочерей замуж. «Простая аратка, встречая сыновей своих знакомых, спрашивала: не хочешь ли ты жениться на моей дочери?»¹ После такой контрпропаганды ее отцу не удалось уговорить аратов, чтобы те отправили своих детей на учебу. Поэтому он принял решение о направлении в столицу своей дочери и детей своих близких родственников. Десять человек, в том числе Таня Камова (Сат) отправились осенью 1923 г. в Хем-Белдири (Кызыл) учиться в русскую школу².

Воспоминания известного тувинского писателя Степана Сарыг-оола также свидетельствуют о конфликте традиционных ценностей, культурных и социальных норм с чуждыми и непонятными для большинства тувинцев новациями, которые вызывали страх и чувство неопределенности:

«1926 год. Дикий ажиотаж среди аратов, вопросы, которые волновали родителей: кому отдать замуж дочь, кто придет свататься, она несовершеннолетняя, что делать? Если она не захочет, что делать, кого взять в жены сыну? Дилемма стояла даже перед ревсомольцами: жениться или учиться? Причина была в слухах: говорили, что всех детей забирают и отправляют в Хем-Белдири (Кызыл), в некоторых местах насильно отбирают детей.

“Там дети портятся, с сизмалства не будут знать стыда, ни перед чем не остановятся, только познакомившись, ходят, взявшись за руки, обнимаются, даже игры такие: заигрывают друг с другом, не скрывают своего тела. Потом, когда чуть повзрослеют, уедут в Россию, Бурятию. Дети будут потеряны, без религии, будут есть лягушек, змей, насекомых”.

Старшие говорили, надо выделить часть имущества и поженить детей. В этой ситуации молодежь тоже не могли усидеть на месте, все искали своих суженых»³.

Показательно обсуждение, которое состоялось после выступления А. М. Амур-Санана, представителя ИККИ в ТНР, на IV съезде ТНРП в 1925 г., когда впервые серьезно был поднят вопрос о работе с тувинскими женщинами. Один из вопросов, заданных А. М. Амур-Санану, был следующим: «Если не покупать жен и не платить калым, то как же будут сходиться, по собственному желанию или при участии родителей?»⁴ А. М. Амур-Санан ответил: «Отца, брата девицы, выходящей замуж, более всего интересует, сколько они получают денег — выкупа за девицу, а не то, за кого они выдают свою родственницу, будет ли она счастлива. Это делается так, как продавали бы корову или какую-нибудь вещь. Но так делать нельзя, это жестоко, бесчеловечно»⁵. А на вопрос, каким образом привлекать женщин к образованию, когда и из мужчин большинство неграмотно, он ответил: «Если вы насильно отдаете замуж, то тем более можно насильно отдавать в учебу, так как это всем будет в пользу»⁶.

В 1930-е гг. вопрос социализации тувинских женщин не теряет своей остроты. Он приобретает даже большую остроту в контексте антирелигиозной, внутривластной борьбы в ТНР. При обсуждении «женского вопроса» на заседании ЦК ТНРП в июне 1934 г. вновь звучат утверждения о том, что тувинские женщины в своем развитии серьезно отстают от мужчин, что нужно менять методы работы с ними: отказаться от практики делегатских собраний, воздействовать на женщин через все имеющиеся общественные, хозяйственные структуры (профсоюзы, ТРСМ, кооперация). Критике были подвергнуты и судебные органы за то, что «плохо разбирают дела об издевательствах над женщинами, о нарушениях политико-экономических прав женщин»⁷. По итогам обсуждения было принято

¹ Чалы назыннын оруу. Тыванын аныктар организациязынын 40 чыл ою [Дороги молодости. К 40-летию юбилею Тувинской организации молодежи]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1965. С. 99.

² Там же.

³ Там же. С. 136–138.

⁴ Протокол IV съезда Танну-Тувинской Народно-Революционной партии. 14–19 октября 1925 г. (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 3, л. 16).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Протокол заседания ЦК ТНРП от 27 июня 1934 г. (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 66, л. 46–47).

решение об ознакомлении женщин с конституцией, законами ТНР, с их правовым положением и защитой прав, а также по предложению С. К. Тока в постановление ЦК ТНРП включили поручение о разработке и издании специальной брошюры для женщин на основе Конституции ТНР¹.

Эти разноплановые примеры доказывают то, что принятие новых законов в ТНР не могло в одночасье сломать традиционную модель жизни, что внедрение нового, в том числе через законы, проходило через разные формы сопротивления, неприятия, незнания, непонимания и несоблюдения. Результативность изменений зависела от степени интенсивности внедрения, разъяснительно-просветительской работы и, наконец, от использования насильственных, принудительных методов. Как мы видим, преимуществами своего правового положения, предоставленными законами ТНР, женщины не сразу могли пользоваться на практике, но вместе с тем эти законы дали женщинам новый статус в семье и обществе, новые, ранее недоступные для них горизонты развития.

Заключение

Рассмотрев правовое положение женщин в ТНР, можно сделать несколько выводов.

В своих законах ТНР ориентировалась преимущественно на советское государство. Эта тенденция со временем усиливалась. С 1930 г. происходит все более масштабная рецепция норм советского законодательства, связанная, в частности, с приходом к власти элиты, получившей образование в СССР и пребывающей под сильным советским влиянием. Вместе с заимствованием советских норм тем не менее принимались нормы и опирающиеся на социокультурные основания в самом тувинском обществе.

Конституции и законы ТНР внесли в жизнь общества новые социальные нормы запрещающего, обязывающего и дозволяющего характера. Конституции ТНР установили общественно-политическое равноправие тувинских мужчин и женщин, дали женщинам избирательные права, равные условия труда и ее оплаты, государственную охрану материнства и детства. Тувинская женщина фактически без борьбы обрела политические права, гражданские свободы, конституционно закрепленное равноправие с мужчинами, доступ к управлению государством, образованию, современному здравоохранению. Социальное и политическое равенство женщин, как государственная политика, артикулировалось, прежде всего, ТНРП и правительством, исходя из политических и социальных задач, которые стояли перед ними. Это как раз то, что исследователи называют «государственным феминизмом» (Бобровская, 2020). Однако эмансипация женщин кочевого общества, которые в дореволюционный период не имели доступа ни к образованию, ни к государственному управлению, была непростой задачей. Юридического закрепления конституционного равенства мужчин и женщин было недостаточно. В этой связи в разные законы, в том числе и уголовные, гражданские, были инкорпорированы нормы, которые давали возможность внедрить в общественную практику новые статусно-ролевые функции для тувинских женщин.

Тувинские женщины в ТНР стали полноправными субъектами права, получили равенство правосубъектности с мужчинами в семейных правоотношениях. Уголовные законы ТНР наложили запрет на физическое насилие над женщиной, насильственные браки, раннее замужество, привлечение женщины к занятию проституцией. Кроме того, были введены новая форма регистрации брака, договорное и судебное регулирование имущественных правоотношений супругов при разводе, имущественные отношения при незарегистрированном сожительстве, практика установления отцовства, обязанности биологического отца ребенка, рожденного вне брака.

Таким образом, закон предоставил тувинской женщине свободу выбора в установлении брачных отношений, свободу развода, при котором женщина не обязана была возвращаться под юрисдикцию своего отца, родителей, экономическую защиту через возможность судебного установления отцовства и принудительного возмещения отцом ребенка расходов женщины в связи с беременностью и родами. Женщины получили возможность защищать свои имущественные права при разводе, имущество, накопленное до брака, не включалось в категорию совместно нажитого имущества.

Законы о труде ТНР ввели дифференцированный подход к труду мужчин и женщин, женский труд получил определенные льготы в связи с выполнением репродуктивных функций женщин. Женский труд был включен в производственные отношения, экономику государства. Возникает новый тип работающей по найму женщины с гарантированной государством оплатой труда и трудовыми правами.

¹ Протокол заседания ЦК ТНРП от 27 июня 1934 г. (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 66, л. 46–47).

В совокупности и конституции, и уголовные, гражданские законы ТНР явились политико-правовой базой для эмансипации тувинской женщины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В. (2016) Историко-архивные источники о положении женщин-матери в традиционной тувинской семье // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур. Материалы Девятой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. 13–16 окт. 2016 : в 2-х т. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, Н. А. Мицок. М. : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. I. 444 с. С. 29–31.

Антонова, А. В. (2008) Основные направления правового регулирования положения женщин в Китае: история и современность // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 7, вып. 4. Востоковедение. С. 52–56.

Аранчын, Ю. Л. (1977) РСТК и ТНР // Великий Октябрь и проблемы новейшей истории Тувы / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл : Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. 147 с. С. 72–89.

Башкуев, В. Ю. (2018а) Традиционный быт и проблемы здоровья монгольского аратства в 1920–1930-х гг. (по архивным материалам Наркомздрава РСФСР) // Oriental Studies. Вып. 11(5). С. 14–26. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-14-26

Башкуев, В. Ю. (2018b) Медико-санитарные экспедиции Наркомздрава РСФСР в Тувинской Народной Республике и становление тувинского здравоохранения (конец 1920-х — середина 1930-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. № 426. С. 52–63. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/426/6>

Биче-оол, С. М. (2018) Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период. Абакан : Журналист. 125 с.

Бобровская, Е. В. (2020) «Государственный феминизм» в СССР: особенности гендерного (не) равенства в советской России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. № 4. С. 133–140. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-4-133-140>

Вайнштейн, С. И. (1964) К истории ранних форм развития семейно-брачных отношений (ойтулааш у тувинцев) // Советская этнография. № 2. С. 123–124.

Владимирцов, Б. Я. (1934) Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Ленинград : Издательство Академии Наук СССР. 224 с.

Доржу, З. Ю. (1993) Социальное положение женщин в Республике Тува. История и современность (1921–1993 гг.) : дисс. ... д-ра ист. н. М. 421 с.

Доржу, З. Ю. (2008) Женщины Тувы: от прошлого к будущему. Кызыл : Издательство Тувинского государственного университета. 118 с.

Доржу, З. Ю. (2011) Тувинская семья: Тенденции ее жизнедеятельности // Омский научный вестник. № 1 (95). С. 35–38.

Забелина, Г. А. (1977) Женщины освобожденной Тувы в борьбе за новую жизнь (1921–1944 гг.) // Великий Октябрь и проблемы новейшей истории Тувы. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 147 с. С. 90–103.

Забелина, Г. А. (2010) Женщины Тувы в семье и обществе в первой половине XX века. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 118 с.

История Тувы (2007) / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.

Кляшторный, С. Г. (1985) Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии / отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск : Наука. 235 с. С. 159–168.

Кон, Ф. Я. (1934) Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет : в 3 т. М. : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Т. III. 294 с.

Конституции Тувы 1921–1993 гг. (1999) : сборник к 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РСФСР / сост. В. А. Дубровский. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 216 с.

Моллеров, Н. М. (2010) О периодизации новейшей истории Тувы с позиции теории модернизации // Сборник материалов II Межд. научно-практической конференции «Кочевые цивилизации Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы». 01–04 июня 2010 г. Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Тувинский государственный университет. Красноярск : Изд-во Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 360 с. С. 172–176.

Моллеров, Н. М. (2017) История Тувы в 1920-е гг. сквозь призму жизни и деятельности старшего советника тувинского правительства и ЦК ТНРП П. С. Медведева // Oriental Studies. № 3 (31). С. 36–47. DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-31-3-36-47>

Монгуш, М. В. (2010) Тува век спустя после Каррутерса и Менхен-Хельфена. Осака : Национальный музей этнологии. 212 с.

Менхен-Хелфен, О. (2007) Путешествие в Азиатскую Туву // Урянхай. Тыва дептер : антология : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово. Т. 6. 581 с. С. 220–352.

Мурзова, О. М., Жилыева, М. С. (2018) Женщина в политике и власти: социально-исторический анализ // Технологии социальной работы с разными группами населения. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции 04–07 декабря 2018 г. / отв. ред. М. С. Жилыева. Чита : Забайкальский государственный университет. 109 с. С. 88–96.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 401 с.

Почекаев, Р. Ю. (2018) Сведения российских дипломатов XVII в. о монгольском праве // Mongolica-XX. Сборник научных статей к 200-летию со дня основания Азиатского музея / предс. редколлегии И В. Кульганек. СПб. : ИВ РАН. 104 с. С. 21–29.

Прокофьева, Е. Д. (1955) Некоторые этнографические данные о тувинцах западных районов Тувинской автономной области // Краткие сообщения Института Этнографии им. Миклухо-Маклая. Вып. 23. М. : Изд-во Академии наук СССР. 100 с. С. 3–18.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука (1957) / ред. и вступ. сл. И. П. Шастиной. М. : Гос. издательство географической литературы. 270 с.

Самдан, А. А. (2020) Вооруженное восстание в Туве в 1930 г. // Новые исследования Тувы. № 3. С. 66–80. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.5

Сердобов, Н. А. (1971) История формирования тувинской нации. Кызыл : Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. 484 с.

Сердобов, Н. А. (1985) Коминтерн и революционная Тува. Кызыл : Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. 238 с.

Темкина, А. А. (2004) Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерная реконструкция политических систем / ред. сост.: Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб. : Институт гендерной политики. 991 с. С. 41–75.

Цыретарова, Б. Б. (2016) Борьба с социальными болезнями в Бурятии (1920–1940-ые гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. № 1. С. 29–35. DOI: <https://doi.org/10.18101/2306-753X-2016-1-29-35>

Шостакович, С. В. (2007) Политический строй и международно-правовое положение Танну-Туву в прошлом и настоящем // Урянхай. Тыва дептер. Антология : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово. Т. 6. 581 с. С. 182–218.

Дата поступления: 16.11.2020 г.

REFERENCES

Anaiban, Z. V. (2016) Istoriko-arkhivnye istochniki o polozhenii zhenshchin-materi v traditsionnoi tuvinskoj sem'e [Historical and archival sources on the status of mothers in the traditional Tuvan family]. In: *Materinstvo i otsovstvo skvoz' prizmu vremeni i kul'tur* [Motherhood and fatherhood through the prism of times and cultures]. Proceedings of the 9th International Research Conference of the RAIZHI and IEA RAS. October 13–16, 2016 : in 2 vols. / ed. by N. L. Pushkareva and N. A. Mitsiuk. Moscow, Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaia. Vol. I. 444 p. Pp. 29–31. (In Russ.).

Antonova, A. V. (2008) Osnovnye napravleniia pravovogo regulirovaniia polozheniia zhenshchin v Kitae: istoriia i so-vremennost' [Primary areas of the legal adjustment of status of women in China: history and contemporaneity]. *Vestnik NGU. Serii: Istorii, filologii*. Vol. 7, issue 4. Vostokovedenie, pp. 52–56. (In Russ.).

Aranchyn, Yu. L. (1977) RSTK i TNR [RSTK and TNR]. In: *Velikii Oktiabr' i problemy noveishei istorii Tuvy* [Great October and problems of the modern history of Tuva] / ed. by Yu. L. Aranchyn. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 147 p. Pp. 72–89. (In Russ.).

Bashkuev, V. Yu. (2018a) Traditsionnyi byt i problemy zdorov'ia mongol'skogo aratstva v 1920–1930-kh gg. (po arkhivnym materialam Narkomzdrava RSFSR) [Mongolian Livestock Breeders in the 1920s – 1930s: Traditional Lifestyles and Health Problems: A Case Study of Archived Records of the RSFSR People's Commissariat for Health]. *Oriental Studies*, vol. 11(5), pp. 14–26. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-39-5-14-26>

Bashkuev, V. Yu. (2018b) Mediko-sanitarnye ekspeditsii Narkomzdrava RSFSR v Tuvinskoj Narodnoi Respublike i stanovlenie tuvinskogo zdavookhraneniia (konets 1920-kh — seredina 1930-kh gg.) [Medical and sanitary expeditions of the People's Commissariat for Health of the RSFSR in the Tuvan People's Republic and the development of Tuvan healthcare in late 1920s — mid-1930s]. *Tomsk State University Journal*, no. 426, pp. 52–63. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/426/6>

Biche-ool, S. M. (2018) Traditsionnye brachno-semeinye otnosheniya u tuvintsev i ikh transformatsiya v sovetskii period [Traditional matrimonial and family relations among the Tuvans and their transformation during the Soviet era]. *Abakan, Zhurnal*. 125 p. (In Russ.).

Bobrovskaya, E. V. (2020) «Gosudarstvennyi feminizm» v SSSR: osobennosti gendernogo (ne) ravenstva v sovetskoj Rossii [State-approved feminism in the USSR: peculiarities of gender (in)equality in Soviet Russia]. *Bulletin of the MSRU. Series: History and Political Sciences*, no. 4, pp. 133–140. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-4-133-140>

Vainshtein, S. I. (1964) K istorii rannikh form razvitiia semeino-brachnykh otnoshenii (oitulaash u tuvintsev) [The history of the earliest forms of development matrimonial relations (oitulaash of the Tuvans)]. *Sovetskaya etnografiya*, no. 2, pp. 123–124. (In Russ.).

Vladimirtsov, B. Ya. (1934) *Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongol'skii kochevoi feodalizm [The social system of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism]*. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 224 p. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. (1993) *Sotsial'noe polozhenie zhenshchin v Respublike Tuva. Istoriia i sovremennost' (1921–1993 gg.) [The social status of women in the Republic of Tuva. History and Modernity, 1921–1993]*: Diss. ... Doctor of History Moscow. 421 p. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. (2008) *Zhenshchiny Tuvy: ot proshlogo k budushchemu [Women of Tuva: from the past to the future]*. Kyzyl, TuvSU Publ. 184 p. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. (2011) Tuvinskaia sem'ia: Tendentsii ee zhiznedeiatel'nosti [Tuvan family: lifestyle trends]. *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 1 (95), pp. 35–38. (In Russ.).

Zabelina, G. A. (2010) *Zhenshchiny Tuvy v sem'e i obshchestve v pervoi polovine XX veka [Women of Tuva in the family and society in the first half of the twentieth century]*. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 118 p.

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Kliashornyi, S. G. (1985) Raby i rabyni v drevneturkskoj obshchine (po pamiatnikam runicheskoj pis'mennosti Mongolii) [Male and female slaves in the ancient Turkic communities, from the monuments of Runic writing in Mongolia]. In: *Drevnie kul'tury Mongolii [Ancient Cultures of Mongolia]* / ed. by R. S. Vasil'evskii. Novosibirsk, Nauka. 235 p. Pp. 159–168.

Kon, F. Ya. (1934) *Ekspeditsiia v Sioitiiu [An Expedition to Soyotia]. Za piat' desiat let [In fifty years]*: in 3 vols. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoiuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-pereselentsev. Vol. 3. 296 p. (In Russ.).

Konstitutsii Tuvy [Constitutions of Tuva] (1999): a collection for the 55th anniversary of Tuva's accession to the USSR and RSFSR. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 216 p. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2010) O periodizatsii noveishei istorii Tuvy s pozitsii teorii modernizatsii [On the periodization of the recent history of Tuva from the standpoint of modernization theory]. In: *Sbornik materialov II Mezhd. nauchno-prakticheskoi konferentsii «Kochevye tsivilizatsii Tsentral'noi i Severnoi Azii: istoriia, sostoianie, problemy» [Proceedings of the 2nd International Research Conference “Nomadic civilizations of Central and Northern Asia: history, state, problems”]*. 01–04 June 2010 Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'ev, Tyva State University. Krasnoyarsk, Izd-vo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva. 360 p. Pp. 172–176. (In Russ.)

Mollerov, N. M. (2017) Istoriia Tuvy v 1920-t gg. skvoz' prizmu zhizni i deiatel'nosti starshego sovetnika tuvinskogo pravitel'stva i TsK TNRP P. S. Medvedeva [Senior Advisor to the Tuvan Government and the Central Committee of the Tuvan People's Revolutionary Party P. S. Medvedev: a History of Tuva in the 1920s through the Prism of His Life and Activities]. *Oriental Studies*, no. 3 (31), pp. 36–47. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-31-3-36-47>

Mongush, M. V. (2010) *Tuva vek spustia posle Karrutersa i Menkhen-Khel'fena [Tuva a century after Carruthers and Menchen-Helfen]*. Osaka, National Museum of Ethnology. 212 p. (In Russ.)

Menkhen-Khel'fen, O. (2014) Puteshestvie v aziatskuiu Tuvu [A journey to Asian Tuva]. In: *Uriankhai. Tyva depter [Uriankhai. Tuva notebooks]*: in 7 vol. / comp. by S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 6. Tannu-Tuvinskaia Narodnaia Respublika (1921–1944 gg.) [Tannu-Tuva People's Republic (1921–1944)]. 584 p. Pp. 220–261. (In Russ.).

Murzova, O. M. and Zhiliaeva, M. S. (2018) Zhenshchina v politike i vlasti: sotsial'no-istoricheskii analiz [Women in Politics and Power: a socio-historical analysis]. In: *Tekhnologii sotsial'noi raboty s raznymi gruppami naseleniia [Technologies of social work with different population groups]*. Proceedings of the 7th All-Russian Research Conference, December 4-7, 2018. ed. by M. S. Zhiliaeva. Chita, Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet. 109 p. Pp. 88–96. (In Russ.)

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka, GRVL. 402 p. (In Russ.).

Pochekaev, R. Yu. (2018) Svedeniia rossiiskikh diplomatov KhVII v. o mongol'skom prave [Reports of 17th century Russian diplomats on the Mongolian law]. In: *Mongolica-XX [Mongolica-XX]*. A collection of articles for the 200th anniversary of the founding of the Asian Museum / chairman of editorial board I. V. Kul'ganek. St. Petersburg, IV RAN. 104 p. Pp. 21–29. (In Russ.)

Prokofieva, E. D. (1955) Nekotorye etnograficheskie dannye o tuvintsakh zapadnykh raionov Tuvinskoj avtonomnoi oblasti [Some ethnographical data about Tuvans in western regions of Tuva]. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii AN SSSR [Short reports of Institute of Ethnography]*. Vol. 23. Pp. 3–18. (In Russ.)

Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka [Voyages to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruk] (1957) / ed. by I. P. Shastina. Moscow, Gos. izdatel'stvo geograficheskoi literatury. 270 p. (In Russ.)

Samdan, A. A. (2020) Vooruzhennoe vosstanie v Tuve v 1930 g. [Tuvan armed rebellion in 1930]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 66–80. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.5

Serdobov, N. A. (1971) *Istoriia formirovaniia tuvinskoi natsii* [The history of the formation of the Tuvan nation]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 482 p. (In Russ.).

Serdobov, N. A. (1985) *Komintern i revoliutsionnaia Tuva* [The Comintern and the revolutionary Tuva]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 238 p. (In Russ.).

Temkina, A. A. (2004) Zhenskoe dvizhenie kak obshchestvennoe dvizhenie: istoriia i teoriia [Women's movement as a social movement: history and theory]. In: *Gendernaia rekonstruktsiia politicheskikh sistem* [Gender reconstruction of political systems] / ed. board: N. M. Stepanova and E. V. Kochkina. St. Petersburg, Institut gendernoï politiki. 991 p. Pp. 41–75. (In Russ.)

Tsyretarova, B. B. (2016) Bor'ba s sotsial'nymi bolezniami v Buriatii (1920–1940-ye gg.) [The fight against social diseases in Buryatia, 1920s – 1940s]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 29–35. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18101/2306-753X-2016-1-29-35>

Shostakovich, S. V. (2007) Politicheskii stroi i mezhdunarodno-pravovoe polozhenie Tannu-Tuvy v proshlom i nastoiashchem [The political system and the international legal situation of Tannu-Tuva in the past and present]. In: *Uriankhai. Tyva depter* [Uriankhai. Tuva notebooks]: in 7 vol. / comp. by S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 6. Tannu-Tuvinskaia Narodnaia Respublika (1921–1944 gg.) [Tannu-Tuva People's Republic (1921–1944)]. 584 p. Pp. 182–218. (In Russ.)

Submission date: 16.11.2020.

DOI: 10.25178/nit.2021.1.9

Статья

Култ Белого старца (монгольские тексты из Тувы)

Баазр А. Бичеев

Независимый исследователь, Российская Федерация;

Алтан-Очир

Институт приграничных территорий Академии общественных наук КНР, Китайская Народная Республика

Одна из богатейших обрядовых, текстологических и иконографических традиций сложилась вокруг культа Белого старца. Широкая распространенность и значимость культа делают его особым феноменом религиозно-духовной культуры монгольских народов.

В статье дан обзор монгольских текстов молитв-сангов и «Сутры Белого старца» из фондов Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. В рукописном фонде музея находится одиннадцать рукописей, из которых нам удалось ознакомиться с пятью текстами. Рукописи из Тувы представляют интерес и как региональная традиция культа Белого старца, так и с точки зрения текстологии.

Одной из особенностей графики текстов из Тувы является то, что в большинстве текстов графема ʃ во всех позициях отмечена короной (титм), что является характерным признаком «ясного письма».

Ключевые слова: Белый старец; молитва-санг; «Сутра Белого старца»; рукописный сборник; текстологическая традиция; Тува

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 20-512-93002.

Для цитирования:

Бичеев Б. А., Алтан-Очир. Култ Белого старца (монгольские тексты из Тувы) // Новые исследования Тувы. 2021, № 1. С. 174-187. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.9>

Бичеев Баазр Александрович — доктор философских наук, независимый исследователь; главный редактор серии «Corpus scriptorum oiratorum». Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. А. М. Горького, д. 18. Тел.: +7 (961) 394-55-64. Эл. адрес: baazr@mail.ru

Алтан-Очир — доктор исторических наук, профессор Института приграничных территорий Академии общественных наук Китайской Народной Республики. Адрес: 1 Goujia tiyu chang beilu, Chaoyang Distr., Beijing 100101, People's Republic of China. Эл. адрес: altan.ochir@yandex.ru

BICHEEV, Baazr Aleksandrovich, Doctor of Philosophy, Independent researcher; Editor-in-chief of the Corpus scriptorum oiratorum series. Postal address: 18 A. M. Gorky St., Elista, 358000, Russia. Tel.: +7 (961) 394-55-64. E-mail: baazr@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9352-7367

ALATENG AOQIER, Doctor of History, Professor, Institute of Chinese Borderland Studies, Chinese Academy of Social Sciences. Postal address: 1 Goujia tiyu chang beilu, Chaoyang Distr., Beijing 100101, People's Republic of China. E-mail: altan.ochir@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-6419-0531

The cult of the White Old Man: Mongolian texts from Tuva

Baazr A. Bicheev

Independent researcher, Russian Federation,

Alateng Aoqier

Institute of Chinese Borderland Studies, People's Republic of China

One of the richest ritualistic, textual and iconographic traditions is associated with the cult figure of the White Old Man. Its popularity and significance makes it a remarkable phenomenon in the religious and spiritual culture of Mongolians.

The aim of this article is to give an overview of the Mongolian texts of sang-prayers and of the "Sutra of the White Old Man", which are a part of the collections of the Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. The manuscript collection of the museum boasts of eleven such manuscripts, and five of these, examined by the authors, are presented in this publication. The Tuvan manuscripts are of special interest as illustrative of the regional tradition of the White Old Man worship, but also in terms of the textual studies.

One of the features of the graphics of Tuvan texts is that the grapheme š is in most cases marked with a crown (titm) in all positions, which is a typical feature of "clear script".

Keywords: *Worship of the White Old Man; texts of sang-prayers; "Sutra of the White Old Man"; manuscript collection; textual tradition; Tuva*

Financing

The study was funded by RFBR and CASS according to the research project № 20-512-93002.

For citation:

Bicheev B. A. and Alateng Aoqier. The cult of the White Old Man: Mongolian texts from Tuva. *New Research of Tuva*, 2021, no. 1, pp. 174-187. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.9>

Введение

В пантеоне буддизма низший разряд божественных существ составляют древние религиозные культы, ассимилированные в ходе утверждения буддизма среди разных народов. Одним из таких ассимилированных древних культов является Белый старец.

Под разными именами он известен в религиозной системе народов Дальнего Востока, Центральной Азии и Сибири. В Японии его называют *Дзюродзин*, в Китае — *Шоу-син*, в Тибете — *Гамбо Гарбо*. В Монголии он *Цагаан эбуген*, в Бурятии — *Саган убуэн*, а в Калмыкии у него несколько имен — *Цаган аав*, *Цаган авга*, *Цаган буурл эбуген*, *Делкен эзен Цаган аава* (Хозяин мира Белый старец). В калмыцких храмах его почтительно называли *Когшин-богдо* (Святой старец). При всем разнообразии имен Белого старца у монгольских народов, в письменной традиции он известен под одним общим и неизменным эпитетом — Усмиритель и покоритель [духов-хозяев] земли и воды (*γazar usuni nomoyodxon daruulun čidaqči*).

Судя по сохранившимся многочисленным спискам монгольских и ойратских текстов, посвященных культу Белого старца, это был широко почитаемый образ древней добуддийской религиозной системы. В научный оборот текст «Сутры Белого старца» ввел А. М. Позднеев. Выделив несколько основных положений относительно этого культа, он опубликовал русский перевод монгольского текста «Цагән-эбүгәнү судур» («Учение о Цагән-эбүгәнэ») и отметил, что эта псевдосутра была написана буддийскими ламами в позднее время для ассимиляции древнего культа в ранг местных защитников буддизма, давших клятву не вредить буддизму и защищать его сторонников (Позднеев, 1887: 83–85).

Письменная традиция, сложившаяся вокруг культа Белого старца, подразумевает два вида текстов. Во-первых, псевдобуддийскую сутру. Во-вторых, обрядовые тексты молитв-*сангов* или воскурений,

которые читались во время жертвоприношения Белому старцу и кормления на *обо* многочисленных ландшафтных сверхъестественных существ — духов-хозяев земных и водных пространств.

Обо как неперемное место проведения обряда жертвоприношения, на котором совершалось призывание, подношение, кормление и молитвенное обращение к Белому старцу и/или сонму хозяев той или иной местности, является древней добуддийской традицией. Исследователи отмечают, что просто культура *обо*, т. е. поклонения куче камней с воткнутыми в нее ветками деревьев (или какой другой форме *обо*), не существует отдельно от культуры почитания духов-хозяев местностей (Герасимова, 1980: 76).

С бытованием этих двух видов текстов связана храмовая и светская обрядовые традиции их чтения во 2 и 16 день лунного месяца, а также во время массовых молений на *обо* в дни народных празднеств. В сознании верующих оба текста воспринимались как нечто целое, объединенное одним культом. Поэтому часто на титульном листе сутры может быть указано, что это молитва-санг, и, наоборот, на титульном листе молитвы могло быть написано, что это сутра.

Цель данной статьи ввести в научный оборот часть текстов, находящихся в фондах Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (далее — НМ РТ) и сопоставить их содержание с опубликованными исследователями образцами подобного вида. В фондах музея хранится 11 рукописей, представляющих два вида текстов. Текстуальный корпус, связанный с культом Белого старца, требует дальнейшего его изучения. Поэтому рукописи из Тувы представляют интерес и с точки зрения текстологии и как свидетельство универсальной традиции культа Белого старца, существовавшей на огромном культурном пространстве Сибири и Монголии.

Два вида текстов культа Белого старца

Корпус текстов, связанный с культом Белого старца, как было отмечено, состоит из двух видов — прозаической псевдобуддийской сутры и стихотворных обрядовых текстов молитв-сангов. Прозаический текст сутры был предназначен для утверждения культа Белого старца в многочисленном ряду местных защитников, давших клятву защищать буддизм и его последователей. Несмотря на большое количество списков этого текста, все они имеют одинаковый сюжет, в котором повествуется о встрече Будды и Белого старца на горе под названием Фруктовая (*zemeseleng*). Во время этой встречи Белый старец дает клятву защищать все живые существа. Будда в свою очередь наделяет его особой мантрой, тем самым утверждая его в ранге местного защитника буддизма. Стихотворные тексты молитв-сангов, которые читались во время обряда жертвоприношения Белому старцу на *'обо'*, в отличие от текста сутры представляют разные типы текстов. Их содержательная часть, хотя и была выстроена по определенной форме, могла легко варьироваться в зависимости от региональной обрядовой традиции.

С бытованием этих двух видов текстов связана храмовая и светская обрядовые традиции их чтения во 2 и 16 день лунного месяца, а также во время массовых молений на *обо* в дни народных празднеств. В сознании верующих оба текста воспринимались как нечто целое, объединенное одним культом. Поэтому часто на титульном листе сутры может быть указано, что это молитва-санг, и, наоборот, на титульном листе молитвы могло быть написано, что это сутра.

Два вида этих текстов, связанных с культом Белого Старца, были опубликованы В. Хайссигом, которой впервые предложил их классификацию. Исходя из доступных ему материалов, В. Хайссиг предложил следующие этапы эволюции текстов молитв-сангов и «Сутры Белого старца»:

1. № XIX Молитва «Белому старцу» (монгольский текст молитвы-санга),
2. № XX Молитва «Белому старцу» (монгольский текст молитвы-санга),
3. № XXI Молитва «Белому старцу» (ойратский текст псевдосутры),
4. № XXII Воскурение «Белому старцу» (ойратский текст молитвы-санга),
5. № XXIII Молитва «Белому старцу» (молитва-санг Мерген-гегена) (Heissig, 1966: 21).

Предложенная В. Хайссигом классификация была дополнена Х. Фуаки на основе широкого круга источников из Монголии и Китая. Всего он выделил девять типов текстов:

Тип А: молитва-санг, составленная Мерген-гегеном [Heissig № XXIII],

Тип А1: вариант типа А с дополнительными стихотворными вставками,

Тип В: обращение, имеющее тибетский эквивалент [Heissig № XIX],

Тип В1: вариант типа В с дополнительными стихотворными вставками сельскохозяйственного характера,

Тип С: псевдобуддийская сутра [Heissig № XXI],

Тип С1: вариант типа С со стихотворными вставками из типа В,

Тип D: молитва, связанная с культом гор Утай,

Тип E: руководство по освящению, используемое бурятами,

Тип F: молитва-санг, использовавшаяся ойратами [Heissig № XXII] (Futaki, 2005: 38).

Культ Белого старца продолжает оставаться в поле зрения исследователей Монголии и Китая. Известно, что самая большая коллекция рукописей на старомонгольской графике и «ясном письме» хранится в рукописном фонде Института языка и литературы АН Монголии. О. Самбудорж опубликовал каталог молитв-сангов из ойратской коллекции института. В пятом разделе «Молитвы-санги [хозяйства] земли и воды» («Уул усны сан») он приводит описание 27 текстов сангов и «Сутры Белого старца» (Самбудорж, 1997). Из современных работ следует указать на статью С. Дулама, где на основе собранного полевого материала раскрываются традиции обрядового моления Белому старцу у монгольских бурят (Дулам, 2018).

Последние два десятилетия монголоведы Китая ведут активную деятельность по поиску и публикации рукописей на «ясном письме». Хранитель ойратской коллекции г. Урумчи До. Галдан издал сборник текстов под названием «Стихотворные поучения и молитвы-санги» («*Surγal šilüg kiged sang takil*»). Среди других опубликованных в этом сборнике текстов есть и факсимиле молитв-сангов и «Сутры Белого старца» (Galdan, 2013).

Профессор Центрального университета национальностей М. Эрдэмт с 2015 г. по 2019 г. издал 50 томов серии «Исследование памятников “ясного письма”, хранящихся в верховьях реки Или» («*Ilī-yin γool-un degedü urusqal daγau oron-du qadaγalaldaγu bayiy-a todo üsüg-ün dursqal-tu bičig-ün sudulul*»). В серии опубликовано факсимиле более ста рукописей, в том числе и десять текстов «Сутры Белого старца» (Erdemtu, 2015–2019).

Среди неизвестных исследователям текстов следует указать на монгольские рукописи молитв-сангов и «Сутры Белого старца», находящиеся в фондах НМ РТ. Согласно каталогу, составленному А. Г. Сазыкиным, в фондах музея хранится 11 текстов — «Cult of the White old man: No. 15, 220, 300, 323, 324, 389, 479, 480, 620, 781, 905» (Sazykin, 1994: 329).

Нам удалось ознакомиться только с содержанием пяти следующих рукописей¹:

М–15. «Молитва-санг Белому старцу»

л. 1r. *Čaγan ebügen-ün sang ene bui.*

л. 2v. *sayin amuγulang boltuγai. sarva mangkalam nom tegüsbe.*

Монг. рукопись, 2 л., 17.8×7.5, 14 стк., рус. бумага, черная тушь, калам.

М–220. «Сутра святого Белого старца. Сутра санга».

л. 1r. *Qutuγtu saγan ebügen-u sudur. sang-un sudur.*

л. 3v. *ünen γurban erdeni. emgei jobilang jayilaγul. ükül ügei šides-un. öljei xutuγ orošiyun. üni batu atuqai. sarva mangkalam.*

Монг. рукопись, 3 л., 21×7.5, 12 стк., рус. бумага с филигранью «Фабрика Бр. Ятесъ № 7», черная тушь, калам.

М–300. «Сутра-санг Белого старца»

л. 1r. *Čaγan ebügen-ü sang-un sudur orosiba.*

л. 4v. *čal čaγan üsütü γazarun ezen čimai-yi takin jalbariyen kücün-iyar ba бүрүн. čaγan buyan arbidun delgerituqai. mang kha lam.*

Монг. рукопись, 4 л., 22×8, 15 стк., рус. бумага, черная тушь, калам.

¹ Условные знаки и сокращения, используемые при описании рукописей: л. 1r. — лицевая (recto) сторона листа; л. 2v. — оборотная (verso) сторона листа; 17.8×7.5 — размер листа рукописи в сантиметрах; мон. рукопись — монгольская рукопись, 2 л. — общее количество листов рукописи; 12 стк. — общее количество строк на одной стороне листа; рус. бумага — русская бумага.

М–323. «Шастра под названием “Молитва-санг Белому старцу”»

л. 1r. *Čaγan ebügen-nü sang neretü sašitar.*

л. 1v. *Om a hum. 3 ĵimisliγ neretü aγula-yin orgil-un oron-eče asuru ebügen dūrüstü γajar-un ejen čiber.*

л. 3r. *namo^{va} budadhai-a namo^{va} dharamai-a namo^{va} sanḵhai-a enedkeγ-un keheber ju suve ha töbed-un keheber dayičing monγol-un keheber γajar usun-ni nomoγodaγaγun daraγulun čidaγči neretu sudur.*

л. 6r. *qutuγtu γajar usun-ni nomoγadqan čidaγči ebügen-nu öčiγsen neretü yeke külğini sudur tegüsbe. sarva tam kha lam.*

Монг. рукописный сборник, 6 л., 22×8.5, 21 стк., рус. бумага с филигранью Успенской фабрики, черная тушь, калам.

М–324. «Сутра под названием молитва-санг Белому старцу»

л. 1r. *Čaγan ebügen-nü sang neretü sudur orošiba.*

л. 1v. *Om a hum 3 ĵimisliγ neretü aγula-yin orgil-un oron-eče asaru ebügen dūrüstü γajar-un ejen čiber.*

л. 3v. *namo^{va} budadai-a namo^{va} daramai-a namo^{va} sanḵai-a enedkeγ-un keheber suva sha töbed-un keheber dayičing monγol-un keheber γajar usun-ni nomodqayun daraγulun čidaγči neretu sudur.*

л. 7r. *qutuγtu γajar usun-ni nomoγoqon čidaγči ebügen-nü öčiγsen neretü yeke külge sudur tegüsbe: sarva tam kha lam.*

Монг. рукописный сборник, 7 л., 21.5×8.5, 17 стк., рус. бумага, черная тушь, калам.

В каталоге А. Г. Сазыкина указаны наименования еще шести текстов:

М–389. *Čaγan ebügen-ü sang orošibai (1a).*

Монг. рукопись, 3 л., 17.5×7.5, 17 стк.

М–479. *Ui-tang-sang-yin tabun Maṅṅuširi čaγan ebügen neretü yeke külge sudur orošiba (1a).*

Монг. рукопись, 3 л., 22×8.8, 16 стк.

М–480. *Čaγan ebügen-ü sang-un sudur yeke kölge sudur orošiba (1a).*

Монг. рукопись, 3 л., 22×8.8, 22 стк.

М–620. *Čaγan ebügen-ü sang ba sudur qoyar ene dotor-a ürgülji orošiba (1a).*

Монг. рукопись, 31 л.+1 л., 11×4, 7 стк.

М–781. *Aldar čaγan ebügen-ü sang orosiba (1a).*

Монг. рукопись, 2 л., 22×8.5, 15 стк.

М–905. *Čaγan ebügen-ü sang ba sudur qoyar ene dotor-a ürgülji orošiba (1a)*

Монг. рукопись, Лл. 1–2, 4, 6–8, 17.5×6.5, 12 стк. (Sazykin, 1994).

При ближайшем знакомстве с содержанием пяти тувинских рукописей выяснилось, что в них содержатся тексты пяти молитв-сангов, известных по классификации В. Хайссига и Х. Футаки и двух «Сутр Белого старца».

Структура текстов молитв-сангов

подавляющая часть текстов сангов выстроена по одному принципу. Вначале следует обращение к многочисленным буддам и божествам проявить милость и явиться к месту подношения на *обо*, т. е. к месту, где совершается подношение. Затем следует просьба принять подношение. В основной части высказывается просьба о защите и покровительстве, а в заключении произносится благопожелание. По такому же принципу выстроены все известные нам тексты молитв-сангов Белому старцу, в том

числе и тексты из НМ РТ, которые состоят из нескольких разделов, последовательно вытекающих одна из другой.

I. Формула поклонения.

Согласно традиции, каждый текст *санга*, как и любого другого сочинения религиозного содержания, должен открываться формулой поклонения. Это может быть как формула поклонения Трем драгоценностям, так и любому из будд и бодхисаттв.

II. Призывание Белого старца и других божеств.

Текст молитвы начинается с приглашения будд и бодхисаттв 24-х сторон, Белого старца и сонма духов-хозяев местностей на *обо*. Буддийские комментаторы делят все персонажи буддийского пантеона на четыре уровня «гостей», призываемых для обрядового угощения. К высшему уровню относятся все будды и бодхисаттвы. Ко второму уровню «защитники, заслуженные гости» относятся ассимилированные буддизмом индийские культы (*дака* и *дакини*, *дхармапала*, *гопно*). В третий уровень «добрых милостивых гостей» входят тибетские культы, типологически сходные с верованиями монголов (покровители скота, хозяева земли, жилища, очага и др.). В нижний уровень входят злые духи (*гон*, *зэг*, *ланчаги*) (*Ламаизм в Бурятии ...*, 1983: 154–155).

III. Выражение почтения Белому старцу и другим божествам.

Вслед за приглашением следует призыв принять восемь традиционных подношений (воду для питья, воду для омовения, ароматную воду, цветы, благовония, лампадку, пищу, музыку), шесть видов превосходных лекарств (мускатный орех, зеленый кардамон, черный кардамон, гвоздику, шафран, манну бамбуковую), драгоценности (золото, серебро, жемчуга) и др.

IV. Восхваление Белого старца.

В этом разделе молитвы присутствует связь с содержанием «Сутры Белого старца». Дается описание его внешнего вида, упоминается его клятва помогать всем живым существам, произнесенная перед самим Буддой на горе Плодовой (Фруктовой). Иногда в этой части могут быть перечислены те деяние, которые присущи Белому старцу (запись благих и греховных деяний людей, способность избавлять или насылать несчастья на людей и др.).

V. Обращение с просьбой к Белому старцу.

Это основной раздел содержания молитвы. Он представляет собой просьбу, обращенную к Белому старцу, т. е. то, ради чего устраивается подношение Белому старцу и кормление многочисленных духов-хозяев местностей. Традиционно здесь высказываются стандартные просьбы — устранить причины несчастий и болезней, даровать здоровье и долгую жизнь, способствовать увеличению поголовья скота, установить мир и спокойствие. Иногда это могут быть просьбы избавить от дурных предзнаменований: крика птиц, разбитой посуды, ссоры, воя волка и лая лисы и др. (*Šarközi*, 1983).

VI. Благопожелание.

Текст молитвы завершается традиционным благопожеланием, в котором высказывается пожелание широкому распространению веры в Три драгоценности, установления прочной светской власти, благополучной и счастливой жизни.

VII. Заключительная формула.

Традиционно это либо известная мантра шести слогов и/или санскритская формула всеобщего блага *sarva tat gha lam*.

По такой достаточно простой схеме композиционно выстроены тексты молитв-сангов Белому старцу. Однако такие тексты отличается высокой вариативностью, поскольку сама конструкция при всей ее жесткости позволяет дополнять, сокращать, изменять содержание разделов, исходя из тех или иных требований региональной традиции. Поэтому любая классификация текстов молитв-сангов Белого старца достаточна условна. По мнению А. Бирталан, главной характеристикой монгольского корпуса текстов санг является то, что он унифицирован, построен из схожих текстовых модулей, которые варьируется в зависимости от традиции (*Birtalan*, 2020: 276).

Рукописи молитв-сангов и «Сутры Белого старца» из НМ РТ

Во всех пяти исследованных нами рукописях из Тувы содержатся тексты молитв-сангов Белому старцу. При этом три рукописи представляют собой отдельные тексты молитв-сангов, а две другие — рукописные сборники, состоящие из текста молитвы-санг и «Сутры Белого старца».

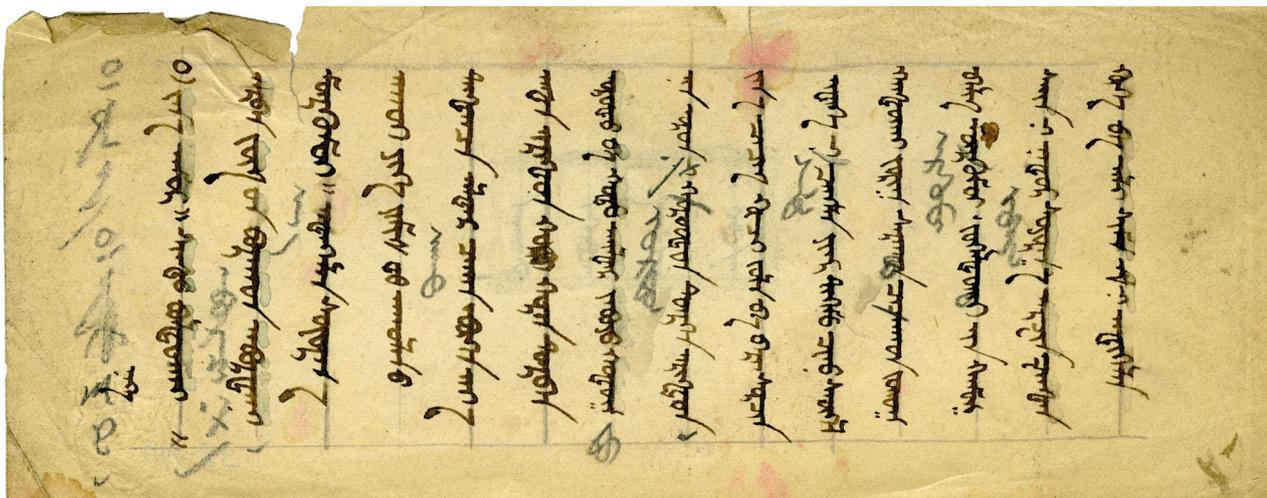

Фото 1. Лист 1v. рукописи М-15 «Молитва-санг Белому старцу». Из фонда Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.
 Photo 1. Page 1v. of the manuscript M-15 «Prayer-sang to the White Old Man». From the collections of the Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva.

Небольшая по объему рукопись М-15 «Молитва-санг Белому старцу» («*Čayan ebügen-ün sang ene bui*») соответствует тексту № XXIII в публикации В. Хайссига и типу А (Молитва Мерген-гегена) по классификации Х. Футаки.

Сведений о дате рождения и смерти Мэргэн-гегена (геген Мэргэн-лама, геген Мэргэн-диянчи-лама, хубилган Мэргэн-диянчи, Мэргэн-диянчи-лама) нет. Известно лишь, что он был одним из монгольских перерожденцев высокого уровня и занимался переводами на монгольский язык тибетских текстов культа *докшитов*, составлением обрядников жертвоприношений хозяевам земли и водных источников, Белому старцу и божеству горы Мунахан. В 1780–1783 гг. в Пекине были изданы четыре тома его сочинений, в том числе и молитва-санг Белому старцу (Futaki, 2005: 38).

Текст рукописи М-15 имеет незначительные расхождения с текстом Мэргэн-гегена. Имеются различия в написании слов, пропуска строк, а также наличие строк, которых нет в публикации В. Хайссига.

Приведем для примера два первых раздела молитвы.

M-15	№ XXIII (Heissig, 1966)	Перевод
I. Формула поклонения		
<i>Om. Amur: sayitu boltuγai:</i>	<i>Om. Amur sayitu boltuγai.</i>	Ом. Да пребудет благоденствие!
<i>Arban жүг-ün burqad Aburdani mörgümüi:</i>	<i>Arban жүг-ün burqad-tur Abaridan mörgümüi.</i>	Буддам десяти сторон С мольбой о защите преклоняюсь!
<i>Adislan soyorq-a.</i>	<i>Adislan soyurqa.</i>	Соизвольте благословить!
II. Призывание Белого старца и других божеств		
<i>Aγui yeke j̄imis-tü Aγulan-u tengdeēč Aldar čayan ebügen Ai-a ende iregtün.</i>	<i>Aγui yeke j̄imis-tü Aγulan-u tendeče Aldar čayan ebügen Aya ende iregtün.</i>	С великой горы Земисту, С места своего обитания, Славный Белый старец, Соизволь явиться сюда!

.....	Sömbür aγulan-a dörben Süme dalai orod ba Süme keyid-tür odju. Sür sür iregtün	tib-tü. Сумеру, С земель Мирового океана, Собравшись в храмы и монастыри, Сонмом явитесь [сюда]!
Qorin dörben orodu ba Qotu ayildar yabuču Qutuγ ene oron-ni Qurdudun türgen iregtün	Qorin dörben orod ba [Q]ota ayil-dur abču Qutuγ ene oron-dur Qurdun qurdun iregtün.	С двадцати четырех сторон, Со всех айлов и городов, В это святое место, Соизвольте скорее явиться!

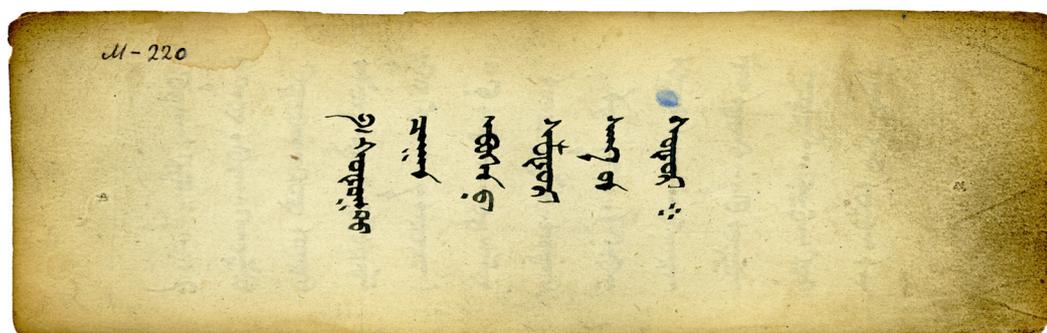

Фото 2. Титульный лист 1r. рукописи М-220 «Сутра святого Белого старца. Сутра санга».
Из фонда Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.
Photo 2. Page 1r. of the manuscript M-220 «Sutra of the Holy White Old Man. Sutra sang».
From the collections of the Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva.

Вторая рукопись из Тувы под шифром М-220 названа «Сутра святого Белого старца. Сутра санга» (Qutuγtu saγan ebügen-u sudur: sang-un sudur). На самом деле это текст молитвы-санга, который также соотносится с текстом молитвы Мэргэн-гегена.

Рукопись М-220 также имеет незначительные расхождения с текстом, опубликованным В. Хайсигом, в виде различного написания слов и пропуска строк. Приведем для примера четвертый раздел молитвы-санга — «Восхваление Белого старца».

M-220	№ XXIII [Heissig 1966]	Перевод
IV. Восхваление Белого старца		
qeyi-a boyda čaγan ebügen bušiu buγ-a köliglen: bogir tayaγ šim-e em: bodi debter bariju:	Ja Boyda čaγan ebügen Bisiγu buγu-yi köliglen Bogir tayaγ-yi čilejü Bodi debter bariγun.	Святой Белый старец, Своего оленя оседлавший, Резной посох, экстракт лекарств, Святую книгу держащий,
buruγu-tan-ni temdeglen: buyan-tan-ni tedkürün: busiγ zarliq oloγsan:	Buruγu-tan-i temdeglen Buyan-tan-i tedkün. Burqan baγsi-yin emüne-eče Busuγ-a jarliγ oluγsan	Отмечающий грешников, Опекающий праведников. Пред ликом учителя Будды Праведную речь произнесший,
tangγaraγ-tu ečige tan-ni maγtan mörgümü: daγalaγsan kereg-yi: tamsuγ sayitur bütüğe	Tangγariγ-tu ečige Tan-dur maγtan mörgümü. Taγalaqui-yin kereg-i Tamsuγ sayitur bütüğe.	Облаченный клятвой отец, Восхваляю и преклоняюсь вам! Благовидные деяния С желанной радостью воплощай!

Третья молитва-санг из НМ РТ — это рукопись М-300 «Сутра-санг Белого старца» («*Čaγan ebügen-ü sang-un sudur orosiba*»). Структурно молитва выстроена по той же общей для всех сангов схеме, но по содержанию она уже отличается от двух предыдущих текстов.

Фото 3. Лист 1v. рукописи М-300 «Сутра-санг Белого старца». Из фонда Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.
 Photo 3. Page 1v. of the manuscript M-300 «Sutra-sang of the White Old Man». From the collections of the Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva.

Текст этой молитвы соотносится с образцом № XIX в публикации В. Хайссига и типом В по классификации Х. Футаки. Разночтения с текстом № XIX незначительные, но они есть. К примеру, в разделе II. «Призывание Белого старца и других божеств».

M-300	Heissig XIX
<p><i>ai-a jimeseleg neretü aγula-yin orgil-un</i> <i>asuru čaγan ebügen dürisütü γajar-un ejen či-ber</i> <i>aq-a degüü nöküüd čiγulya-luγ-a selte</i> <i>alγasal ügei ene edür oriqui-dur iren soyorq-a.</i></p> <p style="text-align: right;"><i>oron-ača</i></p>	<p><i>Aya jimislig neretü aγula-yin orgil-un</i> <i>Asuru ebügen dürsütü γajar-ejen tabar</i> <i>Aqa degüü nöküd-ün čiγulyan-luγa selte</i> <i>Alγasal ügei ene oron-a iren soyurqa.</i></p> <p style="text-align: right;"><i>oron-ača.</i></p>
<p><i>qotan-ni dörben γajar-un usun-u</i> <i>qota küreyed-ün ejen ab ali</i> <i>qotal oron-a oyir-a qamiγa saγubečü</i> <i>qurdun-a iren soyorq-a</i></p>	<p><i>Qorin dörben γajar usun</i> <i>Qota küriyedün ali oron-a.</i> <i>Qola oyira qamiγa saγubaču.</i> <i>Qurdun-a ödtör türgene iren soyurqa.</i></p>

Такие разночтения достаточно частое явление для монгольских текстов. Все зависело от уровня подготовленности и внимательности переписчика текста. К примеру, разное написание слов — *jimeseleg* / *jimislig*; *dürisütü* / *dürsütü*; пропуски слов — *čaγan ebügen* (Белый старец) / *ebügen* (старец); потеря окончания слова *γajar-un ejen* (хозяин земли) / *γajar-ejen* (хозяин-земля); замена одних слов на другие — *či-ber* (ты) / *tabar* (вы); *qotan-ni dörben* (четыре города) / *Qorin dörben* (двадцать четыре).

Подобные расхождения есть и в других разделах. К примеру, в разделе IV. «Восхваление Белого старца».

M-300	Heissig XIX
<p><i>kögsiregsen metü čaγan saqaltu čaγan üsütü</i> <i>köbč'in beyen-degen čaγan debel emüsügsen:</i> <i>küregere dongγuduγči luu-yin teregüte</i> <i>kübidan tuluγči tayγa γar-taγan bariγsan: čiber</i></p>	<p><i>Kögsiregsen metü čaγan saqal üsütü</i> <i>Köbč'in beye-degen čaγan debel emüsügsen</i> <i>Kürjigine dongγuduγči luu-yin terigütü</i> <i>Kündü tayiγ-i γartaγan bariγsan tabar</i></p>

<p><i>erketü burqan baγši-yin nidün-e emün-e ama abuγsan-ıyan sakiγaju: tangkariγ-tu nigen buyan-ni üyledügcı ken-i bügesü ečige metü tedkügcı ürü şiyal-tu:</i></p>	<p><i>Erketü burqan baγsi-yin nidün-ü emüne. Erten-e ama abuγsan-ıyan sakiγçı tangγariγtu. Erkin buyan üiledügcı ken bügesü Ečige metü tedkügcı üre sayintu.</i></p>
<p><i>eldeb nigül üyledügcı-yin nereşi erlig qaγan metü bičig-tür bičiju:</i></p> <p style="text-align: right;"><i>qataγugeleng-tu</i></p> <p><i>ene yirtinčü-yin amitan-u üüle-yin ači ür-e-yi</i></p> <p style="text-align: right;"><i>aldal ügei medegči.</i></p> <p><i>uqaγan bilig-tü čaγan ebügen dürisütü γajar-</i></p> <p style="text-align: right;"><i>un ejen</i></p> <p><i>čimai-yuγan jalbaran alabiran daγudan</i></p> <p style="text-align: right;"><i>jalbaraju ele.</i></p>	<p><i>Eldeb nigüli üiledügcı-yin neres-i Erlig qaγan metü bičig-tür bičigeči</i></p> <p style="text-align: right;"><i>qataγučil-tu</i></p> <p><i>Ene yirtinčü-yin amitan-u üüles-yin ači üre-yi</i></p> <p style="text-align: right;"><i>üneger medegči.</i></p> <p><i>Uqaγan bilig-tü ebügen dürsütü. γajar-un ejen</i></p> <p><i>čimai-yuγan jalbaran daγudan jalbariju ele.</i></p>

Выражение *čaγan saqaltu čaγan üsütü* (седобородый и седоволосый) передано в более краткой форме *čaγan saqal üsütü* (седой). Выражение *küregere dongγuduγçı* (рычащий) заменено на другой эквивалент *kürjigine dongγuduγçı* (ревуший) и др.

Одной из особенностей графики текстов из Тувы является то, что в подавляющем большинстве случаев графема «š» во всех позициях отмечена короной (*tumm*), в то время как для старомонгольской графики это не характерно. По всей видимости, это следствие влияния ойратского «ясного письма».

Таким образом, в трех рукописях молитв Белому старцу из НМ РТ содержатся два варианта *сангов*, известных по классификациям В. Хайссига и Х. Футаки как № XIX или тип В и № XXIII или тип А.

Структура текстов «Сутры Белого старца»

В отечественном монголоведении «Сутру Белого старца» впервые в научный оборот ввел А. М. Позднеев, опубликовавший русский перевод текста в 1887 г. (Позднеев, 1887).

Н. Н. Поппе, описывая монгольские рукописи Института востоковедения Академии наук СССР, выделил несколько текстов в отдельный раздел «Култ Белого старца», в котором описал четыре монгольских текста и одну рукопись на «ясном письме» (Поппе, 1932: 187). Рукописи, описанные Н. Н. Поппе, служат подтверждением того, что тексты молитв-*сангов* и «Сутры Белого старца» воспринимались верующими как единый текст. Поэтому на титульном листе сутр встречается указание на то, что это текст *санга* и наоборот. К примеру, из известных нам четырнадцати рукописей текста сутры из Синьцзяна девять были названы *сангами*. Из трех текстов сутры из Западной Монголии, лишь одна указана как *санг*. Из тринадцати рукописей из России *сангом* названы только две рукописи из коллекции Института востоковедения РАН, происхождение которых не совсем ясно (были ли они приобретены у ойратов Монголии или у калмыков на Волге).

На титульном листе рукописи обычно указывается краткое название сочинения, а в самом тексте указывается полное наименование. Все рукописи «Сутры Белого старца» имеют то же название, которое указано у Н. Н. Поппе — «Сутра Усмирителя и покорителя [духов-хозяев] земли и воды» («*γazar usuni nomoγodxon darulun čidaqči neretü sudur*»). Этот эпитет Белого старца, опосредованно напоминающий эпитеты самого Будды, неизменно присутствует в названии всех текстов псевдосутры. Однако на титульном листе в маргинальном названии текстов он по-прежнему будет назван Белым старцем («*Саγан öbügüni sudur orošobuu*», «*Саγан abaγan sudur orošba*», «*Delken ezen caγan abyai sudur ede bui*» и др.).

Все тексты «Сутры Белого старца» имеют одну общую структуру. Подобно текстам молитв-*сангов* структура сутры также состоит из последовательных логично связанных между собой разделов. Однако в отличие от *сангов*, содержание разделов сутры не допускает варьирования и остается неизменным. Все различия в текстах сутр связаны с пропусками, заменой, своеобразным написанием тех или иных слов. В содержательном плане различаются лишь вступительная и заключительная формулы поклонения.

Знание этой структуры дает возможность членить текст сутры на составные части для проведения анализа его содержания.

I. Вступительная часть

- формула поклонения (*Трем драгоценностям или Манджушири*),
- название произведения на санскрите (*может не быть*), тибетском (*может не быть*), китайском (*может не быть*) и монгольском языках,
- формула поклонения всем буддам и бодхисатвам,
- традиционная формула начала сутр (*eyin kemen mini sonosoqsan nige caqtu*).

II. Встреча Будды с Белым старцем

- обстоятельства, которые составляют фон действия (прогулка Будды в окружении Ананды и других учеников, будд и бодхисаттв на горе Плодовой / Фруктовой),
- встреча с Белым старцем (портретное описание и обязательный атрибут — посох с головой дракона),
- обращение Будды к Белому старцу.

III. Монолог-ответ Белого старца

- обозначение своих функций (владыка всего мира и ландшафтных духов-хозяев),
- определение благих деяний живых существ,
- определение наказания за несправедные деяния.

IV. Дхараны Будды для Белого старца

- принятие обета перед Буддой и получение от него мантры,
- о пользе начитывания мантры,
- о пользе чтения мантры и переписывания сутры.

V. Заключительная часть

- традиционная формула завершения сутры,
- заключительная формула благопожелания (*мантра шести слогов и/или санскритская формула «sarva mam gha lam»*).

Две другие рукописи из НМ РТ представляют собой сборники, состоящие из двух традиционных видов текстов — молитвы-санга и «Сутры Белого старца». При этом рукопись М-323 озаглавлена как «Шастра под названием “Молитва-санг Белому старцу”» («*ᠰayan ebügen-nü sang neretü sašitar*»).

Сборник открывается текстом молитвы-санг, которая соотносится с текстом № XIX по классификации В. Хайссига и типом В по классификации Х. Футаки. Различия в текстах идентичны вышеуказанным разночтениям.

На середине л. 3г начинается текст «Сутры Белого старца», который открывается формулой поклонения Трем драгоценностям, указанием санскритского (*enedkeγ-un keleber: ju suve ha*), тибетского (*töbed-un keleber: dayičing*) и монгольского (*monγol-un keleber γajar usun-ni nomoγodaγaγun daraγulun čidaγči neretu sudur*) названий произведения. В конце рукописи на л. 6г. присутствует традиционная фраза о завершении текста, в которой указано более полное название сочинения — «Сутра махаяны под названием “Почтительная речь Старца, усмирителя и покорителя [духов-хозяев] земли и воды” завершилась» (*xutuγtu γajar usun-i nomoγodqan čidaγči ebügeni öčiγsen neretü yeke kölgen sudur tegüsbei*).

Содержательная часть сутры идентична содержанию ойратского текста № XXI «*Xutuqtu čaγān öböğöni sudur orošibo*», опубликованного В. Хайссигом.

Содержание второго рукописного сборника М-324 «Сутра под названием молитва-санг Белому старцу» («*ᠰayan ebügen-nü sang neretü sudur orošiba*») полностью соответствует содержанию рукописи М-323. Несмотря на разные названия оба сборника восходят к одному источнику.

Так, среди известных нам 32 текстов «Сутры Белого старца» и семи текстов молитвы-санг на «ясном письме» из России, Монголии и Китая оказалось только шесть рукописных сборников. При этом четыре из них состояли из двух разных текстов молитв-сангов. Два других — включали до шести текстов молитв-сангов и текст «Сутры Белого старца». Однако ни один из них не состоял из двух видов текстов культа Белого старца — молитвы-санга и «Сутры Белого старца». Только в тувинской коллекции монгольских рукописей нам удалось обнаружить два сборника, в которых представлены два разных вида текстов, принадлежащих культу Белого старца.

Фото 4. Лист 3r. рукописи М-323 «Шастра под названием “Молитва-санг Белому старцу”». Из фонда Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.
 Photo 4. Page 3r. of the manuscript M-323 «A shastra titled “Prayer-sang to the White Old Man”». From the collections of the Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva.

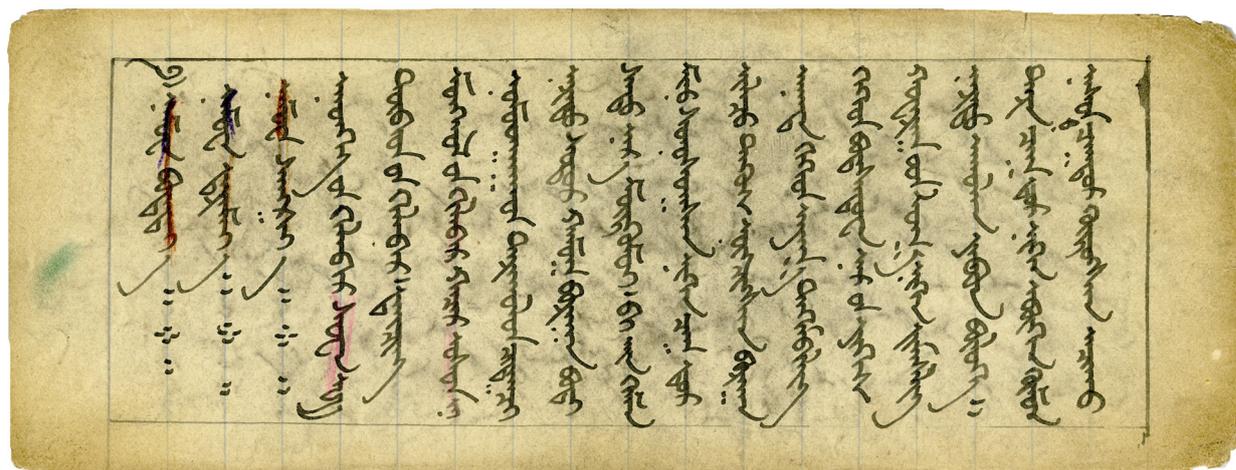

Фото 5. Лист 3v. рукописи М-324 «Сутра под названием “Молитва-санг Белому старцу”». Из фонда Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.
 Photo 5. Page 3v. of the manuscript M-324 «A sutra titled “Prayer-sang to the White Old Man”». From the collections of the Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva.

Заключение

Таким образом, значимость и широкая распространенность сделали культ Белого старца особым феноменом религиозно-духовной культуры многих народов Сибири, Монголии и Китая. С этим культом связаны разнообразные обрядовые, текстологические и иконографические традиции.

В Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва находятся два вида текстов, связанных с культом Белого старца. Среди них обнаружены тексты пяти молитв-сангов, известные по классификации В. Хайссига и Х. Футаки и два текста «Сутры Белого старца».

Соседство с кочевьями ойратов и влияние традиции «ясного письма» сказалось на ряде текстов. Одной из особенностей графики текстов из Тувы является то, что в большинстве текстов графема «ǰ» во всех позициях отмечена короной (титм), что является характерным признаком «ясного письма». Тексты рукописей служат подтверждением того, что культ Белого старца был в свое время широко распространен на территории Тувы.

Благодарности

Выражаю признательность сотрудникам Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва: хранителю Алдарме Чулдумовне Монгуш и заместителю директора Хулербену Кок-ооловичу Кадыг-оолу — за помощь в ознакомлении с копиями рукописей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Герасимова, К. М. (1980) О некоторых аспектах ассимиляции добуддийских культов по тибетским обрядникам // Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии / отв. ред. К. М. Герасимова. Новосибирск : Наука. 176 с. С. 54–82.

Дулам, С. (2018) Монголын буриад бөө нэрийн Цагаан өвгөний шүтлэг, тахилга [Культ и почитание Белого старца шаманами монгольских бурят] // Эрдэм шинжилгээний өгүүлэл [Сборник научных статей]. Улаанбаатар: Монгол улсын их сургууль [Монгольский государственный университет]. I боть. Домог зүй, бөө мөргөлийн судалгаа [Т. I. Исследование мифов и шаманизма]. 496 с. С. 404–419. (На монг. яз.).

Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века: Структура и социальная роль культовой системы (1983) / отв. ред. Н. В. Абаев. Новосибирск : Наука, Сиб. Отделение. 235 с.

Позднеев, А. М. (1887) Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб. : Типография Императорской академии наук. 492 с.

Поппе, Н. Н. (1932) Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. I. / ред. изд. С. Ф. Ольденбург. Л. : Изд. Академии наук СССР. 321 с. С. 151–200.

Самбудорж, О. (1997) Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод үсгийн номын бүртгэл. Сан тахилгын судар [Каталог рукописей на «ясном письме» Института языка и литературы. Рукописи молитв-сангов]. Уланбаатар: ШУА-ийн Хэл Зохиолын хүрээлэн (Институт языка и литературы АНМ). 108 х. (На монг. яз.).

Birtalan, A. (2020) Ritual Texts Dedicated to the White Old Man with Examples from the Classical Mongolian and Oirat (Clear Script) Textual Corpora // Sources of Mongolian Buddhism / Ed. by A. Vesna. Wallace. Oxford : University Press. 544 p. P. 269–293.

Heissig, W. (1966) Mongolische Volksreligiose und folklorische Texte. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag. 256 p.

Futaki, H. (2005) Classification of Texts Related to the White Old Man // Quaestiones Mongolorum Disputatae No. 1. P. 35–46.

Galdan, Do. (2013) Surγal šilüg kiged sang takil [«Стихотворные поучения и молитвы-санги»]. Ürumči : Šinjiyang-un arada-un keblel-un хоры-а. 378 х. (На монг. яз.).

Erdemtu, M. (2015–2019) Ili-yin γool-un degedü urusqal daγau oron-du qadaγalaldaγu bayiy-a todo üsüg-ün dursqal-tu bičig-ün sudulul [«Исследование памятников “ясного письма”, хранящихся в верховьях реки Или»] : in 50 vol. Huh-Hoto : Öbör mongγol-un soyol-un keblel-un хоры-а. (На монг. яз.).

Sazykin, A. (1994) Catalogue of the Mongol manuscripts and xylographs preserved in the library of the Tuvan Ethnological museum “Sixty Heroes” // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XLVII, Fas. 3. Budapest : Academiai Kiado. 467 p. P. 327–407.

Šarközi, A. (1983) Incense-offering to the White Old Man // Documenta Barbarorum. Festschrift für Walter Heissig zum 70. Geburtstag. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica Band. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag. 435 p. P. 357–369.

Дата поступления: 14.01.2020 г.

REFERENCES

Gerasimova K. M. (1980) O nekotorykh aspektakh assimiatsii dobuddiiskikh kul'tov po tibetskim obriadnikam [On some aspects of assimilation of pre-Buddhist cults according to Tibetan rites]. In: *Buddizm i srednevekovaia kul'tura narodov Tsentral'noi Azii [Buddhism and medieval culture of the peoples of Central Asia]* / ed. by K. M. Gerasimova. Novosibirsk, Nauka. 176 p. Pp. 54–82. (In Russ.).

Dulam, S. (2018) Mongolyn buriad böö neriin Tsagaan övgönii шүтлэг, takhilga [The cult and veneration of the White Old Man by Buryat shamans in Mongolia]. In: *Erdem shinzhilgeenii ögüülel [A collection of research articles]*. Ulaanbaatar, Mongolian State University. I bot'. Domog züi, böö mörgöliin sudalгаа [Vol. I. Studies in myths and shamanism]. 496 p. Pp. 404–419. (In Mong.).

Lamaizm v Buriatii XVIII — nachala XX veka: Struktura i sotsial'naia rol' kul'tovoi sistemy [Lamaism in Buryatia from the 18th to early 20th century: The structure and social role of the cult system] (1983) / ed. by N. V. Abaev. Novosibirsk, Nauka, Sib. Otdelenie. 235 p. (In Russ.).

Pozdneevev, A. M. (1887) *Ocherki byta buddiiskih monastyrei i buddiiskogo dukhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniem sego poslednego k narodu [Sketches of the life of Buddhist monasteries and clergy in Mongolia, in connection with the latter's relation to the people]*. St. Petersburg, Typography of the Imperial Academy of Sciences. 492 p. (In Russ.).

Poppe, N. N. (1932) *Opisanie mongol'skikh «shamanskikh» rukopisei Instituta vostokovedeniia [Description of the Mongolian «shamanic» manuscripts at the Institute of Oriental Studies]*. In: *Zapiski Instituta vostokovedeniia AN SSSR [Notes of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]* / ed. by S. F. Ol'denburg. Leningrad, Izd. Akademii nauk SSSR. Vol. I. 321 p. Pp. 151–200. (In Russ.).

Sambudorzh, O. (1997) *Khel zokhiolyn khüreeleengiin tod üsgiin nomyn bürtgel. San takhilgyn sudar [Catalogues of manuscripts on the «clear script» of the Institute of Language and Literature]*. Ulanbaatar, Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Mongolia. 108 p. (In Mong.).

Birtalan, A. (2020) *Ritual Texts Dedicated to the White Old Man with Examples from the Classical Mongolian and Oirat (Clear Script) Textual Corpora*. In: *Sources of Mongolian Buddhism* / Ed. by A. Vesna. Wallace. Oxford, University Press. 544 p. P. 269–293.

Heissig, W. (1966) *Mongolische Volksreligiöse und folklorische Texte*. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag. 256 p.

Futaki, H. (2005) *Classification of Texts Related to the White Old Man. Quaestiones Mongolorum Disputatae*, no. 1, pp. 35–46.

Galdan, Do. (2013) *Suryal šilüg kiged sang takil Didactic Poems and Offerings*. Ürumči, Šinjijang-un arada-un keblel-un xoryi-a. 378 p. (In Mong.).

Erdemtu, M. (2015–2019) *Ili-yin γool-un degedü urusqal dayau oron-du qadayalaldaju bayiγ-a todo üsüg-ün dursqal-tu bičig-ün sudulul The Collection of Written Sources in the Clear Script Preserved in the Ili River Basin* : in 50 vol. Huh-Hoto, Öbör mongyol-un soyol-un keblel-un horyi-a. (In Mong.).

Submission date: 14.01.2020.

DOI: 10.25178/nit.2021.1.10

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Статья

Женские имена в названиях улиц тувинских городов как проблема сохранения социальной памяти этноса

Наталья Л. Пушкарева

Институт этнологии и антропологии РАН, Российская Федерация,

Александр В. Жидченко

Университет Канзаса, США

Статья впервые в российской историографии поднимает тему гендерного дисбаланса в наименованиях улиц городских поселений Республики Тыва. Анализ проведен на основе изучения стрит-нейминга в городах Кызыл, Ак-Довурак, Шагонар, Чадан, Туран и поселке городского типа Каа-Хем, а также в ряде сел республики. Всего в ходе исследования среди 1325 улиц городских поселений Тувы было выявлено 15 улиц, названных в честь женщин. Это составляет около 1 процента. Для сравнения, в Москве, из 3127 улиц «женские имена» носят 40, что составляет примерно 1,2 процента.

Авторы анализируют факт обилия мужских имен в стрит-нейминге, сравнивают это топонимическое явление с картиной наименования улиц в других городах РФ и зарубежных странах, объясняя гендерно-предвзятые основания нейминга неравным распределением власти между полами в советской и постсоветской истории. Размышляя о создании мемориального ландшафта на постсоветском пространстве, они находят причины сохранения дисбаланса в упущениях градостроительного законодательства (не требующего его соблюдения), в сложившихся гендерных стереотипах национальной культуры и традиционного (патриархального) гендерного контракта.

Тем самым авторы обращают внимание на проблему дисбаланса в городской и сельской топонимике, на недостаточное признание женского вклада в историко-культурное наследие Тувы.

Ключевые слова: стрит-нейминг; этноурбанизм; женская история; город; городская культура; историко-культурное наследие; топонимика; социальная память; Тува; тувинцы; тувинские имена; Кызыл

Финансирование

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ № 075-15-2020-910.

Для цитирования:

Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В. Женские имена в названиях улиц тувинских городов как проблема сохранения социальной памяти этноса // Новые исследования Тувы. 2021, № 1. С. 188-201. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.10>

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая центром гендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А. Тел.: +7 (495) 938-00-19. Эл. адрес: pushkarev@mail.ru

Жидченко Александр Владимирович — PhD (in History), приглашенный ученый Департамента истории Университета Канзаса (США). Адрес: 1450 Jayhawk Blvd, Lawrence, KS 66045, USA. Тел.: +7 (926) 980-19-52. Эл. адрес: zhidchenko220689@yandex.ru

PUSHKAREVA, Natalia Lvovna, Doctor of History, Professor, Head of the Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Postal address: 32a Leninsky Prospekt, 119333 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 938-00-19. Email: pushkarev@mail.ru **ORCID ID: 0000-0001-6295-3331**

ZHIDCHENKO, Alexander Vladimirovich, PhD in History, Visiting Scholar, Department of History, Kansas University. Postal address: 1450 Jayhawk Blvd, Lawrence, KS 66045, USA. Tel.: +7 (926) 980-19-52. Email: zhidchenko220689@yandex.ru **ORCID ID: 0000-0002-2948-4008**

DIALOGUE OF CULTURES

Article

Streets named after females in Tuva as a case of preserving the social memory of an ethnicity

Natalia L. Pushkareva*Institute of Anthropology and Ethnography, RAS, Russian Federation,***Aleksandr V. Zhidchenko***The University of Kansas, USA*

For the first time in Russian historiography, the article raises the issue of gender imbalance in the names of streets in the Republic of Tuva. The article is based on the study of street naming in the cities of Kyzyl, Ak-Dovurak, Shagonar, Chadan, Turan, and urban-type settlement Kaa-Khem, as well as a number of rural localities. Among the 1325 streets of Tuvan urban settlements only 15 have been discovered as named after women, which is approximately 1% of the total. To compare, there are 40 streets with "female names" in Moscow among 3127 streets - approximately 1.2%.

The authors analyze the abundance of male names in street naming, and compare this toponymical phenomenon with the picture in other cities of the Russian Federation and foreign countries, explaining the gender-biased causes of naming by the unequal distribution of power between the sexes in Soviet and post-Soviet history. Examining the set-up of a memorial landscape in the post-Soviet space, the authors find reasons for why the imbalance persists, in the lack of town planning legislation (which does not require compliance with it), in the prevailing gender stereotypes of the ethnic culture and the traditional (patriarchal) gender contract.

The authors thus draw attention to the problem of the imbalance in urban and rural toponymy, and of insufficient recognition of women's contribution to the historical and cultural heritage of Tuva.

Keywords: street naming; ethnic urbanism; women's history; city; city culture; historical and cultural heritage; toponymy; social memory; Tuva; Tuvans; Tuvan names; Kyzyl

Financing

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-910).

For citation:

Pushkareva N. L. and Zhidchenko A. V. Streets named after females in Tuva as a case of preserving the social memory of an ethnicity. *New Research of Tuva*, 2021, no. 1, pp. 188-201. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.10>

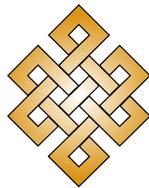
Введение

На протяжении последнего столетия — от создания 14 августа 1921 г. независимой Республики Тыва (Тувинской Народной Республики) и до современности — в историю этого государственного образования, исторически сложившегося как географический центр Азии, свой вклад вносили не только мужчины (деятели управления и науки, генералы и золотопромышленники, писатели и поэты), но и женщины, дававшие жизнь и воспитывавшие будущих героев страны, хранителей ее духовных богатств (Забелина, 1977а).

Однако написание женской истории Республики Тыва — задача, еще только поставленная и до конца не решенная (Забелина 1977б¹), ждущая своего «исследователя, талантливое перо которого напишет» ее «живыми красками любви к женскому полу и Отечеству» (Карамзин, 1803: 294).

Задача эта тем более актуальна, поскольку у кочевых народов положение женщин было особенным. В частности, «...утверждение о приниженном положении женщины в дореволюционном тувинском обществе нельзя считать однозначным и бесспорным...» (Субботин, 2016: 118). Тувинские женщины могли разносторонне проявлять себя и в семье (как матери и воспитательницы), и вне ее (Забелина 1977а; Доржу, 1993; Вайнштейн, 1994; Анжиганова, Тюльберова, 2019). Признанием современного социального потенциала женской части населения Тывы являются многочисленные проявления волонтерской и предпринимательской активности современных твинок, в том числе и регистрация в 2002 г. Тувинского регионального отделения общероссийской общественно-государственной ор-

¹ См. также: Женщины Советской Тывы : сборник статей. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1988. 96 с.

ганизации «Союз женщин России» — «Союза женщин Республики Тыва» (сменившего действующую с 1998 г. другую женскую организацию — Национальную лигу женщин Республики Тыва) (Анайбан, 2005; Анжиганова, Ак-Лама, 2016).

Однако и до начала нынешнего, XXI-го века, который многими современными социологами оценивается как «век женщин», то есть как столетие значимости гендерного фактора в социальных процессах, история тувинской земли сохранила немало имен выдающихся женщин. Это Хертек Амыр-битовна Анчимая — государственная и политическая деятельница, возглавившая в 1938 г. Отдел по работе среди женщин при ЦК Тувинской народной рабочей партии; Татьяна Шогжапаевна Камова, в 1930-е гг. бывшая первым женщиной-послом республики в Монголии и ставшая после министром здравоохранения; Монгуш Чанмаевна Часкым, вложившая немало сил в организацию помощи фронту в годы Великой отечественной войны и Вера Чульдумовна Байлак, тувинская доброволец, ушедшая на фронт в годы Великой Отечественной войны, обладательница множества орденов и медалей; активистка женского движения послевоенного времени Зоя Папагаевна Аракчаа, более 10 лет возглавлявшая республиканский женсовет, Тамара Чаш-ооловна Норбу, более 20 лет руководившая областным Советом профсоюзов и мн. др. Можно назвать также Кара-Кыс Намзатовну Мунзук, Народную артистку России и Республики Тыва, Раису Ажыевну Аракчаа, первую женщину-камнереза в Республике Тыва, заслуженную художницу Тувинской АССР и лауреата Государственной премии им. И. Е. Репина и многих, многих других... Достойных имен много. Но многие ли из них оказались запечатленными в топонимике республики?

В общемировой практике названия улиц начали появляться вместе с возникновением больших поселений и воплощая социально-политический порядок повседневной жизни. Этот своеобразный «мемориальный ландшафт», позволяя изучать связи между увековечиванием памяти в названии улицы и гражданской идентичностью, есть бесхитрое отражение распределения власти, в том числе и власти между полами (Azaryahu, 1996). Оно веками предполагало главенствующую роль мужчин и символическое присвоение ими топонимического пространства. Процесс стрит-нейминга (названия улиц именами) неосознанно складывался как андроцентричный, подразумевающий механизмы исключения для женщин, во всех без исключения странах мира (Haldar, 2013). Отметим, однако, что достаточно было возникнуть, например, в XVIII в. знаменитому «российскому матриархату» (73 года этого века империей управляли женщины), как на карте России появились Екатеринодар, Екатеринослав, Екатеринополь, Елизаветгоф, Анненгоф, станица Елизаветинская, улицы и проспекты, названные именами правительниц или их дочек (Никитин, 2020). Но наступил XIX век — и число российских улиц, поселений, городков, носящих женские имена, не увеличилось, а уменьшилось: император Павел I запретил женщинам занимать трон, и до Великой русской революции 1917-1922 гг. страна управлялась мужчинами. Поэтому на всем протяжении этого исторического отрезка распространение получали лишь топонимы в сельских поселениях, образованные от женских имен (Акулино, Аннино, Варварщина, Василисина, Ганково, Екатеринки, Лукеркино, Машкино, Окулино, Софьино, Ульянино и т. п.). Число их, однако, оказалось крайне невелико (менее 5%) — в сравнении, скажем, с французской топонимикой: среди названий улиц городков и поселений во Франции XIX в. существовало, по подсчетам исследователей, более 150 топонимов, сконструированных от 80 женских имен (Жиленкова, 2012: 5; Никитин, 2020: 81).

К моменту же основания на территории Тувы города Белоцарска в 1914 г. (ставшего в будущем столицей республики — городом Кызылом) в соседней Российской империи повсеместно продолжали встречаться топонимы, связанные с женскими именами, но процент их в общем процессе стрит-нейминга оставался малозаметным. Однако социально-демографические процессы в тувинском обществе (характерные также и для России в целом) свидетельствуют о том, что именно женщины — главные хранители социальной памяти и преемственности поколений, в том числе и потому, что женской половине населения удалось с меньшими потерями пройти через кризис постперестроечного периода. Мужское же население сокращалось на протяжении и советского периода, и в 1990-е гг. Эти социально-демографические сдвиги сопровождалась эрозией традиционных гендерных ролей, сменой уклада, «великим упадком мужчин» (Степановф, 2009: 134–137).

Данная преамбула в историю наречения улиц именами в Российской империи в целом, и в земле тувинской в частности, необходима для обоснования тезиса: стрит-нейминг — это воплощенный инструмент, используемый при социальном конструировании гендера в городских пространствах. Неравное распределение между полами количества топонимов практически во всех городах мира (баланс абсолютно везде смещен в пользу мужчин, скажем, в Риме 45,7% улиц города названы в честь

мужчин, 3,5% — в честь женщин)¹ заставляет актуализировать гендерно-чувствительный подход к теме уличной топонимии и социальной памяти в разных городах Европы и Азии и на основе экспертных мнений настаивать на соблюдении гендерного баланса.

Проведя изучение женской социальной памяти в рамках коллективного проекта РФФИ 19-09-00191, мы обнаружили, что наше исследование топонимики городов Тувы оказалось на стыке истории повседневности, новой локальной истории, исторической урбанистики, применяющей гендерно-чувствительные методы работы с эмпирическим материалом. Оно носит сравнительно-исторический характер, поскольку ставит задачей исследовать топонимический ландшафт отдельной республики в сравнении с городами мира и регионами Российской Федерации, главным образом — с Москвой, поскольку именно столица в наибольшей степени исторически задает идеологический тон всей российской топонимике.

Проблемы антропологии города (и в связи с этим названий улиц) в связи с темой сохранности исторической памяти представлены в огромном числе работ российских социологов, антропологов, этноурбанистов, но особенно преуспели историки азиатской (сибирской) части РФ (Баранова, 2011; Полюшкевич, Попова, 2018; Преловская, Пулявская, 2015). В междисциплинарном поиске о проблемах города пишут специалисты по исторической экологии (Историческая экология ..., 2003; Горонова, 2005), досадно мало внимания уделяя гендерным аспектам проблемы. Поэтому мы ставим задачей анализ текущего состояния сохранения исторической памяти в тувинской столице и иных городах, поселках городского типа (ПГТ) и крупных селах Республики Тыва, особое внимание уделяя закреплению в социокультурном пространстве памяти о женщинах тувинской земли и России в целом.

Проникновение в российское историописание феминистской теории и концептов политики гендерной инклюзии предполагает проблематизацию описанного явления («забывания» женщин), заставляя проанализировать, как постоянно воспроизводимый гендерный разрыв влияет на женское социальное самосознание. Такого рода исследование способно придать теоретизированию практическую ориентированность, объяснив, какие эффективные изменения могут потенциально преодолеть неравенство на символическом уровне — через изменение баланса в названиях городских улиц.

«Женское» топонимическое пространство Тувы

Очевидно, что часть топонимического пространства любого города обезличена (это названия улиц, поименованные в связи географическими пунктами — река, гора, местность и т. д.). Необезличенное топонимическое пространство 5 городов Республики Тыва (республиканского значения Кызыл и Ак-Довурак, а также Шагонар, Туран, Чадан, с учетом поселка городского типа — Каа-Хем) формирует историческую память об известных и значимых тувинских деятелях культуры, старейшинах (Д. Б. Танзын-оол, М. М. Самбуу, С. Х. Сат и др.), народных героях, ученых, исторических и общественно-политических деятелях. Эти имена часто повторяются в вышеперечисленных городах, начавших формироваться неполный век, а то и полвека тому назад, встречаясь на десятках улиц, более 90% которых имеют «мужские имена».

Улицы в Республике Тыва, названные женскими именами, представлены не в историческом центре каждого локуса, а как бы особняком, вне компактной жилой застройки (это бросается в глаза, например, при анализе топонимики Кызыла и прилегающего к нему поселка городского типа Каа-Хем, где расположены улицы Веры Кучун, Агнии Барто и Светланы Савицкой).

Вопрос расположения улиц не так прост, как доказали исследования топонимики других городов, и постоянно находится в в спектре интереса специалистов по теории городской культуры: чем ближе к центру, тем более значима персона (Рыженко, 2010); гендерный аспект темы тут тем более важен — в данном случае он обозначает (не)признание женского вклада в культурную историю этноса (Пушкарева, 2019).

Статистический анализ городских (и в качестве примера некоторых сельских) поселений отражен в таблице № 1. Стоит отметить, что в двух городах республики (Туране и Шагонаре) вовсе отсутствуют улицы, названные в честь женщин или содержащие какую-либо «женскую» тему.

¹ Poon L. Mapping the Sexism of City Street Names. In a study of seven world metros, only a little more than a quarter of the streets were named for women [Электронный ресурс] // Bloomberg CityLab. 2015. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2015-11-04/mapping-the-sexism-of-street-names-in-major-cities> (дата обращения: 10.01.2021).

Таблица 1. Улицы, названные в честь женщин в населенных пунктах Республики Тыва
(по данным на январь 2021 г.)

Table 1. Streets named after females in the Republic of Tuva, as of January 2021.

Названия населенных пунктов, в которых найдены улицы с «женскими именами»	Общее число улиц	Улицы, названия которых имеют отношение к женской социальной памяти	% от общего числа
1. Городские поселения (города и поселок городского типа)			
Кызыл	919	Улица Галины Доваадор Улица Светланы Козловой Улица Терешковой Переулок 8 Марта Улица Анчимаа-Тока Улица Кускелдей Тулуш Улица Маадыр Ие Улица Виктории Улица Энзана Пала	0,87
Ак-Довурак	55	Улица Идегел (Надежды)	0,55
Каа-Хем	137	Улица Агнии Барто Улица Веры Кучун Улица Светланы Савицкой	2,1
Чадан	80	Улица Нади Рушевой Улица Сарыглар Часкал	2,5
Шагонар	77	–	–
Туран	57	–	–
Всего:	1325	15	1
2. Некоторые сельские поселения			
Бай-Таг	51	Улица Иргит Багбуужап	1,9
Тээли	40	Улица Дарии Куулар Улица Уруле Кандан	5
Кызыл-Мажалык	44	Переулок Зои Тырышпаевны Улица Зои Тырышпаевны	4,5
Баян-Кол	19	Ховалыг Бичен	5,2
Бажын-Алаак	14	Амаа Монгуш	7,1
Эрзин	90	–	–

Как возник этот дисбаланс?

Возможно, одной из причин была стихийность процесса урбанизации степного пространства, наложение разных исторических эпох и имен деятелей тувинской истории и культуры, в которых ведущее положение было за мужчинами (улицы Кечил-Оола, Оюна Курседи, Салчака Тока и др.). Другой причиной могла быть поздняя урбанизация, в ходе которой историческая память фиксировала события, скорее, общероссийского масштаба (улицы Ленина, Гагарина, Красных Партизан, Фрунзе, Колхозная и пр.). Можно предположить и влияние традиционных культурных норм тибетского буддизма как главной религии тувинцев: конфессия не была гендерно-нейтральной (особенно век назад, когда в Туве не было женских монастырей и женщинам не имели доступа даже к буддийскому образованию (собственно единственному — до 1921 года)) и считала (как и другие основные мировые религии) роль женщин второстепенной.

Историческая память, поддерживаемая в том числе посредством городской топонимики, закрепляла знаковые имена в историко-культурном наследии Тувы таким образом, что даже фронтальный просмотр всех карт городов Республики Тыва и всех списков улиц этих городов (используя картографический материал и справочные издания в качестве источников), позволил выделить лишь полтора десятка «женских» улиц! «Язык — инструмент власти, с помощью которого люди преследуют свои интересы» (П. Бурдые); отсутствие до начала 1960-х гг. на территории современной республики улиц, названных женскими именами, — важный показатель *равнодушного отношения* к женскому вкладу в тувинскую историю: названия улиц отражают историю города и то, что он ценит в прошлом¹.

Однако вместе с хрущевской оттепелью отношение к ценности такого вклада переменялось. Вместе с появлением массы «советских» названий у улиц (Рабочая, Крестьянская, Комсомольская, Молодежная, Новая и т. д.) в городах и поселках у улиц появились первые «женские названия».

Столица Республики Тыва (см. *рис. 1*) обзавелась улицей первой советской женщины-космонавта *В. Н. Терешковой*. Это был общий топонимический ответ на выигранное СССР невидимое соревнование с США в области космонавтики: на современных картах РФ сейчас, по данным Яндекс-карт, 324 улицы Терешковой (Никитин, 2020: 57). Улица Терешковой в Кызыле оказалась в центре частной застройки в прибрежной зоне Енисея недалеко от городского центра и по значимости положения ничуть не уступала местоположению улиц Гагарина и Титова. Двадцать лет спустя в поселке городского типа Каа-Хем появилась улица, названная именем второй российской космонавтки — *Светланы Савицкой* — педагога и общественной деятельницы, кандидата технических наук, полковника военно-воздушных сил СССР.

В то же второе послевоенное десятилетие в Кызыле появилась и ул. *8 Марта* — символ признания законодательно закрепленного равенства женщин с мужчинами в СССР (позже, в годы стагнации и в постсоветский период улицы уже таких названий не получали). Во множестве советских городов улицы с такими именами подчеркивали не значимость сохранения женской социальной памяти (и потому так мало число улиц, названных в честь Н. К. Крупской, И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай, которые были лидерами делегатского движения в начале великого большевистского эксперимента), а значимость государственной воли и власти в деле «решения женского вопроса в СССР».

Женские имена в названиях улиц Тувы неслучайно появились на картах двух крупных городов именно в 1960-е гг.: к тому времени относят и рождение особой темы в тувинской художественной литературе — темы женской судьбы (подчас пересказанной авторами-мужчинами)². Для всего позднего периода социализма характерно большее дистанцирование от местной истории и использование в стрит-нейминге общих имен, отражающих политическую повестку дня, прославляющих значимых политических деятелей общегосударственного российского масштаба (А. Макаренко, Ф. Дзержинского и др.). Во все времена и во всех странах в периоды географической экспансии местные имена ровно так же заменялись или дополнялись именами, которые прославляли победу там человека, страны, идеологии (Rusu, 2020). Политики повсюду закрепляют названиями улиц свою повестку дня, свои приоритеты в коллективном бессознательном (Azaryahu, 1996: 311–330).

На излете советской эпохи одна из улиц Каа-Хем получила имя советской детской поэтессы, писательницы и киносценаристки *Агнии Барто*. Исторических связей между тувинским народом и детской

¹ Meier, A. Mapping the Gender Imbalance in City Street Names // Hyperallergic. 2015, November 6. URL: <https://hyperallergic.com/251819/mapping-the-gender-imbalance-in-city-street-names/> (дата обращения: 10.01.2021).

² Кенин-Лопсан М. Б. Судьба женщины: роман / пер. В. Малюгин. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1973. 256 с.

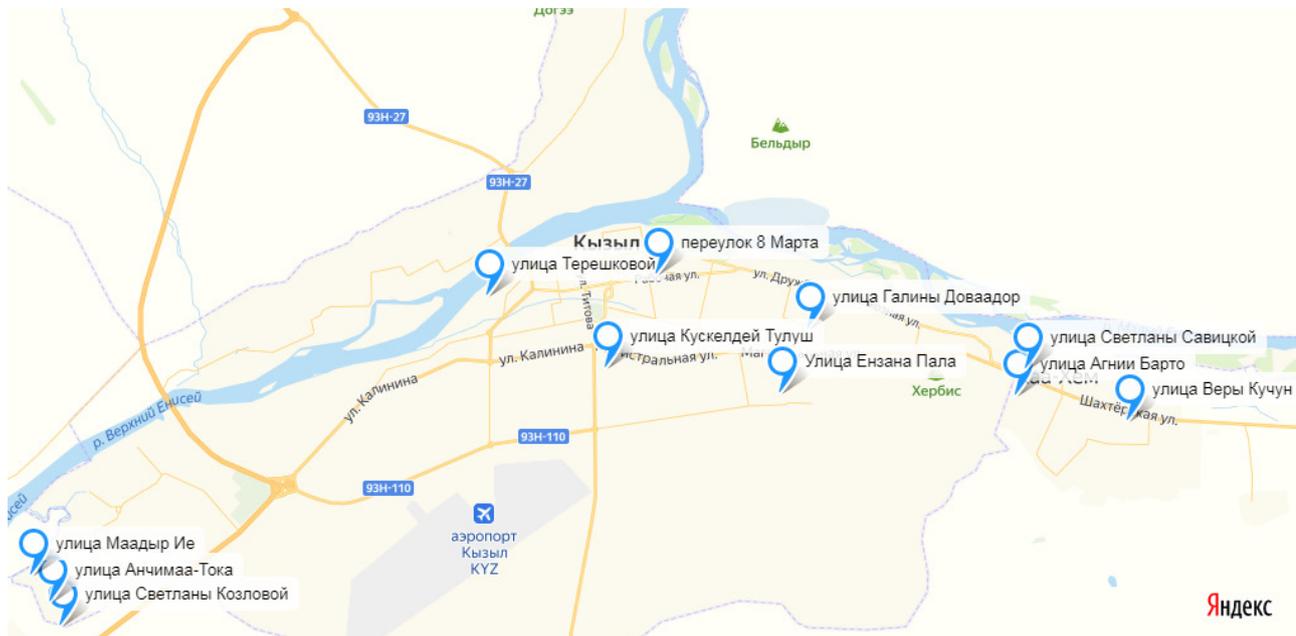

Рис. 1. План г. Кызыла с указанием расположения улиц, названных в честь женщин.
 Составлен авторами с помощью сервиса Яндекс-карты <https://yandex.ru/maps/>
 Fig.1. Map of the city of Kyzyl with streets named after women highlighted.
 Made by the authors with the use of Yandex.Maps service <https://yandex.ru/maps/>

писательницей выявить не удалось, однако несомненно: русские и тувинские дети равно росли на ее произведениях, продолжают расти и современные. В этой части города нет ни детских библиотек (они могли бы установить социокультурную связь с топонимом в городском пространстве), ни педучилища со смежным функционалом, но огромное внимание к педагогическому наследию тувинского народа, масса исследований на эту тему (Вайнштейн, 1961; Мунзук, 1990; Волков, Салчак, Шаалы, 2009; Сундуй, 2009 и др.), подчеркивают понимание значимости именно этой личности для эдукологии¹ республики. Для общероссийской топонимической традиции улицы, названные в честь Агнии Барто не редкость — они есть, например, в Москве, Мурманске, Ижевске и других городах.

Весьма показательно и важно именно для женской социальной памяти Республики Тыва существование улицы Уруле Кандан (1918–1975) — матери-героини, родившей 10 детей и бывшей чабаном колхоза «Победа» Тайгинского района Тувинской АО (за что получила звезду Героя Социалистического труда). Это прекрасное свидетельство памяти о тяжелом труде и непростой жизни выдающейся тувинки, не дожившей даже до 60-летия. Случайно ли, что улица ее имени оказалась не в городе, а только в Тээли — крупном селе (где всего 40 улиц, из которых лишь две — Дарии Куулар и Уруле Кандан — носят женские имена)? Стоит отметить, что увековечивание памяти о Матерях-Героинях можно назвать общесоветской и как преемственность общероссийской традиции — во многих крупных и средних городах есть соответствующие памятники (как символически обезличенные, так и посвященные конкретным местным женщинам, отдавшим сыновей — Героев — фронту). В их честь называли и улицы. Особенность тувинской топонимики в том, что сегодня в городском пространстве Кызыла есть улица Маадыр ие (переводится как «Мать-героиня»). При этом в других российских городах улицы с таким названием, обобщающим социальную память о всех матерях-героинях, найдены не были (также, как и отсутствуют в крупных российских городах улицы, названные именами выдающихся матерей-героинь: П. Секиркиной, Е. Степановой, А. Алексахиной и др.).

Позднесоветский период в истории Тувы — время пристального внимания к памяти о Великой Отечественной войне. И не случайно, что из 16 женских имен на улицах городов (городских поселений) Республики Тыва 6 улиц — это улицы героинь, прославивших себя на этой войне. Не входившая до 1944 г. в состав СССР тувинская земля дала огромному Советскому Союзу немало защитников, в том

¹ Эдукология — наука о взаимодействиях живых организмов между собой и с их средой обитания.

числе 10 тувинских героинь. Их именами в разных селах и городах республики названы улицы (Дыртык-оол, 2020). В их числе улица *Дарии Куулар* в селе Тээли, *Иргит Багбуужап* в селе Бая-даг, *Амаа Монгуш* на карте села Бажына-Алаака, *Ховалыг Бичен* в селе Баян-Кол, *Сарыглар Часкал* в городе Чадане и *Сынаа Кыргыз* (Галины Тонмитовны Доваадор) в столичном Кызыле и в селе Булун-Бажы Эрзинского района. Все они заявили о добровольном решении сражаться с фашистами, были призваны 1 сентября 1943 г. и в ходе обучения в г. Коврове Ивановской области освоили русский язык, а затем показали свое ратное мастерство на фронтах Великой Отечественной, были награждены орденами и медалями¹.

Сынаа Кыргыз (Галина Томитовна Доваадор) (1923–2005) писала с фронта: «Жизнь мчится своим чередом, и у нас всякое бывает. Немец сидит за бетоном, за полями мин и колючей проволокой. Нам гнать его надо, и мы гоним его!»² Сама Г. Т. Доваадор стала после войны чемпионкой-наездницей республики³, и не случайно названная ее именем улица в социокультурном пространстве Кызыла находится рядом с Конным клубом.

Другая тувинка, память о героизме которой запечатлена в имени одной из улицы города Чадан — Сарыглар Часкал, известна куда меньше. Как показала краеведческая работа одного из школьников города Салгала Дулуша, лишь 60% живущих на этой улице жителей (опрос проводился в 2016 г.) знали историю своей улицы и связывали ее имя с историей тувинских добровольцев⁴. Очевидно, нет никаких доказательств того, что прославление женского дела посредством топонимии каким-либо образом влияет на феномен эмансипации женщин: названия улиц присутствуют в коллективном бессознательном; память об их происхождении со временем теряется (Azaryahu, 2011). Такая проблема возникает, например, при попытке выяснить, кем же была некая *Зоя Тырышпаевна* — не только улица, но еще и переулок ее имени имеются в селе Кызыл-Мажлык.

Сложность топонимических конструкций в населенных пунктах Тувы проявляется, например, в том, что память об известной в республике участнице Великой Отечественной войны Вере Байлак закреплена лишь в одной из улиц с. Хайыракан Дзун-Хемчикского кожууна. Вместе с тем, несмотря на общереспубликанскую значимость этого имени в тувинском историко-культурном наследии, названной в ее честь улицы в столице — городе Кызыле — нет.

В целом, стоит отметить, что в других городах России более распространена традиция сохранения в городской топонимике памяти не только о местных женщинах — Героях Великой Отечественной войны (например, ул. Валентины Бархатовой в Омске, ул. Елены Колесовой в Ярославле, ул. Клавдии Фомичевой в Москве и др.), но и о женщинах, внесших вклад в Победу в общесоветском масштабе, но не имеющих отношения к этому городу (улицы, площади, бульвары, скверы, названные именами Полины Осипенко, Марины Расковой, Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной в десятках городов бывшего СССР). Однако, отсутствие улиц, названных в честь известных женщин — Героев Великой Отечественной войны, можно объяснить небольшой численностью населения города Кызыла и Республики Тува (стоит предположить, что если бы численность населения Кызыла была сравнима с тем же Новосибирском, то и здесь бы появились улицы с соответствующими именами).

Имена начала XXI века

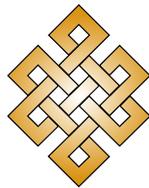
Конец XX — начало XXI в. отмечены в топонимике городов Республики Тыва появлением нескольких улиц, названных женскими именами. На окраине столицы, в локусе новой массовой жилой застройки в конце 1990-х гг. возникла улица *Светланы Козловой*, олицетворившей культурно-историческую близость русского и тувинского народа. В 1950-е гг. молодая российская журналистка отправилась в

¹ Их подвиг бессмертен. История тувинских санитарок [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГБУЗ РТ Ресбольница №1. 09.05.2020: <http://ресбольница.рф/их-подвиг-бессмертен-история-тувинск/> (дата обращения: 10.01.2021).

² Оюн Д., Монгуш С. Ветераны тувинского кавалерийского эскадрона несут потери — умерла санинструктор Галина Тонмитовна Доваадор [Электронный ресурс] // ИА «Тува Онлайн». 23 февраля 2005. <https://www.tuvaonline.ru/2005/02/23/dovaador.html> (дата обращения: 10.01.2021).

³ Чалзырай Ц., Шимит Б. Фронтвичка Сынаа Кыргыз, чемпионка, наездница ТНР [Электронный ресурс] // ИА «Тува Онлайн». 14 мая 2010. URL: https://www.tuvaonline.ru/2010/05/14/2849_tnr.html (дата обращения: 10.01.2021).

⁴ Дулуш С. Ч. Я живу на улице Героя — Сарыглар Часкал [Электронный ресурс] // Проект для одаренных детей «Алые паруса». 2016, 22 июня. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2016/07/22/ya-zhivu-na-ulitse-geroya-saryglar-chaskal> (дата обращения: 10.01.2021).

Кызыл, чтобы стать постоянной корреспонденткой газет «Молодежь Тувы», «За коммунистический труд», «Тувинская правда». Родившаяся в 1933-м году в Москве, она явила своей биографией типичу социального поведения советской молодежи, отправлявшейся в 1950-е покорять целину, строить новые города, создавать научные центры за Уральским хребтом... Именно в Туве расцвел поэтический дар С. Козловой; ее стихи стали переводиться на тувинский язык, а после смерти в 1997 г. вышел сборник ее стихов «Земля моей любви»¹. Творчество этой поэтессы буквально «пронизано» женской темой, центральными сюжетами были темы женского труда и женского героизма.

В сравнительном ключе стоит признать, что в топонимике городов республики отсутствуют названия улиц, связанные с женщинами — выдающимися революционерками. При этом в целом по России, в городах с дореволюционной историей, переживших в том числе и топонимическую революцию 1917–1922 гг. наличие таких улиц является характерной тенденцией (многочисленные улицы Клары Цеткин, Марии Ульяновой, Розы Люксембург, Инессы Арманд, Крупской и др.) (Забелин, 2006: 77). Но такое расхождение объясняется относительной молодостью административного устройства тувинской республики в составе российского государства.

Вклад женщин в социокультурное пространство городов Тувы опосредованно выразился в новых урбанонимах: парк Семейный, улица Детства, Площадь Учителя. Не случайна и улица *Веры Кучун* в крупном поселке городского типа Каа-Хем (в котором из 137 улиц — 3 названы именами женщин). Вера Айжиевна Кучун работала учителем биологии, представительница известной в республике династии учителей, сама — потомственный учитель, воспитавшая и детей-учителей. И если наличие обезличенных улиц (т. н. учительских) в постсоветских городах достаточно распространенная традиция, то улицы, названные в честь конкретных выдающихся учителей (как мужчин, так и женщин), являются очень большой редкостью, и в этой связи пример тувинского поселка Каа-Хем уникален.

Также важно отметить наличие в Кызыле Площади Учителя и установленного здесь памятника с женщиной-учительницей в окружении детей-учеников. Подобный пример символического закрепления почета и уважения к этой профессии, а также всем учителям (преимущественно женщинам в советской и постсоветской традиции) имеет большое значение в формировании пространства исторической памяти.

В начале 2000-х гг. тувинский стрит-нейминг пополнился местами памяти, связанными с именем художницы *Нади Рушевой* (Найдан Николаевны Рушевой, 1952–1969). Хотя она родилась в Улан-Баторе в семье советского художника Н. К. Рушева (1918–1975), по матери, Н. Д. Ажикмаа-Рушевой (1926–2015), одной из первой тувинской балерины, она была теснейшим образом связана с тувинской культурной традицией. Имя талантливой художницы-графика в конце 1960-х гг. гремело по всему СССР, и еще при жизни ее матери было признано знаковым для социально-исторической памяти республики (Айжы, Бурбужеп, 2019: 60). Имя Нади Рушевой в 1997 г. было присвоено центральной детской школе искусств; одновременно на улице Ленина, д. 7 в Кызыле расположился музей ее имени (380 экспонатов были переданы этому музею матерью Нади). Музей Нади Рушевой существовал в качестве филиала при Тувинском краеведческом музее в 1993–2010 гг., а затем стал частью Национального музея республики Тыва (там же: 61). В четвертом по величине тувинском городе Чадан в 2000-е годы появилась и улица Нади Рушевой, закрепляя историческую память, связанную с молодой художницей и ее выдающейся мамой-тувинкой, а в Москве школа № 1466 (в которой она училась в старших классах) в Южном административном округе получила также право носить имя этой носительницы тувинской культуры². Также в 2013-м году в день города Москвы около школы торжественно был открыт Народный парк имени Нади Рушевой. В парке установлена скульптура в память о Надежде, которую выполнил всемирно известный скульптор Андрей Волков. Он сумел воплотить в своем произведении два рисунка Нади — «кентавренок» и ее автопортрет³.

Парадоксом является не многочисленность урбанонимов, связанных с Надей Рушевой в Республике Тыва, а непредставленность не менее значимых для ее истории женских имен других тувинских

¹ Куулар Н. «Мне песни петь — как воду пить...»: Светлане Владимировне Козловой — 85 лет [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 1 марта 2018. URL: <http://archive.tuvpravda.ru/content/mne-pesni-pet-kak-vodu-pit> (дата обращения: 10.01.2021).

² Официальный сайт Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Школа № 1466 имени Надежды Рушевой»: <https://sch1466u.mskobr.ru/> (дата обращения: 10.01.2021).

³ Народный парк Надежды Рушевой [Электронный ресурс] // Москва — сегодня, будь в курсе! 2017, 23 августа. URL: <http://moscowwalk.ru/uao/caricyno/parki/park-rushevoi.html> (дата обращения: 10.01.2021).

деятели культуры, прежде всего писательницы — Екатерины Туктуг-ооловна Тановой (1930–1920) — народной поэтессы Тувы, драматурга и переводчицы, писательницы Галины Дулушовны Маспык-оол (1957–2020), столь ярко описывавшей женскую долю; других известных женщин. Хотя они есть и их заслуги признаны. Так, в Туве есть официальный список «Заслуженных людей Тувы XX века», опубликованный в специальном издании местного правительства — «Государственная книга Республики Тыва»¹. И включение в нее приравнивается к высшей государственной награде — ордену Республики Тыва². Из 264 упомянутых в списке лиц 30 — женщины.

При этом в топонимике ряда городов республики вообще нет женских имен. Из 55 улиц второго по величине города Тувы — Ак-Довурака (с численностью населения около 13 тысяч жителей в 2020 г.) не найдено ни одной улицы, названной женским именем. Из 73-х улиц третьего по величине города Тувы — Шагонара — также нет ни одной, названной в честь выдающихся женщин. Однако, важно отметить, что на карте города есть улица Чодураа (одно из самых распространенных женских имен в Туве, в переводе с тувинского — «Черемуха»). При этом масса улиц названа в честь деятелей России и Тувы: Х. Д. Очур (участника Великой Отечественной войны), генерала Сергея Шойгу (современного деятеля, министра обороны РФ), Кызыл Эник-Кудажы (заслуженного писателя Тувинской АССР), Сергея Пюрбю (народного писателя Тувы)... Ни одной «женской улицы» нет на карте Турана — самого маленького города Республики (5000 жителей в 2020 г.), в котором, однако есть в числе 57 улиц — 16, названных именами мужчин.

Поскольку Тува является ярко выраженной этнической республикой (более 80% населения — тувинцы), ее особенностью, в отличие от многих других российских регионов, не имеющих столь значительного перевеса числа коренного населения в общем составе населения, является закрепление в топонимике двух основных элементов социальной памяти — связанных с историко-культурным наследием тувинского народа, и связанных с наследием России в целом. В этой связи для тувинской топонимической модели более близкими являются модели других этнических республик: Башкортостана, Бурятии, Татарстана, Адыгеи и др. Однако, стоит отметить, что и в этих регионах женские имена выдающихся местных женщин — деятелей культуры, спорта, науки, образования и т. д. — также практически не представлены в пространстве региональной топонимики (см. например: Сальникова, 2004; Тугузбаева, 2011 и др.). Мужские же имена, напротив, составляют основу формирования средствами городской топонимики социальной памяти. Объяснить это можно с одной стороны влиянием общемировых практик (6% «женских» улиц в Париже, 1,1% — в Лионе, 0,6% — в Марселе)³, а с другой стороны и общероссийской топонимической традицией.

Статистический анализ топонимики

Итог исследования представлен в таблице: из общего числа улиц в городах и поселениях городского типа в Республике Тыва нашлось лишь 15 (с общим числом улиц 1325), в которых так или иначе запечатлена женская социальная память, что составляет всего 1% в общем процессе стрит-нейминга. Это сопоставимо с долей улиц, связанных с досоветской (дореволюционной) историей, их около 3%. В столице республики, Кызыле, из 919 улиц «женскими» являются всего 9⁴. При этом львиная доля названий, как и во многих странах, связана с географическими наименованиями, и все же в общем числе тувинских городов доля «мужских» улиц составляет 14% от общего числа, доля улиц, связанных с историческими событиями советского периода, — 18%.

Таким образом, проанализировав топонимический социокультурный ландшафт городов и поселков городского типа Республики Тыва с целью ответить на вопрос о существовании гендерного баланса в процессе сохранения и популяризации женской социальной памяти, мы сделали вывод, что улиц, названных в честь женщин, как и в любой стране, много меньше, чем иных (например, 6%

¹ Заслуженные люди Тувы XX века: Государственная книга республики Тыва / отв. ред. В. Я. Тимофеев, В. Ф. Чадамба. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2004. 260 с.

² Закон Республики Тыва «О государственной книге Заслуженные люди Тувы XX века» // Заслуженные люди Тувы XX века: Государственная книга республики Тыва / отв. ред. В. Я. Тимофеев, В. Ф. Чадамба. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2004. 260 с. С. 7.

³ The feminisation of street names: useful debate or a political artifice? [Электронный ресурс] // Into The Minds. 11.03.2020. URL: <https://www.intotheminds.com/blog/en/feminisation-street-names/> (дата обращения: 10.01.2021).

⁴ Список улиц города Кызыл на сайте <https://kladr-rf.ru/>

⁵ The feminisation of street names: useful debate or a political artifice? ...

в Париже, 27,5% в Лондоне, от 4 до 12% (по разным оценкам) в Милане)⁵. Это мировой тренд, хотя в странах ЕС и США в последнее время публикуются многочисленные статьи, указывающие на то, что малочисленность женских имен на карте городов мешает преемственности поколений, выхолащивает значимость историко-культурного наследия, создаваемого в том числе женщинами. Особую значимость проблеме (и ее особенности в российских условиях) придает социально-демографический кризис постсоветского периода, под ударом которого в первую очередь оказалось мужское население, теряющее значимость и удельный вес в старших возрастных группах (как раз в наибольшей степени включающих представителей управленческих должностей, интеллигенции, признанных заслуг в разных сферах, которые могут быть увековечены в социальной памяти путем городской топонимики). Подобный демографический дисбаланс среди старших возрастных групп подтверждается учеными на материалах статистических данных по Республике Тыва (Степанов, 2009: 135).

Множество женских имен остается вне социокультурного пространства городов республики, хотя на ее карте остаются, например, в Кызыле: Безымянная улица, а также множество дублирующих названий: 11-я Линия, 2-я Заречная, 2-я Листвянка, 2-я Лесная и т. д. Ту же картину можно обнаружить при анализе списков названий улиц г. Москвы (из 3127 названий нашлось всего 40 урбанонимов, связанных с женщинами именами (Забелин, 2006); правда, автором не проанализированы причины этого сексистского дисбаланса). Меж тем, такое соотношение вполне сопоставимо с нашими подсчетами по Туве.

Аналогичная ситуация и в целом по России. Например, в Перми в названиях улиц фигурируют различные географические наименования. Много имён дала эпоха индустриализации. Гораздо меньше лирики — разных Грушевых, Берёзовых и Белых. Улиц, названных в честь исторических личностей, примерно пятая часть. Из них «мужские» имена носят 250 улиц (цифра примерная — не всегда название можно соотносить с конкретным персонажем), а «женские» — только 15¹.

Заключение

Подводя итоги проведенному исследованию названий улиц — обычных пространственных маркеров, которые (ориентируя в пространстве) вписывают те или иные имена, факты, события в пейзаж идеологического этоса и политических символов, — трудно не сделать вывод о *маскулинизации ведущего дискурса в стрит-нейминге Республики Тыва*. Названия улиц в городах и поселениях Тувы — это культурные арены борьбы за власть между ведущими дискурсами. Герои (чьи имена зафиксированы урбанонимами — памятниками, присвоенными именами клубов, школ, библиотек, вузов и т. д., но прежде всего названиями переулков, улиц, проспектов) из антропо-социологической перспективы видятся разделенными по этнической принадлежности, идеологической привязке и, конечно, полу. Никакого «механизма продвижения пространственной справедливости» (Alderman, Inwood, 2013: 212) в отношении двух полов в современном городском планировании Тувы не выработать без самого факта признания обнаруженного дисбаланса.

Люди вначале придают названиям улиц очевидно личное, контекстное значение (подтвержденное эмоциональным резонансом), но впоследствии уже реже задумываются о личностях, чьими именами названы их улицы. И все же в социальном контексте потребления культурных ценностей, в неосознанном освоении культурных богатств наречение улиц именами имеет огромное эдукологическое и воспитательное значение. Своим проектом мы ставим задачу обратить внимание на проблему дисбаланса в городской и сельской топонимике, на недостаточное признание женского вклада в историко-культурное наследие Тувы. При планировании нового социокультурного пространства городов Республики Тыва (строительство новых кварталов, планирование территорий под коттеджную, дачную, частную, промышленную застройку) данный перекосяк в нейминге легко устраним. Причины сохранения гендерного дисбаланса — в упущениях градостроительного законодательства (не требующего его соблюдения), в сложившихся гендерных стереотипах национальной культуры и традиционного (патриархального) гендерного контракта, что (как показали сравнения) характерно для многих городов в России, и в мире. Да, нет пока доказательств того, что прославление женского дела посредством топонимии в прямом смысле ускоряет женскую эмансипацию. Но все же названия улиц присутствуют в коллективном бессознательном, и пусть память об их происхождении со временем

¹ Инфографика: Неженское лицо пермской топонимики [Электронный ресурс] // Звезда. 2017, 8 марта. URL: <https://zvzda.ru/infographics/c26141704293> (дата обращения: 10.01.2021).

теряется, все же лейтмотивная культурная работа, нацеленная на сохранение женской социальной памяти о повседневном, о женском вкладе в культуру республики, может отчасти исправить дело.

Республика Тыва является частью Российской Федерации и находится в орбите культурно-исторического влияния России, поэтому и проблемы городской топонимики у них общие, актуализированные европейской интеллектуальной мыслью, озаботившейся сохраняющейся маскулинностью стритнейминга. Российское экспертное сообщество обращает внимание на то, что компактность локуса (Республика Тыва) и своевременность артикуляции проблемы может помочь в скорейшем ее решении. Значимость ее — в необходимости учета гендерного фактора в трактовке национальной памяти, носителями которой станут следующие поколения граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айжы, Ж. Э., Бурбужеп, Д. Д. (2019) Графика Нади Рушевой в контексте экспозиционной деятельности Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 59–71. DOI: 10.25178/nit.2019.2.5
- Анайбан, З. В. (2005) Женщины Тувы и Хакасии в период российских реформ. М. : Институт востоковедения РАН. 243 с.
- Анжиганова, Л. В., Ак-Лама, С. М. (2016) Мир женщин современной Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. С. 105–115. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/97> (дата обращения: 10.01.2021).
- Анжиганова, Л. В., Тюльберова, А. М. (2019) Мир женщин кочевой культуры // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность : сб. статей VII Международной научно-практической конференции / отв. ред Л. В. Федорова. Якутск : Международный фонд исследования Тенгри. 360 с. С. 37–42.
- Баранова, Е. В. (2011) Формирование городской социально-культурной среды и динамика топонимикона русского провинциального города в XVIII начале XX в. (на материале городов Тамбовской губернии) // Социально-экономические явления и процессы. № 9. С. 169–173.
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. М. : Наука. 218 с.
- Вайнштейн, С. И. (1994) Роль женщины в тувинских народных традициях (о свободе женщины у кочевников центра Азии) // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Мат-лы Межд. конф. 1993 г. / ред. В. А. Тишков и др. М. : Наука. 448 с. С. 411–416.
- Волков, Г. Н., Салчак, К. Б., Шаалы, А. С. (2009) Этнопедагогика тувинского народа. Кызыл : Билиг. 212 с.
- Горонова, Г. В. (2005) Феномен города в духовном мире человека. Омск : Омск. гос. пед. ун-т. 150 с.
- Доржу, З. Ю. (1993) Социальное положение женщин в Республике Тыва. История и современность (1921–1993 гг.) : дисс. ... д-ра ист. н. М. 421 с.
- Жиленкова, И. И. (2012) Топонимы Белгородской области (системный лингвоанализ названий населенных пунктов). Белгород : ИД «Белгород». 124 с.
- Забелин, Н. Ю. (2006) Женские имена московского топонимикона // Женщина в российском обществе. № 4. С. 76–79.
- Забелина, В. А. (1977а) Женщины освобожденной Тувы в борьбе за новую жизнь (1921–1944 гг.) // Великий Октябрь и проблемы новейшей истории / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл: ТНИИЯЛИ. 147 с. С. 90–104.
- Забелина, В. А. (1977б) Раскрепощение женщины-тувинки и ее участие в некапиталистическом развитии Тувы (1921–1944 гг.) : автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Новосибирск. 22 с.
- Историческая экология и историческая демография (2003) : сб. научных статей / под ред. Ю. А. Полякова. М. : Росспэн. 383 с.
- Карамзин, Н. М. (1803) Известие о Марфе-Посаднице // Вестник Европы. № IX (12). С. 294–302.
- Мунзук, Т. Т. (1990) Прогрессивные идеи и опыт тувинской народной педагогики : автореф. ... канд. пед. н. Казань. 16 с.
- Никитин, С. А. (2020) Страна имен. Как мы называем улицы, деревни и города в России. М. : НЛО. 320 с.
- Полюшкевич, О. А., Попова, М. В. (2018) Влияние топонимики на идентичность жителей города (по материалам Иркутска) // Социодинамика. № 9. С. 86–97.
- Преловская, С. Е., Пуляевская, Е. В. (2015) Исторический центр города: предложения по сохранению и развитию уличного пространства // Вестник Иркутского государственного технического университета. № 4. С. 123–130.
- Пушкарева, Н. Л. (2019) Особенности памяти о женском социальном прошлом и труд историка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Исторические науки. Т. 18. № 2. С. 206–213.
- Рыженко, В. Г. (2010) Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект. Омск : Изд-во ОмГУ. 340 с.

Сальникова, А. А. (2004) Советская власть и культурный ландшафт провинциального города (Казань, 1920-30 гг.) // Россия и современный мир. № 1. С. 140–160.

Степанов, Ш. (2009) Метаморфозы родства у тувинцев // Этнографическое обозрение. № 4. С. 129–145.

Субботин, С. В. (2016) Социальное положение женщины в традиционном обществе тувинцев: повседневность и исследовательские нарративы // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. № 2. С. 109–120.

Сундуй, Г. Д. (2009) Мир детства кочевой Азии. Кызыл : Ин-т развития национальной школы. 168 с.

Тугузбаева, О. В. (2011) Имена собственные как номинация улиц г. Бирска Республики Башкортостан // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. № 5–1. С. 97–100.

Alderman, D, Inwood, J. (2013) Street Naming and the Politics of Belonging: Spatial Injustices in the Toponymic Commemoration // Social & Cultural Geography. Vol. 14(2). P. 211–233.

Azaryahu, M. (1996) The power of commemorative street names // Environment and planning D: Society and Space. № 14(3). P. 311–330.

Azaryahu, M. (2011) The Critical Turn and Beyond: The Case of Commemorative Street Naming [Электронный ресурс] // ACME: An International E-Journal for Critical Geographies. Vol. 10 (1). P. 28–33. <https://www.acme-journal.org/index.php/acme/article/view/883> (дата обращения: 10.01.2021).

Haldar, A. (2013) Women in Masculinized Memories: Narrating the Nation through Vocabularies of Discourse // Journal d'comparatius estudis: art, literature, pensament. Vol. 7. P. 41–56.

Rusu, M. S. (2020) Street Names through Sociological Lenses // Part 1. Social Change Review. Vol 18. DOI: <https://doi.org/10.2478/scr-2020-0001>

Дата поступления: 12.01.2021 г.

REFERENCES

Aizhy, Zh. E. and Burbuzhep, D. D. (2019) Grafika Nadi Rushevoi v kontekste ekspozitsionnoi deiatel'nosti Natsional'nogo muzeia Tuvy [Graphic art of Nadya Rusheva in the context of exhibition work at the National Museum of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 59–71. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.5>

Anaiban, Z. V. (2005) *Zhenshchiny Tuvy i Khakasii v period rossiiskikh reform [Women of Tuva and Khakassia in the period of reforms in Russia]*. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN. 243 p. (In Russ.).

Anzhiganova, L. V. and Ak-Lama, S. M. (2016) Mir zhenshchin sovremennoi Tuvy [Women's world in contemporary Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 105–115 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/97> (access date: 10.01.2021). (In Russ.).

Anzhiganova, L. V. and Tiul'berova, A. M. (2019) Mir zhenshchin kochevoi kul'tury [The world of women of nomadic culture]. In: *Tengrianstvo i epicheskoe nasledie narodov Evrazii: istoki i sovremennost' [Tengrianism and the epic heritage of the peoples of Eurasia: origins and modernity]* : collection of papers presented at the 7th International research conference / ed. by L. V. Fedorova. Yakutsk, Mezhdunarodnyi fond issledovaniia Tengri. 360 p. Pp. 37–42.

Baranova, E. V. (2011) Formirovanie gorodskoi sotsial'no-kul'turnoi sredy i dinamika toponimikona russkogo provintsial'nogo goroda v XVIII nachale XX V. (na materiale gorodov Tambovskoi gubernii) [Formation of the city welfare environment and dynamics of toponimikon of Russian country town from the 18th to the start of the 20th century: the case of towns in the Tambov province]. *Social-economic phenomena and processes*, no. 9, pp. 169–173. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tozhu Tuvans: historical and ethnographic essays]*. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1994) Rol' zhenshchiny v tuvinskikh narodnykh traditsiiakh (o svobode zhenshchiny u kochevnikov tsentra Azii) [The role of women in Tuvan folk traditions: on the freedom of women among the nomads of Central Asia]. In: *Zhenshchina i svoboda: puti ybora v mire traditsii i peremen [Woman and freedom: making choice in the world of traditions and changes]*. Mat-ly Mezhdunarod. konf. 1993 / ed. by V. A. Tishkov et al. Moscow, Nauka. 448 p. Pp. 411–416. (In Russ.).

Volkov G. N., Salchak K. B. and Shaaly A. S. (2009) *Etnopedagogika tuvinskogo naroda [The ethnopedagogy of the Tuvan people]*. Kyzyl, Tyvapoligraf. 212 p. (In Russ.).

Goronova, G. V. (2005) *Fenomen goroda v dukhovnom mire cheloveka [The phenomenon of the city in the spiritual world of man]*. Omsk, Omsk. Gos. ped. Un-t. 150 p. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. (1993) *Sotsial'noe polozhenie zhenshchin v Respublike Tuva. Istorii i sovremennost' (1921–1993 gg.) [The social status of women in the Republic of Tuva. History and Modernity, 1921–1993]*: Diss. ... Doctor of History Moscow. 421 p. (In Russ.).

Zhilenkova, I. I. (2012) *Toponimy Belgorodskoi oblasti (sistemnyi lingvoanaliz nazvanii naseleennykh punktov) [Toponyms of the Belgorod oblast': a systemic linguistic analysis]*. Belgorod, ID «Belgorod». 124 p. (In Russ.).

Zabelin, N. Yu. (2006) Zhenskie imena moskovskogo toponimikona [Female names of the Moscow toponymicon]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 76–79. (In Russ.).

Zabelina, V. A. (1977a) Zhenshchiny osvobozhdennoi Tuvy v bor'be za novuiu zhizn' (1921–1944 gg.) [Women of liberated Tuva in their struggle for a new life, 1921–1944]. In: *Velikii Oktiabr' i problemy noveishei istorii Tuvy* [Great October and problems of the modern history of Tuva] / ed. by Yu. L. Aranchyn. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 147 p. Pp. 90–104. (In Russ.).

Zabelina, V. A. (1977b) *Raskreposhchenie zhenshchiny-tuvinki i ee uchastie v nekapitalisticheskom razvitiu Tuvy (1921–1944 gg.)* [Emancipation of the Tuvan woman and her participation in the non-capitalist development of Tuva, 1921–1944]: Abstract of Diss. ... Candidate of History. Novosibirsk. 22 p. (In Russ.).

Istoricheskaiia ekologiia i istoricheskaiia demografiia [Historical ecology and historical demography] (2003) : a collection articles / ed. by Yu. A. Poliakova. Moscow, Rosspen. 383 p. (In Russ.).

Karamzin, N. M. (1803) Izvestie o Marfe-Posadnitse [The News about Marfa Posadnitsa]. *Vestnik Evropy*, no. IX (12), pp. 294–302. (In Russ.).

Munzuk, T. T. (1990) *Progressivnye idei i opyt tuvinskoii narodnoi pedagogiki* [Progressive ideas and experience of Tuvan folk pedagogy]: Abstract of Diss. ... Candidate of Pedagogy. Kazan'. 16 p. (In Russ.).

Nikitin, S. A. (2020) *Strana imen. Kak my nazyvaem ulitsy, derevni i goroda v Rossii* [The land of names: What we call the streets, villages and cities in Russia]. Moscow, NLO. 320 p. (In Russ.).

Poliushkevich, O. A. and Popova, M. V. (2018) Vlianie toponimiki na identichnost' zhitelei goroda (po materialam Irkutskaiia) [The influence of toponymy on the identity of city residents: the case of Irkutsk]. *Sotsiodinamika*, no. 9, pp. 86–97. (In Russ.).

Prelovskaiia, S. E. and Puliaevskaiia, E. V. (2015) Istoricheskii tsentr goroda: predlozheniia po sokhraneniui i razvitiui ulichnogo prostranstva [Historical city center: proposals on street space preservation and development]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 4, pp. 123–130. (In Russ.).

Pushkareva, N. L. (2019) Osobennosti pamiati o zhenskom sotsial'nom proshlom i trud istorika [Features of memory of female social past and labor of historian]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Issue: Istoricheskie nauki*, vol. 18, no. 2, pp. 206–213. (In Russ.).

Ryzhenko, V. G. (2010) *Obrazy i simvoly sovetskogo goroda v sovremennykh issledovatel'skikh opytakh: regional'nyi aspekt* [Images and symbols of the Soviet city in modern research experiments: a regional aspect]. Omsk, Izd-vo OmGU. 340 p. (In Russ.).

Sal'nikova, A. A. (2004) Sovetskaia vlast' i kul'turnyi landschaft provintsial'nogo goroda (Kazan', 1920–30 gg.) [The Soviet authorities and cultural landscape of a provincial city: Kazan in the 1920–1930s]. *Rossia i sovremennyi mir*, no. 1, pp. 140–160. (In Russ.).

Stepanoff, Sh. (2009) Metamorfozy rodstva u tuvintsev [Metamorphoses of kinship among the Tuvans]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 129–145. (In Russ.).

Subbotin, S. V. (2016) Sotsial'noe polozenie zhenshchiny v traditsionnom obshchestve tuvintsev: povsednevnost' i issledovatel'skie narrativy [The social position of women in the traditional society of Tuva: everyday life and research narratives]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, issue 8. History*, no. 2, pp. 109–120. (In Russ.).

Sundui, G. D. (2009) *Mir detstva kochevoi Azii: opyt dukhovno-nravstvennogo vospitaniia* [The world of childhood in nomadic Asia: the experience of spiritual and moral education]. Kyzyl, IRNSh. 168 p. (In Russ.).

Tuguzbaeva, O. V. (2011) Imena sobstvennye kak nominatsiia ulits g. Birska Respubliki Bashkortostan [Personal names in the nomination of streets in the town of Birska, Republic of Bashkortostan]. *Intellektual'nyi potentsial XXI veka: studeniia poznaniia*, no. 5–1, pp. 97–100. (In Russ.).

Alderman, D. and Inwood, J. (2013) Street Naming and the Politics of Belonging: Spatial Injustices in the Toponymic Commemoration. *Social & Cultural Geography*, vol. 14(2), pp. 211–233.

Azaryahu, M. (1996) The power of commemorative street names. *Environment and planning D: Society and Space*, no. 14(3), pp. 311–330.

Azaryahu, M. (2011) The Critical Turn and Beyond: The Case of Commemorative Street Naming. *ACME: An International E-Journal for Critical Geographies*, vol. 10 (1), pp. 28–33 [online] Available at: <https://www.acme-journal.org/index.php/acme/article/view/883> (access date: 10.01.2021).

Haldar, A. (2013) Women in Masculinized Memories: Narrating the Nation through Vocabularies of Discourse. *Journal d'comparatiu studis: art, literature, pensament*, vol. 7, pp. 41–56.

Rusu, M. S. (2020) Street Names through Sociological Lenses. Part 1. *Social Change Review*, vol. 18. DOI: <https://doi.org/10.2478/scr-2020-0001>

Submission date: 12.01.2021.

Сравнения в якутском и тувинском эпосах: общее и специфичное

Сахая Д. Львова

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,
Российская Федерация

В статье рассматриваются сравнительные структуры, присутствующие в текстах якутских олонхо «Кыыс Дэбилийэ» (сказителя Н. П. Бурнашева), «Могучий Эр Соготох» (сказителя В. О. Каратаева) и тувинских эпосов «Хунан-Кара» (сказителя Ч.-Х. Ч. Ооржака), «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» (сказителя М. Н. Ооржака). Цель исследования — установление общности и особенностей в использовании сравнения как речевого средства эпической образности по материалам текстов родственных тюркских народов — тувинцев и якутов. Основным методом исследования является компаративный анализ. Классификация сравнений по тематическим группам объектов и образов основана на систематизации Ф. М. Селиванова, примененной в изучении сравнений русских былин.

Методом сплошной выборки из эпических текстов выявлено сравнительных конструкций 317 единиц из якутского и 199 из тувинского материалов. Количественные показатели частотности сравнений, процентное соотношение их параллелизации и тематических групп компонентов сравнения выведены методом статистического анализа. Установлено, что сравнение в якутском олонхо употребляется чаще, чем в тувинском. В обоих эпосах сравнения главным образом оформляются в двухчленные параллелизмы (более 90%). Определены концепты основных устойчивых сравнений эпосов.

Основное внимание уделено составу компонентов сравнения, семантике и функции образов. Обнаружены параллели сравнений по ассоциациям и по образам. Сопоставительный анализ объектов и образов сравнения выявил большую архаичность тувинских сравнений. Материал якутского олонхо отличается обилием биоморфных образов и образов, выражающих национальную специфику, которые считаются более поздними, сложившимися после переселения в Якутию. Установлено, что сравнение в тувинских текстах в основном привлечено с целью гиперболизации численности или размера объекта, а в якутском олонхо основной функцией сравнений является передача яркого зрительного образа. В материалах обоих эпосов определены образы, отражающие культурно-бытовые реалии и географические особенности среды обитания народа-носителя эпоса.

Ключевые слова: тюркский эпос; якутское олонхо; тувинский эпос; якутский фольклор; тувинский фольклор; якуты; тувинцы; якутский язык; тувинский язык; речевое средство; эпическая образность; сравнение; образ сравнения; объект сравнения

Финансирование

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-сравнительный аспекты».

Для цитирования:

Львова С. Д. Сравнения в якутском и тувинском эпосах: общее и специфичное // Новые исследования Тувы. 2021, № 1. С. 202-216. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.11>

Львова Сахая Даниловна — старший научный сотрудник — заведующий сектором «Олонховедение» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Адрес: 677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58. Тел.: +7 (914) 225-30-29. Эл. адрес: lvovasd85@gmail.com

LVOVA, Sakhaya Danilovna, Senior Researcher, Head of the Sector "Olonkho Studies" of the Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal University. Address: 677000, Russia, Yakutsk, st. Belinsky, 58. Tel.: +7 (914) 225-30-29. E-mail: lvovasd85@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1311-8609

Comparisons in the Yakut and Tuvan epics: general and specific

Sakhaya D. Lvova

*M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Russian Federation*

The article examines comparative structures in the texts of the Yakut olonkho “Kyys Debiliie” (as told by storyteller N. P. Burnashev), “Mighty Er Sogotokh” (by V. O. Karataev) and Tuvan epics “Khunan-Kara” (by Ch.-Kh. Ch. Oorzhak) and “Boktug-Kirish, Bora-Shelei” (by M. N. Oorzhak). The aim of the study is to discover both common and distinctive features in the use of comparisons and similes as a linguistic means of epic imagery based on the materials of the texts by Turkic peoples – Tuvans and Yakuts. Working within comparative method, the authors offer a classification of comparisons by thematic groups of objects and images, based on the systematization suggested by F. M. Selivanov in his study of comparisons in Russian bylinas.

The method of continuous sampling from epic texts revealed 317 comparative constructions in Yakut and 199, in Tuvan texts. Quantitative indicators of the frequency of comparisons, as well as the percentage of their parallelization and thematic groups of simile components are calculated with the use of statistical analysis. It was found that the comparison is used more often in the Yakut olonkho than in the Tuvan ones. In both epics, comparisons are mainly formed as two-term parallelisms (more than 90%). Also determined are the concepts behind the main stable comparisons in the epics.

The main attention in the work was paid to the composition of simile components, semantics, and function of images. Parallels between in associations and images in the similes were found. A comparative analysis of objects and images revealed largely archaic character of Tuvan similes. Their counterparts in the Yakut olonkho are distinguished by an abundance of biomorphic images, probably formed after they resettled in Yakutia. It has been discovered that similes in Tuvan texts are mainly used to exaggerate the number or size of an object, and in the Yakut olonkho the main function of comparisons is to convey a vivid visual image. In the materials of both epics, images are defined that express national specifics and reflect the geographical features of the habitat of the people who created this epic.

Keywords: *Turkic epics; Yakut olonkho; Tuvan epics; Yakut folklore; Tuvan folklore; Yakuts; Tuvans; Yakut language; Tuvan language; speech means; epic imagery; simile; comparison image; object of comparison*

Financing

This research has been conducted as part of the scientific-research project NEFU “Epic monument of the Yakut intangible culture: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects”.

For citation:

Lvova S. D. Comparisons in the Yakut and Tuvan epics: general and specific. *New Research of Tuva*, 2021, no. 1, pp. 202-216. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.11>

Введение

В поэтике фольклорного произведения важная роль отводится изобразительно-выразительным средствам, среди которых одним из наиболее ранних считается сравнение. Сравнение — речевое средство эпической образности, которое уподобляет изображаемое явление другому по какому-либо общему для них признаку с целью выявить в объекте сравнения новые, важные свойства (Литературный энциклопедический ... , 1987: 418). Оно является наиболее распространенным средством выразительной речи эпоса и особенностью человеческого мышления, способом познания и представления эпической картины мира. А так как эпос является коллективным произведением, помимо индивидуальных особенностей мастерства отдельного сказителя, сравнения могут охарактеризовать национально-специфическое видение мира целого народа.

В работе И. В. Пухова одним из показателей, подтверждающих генетическую общность эпического творчества алтае-саянских народов и якутов, было указано сходство приемов описания, характеристики и изобразительных средств (Пухов, 2004: 290). Исследователем тогда были установлены сходства в сравнениях якутского и алтайского эпосов. В развитие начатой И. В. Пуховым темы, нами были проведены компаративные исследования сравнений родственных якутского, алтайского, хакасского

и шорского эпосов (Gerasimova, Lvova, 2018; Львова, 2019; Lvova, 2020). В настоящей же статье представлены основные результаты сопоставительного изучения сравнений якутского и тувинского эпосов. Цель исследования — установление общности и отличий в использовании сравнений в эпических произведениях якутов и тувинцев, которые являются представителями тюркской группы народов России. Актуальность исследования определяется возрастающим интересом к сопоставительному изучению языка и поэтики эпосов родственных народов, их генезису.

Исследование основывается на теоретических положениях отечественных фольклористов: Ф. М. Селиванова (Селиванов, 1977), А. В. Кудиярова (Кудияров, 2002), В. П. Аникина (Аникин, 2007), С. М. Орус-оол (Орус-оол, 2001), Л. Ц. Санжеевой (Санжеева, 2011), Л. К. Хертек (Хертек, 2018), приняты во внимание актуальные работы последних лет, посвященные компаративному изучению якутского и тувинского эпосов (Борисов, 2020; Корякина, 2020; Саввинова, 2020). Основным материалом исследования составляют лучшие образцы эпических текстов, опубликованные в томах двуязычной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»: якутские олонхо «Кыыс Дэбиллийэ» Н. П. Бурнашева (Бурнашев, 1993), «Могучий Эр Соготох» (якут. «Модун Эр Соҕотох») В. О. Каратаева (Каратаев, 1996) и тувинские героические сказания «Хунан-Кара» Ч.-Х. Ч. Ооржака (Ооржак Ч.-Х., 1997), «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» (тув. «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей») М. Н. Ооржака (Ооржак М., 1997). При выборе материала исследования имели значение следующие критерии. Во-первых, это наличие русского перевода: начальная выборка сравнительных конструкций осуществлялась на материале переводных текстов тувинского эпоса, далее была проведена сверка с оригиналами текстов с помощью тувинско-русских и русско-тувинских словарей с целью подтверждения предполагаемых сравнений или исключения продуктов художественного перевода. Второй критерий — относительно одинаковые объемы текстов, третий — их запись в один временной период (середина XX в.). И, в-четвертых, это принадлежность к одному типу эпического произведения по главному герою — в материалах каждого эпоса выбраны тексты с героем-богатырем и женщиной-воительницей. Также стоит отметить, что тексты тувинского «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» и якутского «Могучий Эр Соготох» являются самозаписями сказителей.

Статистические данные исследования выведены на материале указанных четырех текстов. Для анализа состава объектов и образов сравнений, поиска их параллелей дополнительно привлекаются тексты ранних записей олонхо на якутском языке: «Эриэдэл Бэргэн» в записи А. Ф. Миддендорфа 1844 г. (Миддендорф, 1911), «Хаан Дьаргыстай», записанный И. А. Худяковым в конце 1860-х гг. (Хаан Дьаргыстай, 2016).

Результаты статистического анализа

Сравнительные конструкции для анализа отобраны посредством сплошной выборки из эпических текстов. Количественные показатели применения сравнения в эпосах отражены в табл. 1.

Таблица 1. Показатели использования сравнения в текстах якутского и тувинского эпосов.
Table 1. Indicators of the use of comparison in the texts of the Yakut and Tuvan epics.

	Якутские эпосы		Тувинские эпосы	
	«Кыыс Дэбиллийэ»	«Могучий Эр Соготох»	«Хунан-Кара»	«Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей»
Год записи	1941	1982	1959	1962
Объем текста (стих. строки)*	4969	6377	5442	5061
Общее кол-во употребления сравнения	157	161	109	90
Кол-во сравнений без повторов	134	74	65	45
Максимальное кол-во употребления одного устойчивого сравнения	6	9	5	8
Кол-во употребленных единожды сравнений	85	25	28	25

Прим.: *данные соотносимы и с оригиналами текстов, и с переводными текстами.

Частотность употребления сравнений выведена с учетом объемов эпических текстов (количества стихотворных строк): в якутском олонхо коэффициенты употребления сравнения составляют 32 (1 сравнение на 32 строки) и 40; в тувинском эпосе эти показатели равны 50 и 56. Количество сравнений, не считая повторов, чуть выше в якутских олонхо.

Отмечена высокая частотность и разнообразие сравнений в якутском тексте «Кыыс Дэбилийэ».

Показатели по количеству употребления устойчивых сравнений и неповторяемых сравнений в эпосах оказались примерно одинаковыми. Далее рассмотрена параллелизация сравнений по текстам «Могучий Эр Соготох» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей», в результате чего установлено следующее. В якутском олонхо 65% сравнений входят в состав параллелизмов. Это всего 48 параллелизмов, в т. ч.: двухчленные параллелизмы — 43 единицы (90%), трехчленные — 2, четырехчленные — 3. В тувинском эпосе параллелизации подвергнуто 59% сравнений: всего 25 параллелизмов, из них двухчленных параллелизмов — 23 единицы (92%), а трехчленных и четырехчленных выявлено по одному случаю. Таким образом, в рассмотренных текстах отмечается высокая популярность двухчленного параллелизма, что свойственно всем тюркским эпосам (Львова, 2019: 129).

Функции сравнений

Функции сравнений в рассматриваемых эпосах условно разделяются на три группы. Мы говорим об условности, поскольку между ними отсутствуют четкие границы, а также одно сравнение одновременно может выполнять несколько функций. Можно выделить и дополнительные группы, но в связи с локальным характером материала исследования ограничимся тремя группами по доминирующим функциям: 1) передача численности, размера, объема, толщины объекта; 2) картинное изображение объекта (вид, цвет, фигура и др.); 3) описание движений и действий объекта.

В тувинском тексте «Хунан-Кара» 35% сравнений употребляется для обозначения численности, размера, объема объекта. При этом большая часть из них (78%) использована для гиперболизации какой-либо величины. Например, в тексте «Хунан-Кара» гиперболизируется численность: 1) лошадей посредством сравнения с количеством волос человека, 2) скота — с растениями караганы, 3) сражений — с шерстью трех или девяти собак; а в тексте «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» отмечены следующие преувеличения численности: 4) люди — мухи, муравьи, травы, деревья в лесу; 2) кони — густой лес, 3) скот — караганы. Обнаружено по два случая передачи фактического размера и его уменьшения (литота). 34% сравнений эпоса использовано для описания движений и действий объекта, 26% — для создания зрительной картины. Также 5% составили сравнения, передающие абстрагированные понятия — физическую силу богатыря и чувство. Показатели текста «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» немного отличаются, но доминирующей группой выступает также гиперболизация величины: передача численности и др. — 44,5%, изображения — 14%, действия — 24,5%.

В якутском тексте «Кыыс Дэбилийэ» наиболее распространены сравнения, служащие для создания зрительных образов — 40%. Вторыми по частотности использования выступают сравнения, служащие для описания действия — 31,5%, далее сравнения, обозначающие численность и др. — 27% и выявлены два сравнения с абстрактными понятиями. В тексте «Могучий Эр Соготох» показатели сравнений по функции почти похожи: описание внешнего вида — 43%, описание действия — 38%, обозначение численности — 18%, описание абстрактных понятий — 1%.

Эти данные позволяют заключить, что сравнение в тувинском эпосе в основном привлекается для гиперболизации численности, размера, объема объекта, а в якутском олонхо главной функцией сравнений является передача яркого зрительного образа, создание более точной картины.

Состав объектов и образов сравнения

Основные объекты сравнения в якутском олонхо — внешний вид персонажей (главного героя, его коня, противников, людей, женщин-чудищ, обитателей Нижнего мира) и их действия (как смотрят, ходят, спят, садятся на коня, борются, приходят в ярость, убивают и др.). Отмечается более частое использование сравнения при описании природы, чем в тувинском эпосе. Абстрактными понятиями, привлеченными в качестве объектов сравнения в якутском олонхо, являются *сындааһын* (выносливость), *махталаах баһыыба* (благодарность; досл.: с благодарностью спасибо), *харалҕан* (слепота).

В материале тувинского эпоса наблюдается заметное различие между текстами: в «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» посредством сравнения чаще всего описывается внешний вид персонажей (главного героя, его коня, противников, толпы людей, скота и собак), а в «Хунан-Кара» преобладают объекты-артефакты. Состав объектов сравнения в текстах отличается и отсутствием абстрактных понятий в последнем, в первом тексте это — *чагыын* (наставление) и *күш* (сила). Также в «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» обнаружены *алдын* (золото) и *мөңгүн* (серебро), которые выступают самостоятельными объектами сравнения. В материале якутского эпоса подобный пример не был выявлен, в нем образ металла упоминается только в качестве эпитета объекта сравнения.

Таблица 2. Состав объектов сравнения в эпических текстах, в % от общего кол-ва объектов.
Table 2. Composition of objects of comparison in epic texts, % of the total number of objects.

	Якутские эпосы		Тувинские эпосы	
	«Кыыс Дэбилийэ»	«Могучий Эр Соготох»	«Хунан-Кара»	«Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей»
Описание природы	20	16	6	9
Внешний вид персонажей	24	34	18	45
Артефакты	14	5,5	34	20
Действия	34	36	31	26
Абстрактные понятия	8	8,5	11	–

Прим.: жирным шрифтом выделены данные преобладающих тем объектов сравнения в эпосах.

Состав образов сравнения позволяет говорить о большей архаичности сравнений тувинского эпоса. Об этом свидетельствует, прежде всего, преобладание доли натурфактных образов, а также наличие образов металлов — *ак мөңгүн* (светлое серебро), *каң-хая* (стальная гора). В текстах выявлено множество различных образов «из мира природы» (Санжеева, 2011: 293), считающиеся наиболее ранними в постижении «непознанного» посредством сравнения: *хүн* (солнце), *ай* (луна), *таңды* (гора), *Көгей* (гора Когей), *көк кожагар* (островерхая синяя гора), *хая-даштың* (скалы-утесы), *Кадыр тайга арны-биле* (чистый склон отвесной скалы), *арт* (перевал), *хөл, хөлчүк* (озеро), *далай* (море), *Эңгиргей тайганың бажы-биле* (вершина тайги Энгиргей), *арга-ла* (густой лес), *аяң* (поляна), *салгын* (ветер), *хат* (порывистый вихрь) и т. д. Второе место по процентному соотношению в этом эпосе занимают биоморфные образы.

В якутском олонхо главным источником образов сравнения является животный мир, в котором отмечается большое разнообразие зверей и птиц. Следует отметить, что якутские сказители в большинстве случаев используют образы отдельных частей тела животных, нежели самих животных. При этом часто привлекается излюбленный в якутской эпической традиции прием детализации — в образах сравнения определяется пол и возраст животного, указывается его окрас или порода. Так, в рассмотренных текстах олонхо выявлены такие соматизмы, как *сиэрэй тиин тинилэбэ* (пятка серой белки), *сачарыы табам кулгаабын сарыыта* (кожа уха двухгодовалой самки оленя), *араҕас сылгым арҕаһын түүтэ* (загривок соловой лошади), *алталаах атыыр сылгы тангалайын кэрдиһэ* (небные насечки шестилетнего жеребца), *куба көтөрүм хотоҕойун түүтэ* (маховые перья лебедя-птицы), *куба көтөрүм түүһүн унуоҕа* (грудная кость лебедя-птицы), *собо балык ойоҕоһун унуоҕа* (досл. реберные кости карася-рыбы) и др.

Выделяются также образы-артефакты, доля которых заметно выше в сопоставлении с тувинским материалом. Образы металлов в двух основных текстах отсутствуют, но выявлены в тексте олонхо «Хаан Дьаргыстай»: *кылбалыйар кыһыл көмүс* (сверкающее золото), *көмүс* (серебро), *хорҕолдун* (олово), *дьэс алтан* (красная медь), *үрүн көмүс үрүмэтэ* (серебряная корка) и др. (Хаан Дьаргыстай, 2016: 30, 71, 108, 108, 126).

Таблица 3. Состав образов сравнения в эпических текстах, в % от общего кол-ва образов.
Table 3. Composition of images of comparison in epic texts, % of the total number of images.

	Якутские эпосы		Тувинские эпосы	
	«Кыыс Дэбилийэ»	«Могучий Эр Соготох»	«Хунан-Кара»	«Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей»
Натурфакты	28	24,5	50	45
Артефакты	34	29,5	12	17
Биоморфизмы, соматизмы	31	40	35	36
Действия	5	5	1,5	–
Металлы	–	–	–	2
Абстрактные понятия	2	1	1,5	–

Прим.: жирным шрифтом выделены данные наиболее популярных образов сравнения в эпосах.

Основные устойчивые сравнения

Как нам видится, некоторые устойчивые формулы, часто повторяясь при сказывании, принимают непосредственное участие в стилиобразовании эпического произведения. Они могут усилить героический тон эпоса, способствовать возвышенному стилю изложения (Львова, 2019: 130), или придать своеобразную окраску, как, например, в олонхо «Удаганки Уолумар и Айгыр» (Герасимова, Львова, 2016: 62): в этом олонхо обилие сравнений, изображающих внешний облик, одеяние, действия главных героинь — сестер шаманок, многочисленных представителей Нижнего мира и прочих духов, а также образы сакральных птиц (кукушки, ворона, лебедя), создают необычный «мрачный» стиль, близкий жанру современного хоррора, который в конечном итоге притупляет героизм эпоса в целом.

В изучаемых текстах традиционно чаще повторяются сравнения, характеризующие главного героя. Сперва рассмотрим материал эпосов, в которых главным героем является мужчина. В якутском олонхо «Могучий Эр Соготох» выявлены два сравнения, повторяющиеся в тексте по 9 раз.

В первом передается ловкость героя олонхо, вскочившего на своего коня, с помощью сопоставления с глухарем:

Харалдьыктан көппүт Хара улардааҕар хапсаҕайдык Ханха дьолуо ынгырыгар Хап-бааччы хатана түстэ, Токутар улар курдук Чоноччу олорон кэбистэ (Каратаев, 1996: 110).	... проворней, чем черный глухарь, взлетевший с проталины, в крепкое седло ловко вскочил, словно токующий глухарь, откинув голову, горделиво уселся (там же: 111).
---	--

Во втором сравнении гиперболизируется многочисленность родни и подчиненных богатыря:

Кинкир хара тыа курдук Киэн урууларын ынгыраннар, Баай хара тыа курдук Бар дьоннорун хомуйаннар, ... (Каратаев, 1996: 144).	словно деревья в дремучем лесу, многочисленных родственников собрав, словно деревья в густом лесу, всех сородичей собрав, ... (там же: 145).
---	--

В тувинском эпосе «Хунан-Кара» 5 раз повторяется формула, сравнивающая богатыря с мчащимся быком и с выпущенной стрелой. Например:

Кайыыртан келген, Кулуксаан буга сен, Кайыыртан келген, Кулбураан согун боор сен? (Ооржак Ч.-Х., 1997: 130).	Ты откуда явился, [Будто] вырвавшийся бык? Ты откуда явился, [Будто] выскользнувшая стрела? (там же: 131).
--	--

Функция данного параллелизма сравнений — передача большой скорости, неожиданности мгновенного появления героя.

Также привлекают внимание выражения, описывающие как ловко персонаж увертывается и передающие изобилие жизни в достатке:

Дээлдигенниң дезии-биле Алдырбас, < ... > Хартыганың кашпагайы-биле Алдырбайн-даа турган иргин ийин (Ооржак Ч.-Х., 1997: 218).	Но [тот] увернулся С быстротой коршуна ... < ... > [Тот] увернулся С проворством ястреба (там же: 219).
Хараган дег малдыг, Хая дег эттиг кижиге болгай (Ооржак Ч.-Х., 1997: 100).	Ведь скота у него — что [зарослей] караганы, Добра — со скалу (там же: 101).

Выясняется, что в каждом эпосе подобран соответствующий образ сравнения, отражающий флору и фауну среды обитания народа, но тема и функции этих сравнений достаточно близкие: и в якутском, и в тувинском эпосах особо подчеркиваются ловкость и быстрота действий богатырей с привлечением образов птиц; собственность богатырей ассоциируется по численности с растительностью. Таким образом, в рассмотренных текстах основными устойчивыми сравнениями являются формулы, передающие физические данные и состоятельность героя (в нашем случае наличие у героя многочисленного народа и несметного богатства указывает именно на благосостояние богатыря), что акцентирует в эпосе такие «мужские» концепты, как «сила» и «власть».

Не менее интересно, что объектами основных устойчивых сравнений во второй паре эпосов — «Кыыс Дэбилийэ» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей», в которых главными героями выступают женщины-воительницы, оказались глаза и взгляд персонажей. В тувинском эпосе выделяется формула изображения глаз героев посредством сравнения с озерцами:

Хөлчүк дег ала карактыг ... (Ооржак М., 1997: 312).	С ясными, как озера, глазами ... (там же: 313).
--	--

В тексте выявлено всего 8 вариантов этого сравнения, некоторые из них образуют двухчленный параллелизм со сравнением глаз героя с глазами мифического существа Хирээти. Эти формулы характерны как богатырю Боктуг-Кириш, так и его сестре Бора-Шэлей, которая выдает себя за своего брата. Функция этих сравнений — передача больших выразительных, ясных глаз, обладатель которых, несомненно, отличается такими качествами, как сообразительность и находчивость.

В якутском эпосе чаще всех (6 раз) повторяется с некоторыми вариациями следующее сравнение:

Өрүөллээх манньыаты Үрэйэ тушут курдук Өгүрүк-төгүрүк көрө-көрө ... (Бурнашев, 1993: 266).	круглыми очами, словно серебряные монеты, которые рядом положены, поводя ... (там же: 267).
---	--

Это выражение применяется только в отношении главной героини Кыыс Дэбилийэ для изображения выразительного взгляда девушки, одновременно характеризующего её дерзкий нрав и острый ум, а иногда передающего её внутреннее состояние в определенной ситуации — удивление, беспокойство, раздражение.

Для описания же героев мужского пола в этом эпосе употребляется другая формула, сравнивающая взгляд с кольцами уздечки для лошади:

<p>Эрэхэлээх үүн тиэрбэһин курдук Эриличчи көрөн ... (Бурнашев, 1993: 104).</p>	<p>глазами, подобными кольцам уздечки, зорко глядя ... (там же: 105).</p>
--	--

Как видно из рассмотренного материала, в эпосах особо выделяются (часто повторяются) сравнения, характеризующие гендерные черты главных героев. И в сопоставляемых текстах якутского и тувинского эпосов, в которых главная роль отводится женским персонажам, выделяется единый концепт «разум/мудрость». Героини эпосов достигают своих целей (одерживают победу над своими противниками, спасают своих соплеменников), в первую очередь, благодаря своим интеллектуальным способностям (особенно в тувинском сказании) и созидательной женской натуре (в якутском олонхо).

Параллели в сравнениях

Кроме рассмотренных выше устойчивых формул, аналогии в сравнениях установлены по образам сравнений и ассоциациям.

Параллели в образах сравнения. В якутском и тувинском эпосах используются универсальные образы сравнения, служащие своеобразными мерами объема или размера, это — «гора», «озеро» и «конская голова».

Образ горы (*таңды/тайга* — ‘гора’, *тайга-таңды* — ‘гора-тайга’, *кара арга* — ‘горный лес’, *оорга тайгада* — ‘горная гряда’, *хая* — ‘скала’, *туруг* — ‘утес’) является одним из главных образов сравнения тувинского эпоса, который символизирует собой величие, непробиваемость, устойчивость. В тувинских текстах сравнения с образом горы прежде всего служат для гиперболизации богатыря и его коня, для придания им исполинских размеров. Например:

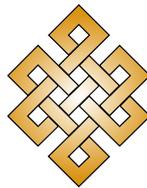
<p><i>Тайга-таңды</i> ышкаш, Кара аът тура Дүжүп турган иргин ийин (Ооржак Ч.-Х., 1997: 106; здесь и далее по тексту все курсивы в цитатах наши. — С. Л.).</p>	<p>Он стал Черным конем Ростом с высокую <i>гору-тайгу</i> (там же: 107).</p>
<p><i>Көгей</i> дег эр бооп Көстүп олуруп-тур (Ооржак М., 1997: 312).</p>	<p>Как [гора] <i>Көгей</i>, богатырь Так выглядеть стал (там же: 313).</p>

Титаническая битва противников уподобляется столкновению стальных скал:

<p><i>Каң-хая</i> Каккылаштырган ышкаш ... (Ооржак М., 1997: 218).</p>	<p>Как скалы стальные, Столкнулись ... (там же: 219).</p>
---	--

Помимо этого, с помощью образа горы создается картина обилия яств и богатства персонажей, а образ скалы встречается в описании высоких, неприступных стен дворца противников:

<p>Мен <i>далай</i> дег арагам, <i>Таңды</i> дег эдим (Ооржак М., 1997: 382).</p>	<p>Араги — с <i>море</i>, Мяса — с <i>гору</i> (там же: 383).</p>
--	--

<p>Далай дегни ижип алган бис, Таңды дегни чип алган бис (Ооржак Ч.-Х., 1997: 110).</p>	<p>С море мы выпили, С гору поели (там же: 111).</p>
<p>Хая дег эттиг (Ооржак Ч.-Х., 1997: 100).</p>	<p>Добра — со скалу (там же: 101).</p>
<p>Кара туруг ышкаш Кода-хүрээниң (Ооржак Ч.-Х., 1997: 260).</p>	<p>Ставки-дворца [С оградой,] словно <i>черная скала</i> (там же: 261).</p>

Образ горы в рассмотренных текстах якутского олонхо встречается сравнительно реже, например, в «Могучий Эр Соготох» он содержится в описании чудовища — богатыря Нижнего мира, который страдает близорукостью и не замечает чего-либо размером даже с гору (Каратаев, 1996: 228). В другом тексте «Кыыс Дэбилийэ» скале уподобляется огромная якутская печь богатыря:

<p>Тоғус кырыылаах Турук хайа курдук Суорба хаан оһоҕун ... (Бурнашев, 1993: 112).</p>	<p>девятигранной, словно <i>крутая скала</i>, громадной почтенной печи ... (там же: 113).</p>
--	---

Вместо образа горы (*хайа*) в олонхо часто употребляются образы возвышенностей, меньших по объему: *булгуннах* (холм) и *сыыр* (горка). Вероятно, эти образы являются производными от образа горы и появились в более поздний период, когда основная масса якутов заселила центральную часть Якутии, где в рельефе местности преобладает равнинная низменность.

Образ озера в двух эпосах выполняет одинаковую функцию передачи большого размера (площади) предпочтительно «плоского» объекта округлой формы. Так, с помощью образа озера в обоих тувинских текстах изображается потник богатырского коня (*чонак*), а в якутском тексте «Кыыс Дэбилийэ» — огромный бубен небесной шаманки (*түөлбэ хаан дүңүр*):

<p>Хөл болган хөлбөң кара чонактыг ... (Ооржак Ч.-Х., 1997: 298).</p>	<p>Широкий, как <i>озеро</i>, черный потник имел ... (там же: 299).</p>
<p>Көлүйэ күөл саҕа Түөлбэ хаан дүңүрүн ... (Бурнашев, 1993: 252).</p>	<p>подобный круглому <i>озеру</i> огромный почтенный бубен ... (там же: 253).</p>

Образ озера в эпосах привлекается также для описания глаз персонажей, но с отличием в семантическом содержании. Как уже было упомянуто, в тувинском эпосе ясные глаза главного героя описываются с помощью образа озера. В якутском же эпосе этот образ в большинстве случаев носит отрицательную семантику и служит для изображения непривычно большого, одинокого глаза, пустого «стеклянного взгляда» чудовища. Кроме этого, в олонхо часто встречается образ зимнего обледеневшего озера, с резко пробившейся надледной водой (Каратаев, 1996: 126), который также служит для изображения безобразного ока посреди лба чудовища.

Образ «конская голова» ранее был выявлен в алтайском, хакасском и шорском эпосах с идентичным объектом сравнения «золотая кукушка», а в якутском олонхо этот образ привлекается для передачи размера различных объектов — огнива, кулака и даже абстрактного понятия «счастье» (Lvova, 2020: 140-142). В тувинском сказании «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» 4 раза в точности повторяется устойчивая формула, передающая величину золота посредством образа конской головы. Здесь для сопоставления приведем пример из якутского олонхо «Хаан Дьаргыстай» — сравнение богатырского огнива с конской головой по величине, широко распространенное в якутской эпической традиции:

<p>Авт бажы дег алдын, Бөрү бажы дег мөңгүн (Ооржак М., 1997: 382).</p>	<p>Золота — с конскую голову, Серебра — с волчью голову (там же: 383).</p>
---	--

<p>Аллаах <i>ат баһын саға</i> Ала чокуурдаан хататтаах (Хаан Дьаргыстай, 2016: 16).</p>	<p>С голову резвого коня Пестрое кремневое огниво имеет (перевод наш. — С. Л.).</p>
--	---

Если в якутском эпосе произошла полная деактуализация исходного объекта сравнения, то тувинскому эпосу, вероятно, удалось сохранить периферийную часть объекта (то есть эпитет «золотой»), преобразив её в самостоятельный объект сравнения.

Ассоциативные параллели. Ассоциация «народ — лес», которая была отмечена в якутском эпосе «Могучий Эр Соготох» сопоставляется нами со сравнением тувинского текста «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей»:

<p>Кинкир <i>хара тыа</i> курдук Киэн урууларын ыгыраннар, Баай <i>хара тыа</i> курдук Бар дьоннорун хомуйаннар, ... (Каратаев, 1996: 144).</p>	<p>словно деревья в дремучем лесу, многочисленных родственников собрав, словно деревья в густом лесу, всех сородичей собрав, ... (там же: 145).</p>
<p>Чону <i>кара арга</i> дег ... (Ооржак М., 1997: 488).</p>	<p>Людей же — как [деревьев] в темном горном лесу ... (там же: 489).</p>

Здесь совпадают не только объекты и образы сравнения, но и эпитет *хара/кара* — ‘черный’. Этот эпитет способствует созданию образа дремучего, темного от густоты леса, который передает многочисленность, плотность стоящих толпой людей.

Общее для якутского, хакасского и шорского эпосов сравнение, передающее величину камня посредством образа коровы, обнаружено в тувинском тексте «Хунан-Кара». Но тувинский вариант сравнения имеет одно отличие: если в материалах других эпосов речь идет о черном камне (в якутском олонхо цвет камня либо черный, либо цвет не упоминается), то в тувинском варианте объектом сравнения выступает камень белого цвета. Вместе с тем, на материале сопоставляемых нами текстов выявлена другая параллель — в тувинском и якутском эпосах одинаково конкретизируются образы сравнения через указание трехлетнего возраста коровы. Функцией такого образа является передача более точной величины камня:

<p>Хунан <i>инек дег</i> Ак дажы-биле ... (Ооржак Ч.-Х., 1997: 178).</p>	<p>Белым камнем С корову-трехлетку ... (там же: 179).</p>
<p>Бургунас <i>ынах саға</i> Буотама таас буркуннаммыта, ... (Каратаев, 1996: 96).</p>	<p>С трехгодовалую телку каменные завалы Сильным ветром нанесло, ... (там же: 97).</p>

В тексте «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» это сравнение не встречается, в нем величина камней передается через образы зайца, коленной чашечки зайца или овцы, а образ коровы-трехлетки привлекается для обозначения размеров «хлопьев белой пены», которые падают из подмышек героев при сильном напряжении:

<p>Ийи колдуундан Ийи хунан <i>инек дег</i> ак көвүк уштунуп чаштап, ... (Ооржак М., 1997: 404).</p>	<p>Из обеих подмышек ее Белые [хлопья] пены с <i>двух коров-трехлеток</i> стали падать-слетать, ... (там же: 405).</p>
--	--

В обоих текстах тувинского эпоса отмечается устойчивая формула, содержащая сопоставление седла коня с перевалом:

<p>Арт болган Аңгайган, алдын-мөңгүн Эзер, чүгенин, ... (Ооржак Ч.-Х., 1997: 118).</p>	<p>Золоченое-посеребрённое Седло с глубоким изгибом, Как [падь между] <i>перевалами</i>, ... (там же: 119).</p>
<p>Арт болган аңгайган-кеңгейген эзерлиг (Ооржак М., 1997: 298).</p>	<p>Седло с изгибом, подобным <i>перевалу</i>, [он] имел (там же: 299).</p>

Эти сравнения придают образу драгоценного богатырского седла еще большую благородность и величие.

В большинстве якутских олонхо седло богатырского коня описывается посредством метафоры с привлечением образа неба, что подчеркивает небесное происхождение коня, но в дополнительном материале нашего исследования — в тексте «Эриэдэл Бэргэн», первой в истории записи олонхо (Иванов, Корякина, Анисимов, 2018: 32), было выявлено сравнение, в котором седло коня сопоставляется с *булгуннах* (холмом):

<p>Босхо <i>булгуннаһы</i> ууран кээспит курдук ыңгыырдаах ... (Миддендорф, 1911: 473).</p>	<p>Будто оторвали и положили <i>холм</i> — подобное седло имеет ... (перевод наш. — С. Л.).</p>
--	--

Как было отмечено выше, образ холма в якутском эпосе часто выполняет такую же функцию, что и образ горы в тувинском. Несомненно, эти сравнения переключаются, так как в обоих сопоставлениях происходит гиперболизация размера и передается очертание формы седла. Однако стоит отметить, что якутский образ седла, по сравнению с тувинским «золоченым-посеребрённым» вариантом, стал намного приземленным за счет образа холма северной природы, скромного по масштабу и колориту.

Также общими в якутском и тувинском эпосах являются сравнения: большой скорости и внезапности появления героя со скоростью выпущенной стрелы или с ветром, маленькой щели с ушком иглы, зуба отрицательного персонажа с заступом, готовых к схватке противников с противопоставленными быками.

Особенности сравнений

Специфика сравнений родственных эпосов проявлена в составе их образов. В каждом эпосе можно выделить группу, выражающую национальное своеобразие путем отражения культурно-бытовых реалий, это — образы предметов и понятий, которые есть только у народа-носителя. Обычно ими становятся артефакты (бытовые предметы, кухонная утварь и еда, украшения и др.), исключая из них боевые оружия. Образы артефактов чаще всего привлекаются для описания внешностей различных персонажей. Так, в рассмотренных двух якутских олонхо такую группу составляют: различная домашняя утварь из бересты или дерева (*атыях, тордуйа, холлоҕос, чабычах, ыаҕас, кытыйа*), пешня закаленная¹ (*хатарыылаах анньыы*), коса, изготовленная мастерами Верхоянья² (*дьаангы хатыыра*), емкость для сбора коровьего навоза (*саах кэлиитэ*), тунгусские лыжи (*тонус киһи туут хайыһара*), тунгусская берестяная юрта (*тонус киһи туос ураһата*), стог сена (*суугулаах/сыарҕалаах от*), копна сена (*бугул*); орнамент на замше (*сарыы таналай*), серебряная бляха на рогатой шапке с пером (*туоһахта*), витая волосная тонкая веревка (*ситии*), а также якутские меры длины — *тутум*³, *сүөм*⁴, *харыс*⁵. В текстах

¹ Инструмент для прорубанья льда в зимний период, представляющий собой заостренный лом из закаленной стали с деревянной ручкой.

² Верхоянье — Янский край, ныне территория Верхоянского района, расположенная на севере Якутии. Известно, что «в кочковатых болотистых лугах Янского края» при сенокосе использовали особый вид косы-горбуши (Бурнашев, 1993: 306).

³ Тутум — старинная якутская мера длины, равная высоте сложенных в кулак пальцев руки (Винокуров, 2017: 28).

⁴ Сүөм — старинная якутская мера длины, равная расстоянию от кончиков вытянутого большого пальца до кончиков вытянутого указательного пальца руки; соответствует русской мере «малая пядь» (Винокуров, 2017: 28).

⁵ Харыс — старинная якутская мера длины, равная расстоянию от кончиков вытянутого большого пальца до кончиков вытянутого среднего пальца руки; соответствует русской мере длины «большая пядь» (Винокуров, 2017: 30).

тувинского эпоса выявлены образы бабки-кости (*кажык*), казана, в котором собирают золу (*хүл узар казан*), тайги Энгиргей, горы Когей и глаз мифической птицы Хирээти.

Сравнения с элементами, определяющими отличительные черты места обитания народа, также являются характерными для национального эпоса. Сведения о среде обитания носителя эпоса содержат образы растений (фитонимов), животных (зоонимов) и птиц (орнитонимов), в том числе образы-соматизмы. В якутском олонхо отмечены образы *дьааны болбуктата* (янского кедрового стланика), *хастаабыт/суллаабыт тиит* (очищенной от коры/окоренной лиственницы), *бысталаабыт тиит* (лиственничных обрубок), *кинкир хара тыа* (густых таежных лесов); *кырынаас* (горносталя), *үүс-киис тириитэ* (собольего меха), *сиэрэй тиинг тилэҕэ* (пятки серой белки), *сачары табам кулгааҕын сарыыта* (уха оленя), *бөрө* (волка); *хара хабды* (черной куропатки), *үрүг куртуйах* (белого тетерева), *хара улар* (черного глухаря), *эрдэҕэс улар түөһүн түүтэ* (грудного оперенья самки глухаря), *анды кыыл хабаҕын түүтэ* (брюшного оперенья турпана), *куба көтөрүм хотоҕойун түүтэ* (маховых перьев лебедя), *субан туруйа куолайа* (горла вольного журавля), *хонгор хаас* (большого сибирского гуся-гуменника), *собо балык ойоҕоһун унуоҕа* (ребры карася), *сылыһар быара* (налимьей печени). В тувинском эпосе встречаются образы *хараган* (зарослей караганы), *өл хаак* (сырой лозы), *хөвөң* (хлопка); *теве* (верблюда), *кужан* (барана), *хой* (овцы), *булан* (самки лося), *чары* (самца оленя), *кодан* (зайца), *кодан довуу* (коленной чашечки зайца), *бөрү бажы* (волчьей головы); *дээлдиген* (коршуна), *хартыга* (ястреба); *кымыскайак-ла* (муравьев), *сээк-ле* (мух), *маас* (овода).

Заклучение

В ходе сопоставительного изучения материалов родственных эпосов установлены количества использования сравнений без повторов, которые равны в якутских текстах: «Могучий Эр Соготох» (6377 стихотворных строк) 74 единицам, «Кыыс Дэбилйэ» (4969 стихотворных строк) — 134; в тувинских текстах: «Хунан-Кара» (5442 стихотворные строки) — 65, «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» (5061 стихотворных строк) — 45. Показатели частоты сравнений, повтора и доли параллелизации сравнений оказались чуть выше в якутском материале. Во всех четырех текстах сравнения преимущественно (более 90%) оформляются в двухчленные параллелизмы. Максимальное количество употребления одного устойчивого сравнения составило 9 раз в якутском тексте «Могучий Эр Соготох» и 8 раз — в тувинском тексте «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей». Таким образом, сравнение широко употребляется в обеих традициях эпосов.

Сравнение в тувинском эпосе в основном привлекается для гиперболизации численности, размера, объема объектов, а в якутском олонхо главной функцией сравнений является передача детализированного зрительного образа. Выявлена общность в тематическом содержании объектов и образцов сравнения, отличие наблюдается в их процентном соотношении. Так, помимо того, что главным объектом сравнений в двух сопоставляемых эпосах выступает внешний вид персонажей, в якутском олонхо посредством сравнения часто описываются действия и движения персонажей, а в тувинском более предпочтительны объекты-артефакты. В составе образов сравнения тувинского эпоса преобладают образы-натурфакты, в якутском олонхо же главным источником образов сравнения является животный мир северной природы. В целом, сравнения тувинского эпоса определены нами более архаичными, на том основании, что в рассмотренных тувинских текстах преобладают натурфактные образы, отмечены образы-металлы, а также сравнения чаще выполняют гиперболизирующую функцию.

Далее установлены параллели в сравнениях эпосов. Так, в якутском и тувинском эпосах обнаружены универсальные образы сравнения, служащие своеобразными мерами объема или размера («гора», «озеро», «конская голова»). Во-вторых, обозначены сходные ассоциации при сравнениях толпы народа с лесом, седла с перевалом, камня с коровой по величине, столкновения противников со столкновением скал, противников перед схваткой с разъяренными быками, скорости передвижения героя с выпущенной стрелой, маленькой щели с ушком иглы и безобразного зуба персонажа с заступом. В-третьих, при анализе основных устойчивых сравнений были выявлены общие концепты для эпосов — «силы» и «власти» в текстах с главным героем мужчиной и «разума/мудрости» в текстах, в которых основную роль выполняют женские персонажи. Это указывает на сходные гендерные стереотипы в двух разных культурах, которые отражают «нормы и стандарты мужского и женского поведения, существующие в обыденном сознании» (Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020: 21). Можно сказать, что якуты и тувинцы сохранили в эпосах единые идеалы женственности и мужественности.

Специфика сравнений родственных эпосов проявлена в составе их образов — в каждом эпосе установлены группы характерных образов, отражающих культурно-бытовые реалии и флору и фауну

среды обитания народа-носителя эпоса. Особенно отличаются якутские сравнения, в которых часто привлекаются образы отдельных частей тела животных (то есть образы-соматизмы) и используется прием детализации путем указания породы, окраса, пола или возраста в образе животного.

Таким образом, можно заключить, что сравнения в двух родственных эпосах имеют больше общих черт, чем отличий по всем рассмотренным параметрам (по характеру их применения, по составу объектов и образов, по семантике и функции). В процессе своего исторического развития эпосы обогатили художественное содержание сравнений самобытными образами, при этом сохранили основные концепты и немало исходных, на наш взгляд, элементов сравнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин, В. П. (2007) Теория фольклора. М. : КДУ. 432 с.
- Борисов, Ю. П. (2020) Параллели эпических формул в якутском олонхо и тувинском эпосе: сравнительный аспект // Новые исследования Тувы. № 4. С. 250–260. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.17
- Бурнашев, Н. П. (1993) Кыыс Дэбиллийэ: якутский героический эпос / Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 4. Новосибирск : Наука. 330 с.
- Винокуров, В. В. (2017) Пространственно-временные представления и единицы длины и времени в якутском олонхо. Якутск : Издательский дом СВФУ. 64 с.
- Герасимова, Л. Н., Львова, С. Д. (2016) Способы выражения сравнения в олонхо «Удаганки Уолумар и Айгыр» и «Ёлбёт Бэргэн» // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. № 2 (02). С. 52–64. DOI: www.doi.org/10.25587/SVFU.2016.2.10878
- Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 19–34. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2
- Иванов, В. Н., Корякина, А. Ф., Анисимов, Р. Н. (2018) Из истории изучения якутского героического эпоса олонхо (XVIII — начало XX веков) // ФИЛОЛОГОС. № 36 (1). С. 30–36. DOI: www.doi.org/10.24888/2079-2638-2018-36-1-30-36
- Каратаев, В. О. (1996) Якутский героический эпос. «Могучий Эр Соготох» / Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 10. Новосибирск : Наука. 440 с.
- Корякина, А. Ф. (2020) Аналогии в якутском олонхо и тувинском эпосе: сюжетно-композиционный строй, мотивы (на материале эпосов «Нюргун Боотур Стремительный» К. Г. Оросина и «Хунан-Кара» Чанчы-Хоо Ооржак // Научный диалог. № 5. С. 303–319. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-303-319>
- Кудияров, А. В. (2002) Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М. : ИМЛИ РАН. 329 с.
- Литературный энциклопедический словарь (1987) / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Советская энциклопедия. 751 с.
- Львова, С. Д. (2019) Сравнения в якутском и алтайском эпосах (на материале олонхо «Могучий Эр Соготох» и кай чэрчэк «Маадай-Кара») // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия Эпосоведение. № 3 (15). С. 126–139. DOI: www.doi.org/10.25587/SVFU.2019.15.36605
- Львова, С. Д. (2020) О сравнениях якутского и шорского эпосов: сравнительный аспект // Ысыах Олонхо в Олёмке: пути возрождения, популяризации и сохранения эпического наследия: сборник тезисов по материалам XI Республиканской научно-практической конференции (Олекминск, 8–10 февраля 2020 г.) / отв. ред. А. Н. Жирков; сост. Р. В. Корякина, Е. Е. Жиркова. Якутск : Алаас. 288 с. С. 92–96.
- Миддендорф, А. Ф. (1911) Эриэдэл-бэргэн // Образцы народной литературы якутов / под ред. Э. К. Пекарского. Вып. 5. Ч. 1. Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук. 475 с. С. 473–474.
- Орус-оол, С. М. (2001) Тувинские героические сказания. Текстология, поэтика, стиль. М. : Макс Пресс. 422 с.
- Ооржак, М. Н. (1997) Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей // Тувинские героические сказания / Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12. Новосибирск : Наука. 584 с. С. 298–527.
- Ооржак, Ч.-Х. Ч. (1997) Хунан-Кара // Тувинские героические сказания / Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12. Новосибирск : Наука. 584 с. С. 54–297.
- Пухов, И. В. (2004) Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо. Якутск : Изд-во СО РАН, Як. филиал. 328 с.
- Саввинова, Г. Е. (2020) О поэтике олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и тувинских героических эпосов // Oriental Studies. Т. 13. № 4. С. 1155–1166. DOI: www.doi.org/10.22162/2619-0990-2020-50-4-1155-1166.
- Санжеева, Л. Ц. (2011) Поэтика фольклорного текста (на материале бурятского эпоса) : дисс. ... д. филол. н. Улан-Удэ. 358 с.

- Селиванов, Ф. М. (1977) Поэтика былин. М. : Изд-во Московского университета. 128 с.
- Хаан Дьаргыстай: олонхо (2016) / сост. В. В. Илларионов. Дьокуускай : Алаас. 232 с. (На як. яз.)
- Хертек, Л. К. (2018) Функционирование сравнений в текстах тувинских героических сказаний // Вестник Туvinского государственного университета. №1. Социальные и гуманитарные науки. № 1 (36). С. 43–48.
- Gerasimova, L. N., Lvova, S. D. (2018) Structural and Functional Features of Comparison Methods in the Yakut and Khakass Epics // Journal of History Culture and Art Research. Vol. 7, No. 3. P. 88–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.7596/taksad.v7i3.1721>
- Lvova, S. D. (2020) Biomorphic images of comparison in Yakut Olonkho and other Turkic epics of Siberia // Agathos: An International Review of the Humanities and Social Sciences. Vol. 11, Iss. 2 (21). Pp. 133–149.

Дата поступления: 26.01.2021 г.

REFERENCES

- Anikin, V. P. (2007) *Teoriia fol'klora [A theory of folklore]*. Moscow, KDU Publ. 432 p. (In Russ.).
- Borisov, Yu. P. (2020) Paralleli epicheskikh formul v iakutskom olonkho i tuvinskom epose: sravnitel'nyi aspekt [Parallels of epic formulas in the Yakut olonkho and Tuvan epics: a comparative aspect]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 250–260. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.17
- Burnashev, N. P. (1993) *Kyys Debiliie: iakutskii geroicheskii epos / Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Kyys Debiliie: Yakut heroic epic / folklore texts of the peoples of Siberia and the Far East]*. Vol. 4. Novosibirsk, Nauka Publ. 330 p. (In Yakut and Russ.).
- Vinokurov, V. V. (2017) *Prostranstvenno-vremennye predstavleniia i edinitsy dliny i vremeni v iakutskom olonkho [Spatio-temporal representations and units of length and time in the Yakut olonkho]*. Yakutsk, NEFU Publ. 64 p. (In Russ.).
- Gerasimova, L. N. and Lvova S. D. (2016) Sposoby vyrazheniia sravneniia v olonkho “Udaganki Uolumar i Aigyr” i “Elbet Bergen” [Ways of expressing comparison in olonkho “Udaganki Walumar and Aigyr” and “Yolbet Bergen”]. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*, no. 2, pp. 52–64. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25587/SVFU.2016.2.10878
- Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–34. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2
- Ivanov, V. N., Koriakina, A. F. and Anisimov, R. N. (2018) Iz istorii izucheniia iakutskogo geroicheskogo eposa olonkho (XVIII — nachalo XX vekov) [From the history of the study of the Yakut heroic epic olonkho: 18th – early 20th century]. *FILOLOGOS*, no. 36 (1), pp. 30–36. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.24888/2079-2638-2018-36-1-30-36
- Karataev, V. O. (1996) *Iakutskii geroicheskii epos. “Moguchii Er Sogotokh” / Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Yakut heroic epic. “Mighty Er Sogotokh” / folklore texts of the peoples of Siberia and the Far East]*. Vol. 10. Novosibirsk, Nauka Publ. 440 p. (In Yakut and Russ.).
- Koryakina, A. F. (2020) Analogii v iakutskom olonkho i tuvinskom epose: suzhetno-kompozitsionnyi stroi, motivy (na materiale eposov “Niurgun Bootur Stremitel'nyi” K. G. Orosina i “Khunan-Kara” Chanchy-Khoo Oorzhak [Analogies in Yakut Olonkho and Tuvan Epos: The structure of the plot and composition, and motifs in the epics “Nyurgun Bootur the Swift” by G. K. Orosin and “Hunan-Kara” by Changchi-Khoo Oorzhak]). *Nauchnyi dialog*, no. 5, pp. 303–319. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-303-319>
- Kudiyarov, A. V. (2002) *Khudozhestvenno-stilevyie traditsii eposa mongoloiazychnykh i tiurkoiazychnykh narodov Sibiri [Artistic and stylistic traditions of the epic of the Mongol-speaking and Turkic-speaking peoples of Siberia]*. Moscow, IMLI RAN Publ. 329 p. (In Russ.).
- Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar' [An encyclopedic dictionary of literature]* (1987). Ed. by V. M. Kozhevnikov and P. A. Nikolaev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ. 751 p. (In Russ.).
- Lvova, S. D. (2020) O sravneniiax iakutskogo i shorskogo eposov: sravnitel'nyi aspekt [On comparisons in the Yakut and Shor epics: a comparative aspect]. In: *Syakh Olonkho v Olekme: puti vozrozhdeniia, popularizatsii i sokhraneniia epicheskogo naslediiia [Syakh Olonkho in Olekma: ways of reviving, popularizing and preserving the epic heritage]*: Abstracts of papers presented at the 11th Republican Research Conference (Olekminsk, February 8–10, 2020) / ex. ed. A. N. Zhirkov; comp. by R. V. Koryakina and E. E. Zhirkova. Yakutsk, Alaas Publ. 288 p. Pp. 92–96. (In Russ.).
- Lvova, S. D. (2019) Sravneniia v iakutskom i altaiskom eposakh (na materiale olonkho “Moguchii Er Sogotokh” i kai cherchek “Maadai-Kara”) [Comparisons in the Yakut and Altai epics: the cases of the olonkho “Mighty Er Sogotokh” and the kai churchyok “Maadai-Kara”]. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*, no. 3, pp. 126–139. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25587/SVFU.2019.15.36605
- Middendorf, A. F. (1911) *Eriedel-bergen. Obraztsy narodnoi literatury iakutov [Samples of the Yakut folk literature]* / Ed. by E. K. Pekarsky. Issue 5, part 1. St. Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences. 475 p. Pp. 473–474. (In Yakut).

Orus-ool, S. M. (2001) *Tuvinskie geroicheskie skazaniia (tekstologiya, poetika, stil')* [Tuvan heroic legends (textology, poetics, style)]. Moscow, MAKS Press. 422 p. (In Russ.).

Oorzhak, M. N. (1997) Boktug-Kirish, Bora-Shelei. In: *Tuvinskie geroicheskie skazaniia / Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Tuvan heroic tales / folklore texts of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 12. Novosibirsk, Nauka Publ. 584 p. Pp. 298–527. (In Tuv. and Russ.).

Oorzhak, Ch.-Kh. Ch. (1997) Khunan-Kara. In: *Tuvinskie geroicheskie skazaniia / Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Tuvan heroic tales / folklore texts of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 12. Novosibirsk, Nauka Publ. 584 p. Pp. 54–297. (In Tuv. and Russ.).

Pukhov, I. V. (2004) *Geroicheskii epos altae-saianskikh narodov i iakutskie olonkho* [Heroic epic of the Altai-Sayan peoples and the Yakut olonkho]. Yakutsk, SO RAN Publ., Yakut filial. 328 p. (In Russ.).

Savvinova, G. E. (2020) O poetike olonkho “Niurgun Bootur Stremitel'nyi” P. A. Oiunskogo i tuvinskikh geroicheskikh eposov [Platon Oyunsky's Olonkho “Nurgun Bootur the Swift” and Tuvan Heroic Epics: Poetics Revisited]. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 4, pp. 1155–1166. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-50-4-1155-1166>

Sanzheeva, L. Ts. (2011) *Poetika fol'klornogo teksta (na materiale buriatskogo eposa)* [Poetics of folklore text: the case of the Buryat epic]. Diss. ... Doctor of Philological Sciences. Ulan-Ude. 358 p. (In Russ.).

Selivanov, F. M. (1977) *Poetika bylin* [Poetics of bylinas]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta. 128 p. (In Russ.).

Khaan D'argystai: olonkho (2016) / comp. by V. V. Illarionov. Yakutsk, Alaas Publ. 232 p. (In Yakut)

Khertek, L. K. (2018) Funktsionirovanie sravnenii v tekstakh tuvinskikh geroicheskikh skazanii [Functioning of comparisons in the texts of Tuvan heroic legends]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, Sotsial'nye i gumanitarnye nauki, no. 1, pp. 43–48. (In Russ.).

Gerashimova, L. N. and Lvova, S. D. (2018) Structural and Functional Features of Comparison Methods in the Yakut and Khakass Epics. *Journal of History Culture and Art Research*, vol. 7, no. 3, pp. 88–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.7596/taksad.v7i3.1721>

Lvova, S. D. (2020) Biomorph images of comparison in Yakut Olonkho and other Turkic epics of Siberia. *Agathos: An International Review of the Humanities and Social Sciences*, vol. 11, iss. 2, pp. 133–149.

Submission date: 26.01.2021.

Идентичность, социокультурный потенциал, ценностные ориентации и оценка перспектив цивилизационного будущего у тувинских и русских студентов Сибири

Юрий В. Попков

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация

В статье обобщаются результаты опроса осени 2020 г. тувинских и русских студентов аграрных вузов пяти крупнейших городов Сибири (Иркутска, Красноярска, Новосибирска, Омска, Барнаула). Автор сравнивает степени соответствия их социокультурного потенциала базисным основаниям духовно-экологической стратегии развития общества. Данная цивилизационная стратегия обосновывается как альтернатива техногенно-потребительской модели социального устройства, которая доминирует в современном мире и многими экспертами оценивается как кризисная. В компаративистском ключе решается ряд задач.

Несмотря на нынешнюю ситуацию с коронавирусом, для большинства молодых людей свойственно чувство уверенности и спокойствия. Тувинцы являются социально более устойчивыми и менее требовательными к внешним обстоятельствам. Определенную тревогу у них вызывают перспективы собственной жизни. Выявлен запрос на социальную справедливость в обществе и благополучие основной массы населения. Нерешенность этих и других социальных проблем выступает одним из факторов невысокого уровня общенациональной идентичности у респондентов. У тувинцев в большей степени, чем у русских, выражена этническая и сибирская идентичности, но одинаково высокой у двух групп является глобальная идентичность.

В среде молодых людей доминируют ценности, которые тесно связаны с традиционной культурой. В своем преимущественном большинстве (с небольшим перевесом у тувинцев) они считают наиболее важными для себя наличие хорошей семьи, здоровья, образования, дружеских отношений с родственниками, коллегами, соседями, а также экологически благоприятной природной среды. Малопривлекательными являются для них участие в политике, статусные амбиции, жизнь за границей, а также жизнь в сельской местности.

Многие студенты считают, что доминирующая в настоящее время модель техногенно-потребительской цивилизации находится в состоянии кризиса и абсолютное их большинство поддерживают идею перехода к альтернативной духовно-экологической стратегии развития. Для социокультурного потенциала молодых людей в целом свойственны качественные характеристики, которые могут составлять необходимые предпосылки для реализации данной модели. Среди тувинцев больше, чем среди русских, уверенных в возможности обозначенной перспективы развития, что в значительной степени связано с особенностями их менталитета как носителей традиций буддизма и кочевничества.

Ключевые слова: цивилизационная ценность; молодежь России; Сибирь; тувинцы; русские; студент; социология молодежи; идентичность молодежи; представление о будущем

Для цитирования:

Попков Ю. В. Идентичность, социокультурный потенциал, ценностные ориентации и оценка перспектив цивилизационного будущего у тувинских и русских студентов Сибири // Новые исследования Тувы. 2021, № 1. С. 217-227. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.12>

Попков Юрий Владимирович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: yuripopkov54@mail.ru

POPKOV, Yuri Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor; Chief Researcher, Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: yuripopkov54@mail.ru

Identity, socio-cultural potential, value orientations and assessment of the prospects of the civilizational future among Tuvan and Russian students in Siberia

Yuri V. Popkov

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article summarizes the outcomes of a survey conducted in autumn 2020 among Tuvan and Russian students of agricultural universities in the five largest Siberian cities (Irkutsk, Krasnoyarsk, Novosibirsk, Omsk, and Barnaul). The author compares how much their socio-cultural potential matches the basis of the spiritual and ecological strategy of society development. This civilizational strategy is introduced as an alternative to the technogenic-consumer model of social order, which dominates in the modern world and is assessed by many experts as one of a crisis type. A range of issues is considered in the article in a comparative way.

Despite the current situation with COVID-19 pandemic, most young people tend to feel calm and confident. Tuvans are socially more stable and less demanding of external conditions. They are particularly concerned about the prospects of their own lives. There is a demand for social justice and the well-being of the population. These and other unresolved social problems are one of the factors explaining the respondents' low level of national identity. Tuvans have more conspicuous ethnic and Siberian identities than Russians, but the global identity is equally high in both groups.

Values intricately connected to traditional culture dominate among young people. In their majority (with a small superiority among the Tuvans) they consider most important to have a good family, health, education, friendly relations with relatives, colleagues, neighbors, as well as a good ecological environment. Involvement in politics, career ambitions, life abroad, as well as life in the countryside do not appeal to them.

Many students believe that the currently dominant model of technogenic-consumer civilization is in a state of crisis and most of them support the idea of moving on to an alternative spiritual and ecological development strategy.

The socio-cultural potential of young people in general is characterized by qualitative characteristics that can provide the prerequisites for implementing this model. Tuvans students — more frequently than Russians — are confident that this transition is possible, which is largely due to the influence of Buddhist and nomadic traditions.

Keywords: *civilizational value; Russian youth; Siberia; Tuvans; Russians; student; youth sociology; youth identity; view of the future*

For citation:

Popkov Yu. V. Identity, socio-cultural potential, value orientations and assessment of the prospects of the civilizational future among Tuvan and Russian students in Siberia. *New Research of Tuva*, 2021, no. 1, pp. 217-227. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.12>

Введение

Тувинская молодежь вместе с молодежью других национальностей и других регионов страны принадлежит к такому отряду населения, которому предстоит выступать главной движущей силой грядущих цивилизационных преобразований. Поэтому изучение ее мнения относительно будущего своего общества — тувинского, сибирского, российского — важная тема для тувиноведения. Однако, поскольку это будущее не может рассматриваться автономно от будущего всей страны, и даже всего мира, нам важно понимать не только то, что полагает тувинская молодежь, но и сравнивать ее мнение с мнением молодежи из других российских регионов.

Цель статьи состоит в сравнительном анализе социального самочувствия, идентичности, социокультурного потенциала и ценностных ориентаций тувинской и русской студенческой молодежи Сибири, а также оценке ее представлений об актуальной перспективной модели будущего развития общества. В качестве такой перспективы принимается цивилизационная модель, разработанная барнаульскими коллегами и названная ими духовно-экологической (или ноосферной) (Иванов, Фотиева, Шишин, 2014). Суть ее состоит в целенаправленном преобразовании разных сфер жизни в фокусе приоритета духовных и экологических ценностей. Одновременно она рассматривается ими, с чем мы также солидарны, как альтернативная доминирующей ныне техногенно-потребительской цивилизации.

С учетом актуализации именно такой модели цивилизационного развития группа исследователей под руководством А. В. Иванова при участии автора статьи в сентябре 2020 г. провела эмпирическое социологическое исследование, цель которого состояла в том, чтобы выявить отношение людей

к техногенно-потребительской и духовно-экологической моделям цивилизационного развития. Для массового опроса определена студенческая молодежь как отряд населения, которому предстоит выступать главной движущей силой будущих преобразований. Именно потенциал молодежи и система ее ценностей будут во многом определять характер этих преобразований. Акцент сделан на сибирском регионе как стратегически важном для России, а также с учетом убеждения организаторов исследования в том, что от Сибири и благополучия ее жителей в значительной мере зависит будущее всей страны (Иванов, 2019).

В качестве целевой группы для опроса взяты студенты ведущих сельскохозяйственных вузов Восточной и Западной Сибири — из городов Иркутска, Красноярска, Новосибирска, Омска, Барнаула. Акцент на аграрных вузах определялся двумя обстоятельствами: 1) в них в большей степени, чем в других вузах, представлена не только городская, но и сельская молодежь; 2) в последнее время обозначилась, а в период пандемии обнаружила себя со всей очевидностью тенденция массового движения городских жителей за пределы городского пространства; возникшую ситуацию исследователи характеризуют как эпидемический вариант «кризисной дезурбанизации» и рассматривают как начало постурбанизационной стадии развития (Покровский, Макшанчикова, Никишин, 2020: 54). Поэтому учет мнения молодых людей, ценностный мир которых сформировался вне городских условий, представляется весьма перспективным.

Выборочная совокупность составила 585 студентов 2–3 курсов очной формы обучения, из них 47% — мужчины, 53% — женщины; 42% респондентов до поступления в вуз жили в селе, 56% — в городе (2% не ответили на этот вопрос). Выборка целенаправленная, методом отбора являлся «сплошной массив» (опрашивались все, кто присутствовал на занятиях). Преобладающая часть всех опрошенных (501 чел.) являются русскими. Второй по численности этнической группой оказались тувинцы — студенты, которые обучаются в сибирских вузах, — 22 чел., остальные — единичные представители многих других народов.

Небольшое количество тувинских студентов не дает основания говорить о полноценной выборке для этой группы. Однако анализ результатов опроса позволил обнаружить своеобразие оценок тувинцев по целому ряду вопросов в сравнении с остальными респондентами. Это говорит о том, что примененная авторская методика¹ оказалась способной уловить определенные различия ответов респондентов даже на небольшом массиве. Поэтому анализ социологических данных применительно к тувинцам вполне допустим: его можно рассматривать как пилотажное, предварительное исследование, которое дает возможность получить значимую информацию в рамках заданной темы с возможной перспективой ее рассмотрения в будущем на более солидном массиве. При этом важно иметь в виду особенность группы опрошенных тувинцев: она представляет молодых людей родом из Тувы, которые несколько лет живут и учатся в других регионах Сибири, то есть в той или иной степени адаптировались к условиям существования за пределами своей исторической родины. Поэтому к ней вполне применим вывод: «Источниками ее ценностных ориентиров могут быть как традиционные социокультурные институты, так и новые» (Бадмаев и др., 2020: 37).

Главный фокус дальнейшего анализа сконцентрируем на характеристике результатов опроса применительно к тувинским студентам в сравнении с ответами русских респондентов с акцентом на тех моментах, по которым наблюдаются отличия в оценках.

Молодежь и будущее

Прежде чем обратиться к анализу результатов нашего эмпирического исследования, обратим внимание на два важных момента.

Во-первых, вопрос об особенностях культуры и системы ценностей тувинцев является достаточно разработанным в литературе (см., например: Ламажаа, 2011, 2018). Широкий спектр отдельных проблем в последнее десятилетие активно обсуждается в журнале «Новые исследования Тувы», в том числе в номерах, посвященных специальным конкретным темам: «Менталитет тувинцев в компаративистской перспективе» (2017, № 3²); «Проблемы экономической культуры и деловой этики тувинцев в XXI веке» (2018, № 2³); «Взаимосвязь этнокультуры, экономики, этнодемографических

¹ Инструментарий и содержательные вопросы социологического исследования разработаны А. В. Ивановым и Ю. В. Попковым.

² <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/35>

³ <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/38>

процессов в пространственном развитии Тувы» (2019, № 3¹); «Тува и Ойратский мир: исторические связи, этнокультурные контакты, вопросы идентичности» (2019, № 4²). Особо выделим обобщающую статью Ч. К. Ламажаа об исследовании менталитета тувинцев (Ламажаа, 2017).

Во-вторых, изучение молодежи России является достаточно популярной темой. Из существующих работ отметим объемную монографию М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги, в которой по итогам многолетних исследований в разных регионах России дана характеристика данной социальной группы по широкой палитре параметров (Горшков, Шереги, 2020). Среди множества обсуждаемых вопросов в издании есть глава, специально посвященная ценностям молодого поколения. Здесь нет акцента на обществе будущего в заданном аспекте. В то же время авторы делают важный вывод о значимости в среде молодежи традиционных ценностей: «Однако большинство все-таки осознают актуальность традиционных ценностей для общества» (там же: 178).

Две другие монографии непосредственно связаны с рассмотрением проблем молодежи в контексте образа будущего (Образ будущего ..., 2016; Молодежь индустриальных ..., 2018). В них затрагиваются в том числе вопросы, важные для анализа некоторых аспектов нашей темы, например, о поисках «новой духовности» (Образ будущего ..., 2016: 32), о сходстве с нашими результатами данных по итогам анализа значимости ценностей семьи, здоровья, дружеских отношений и др. (там же: 64–67), о рисках и угрозах, которые существуют на пути реализации потенциала молодежи (Молодежь индустриальных ..., 2018). Однако не рассматривается проблема, которая для нас является главной — молодежь и цивилизационное будущее России.

Это же касается исследований тувинской молодежи. Первое комплексное исследование социального положения молодого поколения Тувы было предпринято коллективом тувинских историков и новосибирских этносоциологов в советский период (Молодежь Тувы. ..., 1988). В постсоветский период изучение отдельных проблем молодежи было продолжено небольшими исследовательскими группами (см. обзор: Ламажаа, 2015). Из последних работ следует выделить сравнительное социологическое исследование студенческой молодежи трех традиционно буддийских регионов России (Тувы, Бурятии и Калмыкии) в контексте религиозной тематики (Бадмаев и др., 2020). Но в этих работах также не ставилась задача анализа ценностей и социокультурного потенциала молодежи в связи с цивилизационным будущим.

Социальное самочувствие

Напомним, что наш опрос проходил в сентябре 2020 г., то есть уже во время пандемии коронавируса. Она в существенной степени осложнила жизнь людей, но при этом не заняла полностью все их жизненное пространство. Поэтому один из первых вопросов касался степени общей удовлетворенности респондентов: «Все мы сейчас переживаем непростые времена. Но жизнь многогранна и не сводится только к сложностям. Насколько Вы довольны своей жизнью в целом?» Среди русских чуть более половины опрошенных студентов (53%) в целом довольны своей жизнью, среди тувинцев таких несколько больше (68%) и нет ни одного, кто был бы ей не доволен. На вопрос непосредственно об их общем самочувствии доля позитивных ответов (уверенность и спокойствие) оказалась еще выше и опять с превышением данного показателя у тувинцев — 86% (против 66% у русских).

В ходе подготовки исследования исходно предполагалась гипотеза, что социальное самочувствие во многом связано со сложной текущей ситуацией. Поэтому при формулировке предполагаемых ответов на вопрос анкеты о том, что больше всего беспокоит респондента в настоящее время, первым был поставлен пункт «Проблемы, связанные с коронавирусом». И он оказался значимым, однако далеко не для большинства студентов. Русские обеспокоены этим меньше, чем тувинцы. Более весомыми причинами беспокойства являются для русских личные проблемы, которые для тувинцев менее значимы.

Одновременно тувинцы меньше русских встревожены перспективами развития России, а также Сибири (на обеспокоенность перспективами развития Сибири обратил внимание каждый десятый русский, среди тувинцев таковых в три раза меньше). Но самое удивительное состоит в том, что каждого четвертого из тувинских студентов в настоящий момент ничего не беспокоит (среди русских таковых в шесть раз меньше). Возможно, данное обстоятельство связано с особенностями ментали-

¹ <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/43>

² <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/44>

тета тувинцев как носителей традиций буддизма и кочевничества, что проявляется в «философском» отношении к жизни, невысоких от нее ожиданиях и нетребовательности к внешним обстоятельствам. Высокий уровень приверженности современной тувинской молодежи буддизму четко фиксируют специальные исследования (Бадмаев и др., 2020).

Можно сделать вывод, что факторами беспокойства в жизни студентов, оказывающими влияние на их социальное самочувствие, являются не только острая текущая ситуация эпидемии коронавируса и перспективы их собственной жизни, но и социально значимые проблемы, касающиеся будущего России и Сибири. Последнее у тувинцев выражено в меньшей степени, чем у русских, но они обладают большей социальной устойчивостью перед трудностями в силу особенностей их менталитета.

Идентичность

С учетом особенностей респондентов, в качестве которых определены студенты аграрных вузов, в ходе опроса среди первых были заданы вопросы о том, где каждый из них проживал до поступления в вуз — в селе или городе и кем он себя считает — городским жителем или сельским. И нам удалось выявить социальную проблему, которая является общей для многих городов. Суть ее в том, что в последние годы многие, часто вынужденно переселившись из села в город, не стали истинными горожанами, но в село возвращаться не хотят, поскольку там до сих пор нет особых перспектив, особенно для молодежи.

Хотя две трети опрошенных нами тувинцев непосредственно до поступления в вуз жили в городе, около половины из них считают себя сельскими жителями, а еще почти каждый третий не мог себя четко идентифицировать по этому параметру. В то же время лишь только каждый четвертый из тувинских респондентов отметил ценность для себя жизни в селе. Для большинства из них, как и для русских студентов, более привлекательным является в настоящее время городская образ жизни.

Как представляется, дело тут не только в обстоятельствах субъективного плана, касающихся личных предпочтений молодых людей, но и в реальных проблемах развития села, современной сельской жизни и ее перспективах. Известно, что за постсоветский период в России исчезли или почти исчезли десятки тысяч деревень. И основания для слома этой тенденции в виде кардинального изменения государственной политики в отношении села до сих пор не просматриваются.

Таким образом, можно констатировать серьезную проблему, которая по своим истокам и проявлениям имеет комплексный характер: даже из обучающихся в специализированных сельскохозяйственных вузах немногих привлекает современная жизнь в селе, большинство студентов, скорее всего, планируют в перспективе остаться жить в городе.

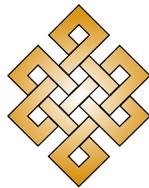
Что касается других видов идентичности, то представление о них дают данные табл. 1.

Табл. 1. Степень важности разных видов идентичности, % от числа опрошенных в этнических группах.

Table 1. The importance of various identities, % of respondents within each ethnic group

№№	Виды идентичности	Важно		Не важно	
		Тувинцы	Русские	Тувинцы	Русские
1	Ощущать себя россиянином	64	54	27	32
2	Ощущать себя представителем своей национальности	86	54	14	32
3	Ощущать себя сибиряком	73	50	18	35
4	Ощущать себя жителем своего края (республики, области)	73	56	14	32
5	Ощущать себя гражданином мира	86	63	9	20
6	Жить среди людей своей национальности	41	28	41	57

Прим.: респонденты должны были дать один ответ по каждой строке.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что все выделенные виды идентичности по степени важности для человека у тувинцев являются более выраженными, чем у русских. Но если у последних гражданская, этническая, сибирская и региональная идентичности характеризуются практически одинаковыми и относительно невысокими значениями (50% и чуть выше), то у тувинцев (кроме того, что они более высокие) здесь проявляется явная дифференциация. Меньшие показатели имеет гражданская (общенациональная) идентичность. Аналогичные данные среди тувинцев фиксируют и другие авторы (Бадмаев и др., 2020: 39). Результаты наших прежних исследований также подтверждают такие выводы (Мадюкова, Персидская, Попков, 2017: 75–77).

С учетом официальной установки на формирование общенациональной (гражданской) идентичности как безусловного приоритета государственной публичной политики выявленные нами представления молодых людей могут показаться отклонением от российского мейнстрима. Но с этим нельзя согласиться по нескольким причинам.

Во-первых, высокий уровень этнической идентичности в нашем случае отражает особенности развития локальных сообществ сибирского макрорегиона, в котором сильны этнокультурные традиции.

Во-вторых, мы исходим из убеждения, подтвержденного результатами многолетних исследований, о неправомерности противопоставления общенациональной и этнической идентичности, которые на самом деле являются совместимыми, непротиворечивыми (Дробижева, 2019: 234; Попков, Тюгашев, 2020: 237–241).

В-третьих, низкий уровень общенациональной идентичности во многом связан с критическим отношением к власти, с неудовлетворенностью населения, в том числе молодежи, состоянием реальной государственной политики. Как показало наше исследование, в большей степени неудовлетворенными от деятельности федеральной власти являются наиболее актуальные запросы молодежи на достойное благосостояние народа, обеспечение социальной справедливости, законности и порядка. Эту проблему мы, как и другие исследователи, фиксировали и ранее (Дробижева, 2016: 340–341; Попков, Тюгашев, 2020: 243–246). Негативную динамику критического отношения молодежи к власти в последние годы З. В. Сикевич и Н. Г. Скворцов отмечают по результатам массовых опросов в Санкт-Петербурге (Сикевич, Скворцов, 2020: 277, 288). При этом они разделяют (совершенно справедливо) три разных понятия: «Родина» — «государство» — «власть», которые часто не дифференцируются, в том числе при разговоре об общенациональной (гражданской) идентичности.

В-четвертых, именно низкая эффективность политики федеральных властей, проявляющаяся в отсутствии в обществе должной социальной справедливости и слабой выраженности в этой политике интересов основной массы населения, является одним из главных факторов невысокого уровня общенациональной идентичности. В этих условиях актуализируется региональная и этническая идентичности, выступающие своеобразными компенсаторами тех защитных социальных механизмов, которые люди не могут найти в рамках официальной государственной политики.

Возвращаясь к анализу результатов нашего опроса, заметим, что сибирская идентичность более выражена у тувинцев. При ответе на дополнительный прямой вопрос «Считаете ли Вы себя сибиряком» лишь один из тувинцев затруднился с ответом, все остальные высказались положительно. Среди русских доля таковых немного меньше. Одновременно тувинцы, по сравнению с русскими, в большей степени обнаруживают и этноцентристские установки (жить среди людей своей национальности) (табл. 1). Это проявляется, в частности, в том известном факте, что тувинские студенты, находясь на учебе вне своей республики, поддерживают тесные контакты друг с другом в рамках своих землячеств.

Схожесть позиций, хотя и с различающимися количественными показателями, проявляется в отношении глобальной идентичности (важность ощущать себя гражданином мира): у тувинцев и русских она является доминирующей в ряду других видов идентичности (соответственно 86 и 63%, у тувинцев сопоставима с этнической идентичностью) (табл. 1). Столь высокий уровень выявленной глобальной идентичности можно отнести к числу неожиданных результатов опроса. Одно из объяснений, которое лежит на поверхности — это включенность современных молодых людей в глобальную информационную сеть что является для них важной составляющей текущей повседневности. Другие объяснения и самого данного факта, и его последствий для ценностного сознания и реального поведения людей требуют специального исследования.

Социокультурный потенциал и ценностные ориентации

Можно говорить о весьма благополучной ситуации в отношении той части социокультурного потенциала молодежи, которая касается ее отношения к традициям и культуре своего и других народов. Они рассматриваются как имеющие высокую ценность (табл. 2). При этом молодые люди четко высказываются и за то, чтобы также их дети знали культуру и традиции своего народа. Как и в предыдущей серии вопросов, позитивные установки являются более выраженными у тувинцев.

Табл. 2. Степень важности культурных традиций, в % от числа опрошенных в этнических группах.

Table 2. The importance of cultural traditions, % of respondents within each ethnic group.

№№	Культурные традиции	Важно		Не важно	
		Тувинцы	Русские	Тувинцы	Русские
1	Знать культуру своего народа, своей национальности	95	73	5	14
2	Чтобы мои дети знали культуру моего народа	95	71	5	15
3	Соблюдать традиции своего народа	91	51	9	27
4	Соблюдать религиозные обычаи своего народа	73	33	23	41
5	Уважать традиции и обычаи других народов	86	78	14	11

Примечательно, что абсолютное большинство студентов обеих национальностей настроено на уважительное отношение к традициям и обычаям других народов. Эта установка характеризуется даже более солидными количественными показателями, чем ориентация на соблюдение религиозных традиций своего собственного народа. Но опять обратим внимание на то, что тувинцы по сравнению с русскими здесь выглядят гораздо более весомо. Данный факт лишний раз подтверждает особое качество тувинцев, касающееся религиозной составляющей их культуры — традиционность.

Что касается других жизненно важных ценностей, то и здесь в среде молодежи доминируют ценности, которые тесно связаны с традиционной культурой. Молодые люди в своем преимущественном большинстве (с небольшим перевесом у тувинцев) считают наиболее важными для себя наличие хорошей семьи, здоровья, образования, дружеских отношений с родственниками, коллегами, соседями, а также экологически благоприятную природную среду. Малопривлекательными являются для них участие в политике, статусные амбиции, жизнь за границей, а также, как отмечалось, жизнь в сельской местности. Примерно для половины опрошенных не является принципиально важным состоять в зарегистрированном браке, причем среди тувинцев таковых немного меньше.

Результаты нашего исследования по большому счету совпадают с общими выводами, которые делают М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги по итогам социологического опроса, проведенного под их руководством по единой методике во всех типах поселений 21 региона России в период 2009–2019 гг.: «Нынешняя российская молодежь в целом не индивидуалистична, не агрессивна, не стремится обладать властью, нечестолюбива» (Горшков, Шереги, 2020: 181).

В этой связи отметим следующее. Фундаментальной основой системы ценностей человека является ориентация по основанию: индивидуализм — коллективизм (либерализм — коммунитаризм). Для выяснения позиции студентов по данному основанию во время опроса им был задан вопрос, что важнее: интересы человека или интересы народа. Отвечая на него, русские респонденты разделились примерно поровну, среди тувинцев оказалось больше тех, кто приоритет отдает интересам народа.

Признание значимости традиционных ценностей, которые являются коллективистскими по своей природе, выступает важным индикатором наличия в социокультурном потенциале молодежи тех качественных характеристик, которые могут составлять необходимые предпосылки для реализации перспективной духовно-экологической стратегии развития.

Говоря в этой связи о тувинцах, следует акцентировать их коллективистскую черту, сформировавшуюся в рамках традиционной хозяйственной деятельности и повседневной жизнедеятельности. Она была зафиксирована в том числе во время отмеченного выше первого комплексного исследования проблем социального развития Тувы в виде наличия разнообразных видов взаимопомощи, прежде всего среди родственных групп (*Очерки социального ...*, 1983: 79). Это отмечают также авторы недавно проведенного (в 2019 г.) под руководством З. Т. Голенковой социологического исследования в Туве. Взаимопомощь существует не только в межличностных отношениях, но и на уровне домохозяйств. Такую стратегию они охарактеризовали «сетью взаимопомощи домохозяйств» (*Социально-стратификационные процессы ...*, 2020: 88). Мне самому доводилось неоднократно наблюдать сохранение традиции взаимопомощи тувинцев практически в каждый свой приезд в Туву. Этот пример подтверждает тот факт, что элементы традиционной культуры могут сохранять свою устойчивость на протяжении длительного времени.

Молодежь о глобальных трендах цивилизационного развития

Как было отмечено во вводной части, существующую в настоящее время мировую цивилизацию можно назвать техногенно-потребительской. Она базируется на частной собственности, либерально-рыночных ценностях с приматом конкуренции как определяющего типа социальных взаимодействий. Ее основополагающими признаками являются индивидуализм, социальная и экономическая конкуренция, групповой и национальный эгоизм, чрезмерная эксплуатация природы, установка на ее безусловное покорение (*Иванов, Фотиева, Шишин, 2014: 119–123*). Специалисты на Западе ее до сих пор называют капиталистической и ассоциируют с буржуазной эпохой. Распространенной является точка зрения о кризисе, который переживает эта цивилизация в настоящее время.

Студентам предлагалось высказать свое мнение относительно этой точки зрения. 60% русских дали положительный ответ. Мнение тувинцев разделилось практически поровну между теми, кто считает, что техногенно-потребительская цивилизация находится в состоянии кризиса, и теми, кто затруднился ответить на этот вопрос (видимо, он не часто обсуждается в студенческой среде). Очень немногие из опрошенных не поддержали обозначенную позицию о кризисе данной цивилизации.

Более определенным является мнение тувинцев при ответе на вопрос «Считаете ли Вы, что для современного мира нужна альтернативная, духовно-экологическая цивилизация, основанная на принципах сохранения окружающей среды, примата культуры, науки и образования над политикой и экономикой, на идеях сотрудничества и взаимопомощи между людьми, культурами и народами?» Чуть более $\frac{4}{5}$ всех опрошенных тувинцев поддержали эту позицию. Среди русских доля таковых немного меньше.

В вопросе о возможности перехода общества к духовно-экологической цивилизации ответы дифференцировались в основном между двумя ответами: «вполне возможно» (так считают около $\frac{2}{5}$ тувинцев и $\frac{1}{4}$ русских) и «возможно, но не скоро» (соответственно чуть более $\frac{1}{4}$ и почти $\frac{1}{2}$). Лишь единицы считают, что в этом нет необходимости. В целом среди тувинцев больше, чем среди русских, уверенных в возможности обозначенной перспективы развития (без конкретизации того, когда это может произойти), но также больше затруднившихся дать определенный ответ.

Что касается возможного личного участия опрошенных в актуальных перспективных преобразованиях, то в обеих группах преобладает ориентация на абстрактно-пассивные формы такого участия в виде честного исполнения профессиональных обязанностей и воспитания своих детей в русле духовно-экологических ценностей. Но тувинцы проявили большую готовность к инициированию и реализации соответствующих практических проектов в своем регионе.

Среди тех качеств сибиряков, которые могут составлять необходимые предпосылки для трансформации современной модели развития в более гуманное и справедливое общество, базирующееся на приоритете духовных и экологических ценностей, молодые люди, с несколько более высокими показателями у тувинцев, отдают предпочтение таким существующим здесь качествам, как склонность к взаимопомощи и взаимовыручке, мужество, а также вера в собственные силы.

Заключение

Рассмотренная выше постановка вопроса о двух типах цивилизационного развития не относится к числу активно присутствующих в российском политическом, научном и образовательном дис-

курсах. Но если в рамках социально-философского обсуждения данная тема в литературе все-таки присутствует, то на эмпирическом уровне проведенное под руководством А. В. Иванова при участии автора исследование, насколько нам известно, осуществлено впервые.

Обобщая результаты представленного анализа, можно сделать заключение, что социокультурный потенциал студенческой молодежи, характер их ценностных ориентаций в целом соответствуют базовым принципам духовно-экологической стратегии развития. Тувинцы проявляют несколько большую выраженность этого потенциала, большую уверенность в такой перспективе цивилизационных изменений, как и большую практическую готовность что-то реально сделать для этого.

Как представляется, фундаментальное основание такого положения вещей лежит в глубинных возможностях традиционной культуры, многие элементы которой не просто сохраняются в адаптированном к нынешним условиям виде, но и оказываются востребованными современностью.

В этой связи хочется обратить внимание на одну идею, которую еще четверть века назад отстаивал Ю. М. Бородай, говоря о принципиальном отличии индустриальной цивилизации (системы) от постиндустриальной. Первая является техноцентричной, вторая — культурноцентричной (Бородай, 1996: 392). Здесь даже применительно к собственно производственному процессу морально-духовные качества человека оказываются определяющими. «Материальные предпосылки развития, при всей их важности, отступают на второй план» (там же: 393). Именно умение задействовать потенциал традиционных культур позволил ныне известным как «восточноазиатские тигры» странам сделать прорыв в будущее не только в экономике, но и других сферах жизни.

Можно ли использовать имеющийся позитивный социокультурный потенциал молодежи Сибири для перспективных цивилизационных трансформаций? Очевидно — да. Но такое возможно при комплексе условий, среди которых обозначим три выявленные в ходе исследования и требующие осмысления и преодоления проблемные ситуации.

Первая касается самих молодых людей. Для ряда студентов рассматриваемая проблематика оказалась практически незнакомой до момента нашего опроса. Это можно объяснить двумя основными обстоятельствами: во-первых, отсутствием этой проблематики в вузовских учебных программах; во-вторых, равнодушием части студентов к соответствующим вопросам, инфантилизмом, а также тем, что их вполне устраивает существующее положение вещей. Подтверждением данного вывода могут служить ответы, которые дали некоторые студенты на вопрос о том, что можно было бы сделать для формирования более гуманного и справедливого общества. Они, хотя и единичные, являются достаточно красноречивыми: «Ничего», «А зачем оно мне надо?»

Второй системной проблемой является нежелание абсолютного большинства студентов связать свою перспективу с селом. Ценность сельской жизни является и у русских, и у тувинцев самой низкой в ряду всех других выделенных ценностей. И это, обратим внимание, касается не молодежи вообще, а целевой группы студентов сельскохозяйственных вузов, которые изначально призваны готовить специалистов для села. Изменить положение дел в этой области невозможно в том числе без кардинального изменения государственной политики в отношении села.

Третья проблемная ситуация касается того очевидного факта, что само государство не актуализировало и не предложило обоснованную перспективную модель цивилизационного развития России, хотя в последнее время эта тема дискутируется в философских кругах и начала подниматься на разных уровнях управления. Образ будущего, к которому должны стремиться и власть, и само общество — для населения в целом, для молодежи в частности, остается неопределенным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадмаев, В. Н., Уланов, М. С., Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Антонов, В. И., Очирова, О. А. (2020) Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 35–49. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.3>

Бородай, Ю. М. (1996) Эротика — смерть — табу: трагедия человеческого сознания. М. : Гнозис, Русское феноменологическое общество. 416 с.

Горшков, М. К., Шереги, Ф. Э. (2020) Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М. : ФНИСЦ РАН. 688 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020>

Дробижева, Л. М. (2016) Заключение // Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / отв. ред. Л. М. Дробижева. М. : Институт социологии РАН. 400 с. С. 333–353.

Дробижева, Л. М. (2019) Политика интеграции полиэтнического российского общества в доктринальных документах, политологическом дискурсе и массовом сознании // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 134-146. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990005821-5>

Иванов, А. В. (2019) Освоение и развитие Сибири как третий российский стратегический геопроект // *Вестник Омского университета*. Т. 24. № 3. С. 84–95. DOI: [https://doi.org/10.25513/1812-3996.2019.24\(3\).84-95](https://doi.org/10.25513/1812-3996.2019.24(3).84-95)

Иванов, А. В., Фотиева, И. В., Шишин, М. Ю. (2014) На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул : Изд-во АлтГТУ. 219 с.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд. СПб. : Алетей. 368 с.

Ламажаа, Ч. К. (2015) Социология молодежи Тувы // *Знание. Понимание. Умение*. № 3. С. 340–348. DOI: <https://www.doi.org/10.17805/zpu.2015.3.30>

Ламажаа, Ч. К. (2017) Исследования менталитета тувинцев и тенденция субъективизации гуманитарного знания // *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 18–48. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2017.3.2>

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История. 240 с.

Мадюкова, С. А., Персидская, О. А., Попков, Ю. В. (2017) Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе // *Знание. Понимание. Умение*. № 3. С. 69–83. DOI: 10.17805/zpu.2017.3.6

Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего и инновационный потенциал (2018) / Я. В. Дидковская, Л. Н. Банникова, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский, К. М. Ольховиков, Д. В. Трынов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 215 с.

Молодежь Тувы. Социальный портрет (1988) / Анайбан З. В., Золототрубов В. С., Кочергин В. А. и др. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние. 194 с.

Образ будущего в оценках нового поколения россиян (2016) / В. В. Гаврилюк, Л. Л. Мехришвили, Н. И. Скок [и др.]. Тюмень : ТИУ. 166 с.

Очерки социального развития Тувинской АССР (1983) / В. И. Бойко, В. Н. Белошапкина, Г. Ч. Ширшин и др. Новосибирск : Наука. 264 с.

Покровский, Н. Е., Макшанчикова, А. Ю., Никишин, Е. А. (2020) Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // *Социологические исследования*. № 12. С. 54-64. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250010726-1>

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2020) Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск : Изд-во НГТУ. 256 с.

Сикевич, З. В., Скворцов, Н. Г. (2020) Соотношение национальной и этнической идентичности молодежи (на примере Санкт-Петербурга) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. Т. 20. № 2. С. 277–291. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-277-291

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / З. Т. Голенкова и др.; отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко; ФНИСЦ РАН. М. ; Кызыл : ФНИСЦ РАН. 128 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Дата поступления: 12.01.2021 г.

REFERENCES

Badmaev, V. N., Ulanov, M. S., Lamazhaa, Ch. K., Bicheldei, U. P., Antonov, V. I. and Ochirova, O. A. (2020) Rossiia i buddiiskii mir glazami molodezhi Tuvy, Buriatii i Kalmykii (po materialam sotsiologicheskogo oprosa) [Russia and the Buddhist world through the eyes of the youth in Tuva, Buryatia and Kalmykia: a sociological survey and its outcomes]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 35–49. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.3

Borodai, Yu. M. (1996) *Erotika — smert' — tabu: tragediia chelovecheskogo soznaniia* [Erotics — Death — Taboo: The Tragedy of Human Consciousness]. Moscow, Gnozis, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo. 416 p. (In Russ.).

Gorshkov, M. K. and Sheregi, F. E. (2020) *Molodezh' Rossii v zerkale sotsiologii. K itogam mnogoletnikh issledovaniy* [The Youth of Russia in the Mirror of Sociology. The outcomes of a long-term study]. Moscow, FNISts RAN. 688 p. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020

Drobizheva, L. M. (2016) Zakliuchenie [Conclusion]. In: *Mezhnatsional'noe soglasie kak resurs konsolidatsii rossiiskogo obshchestva* [Interethnic consent as a resource for the consolidation of Russian society] / ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, Institut sotsiologii RAN. 400 p. Pp. 333–353. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2019) Politika integratsii polietnicheskogo rossiiskogo obshchestva v doktrinal'nykh dokumentakh, politologicheskom diskurse i massovom soznanii [The policy of integration of the multi-ethnic Russian society: doctrinal documents, political discourse and mass consciousness]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 134–146. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.31857/S086904990005821-5

Ivanov, A. V. (2019) Osvoenie i razvitie Sibiri kak tretii rossiiskii strategicheskii geoproekt [The exploration and development of Siberia as the third Russian strategic geoproject]. *Vestnik Omskogo universiteta*, vol. 24, no. 3, pp. 84–95. (In Russ.). DOI: [www.doi.org/10.25513/1812-3996.2019.24\(3\).84-95](http://www.doi.org/10.25513/1812-3996.2019.24(3).84-95)

Ivanov, A. V., Fotieva, I. V. and Shishin, M. Yu. (2014) *Na putiakh k novoi tsivilizatsii (ocherki dukhovno-ekologicheskogo mirovozzreniia)* [On the road to a new civilization: Essays on the spiritual and ecological worldview]. Barnaul, Izd-vo AltGTU. 219 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdú proshlym i budushchim* [Tuva between the past and future]. 2nd ed. St. Petersburg, Aleteya. 368 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2015) Sotsiologiia molodezhi Tuvy [Sociology of youth in Tuva]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 340–348. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.17805/zpu.2015.3.30

Lamazhaa, Ch. K. (2017) Issledovaniia mentaliteta tuvintsev i tendentsiia sub"ektivizatsii gumanitarnogo znaniia [Studies of mindset of Tuvans and the subjectivity trend in academic knowledge]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 18–48. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2017.3.2>

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsional'nyi kharakter tuvintsev* [National character of Tuvans]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.).

Madiukova, S. A., Persidskaia, O. A. and Popkov, Yu. V. (2017) Obshchenatsional'naia i etnicheskaia identichnost' molodezhi etnicheskikh grupp respublik Sibiri v sravnitel'noi perspektive [Nationwide and ethnic identity of young people of ethnic groups living in Siberian republics in a comparative perspective]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 69–83. DOI: www.doi.org/10.17805/zpu.2017.3.6

Molodezh' industrial'nykh regionov Rossii: obraz sotsial'nogo budushchego i innovatsionnyi potentsial [Youth in industrial regions of Russia: The vision of the social future and innovative potential] (2018) / Ya. V. Didkovskaia, L. N. Bannikova, L. N. Boronina, Yu. R. Vishnevskii, K. M. Ol'khovikov and D. V. Trynov. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta. 215 p.

Molodezh' Tuvy. Sotsial'nyi portret [The Youth of Tuva: A social portrait] (1988) / ed. by Yu. L. Aranchyn. Novosibirsk, Nauka. 194 p. (In Russ.).

Obraz budushchego v otsenkakh novogo pokoleniia rossiian [The image of the future in the assessments of the new generation of Russians] (2016) / V. V. Gavriiliuk, L. L. Mekhrishvili, N. I. Skok et al. Tiumen', TIU. 166 p.

Ocherki sotsial'nogo razvitiia Tuvinskoii ASSR [Essays on social development of the Tuvan ASSR] (1983) / ed. by Yu. L. Aranchyn. Novosibirsk, Nauka. 262 p. (In Russ.).

Pokrovskii, N. E., Makshanchikova, A. Yu. and Nikishin, E. A. (2020) Obratnaia migratsiia v usloviakh pandemicheskogo krizisa: vnegorodskie prostranstva Rossii kak resurs adaptatsii [Reverse migration in the pandemic crisis: Russia's out-of-town spaces as an adaptation resource]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 54–64. DOI: www.doi.org/10.31857/S013216250010726-1

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2020) *Etnokul'turnyi neotraditsionalizm i identichnost' v sovremennykh sotsiokul'turnykh transformatsiakh* [Ethno-cultural neotraditionalism and identity in modern socio-cultural transformations]. Novosibirsk, Izd-vo NGTU. 256 p.

Sikevich, Z. V. and Skvortsov, N. G. (2020) Sootnoshenie natsional'noi i etnicheskoi identichnosti molodezhi (na primere Sankt-Peterburga) [The correlation between national and ethnic identities in Saint Petersburg youth]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, no. 2, pp. 277–291. DOI: www.doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-277-291

Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva [Socio-stratification processes in the Republic of Tuva] (2020) / Z. T. Golenkova et al., ed. by Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova and P. E. Sushko. Moscow, Kyzyl, FNISTs RAN. 128 p. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Submission date: 12.01.2021.

Субъектно-образные структуры в татарской и тувинской поэзии 1970–1990-х гг.

Венера Р. Аминова

Казанский (Приволжский) федеральный университет; Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Российская Федерация,

Людмила С. Мижит

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

На материале произведений татарских (И. Юзеева, Р. Ахметзянова, Р. Гаташа) и тувинских поэтов (А. Уержаа, А. Даржая, Э. Мижита, Н. Куулара) выявляются складывающиеся в татарской и тувинской поэзии 1970–1990-х гг. типы субъектно-образных ситуаций. Они исследуются как сфера проявления национальной идентичности художественного текста и область, в которой отражаются сходные тенденции историко-литературного процесса этих лет. В решении поставленных задач были использованы системно-структурный, сравнительный и герменевтический методы исследования.

Выделены основные типы субъектно-образных ситуаций в творчестве поэтов, отражающие пути самоопределения лирического субъекта. Сделан вывод о том, что лирические герои И. Юзеева и А. Уержаа стремятся занять позицию авторефлексивной вненаходимости по отношению к самому себе, что выводит субъектно-образную целостность произведения на уровень метаизображения. В художественной системе Р. Ахметзянова и А. Даржая «я» оказывается, с одной стороны, вероятностно-множественным, не совпадающим с самим собой, а с другой — синкретическим, совмещающим в себе два вида сознания — народно-мифологическое и индивидуально-творческое. Установлено, что специфика субъектно-образной целостности лирики татарских и тувинских поэтов раскрывается и в отношениях «я» с субъектами особого типа, точнее — сверхсубъектами. Они воплощают надличностное и вненаходимое по отношению к основной лирической ситуации и ее героям активно-волевое начало.

Самостоятельными действующими лицами, обладающими бытийной полновесностью, выступают в стихотворениях Р. Ахметзянова, Э. Мижита, Р. Гаташа, А. Уержаа, Н. Куулара стихи природы, любви и творчества. В диалогической обращенности к этим сверхсубъектам, стоящим за пределами сознания «я», выявляется жизненно-творческая позиция «героя» и «автора». Решающая роль в создании выделенных типов субъектно-образных структур в татарской и тувинской поэзии данного периода принадлежит мифопоэтическим «языкам» кумуляции и параллелизма. Они вступают во взаимодействие с условно-поэтическим словом, указывающим на относительность бытийного плана образа и задающим в каждом конкретном случае его пределы.

Полученные результаты значимы для построения исторической поэтики татарской и тувинской литературы 2-й половины XX в.

Ключевые слова: национальная литература; татарская поэзия; тувинская поэзия; татарская литература; тувинская литература; лирика; лирический герой; поэтика; татары; тувинцы; субъектно-образные структуры

Для цитирования:

Аминова В. Р., Мижит Л. С. Субъектно-образные структуры в татарской и тувинской поэзии 1970–1990-х гг. // Новые исследования Тувы. 2021, № 1. С. 228–254. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.13>

Аминова Венера Рудальевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета; ведущий научный сотрудник Отдела литератур народов России и СНГ Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. Адрес: 480008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25 а. Тел.: +7 (905) 039-04-99. Эл. адрес: amineva1000@list.ru

Мижит Людмила Салчаковна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела культурологии и религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (963) 252-34-09. Эл. адрес: lmizhit@mail.ru

Subject-figurative structures in Tatar and Tuvan poetry of the 1970s – 1990s

Venera R. Amineva

Kazan Federal University; Gorky Institute of World Literature, Russian Federation,

Lyudmila S. Mizhit

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article identifies several types of subject-figurative situations in Tatar and Tuvan poetry, taking the works of Tatar and Tuvan poets (I. Yuzev, R. Akhmetzyanov, R. Gatash, A. Uerzhaa, A. Darzhay, E. Mizhit, N. Kuular) for its sources. These literary situations are investigated as manifestations of the national identity in a literary text, and as a cultural space that reflects similar trends in the historical and literary process. The paper relies on systemic-structural, comparative, and hermeneutic methods of research.

The authors examine the main types of subject-figurative situations in the work of poets which reflect the ways of self-determination of the lyrical subject. They conclude that I. Yuzev's and A. Uerzhaa's lyrical protagonist seek to take a position of self-reflective "outsidedness" in relation to himself, which brings the subject-figurative integrity of their work to the meta-image level. R. Akhmetzyanov's and A. Darzhay's lyrical subject turns out to be probabilistically plural, not coinciding with itself. At the same time, it syncretically combines two types of consciousness - folk-mythological and individualized. The study postulates that the specificity of the subject-figurative integrity in Tatar and Tuvan poetry manifests itself in the relationship between the "I" and what may be termed 'super-subjects', which personify the active volitional power with its supra-personal "outsidedness" influencing the lyrical situation and its heroes.

Elements of life, nature, love, and creativity acquire full agency in poems by R. Akhmetzyanov, E. Mizhit, R. Gatash, A. Uerzhaa, and N. Kuular. Vital and creative position of the "lyrical protagonist" and "author" is revealed in this dialogical appeal to the super-subjects which transcend individual consciousness. Mythopoetic "languages" of cumulation and parallelism play a decisive role in setting the types of abovementioned subject-figurative structures in Tatar and Tuvan poetry of the 1970s-1990s. They interact with the conditionally poetic language that indicates the relativity of the existential plane of the poetic imagery and sets its limits in each specific case.

The outcomes of the study can be important for developing the historical poetics of Tatar and Tuvan literature of the latter half of the 20th century.

Keywords: national literature; Tatar poetry; Tuvan poetry; Tatar literature; Tuvan literature; lyrics; lyrical protagonist; poetics; Tatars; Tuvans; subject-image structures

For citation:

Amineva V. R. and Mizhit L. S. Subject-figurative structures in Tatar and Tuvan poetry of the 1970s – 1990s. *New Research of Tuva*, 2021, no. 1, pp. 228-254. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.13>

AMINEVA, Venera Rudalevna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literatures, Kazan Federal University; Leading Research Fellow, Department of Literature of Russia's Ethnicities and the CIS Countries, A.M. Gorky Institute of World Literature. Postal address: 18 Kremlyovskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation; 25a Povarskaya St., 121069 Moscow, Russia. Tel.: +7 (905) 039-04-99. E-mail: amineva1000@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-4016-2242

MIZHIT, Lyudmila Salchakovna, Candidate of Philology, Leading Research Fellow, Department of Cultural and Religious Studies, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: + 7 (963) 252-34-09. E-mail: lmizhit@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-1991-0517

Введение

Кризис социалистического образа жизни в СССР, усиленный масштабным сопротивлением государственной идеологии, отказом художников от социальной реальности (Имихелова, Болдонова, 2017: 149), привел к тому, что в 1970–1990-е гг. актуализируются проблемы идентификации «я» как комплексной деятельности личности по самосознанию и самоопределению. Испытывая давление внешних обстоятельств, человек стремился к важному для него моменту самопознания, обретения истинного «я» и подлинного содержания собственной жизни. Не приемля существующих социальных связей, он одухотворен поиском нового — гармонического единения с началами общими, как социально-историческими (нацией, народом, человечеством), так и универсальными (природой, мирозданием, вселенной). Исследователи этого периода в истории русской литературы констатируют: «Прорыв из-под глыб тоталитарного сознания, который начался в годы “оттепели”, расшатывание жесткой парадигмы соцреализма и поиски иных путей художественного освоения действительности уже не удалось остановить в годы политического застоя и идеологических “заморозков”» (Лейдерман, Липовецкий, 2001: 10).

Процессы, происходившие в духовной жизни страны, нашли отражение в многонациональной советской литературе, в частности, в творчестве целого ряда выдающихся поэтов — татарских, тувинских, украинских, литовских, армянских, грузинских, Северного Кавказа, Калмыкии, Чувашии и др. В истории татарской литературы этот период рассматривается учеными как время поиска новых эстетических ориентиров, экспериментов в области содержания, художественных средств и приемов (см.: Загидуллина, Йосыпова, 2011). Сходные тенденции наблюдаются и в других литературах. Например, духом экспериментаторства были охвачены чувашские поэты: «Период “оттепели” способствовал новой реформе чувашской поэзии, которая заключалась в отказе ряда поэтов-новаторов от силлабо-тонической метрики, фабульности и шаблонной образности. Лирическое «я» в их стихотворениях стало более свободным и индивидуальным, требующим от читателя усиленного внимания к сцеплению рядом стоящих образов, их тональности, звучанию полутонов» (Родионов, Родионова, 2019: 45–46). Сложные, противоречивые переживания, порожденные эпохой, в аварской поэзии 1960–1980-х гг., как показывает З. З. Гаджиева, передаются в форме исповеди, восходящей к жанру «тавбу»: «В исповедальных произведениях ощущается пульсирование нарастающей тревоги, гнетущей поэтов, нежелание примириться с действительностью, чувство испытываемого дискомфорта, и они проводят неустанный самоанализ, а лирическое «я» становится не только субъектом, но и объектом такого познания» (Гаджиева, 2015: 107). Лирический герой Р. Гамзатова вопрошает: «Кто я такой?», «... опавший лист или ветка в листве?» (там же: 112). Об извечной потребности «заглянуть внутрь себя», «обратиться к своему затаенному “я”» пишет бурятский поэт Б. Дугаров (Имихелова, Болдонова, 2017: 154). Новые пути самовыражения ищут удмуртские поэты Ф. И. Васильев, А. Е. Белоногов, В. М. Ванюшев (Шибанов, 2012); абазинский поэт М. Чикатуев (Псху, 2007).

В татарской поэзии основные тенденции в развитии субъектных отношений и сопряженных с ними образных структурах отразились в творчестве Равиля Файзуллина, Ильдара Юзеева, Роберта Ахметзянова¹, Шамиля Анака, Ради́фа Гаташа и других. В тувинской литературе показательно в этом плане творчество Антона Уержаа, Эдуарда Мижита, Александра Даржая, Николая Куулара. Известный литературовед А. К. Калзан отмечает, что эти поэты отказались от господствовавшей многие годы публицистической поэзии и являются истинными лириками, выражающими внутренний мир, душу личности (Калзан, 1991: 24).

Творчество татарских и тувинских поэтов представляется достаточно изученным в литературоведении в аспекте идейно-тематического содержания, сквозных образов и мотивов их лирики (Баянов, 1985; Ганиева, 2009; Миңнегулов, 1995; Калзан, 1991; Самдан, 2005; Тыва чечен чогаал ... , 2009; Донгак, 2014; Мижит, 2015), новаторских поисков и экспериментов (см.: Загидуллина, 2015; Мижит, 2013). Вместе с тем складывающиеся в произведениях И. Юзеева, Р. Ахметзянова, Р. Гаташа, А. Уержаа, Э. Мижита, А. Даржая, Н. Куулара субъектно-образные структуры до сих пор не становились предметом специального научного исследования. Однако они важны для понимания художественно-эстетической природы процессов, происходящих в это время в национальных литературах, а также для построения их исторической поэтики.

¹ В данной работе речь будет идти о творчестве Роберта Ахметзянова, в это же время творил и его однофамилец – поэт Рашид Ханифович Ахметзянов (1941–1995).

В данной статье впервые проводится сопоставительный анализ произведений татарских и тувинских поэтов, созданных в 1970–1990-е гг., с целью раскрыть содержание и особенности проявления действующей в разных национальных литературах сходной тенденции — развития и обогащения субъективного начала, все большей индивидуализации лирического героя, вызывающих усложнение структуры субъектной сферы лирики и соответствующей ей образности. Вместе с тем различия, фиксируемые на разных уровнях художественной системы поэтов, значимы для понимания национальной идентичности находящихся в диалоге литератур.

Наряду с произведениями поэтов, пишущих на татарском и тувинском языках, в статье рассматриваются и русскоязычные тексты писателей-билингвов, в творчестве которых актуализируются коды национальной культуры и отражаются особенности национального менталитета.

На концепцию работы оказали влияние труды М. М. Бахтина, различающего «первичного» и «вторичного» автора (Бахтин, 1986а: 297–325), Б. О. Кормана, предложившего методiku анализа авторского сознания и форм его выражения в тексте (Корман, 2006: 110–221), С. Н. Бройтмана, обосновавшего ряд теоретических понятий и принципов анализа субъектно-образной структуры лирического произведения (Бройтман, 1997).

В решении задач, связанных с сопоставлением творчества поэтов, принадлежащих к разным национальным литературам, мы опираемся на сложившиеся в отечественной и зарубежной компаративистике традиции сравнительного изучения национальных литератур, в соответствии с которыми принято выделять две основные формы межлитературного процесса: контактные связи и типологические схождения (Дюришин, 1979). В то же время данное исследование находится в контексте идей М. М. Бахтина о диалоге как особом виде смысловых отношений, акцентирующих понимание эстетического объекта как бытийно-эстетического образования, в основе которого лежат персонологические и имманентно-социальные отношения между субъектами — «я» и «другим», автором и героем, произведением и читателем (Бахтин, 1986а).

В работе «К методологии гуманитарных наук» М. М. Бахтин, поставив проблему «контекстов понимания» и разграничив малое время современности и большое время, «близкий» и «далекий» контексты, пишет о нескончаемом обновлении смыслов во все новых контекстах (там же: 381–393). В качестве такого «контекста понимания» в нашем исследовании выступает национальная литературно-художественная традиция, являющаяся своеобразным диалогизирующим фоном для восприятия другой национальной литературы. При этом позиция «внеаходимости» одной литературы по отношению к другой дает возможность иного, нового ее видения, недоступного взгляду «изнутри», позиции самонаблюдения (Yuzmukhametova, Amineva, Shimonik, 2018).

«Определения» в татарской и тувинской поэзии: пути самоидентификации лирического субъекта

В поэтическом творчестве татарских и тувинских писателей, создававших произведения в 1970–1990-х годах, прослеживается процесс самоопределения и самоидентификации лирического «я», устремленного к широким и гармоническим связям со своей нацией, миром природы, человечеством, вселенной. Так, опосредованно, через образы родины, родного народа, любимых людей и личное отношение к ним определяется место лирического героя в мире и его внутренняя сущность.

Важным шагом в утверждении самоценности внутреннего мира человека стала поэзия И. Юзеева¹ и А. Уержаа², лирический субъект которых пребывает в состоянии саморефлексии, осознания связи своего «я» с сущностными вопросами бытия. Субъектно-образная и ценностная архитектура таких стихотворений И. Юзеева, как: «Күңгелем минем — чиксез кара урман» («Моя душа — бескрайний темный лес»), «Һәрнәрсәгә карыйм исем китеп» («На все восторженно гляжу»), «Юк, мин яши алмыйм алай...» («Нет, я так жить не могу...»), «Шом» («Тревога»), «Борчылу» («Беспокойство»), «Нишләдем?..» («Что я наделал?»), «Гадәт-холкым белән — кыр казы мин...» («Характером — я дикий гусь...»), «Кемнәр

¹ Юзеев Ильдар Гафурович (1933–2004) — Народный поэт Республики Татарстан, лауреат Государственной премии РТ им. Г. Тукая. Родился в деревне Ямады Янаульского района Башкирской АССР. Автор более 30 сборников поэзии и драматургии.

² Антон Уержаа (Кужугет Антон Уержаевич) (1957–1996) — тувинский поэт, лауреат премии комсомола Тувы. Родился в с. Хонделен Барун-Хемчикского района Тувинской автономной области. Автор 5 поэтических сборников.

үтәр?» («Кто пройдет?»), «Тормыш ул — серле бер могжиза» («Жизнь — тайна»); стихотворений А. Уержаа, как: «Саарыг ыры» («Песнь водопада»), «Эрткен үем шынаазынга» («В долине моего прошлого»), «Чыннып алган шырайларым одаглары» («Костры лиц, у которых я согревался»), «Ынак-тыр мен...» («Я люблю...»), «Ыглаан сен бе?» («Плакал ли ты?») — характеризуется направленностью на процесс самопознания и самоидентификации.

Так, стихотворение «Кемнәр үтәр?» («Кто пройдет?») И. Юзеева структурировано определением, выполняющим идентифицирующую функцию: «Я — вечная материя». Эта общая формула получает последовательную конкретизацию, которая воссоздает извечный природно-космический цикл, подчиняющий отдельное человеческое существование своим законам и ритмам. Перечисление основных психо-эмоциональных состояний, переживаемых «я», наполняет космическую первоэнергию непосредственным человеческим содержанием:

<p>Кемнәр үтәр? Мин — мәңгелек материя, хәзергә — жанлы адәм: яшим, тоям, сөям, ельйым, кычкырып көлә алам... Жиңәм, жиңеләм, картаям, — яшәүдән китә барам¹.</p>	<p>Я — вечная материя, пока — живой человек, чувствую, люблю, плачу, могу громко смеяться... Побеждаю, оказываюсь побежденным, старею, — ухожу из жизни. <i>(Пер. В. Аминевой)²</i></p>
--	--

Этот семантический ряд, состоящий из любви, слез, громкого смеха, победы, поражения, старения и умирания, формирует микрокосм человеческого бытия в нерасчленимости в нем радости и страдания, активности и пассивности, длительности и краткости и одновременной устремленности к полноте самореализации. Самосознание «я» — это и чувство своего предсуществования в иной форме бытия. Активно-пассивное движение, ориентированное центростремительно, во второй строфе сменяется центробежным, диссоциирующим. Возникает разнообразие форм, являющихся субститутами «я»:

<p>Мин — мәңгелек материя, гел жанлы булып калмам: таш, туфрак, яфрак булырмын, тик көлә генә алмам...³</p>	<p>Я — вечная материя, не всегда буду живым, стану камнем, землей, листочком, только не смогу смеяться...</p>
--	---

Поставленные в один смысловой ряд образы камня, земли, листка образуют единую синкретическую реальность, в которой нет границ между природой и человеком, живым и неодушевленным, органическим и неорганическим, био- и семиосферой, «я» и «не-я».

Наконец мышление о себе неотделимо от ориентации на «другого» — того, кто будет помнить обо «мне»:

¹ Юзеев И. Мәңге ян, күңел: шигырьләр, жырлар, балладалар, поэма [Душа, гори вечно: стихи, песни, баллады, поэма]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. С. 97. (На татар. яз.).

² Подстрочный перевод с татарского языка здесь и далее (без иных указаний) выполнен В. Р. Аминевой.

³ Юзеев И. Мәңге ян, күңел: ... С. 97.

Мин — мөңгелек материя,
берни дэ тоймас формада
жиргэ кайтырмын урап...
Кемнэр үтэр өслөрөмнөн
сагынып,
көлеп,
елап?..¹

Я — вечная материя,
я вернусь на землю,
как бесчувственная форма...
Кто пройдет по мне,
тоскуя,
смеясь,
плача?..

Несмотря на воскрешающую функцию памяти, этот вопрос, как и сожаление, высказанное во второй строфе («... только не смогу смеяться»), выводит «я» из спасительного цикла вечного возвращения и возрождения, препятствуя его растворению во всеединстве. Цикличности, с которой связаны вечность, всеобщность, мифология, противопоставляется линейность — историческое время, уникальность и неповторимость индивидуальной человеческой судьбы, необходимость для каждого личностно-окрашенного восприятия его жизни «другим». Механизм взаимодействия лирического субъекта с границами — личной (его судьба) и событийной (роль в жизни «другого») — одинаков, что подчеркивается сходством эмоционально-психологических реакций «я» и «другого». Смех и слезы обозначают постижение каждым из них места человека в мире. Предчувствие этого провиденциально-вероятностного совпадения «я» и «другого» перестраивает всю перспективу изображаемого, открывая в нем новые связи и отношения. Напряженная экспрессия финального вопроса, маркируя черту, разделяющую поэтическую и внехудожественную реальности, указывает на особое состояние лирического субъекта, творческая мысль которого готова переступить эту черту и устремиться в необозримость самого бытия.

В творчестве А. Уержаа складывается субъектная ситуация, также, как в лирике И. Юзеева, основанная на отделении от «я» его субститутов и превращении их в самостоятельных субъектов. Например, в стихотворении «Эрткен үем шынаазынга» («В долине моего прошлого») совесть становится лебедем, прошлое лирического героя объективируется в пространственном образе забытой долины:

Арын-нүүрүм өскүс-чаңгыс куу болуп,
Алгырбышаан, талыгырже
кылыйтыпты.

Узудаксап ырай берген куштуң
соондан
Уттупканым шынаа-шыкка тояап
келдим².

Лебедем став одиноким, совесть моя
Вдаль полетела, криком тоскливо
маня.

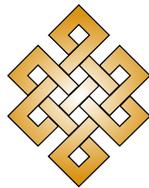
Следом за птицей, что отдалилась
давно,
Брел я, и вот — долина, забытая мной.
(Пер. Э. Мижита)³

Конкретно-материальные формы приобретают такие понятия, как грусть, радость, «печали седые виски»:

¹ Юзеев И. Мөңге ян, күңел: шигырьлэр, жырлар, балладалар, поэма [Душа, гори вечно: стихи, песни, баллады, поэма]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. С. 97. (На татар. яз.).

² Уержаа А. К. Ынак-тыр мен...: Шүлүктөр, шүлүглелдер, чечен чугаалар [Я люблю... : Стихи, поэмы, рассказы]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1997. С. 83. (На тув. яз.).

³ Здесь и далее перевод стихотворений А. Уержаа с тувинского Э. Мижита.

<p>Өөрүшкүм хырайлыккан чалгыннары Өкпең-кызыл бүрүлөр бооп шылырашты.</p> <p>Кударалым агарарган кастыктары Кужур болуп, дөңгеликте чайнап чыдыр.</p> <p>Эргим, таныш овор, үннер шывараңнап, Эзин-хатка ыш дег тарап, чидип туру¹.</p>	<p>Крылья радости той отцвели, словно сад, Тихо-тихо листвой красноватой шуршат.</p> <p>И печали той самой седые виски Тоже здесь — вот блещут солонцом бугорки.</p> <p>Сердцу милые образы и голоса, Лишь мелькнув, исчезают, как дым в небесах.</p>
---	---

Эмоционально-психологические состояния лирического героя распространяются на окружающий человека мир и предстают разлитыми в природных явлениях и процессах. Однако этому процессу ослабления сферы субъективности противостоит другая тенденция. Из целостной и эпически завершенной «долины прошлого» выделяется личность, самосознание которой выражается в вопросах:

<p>Омакшылым, ынакшылым, идегелим — Оскундуруум кайбын дилеп, сураглаайн?</p> <p>Чаңгыланган өткүт ыржым ыыттавады... Шапкын хем-не эрткен өйже агып чыдыр.</p> <p>Шак ол хемниң кырын дургаар дескинип, Чаңгыс ак куш ондап-остап эдип туру.</p> <p>Аарышкым аймап-дүүрэн куузу бе? Уттуушкунум улчуп-тояан ыйбазы бе?²</p>	<p>О, любовь! О, радость! О, надежды мои! — Где искать мне тех лет все утраты свои?</p> <p>Звонким эхом в ответ мне молчит тишина, Лишь река все течет к тем былым временам.</p> <p>Только белая птица одна все кричит И над бурной рекою летая, скорбит.</p> <p>Это лебедь встревоженной боли моей? Пепел мною забытой поры ли над ней?</p>
---	--

В вопросах, которыми завершается стихотворение, отражается распад эпической целостности человека, несовпадение героя и его судьбы. Осознание необратимости времени и сомнения в возможности преодоления границ своего «я» выражаются в крике белой птицы и отождествлении облаков с пеплом «забытой поры».

В стихотворении «Кто пройдет?» лирический субъект Юзеева рассматривает себя как носителя общеродовой субстанции человечества. В двух других «определениях»: «Характером — я дикий гусь...» и «Что я наделал?..» — отражается процесс самоидентификации «я» как неповторимой индивидуаль-

¹ Уержаа А. К. Ынак-тыр мен...: Шүлүктер, шүлүглелдер, чечен чугаалар [Я люблю... : Стихи, поэмы, рассказы]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1997. С. 83. (На тув. яз.).

² Там же. С. 84.

ности. В первом из этих стихотворений Юзеев развертывает мифосемантический потенциал образа птицы. Между «я» и «диким гусем» возникает особого рода смысловая связь, основанная на их бытийно-субъектном взаимопроникновении. Конкретизированное перечисление признаков, характеризующих лирического субъекта, осуществляется в направлении от способов перемещения в пространстве (плаваю, летаю), траектории движения (устремленное вдаль и возвращающееся к исходной точке) к душевным состояниям:

<p>Гадэт-холкым белэн — кыр казы мин: очам, йөзэм, китэм һәм кайтам... Гадэт-холкым белэн — кыр казы мин: сагынам, түзэм, әрним, югалтам...¹</p>	<p>Характером — я дикий гусь: летаю, плаваю, ухожу и возвращаюсь... Характером — я дикий гусь: скучаю, терплю, страдаю, теряю....</p>
---	---

В образном комплексе, озаменованном орнитологической символикой, наиболее значимой в плане семантико-функциональной изобразительности оказывается способность летать. Она развивает тему эквивалентности «жизни» и «полета» как освобождения от земной тяжести тела и перехода из реального мира в идеальный, состояния воодушевления и энтузиазма духовной жизни, предельной экзистенциальной интенсивности и пафоса. Умение летать подчеркивает не только исключительность героя, но и его трагическую уязвимость и обреченность, враждебность к нему всех тех, кто лишен этой способности:

<p>Гадэт-холкым белэн — кыр казы мин: очмаучылар — сәер, ят алар... Бәлки, мине аңлый алмаучылар беркөн йөрәгемә атарлар...²</p>	<p>Характером — я дикий гусь: те, кто не умеют летать, — странные, чужие... Может быть, те, кто не могут меня понять, однажды выстрелят мне в сердце....</p>
---	--

Предчувствие лирическим героем своей трагической судьбы сопровождается переходом на точку зрения авторефлексивной внеаходимости по отношению к самому себе:

<p>Гадэт-холкым белэн — кыр казы мин: егылып төшәрмен дә сызланып жан бирермен, соңгы сулышымда очалмаганнарны кызганып...³</p>	<p>Характером — я дикий гусь: упаду, в страдании умру, последним своим вздохом жалея тех, кто не умеет летать....</p>
--	---

Жалость, обращенная к странным, враждебным по отношению к герою существам, готовым убить, свидетельствует о преодолении им своей жертвенно-страдательной позиции, обнаруживая со-

¹ Юзеев И. Мәңге ян, күңел: шигырьләр, җырлар, балладалар, поэма [Душа, гори вечно: стихи, песни, баллады, поэма]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. С. 92. (На татар. яз.).

² Там же.

³ Там же.

вершенно очевидные признаки как духовного возвышения «я», резко отделяющего себя от других, так и его безусловного превосходства над теми, кто не умеет летать.

В стихотворении «Саарыг-дыр мен» («Песнь водопада») А. Уержаа воспроизводится генезис лирического «я» из ледниковых вод:

Саарыг-дыр мен. Хөөн-чүрээм, челээш ышкаш, Көвей чүзүн өннүг чүве. Мань даштар хайыргалап, сиилби каан Мага-бодум күдер, мөчек, силиг, чараш. Аткан даңның херелинге солаңгылап, Алмаз, дойлу шуру шуудуп ойнай бээр мен ¹ .	Я водопад. И как радуги цвет мое сердце, Краски мира живут там все вместе. И гранитные камни меня, и мрамор точили, Вот и тело мое совершенно, чисто, всесильно. И в лучах восходящего солнца ярким огнем, Зажигаю алмаза оттенки в сердце своем.
--	--

Лирический субъект тувинского поэта является, с одной стороны, носителем обобщенно-личного сознания — родового сознания людей, связывающих свое происхождение с природными стихиями, с другой — индивидуального сознания человека, размышляющего об особенностях своего характера и отождествляющего себя с динамичной, изменчивой, контраструктурной стихией воды и свойственным ей мотивом безостановочного движения, в котором — дух и энергия неиссякаемого порыва к цели, преодоления преград: «Оккур, мөге, дошкун, дөспес адым алгаан / Оожургал-дыш черле билбес амытан мен»² («Так поток мой мощный суровый, не зная преград, / Беспокойно все рвется вперед, ведь я — водопад»).

В отличие от лирического субъекта И. Юзеева «я» А. Уержаа не только отождествляется с водопадом, но и превращается в него, одушевляя и одухотворяя водный поток — становясь мечтаньем «родника-ручейка», «сном-воспоминанием» всех морей. Здесь происходит «осознанное расширение этнически мотивированного горизонта» (Султанов, 2008: 345).

Вместе с тем тувинский поэт запечатлел и обратный процесс — переход природного в физически-витающую сферу человеческой экзистенции: от водопада к лирическому герою переходят жизненная сила и непреклонность воли:

Үерлигде, тыртында-даа серип болбас, Үүле-чолум амыр эвес, дошкун болгаш, Арыг-кылаң меңги суундан хөөнүн тыпкан Аян-ырым авыяс чок, өткүт, сүрлүг ³ .	И в наводнение, и в маловодье не прерываясь, Как стрела я лечу, к судьбе непростой привыкая. Оттого, что беру я начало у ледников, Так же чист мой голос пронзительный, так же суров.
--	---

В «определениях» оба поэта используют «биноминативные» синтаксические конструкции, выражающие идентификацию. В ряде других стихотворений: «Что я наделал?» (в переводе Р. Кожевниковой: «Что со мной?») И. Юзеева и «Костры лиц, у которых я согревался» А. Уержаа используется диалогическая форма — разговор лирического героя с самим собой. Осмысление переломного момента жизни с точки зрения своего участия и неучастия в нем, активности и страдательности оказывается порождающим началом как субъектной, так и образной структуры стихотворения.

¹ Уержаа А. К. Ынак-тыр мен...: Шүлүктөр, шүлүглелдер, чечен чугаалар [Я люблю... : Стихи, поэмы, рассказы]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1997. С. 75. (На тув. яз.).

² Там же.

³ Там же.

В стихотворении татарского поэта превращение необузданного жеребенка, не знающего предела своим мечтам, в ломовую лошадь, тянущую бремя времени, отражает метаморфозу, произошедшую с «я»: «Что со мной? / Жеребенком вольным я был, / Упоенный мечтой. <...> Что со мной? / Я тяну бремя времени / Лошадью ломовой»¹.

Внутринаходимое действующее лицо бытийной ситуации — чувства, названные «бурными волнами юности» («яшьлегемнең шаян дулкыннары»):

<p>Нишләдем? Мин йөгәнсез чапкан бер тай идем, Белми идем хыял чикләрен. <...> Нишләдем? Юрга тайдай түгел, йөк атыдай Тартып барам заман йөкләрен².</p>	<p>Что со мной? Выплескивались чувства мои, Не уместаясь в клетке грудной. <...> Что со мной? Юности бурные волны Запер я в клетке грудной.</p>
---	---

Изображаемые действия имеют нелокальный и временной характер, они оказываются равнопротяженными жизни. Их жизнеохватывающая длительность воплощена в сюжетном движении, основу которого составляет переход от обратной перспективы, т. е. интенции, идущей от чувств («выплескивались»), к прямой — усилиям «я», направленным на то, чтобы вернуть чувства в прежнее пространство, замкнутое и безысходное³. Таким образом, прямая перспектива, страдательная позиция чувств, «запертых» в тесный и узкий локус, — такова «действительность» лирического героя. Но это еще и момент, в который он перестает узнавать себя: «Нишләдем?» («Что я наделал?» или «Что со мной?»). Этот вопрос является структурно-семантическим центром, организующим композицию стихотворения и определяющим его архитектуру. Предположение: «Тупасланганмы әллә хисләрем?» (дословно: «Огрубели ли чувства мои?») — не объясняет произошедших изменений, а лишь вызывает воспоминания:

<p>Йөрәгемне салып күрегенә, Гармун уйный идем кичләрен⁴.</p>	<p>На гармонии играл я весной, Душу в нее вдохнув.</p>
--	--

Все в стихотворении помимо этого нового душевного состояния «я» названо, неназванным остается только оно. Попыткой определить его, ответить на вопрос: «Что со мной?», становится высвобождение чувств, охваченных стремлением преодолеть свою имманентность по отношению к «я», выйти во вне, «оплотнить»⁵ в бытии, став в соответствии со своей текучей, изменчивой, стихийной природой «шальными волнами»:

¹ Современная татарская поэзия / перевод с татарского; сост. Л. Газизова, С. Малышев. Казань: Татар. кн. из-во, 2008. С. 447.

² Юзеев И. Мәңге ян, күңел: шигырьләр, жырлар, балладалар, поэма [Душа, гори вечно: стихи, песни, баллады, поэма]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. С. 69. (На татар. яз.).

³ Возникает аллюзия на стихотворение Г. Тукая «Өзелгән өмид» («Разбитая надежда», 1910), в котором метафора «клетки мира», тесного, ограниченного пространства, противопоставлена «птице души», устремляющейся вверх, в сферу возвышенного.

⁴ Юзеев И. Мәңге ян, күңел: шигырьләр, жырлар, балладалар, поэма [Душа, гори вечно: стихи, песни, баллады, поэма]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. С. 69. (На татар. яз.).

⁵ Термин М. М. Бахтина (см.: Бахтин, 2003: 205).

<p>Нишләдем? Давылламый, эчтә ташый хәзер Сабырланган яшылек хисләрем. Нишләрем — Күкрәгемне ватып чыкса әгәр Сьешалмый яткан көчләрем? Яшьлегемнең шаян дулкыннары Шашып әйтсә миңа: «Нишләдең?!»¹</p>	<p>Что со мной? Юности чувства Ропщут теперь в груди. Что впереди? Что, если чувств Волны шальные, Презрев покой, Вырвавшись, спросят: “Что с тобой?”</p>
--	---

В стихотворении А. Уержаа «Чыннып алган шырайларым одаглары» («Костры лиц, у которых я согревался») осознание лирическим героем неразрывной связи с другими людьми и народом в целом дает возможность заглянуть в свой внутренний мир, раскрывая авторское сознание в «субъектных формах выражения» (Власенко, 1995: 17). Чувство признательности всем, кто дарил ему свое душевное тепло, во многом определяет и выявляет его образ — образ человека благодарного и совестливого, осознающего всеобщую взаимозависимость всех со всеми:

<p>Ээр-дагыр оруктарга чортуп чорааш, Эвээш эвес сеткилдерге өртээлдедим. Чыннып алган шырайларым одаглары Чылдар өттүр чырывышаан турган ышкаш².</p>	<p>Я во многих душах на ночлег оставался, По дорогам извилистым путь свой торя, А костры же тех лиц, чьим теплом согревался, До сих пор сквозь все годы горят и горят.</p>
--	---

Здесь особо выделяется образ одинокого путника, в душе которого все еще горят костры, у которых он грелся. Создается контраст между степью, равнодушно взирющей на звёзды, и лирическим «я», перебирающим чётки имен:

<p>Салым-чолдуң чашканнап каан сылдыстарын Сарыг хову чоомча чокка кайгап чыдар. Аттарыңар эрегезин шууда тудуп, Ам-на харын хая көрнүп, доктаай бердим³.</p>	<p>Эта желтая степь равнодушно взирает На творенье судьбы – россыпь звезд над собой. А я, четки ваших имен перебирая, Оглянулся назад и застыл сам не свой.</p>
--	---

Как и лирический герой И. Юзеева, «я» в стихотворении А. Уержаа переходит с внутренней точки зрения на внешнюю, прямая перспектива уступает место обратной. У татарского поэта рефрен: «Что

¹ Юзеев И. Мәңге ян, күңел: шигырьләр, жырлар, балладалар, поэма [Душа, гори вечно: стихи, песни, баллады, поэма]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. С. 69. (На татар. яз.).

² Уержаа А. К. Ынак-тыр мен...: Шүлүктөр, шүлүглелдер, чечен чугаалар [Я люблю... : Стихи, поэмы, рассказы]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1997. С. 118. (На тув. яз.).

³ Там же.

я наделал?», трансформируется в вопрос: «Что ты наделал?», который адресуют лирическому герою его чувства и который выступает своеобразным авторефлексивным жестом отстранения субъекта речи от самого себя. Аналогичную функцию в стихотворении тувинского поэта выполняет охватившее лирического героя чувство вины:

<p>Ынаньштын, бүүрелдин ишкир хавын Ыят болуп, дүптөп берип шыдавайн, Каңдаан шөлдү ыскарып каан дымырааш дег, Кажыңарны хомудаттым?.. Буруум улуг¹.</p>	<p>В вашей веры в меня и доверия торбы Мало что положил в возмещение затрат. Словно в засуху дождик короткий притворный, Скольких так я обидел?.. Как я виноват!</p>
--	--

В стихотворении И. Юзеева чувства обретают автономную от «я» жизненную силу. Их экстатический порыв сопровождается утратой земной идентичности — разрушением физической субстанции человека (дословно: «Что буду делать — / Если силы, не уместяющиеся в грудной клетке, / разбив ее, выйдут?»). Таким образом, лирический субъект претерпевает изменение строя своей субъективности, обнаруживая несоответствие физически-телесных границ своего «я» и преодолевающего их экзистенциально-эмоционального начала.

А лирический герой А. Уержаа, выступающий одновременно в двух ипостасях: субъекта и объекта, действующего и испытывающего воздействие, переживает катарсическое перерождение, которое сопровождается выходом в творческое измерение бытия: «Чыннып алган шырайларым одаглары, / Чырыңарга харыылаар дээш кызып чор мен...²» («О, костры милых лиц, где пришлось мне погреться, / Я старюсь в ответ спеть вам песню огня...»).

Таким образом в лирике И. Юзеева и А. Уержаа отразилась одна из важнейших тенденций историко-литературного процесса — преодоление границ между субъектом и объектом, видение мира как проекции авторского «я». Здесь лирический субъект предстает как неповторимо-личное «я», связанное с «другим», с «мы», не совпадающее с собой и т. д. Вместе с тем этот субъект выступает и как носитель родового сознания народа, нации, человечества, как «я», равнозначное природно-космическому универсуму, пристально вглядывающееся в границы не только «я» и «другого», но и «я» и мира. В этом плане художественные поиски татарского и тувинского поэтов отражают укрупнение масштабов лирического субъекта, разрушающее его иерархическую соизмеримость с космосом и устанавливающее между ними прямые отношения. От конкретного и индивидуального «я» классической поэзии его отличает синкретичность, несовпадение с самим собой, равновеликость мирозданию, замещаемость объективированными и отчуждаемыми вовне субститутами.

Вероятностно-множественное «я» Р. Ахметзянова и А. Даржая

Художественные системы Р. Ахметзянова³ и А. Даржая³ отражают пути самоопределения лирического героя, обладающего способностью смотреть на себя и на «другого» с разных сторон. Предметом жизненно-эстетического переживания становятся как ситуации самооценности и самостоятельности «я» и «другого», диалогической соотнесенности их кругозоров, так и состояние их синкретической нераздельности, возможности переходов с одной позиции на другую. Природа и родная земля вос-

¹ Уержаа А. К. Ынак-тыр мен...: Шүлүктөр, шүлүглелдер, чечен чугаалар [Я люблю... : Стихи, поэмы, рассказы]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1997. С. 118. (На тув. яз.).

² Там же.

³ Ахметзянов Роберт Валеевич (1935–2008) — Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, лауреат Государственной премии РТ им. Г. Тукая. Родился в с. Рыбная Слобода Республики Татарстан. Автор 20 сборников поэзии.

⁴ Даржай Александр Александрович (1944–2016) — Народный писатель Республики Тыва, лауреат Государственной премии Тувы им. С. А. Сарыг-оола. Родился в с. Суг-Аксы Сут-Хольского района Тувинской автономной области. Автор более 30 книг.

принимаются как области дорефлексивной целостности, но перестают быть объектом изображения, приобретая признаки субъекта, с которым у лирического «я» устанавливаются особые отношения.

Разным формам субъектной организации и разным типам субъектов в лирике Р. Ахметзянова соответствуют образные языки параллелизма, тропов и «простого» слова. Ориентированные друг на друга и находящиеся в эстетических отношениях взаимоосвещения, они создают вероятностно-множественную модель мира, статуса субъекта и его судьбы.

Наиболее распространенный тип субъектно-образных ситуаций в лирике Р. Ахметзянова связан с заложенными в художественной целостности его произведений возможностями косвенного представления субъекта, которые предполагают, что он не только на себя смотрит как на «другого» — как на «ты», но «другого» воспринимает как себя — как «я». Эта тенденция проявилась в стихотворениях «Жэяүле күбэлэк» («Пешая бабочка»), «Гомер тирэге¹» («Дерево жизни»), «Бэхеткэ барыр юлларның» («На дорогах, ведущих к счастью») и др. Выделенной особенности субъектной сферы соответствуют символические формы и иносказательный сюжет. Риторическое развертывание темы определяется не только переходом от внешнего (природного) к внутреннему (человеческому) плану, но и их смешением и формированием синкретической образности.

Рассмотрим в качестве примера миниатюру «Пешая бабочка». Первые строки в ней посвящены «нашей» тоске и «нашим» стремлениям:

<p>Безнең сагыну шундый — ашкынабыз жир үзәге булган төбәккә, йөрәгебез болытларга тигәләп!²</p>	<p>Мы тоскуем, стремясь к центру мира, сердцами облаков касаясь!</p>
---	--

Далее взгляд движется сверху вниз: от облаков — к горам и лесам. Дается конкретная и крупным планом увиденная картина перемещения через пространство, расширяющееся в горизонтальной проекции:

<p>Ә түбәндә таулар, урманнар артына чакырымнар аша жилне жиңеп, жилфер-жилфер килеп, кайта бер күбэлэк! Кайта!³</p>	<p>А внизу, пролетая над горами и лесами, трепеща на ветру, преодолевая его силу, возвращается бабочка! Возвращается!</p>
---	---

Значимой в структуризации горизонтального пути является идея преодоления трудностей и преград. Она реализуется в комплексе образов, отмеченных акустическими и кинетическими процессами и действиями. Интенсивная динамика активного волеизъявления в начале пути взаимодействует с внутренним эмоциональным напряжением, возникающим на самом опасном участке пути, — в противостоянии стихийной силе ветра. Эти строки изобилуют звуковой инструментальной. Монотония гласных звуков «а», «у» («таулар, урманнар артына...») и вторящих им согласных «р», «н» сменяется драматическим противостоянием гласных «и», «е» («жилне жиңеп, жилфер-жилфер...») и согласных «ж», «ф», интонационно затормаживающих темпоритм контекста.

Путь выстраивается по принципу наращивания преград: возможность его пройти ставится под угрозу встречным хаотическим движением листьев, летящих со всех сторон: сверху (из-под облаков), снизу (с тропинок), изнутри (из глубины лесов):

¹ Дословно: тирэк — тополь.

² Әхмәтжанов Р. Хәтер елгасы. Шигырьләр, балладалар, поэмалар [Река памяти. Стихи, баллады, поэмы]. Казан: Тат. кит. нәшр., 1980. С. 130. (На татар. яз.)

³ Там же.

Болытлар астыннан,
давыл сукмагыннан,
каршысына урманнардан
сибелә сары яфрак, —
сары күбәләкләр күч-күч
ятын кала кырда.
Ә бу — кайта! —
жанлы сары яфрак төсле
жил-жил килеп,
калтырап!¹

Из-под облаков,
из тропинок, застланных бурей,
из глубины лесов
летят ей навстречу ворохи листьев желтых,
такой же желтой листвою
другие бабочки
гибнут и застилают поля.
А она —
продолжает путь! —
возвращается куда-то...

Анархический натиск и иррациональная динамика этого противотечения-кружения оказываются губительными — ведут к спутыванию и смешению бабочек и листьев — одушевленного и неодушевленного, живого и мертвого. Но бабочка побеждает и в этом максимально трудном и исполненном риска поединке с враждебными стихиями благодаря телеологичности своего пути.

Образ бабочки, не прикрепленной к определенному локусу, находящейся в состоянии безостановочного движения и борьбы с препятствиями, воплощает дух и энергию неиссякаемого порыва к цели:

Ә бу — кайта! —
жанлы сары яфрак төсле
жил-жил килеп,
калтырап!
Колакларда сабуллашу жыры.
Эллә инде кыска жәен эзләп,
ашыккан кешедәй, очына-талпына
кайта!²

А эта — возвращается! —
как будто оживший желтый листок,
развеваясь на ветру,
дрожа!
Слышится прощальная песня.
Словно торопящийся человек,
потерявший короткое лето,
трепыхаясь, порываясь,
возвращается!

Между бабочкой, желтым листом и человеком, потерявшим короткое лето, возникает такая же связь, как между листьями, птицами и «нашим» летом в стихотворении «Көндәлектән (Өзелеп калган көн)» («Из дневника (Прерванный день)») — не только метафорическая, но и субстанциональная (Аминева, 2016: 283). В финале формулируется итог этих мифологических метаморфоз: пешая бабочка отождествляется с душой летних лугов: «Душа летних лугов — пешая бабочка».

Субъекты соположения, образующие кумулятивный ряд, объединенный семантикой возвращения, создают одну синкретическую реальность. Между возвращающейся бабочкой, человеком, ищущим свое короткое лето, и душой летних лугов устанавливается не только условно-поэтическое сходство, но и субстанциональная неразделенность. На примере истории бабочки рассказывается история души, одержимой идеей возвращения — к самой себе, к истокам и первоосновам собственного бытия (в свое «короткое лето»), в родное пространство. Это почти чистый порыв, самодостаточный и неодолимый, как зов природы. Сливаясь с бабочкой в естественности своего желания, «душа лугов» вместе с тем обнаруживает в себе отсутствие главного качества — способности летать.

Сходная субъектно-образная ситуация возникает в ряде стихотворений известного тувинского поэта А. Даржая: «Шак ол мен мен» («То буду я»), «Өртемчейге чурттап чорааш...» («Живя на белом свете...»), «Дамырак» («Ручеек»), «Кежээки бодал» («Вечерняя мысль») и др.

¹ Әхмәтжанов Р. Хәтер елгасы. Шигырьләр, балладалар, поэмалар [Река памяти. Стихи, баллады, поэмы]. Казан: Тат. кит. нәшр., 1980. С. 130. (На татар. яз.).

² Там же.

Поэзия А. Даржая отличается аутентичностью мотивов, образов и лексического строя, подлинно национальным духом. Одним из вариантов ответа на вопрос «Кто я?» может считаться его стихотворение «Шак ол мен мен» («То буду я»). В ней он видит себя седым стариком, вспоминая свое прошлое, сидя на околице вечерней зарей:

Дун дег кара, сырый башка хыраа душкен	На склоне дня, на склоне дня седой- седой
Дувурел чок, даянгыштыг кырган кижи	Пойдет к околице старик, взяв посох свой,
Кызыл-даван маңнап өскен черин эргип,	Пойдет вечернею зарей взглянуть в луга,
Кызыл-хунде чанып келир: шак ол мен мен ¹ .	Где бегал некогда босой, — то буду я» (Пер. А. Смольникова) ² ;

«босым мальчонкой», бегавшим здесь на лугу и добывавшим в горах хая-чузу — мумиё для заболевшей матери; влюбленным юношей, поджидавшим здесь свою чернооковую; зрелым мужчиной, который, хоть и не совершил подвиг в бою, зато посадил ряд тополей и «прожил честно меж людей». Все стихотворение проникнуто воспеванием простых, но вечных ценностей, придающих жизни человека подлинный и высокий смысл. И, глядя на вечернюю зарю, лирический герой, обнимает внука, воспринимая его как свой рассвет:

Чурттун каазын чарашсынып кайгап ора,	Налюбовавшись красотой зари ночной, Он снова мыслью обоймет свой век
Чуртталганың төнчү чогуң херечилээн Төлүнүн чаш хензиг оглуң кырган кижи	земной, Обнимет внука, потеплев: «Вот мой рассвет!
Дөңмээн орта олуртуптар: шак ол мен мен ³ .	Род мой на свете не умрет!» – то буду я.

Образная система стихотворения строится не на тропеическом⁴ принципе, а на параллельных уподоблениях, репрезентирующих этапы жизненного пути человека. Характерное для рационального сознания линейное мышление переходит в мышление, имеющее концентрическую структуру: быстротечность человеческой жизни, необратимость происходящих изменений уравниваются представлением о вечном возвращении и непрерывном обновлении мира. Оно устанавливает и закрепляет связи «я» с окружающим, близким и отдаленным, общим, стирает пределы свершившегося и возможного, осуществляя прорыв в иной мир и приобретая искупительную телеологию циклического мирового времени. Вероятностно-множественное «я» в лирике А. Даржая восходит к своеобразно понятой идее «пути» как «непрерывной возможности изменений и превращений» (Григорьева, 1982: 161).

Таким образом, в поэзии Р. Ахметзянова и А. Даржая все, что отделяется от «я» и на что можно посмотреть со стороны как на «другого», приводит к пониманию неких необъективируемых и истинных начал, которые проявляются всей субъектно-образной системой стихотворений.

¹ Даржай А. А. Чогаалдар чыындызы: Шүлүктөр, шүлүглөлдөр [Собрание сочинений: Стихи, поэмы]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1994. С. 40. (На тув. яз.).

² Даржай А. А. Избранное. Поэзия и проза. Кызыл: Тываполиграф, 2016. С. 25.

³ Даржай А. А. Чогаалдар чыындызы: ... С. 40.

⁴ Один из образных языков лирики, основанный на использовании тропов, т. е. слов, имеющих переносное значение.

Обращенность «я» к стихиям жизни, любви и творчества (Р. Ахметзянов, Э. Мижит, Р. Гаташ, А. Уержаа, Н. Куулар)

Специфика субъектно-образной целостности лирики татарских и тувинских поэтов раскрывается и в отношениях «я» с субъектами особого типа, точнее — сверхсубъектами, воплощающими надличностное и вневременное по отношению к основной лирической ситуации и ее героям активно-волевое начало.

В лирике Р. Ахметзянова в качестве некоей вневременной самостоятельной силы, выступающей по отношению к лирическому субъекту одновременно и как внешнее, и как внутреннее, как имманентное ему и как трансцендентное начало, выступает летняя природа. Лирический субъект стихотворения «Июнь иле» («Страна Июня») возводит истоки своего «я» к Июню как особому дорефлективному райскому состоянию мира. Летний пейзаж, как высшее пластическое, звуковое и цветное выражение красоты и упорядоченности, открывает Космос, живущий по своим законам и осуществляющий свой смысл в соответствии с высокой целью — гармонического соединения неба и земли, горизонтали и вертикали, солнца и реки, ветра и листьев. Взаимоотношения разных сфер и стихий бытия определяются направлением их встречного движения. Знаками смешения, снятия оппозиций являются образы одуванчиков, сверкающей реки, улыбки солнца на ее берегу:

<p>“Очам!” диеп тора тузганаклар шары. <...> Кояш елмаюу — яшел яр читендә, балкып тора елга яшел рам эчендә!¹</p>	<p>“Полечу!” — говорит одуванчика шар. <...> Улыбка солнца — на краю зеленого берега, сияет река в зеленой раме!</p>
---	--

Говорящий не только смотрит на страну Июня с «внежизненно активной точки зрения»², позволяющей осознать ее самоценность, но и отстраняет от себя свое детство, персонифицируя его в образе «другого» — ребенка, сопричастного окружающему миру природы. В стихотворение входит образ времени, измеряемого и абстрактным количеством («Лесные часы бьют двенадцать...»), и природными ритмами («“А-у!” — я отвечаю через тридцать июней»), и историческими событиями («Война — давно прошла!»). Лирический герой находится в двух временных точках (в прошлом и настоящем), занимая по отношению к ним сложную позицию — переступает из одной в другую и старается соединить их. Поиск утраченного времени и попытка вернуть двенадцатилетнего мальчика в настоящее сопровождается рядом субъектных метаморфоз.

Пережитые в детстве душевные состояния вспоминаются и получают смысл, недоступный «я» в утраченном тогда и обретенном теперь времени. В первую очередь это относится к игровому модусу бытия, преодолевающему преграды, которые сковывают поведение человека в серьезном мире, и дающему экстатическое чувство жизни: «Буду водить тебя по магазинам (не шучу), / выбирай все, что душа пожелает! / Брось деревянную лошадь, / игрушек — бесчисленное множество! / Назло тому времени / вдоволь наиграйся... ау... у!». Иронический тон, обращенный на себя, является следствием того, что говорящий учитывает интенцию своего двойника — ребенка. Высказывание «я», адресованное к мальчику, оставшемуся «там», всем своим ритмико-интонационным и лексико-стилистическим строем снимает временную дистанцию между ними.

В этот, казалось бы, миг обретенного времени лирический субъект переступает в реальное настоящее, в котором происходит превращение мальчика в «сына леса», «моего детства» — в страну Июня. Реализуется мифологическая по своей модальности ситуация, требующая не условно-поэтического, а субстанциального понимания. Перед нами — картина любовного служения, разворачивающаяся в последовательной смене образов. Природа переживает редкий исключительный момент ожидания жениха: «Трава — по пояс, / хор бабочек. / У природы / время ожидания жениха...». Двойник лирического

¹ Эхмәтжанов Р. Хәтер елгасы. Шигырьләр, балладалар, поэмалар [Река памяти. Стихи, баллады, поэмы]. Казан: Тат. кит. нәшр., 1980. С. 54. (На татар. яз.)

² Понятие, введенное М. М. Бахтиным (Бахтин, 1986а: 9–191).

героя не откликается на призыв вернуться и отказывается от внешнего движения, но эта остановка — состояние любовного единения с летней природой:

<p>Шау үләннөр кочып, жәеп ике кулын, гашыйк күзләр белән ята урман угылы...¹</p>	<p>Обняв шумящие травы, раскинув руки, лежит сын леса с влюбленными глазами...</p>
--	--

С преображением мальчика в сына леса, указывающем на природную родословную лирического субъекта, меняет свою модальность и страна Июня: оставаясь временем года, она трансформируется в детство лирического героя:

<p>Июнь жиле исә үләннәрне тарап... Ята бала чагым кошлар юлына карап².</p>	<p>Веет июньский ветер, приглаживая травы... Лежит мое детство, провожая взглядом улетающих вдаль птиц.</p>
--	---

Образно-смысловая связь летнего пейзажа и «моего детства» не только снимает границу между природой и человеком, прошлым и настоящим, но и синкретически смешивает их. Образное соположение говорит о ддящемся и до сих пор ощущаемом бытийном единстве детства и июня, но одновременно и о выходе «я» из этого «райского» состояния: «Заворожен небом, / даже не дышит... / И не зови — / не вернется. / Он счастлив — / там!» Нецентрированное наложение друг на друга двух временных пластов сменяется дистанцированием от этого дорефлексивного бытия и осознанием необратимости текущего времени. Герой возвращается в мир пространственной вертикали, а детство, оставленное «там», лишается активности, динамичности, оставаясь неподвижным в мире, смещенном горизонтально.

В лирике Э. Мижита³ чертами сверхсубъекта, обладающего постулируемой самостоятельностью, наделяются «корни», к осмыслению многосторонних связей с которыми устремлена лирико-философская мысль поэта. В верлибре⁴ «Корни мои» глубоко личные мотивы и образы сплавлены воедино с образами бесконечной вселенной и бесконечного времени. В одном сочинительно-перечислительном ряду оказываются капли вечных напевов и напитков богов:

Корни мои —
в тех высоких хребтах
с погасшей золой и пеплом,
оставшихся от очагов
моих предков,

¹ Эхмәтжанов Р. Хәтер елгасы. Шигырьләр, балладалар, поэмалар [Река памяти. Стихи, баллады, поэмы]. Казан: Тат. кит. нәшр., 1980. С. 56. (На татар. яз.).

² Там же.

³ Мижит Эдуард Баирович (1961) — Народный писатель Республики Тыва, лауреат премии Министерства культуры и кино РТ, заслуженный деятель искусств РТ. Родился в с. Торгалыг Улуг-Хемского района Тувинской АССР. Автор 9 сборников поэзии и драматургии.

⁴ Верлибр (фр. *vers libre* свободный стих) — стихотворение, строящееся на интонационно-синтаксической основе, не связанной ни рифмой, ни определенной метрикой.

и в тех вечных напевах,
по каплям вливавшихся в мою душу
из уст моей матери,
словно некий напиток богов¹;
безмерность мира и крохотное сердце, вместившее его в себя:

Корни мои —
в том самом мгновеньи,
когда я
совсем еще ребенком
впервые осознал
всю безмерность этого мира,
и эта безмерность
каким-то чудом
угнездилась, как птенчик,
в моем крохотном
сердце²;

маленький сын и улетающие птицы как символ и скоротечности, и бесконечной повторяемости жизни и времени; глаза любимой, звездное небо, земля, сердцевина жизни и т. д.:

Корни мои
вросли
в это звездное небо,
в эту землю
и сердцевину жизни,
где бьют самые чистые
и сокровенные
источники бытия³.

Символика корней проявляет характерную для данной национальной традиции связь «я» с «самыми чистыми и сокровенными источниками бытия» как сферой внеличного, переходящего и становящегося личным. В финале стихотворения вырисовывается космический образ человека, сравнимого с мифологическим мировым деревом, являющимся осью Вселенной: «...И не так-то легко / вырвать меня с корнем / из этого мира, / не причинив ему / боли». Все вышеперечисленные поэтические образы занимают позицию вневременности и внежизненной активности по отношению к миру «я». Возникающей субъектной ситуации соответствуют мифопоэтические «языки» кумуляции и параллелизма.

Несколько иная тенденция выражена в стихотворении Э. Мижита «Бездна». Определяя себя через свое отношение к миру, лирический герой поэта, наряду с глубоко личными и национальными образами, использует наднациональные, общечеловеческие образы и мотивы:

Не все перебираются
через топкую чащу тайги —
кто-то попадает не на ту тропу
в ее лабиринте,
и они,
побуждая идущих
теснее сбиться в кучу,
исчезают в бездне лесов...⁴

¹ Мижит Э. Б. Расколотый миг. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2011. С. 21.

² Там же. С. 22.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 62.

«Я», являясь частью всего человечества, как и все люди, несмотря на все свои удачи и неудачи, взлеты и падения, бессилен перед бездной небытия, в которой он исчезает, «не вызывая ни в ком ни страха, ни удивления»:

Не все доходят до цели.
 Не всех успевают спасти.
 Но тот,
 кто доплыл,
 дошел
 и дополз,
 видит перед собой
 всё ту же могильную яму...¹

О новаторских поисках Э. Мижита и его стремлении раскрывать для читателя сложнейшие философские понятия пишут в своих статьях литературоведы Л. С. Дампилова, А. Л. Кошелева, А. М. Соян, У. А. Донгак, О. А. Валикова, Б. Е. Шагимгиреева, Ш. А. Кулиева (Дампилова, 2014; Кошелева, 2016; Соян, 2018; Донгак, 2020; Валикова, Шагимгиреева, Кулиева, 2020).

В стихотворениях Р. Гаташа² в качестве сверхсубъекта, наделенного бытийной полновесностью и способностью воздействовать на жизнь людей выступает Песня / Мелодия. Так, стихотворение «Уел»³ примыкает к «Милли моңнар» («Национальным мелодиям», 1909) Г. Тукая и развивает заложенные в субъектной архитектонике этого произведения диалогические структуры.

В «Уел» несколько семантических центров, обозначенных как «мы», «много повидавшая восьми-десятилетняя старушка», «песня», «мелодия», «душа народа». Субъект речи обозначен как «мы», будучи носителем обобщенно-личного сознания людей, слушающих исполнение песни «Уел» и объединенных общностью эстетического переживания:

<p>Күпне күргән сиксән яшьлек әби Бер жырлады безгә «Уел»ны; Күзләр коры иде, тавышындагы Яшьләр гүя жанга коелды...⁴</p>	<p>Бабушка восьмидесяти лет пела нам «Уел» в тени березы... Слезы нам не затмевали свет, но светло вскипали в душах слезы. (Пер. Р. Бухараева⁵)</p>
---	--

Слезы, заключенные в голос исполнительницы песни, проникают в души слушателей, а в последующих строфах превращаются в Историю и в реку Агидель, оказываются равнопротяженными им. Как и в «Национальных мелодиях» Г. Тукая, в «Уел» Р. Гаташа голос одного человека, исполнителя песни, становится голосом целого — «души народа» (*халык жаны*). Между «я» и «мы» устанавливаются экзистенциальные отношения тождества, единства, взаимопроникновения. Пришедшая издалека печаль, извлеченная из сердца и воплощенная в старинной мелодии, выявляет то, что свойственно внутреннему миру всех представителей этноса, — общее в мировосприятии, жизненной позиции, идейно-эмоциональных реакциях на явления действительности. Родовое сознание людей, размышляющих о судьбе своей страны, сливается с сознанием личности, концентрирующей в своем внутреннем мире эмоционально-психологический опыт «мы» народа.

¹ Мижит Э. Б. Расколотый миг. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2011. С. 62.

² Радиф Гаташ (Гатаулин Радиф Кашфулович) (1941) — Заслуженный работник культуры Татарстана, Заслуженный деятель искусств Татарстана, лауреат Государственной премии им. Г. Тукая, литературной премии им. Х. Такташа. Родился в деревне Марс Кушнаренковского района Башкирской АССР. Автор более 20 сборников поэзии.

³ Уел — старинная татарская народная протяжная песня.

⁴ Гаташ Р. К. Сайланма әсәрләр [Избранные произведения]: 3 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. Т. 2. Шигырьләр, поэмалар [Стихи, поэмы]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. С. 18. (На татар. яз.).

⁵ Гатаулин Р. К. Сороковая весна: Стихи и поэмы / пер. с татарск. М.: Современник, 1985. С. 9.

В песне, как в форме своего инобытия, прошлое оказывается не только свершившимся, но и со-
вершающимся, вновь оживающим перед духовным взором слушателей:

<p>Жиллэр исте... Батыр ирлэр үтте, Иллэр үтте кичеп уемнан; Ил язмышы йөрөклэргэ безнең «Уел»лары белән уелган.</p> <p>Бар булганы белән халык жаны Яшеренгән шушы моңнарга...¹</p>	<p>Слушал я — и сильные ветра душу мне пронизывали, словно древняя суровая пора вновь пришла и захватила кровно; растекалась музыка, как дым под осенней синью небосвода, всем извечным существом своим нам отозвалась душа народа...²</p>
---	---

Лирическое «я», «мы», старушка, исполняющая старинную песню, «душа народа», сохранившаяся в ней, — все они образуют субъектную целостность, главными чертами которой являются нераздельность и их взаимопереходы «я» в «мы», «я» в «другого», «я» в «душу народа». Субъектный синкретизм перерастает в образный. Поток песни–времени–истории–реки течет в едином русле конкретных человеческих судеб, связывая минувшее, настоящее и будущее и формируя подвижную реальность народно-исторического бытия. Старинная мелодия, живущая в сокровенных тайниках души каждого и имеющая межличностную природу, не исчезает, сопрягая внутренний мир человека с областью универсального и вечного и обеспечивая поступательное движение истории. Осмысление тех отношений, которые связывают духовные ориентиры личности с константами национально-исторической жизни, определяет меру самосознания лирического субъекта, пути его самоидентификации. В финале стихотворения говорящий переходит с внутренней точки зрения на внешнюю и из «мы–я» становится неопределенным лицом (в переводе, выполненном Р. Бухараевым, эта особенность оригинала не сохраняется, используется форма «мы»). Достигнутое дистанцирование от субъекта речи — обозначение внутренней границы между героем и автором.

В стихотворении А. Уержаа «Ынак-тыр мен...» («Я люблю...») судьба личности воссоздается в ее соотнесенности с природно-национальными основами бытия. Выражая свое отношение к миру, а именно глубокую и безграничную любовь к нему, лирический герой приоткрывает завесу и в область своих мыслей и чувств:

<p>Ынак-тыр мен... Өртемчейде Чүрээмге чоок, эргим төрел Чүү-ле бар-дыр, сувуразын Ырлап чор мен — ынак-тыр мен³.</p>	<p>Я люблю в бесконечной Вселенной Все, что близко мне сердцу, что дорого мне, Все, что есть, всей любовью безмерной, — Прославляю я песней своей все нежней.</p>
--	---

Глубоко прочувствованное и взволнованное перечисление образов всего того, что любит лири-
ческий герой, создает структуры, отличительной особенностью которых является их «открытость»
и «перетекаемость» друг в друга:

¹ Гаташ Р. К. Сайланма әсәрләр [Избранные произведения]: 3 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. Т. 2. Шигырьләр, поэмалар [Стихи, поэмы]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. С. 18. (На татар. яз.).

² Гатауллин Р. К. Сороковая весна: Стихи и поэмы / пер. с татарск. М.: Современник, 1985. С. 10.

³ Уержаа А. К. Ынак-тыр мен...: Шүлүктөр, шүлүглелдер, чечен чугаалар [Я люблю... : Стихи, поэмы, рассказы]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1997. С. 5.

Таким образом, в отличие от бытующего в некоторых национальных литературах образа своей родины как маленького уголка, как окраины большой страны и мира, Э. Мижит впервые в тувинской поэзии определяет свою родину как духовный центр мироздания, в котором «Бог видит его насквозь». В этом выражается его идея о том, что через его сердце, как и через сердца всех людей, проходит духовная ось, связывающая дух и материю, небо и землю, Бога и его творение. Мир для него подобен умозрительной сфере Паскаля (и античных философов), центр которой везде, а окружность — нигде.

Так же, как и А. Уержаа, неотделимой частицей родного народа определяет себя и видный писатель Н. Куулар¹. «Көшкүн хевээр улус-тур бис» («Мы — все те же кочевники») — восклицает поэт в стихотворении «Сагыжывыс көшкүн хевээр» («Нашим душам снятся кочевья»). Раскрывается образ кочевника — человека, готового в любой момент сложить юрту и отправиться в путь, который, растворяясь в мелькании лет и теряясь в дорогах, бросает взгляд за частокол гор, человека, для которого кочевье — мечта:

<p>Адаларның өскен аалы — Азий диптиң делгем хөрээ — амдыгаа дээр бисти танып, аадып-чайгап аьткарган дег, чагырга чок, хостал күзээр сагыжывыс көшкүн хевээр².</p>	<p>Аал, вскормивший отцов Широкой Азией-грудью, Скрепивший весь род сетями морщин, Еще ребенку стелет под ноги дорогу, — Чтобы жить кочевьем — мечтою, Непокойной, неуловимой. (Пер. А. Метелькова³)</p>
--	---

Таким же образом он идентифицирует себя через образы отца и матери, родного дома и природы родного края в стихотворении «Эглип келбес ада-ием...» («Дом родителей моих, покинутый ими...»). В звонком журчании речного переката он слышит голос матери, в шуме горного ветра — голос отца и мечтает так же дать ответ своим потомкам эхом звуков родной стороны, т. е. стать частью всего того, что он любит:

<p>Бодум тыным үстү бээрге, бодалдарым чүглүг хөөнү улузумга улаштырып, ужуп дойлуп дыңналыр боор⁴.</p>	<p>Мне бы так же, когда мое время настанет, Эхом звуков родной стороны Дать ответ на потомков своих призыванье Из души и земли глубины. (Пер. Э. Мижита)</p>
--	--

В стихотворении «Сөс» («Слово») Н. Куулар позиционирует себя, как поэта, но не как демиурга, облеченного мистической властью, а как частицу, каплю святого Слова:

¹ Куулар Николай Шагдыр-оолович (1958) — Народный писатель Республики Тыва, Заслуженный работник культуры РТ. Родился в с. Торгалыг Овюрского района Тувинской автономной области. Автор 14 книг.

² Куулар Н. Ш. Даңгына: Шүлүктөр [Принцесса: Стихи]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1996. С. 6. (На тув. яз.)

³ Куулар Н. Полночный ветер. Стихи // Сибирские огни. 2014, № 9, сентябрь. С. 115.

⁴ Куулар Н. Ш. Чолдуң ному: Шүлүктөр, очулгалар [Книга пути: Стихи, переводы]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2006. С. 9. (На тув. яз.)

<p>Делегейде амылыгны чаяап, тынгарган, делгемнерни, үелерни чыырып, чагырган, бүгүдениң мурнунда бар турган, бүгүдениң соонда база артар — ыдык Сөске кезээде бараалгаан ынай бараскан, хензиг быйыргын — мээң үүлем...¹</p>	<p>Плоть живую сотворившего, дыханье давшего, Время сжавшего, пространство развернувшего, Прежде – бывшего И после – будущего, Святого Слова не вечный паломник я, Ничтожный, почти неуместный. (Пер. А. Метелькова²)</p>
--	--

Он как поэт, «щурится от гордости, слова расставляя», но готов принять, смириться и раствориться в величии Слова: «Покорно судьбе, / Оплакав полет свой недолгий, / Величие Слова принять, / Смириться и раствориться...»³.

Итак, татарские и тувинские поэты, идентифицируя себя как личность, не отделяют себя от своего народа, родины, от мира и вселенной. При всей своей оригинальности и непохожести творческих индивидуальностей, их объединяет чувство единства со своим народом, родиной, природой и миром, мышление о себе как неотделимой части всего этого. Отсюда повторяющийся в разных национальных литературах тип субъектно-образной ситуации, в основе которой — «скользящая» интенция «я», позволяющая ему быть и внутринаходимым действующим лицом в драме существования, и переходить на позицию вненаходимости по отношению к сверхсубъектам, воплощающим внеличное / дорефлексивное сознание, — родной земле, стихиям природы, любви и творчества. Диалог литератур в данном случае подчеркивает семиотическую однородность корреспондирующих текстов татарских и тувинских авторов, выявляет то, что кардинально отличает их от западного типа мышления и сознания, которому свойственен крайний индивидуализм.

Заклучение

В татарской и тувинской поэзии 1970–1990-х гг. складываются сходные типы субъектно-образных структур. В лирике И. Юзеева и А. Уержаа проявления ментального и психического мира лирического субъекта объективируются, превращаются в самостоятельную субстанцию, наделяются своей интенцией и речью. Субъект речи занимает позицию авторефлексивной вненаходимости по отношению к самому себе. Отстранение от «я» — выражение внутренней границы между героем и автором, которая выводит субъектно-образную целостность произведения на уровень метаизображения.

В художественной системе Р. Ахметзянова и А. Даржая «я» оказывается вероятно-множественным, не совпадающим с самим собой, вбирающим в себя интенцию «другого». Создается уникальная ситуация нераздельности «я» и «другого» и вместе с тем пространственной и временной дистанционности «я» от «ты», «я» нынешнего от «я» прежнего и т. д. В субъектно-образные структуры стихотворений поэтов, представляющих разные национальные традиции, проникает логика мифа: лирический герой совмещает в себе два вида сознания — народно-мифологическое и индивидуально-творческое.

Одним из определяющих компонентов художественного высказывания татарских и тувинских поэтов (Р. Гаташа, Э. Мижита, Н. Куулара) является обращенность их «я» к стихиям жизни, природы, любви и творчества, изображение которых тяготеет к метаморфическому, субстанциальному типу образности. В диалогической обращенности к этому «другому», стоящему за пределами сознания «я», выявляется жизненно-творческая позиция «героя» и «автора». Субъектным ситуациям соответствуют мифопоэтические языки кумуляции и параллелизма.

Вместе с тем сходное в творчестве татарских и тувинских поэтов по форме не является таковым по своей сути, истокам, внутренней природе. Субъектно-образная целостность татарской лирики ре-

¹ Куулар Н. Ш. Даңгына: Шүлүктөр [Принцесса: Стихи]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1996. С. 76. (На тув. яз.).

² Куулар Н. Полночный ветер. Стихи // Сибирские огни. 2014, № 9, сентябрь. С. 114.

³ Там же.

презентирует характерные для данного типа культуры¹ взаимно-однозначные соответствия и взаимопереходы индивидуально-психологического и родового, единичного и единого, конкретного и универсального. Стоит отметить, что в тувинской поэзии действуют несколько иные эстетические закономерности и «процедуры» порождения смысла. Субъект высказывания присутствует в тексте как «я», но это «я» отступает на второй план и его состояние раскрывается через других — водопад, корни, загадку, Небо и Землю, Слово и т. д. (А. Уержаа, Э. Мижит, Н. Куулар). Между «я» и «не-я» устанавливаются не столько взаимно-однозначные соответствия, сколько отношения взаимовключенности и взаимозамещаемости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аминова, В. Р. (2016) Не-(пост) классическая картина мира в национальном историко-литературном процессе (на материале лирики Р. Ахметзянова) // *Studia Litterarum*. Том 1. № 3–4. С. 278–297.
- Бахтин, М. М. (1986а) Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство. 445 с.
- Бахтин, М. М. (1986б) Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2 изд. М. : Искусство. 445 с. С. 297–325.
- Бахтин, М. М. (2003) Собрание сочинений : в 7 т. М. : Русские словари ; Языки славянских культур. Т. 1. 958 с.
- Баянов, А. Р. (1985) Гаташ турында [О Р. Гаташе] // Баянов Э. Заман сурәтләре: лирик язмалар, мәкаләләр, очерктар [Лики времени]. Казан: Татар. кит. нәшр. 271 с. С. 199–230. (На татар. яз.)
- Бройтман, С. Н. (1997) Русская лирика XIX — начала XX веков в свете исторической поэтики. Субъектно-образная структура. М. : Российск. гос. гуманит. ун-т. 307 с.
- Валикова, О. А., Шагигиреева, Б. Е., Кулиева, Ш. А. (2020) Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 230–249. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.16
- Власенко, Т. Л. (1995) Литература как форма авторского сознания. М. : Наука. 223 с.
- Гаджиева, З. З. (2015) Жанр исповеди в творчестве аварских поэтов в эпоху «душевного томления» // *Вестник института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы*. № 8. С. 107–117.
- Ганиева, Р. К. (2009) Заманның шигъри пәйгамбәре [Поэтический пророк времени] // Гаташнамә. Рәдиф Гатауллин-Гаташ иҗаты турында сәхифәләр. Мәкаләләр, эсселар, шигырьләр [Книга о Гаташе. Страницы о творчестве Р. Гатауллина — Гаташа]. Казань : Дом печати. 439 с. С. 370–377 (На татар. яз.)
- Григорьева, Т. П. (1982) Даосская и буддийская модели мира (предварительные заметки) // *Дао и даосизм в Китае* / отв. ред. Л. С. Васильев, Е. Б. Поршнева. М. : Наука. 289 с. С. 159–179.
- Дампилова, Л. С. (2014) Мотив двойничества в поэзии Эдуарда Мижита // *Сибирский филологический журнал*. № 3. С. 158–163.
- Донгак, У. А. (2014) Иволги напев живой: В новом облике древнего слова. Абакан : Журналист. 288 с.
- Донгак, У. А. (2020) Новаторство писателя-билингва Эдуарда Мижита (тувинская поэзия) [Электронный ресурс] // *Полилингвистичность и транскультурные практики*. Т. 17. № 4. URL: <http://journals.rudn.ru/polylinguality/issue/view/1367> (дата обращения: 15.12.20). DOI: www.doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-4
- Дюришин, Д. (1979) Теория сравнительного изучения литературы / пер. со словац. М. : Прогресс. 320 с.
- Загидуллина, Д. Ф. (2015) 1960–1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр [Татарская литература 1960–1980 гг.: авангардные поиски и эксперименты]. Казань : Татарск. кн. изд-во. 383 с. (На татар. яз.)
- Загидуллина, Д. Ф., Йосыпова, Н. М. (2011) XX гасыр татар әдәбияты тарихы: дәреслек [Татарская литература XX в.: в 2 кн. Казан : Казан университеты, 2011. 2 нче китап: XX йөзгә икенче яртысында татар әдәбияты [Книга 2: Татарская литература второй половины XX в.]. 196 б. (На татар. яз.)

¹ Как свидетельствуют работы А. В. Смирнова, для арабо-мусульманской поэтики принципиальным и неустраняемым моментом является адресация к смыслу, в связи с чем здесь многое понимается иначе, нежели в западной традиции. Нахождение смысла здесь требует не абстрагирующего очищения от специфицирующих признаков, а перехода от отдельных явлений к той области, которая лежит вне их и в которой они совпадают. Родо-видовые механизмы осмысления содержания понятий и изложения материала блокируются художественным сознанием мусульманского Востока с его столь же фундаментальной и универсально признаваемой теорией «указания на смысл» (Смирнов, 2001).

Имихелова, С. С., Болдонова, И. С. (2017) Отражение кризиса самоидентификации личности в литературе позднесоветского времени // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 2. С. 148–155.

Калзан, А. К. (1991) Өзүлдениң демдектери [Приметы роста]. Кызыл : Тувин. кн. изд-во. 304 с. (На тув. яз.)

Корман, Б. О. (2006) Избранные труды. Теория литературы. Ижевск : Ин-т компьютерных исследований. 552 с.

Кошелева, А. Л. (2016) Парадигма образного воплощения и имманентного синтеза категорий «Пространство», «Время» и «Человек» в лирико-философской поэме народного писателя Республики Тыва Э. Мижита «Пируэты мысли» // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития: сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции, (г. Махачкала, 15 мая 2016 г.). Махачкала : Издательство «Апробация». 83 с. С. 20–24.

Лейдерман, Н. Л., Липовецкий, М. Н. (2001) Современная русская литература: в 3 кн. М. : Эдиториал УРСС. Кн. 2: Семидесятые годы. 288 с.

Мижит, Л. С. (2013) Тувинское трехстишие. Триада в тувинской традиционной культуре. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 138 с.

Мижит, Л. С. (2015) Тыва шүлүк чогаалының делегейинде [Мир тувинской поэзии]. Кызыл : Тываполиграф. 170 с. (На тув. яз.)

Миңнегулов, Х. Ю. (1995) Шигъри сүзгә тугрылык [Верность поэтическому слову] // Мирас. № 3. 44–46 б. (На татар. яз.)

Псху, А. А.-К. (2007) Национальный мир и художественные образы лирики Микаэля Чикатуева : автореф. дис. ... к. ф. н. Нальчик. 23 с.

Родионов, В. Г., Родионова, Э. В. (2019) Геннадий Айги в контексте чувашской литературной жизни второй половины XX века. Чебоксары : ЧГТГН. 84 с.

Самдан, З. Б. (2005) Тыва чогаалдың кокпалары-биле [По тропам тувинской словесности]. Кызыл : Респ. типогр. 160 с. (На тув. яз.)

Смирнов, А. В. (2001) Номинативность и содержательность: почему не критическое исследование «универсальной культуры» грозит заблуждением // Универсалии восточных культур / отв. ред. М. С. Степанянц. М. : Изд. фирма «Восточная литература». 431 с. С. 290–317.

Соян, А. М. (2018) Образы-символы в поэмах Э. Мижита // Мир науки, культуры, образования. № 6 (73). С. 563–564.

Султанов, К. К. (2008) Этнокультурная идентичность как проблема литературоведческого анализа // Международные Ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития. М. : ИМЛИ РАН. 472 с. С. 338–347.

Тыва уран чогаал: сөөлгү үениң шинчилелдери [Тувинская литература: современные исследования] (2009) / составитель Л. С. Мижит. Кызыл : Тываполиграф. 208 с. (На тув. яз.)

Шибанов, В. Л. (2012) Удмуртская поэзия конца XX — начала XXI вв. // Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.) / науч. ред. В. Р. Аминова. Барнаул : ИГ «Си-пресс». 234 с. С. 161–176.

Yuzmukhametova, L. N., Amineva, V. R., Shimonik, D. (2018) Comparative poetics as a method of studying inter literary dialogues // Opcion. Vol. 34, Is. Special Issue 17. P. 1006–1016.

Дата поступления: 01.02.2021 г.

REFERENCES

Amineva, V. R. (2016) Ne-(post) klassicheskaya kartina mira v natsional'nom istoriko-literaturnom protsesse (na materiale liriki R. Akhmetzyanova) [Non-(post) classical picture of the world in the national historical and literary process: the poetry of R. Akhmetzyanov]. *Studia Litterarum*, vol. 1 (3–4), pp. 278–297. (In Russ.)

Bakhtin, M. M. (1986a) *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal art]*. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo. 445 p. (In Russ.)

Bakhtin, M. M. (1986b) Problemy teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh [The problem of the text in linguistics, philology and other humanities]. In: Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]*. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo. 445 p. Pp. 297–325. (In Russ.)

Bakhtin, M. M. (2003) *Sobraniye sochineniy [Collected works]: in 7 vols.* Moscow, Russkiye slovari; Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vol. 1. 958 p. (In Russ.)

Broytman, S. N. (1997) *Russkaya lirika XX — nachala XXI vekov v istoricheskoy poetiki. Sub'yektno-obraznaya struktura [Russian lyrics of the 19th — early 20th centuries in the light of historical poetics: a subject-image structure]*. Moscow, Rossiysk. gos. gumanit. un-t. 307 p. (In Russ.)

Valikova, O. A., Shagimgireyeva, B. Ye. and Kuliyeva Sh. A. Kosmos v logose: translingval'naya poeziya Eduarda Mizhita i Bakhyta Kairbekova [Cosmos in Logos: Translingual Poetry by Eduard Mizhit and Bakhyt Kairbekov]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 230–249. (In Russ.) DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.16

Gadzhiiyeva, Z. Z. (2015) Zhanr ispovedi v tvorchestve avarskikh poetov v epokhu «dushevnoy tomleniya» [The genre of confession in the poetry of Avar poets in the epoch of “Mental languor”]. *Vestnik instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy*, no. 8, pp. 107–117. (In Russ.)

Ganieva, R. K. (2009) Zamannyng shig'ri pëigambëre [The poetic prophet of his time]. In: *Gatashnama. Radif Gataullin-Gatash iŋqaty turynda sakhifälär. Mäkalälär, esselar, shigyr'lar* [A Book of Gatasi: The works of R. Gataullin-Gatash]. Kazan', Dom pechatı. 439 p. Pp. 370–377. (In Tatar)

Grigor'yeva, T. P. (1982) Daoskaya i buddiyskaya modeli mira (predvaritel'nyye zametki) [Taoist and Buddhist Models of the World (preliminary notes)]. In: *Dao i daosizm v Kitaye* [Tao and Taoism in China]. Ed. by L. S. Vasilyev and E. B. Porshneva. Moscow, Nauka. 289 p. Pp. 159–178. (In Russ.)

Dampilova, L. S. (2014) Motivnichestva dvoynichestva v poezii Eduarda Mizhita [The motif of duality in the poetry of Eduard Mizhit]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, no. 3, pp. 158–163. (In Russ.)

Dongak, U. A. (2014) *Ivolgi napev zhivoy: V novom oblike drevnego slova* [The golden oriole's chant: The new guise of an ancient word]. Abakan, Zhurnalıst. 288 p. (In Russ. and Tuv.)

Dongak, U. A. (2020) Novatorstvo pisatelya-bilingva Eduarda Mizhita (tuvinskaya poeziya) [New poetic methods in the literary imagination of the bilingual writer Eduard Mizhit (Tuvan poetry)]. *Polylinguality and transcultural practices*, vol. 17, no. 4, pp. 462–474 (In Russ.) DOI: www.doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474

Đurišin, D. (1979) *Teoriya sravnitel'nogo izucheniya literatury* [Theory of literary comparatistics] / Transl. from Slov. Moscow, Progress. 320 p. (In Russ.)

Zagidullina, D. F. (2015) *1960–1980 ellar tatar ädäbiyatı: iangarysh mäidannary häm avangard ezlänülär* [The Tatar literature of the 1960–1980s: avant-garde experimentation]. Kazan', Tatar book publ. 383 p. (In Tatar.)

Zahidullina, D. F. and Yusypova, N. M. (2011) *XX gasyr tatar ädäbiyatı tarikhy: däreslek* [Tatar literature of the 20th century]: in 2 books. Kazan, Kazan universitety. Book 2. Tatar literature of the second half of the XX century. 196 p. (In Tatar.)

Imikhelova, S. S. and Boldonova, I. S. (2017) Otrazheniye krizisa samoidentifikatsii lichnosti v literature pozdne-sovetskogo vremeni [The reflection of the self-identification crisis in the literature of the late Soviet period]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 2, pp. 148–155. (In Russ.)

Kalzan, A. K. (1991) *Özüldening demdekteri* [Signs of growth]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 304 p. (In Tuv.)

Korman, B. O. (2006) *Izbrannyye trudy. Teoriya literatury* [Selected works. Theory of literature]. Izhevsk, Institute of Computer Research. 552 p. (In Russ.)

Kosheleva, A. L. (2016) Paradigma obraznogo voploshcheniya i immanentnogo pisatelya kategoriy «Prostranstvo», «Vremya» i «Chelovek» v liriko-filosofskoy poeme narodnogo gosudarstva Respubliki Tyva E. Mizhita «Piruety mysli» [The paradigm of the figurative embodiment and immanent synthesis of the categories of “Space”, “Time” and “Man” in the philosophical poem “Pirouettes of Thought” by the People's Writer of the Republic of Tuva E. Mizhit]. In: *Filologiya i kul'turologiya: sovremennyye problemy i perspektivy razvitiya* [Philology and Cultural Studies: modern problems and Prospects of Development]: collection of materials of the 20th International Scientific and Practical Conference, (Makhachkala, May 15, 2016). Makhachkala, Aprobatsiya Publ. 83 p. Pp. 20–24. (In Russ.)

Leiderman, N. L. and Lipovetskii M. N. (2001) *Sovremennaya russkaya literatura* [Modern Russian literature]: in 3 books. Moscow, Editorial URSS. Book 2: Semidesyatye gody [The seventies]. 288 p. (In Russ.)

Mizhit, L. S. (2013) *Tuvinskoe trekhstishie. Triada v tuvinskoi traditsionnoi kul'ture* [Tuva tercet: the Triad in Tuvan traditional culture]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 138 p. (In Russ.)

Mizhit, L. S. (2015) *Tyva shülük chogaalynyng delegeiinde* [The world of Tuvan poetry]. Kyzyl, Tyvapoligraf. 170 p. (In Tuv.)

Mingnegulov, Kh. Yu. (1995) Shig'ri süzgö tugrylyk [Faithful to the poetic word]. *Miras*, no. 3, pp. 44–46. (In Tatar.)

Pskhu, A. A.-K. (2007) *Natsional'nyy mir i khudozhestvennyye obrazy liriki Mikaelya Chikatuyeva* [The ethnic world and imagery in the lyrics by Mikael Chikatuev] : Abstract of Diss. ... Candidate of Philology. Nal'chik. 23 p. (In Russ.)

Rodionov, V. G. and Rodionova, E. V. (2019) *Gennadiy Aygi v kontekste chuvashskoy literaturnoy zhizni vtoroy poloviny XX veka* [Gennady Aigi in the context of the Chuvash literary life of the second half of the 20th century]. Cheboksary, CHGTGN. 84 p. (In Russ.)

Samdan, Z. B. (2005) *Tyva chogaaldyng kokpalary-bile* [On the paths of Tuvan literature]. Kyzyl, Resp. tipogr. 160 p. (In Tuv.)

Smirnov, A. V. (2001) Nominativnost' i sodержatel'nost': pochemu nekriticheskoye issledovaniye «universal'nykh kul'tury» grozit zabluzhdeniyem [Nominativity and substance: why noncritical research of “cultural universalia” may delude us]. In: *Universalii vostochnykh kul'tur [Universalia of Eastern Cultures]*. Ed. by M. S. Stepanyaynst. Moscow, Vostochnaya literatura. 431p. Pp. 290–317. (In Russ.)

Soyan, A. M. (2018) Obrazy-simvoly v poemakh E. Mizhita [Symbolic imagery in the poems by E. Mizhit]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no. 6 (73), pp. 563–564. (In Russ.)

Sultanov, K. K. (2008) Etnokul'turnaya identichnost' kak problema literaturovedcheskogo analiza [Ethnocultural identity as a problem of literary analysis]. In: *Mezhdunarodnyye Lomidzevskiyechteniya. Izucheniye literatur i fol'klora narodov Rossii i SNG: Teoriya. Istoriya. Problemy sovremennogo razvitiya [International Lomidze Readings. Studying the literature and folklore of the peoples of Russia and the CIS: Theory. History. Problems of modern development]*. Moscow, IMLI RAN. 472 p. Pp. 338–347. (In Russ.)

Tyva uran chogaal: söölgü üening shinchilelder [Tuvan literature: modern research] (2009) / comp. by L. S. Mizhit. Kyzyl, Tyvapoligraf. 208 p. (In Tuv.)

Shibanov, V. L. (2012) Udmurtskaya poeziya kontsa XX – nachala XXI vv. [Udmurt poetry of the late 20th and early 21st centuries.]. In: *Natsional'nyye literatury respublik Povolzh'ya (1980–2010 gg.) [National literatures of the republics of the Volga region, 1980–2010]* / ed. by V. R. Amineva. Barnaul, IG «Si-press». 234 p. Pp. 161–176. (In Russ.)

Yuzmukhametova, L. N., Amineva, V. R. and Shimonik, D. (2018) Comparative poetics as a method of studying inter literary dialogues. *Opcion*, vol. 34, Special Issue 17, pp. 1006–1016.

Submission date: 01.02.2021.

Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва

Александр Л. Арефьев

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина; Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Российская Федерация,

Улданай М. Бахтикиреева, Владимир П. Синячкин

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье анализируется современное состояние языкового образования как билингвального в системе школьного образования Тувы на фоне общероссийских процессов в этой сфере. В постсоветское время во всех регионах разворачивается неоднозначная ситуация в сфере языкового образования, связанная с особенностями демографического состояния сообществ и языковой политикой.

История преобразований в сфере лингвистического образования в Туве неразрывно связана с разновекторными изменениями национально-языковой политики России. Наряду с судьбоносными для тувинского народа позитивными изменениями неизбежными были и потери и, в частности — социокультурной и собственно лингвистической витальности тувинского языка в системе образования. По всей видимости, процесс этот закономерный, если рассматривать это соотношение в масштабах всех миноритарных языков не только в РФ, но и мире.

В отличие от других национальных республик России Тува долгое время была, в основном, моноязычной. Тем не менее за почти восемьдесят лет нахождения республики в составе российского государства здесь выросло по крайней мере два поколения тувинцев в новой социокультурной среде. Менявшаяся за этот исторический период языковая ситуация, непоследовательность в реализуемой билингвальной политике Тувы, отчасти связанная с непоследовательностью общей языковой политики в РФ, привели к формированию сложной ситуации коллективного билингвизма. По всей видимости, в системе образования Тувы наметилась тенденция разделения сфер использования тувинского и русского языков. Очевидно, что тувинский не выдерживает конкуренции с русским языком, как и любой другой язык РФ, тем более он фактически с 2018 г. перестал быть языком обучения. А кроме того, раннее введение доминирующего языка в двуязычных учреждениях дошкольного образования также уменьшает сферы использования языка, находящегося в подчиненной позиции.

Такая неравновесная билингвальная ситуация в перспективе может привести к потерям в процессе межпоколенной передачи тувинской культуры.

Ключевые слова: Тува; билингвизм; тувинско-русский билингвизм; тувинский язык; русский язык; языковая политика; школьная система образования; языковое образование; языковой сдвиг

Для цитирования:

Арефьев А. Л., Бахтикиреева У. М., Синячкин В. П. Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2021, № 1. С. 255-272. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Арефьев Александр Леонардович — кандидат исторических наук, доцент, заместитель руководителя Центра исследований языковой политики и международного образования Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина; старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. Тел.: +7 (495) 567-09-11. Эл. адрес: alexander.arefyev@gmail.com

Бахтикиреева Улданай Максумовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А, каб. 283. Тел.: + 7 (495) 787-38-03

вн. 22-00. Эл. адрес: uldanai@mail.ru

Синячкин Владимир Павлович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой и профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А, каб. 283. Тел.: + 7 (495) 787-38-03 вн. 22-00. Эл. адрес: word@list.ru

Bilingualism in language education in secondary schools of the Republic of Tuva

Alexander L. Arefiev

A. S. Pushkin State Institute of Russian Language; Federal Research Center in Sociology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Uldanai M. Bakhtikireeva, Vladimir P. Sinyachkin

Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation

The article examines the contemporary situation in bilingual language education within the school system of the Republic of Tuva, comparing it with the same processes throughout Russia. In the Post-Soviet period, all regions saw the rise of an ambiguous state within language education due to specific demography and language policy.

The history of changes in language education in Tuva is inseparable from the opposing moves in Russia's national and linguistic policy. Alongside with the decisive and positive transformations in Tuvan culture, some losses were also inevitable, such as that of sociocultural and linguistic vitality of Tuvan language within the educational system. Seen in the context of the developments of all minority languages both in Russia and around the world, this process is most likely historically determined.

Unlike other 'ethnic republics' of Russia, Tuva has long remained mostly monolingual. Nevertheless, over 80 years of the history of Tuva within Russia means that at least two generations of Tuvans have grown up in the new sociocultural environment. Numerous changes in linguistic situation alongside with the absence of continuity in the policy of Tuvan bilingualism (largely due to similar lack of continuity in the language policy of Russia) gave rise to a complex phenomenon of collective bilingualism. Within the system of education in Tuva, the tendency is towards a redistribution of spheres of usage of Russian and Tuvan languages. Just as any other language in Russia, the latter obviously does not stand the competition against the former, especially given that since 2018 it has practically stopped functioning as a language of education. Moreover, the early introduction of Russian in bilingual pre-school education also narrows down the sphere of use of Tuvan as a language in the subordinate position.

This disbalance in the bilingual situation can potentially lead to disruptions in the intergenerational transfer of Tuvan culture.

Keywords: Tuva; bilingualism, Tuvan-Russian bilingualism; Tuvan language; Russian language; language policy; school system of education; language education; linguistic shift

For citation:

Arefiev A. L., Bakhtikireeva U. M. and Sinyachkin V. P. Bilingualism in language education in secondary schools of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, 2021, no. 1, pp. 255-272. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

AREFIEV, Alexander Leonardovich, Candidate of History, Associate Professor, Deputy Director, Center for Studies of Language Policy and International Education, A. S. Pushkin State Institute of Russian Language; Senior Research Fellow, Federal Research Center in Sociology, Russian Academy of Sciences. Postal address: 6 Akademik Volgin St., 117485 Moscow, Russia. Tel.: +7 (495) 567-09-11. Email: alexander.arefiev@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-6368-3713

BAKHTIKIREEVA, Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Intercultural Communication, Faculty of the Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia. Postal address: Off. 283, 10a Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russia. Tel.: +7 (495) 787-38-03 int. 22-00. Email: uldanai@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5088-7568

SINYACHKIN, Vladimir Pavlovich, Doctor of Philology, Associate Professor and Chair, Department of Russian and Intercultural Communication, Faculty of the Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia. Postal address: Off. 283, 10a Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russia. Tel.: +7 (495) 787-38-03 int. 22-00. Email: word@list.ru

ORCID ID: 0000-0002-2098-6298

Введение

Самая комфортная языковая ситуация, которая бы отвечала запросу любого многонационального государства, включая Российскую Федерацию — это функционирование одного языка для всех народов в нем проживающих. Однако, как показывает опыт разных стран, в т. ч. высоко технологически развитых, достижение такого комфорта — сложная проблема. Сложности не отменяют планов государств по формированию единой политической нации, «которое будучи многонародным», в то же время могло бы представлять «национальное единство» (Марусенко, 2015: 280). Эта идея национального единства повсеместно реализуется в рамках государственной языковой политики (не только эксплицитной, но и имплицитной), прежде всего, в системе образования. В силу изменений ценностных смыслов государственной идеологии в России за последний век лингвистическое образование народов двигалось в русле общей национально-языковой политики российского государства.

В данной статье мы проанализируем современное состояние языкового образования как билингвального в системе школьного образования Тувы на фоне общероссийских процессов в этой сфере. Хотя тувинская система школьного образования на протяжении XX столетия развивается в русле общей государственной политики России, она имела свои особенности вплоть до вступления в состав СССР в 1944 г. Тем не менее с конца 1950-х годов в Туве стал наблюдаться схожий процесс сужения сфер использования национальных языков в образовательной системе, как и во всех миноритарных¹ сообществах. Это время характеризуется языковой политикой гомогенизации (русификации) единой культурно-исторической общности — советский народ (Беликов, Крысин, 2001). Отнюдь не случайно ученые характеризуют его началом периода языкового сдвига в ущерб тувинскому языку (Цыбенова, 2018 и др.).

Относительно других регионов в Туве функционирование языка коренного этноса более благополучное в Российской Федерации, благодаря увеличению доли тувинцев в национальном составе населения республики (как следствие миграционных процессов последних двадцати лет) и их компактным проживанием на одной территории (Цыбенова, 2019). Однако, это лишь один из аспектов языковой ситуации. Отток русскоязычных специалистов, начавшийся в 1990-е гг., в том числе из системы образования, привел к тому, что в сельских районах даже русский язык и литература преимущественно преподавались на тувинском языке. Но с 2018 г. система школьного образования Тувы официально перешла на русскоязычное обучение. Все эти обстоятельства определили неоднозначную ситуацию с билингвальным образованием в республике, которая требует внимательного изучения и постоянного мониторинга в силу принятия новой государственной программы.

Источниковой базой исследования выступили труды исследователей в области социолингвистики, в том числе и тувинской, теории языковых контактов и билингвизма, а также статистические данные, полученные нами из Министерства образования и науки Республики Тыва в 2020 г.

Исторические предпосылки

Система народного просвещения с вхождением Тувы в состав СССР в 1944 г., также усиленно, как и остальные сферы общественной жизни, стала строиться по советскому образцу и базировалась на принципах всеобщего обучения (Товуу, Кара-Сал, Санчаа, 2020: 50). В учебный процесс внедрялись советские учебные программы и учебники, которые также переводились с русского на тувинский; выходили учебники на тувинском языке. С 1948/1949 учебного года русский язык в Туве начинает преподаваться в качестве предмета, затем он становится и языком обучения. С открытием Учительского института осуществляется подготовка местных педагогических кадров (Сат, 1973: 22–23).

Как пишут В. И. Беликов и Л. П. Крысин,

«в СССР не проводился намеренный курс на русификацию, скорее можно говорить о всемерном продвижении и расширении функциональных возможностей общепонятного для всего государства языка. Судьбами остальных языков центр не интересовался, и уровень их поддержки зависел от республиканских и местных властей. Достижение всеобщего национально-русского двуязычия, ставшее стандартным лозунгом с 1970-х годов, имело целью не последующую русификацию, а по возможности быструю идеологическую унификацию в рамках провозглашенной тогда новой исторической общности — советских людей» (Беликов, Крысин, 2001: 289–290).

¹ «Миноритарный» в данном случае синонимично термину «малочисленный», однако смещает фокус внимания с количественной характеристики на качественную.

Идеология унификации советского общества привела к сокращению обучения на миноритарных языках. Если в начале 1960-х обучение в РСФСР велось на 47 языках, то к началу 1970-х — на 30. Среднее образование велось на татарском и башкирском. На якутском получали неполное среднее образование, на бурятском — шестилетнее, на тувинском — семилетнее образование (там же: 287). В 1982 г. число языков, на которых велось обучение, сократилось до 17. Однако, как отмечают В. И. Беликов и Л. П. Крысин, наиболее «стойкие» языки сохранили и даже усиливали свои позиции: на тувинском и якутском языках дети получали восьмилетнее образование, а на татарском и башкирском — среднее образование (там же: 289).

Современные исследователи, приводя данные переписи 1989 г. сообщают, что родным русский язык назвал 1,38% тувинцев, а не говорят по-русски свободно — 39,46% (Беликов, Крысин, 2001: 292). Тем не менее, еще в начале 1970-х годов Ш. Ч. Сат писал, что в Туве уже сформировался «тувинско-русский билингвизм смешанного типа» (Сат, 1973: 25). В Туве действительно распространился асимметричный билингвизм или семилингвизм (полуязычие), что означает появление людей, усваивающих оба языка, но не в полной мере. Один язык они могут использовать на уровне разговорно-бытового и / или языка художественной литературы, на другом — разговорно-бытовой и / или язык деловой и т. п.

Различия соотношений языков проявлялись в разных типах поселения: русский язык развивался преимущественно в городах, родной — на селе (Очур, 2015: 94). Слабый уровень преподавания русского языка и литературы в сельских школах, а также отсутствие там языковой среды, приводили к тому, что до половины абитуриентов, поступающих в 1980-х гг. на внеконкурсные места в вузы, получали неудовлетворительные оценки по русскому языку (там же).

Тем не менее, к моменту распада СССР в Туве основная часть школ (85%) была смешанной. Н. М. Очур приводит данные на 1991 г., когда тувинский язык как учебный предмет изучали 64,0% всех школьников республики, а обучались на родном языке 50,2% (там же).

Выгодность, социальный престиж русского языка постепенно меняли языковую лояльность тувинцев (Цыбенкова, 2013), но прежде всего в городах. В республике, особенно в его урбанизированных центрах, распространились и тувинцы, которые стали больше использовать русский язык в форме неполного транслингвизма¹, а также полностью перешедшие на русский язык (Очур, 2015: 93).

Тувинский язык в системе образования в постсоветский период

Распад СССР и появление постсоветских государств обусловили расширение языковых прав народов. В 1990–2000-х годах во многих регионах были приняты законодательные нормы, гарантирующие право на получения образования на родных языках и изучение их в учебных заведениях.

С принятием в 1990 г. «Закона о языках в Тувинской АССР» русский язык в республике получил статус языка межнационального общения² и в школах Тувы началось введение модели билингвального обучения. Последовавшие после 1991 г. процессы национально-культурного и языкового возрождения, по мнению ученых, обозначили в Туве две тенденции. С одной стороны, возрос интерес к культуре и языку титульной национальности со стороны русскоязычного населения. Так, в рамках проекта «Социокультурные факторы экономического развития Тувы» (1991–1994) 70% опрошенных русских, независимо от занимаемой ими социально-профессиональной ниши, ответили, что проявляют интерес к культуре, языку тувинцев. Опрос молодежи этносоциологами в 1997 г. показал, что более половины русских были согласны с введением тувинского языка во все школы Тувы, включая русские, в качестве обязательного предмета (51,2%). Несогласные составляли менее трети — 28,8% (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999: 97–98). Практически все опрошенные учителя школ в ходе социологического исследования Г. М. Селиверстовой 1993 г. высказывались за обучение на тувинском языке с 1 по 11 классы, однако в ходе аналогичного исследования в 1997–1998 гг. подавляющая часть опрошенных отдала предпочтение двуязычному школьному образованию (47,5%) или полностью русскоязычному (36,3%)³.

¹ Транслингвизм — смена языка или периодического возвращения в соответствующих ситуациях к этническому языку.

² Тувинская АССР. Закон от 14 декабря 1990 года № 96. О языках в Тувинской АССР [Электронный ресурс] // Pravo. Tech. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/14459985> (дата обращения: 21.01.2021).

³ Селиверстова Г. М. Родной язык не нужен? Как решить проблемы двуязычия [Электронный ресурс] // Учительская газета. 2008, 8 января. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0317/gazeta025.php> (дата обращения: 21.01.2021).

С другой стороны, замечают исследователи, возрождение ценностей тувинской культуры привело часть населения к неприятию инонационального. Например, имевшее место в эти годы недостаточное развитие русского языка со стороны соответствующих инстанций республики, отразилось на уровне владения им как школьниками, так и студентами вузов. Так, из 400 опрошенных во второй половине 1990-х гг. респондентов-тувинцев, обучавшихся в разных средних специальных заведениях, по их самооценке, свободно владели русским языком 59,8%, с затруднениями — 36,3%, с большим трудом — 3,5% (там же: 98).

Для адекватного владения двумя языками важна языковая практика. Уменьшение количества русских учеников, несомненно, повлияло на уровень владения русским языком сверстниками. «Например, из всего числа выбывших за пределы республики в 1997 г. доля русских составила 64%» (там же: 36). Здесь не будет преувеличением замечание о том, что одной из причин оттока русскоязычных людей из национальных республик является нежелание изучать местные языки. И дело здесь не столько в росте этнического сознания, характерного периоду начала 1990-х, сколько в затратности для человеческого организма дополнительных умственных усилий, требующихся для овладения новыми знаниями, и отсутствии мотивации и выгоды.

Статья 5 Закона Республики Тыва «Об образовании» 1995 г.¹ закрепила право получения дошкольного воспитания и общеобразовательной подготовки на государственных языках Тувы и России. Преемственность и непрерывность воспитания и обучения на родном языке провозглашались как основа национально-культурного развития личности. Выпускники общеобразовательных школ могли при поступлении в учебные заведения республики сдавать экзамены на обоих языках.

Как писали в конце прошлого века З. В. Анайбан и ее коллеги, по данным переписи населения 1989 г. считали родным языком — тувинский 99,2% тувинцев (показав тем самым один из самых высоких показателей сохранения языков своей национальности в качестве родного). Но при этом более половины (58,3%) владели русским языком. И главным фактором развития тувинско-русского билингвизма авторы назвали систему школьного образования, поскольку 57,2% опрошенных указали на школу как на место, где именно они овладели русским языком. Иная ситуация сложилась с русско-тувинским двуязычием (знание русскими тувинского языка). Если несколько десятилетий назад владение языком коренных жителей для русских было довольно обычным явлением, то к концу 1990-х годов тувинский знали лишь 0,6% русскоязычного населения Тувы (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999: 97).

В 2015 г. Н. М. Очур подчеркнула, что в настоящее время в республике есть понимание объективной необходимости в знании русского языка, а вот инициативы по поводу обязательного знания языка титульной национальности отдельными категориями населения пока остаются пожеланиями. Но в целом идет работа по сбалансированному развитию русско-тувинского и тувинско-русского билингвизма в республике (Очур, 2015: 96). Посмотрим на современное состояние дел в этой сфере.

Двуязычие на современном этапе

Школьное образование на русском языке, по-прежнему, считается более качественным и перспективным с социально-профессиональной точки зрения, в связи с чем все больше родителей Тувы ориентируются на русскую школу. Факт престижности русского языка очевиден: «Тувинцы владеют своим родным тувинским языком достаточно хорошо, но социального престижа в нем не видят» (Серээдар, 2018: 14).

Подобная ситуация в Российской Федерации происходит практически со всеми миноритарными языками. К примеру, из 34-х тюркских языков РФ, в школьном образовании в той или иной мере сегодня используется лишь половина. Не участвуют в учебном процессе языки гагаузов, каракалпаков, киргизов, нагайбаков, туркмен, узбеков, уйгур, теленгитов, сойотов, кумандинцев, караимов, челканцев, чулымцев. Крайне недостаточно представлен казахский как средство обучения, хотя в РФ проживает около 1 миллиона этнических казахов. Его учили как предмет «Родной язык» немногим более 1 тыс. школьников из казахских семей. В Астраханской области, где проживает самая большая

¹ Закон Республики Тыва «Об образовании» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/28700034/8b7b3c1c76e91f88d33c08b3736aa67a/> (дата обращения: 21.01.2021).

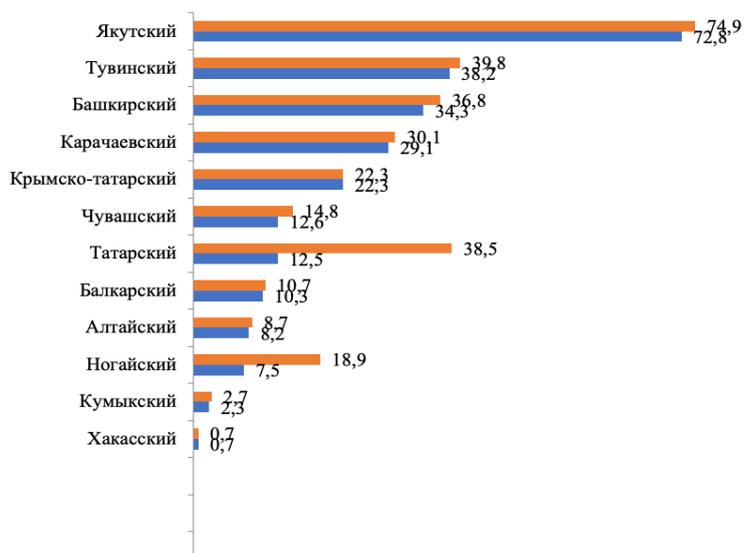

Диаграмма 1. Доля молодежи школьного возраста (7–17 лет) соответствующей тюркской национальности, обучавшаяся на родном тюркском языке в 2016/2017 году по РФ в целом и по национальному субъекту РФ, в %.

Diagram 1. The share of school-age youth (7–17) of the respective Turkic ethnicity who received education in their native language in 2016/2017 academic year (percentage in Russia and the ethnic region).

Прим.: Составлено и рассчитано по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., данным текущего учета населения и отчетным данным органов управления образования национальных субъектов РФ (национальный республик, краев и областей) за 2016/2017 уч. г.¹

диаспора и в Алтайском крае, где этот язык имеет право функционирования в официальных сферах общения в местах компактного проживания его носителей (которых более 12 тыс. человек)².

В законе «Об образовании в Российской Федерации» (2012 г.) оговаривалось, что граждане РФ имеют право на получение школьного образования на родном языке, а также его изучение в пределах возможностей, предоставляемых системой образования (статья 14³). Здесь же отмечалось, что «Реализация указанных прав обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных организаций, классов, групп, а также условий для их функционирования»⁴. Однако указание на это обеспечение применительно, в том числе к тюркским языкам, выполняется далеко не в полной мере (Арефьев, 2018: 67). Для сравнения представим диаграмму, показывающую процентное соотношение 12 тюркских языков, функционировавших в качестве средства обучения в 2017 г. (см. диаграмму 1), а в 2019 г. их количество сократилось до 10.

В упомянутом законе об образовании подчеркивается приоритетное положение государственного — русского языка, на котором в первую очередь должна осуществляться образовательная деятельность. В Туве по причине проблем с использованием русского как средства обучения, невысоким качеством преподавания как учебного предмета и слабым владением значительной частью сельского населения, в 2013 г. была принята государственная программа «Развитие русского языка на 2014–2018 годы», введена должность главного государственного инспектора по русскому языку в ранге заместителя министра образования, 2014 год в республике был объявлен Годом русского языка, а с 2018 г. министерством образования и науки РТ было предписано преподавание во всех средних школах вести на русском языке. Ранее (в 2003 г.) был принят новый Закон «О языках в Республике Тыва», восстановивший государственный статус русского языка⁵. Предпринимались меры и по стимулированию работы учителей русского языка и литературы в школах сельских поселений (Боргоякова, Биткеева, 2020: 55).

¹ Образование в России — 2017. Статистический бюллетень. М.: Московский технологический университет, 2017. С. 87–89, 107–110.

² Лаханулы Н. «Во всей России — одна казахская школа» [Электронный ресурс] // Радио Азаттык. 2014, 12 января. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhi-diaspora-v-rossii-interview/25227274.html> (дата обращения: 21.01.2021); В Астраханской области проживает самая большая казахская диаспора в РФ [Электронный ресурс] // 24Хабар. 2020, 25 декабря. URL: <https://24.kz/ru/news/culture/item/444710-v-astrakhanskoj-oblasti-samaya-bolshaya-kazakhskaya-diaspora-v-rf> (дата обращения: 21.01.2021).

³ Статья 14. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/bf7fadfb3532c712ccd28cc2599243fb8018ed869/ (дата обращения: 21.01.2021).

⁴ Там же.

⁵ Статья 8. Изучение и преподавание языков в Республике Тыва / Закон Республики Тыва от 31 декабря 2003 г. № 462 ВХ-1 «О языках в Республике Тыва» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/28701589/31de5683116b8d79b08fa2d768e33df6/> (дата обращения: 21.01.2021).

Вместе с этим, тувинские ученые, в том числе М. В. Бавуу-Сюрюн, привлекали внимание к проблемам тувинского языка, который «вступил в критический этап своего существования, появились признаки реальной ассимиляции», прежде всего, в системе образования — одной из сфер интенсивного функционирования тувинского языка (Бавуу-Сюрюн, 2010: 62). Крайне остро была обозначена проблема преподавания тувинской литературы в школе, которую невозможно решать без «соответствующей литературной критики и анализа абсолютного большинства произведений тувинской литературы, предложенных в качестве программных» (там же: 65). В связи с комплексом этих и других проблем в 2017 г. была принята Государственная программа Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы»¹. Одним из важных направлений программы являлся пересмотр обучения тувинскому языку и в детских садах. Согласно мониторингу в рамках проекта «Тувинский язык — детям» в 2019 г. среди 197 дошкольных образовательных учреждений республики обнаружился значительный процент тувинцев-дошкольников, не владевших родным языком (в Кызыле — 21,2% или 1629 воспитанников из 7667). В детских садах кожуунов этот показатель значительно ниже — не владели языком около 7% тувинцев (или 1093 воспитанника из 15264). При этом доля семей, желавших обучать детей на тувинском языке, составила в г. Кызыле 55% (3991 из 7128 семей), в кожуунах — 69% (9632 из 13792)².

Отмечая позитивные стороны языковой политики начала XXI в., тувинские ученые положительно оценили изменения содержательных целей в школьном образовании, развитие вариативности, в т. ч. математического образования, усиление экспериментальной деятельности школ (Товуу, Кара-Сал, Санчаа, 2020: 53, 56). Однако, несбалансированная реализация двух государственных программ по развитию языков, прежде всего, влияла на лингвистическую витальность тувинского языка. Несмотря на высокие показатели владения тувинцами, «во многом права тувинского языка декларативны, а функции и сфера применения стремительно сужаются», что служит основой для языкового сдвига, асимметричного билингвизма (Донгак, 2020: 67, 68). В учебных заведениях тувинский язык все больше стал рассматриваться как второстепенный предмет.

Изучение тувинского языка в системе школьного образования

Принятие поправок в федеральный закон «Об образовании» 2012 г. заметно сказалось на соотношении обучения на тувинском и русском языках и, в целом — на билингвальном образовании в РТ. Если на рубеже 1990–2000-х более половины школьников обучались на тувинском языке — преимущественно в младших классах, то в 2016/2017 уч. году заметно выросло число учеников на тувинском в средних классах. Однако с 2017/2018 уч. года доля обучавшихся на тувинском стала сокращаться.

С 2019/2020 учебного года школьное образование в Туве стало полностью русскоязычным и динамика по обучению на тувинском языке резко пошла на спад (см. диаграмму 2 и таблицу 1).

Обучение на тувинском осуществлялось почти во всех школах, преимущественно билингвальных (полностью русскоязычными были менее 10% общеобразовательных организаций, в основном в столице Кызыле и в г. Ак-Довураке).

Таблица 1. Численность школьников, обучавшихся на тувинском языке в школах городских и сельских поселений РТ в 2011/2012–2018/2019 учебных годах.

Table 1. The number of school students who received education in Tuvan language in schools of urban and rural settlements of the Republic of Tuva, 2011/2012 – 2018/2019.

Учебные годы	Поселения	Кол-во школ	Классы			Число обучавшихся в городских и сельских школах, чел.	Всего обучалось, чел.
			1–4	5–9	10–11 (12)		
2011/2012	Городские	27	6 844	601	-	7 445	18 235
	Сельские	122	9 424	1266	-	10 790	

¹ Государственная программа Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы». Утверждена постановлением Правительства Республики Тыва от 7 апреля 2017 г. № 152 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446197328> (дата обращения: 21.01.2021).

² В рамках проекта «Тувинский язык детям» проведен зональный семинар по развитию тувинского языка в дошкольных учреждениях Республики Тыва [Электронный ресурс] // Институт развития национальной школы Республики Тыва. 2019, 17 сентября. URL: <http://irnsh.ru/2019/09/17/v-respublike-tyva-v-doshkolnykh-obrazo/> (дата обращения: 21.01.2021).

2012/2013	Городские	27	7 163	-	-	7 163	17 748
	Сельские	122	9 633	952	-	1 0585	
2013/2014	Городские	26	7 357	247	64	7 668	18 282
	Сельские	121	9 503	1 111	-	10 614	
2014/2015	Городские	26	7 990	240	67	8 297	18 910
	Сельские	121	9 809	804	-	10 613	
2015/2016	Городские	27	8 731	-	-	8 754	19 776
	Сельские	121	10318	704	-	11 022	
2016/2017	Городские +сельские	149	17507	4 630	696	22 587	22 587
2017/2018	Городские +сельские	10	2 116	314	39	2 320	2 320
2018/2019	Городские +сельские	3	337	-	20	357	357

Прим.: Составлено по данным на начало каждого учебного года.

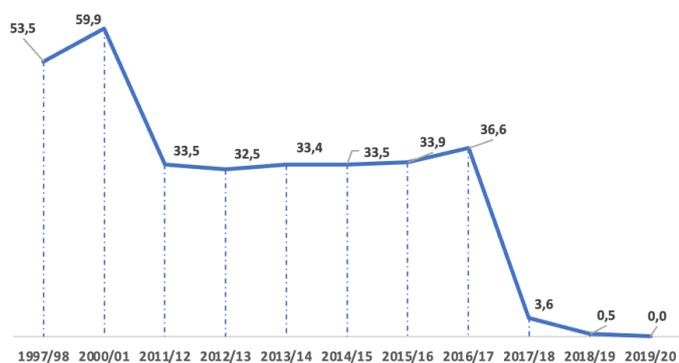

Диаграмма 2. Доля школьников РТ, обучавшихся на тувинском языке в 1997/1998–2018/2019 уч. годах, в %.

Diagram 2. The percentage of school students who received education in Tuvan language in the Republic of Tuva, 1997/1998-2018/2019.

Прим.: Составлено по данным на начало каждого учебного года¹.

В государственной программе РТ «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы» (принятой постановлением Правительства РТ от 8 декабря 2020 г. № 610)². Приоритетной целью было «Развитие русского языка как инструмента формирования и укрепления единого образовательного пространства Российской Федерации и Республики Тыва, которое достигается путем создания условий, соответствующих основным современным требованиям (в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами), обучающимся в государственных и муниципальных общеобразовательных организациях»³. Здесь же подчеркивалась необходимость создания «условий для сохранения, развития тувинского языка как государственного языка Республики Тыва»⁴.

¹ Источники: Образование в России — 2008. Статистический бюллетень. М.: МГУПИ, 2009. 436 с.; Образование в России — 2012. Статистический бюллетень. М.: МГУПИ, 2012. 584 с.; Образование в России — 2013. Статистический бюллетень. М.: МГУПИ, 2013. 584 с.; Образование в России — 2014. Статистический бюллетень. М.: МГУПИ, 2014. 593 с.; Образование в России — 2015. Статистический бюллетень. М.: МИРЭА, 2015. 630 с.; Образование в России — 2016. Статистический бюллетень. М.: МГУПИ, 2016. 630 с.; Образование в России — 2017. Статистический бюллетень. М.: Московский технологический университет, 2017. 444 с.; Образование в России — 2018. Статистический бюллетень. М.: МИРЭА — Российский технологический университет, 2018. 422 с.; Образование в России — 2019. Статистический бюллетень. М.: МИРЭА — Российский технологический университет, 2019. 478 с.

² Об утверждении новой Государственной Программы Республики Тыва «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/571035348> (дата обращения: 21.01.2021).

³ Цит. по: там же.

⁴ Там же.

Ситуация с изучением тувинского языка как родного в национальной системе образования к настоящему времени выглядит более благоприятной. В 2018/2019 учебном году его учили 68,4% школьников, что превзошло рекордный показатель 1990/1991 уч. года (64,0%) (см. диаграмму 3). Правда, прирост доли изучающих тувинский как учебный предмет произошел за счет школьников, которые ранее обучались на тувинском языке и данный процесс начался с 2016/2017 учебного года.

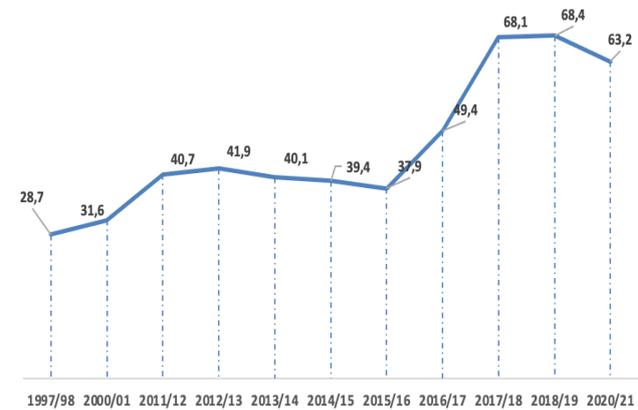

Диаграмма 3. Доля школьников РТ, изучавших тувинский язык как родной в 1997/1998–2020/2021 уч. годах, в %.

Diagram 3. The percentage of students in the Republic of Tuva who studied Tuvan as their native language, 1997/1998–2020/2021.

Прим.: Составлено на начало каждого учебного года (за 1997/98–2018/19 учебные года)¹ и данным Института развития национальной школы Республики Тыва — за 2020/21 учебный год.

Большинство изучающих тувинский как родной язык — обучающиеся в школах сельских (районных) поселений кожуунов (см. таблицу 2).

Таблица 2. Численность школьников, изучавших тувинский язык как родной в школах городских и сельских поселений РТ в 2011/2012–2020/2021 уч. годах

Table 2. The number of school students who studied Tuvan as their native language in schools of urban and rural settlements of the Republic of Tuva, 2011/2012–2020/2021.

Учебные годы	Поселения	Кол-во школ	Классы			Число обучающихся в городских и сельских школах	Всего обучалось
			1–4	5–9	10–11 (12)		
2011/2012	Городские	31	-	6855	1842	8 697	22 154
	Сельские	117	-	9 279	4178	13 457	
2012/2013	Городские	31	136	7 059	1756	8 951	22 297
	Сельские	118	0	9 564	3 932	13 946	
2013/2014	Городские	30	213	7 123	1 674	9 010	21 932
	Сельские	117	-	9 350	3 572	12 922	
2014/2015	Городские	30	-	7 625	67	1 491	22 221
	Сельские	116	-	9 781	3 324	13 105	
2015/2016	Городские	30	-	8 122	1 180	9 302	22 109
	Сельские	116	-	10005	2 802	12 807	
2016/2017	Городские +сельские	нет данных	12676	14850	3 058	30 451	30 451
2017/2018	Городские +сельские	нет данных	21610	19452	3 279	44 028	44 028
2018/2019	Городские +сельские	нет данных	21664	21131	3 795	45 980	45 980
2020/2021	Городские +сельские	нет данных	20167	22382	3 229	45 778	45 778

Прим.: Составлено на начало каждого учебного года (за 1997/98–2018/19 учебные года) и данным Института развития национальной школы Республики Тыва — за 2020/21 учебный год.

¹ Источники: Образование в России — 2008. Статистический бюллетень. М.: МГУПИ, 2009. 436 с.; Образование в России — 2012. Статистический бюллетень. М.: МГУПИ, 2012. 584 с.; Образование в России — 2013. Статистический бюллетень. М.: МГУПИ, 2013. 584 с.; Образование в России — 2014. Статистический бюллетень. М.: МГУПИ, 2014. 593 с.; Образование в России — 2015. Статистический бюллетень. М.: МИРЭА, 2015. 630 с.; Образование в России — 2016. Статистический бюллетень. М.: МГУПИ, 2016. 630 с.; Образование в России — 2017. Статистический бюллетень. М.: Московский технологический университет, 2017. 444 с.; Образование в России — 2018. Статистический бюллетень. М.: МИРЭА — Российский технологический университет, 2018. 422 с.; Образование в России — 2019. Статистический бюллетень. М.: МИРЭА — Российский технологический университет, 2019. 478 с.

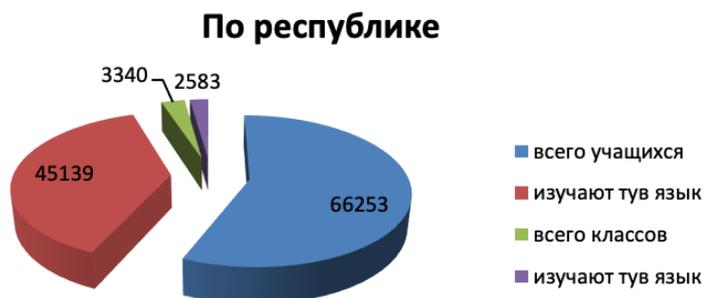

Диаграмма 4. Изучение тувинского языка и тувинской литературы в общеобразовательных организациях РТ в 2018/2019 уч. году.
Diagram 4. Studying Tuvan and Tuvan literature in comprehensive schools in the Republic of Tuva in academic year 2018/2019.

Прим.: По данным Института развития национальной школы РТ на конец 2018/2019 уч. года (без учета обучающихся с ограниченными возможностями здоровья).

Последние группы школьников, закончивших обучение в 2019/2020 уч. году на тувинском языке, являлись учащимися 4-х классов трех школ: МБОУ СОШ № 2 села Мугур-Аксы Монгун-Тайгинского кожууна (31 чел.), МБОУ Моген-Буренская СОШ Монгун-Тайгинского кожууна (29 чел.) и МБОУ СОШ № 1 села Мугур-Аксы Монгун-Тайгинского кожууна (65 чел.).

Более наглядно ситуация с изучением тувинского языка как родного в общеобразовательных организациях республики отражена в данных диаграммы 4.

Тувинский язык и литература как предметы изучаются в образовательных организациях республики с 1 по 11 классы, в среднем по 3 часа в неделю (ещё 1 час на их изучение отводится за счет регионального компонента). Данные об изучении тувинского как родного языка по классам обучения и в разрезе по образовательным организациям Кызыла, Ак-Довурака и муниципальных районов / кожуунов в 2018/2019 уч. году, представлены в таблице 3.

Таблица 3. Показатели изучения тувинского как родного языка в общеобразовательных организациях городов и кожуунов РТ в 2018/2019 учебном году, человек.

Table 3. The number of students who studied Tuvan as native language in comprehensive school by city and kozhuun of the Republic of Tuva, 2018/2019.

Местонахождение	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс	5 класс	6 класс	7 класс	8 класс	9 класс	10 класс	11 класс	12 класс
г. Кызыл	1419	1357	1400	1334	1422	1004	1058	1010	944	165	101	
Бии-Хемский	150	119	96	147	116	110	103	97	118	65	49	14
Бай-Тайгинский	211	196	182	225	215	146	148	158	198	115	60	
Овюрский	148	130	125	136	114	84	91	104	111	135	30	
Тоджинский	134	109	119	101	99	85	82	94	90	49	49	
Каа-Хемский	185	177	175	155	150	109	119	136	133	54	57	
Чеди-Хольский	137	165	135	142	129	98	110	92	107	96	56	
Тандинский	225	223	234	225	179	160	123	158	175	87	54	
Тере-Хольский	45	37	35	42	43	33	27	31	26	16	19	
Барун-Хемчикский	275	257	224	236	215	179	171	189	179	90	50	
Дзун-Хемчикский	518	490	465	509	487	324	339	321	409	207	111	
Монгун-Тайгинский	143	123	130	102	107	116	152	97	111	57	32	
Улуг-Хемский	338	353	364	362	345	281	183	302	289	170	108	47
Чаа-Хольский	143	141	156	132	144	83	88	86	85	46	14	

Тес-Хемский	211	194	193	214	188	148	150	146	138	75	55	
Эрзинский	143	157	153	165	140	115	129	118	100	69	40	
Кызылский	379	414	468	441	431	305	330	375	336	133	87	47
Сут-Хольский	169	190	169	166	174	122	166	154	167	105	69	
г. Ак-Довурак	246	249	293	292	279	204	183	199	205	139	83	
Всего	5219	5081	5116	5126	4977	3706	3752	3867	3921	1873	1124	108
Образовательные организации республиканского подчинения	68	53	81	83	157	191	212	125	113	53		
Итого по Республике Тыва	5287	5134	5197	5209	5134	3897	3964	3992	4034	1926	1124	108

Прим.: По данным Института развития национальной школы РТ на конец 2018/2019 уч. года (без учета обучающихся с ограниченными возможностями здоровья).

Большинство детей из семей тувинцев учат родной язык в начальных классах по следующим учебникам:

- 1 класс — «Үжүглел» («Букварь»),
- 2–4 классы — учебники «Тыва дыл» («Тувинский язык»),
- 2-4 классы — учебники «Литературлуг номчулга» («Литературное чтение»).

Учебники с 1 по 4 класс включены в федеральный перечень. Продолжается постоянная работа по обновлению их содержания. В средних и старших классах используются учебники «Тыва дыл» («Тувинский язык») и «Тыва чогаал» («Тувинская литература»), ведется подготовка к включению их в федеральный перечень. Можно также отметить, что для учащихся с русским языком обучения, желающих изучить тувинский язык, отведен 1 час в неделю в ряде общеобразовательных организаций, в т. ч. в СОШ № 1 пгт Каа-Хем (1–3 классы), СОШ № 1 поселка Кызыл-Мажалык, СОШ № 2 г. Туран и некоторых других.

В целом, характеризуя состояние тувинского языка в системе образования последнего десятилетия, можно говорить о том, что в силу несбалансированного языкового регулирования в транс-генерационной передаче тувинского языка очевидны потери.

Учителя тувинского языка и литературы

Подготовка учителей тувинского языка и литературы и специалистов-филологов по тувинскому языку ведется на филологическом факультете Тувинского государственного университета (на кафедре тувинской филологии и общего языкознания). Направление подготовки — «Педагогическое образование» (44.03.05) с двумя профилями: «Родной язык и литература» и «Иностранный язык». Профилирующие дисциплины изучаются на тувинском языке. В действующих при университете Кызылском педагогическом институте и Кызылском педагогическом колледже выпускают учителей начальных классов, педагогов и воспитателей детских садов, специалистов по коррекционной педагогике и т. д.

В 2018/2019 уч. году тувинский язык и литературу в 1 по 11 классах школ республики преподавали 1407 учителей. Сводные данные учителей начального, среднего и старшего звена по категориям представлены в *таблицах 4 и 5*.

Как нам удалось выяснить по данным министерства и Института развития национальной школы РТ, доля учителей тувинского языка и литературы с высшей категорией в начальных классах республики составляет 23%, в средних и старших — 36%, что можно считать удовлетворительным показателем в сравнении с некоторыми другими регионами РФ. На одного учителя тувинского языка и литературы в начальных классах приходится в среднем 19 учеников, в средних и старших классах — 79. Наибольшая нагрузка приходится на учителей городских школ и прежде всего Кызыла (30 учеников на одного

учителя начальных классов и 154 ученика — на одного учителя средних и старших классов) и школ Ак-Довурака (соответственно 23 ученика и 129 учеников). В сельских школах кожуунов, часть из которых — малокомплектные, на одного учителя тувинского языка и литературы в начальных классах приходится 17 учеников, в то время как в средних и старших классах — свыше 60 учеников.

Таблица 4. Квалификационная характеристика учителей тувинского языка и литературы начальных классов в общеобразовательных организациях РТ в 2018/2019 учебном году, человек.

Table 4. Primary school teachers of Tuvan language and literature by qualification category, at comprehensive schools in the Republic of Tuva, 2018/2019 academic year.

Местонахождение школ	Квалификационная категория учителей			Всего
	без категории	первая	высшая	
г. Кызыл	37	78	68	183
г. Ак-Довурак	13	13	20	46
Иные поселения	223	463	161	847
Всего	273	554	249	1076

Прим.: Составлено по данным отдела дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего и специального образования Министерства образования, науки и молодежной политики Республики Тыва¹ и лаборатории этнокультурного содержания образования Института развития национальной школы РТ.

Таблица 5. Квалификационная характеристика учителей тувинского языка и литературы средних и старших классов в общеобразовательных организациях РТ в 2018/2019 учебном году, человек.

Table 5. Middle and senior school teachers of Tuvan language and literature by qualification category, at comprehensive schools in the Republic of Tuva, 2018/2019 academic year

Местонахождение школ	Квалификационная категория учителей			Всего
	без категории	первая	высшая	
г. Кызыл	3	11	23	37
г. Ак-Довурак	2	4	4	10
Иные поселения	47	146	91	284
Всего	52	161	118	331

Прим.: Составлено по данным отдела дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего и специального образования Министерства образования, науки и молодежной политики Республики Тыва и лаборатории этнокультурного содержания образования Института развития национальной школы РТ.

Более серьезная нагрузка на учителей миноритарных языков ощущается в ряде других республик. К примеру, в Кабардино-Балкарии количество учителей балкарского языка и литературы в целом по республике — 182 чел. (из них с высшим образованием 173, со средним — 9). Число изучающих балкарский язык учащихся в 2020–2021 учебном году составляет 15268 (город — 9943 чел., село — 5325 чел.)². На каждого учителя балкарского языка в среднем приходится более 80 учащихся.

Проблемы в преподавании тувинского языка и литературы связаны с недостатком часов, новыми стандартами, профильным обучением в 9–11 классах, незавершенностью работы по включению в федеральный перечень соответствующих учебников, отсутствием разработанных электронных форм учебников и др. Не вызывает сомнений, что факт перехода с 2018 г. на русскоязычное образование, недостаточное количество учителей тувинского языка и литературы приведет к снижению транс-генерационной функции тувинского языка.

¹ Прежние названия министерства и отдела, сегодня это Министерство образования и науки Республики Тыва с измененной структурой.

² Информантом выступила д. ф. н., профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова С. К. Башиева.

Перспективы билингвизма в Туве

В отличие от других национальных республик России Тува долгое время была, в основном, моноязычной. Тем не менее за почти восемьдесят лет нахождения республики в составе российского государства здесь выросло по крайней мере два поколения тувинцев в новой социокультурной среде. Менявшаяся за этот исторический период языковая ситуация, непоследовательность в реализуемой билингвальной политике Тувы, отчасти связанная с непоследовательностью общей языковой политики в РФ, привели к формированию сложной ситуации коллективного билингвизма, об особенностях которого пишет Н. Ш. Александрова (Александрова, 2018, 2020).

В чем проблематичность этой ситуации? По всей видимости, в системе образования Тувы наметилась тенденция разделения сфер использования тувинского и русского языков. Очевидно, что тувинский не выдерживает конкуренции с русским языком, как и любой другой язык РФ, тем более он фактически с 2018 г. перестал быть языком обучения. А кроме того, раннее введение доминирующего языка в двуязычных учреждениях дошкольного образования также уменьшает сферы использования языка, находящегося в подчиненной позиции.

Несомненно, что такая неравновесная билингвальная ситуация в перспективе может привести к потерям в процессе межпоколенной передачи тувинской культуры, поскольку ее доминирование и устойчивость обуславливались «за счет устойчивого положения тувинского языка, его государственного статуса в республике, широкой сферы использования» (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999: 91).

Как правило, замечают ученые, смена языка проходит три стадии. Первой стадии характерно усиление давления на носителей миноритарного языка с целью принудить их к владению мажоритарным языком и в первую очередь, в публичных сферах использования. Процесс этот усиливается при условии введения мажоритарного языка в систему образования, а это «влечет за собой сокращение публичных функций миноритарного языка, (на постсоветском пространстве этот период длился с 1930 по 1990 гг.)» (Богданов, Марусенко М., Марусенко Н., 2020: 158).

Вторая стадия — период билингвизма, когда уменьшается количество молодежи, владеющей этническим языком. Как утверждают ученые, «снижение уровня языковых компетенций и сокращение сфер использования (судя по полемике, вызванной обсуждением проекта изменений “Закона об образовании” Российская Федерация уже прошла эту стадию)» (там же).

На третьей стадии происходит смена миноритарного языка на мажоритарный, который происходит в течение 2–3 поколений. Миноритарным языком владеет небольшое количество людей пожилого возраста, но в качестве коммуникативного средства он практически не используется. «Именно ощущение этой угрозы придало особую остроту дискуссии по проекту изменений “Закона об образовании”» (там же: 159).

Мы солидаризируемся с тувинскими учеными, считающими, что «обучение языку нужно начинать в раннем детстве, так как в более позднем возрасте эффективность процесса снижается. В обучение детей родному языку, передаче им народных обычаев и традиций ведущая роль принадлежит сфере семейного общения, дошкольного воспитания и школьного образования (Серээдар, 2018: 14). Однако упомянутые выше законодательные акты не предусматривали реальное осуществление подобной возможности, что обусловило формирование еще одного поколения тувинцев, у которых этнический язык переходил на периферию языкового сознания.

Свою лепту вносит и ложный тезис о «двух родных языках», инерционно продолжая свое воздействие на понимание билингвального образования как равновесного. Разговоры о преимуществе симметричного / равновесного двуязычия не выдерживают критики в силу невозможности подобного соотношения между двумя языками при коллективном билингвизме (Александрова, 2018: 36–37). «Биофизические процессы, лежащие в основе освоения языков, как и любые другие процессы, неизбежно имеют ограничения. Пластичность мозга настолько искусно обеспечивает наши потребности приобрести новые знания, освоить новый навык, что человеческие возможности кажутся нам порой безграничными. Но на службе пластичности находится инструмент забывания, который стирает то, что меньше используется, стирает старые навыки и знания, чтобы мы могли идти вперед. <...> при естественном билингвизме природой используется особая форма забывания — языковые аттриции¹» (Александрова, 2020: 175).

¹ Языковая аттриция (языковая эрозия, языковая регрессия, утрата языка, разрушение языка, от англ. *language attrition*) — процесс разрушения системы родного или хорошо освоенного языка, наблюдаемый у людей, живущих в условиях двуязычия или многоязычия, а также у страдающих разными языковыми патологиями.

Также как и тувинские ученые, Н. Ш. Александрова, убеждена, что процессу забывания может противостоять одноязычное воспитание дошкольников (если еще есть семьи, где говорят с детьми на этническом языке), а доминирующий язык следует вводить как иностранный логическим путем в школьном возрасте (Александрова, 2018). Кстати говоря, до 2012 г. практика преподавания русского на тувинском языке в ряде сельских школ Тувы — собственно и есть та модель, о которой пишет Н. Ш. Александрова. По ее убеждению, «коллективный билингвизм особенно опасен для языка национального меньшинства, ибо он более подвержен деформации, чем язык национального большинства» (там же: 35–36).

Сужение сфер использования родного языка, не владение им нередко приводит к конфликту между языковой и этнической идентичностью у молодежи (эффект «гадкого утенка» — по Э. Д. Сулейменовой, см.: Сулейменова, 2006). Однако, с другой стороны, желание учащихся расширять свои горизонты, возможности трудовой карьеры диктует задачи овладения языками международного общения — русского, английского и др. Этот диалектический процесс языковой реализации новых поколений малочисленных народов — процесс не новый. В истории человечества множество примеров свёртывания коммуникативных мощностей языковых систем, чего не скажешь об их ревитализации (Бахтикиреева, 2020: 16). В этом смысле размышления в пределах лингвистического политкорректного дискурса о невозможности допущения исчезновения языков (Марусенко, 2015: 123), маскируясь за гуманными намерениями, фальсифицируют истинную ситуацию с языками малочисленных народов (Бахтикиреева, 2020: 17).

Равное совершенство двух языков и успешное речевое общение на них в разных сферах их использования невозможно в современных реалиях. Нет сомнений в том, что «языковой вопрос является ключевым в проблеме создания единой гражданской российской нации, формирование которой является условием сохранения национального единства и территориальной целостности Российской Федерации» (Марусенко, 2015: 285). Государственный (русский) язык многонационального общества формирует и поддерживает чувство общенациональной солидарности, рассматривается не просто как часть культуры страны, но как дело политики, экономики, религии. Родной же язык является важнейшим маркером этнической идентичности, символизирующим общность человека с историей, регионом, культурой, традициями предков. Пожалуй, феномен материнского языка для человека удачнее других сформулировал философ М. Мамардашвили: «Ведь материя, о которой я говорю, обладает свойством непрерывности, бесконечности: куда бы мы ни шли, мы не можем отступить от своего бытия в ней. И куда бы мы ни пришли, мы остаемся внутри этой бесконечности» (Мамардашвили, 1992: 89). Таким образом, вопрос способности тувинского языка отвечать духу информационной эры остается открытым.

Для жизнеспособности тувинского языка необходимо помимо всего прочего последовательное формирование Национального корпуса тувинского языка, о чем пишет М. В. Бавуу-Сюрюн и ее коллеги (Бавуу-Сюрюн, 2016; Дагбажык, 2016; Монгуш, 2016; Ооржак и др., 2016; Ондар, 2016). Любой современный мировой язык, включая русский, имеет свой национальный корпус, по значению для познания языка и его развития их сравнивают с изобретением микро- и телескопа, рентгеновского аппарата, томографа и проч. Открытый весной 2004 г. Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru>) стал мощной площадкой для поиска электронного онлайн-корпуса текстов вплоть до церковнославянских, древнерусских, среднерусских. Оформление тувинского языка во всем многообразии дискурсов, развитие и становление его норм, от фонетических до стилистических и других норм требует не только много времени и усилий, подвижничества и солидарности этнической общности, но и республиканской программы с финансированием.

Преодолению существующего положения дел, как представляется, может способствовать Постановление Правительства Республики Тыва № 610 от 08 декабря 2020 г., утвердившее государственную программу Республики «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы». Этим документом 17 предыдущих постановлений, касающихся развития тувинского и русского языка в республике (в частности — упомянутые в настоящей статье), признаны утратившими силу с 1 января 2021 г.¹

¹ Постановление Правительства Республики Тыва от 08.12.2020 № 610 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700202012100001> (дата обращения: 21.01.2021).

Новая программа рассматривается как основа современной языковой политики в республике и создана с целью: а) развития русского языка как инструмента формирования и укрепления единого образовательного пространства РФ и РТ и б) создания условий для сохранения и развития тувинского языка как государственного языка Республики Тыва¹.

В этом документе подробно формулируются конкретные задачи, целевые индикаторы и показатели, объемы бюджетных ассигнований, ожидаемые результаты от реализации Программы. Среди важнейших задач обозначены поддержка и сохранение функционирования русского языка с целью консолидации российского общества, создание условий для сохранения тувинского языка как государственного языка Республики Тыва, повышение качества обучения тувинскому языку в системе образования, следование стратегии сохранения и упрочения сбалансированного тувинско-русского и русско-тувинского билингвизма. Обеспечение знания русского языка как государственного и языка межнационального общения всем населением республики будет осуществляться в соответствии со стратегией паритетного статуса и сбалансированного функционирования этих видов билингвизма в республике². Однако, следует отметить, что именно задача сохранения языкового паритета, предполагающего сбалансированное билингвальное образование является одной из самых сложных в смысле реального воплощения.

Заключение

История преобразований в сфере лингвистического образования в Тыве неразрывно связана с разновекторными изменениями национально-языковой политики России. Наряду с судьбоносными для тувинского народа позитивными изменениями неизбежными были и потери и, в частности — социокультурной и собственно лингвистической витальности тувинского языка в системе образования. По всей видимости, процесс этот закономерный, если рассматривать это соотношение в масштабах всех миноритарных языков не только в РФ, но и мире.

Новая государственная программа оценивается нами как своевременная, поскольку один из наиболее «стойких» национальных языков РФ — тувинский — претерпевает проблематичный путь своего развития во всех сферах его использования. И его перспективы сегодня зависят от способности отвечать вызовам информационной эры. Тувинские ученые справедливо писали о том, что глобальное развитие цифровых и компьютерных технологий, увеличение молодежного сегмента пользователей сети Интернет обуславливает выделение «нового этапа в функциональном развитии миноритарных языков, в частности тувинского языка — функциональное развитие в цифровую эпоху» (Цыбенова, 2018: 63).

Сегодня даже дошкольник может стать блогером, высказывать свое мнение, комментировать, добровольно входить и выходить из виртуального пространства. «Гаджет-поколение» без учителей осваивает новые электронные формы текстов, сочетающие в себе возможности и средства разных семиотических систем. Словом, современные учащиеся нуждаются в учебной литературе нового формата. Учителям, и не только обучающим тувинскому языку, необходима лингвистическая литература по электронным текстам, методические описания этих текстов для дошкольных учреждений, школ, вузов, методики работы с аутентичными и вторичными электронными, по сути, синкретичными текстами. Не менее важно концептуальное переосмысление подготовки учителей, которые в новых условиях взаимодействия с учащимися практически обязаны стать аттрактивной ролевой моделью, способной транслировать знания поколениям новой формации. И все эти вопросы, как и целый комплекс других мер предписаны в новой государственной программе. Последовательное осуществление всех намеченных в новой программе тактических шагов, как представляется, во многом определяют перспективы билингвального образования Республики Тыва.

Благодарности

Авторы благодарят Светлану Владимировну Монгуш, начальника отдела общего образования Министерства образования и науки Республики Тыва и Тамару Буурекчиировну Оюн, заведующую лабораторией этнокультурного содержания образования Института развития национальной школы Республики Тыва за предоставленные статистические данные и материалы по теме статьи.

¹ Постановление Правительства Республики Тыва от 08.12.2020 № 610 ... С. 2.

² Там же. С. 7-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова, Н. Ш. (2018) Исчезновение языков, естественный билингвизм и нелинейная динамика // Восьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 18–21 октября 2018 г. / отв. ред. А. К. Крылов, В. Д. Соловьев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 1368 с. С. 35–37.

Александрова, Н. Ш. (2020) Билингвизм и другие проявления функционирования языковой системы в свете пластичности мозга // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6 (2). С. 170–176.

Анайбан, З. В., Губогло, М. Н., Козлов, М. С. (1999) Формирование этнополитической ситуации. Т. 1. Очерки по истории постсоветской Тувы. М.: ЦИМО. 420 с.

Арефьев, А. Л. (2018) Социология языка. Национальные и иностранные языки в системе образования. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 311 с.

Бахтикиреева, У. М. (2020) Изучение и описание национальных образов коренных народов РФ посредством носителей языка, фольклора и литературы — осознанная необходимость // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Абакан, 1–2 октября 2020 г.) / отв. ред. Т.Г. Боргоякова. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова». 232 с. С. 14–22.

Беликов, В. И., Крысин, Л. П. (2001) Социоллингвистика: учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т. 317 с.

Боргоякова, Т. Г., Биткеева, А. Н. (2020) Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. № 1. С. 50–59. DOI: 10.25178/nit.2020.1.4

Бавуу-Сюрюн, М. В. (2010) Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. С. 57–71. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/500> (дата обращения: 20.01.2021).

Бавуу-Сюрюн, М. В. (2016) Вопросы создания электронных ресурсов тувинского языка: некоторые итоги, неотложные задачи и перспективы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. С. 4–27. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/610> (дата обращения: 20.01.2021).

Богданов, С. И., Марусенко, М. А., Марусенко, Н. М. (2020) Языковые переписи и мониторинги как инструмент национальной языковой политики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 344 с.

Дагбажык, А. С. (2016) Структура словарной статьи Национального корпуса тувинского языка [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. С. 36–44. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/612> (дата обращения: 20.01.2021).

Донгак, Ч. Б. (2020) Языковая политика и проблема контактного билингвизма в национальных республиках России (на примерах республик Татарстан, Тыва и Саха (Якутия)) // Вестник Тувинского государственного университета. Выпуск 1. Социальные и гуманитарные науки, № 4 (68). С. 63–72.

Мамардашвили, М. К. (1992) Законы инакомыслия // Здесь и теперь. № 1. С. 85–93.

Марусенко, М. А. (2015) Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. М.: Научно-политическая книга. 575 с.

Монгуш, Ч. М. (2016) Метатекстовая разметка в Национальном корпусе тувинского языка: структура и функциональные возможности [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. С. 45–52. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/613> (дата обращения: 20.01.2021).

Сат, Ш. Ч. (1973) Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 193 с.

Товуу, С. С., Кара-Сал, Н. М., Санчаа, Т. О. (2020) Математическое образование в условиях развития системы образования Тувы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 45–63. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.4

Ондар, М. В. (2016) База данных текстов тувинского героического эпоса: первый этап [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. С. 66–76. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/616> (дата обращения: 20.01.2021).

Ооржак, Б. Ч., Хертек, А. Б., Кужугет, М. А., Ондар, В. С. (2016) Семантическая разметка имени для Электронного корпуса текстов тувинского языка [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. С. 53–65. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/615> (дата обращения: 20.01.2021).

Очур, Н. М. (2015) Развитие двуязычия в школах Тувы в постсоветский период // Вестник ТПГУ. № 4 (157). С. 93–97.

Серээдар, Н. Ч. (2018) Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–19. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Сулейменова, Э. Д. (2006) Архетип «гадкого утенка» и языковая идентичность // «Язык и идентичность», международная научно-теоретическая конференция (2006; Алма-Ата) : сборник материалов Международной научно-теоретической конференции «Язык и идентичность», Ахановские чтения, 12–13 мая = «Тіл және сәйкестік» Халықаралық ғылыми-теориялық конференциясының материалдардың жинағы, К. Аханов тағылымы, 12–13 мамыр = Collected articles of International scientific-theoretical conference “Language and identity”, Akhanov conference, 12-13 May / редкол.: Н. Ж. Шаймерденова и др. Алматы : Қазақ университеті. 361 с. С. 15–26.

Цыбенова, Ч. С. (2013) Современная языковая ситуация в Республике Тыва : автореф. дисс. ... канд. филол. н. М. 24 с.

Цыбенова, Ч. С. (2018) Функциональное развитие тувинского языка: диахронический аспект // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. № 3 (21). С. 56–66.

Цыбенова, Ч. С. (2019) Социальная характеристика языковой ситуации в Республике Тыва // Oriental Studies. № 3. С. 460–477. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477>

Дата поступления: 01.02.2021 г.

REFERENCES

Aleksandrova, N. Sh. (2018) Ischeznovenie iazykov, estestvennyi bilingvizm i nelineinaia dinamika [The disappearance of languages, natural bilingualism, and nonlinear dynamics]. In: *Vos'maia mezhdunarodnaia konferentsiia po kognitivnoi nauke [Eighth International Conference on Cognitive Science]: Abstracts of reports*. Svetlogorsk, October 18–21, 2018 / ed. by A. K. Krylov and V. D. Solov'ev. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ. 1368 p. Pp. 35–37. (In Russ.).

Aleksandrova, N. Sh. (2020) Bilingvizm i drugie proiavleniia funktsionirovaniia iazykovoi sistemy v svete plastichnosti mozga [Bilingualism and other manifestations of the functioning of the language system in light of brain plasticity]. *Philological sciences. Scientific essays of higher education*, no. 6 (2), pp. 170–176. (In Russ.).

Aref'ev, A. L. (2018) *Sotsiologiya iazyka. Natsional'nye i inostrannye iazyki v sisteme obrazovaniia [Sociology of language. National and foreign languages in the education system]*. 2nd ed. Moscow, Yurait. 311 p. (In Russ.).

Bakhtikireeva, U. M. (2020) Izuchenie i opisaniye natsional'nykh obrazov korennykh narodov RF posredstvom nositeley iazyka, fol'klora i literatury — osoznannaya neobkhodimost' [Studying and describing national images of the indigenous peoples of the Russian Federation through the eyes of native speakers of language, folklore and literature: A conscious need]. In: *Sokhraneniye i razvitiye iazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri [Preserving and developing languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia]: proceedings of the 4th All-Russian Research Conference (Abakan, October 1–2, 2020)* / ed. by T.G. Borgoiakova. Abakan, Izdatel'stvo FGBOU VO «Khakasskiy gosudarstvennyy universitet im. N. F. Katanova. 232 p. Pp. 14–22. (In Russ.).

Belikov, V. I. and Krysin, L. P. (2001) *Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]: a textbook for universities*. Moscow, Ros. gos. gumanit. un-t. 317 p. (In Russ.).

Borgoiakova, T. G. and Bitkeeva, A. N. (2020) Tuvinskii iazyk v pravovom i funktsional'nom izmerenii [Tuvan language in legal and functional aspect]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 50–59. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Bavuu-Surun, M. V. (2010) Tuvinskii iazyk na sovremennom etape: obrazovatel'nyi aspekt [Tuvan language on modern stage: educational aspect]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 57–71 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/500> (access date: 20.01.2021). (In Russ.).

Bavuu-Surun, M. V. (2016) Voprosy sozdaniia elektronnykh resursov tuvinskogo iazyka: nekotorye itogi, neotlozhnye zadachi i perspektivy [Creating electronic resources on Tuvan language: preliminary results, current challenges and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 4–27 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/610> (access date: 20.01.2021). (In Russ.).

Bogdanov, S. I., Marusenko, M. A. and Marusenko, N. M. (2020) *Iazykovye perepisi i monitoringi kak instrument natsional'noi iazykovoi politiki [Language census and monitoring as an instrument of national language policy]*. St. Petersburg, Izdvo RGPU im. A. I. Gertsena. 344 p. (In Russ.).

Dagbazhyk, A. S. (2016) Struktura slovarnoi stat'i Natsional'nogo korpusa tuvinskogo iazyka [The structure of an entry in the National corpus of Tuvan language]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 36–44 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/612> (access date: 20.01.2021). (In Russ.).

Dongak, Ch. B. (2020) Iazykovaia politika i problema kontaktnogo bilingvizma v natsional'nykh respublikakh Rossii (na primerakh respublik Tatarstan, Tyva i Sakha (Yakutiia)) [Language policy and the problem of contact bilingualism in the national Republics of Russia: the cases of the Republics of Tatarstan, Tuva and Sakha (Yakutia)]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Issue 1. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 4 (68), pp. 63–72. (In Russ.).

- Mamardashvili, M. K. (1992) Zakony inakomyshliia [The laws of dissent]. *Zdes' i teper'*, no. 1, pp. 85–93. (In Russ.).
- Marusenko, M. A. (2015) *Iazyki i natsional'naia identichnost': sovremennye vyzovy natsional'nomu edinstvu i territorial'noi tselostnosti* [Languages and National identity: Modern Challenges to National Unity and Territorial Integrity]. Moscow, Nauchno-politicheskaia kniga. 575 p. (In Russ.).
- Mongush, Ch. M. (2016) Metatekstovoi razmetka v Natsional'nom korpusе tuvinskogo iazyka: struktura i funktsional'nye vozmozhnosti [A metatextual markup in the national corpus of Tuvan language: the structure and functionality]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 45–52 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/613> (access date: 20.01.2021). (In Russ.).
- Sat, Sh. Ch. (1973) *Formirovanie i razvitie tuvinskogo natsional'nogo literaturnogo iazyka* [The Formation and development of the Tuvan literary language]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 193 p. (In Russ.).
- Tovuu, S. S., Kara-Sal, N. M. and Sanchaa, T. O. (2020) Matematicheskoe obrazovanie v usloviakh razvitiia sistemy obrazovaniia v Respublike Tyva [Mathematical education in the development of the educational system in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 45–63. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.4
- Ondar, M. V. (2016) Baza dannykh tekstov tuvinskogo geroicheskogo eposa: pervyi etap [The structure of an entry in the National corpus of Tuvan language]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 66–76 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/616> (access date: 20.01.2021). (In Russ.).
- Oorzhak, B. Ch., Khertek, A. B., Kuzhuget, M. A. and Ondar, V. S. (2016) Semanticheskai razmetka imeni dlia Elektronogo korpusa tekstov tuvinskogo iazyka [Semantic markup of nouns and adjectives for the Electronic corpus of texts in Tuvan language]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 53–65 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/615> (access date: 20.01.2021). (In Russ.).
- Ochur, N. M. (2015) Razvitie dvuiazychiia v shkolakh Tuvy v postsovetiskii period [The development of bilingualism in schools of Tuva in Post-soviet period]. *TSPU Bulletin*, no. 4 (157), pp. 93–97. (In Russ.).
- Sereedar, N. Ch. (2018) Tuvinskii iazyk kak sredstvo obshcheniia tuvintsev: problemy i perspektivy [Tuvan language as a means of communication among Tuvans: Problems and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–19. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>
- Suleimenova, E. D. (2006) Arkhetip «gadkogo utenka» i iazykovaia identichnost' [The archetype of the “ugly duckling” and language identity]. In: Proceedings of International research conference “Language and identity”, (Akhanov Readings), 12–13 May / ed. by N.Zh. Shaimerdenova et al. Almaty, Kazak universiteti. 361 p. Pp. 15–26. (In Russ.).
- Tsybenova, Ch. S. (2013) *Sovremennaia iazykovaia situatsiia v Respublike Tyva : sotsiopsikholingvisticheskii aspekt* [The Contemporary Linguistic Situation in the Republic of Tyva: The Socio- and Psycholinguistic aspect] : Abstract of Diss. ... Candidate of Philology. Ulan-Ude. 24 p. (In Russ.).
- Tsybenova, Ch. S. (2018) Funktsional'noe razvitie tuvinskogo iazyka: diakhronicheskii aspekt [Functional development of the Tuva language: the diachronic aspect]. *Tomsk Journal LING & ANTHRO*, no. 3 (21), pp. 56–66. (In Russ.).
- Tsybenova, Ch. S. (2019) Sotsial'naia kharakteristika iazykovoi situatsii v Respublike Tyva [Language Situation in the Republic of Tuva: Social Characteristics.]. *Oriental Studies*, no. 3, pp. 460–477. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477>

Submission date: 01.02.2021.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор *Ч. К. Ламажаа*.
Редактор переводов *В. С. Макаров*.

№ 1, 2021

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/49>

*Для иллюстрации обложки использована фотография Тревора Уоллеса (США),
© Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва.*

Подписано к публикации 15.03.2021 г.

Объем - 34, 1 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия,
ул. Орджоникидзе, д. 3.
Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru